Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

Московское ЦАРСТВО

I

ИСТОРИЯ РОССИИ

THE TSARDOM OF MOSCOW 1547 - 1682

PART 1

BY
GEORGE VERNADSKY

PROFESSOR EMERITUS OF RUSSIAN HISTORY
YALE UNIVERSITY

NEW HAVEN AND LONDON
YALE UNIVERSITY PRESS

Георгий Владимирович ВЕРНАДСКИЙ

ИСТОРИЯ РОССИИ

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО

ЧАСТЬ 1

Тверь Москва
ЛЕАН АГРАФ
2001

ББК 63.3.(2)4
В35

Редакция выражает благодарность
Андрееву Алексею Алексеевичу (г. Тверь)
и Тиличкину Олегу Аркадьевичу (г. Королев, Московская область)
за неоценимую помощь
в осуществлении настоящего издания.

Оформление: *Корольков В.А.*

© Издательство ЛЕАН. 1997 г.
© Издательство АГРАФ (оформление). 1997 г.
© Беренштейн Е.П., Губман Б.Л., Строганова О.В. (перевод) 1997 г.

ISBN 5-85929-016-0

Памяти моего отца
Владимира Ивановича Вернадского
1863-1945 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эра Московского царства была динамичным периодом, имевшим колоссальное значение для исторического развития русского народа. Это была эпоха основания и расширения Русской евразийской империи, острых интеллектуальных, политических, социальных и международных конфликтов, высоких идеалов и мрачных реалий, гнетущих провалов и великих достижений.

В течение XVII века русские колонизировали Сибирь (их дальнейшая экспансия на Дальний Восток была остановлена китайцами на Амуре), осуществляли живые торговые отношения с Центральной Азией и Ираном, установили свое господство на Северном Кавказе и к концу столетия сумели поставить преграду набегам крымских татар.

К концу XV века московское правительство контролировало всю Восточную Русь и смогло заняться Западной, чтобы приступить к объединению под единым правлением всех земель, которые принадлежали Русской федерации в течение киевского периода. Эта политика привела к продолжительному конфликту с Литвой и Польшей. В течение Смутного времени в начале XVII столетия поляки, казалось, одерживали победу, им даже удалось ненадолго занять Москву.

После украинского восстания против Польши и объединения Украины с Россией (1654 г.) это положение изменилось в пользу России. После этого Россия стала сильней Польши, и была реализована часть программы, намеченной Москвой в конце XV века. С другой стороны, попытки России восстановить и расширить свои владения на Балтийском побережье потерпели неудачу. Полный контроль за устьем Невы и Финским заливом остался за Швецией.

Духовным основателем Московского царства было православное христианство. Царь рассматривался как защитник веры и хранитель справедливости. Преобладающей доктриной был союз церкви и го-

сударства, но временами также утверждалась идея высшей власти царя как над государством, так и над церковной администрацией, как, например, это делалось в XVI веке царем Иваном IV и в XVII веке — греком Паисием Лигаридом.

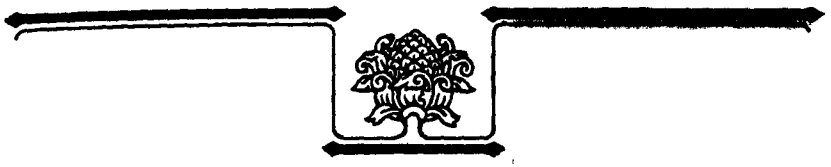
Политическая власть царя была до определенной степени ограниченна церковью, боярами и Земским Собором. Эти сдерживающие границы постепенно ослаблялись в последней четверти XVII века, когда была подготовлена почва для абсолютизма, который Петр Великий облачил в западные одежды.

С точки зрения социальных отношений на первый план выступают два направления в русской истории XVI и XVII веков: борьба мелкого дворянства с привилегиями аристократии и рост крепостничества. В конце XVI века свобода передвижения крестьян, поселившихся в земельных владениях бояр и дворян, была временно ограничена. Кодекс законов 1649 г. сделал их зависимость постоянной. К концу XVII века крепостное состояние было едва ли отличимо от рабства. Статус государственных крестьян этими мерами затронут не был.

На всех этапах своего исторического развития Россия была подвержена как восточным, так и западным культурным влияниям. В XVII столетии преобладающими стали западные влияния. После объединения Украины с Московией роль звена, передающего западные методы образования в Московию, играла Киевская академия. В самой Москве важным каналом проникновения западных идей был Посольский приказ. Высший слой московского общества — царь и бояре — постепенно ассимилировал западный стиль жизни и развлечений, а постоянный приток западных специалистов, армейских офицеров, промышленников и техников существенно влиял на экономическое развитие России и модернизацию ее армии.

Финальным результатом развития национального и иностранного потоков мысли и жизненной философии в России XVII века стал упадок духовного верховенства церкви и рост светской ментальности.

Г.В.
Нью Хейвен, Коннектикут
25 марта 1968 г.



Глава 1.

ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. Ворота в Евразию: Россия и татары в XVI и XVII веках

I

Эпоха Ренессанса и Реформации в Европе — XV и XVI века — стала свидетельницей морских завоеваний Европы во всем мире.

Для России это означало начало ее сухопутного продвижения на юг и юго-восток — к Черному и Каспийскому морям — и в восточном направлении через Сибирь — к Тихому океану.

Европейские исследователи попытались обнаружить северо-восточный путь к Тихому океану в Северном Ледовитом океане вдоль побережья Северной России и Сибири. На этом направлении англичане открыли морской путь в Московию через Белое море в 1553 г. В противоположном направлении европейцы окружили Азию с юга и востока — из Аравии к Китаю и Японии.

В восточном средиземноморье и на Переднем Востоке обрела консолидацию Османская империя — третья сила в игре России и Европы.[1] Завоевательные войны Европы и России несли побежденным народам христианскую культуру, им противостояло османское правление, представляющее мусульманский мир, или, скорее, его основное исповедание — суннитскую ортодоксию. Персия (Иран) была бастионом шиитской деноминации ислама.

В мировой истории русское продвижение на восток через Сибирь имело геополитическую параллель в англосаксонском проникновении на запад через североамериканский континент. Оба движения начались приблизительно в одно и то же время. Сибир-

ское предприятие Ермака (1581-1584 гг.) осуществлялось одновременно с поселением сэра Вальтера Рали на острове Роанок (1584 г.). Джеймстаун в Вирджинии был основан в 1607 г., в то время как Томск в Сибири был основан в 1604 г.; Якутск был основан в 1632 г., т.е. за шесть лет до Нью Хейвена в Коннектикуте. К середине XVII века русские уже пересекли континент и достигли проливов, разделяющих Азию и Северную Америку, которые позднее получили имя Беринга.

Постоянный фактор в развитии русской истории вплоть до XVIII века — влияние степных народов на Россию — достиг зенита с монгольским завоеванием Руси в XIII столетии.

В течение столетия Русь — как Западная, так и Восточная — стала частью Монгольской империи, подчиненная в основном региональному вассальному ханству империи, известному как Золотая Орда. В Западной Руси монгольское владычество завершилось в 1349 г. и сменилось господством Литвы и Польши. Восточная Русь оставалась под властью Золотой Орды еще столетие.[2]

К середине XV века Золотая Орда была разделена на три отдельных государства: Казанское ханство (созданное в 1445 г.), Крымское ханство (1449 г.) и оставшуюся часть Золотой Орды, имевшую своим центром Сарай на Нижней Волге и известную как Большая Орда. К востоку от Волги в первой половине XV века появилось несколько других государств: Тюменское ханство в Западной Сибири, Ногайская орда, Казахское ханство (ранее именовавшееся Киргизским) и Узбекское ханство. Население каждого из них представляло собой смесь монгольских правящих родов с местными тюркскими племенами, которые сами были смесью тюрков с тюркизированными иранцами.[3]

С падением Монгольской империи тюркский (татарский) элемент Золотой Орды вышел на передний план. Русские летописи и иные документы даже в монгольский период использовали термин "татары". Поэтому, как и в предыдущем томе "Россия в средние века", мы должны назвать правящий народ Золотой Орды и наследующих ей ханств "татарами", а не "монголами".[4]

Используя раздоры среди татар, великий князь московский Василий II около 1452 г. фактически освободился от татарского сюзеренитета и прекратил выплату регулярной дани. Более того, ему удалось привлечь несколько групп татар в свои владения. И в 1480 г., в правление великого князя Ивана III, Москва стала юридически независимой.[5]

Угроза нападения со стороны татар, однако, не миновала. Даже после окончательного распада Золотой Орды (1502 г.) ее наследники, Казанское и Крымское ханства, были способны создать сильную армию. Крымские ханы с 1475 г. были вассалами турецкого султана, что в определенной мере ограничивало их власть, но в то же время обеспечивало им при необходимости поддержку могущественной Османской империи.

Татарские набеги беспокоили как Восточную Русь, так и южную часть Западной Руси, т.е. как Московию, так и Украину (последняя находилась в это время под властью Литвы и Польши).

Если бы великие князья московские и короли Польши (великие князья литовские) объединили свои силы, они могли бы устранить опасность, подчинив себе как Казань, так и Крым. Вместо этого правительства Восточной и Западной Руси враждовали друг с другом, и каждое искало поддержки у татар.

В последней четверти XV века Польша и Литва заключили союз с Золотой Ордой против Московии. Иван III ответил союзом с крымским ханом Менгли-Гиреем.

В правление Василия III (1505-1533 гг.) ханы Крыма перешли на польско-литовскую сторону и совершили множество опустошительных набегов на Русь.[6]

Казанские татары также постоянно доставляли Москве беспокойство. Как Иван III, так и Василий III пытались решить эту проблему, заключая соглашения с правящими казанскими ханами и с их помощью обеспечивая правление тех, кто был дружественен Москве. Эта политика была успешна лишь частично и непродолжительное время. Существовала сильная прокрымская и антимосковская партия среди влиятельных казанских вельмож, которая взяла дела в свои руки в конце 1530-х г. И набеги казанских татар на Русь возобновились при сильной поддержке крымских ханов.

II

К середине XVI века для московских государственных деятелей стало ясно, что формальная политическая независимость Московии от татарских царей (как именовались на Руси ханы) не могла обеспечить и не обеспечила безопасность русских людей. Союз татар с Польшей угрожал самому существованию Московского государства.

Не только правительство, но и народ в целом понимали, что следует предпринять эффективные усилия, чтобы установить контроль над татарскими ханствами. Как Иван III, так и Василий III попытались сделать казанских ханов вассалами великого князя московского. Эти попытки провалились. Московским правителям оставалось лишь раз и навсегда завоевать Казань. Это было сделано в правление сына Василия III Ивана IV (ставшего царем в 1547 г.).

В 1552 г. Казань была взята штурмом, и ханство было включено в "царство Московское и всея Руси". Четырьмя годами позже к Москве было присоединено Астраханское ханство.

Весь бассейн Волги находился теперь в руках русских. На соседние народы и племена эти завоевания произвели колоссальное впечатление. Многие кабардинские князья на Северном Кавказе дали клятву верности русскому царю. В Ногайской орде, которая контролировала территорию между Нижней Волгой и Аральским морем взял власть род, дружественно настроенный к русским. В 1555 г. в Москве появились посланники сибирского хана Ядигара, чтобы выразить готовность их властителя стать вассалом царя Ивана IV.

На реализацию огромного потенциала русской победы потребовалось много времени. Хотя степная зона была разделена на две части русским завоеванием Казани и Астрахани, борьба России со степными народами не была завершена. Крымские татары продолжали контролировать русские пограничные земли в течении всего XVII века (Крым был аннексирован Россией лишь в 1783 г., при Екатерине II).

Однако при рассмотрении произошедшего в целом, события 1550-х гг. оказались главным поворотным пунктом в русско-татарских отношениях. Они заложили основание Русской евразийской империи. На новой фазе политического объединения Евразии московские цари выступили в роли наследников Чингисхана, только монголы в свое время начали свое нашествие на Русь с востока и двигались на запад, русская же экспансия шла в противоположном направлении, с запада на восток.

С геополитической точки зрения русское царство базировалось на восстановлении политического единства территории Монгольской империи. Только на этот раз центром объединения была Москва, а не Каракорум. По словам князя Трубецкого, Российская империя может быть названа наследием Чингисхана.[7]

В продолжительном процессе строительства своего государства русские полагались не только на вооруженную силу. Когда им приходилось защищаться или не было иного пути достижения целей, они сражались, но искали и другие способы добиться своего — пытались, например, привлечь на свою сторону татар и иные восточные народы и племена, заполучить их правителей в качестве вассалов или же пригласить их на царскую службу.

Эта политика периодически терпела неудачи и приносила обратные ожидаемым результаты, но по своей сути она оказалась весьма дальновидной. Это не распространилось только на крымских татар (поддерживаемых Турцией). Отчаянная борьба с ними продолжалась на протяжении всего XVII столетия. После распада Золотой Орды оставался только один независимый татарский властитель, поэтому меньшие ханы и вельможи с достаточной легкостью приносили клятву верности русскому царю.

В большинстве ханств этого периода хан не был автократическим правителем. Он зависел от могущественных аристократических родов. Москва старалась установить дружбу с влиятельными родами, чтобы привлечь их на свою сторону и создать в ханствах, где правители были настроены по отношению к России агрессивно, прорусскую партию. Эффективно действующим побудительным мотивом часто становились богатые подарки (в большинстве своем меха) потенциальным друзьям среди татарских вельмож.

В некоторых из многоплеменных ханств, подобных Казанскому и Сибирскому, татары составляли высший слой, правящий местными племенами угро-финского или иного этнического происхождения. Для этих подчиненных племен не имело большого значения, должны ли они платить *ясак* (дань, обычно мехами) татарскому хану монгольского происхождения (потомку Чингисхана) или же царю.

Золотая Орда была первоначально известна как Белая Орда. В качестве наследника хана этой орды московский правитель стал теперь "белым ханом" или "Белым царем" для своих татарских и монгольских вассалов.[8]

Эти вассальные ханы, *мурзы* (князья) и народы, подобные ногайцам (и позднее калмыкам), которые принимая царский сюзеренитет, оставались в своих прежних владениях на периферии Московии, не всегда оказывались последовательными и надежными союзниками, но все они в то или иное время в значительной мере поддерживали

русских. Наиболее верными периферийными вассалами царя были кабардинцы на Северном Кавказе.

Что же касается татар, то наибольшую помощь Москве оказывали те, что поселились в самой Московии. Они в конце концов стали органической частью того, что мы можем назвать российским содружеством.

Наиболее важной из этих татарских групп была группа, находившаяся под предводительством сына хана Улуг-Махаммеда, Касима, называемого русскими царевичем (сыном хана). В конце 1452 г. или в начале 1453 г. великий князь Василий II Московский даровал ему город Городец-на-Оке, который стал столицей нового ханства под опекой Москвы — ханства Касимова (именовавшегося русскими Касимовским царством).[9] Другие татарские князья, перешедшие на московскую сторону, также получили в качестве владений или бенефициев города вокруг Москвы.

После завоевания Казани казанские татары и подчиненные им народы, подобные башкирам, чувашам и черемисам (мари), стали подданными царя либо (некоторые, после временного сопротивления) пошли к нему на службу. Князья (*мурзы*) в каждом случае получали статус русских дворян. Они составляли другой важный элемент татарских (и связанных с ними) служилых людей.

Царь не вмешивался в религиозные верования татарских (и позднее калмыцких) вассалов и подданных. Русским казалось естественным, что восточные народы должны унаследовать свою собственную веру — будь то ислам или буддизм. Характерное заявление относительно собственной политики терпимости по отношению к исламу было сделано царем Иваном IV турецкому султану в 1570 г.

"Наш государь, — сказал его посланник И.П. Новосильцев, — не враг ислама. Его вассал царь Саин-Булат правит в Касимове; царевич Кайбула — в Юрьеве; Ибак — в Сурожском стане; ногайские князья — в Романове. Все они свободно воздают дань Мухаммеду в своих мечетях".[10]

В этих словах мы ощущаем осознание царем Иваном IV евразийской природы его империи.

Кроме вассальной зависимости, другим путем поступления татар на царскую службу было самостоятельное перемещение их в Московию. В большинстве подобных случаев вновь прибывший охотно переходил в русскую православную веру и, если он принадлежал к дворянству, был принят согласно его положению. Его потомки быстро принимали русские традиции и образ жизни.

Согласно вычислениям Н.П. Загоскина, 156 русских дворянских семей были татарского или иного восточного происхождения.[11] Среди них выделялись в XVI и XVII столетиях Вельяминовы-Зерновы, Сабуровы и Годуновы.

По московскому порядку, татарские цари и царевичи занимали высокое положение и обладали преимуществом в дворцовых ритуалах, вне зависимости от того, оставались ли они мусульманами или крестились. После крещения они могли даже претендовать на московский трон.

В 1573 г. вышеупомянутый Саин-Булат, царь Касимова, решил принять христианство (получив при этом имя Симеона) и поэтому должен был уйти с трона Касимова. Два года спустя Иван IV назвал Симеона *великим князем* московским, а *себя* – его *вассалом* в качестве удельного князя. Симеон носил титул царя (как бывший царь Касимова). Решение Ивана IV изменилось в 1576 г.; он вновь принял трон московский и сделал царя Симеона великим князем тверским.

В ситуации с царем Симеоном в Московии характерно, что впоследствии, после смерти царя Федора в 1598 г., он был одним из кандидатов на трон. Правда занял его тогда Борис Годунов (русский боярин татарского происхождения).

Рассмотрев все это, есть много оснований утверждать, что татары, став частью русского государства и общества, принимали активное участие в создании Русской евразийской империи.

К середине XVII века система мусульманских татарских анклавов в Московии исчерпала себя. В конце августа 1653 г. тогдашний царевич Касимова Сеид Бурган (сын царя Арслана) перешел в христианство, возможно при некотором давлении со стороны царя Алексея и патриарха Никона. Он получил христианское имя Василий. В противовес прежней традиции он продолжал возглавлять ханство Касимова, хотя большинство его подданных оставались мусульманами. Василий умер около 1679 г. После его смерти царством Касимовским номинально правила его мать, царица Фатима (вдова Арслана). Когда она умерла (ок. 1681 г.), царство перестало существовать, и город Касимов с его районом был переведен под русскую администрацию Касимовские татары получили разрешение оставаться мусульманами.[12]

Даже после 1653 г., в период правления царя Алексея Михайловича, татарские царевичи – теперь уже лишь крещеные – продол-

жали занимать почетное место при царском дворе, но они утеряли свою значимость в армии и администрации.[13]

Среди периферийных народов на юго-востоке и востоке следует специально упомянуть о черкесах на Северном Кавказе. Князья их западной ветви, адыгейцев, которые жили вблизи Черного моря, попали под сюзеренитет крымского хана и турецкого султана. Но князья восточной ветви — кабардинцы, жившие в горной местности, в 1557 г. присягнули на верность царю Ивану IV С этого момента большинство кабардинцев последовательно поддерживало Москву против крымских татар и, в XVII веке, — против калмыков. В 1561 г. царь Иван, первая жена которого умерла в 1560 г., женился на кабардинской княжне. Ее братья и некоторые другие родственники пошли на царскую службу. Они именовались князьями Черкасскими (черкас — старорусское имя черкесов), и многие из них стали выдающимися московскими военачальниками и государственными деятелями.

III

Московская политика подготовила почву для юго-восточной экспансии русского государства. Государственная политика переселения в XVI веке сопровождалась перемещением как из Восточной, так и из Западной России на юг, в степную зону. людей пограничья, известных как казаки (в русском используется термин "казак", в украинском — "козак").[14]

Казаки были организованы в военные содружества, также называемые "войском". Несколько подобных военных коммун появилось в XVI веке: "выше днепровских порогов" — (Запорожье). сообщество украинских казаков[15]; донская казачья армия; яикские и терекские армии (последняя — на Северном Кавказе). Они располагались в долинах рек, поскольку там были менее доступны для татар. Их армии были организованы традиционным для степных народов образом: подразделения из десяти (*десяток*), ста (*сотня*) и тысячи (*тысяча*) человек; тысячное подразделение было известно как *полк*.

Казаки оказались незаменимыми союзниками как для Московии, так и для Польши в борьбе против татар и Турции. Время от времени запорожские и донские казаки предпринимали дерзкие морские набеги на турецкие города, расположенные на побережье Черного моря.

Казаки вели себя независимо и не всегда согласовывали свои действия с Москвой и Польшей. Когда казацкая морская экспедиция

организовывалась в мирный период, она создавала неудобства и для московитского и для польского правительств, что вело к конфликту между казаками и царем или *сеймом* (польским парламентом).

Как польское, так и московское правительства пытались держать казаков под своим контролем. Польский король, Стефан Баторий, попытался ограничить деятельность казаков, сделав их регулярной пограничной службой, верной ему и находящейся под командой назначенных им офицеров. Это было началом института "реестровых" казаков на польской службе.[16]

Московское правительство признавало донскую и иные восточно-русские казацкие армии как отдельные государства до 1614 г., когда донские казаки признали вассальную зависимость от царя.

В то же время, однако, Москва формировала внутри своих границ иные казацкие соединения из тех, кто прямо соглашался пойти на царскую службу. Эти группы организовывались по казацкому типу внутри каждого соединения, но находились под командованием московских армейских командиров. Эти "служилые казаки" играли важную роль в защите южных границ Московии, равно как и в русском завоевании Сибири.

Реки, вдоль которых селились свободные казаки, изобиловали рыбой. В ранний период рыболовство было главной ветвью казацкой экономики. Позднее для донских казаков приобрело важное значение коневодство. Военные трофеи были другим важным доходом казацких армий. До конца XVII века земля на Дону не возделывалась.

Распространение русского сельского хозяйства на восток и юг стало возможным лишь после завоевания Казани.

Первоначальным побудительным мотивом русского проникновения в Сибирь был поток мехов и выгоды от торговли мехом. Сначала колонизация шла медленно, но к середине XVII века позиции русских в Сибири стали достаточно устойчивыми. К этому времени большое значение в Сибири приобрели поиск залежей железа и иных металлов и их обработка и плавление.

Даже после завоевания Казани, когда для русской сельскохозяйственной колонизации открылось Поволжье, проникновение переселенцев из сердца Московии на юг, в степную зону, в значительной степени сдерживалось сопротивлением крымских татар. Борьба Московии с ними продолжалась в течении всего XVII столетия. Крымское ханство было само по себе грозной военной силой, и когда это

требовалось, хан обращался к помощи своего сюзерена, османского султана. Более того, татары пользовались московскими конфликтами с Польшей. Поляки охотно шли на союз с ханом, надеясь что его поддержка поможет им взять верх над Москвой.

Крымские татары совершали набеги на московские южные границы почти каждый год. 1586-1574 гг. в этом отношении оказались особенно тяжелыми для России.[17]

В 1569 г. турки при поддержке крымских татар начали амбициозную кампанию против Астрахани. Их грандиозные планы однако, провалились.

Турки не повторили свой поход на Астрахань. Татары, которые лишь наполовину поддерживали эту кампанию, оказались более опасными для России, нежели турки. Летом 1571 г. крымский хан Девлет-Гирей с сильной армией подошел к Москве. Ему не удалось захватить Кремль, но он сумел спалить весь посад. Девлет-Гирей повторил свой набег в следующем году, но в этот раз русские были более бдительны и отразили нападение татар.

Между 1572 и 1584 гг. (дата смерти царя Ивана IV) татары и ногайцы ежегодно совершали набеги на пограничные московские провинции, но меньшими силами, нежели в ходе кампании Девлет-Гирея 1571 и 1572 гг. В правление царя Федора заботами Бориса Годунова рубежи Москвы были укреплены, и нападения татар постепенно прекратились. После 1591 г. татарских рейдов почти не было.

Ситуация изменилась в Смутное время. Крым заключил союз с Польшей. Ногайцы также не преминули поживиться за счет Московии. Восстановление порядка в России в 1613 г. и избрание на трон Михаила Романова привели к установлению более мирных отношений между Москвой и Крымом. Между 1618 и 1630 гг. крупных татарских набегов на московские владения не было.

Новый кризис возник во время Смоленской войны между Москвой и Польшей (1632-1634 гг.). Крымский хан вновь выступил на стороне Польши. В 1637 г. донские казаки захватили Азов, что чуть не привело к полномасштабной войне между Москвой и Турцией. Но Москва уступила, и казакам пришлось в 1642 г. оставить Азов.

Татарские набеги на Московию продолжались до конца 1640-х гг. Очередная смена декораций пришлась на начало в 1648 г. украинской войны с Польшей. Глава запорожских казаков гетман Богдан

Хмельницкий заключил союз с крымским ханом. В течение нескольких лет татары были вовлечены в казацко-польскую войну.

После объединения Украины с Москвой в 1654 г. татары вновь изменили свою политику и стали на сторону Польши и сочувствующий ей казаков. В 1676 г. казаки под управлением гетмана Дорошенко стали вассалами турецкого султана. Последовала война между Москвой и Турцией, поддержанной крымскими татарами (1676-1682 гг.).

С помощью "левобережных" казаков, которые оставались верны объединению, Москве удалось сдержать турецкий натиск.[18] Но в результате войны большая часть "правобережной" Украины (теперь разделенной между Польшей и Турцией) была разорена.

В 1686 г. между Москвой и Польшей был заключен союз. В 1687 г. и в 1689 г. Москва и левобережные казаки предприняли две кампании против Крыма. Кампании были неудачными, но они показали, что баланс власти смещается и теперь татарам придется занять оборонительные позиции.

Ущерб, нанесенный русскому народу постоянными татарскими набегами в XVI и XVII веках был огромен. Каждое вторжение сопровождалось грабежами и поджогами крестьянских деревень и дворянских имений, и толпы пленников — мужчин, женщин и детей — угонялись в Крым. Некоторых пленников татары оставляли у себя в качестве рабов. За других просили у русского правительства выкуп. Большинство продавалось в Каффе и на других невольничьих рынках для вывоза за границу. Османское правительство и турецкие купцы охотно покупали русских пленников.

Захват пленных составлял главную цель татарских набегов. Общее число пленных, уведенных татарами из Московии в XVI и XVII столетиях, может быть оценено лишь приблизительно. Источники содержат цифры относительно многих походов, но нам не известно, все ли они надежны.

Может показаться, что в XVI веке (до 1591 г.) татары захватили большее число московитов, нежели в XVII веке. Объяснением тому может быть укрепление русской системы обороны и ее лучшая организация в XVII веке.

Согласно исчисленьям Новосельского, общее число пленников, захваченных татарами в Московии в течение первой половины XVII века не могло быть менее 150 или 200 тысяч человек. Сам Новосельский признает, что это — минимальное количество.[19] Поскольку циф-

ровые данные в источниках недостаточно полны, мы можем предположить, что реально общее число больше. Татарские набеги на Украину были еще более опустошительными, чем на Москву (где защита была лучше организована).[20]

Работорговля обеспечивала татарам значительный доход. Крымский хан после каждого рейда оставлял часть пленников себе, как правило, это составляло от 5 до 10 % захваченных. В 1640-х гг. хан Ислам-Гирей получал свою долю не живым товаром, а деньгами — 10 золотых монет (8 московских рублей) за человека.

Цены на рабов менялись в зависимости от количества захваченных в каждом набеге и покупательского спроса. Средняя стоимость хорошего пленника (сильного и здорового) составляла 50 золотых монет (40 рублей). Размеры выкупа, требуемого за пленников, превышали рыночную стоимость рабов и часто были непомерными.

В 1640 г. татары привели в резиденцию московских посланников в Крыму И. Фустова и И. Ломакина несколько недавно захваченных пленных с целью выкупа. Посланники выкупили некоторых из них, в том числе двух крестьян, за которых они заплатили 80 рублей за каждого. За сына боярского И. Жукова татары потребовали выкуп в 500 рублей. Когда посланники отказались заплатить эту сумму, татары начали пытать Жукова. Чтобы спасти его, посланники предложили 180 рублей наличными, а Жуков поклялся доплатить по возвращении домой (предположительно, посланники гарантировали уплату).

В 1644 г. новые московские посланцы в Крыму заплатили 100 рублей выкупа за пушкаря Е. Прибыткова, который поклялся добавить еще 600 рублей.[21]

Московское правительство почти каждый год должно было тратить значительные средства на выкуп пленников. Например, в 1644 г. траты на эти цели составили 8500 рублей; в следующем году — 7357 рублей. Эти суммы составили лишь часть татарского дохода от выкупа пленников, поскольку во многих случаях пленники должны были платить татарам сверх правительственных взносов. В XVII веке правительство ввело специальный налог на покрытие собственных расходов по сделкам о выкупе, так называемые *полоняничные деньги*.

Общая сумма дохода татар, получаемая со сделок по выкупу и торговли пленниками, должна была достигать в первой половине XVII столетия многих миллионов рублей .[22]

Необходимость быть всегда готовым к татарским набегам заставляла московское правительство мобилизовывать каждое лето (в это время обычно приходили татары) значительную часть дворянской армии к югу от Оки. В стратегических точках воздвигались крепости, становившиеся опорой линий оборонительных укреплений. Все это требовало денег и рабочих рук.

Одновременно с организацией обороны против татар Москва старалась предотвратить их набеги дипломатическими путями, в частности, преподнося крымскому хану и вельможам значительные подарки (*поминки*), что почти становилось постоянной данью. Каждое московское посольство к хану (обычно каждые два года посылали двух человек) везло дорогие подарки, в большинстве своем сибирские меха.

В период с 1613 г. по 1650 г. общая сумма таких подарков составляла от 7000 до 25000 рублей в зависимости от политической ситуации.[23]

Также дорого стоило содержание крымских посланцев в Москве. Московский Посольский приказ должен был обеспечивать татарских посланников продовольствием и давать им подарки. В 1646 г. подобные траты превысили 8000 рублей.

В XVII веке новые московские посланники обычно посылались в Крым в то же время, когда крымские приезжали в Москву. Обмен послами происходил в Валуйках. Согласно установившемуся обычаю, татары, сопровождавшие своих посланников в Валуйки, получали от московского правительства подарки и продукты. Средние расходы каждый раз составляли около 1500 рублей.

Также существовали расходы московского Посольского приказа на жалованье и экипировку собственных посланников в Крым, на обслуживающий персонал, военный эскорт и на их транспортные расходы.

Московские расходы на осуществление дипломатических отношений с Крымом в первой половине XVII столетия рассчитывались следующим образом:

Подарки (поминки) — 37400 рублей
Платежи при обмене посланниками — 45000 рублей
Содержание крымских посланников в Москве — 265000 рублей
Расходы московских посольств в Крыму — 224000 рублей
Всего: 908000 рублей.[24]

IV

Отношения с Крымом, Польшей и странами Балтии составляли главную проблему для московской внешней политики в течение XVI и XVII столетий.

Решение крымского вопроса для московской дипломатии прежде всего заключалось в том, чтобы остановить татар или по крайней мере сократить число их набегов на Московию. Конечной целью борьбы Московии с татарами было достижение северных берегов Черного моря (которые были доступны русским в раннее средневековье). Радикальное решение проблемы — присоединение Крыма — было поставлено на повестку дня в 1550-х гг., но не достигнуто до конца XVIII века.

Что касается польской проблемы, Московия не оставляла надежды присоединить западнорусские земли, которые контролировались Польшей и Литвой с середины XIV века. В домонгольский период все русские княжества — восточные и западные — были частью Киевской федерации.

Политика объединения Западной и Восточной Руси под властью Москвы получила начало в правление Ивана III. В течение Смутного времени Польша нанесла ответный удар и почти преуспела в воцарении польского кронпринца на московском троне. После украинского восстания 1648 г. расстановка сил изменилась в пользу Москвы.

Северной аналогией черноморской проблемы была балтийская. Русские имели доступ к Финскому заливу с давних времен и сохраняли его до 1583 г., когда территория вокруг устья Невы была сдана Швеции. Москва вновь получила контроль над ней в 1595 г. и потеряла в Смутное время (1617 г.). Очередная попытка Москвы завоевать эти земли в 1650-х гг. была неудачной.

Все проблемы, стоящие перед московской дипломатией в XVII веке — Черное море, Западная Русь и Балтика, — были тесно переплетены.

Отношения с Крымом повлияли на всю систему московской внешней политики в XVI и XVII веках.. Дипломатическая ситуация могла сложиться в виде треугольника или квадрата в различных комбинациях: Москва, Крым, Польша; Москва, Польша, Швеция и Крым; Турция, Украина, Москва, Польша; Швеция, Москва, Турция, Украина, Польша.

В течение второй половины XVI и первой половины XVII столетий базовым треугольником выступали Москва, Крым и Польша. Для

Польши Крым представлял меньшую опасность, нежели для Москвы, равно как и Польша для Крыма. Подъем Москвы угрожал как интересам Крыма, так и Польши. Поэтому было естественным, что две эти силы, как было в Ливонскую войну (1558-1582 гг.) и в Смутное время (1607-1617 гг.), обычно объединялись против Москвы.[25]

Отдельные попытки Москвы и Польши заключить союз против Крыма были неудачными. Главной причиной их провала было отсутствие доверия между сторонами, о чем честно сказал литовский посланник в Москве в 1558-1559 гг. В. Тышкевич: "Как только Крым падет, вы повернетесь против нас".[26]

Между Польшей и Крымом также не было особого доверия. Временами Польша искала помощи крымского хана (и иногда турецкого султана) против Москвы. Тем не менее король Стефан Баторий и позднее король Сигизмунд III считали, что Польша, как римско-католическая сила, должна помогать папе и Венеции в организации христианского крестового похода против неверных турок и татар.

Завоевание Москвы Польшей в случае его реализации должно было стать прелюдией к кампании против Турции и крымских татар. Польский план имел две цели: обратить еретиков-московитов в римскую веру и, установив через Московию контакты с Персией, окружить Османскую империю.[27]

Отношения между Московией и Польшей улучшились после Андрусовского перемирия 1667 г. В 1686 г. между ними был заключен "вечный мир", и Московия временно объединилась с Польшей в Христианской лиге против Турции и татар.

Во второй половине XVII века альянса с татарами начала искать Швеция. Более того, шведы интересовались контактами с Османской империей. Эта тенденция в шведской политике продолжалась на протяжении XVIII века. Шведский король Карл XII существенно повлиял на русско-турецкие отношения, став инициатором войны 1711 г. между Россией и Турцией. Это случилось в период великого состязания Петра Великого со шведами в контексте многонациональной Северной войны. Татары как вассалы султана сильно поддерживали турок.

Итак, как и во времена Ливонской войны в правление Ивана IV, проблема Черного моря стала связанной с балтийской, и одним из ведущих факторов в этой ситуации были крымские татары.

2. Начало царства: первый период реформ.

I

"Собирание земли Русской", которое произошло в царствование Ивана III (1462-1505 гг.) и Василия III (1505-1583 гг.), установило власть Москвы надо всеми "великорусскими" землями и княжествами.[28] Оставалась, однако, гигантская задача интеграции вновь приобретенных земель с центральной Московией, равно как и задача приспособления позиций различных классов общества и экономической активности людей к новым условиям.

Во внешней политике присутствовали вечные проблемы борьбы с постоянными татарскими набегами и подготовки к конфликту с Польшей и Литвой. С военной точки зрения это означало необходимость создания сильной и боеспособной армии.

Глубокие изменения, порожденные эволюцией русского государства и общества, не могли не сопровождаться интенсивным интеллектуальным брожением в России — религиозным и политическим.

Отношения между государством и церковью, правителем и народом, властью и долгом правителя, конфликт интересов между боярами и дворянством, конфронтация бедных и богатых — все эти вопросы стали животрепещущими и горячо обсуждались.

В этой атмосфере кристаллизировалась важная религиозно-социальная идея святого Христианского Православного Царства.

"Старец" Филофей из Елиазарова монастыря во Пскове в первой четверти XVI века определил эту идею в виде православной философии истории. Согласно Филофею, Москва — "Третий Рим". Когда первый Рим отклонился от ортодоксии, центром православного христианства ("Вторым Римом") стал Константинополь Объединение греков с "Первым Римом" на Флорентийском соборе (1439 г.)означало предательство ими православия, за что они были наказаны турецким завоеванием Константинополя и падением Византийской империи (1453 г.). Теперь Москва стала "Третьим Римом" -- единственным прибежищем православного христианства. *"Два Рима пали, третий стоит, и четвертому не быть"*.

Московский царь — единственный оставшийся православный правитель мира. На его долю выпала задача защиты последнего прибежища православной церкви и превращение Руси в подлинно православное царство.[29]

Филофей утверждал, что недостатки в русской церкви и жизни могут быть устранены, поскольку "новое русское царство базируется на (чистоте) православной веры".[30]

В особенности он побуждал царя сохранить церковные земельные владения и воспрепятствовать мирской власти вмешиваться в компетенцию церковных судов. Далее Филофей протестовал против случаев симонии в назначении епископов и священников. Он сожалел по поводу беззаботности русских в "осенении крестным знаменем" и свободы их моральной жизни — существовании привычек содомии.

Поскольку, по мысли Филофея, русский царь стал наследником византийского императора в православном христианском мире, на него возлагаются и обязанности византийского императора относительно церкви. Новое русское царство должно быть, подобно Византийской империи, симбиозом церкви и государства, прочно связывающим духовную и мирскую сферы.

В византийской религиозно-политической мысли можно выделить два основных потока. Приверженцы одного полагают, что император был главой как государства, так и церкви. Это было продолжением традиций Римской империи с ее культом императора, верховного священника (Pontifex Maximus).[31]

Дьякон Агапит (VI в.) полагал, что император получает свою власть от Бога. "*Хотя телесно император подобен всем иным людям, по власти своей он подобен Богу*".[32] Император Лев Исавр (VIII век) провозгласил, что он — император и священник. Канонист Деметриос Коматенос (XIII век) учил, что "*император обладает всеми привилегиями епископа, за исключением проведения церковных служб*". В России фраза Агапита была повторена настоятелем Иосифом Саниным (Волоцким в XV или в начале XVI века).[33]

Более характерной для византийской православной мысли является другая доктрина — "симфонии" церкви и государства, воплощенной в гармоничном союзе двух глав православного общества — патриарха и царя.[34] В VI веке эта идея была четко выражена в предисловии к шестой новелле императора Юстиниана. Вкратце его сущность такова: человеческое общество получило от Бога два дара — священство (sacerdotium) и царство (imperium). Первый относится к делам духовным, второй — к мирским.

Предисловие к шестой новелле было включено в византийский "Nomocanon" (сборник церковных канонов и светских законов), сла-

вянский перевод которого был известен в России уже в XIII веке. Византийский учебник законов конца IX веке, известный как "Epanagoge", базировался на принципах шестой новеллы. Предположительно, он был скопирован в течение второго патриархата Фотия, около 683 г., и выражал его идеи.

Глава 1 "Epanagoge" дает общее определение закона и справедливости. Глава 2 относится к власти императора; глава 3 – к власти патриарха. Император "является законосозидающей властью (ennomos), /направленной на/ защиту общего благосостояния его подданных" /II, 1/.

"Патриарх – живой и воплощенный образ Христа, выражающий истину в своих делах и словах...Особо надлежит патриарху назидать /народ/, одинаково относясь к вельможам и простолюдинам, быть мягкими в справедливости, умелыми в разоблачении неверных, открыто говорить правду императору и бесстрашно защищать догмы /веры/ перед ним" /III, 1 и 4/.[35]

В середине XIV века основные статьи "Epanagoge" были включены в "Syntagma" (Сборник) византийского канонического законодательства Матэуса Бластара. Эта книга была переведена на славянский в Сербии. Выдержки из "Epanagoge" были включены в "Законник" царя Стефана Душана (1349 г., пересмотренный и расширенный в 1355 г.). Вскоре копии славянского перевода "Syntagma" Бластара появились на Руси. Принципы византийской доктрины "симфонии" церкви и государства, таким образом, стали доступны русским.

В конце XV и в первые три десятилетия XVI веков политический и интеллектуальный климат в Москве не был благоприятен восприятию какой-либо доктрины – будь то шестая новелла Юстиниана или "Epanagoge". Такие церковные лидеры, как настоятель Иосиф Волоцкий и митрополит Даниил охотно признали опеку великого князя над церковью.[36] Ситуация изменилась в 1542 г., когда московским митрополитом был избран новгородский архиепископ Макарий.

Иван III и Василий III иногда называли себя царями. Сын Василия Иван IV при коронации в 1547 г. был провозглашен царем уже официально.

В последние годы правления Василия и регентство его вдовы Елены правительством была предпринята широкая программа строительства церквей и монастырей в соответствии с доктриной православного царства.[37]

Одновременно с целью защиты Москвы от татарских набегов, равно как и для усиления русской защиты от Литвы и Польши, была сооружена линия крепостей в стратегически важных точках. Чиновники, ответственные за "городовое дело", строительство и поддержание городских стен по всей России, получили большую власть. Городовой приказчик стал вторым по чину человеком после царского наместника.[38]

Для повышения боеспособности армии в царствование Василия III было создано войсковое подразделение, вооруженное пищалями. Позднее его воинов стали называть *стрельцами*.[39]

В 1538 г. правительственным строительным работам был нанесен серьезный урон. Некоторые влиятельные бояре (в особенности князь Шуйский) пытались противодействовать диктатуре Елены и ее советников, в ряду коих выделялся ее любовник, князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский. 3 апреля 1538 г. Елена внезапно скончалась. Предположительно, она была отравлена. Шесть дней спустя по приказу бояр Оболенский был брошен в тюрьму, где умер голодной смертью.

Боярская Дума теперь приняла на себя управление государством, но между ее членами было мало согласия. За власть боролись две враждующие группировки — одну возглавляли князья Шуйские, другую — князья Бельские.

Бельские в противовес политическим притязаниям княжеских семей дома Рюриковичей хотели укрепить власть центрального правительства. Их поддержали некоторые князья литовского происхождения, подобные князю Петру Щенятеву, а также некоторые некняжеские московские боярские семьи.

Шуйские, напротив, пытались укрепить в московском правительстве роль владетельных князей. Для этого они были готовы признать некоторую степень автономии отдельных территорий, в особенности Новгорода.[40]

28 октября 1539 г. по инициативе Шуйских население Белоозерского уезда получило грамоту, согласно которой задача опознания и суда над преступниками изымалась из юрисдикции наместников и передавалась судьям, избранным из местного дворянства, которому помогали представители крестьянства.[41] Эта грамота, за которой последовали другие, оказалась важным этапом в процессе реформирования провинциального правления в 1550-х гг.

Сначала Шуйские одерживали верх над Бельскими. 2 февраля 1539 г. митрополит Даниил был насильственно смещен со своего поста и отправлен в Волоцкий монастырь. Здесь под принуждением он подписал заявление об отречении. Собор епископов избрал митрополитом настоятеля Троицкого монастыря Иоасафа. Иоасаф принадлежал к последователям отшельника Нила Майкова (Сорского), так называемым *нестяжателям*, которые считали, что монастыри не должна владеть земельными угодьями, это противоречит духу христианского монашества и, следовательно, недостойно монахов.[42]

Изгнав митрополита Даниила, Шуйские попытались избавиться от князя Ивана Федоровича Бельского, заключив его в тюрьму. Некоторое время их плану мешал новый митрополит Иоасаф, чью кандидатуру на митрополичью кафедру Шуйские прежде одобрили. Действуя от имени великого князя Ивана (ему было тогда десять лет), Иоасаф смог освободить Бельского из тюрьмы, и тот стал ведущей фигурой в правительстве.

Возмущенный глава клана Шуйских, князь Иван Васильевич, перестал в знак протеста являться на заседания Боярской Думы. Вскоре его последователи — бояре и "сыны боярские", в особенности из Новгорода — организовали мощный заговор против Бельского и поддерживающих его. Ночью 3 января 1542 г. Бельский был арестован заговорщиками. Он был вывезен в Белоозеро и заключен там в тюрьму (в мае он был убит агентами Шуйских). Князь Петр Щенятев был выслан в Ярославль, цитадель удельных князей дома Рюриковичей.

Митрополит Иоасаф запросил об убежище во дворце великого князя. Заговорщики бросились за ним и ворвались в спальню юного Ивана IV. Иоасаф скрылся в московском подворье Троицкого монастыря. Здесь он был схвачен новгородскими участниками заговора. Они начали издеваться над ним и угрожали убить. Только благодаря вмешательству одного боярина (самого участника заговора) и настоятеля Троицкого монастыря его жизнь была спасена. Но с поста митрополита его сместили.

Поскольку новгородцы приняли активное участие в январских событиях, естественно, что Шуйские не стали возражать против решения заменить Иоасафа новгородским архиепископом Макарием. 16 марта епископский Собор избрал его митрополитом московским и всея Руси. Его рукоположение состоялось три дня спустя.

Выбор оказался удачным. Макарий стал одним из величайших церковных деятелей Руси.

II

Несмотря на соперничество среди бояр , которое весьма осложняло жизнь придворных и высших чинов, правительственная машина продолжала функционировать. Рутина административной работы лежала на плечах дьяков и их помощников — ***подьячих***.

Среди подьячих, которые начали службу между 1538 и 1542 гг., был Иван Михайлович Висковатый (ставший дьяком в 1549 г.), человек, которому суждено было сыграть важную роль в государственных делах в 1550-х и 1560-х гг.

Как показали дальнейшие события, наиболее негативным результатом политики и поведения Шуйских было их влияние на характер юного великого князя. О мальчике Иване хорошо заботились до смерти его матери, ко времени которой ему было восемь лет. Потеряв свою мать, он также лишился любимой им воспитательницы, боярыни Аграфены Челядниной, урожденной Оболенской, сестры любовника его матери. Аграфена была вывезена в Каргополь.

Мальчик чувствовал себя совершенно одиноким в недружелюбном мире. Он жил на двух различных уровнях. Официально как великий князь он играл ведущую роль в великолепии дворцовых и церковных церемоний, торжественно восседал на троне, когда принимал зарубежных послов и оделялся внешним уважением и лестью. В противоположность этому, в каждодневной жизни во дворце его игнорировали, недокармливали и унижали. Более того, с ним не только обращались без уважения к его статусу великого князя, не выказывалось никакого почтения и к памяти его отца, Василия III.

Чувства оскорбленности, страха и ненависти все еще горели в Иване и более чем через два десятилетия спустя, когда он написал письмо князю Андрею Курбскому (1564 г.): "*Каких только страданий я не испытал, не имея одежды, и от голода! Поскольку всюду моя воля не принадлежала мне; все было против моей воли и не приличествовало моему нежному возрасту. Я хорошо помню одну вещь: в то время как мы (Иван и его младший брат Юрий) играли в детстве в младенческие игры, князь Иван Васильевич Шуйский сидел на скамье, опираясь своими локтями на постель нашего отца, а своей ногой на стул; и он даже не обращал свою голову к нам — ни отечески, ни как господин... Кто может выдержать такую надменность?*".[43]

Постоянно испытываемые презрение и страх могли лишь болезненно затронуть нервную систему мальчика Ивана. Это была причина, повлиявшая на его эмоциональную неуравновешенность в конце жизни.

Мальчик рос и, равно как и бояре вне клики Шуйских, стал задумываться о сопротивлении. Шуйские со своей стороны старались устранить из окружения Ивана любого потенциального соперника.

Согласно воспоминаниям Ивана, "*князь Андрей Шуйский вместе с его сторонниками пришел в нашу трапезную, и в бешенстве схватив и подвергнув бесчестью перед нами нашего боярина, Федора Семеновича Воронцова, они выволокли его из нашей трапезной и хотели убить его. И мы послали к ним митрополита Макария и наших бояр, Ивана Григорьевича и Василия Григорьевича Морозовых, с нашим приказом не убивать его, и они, едва выслушав наше повеление, выслали его в Кострому; и они огорчили митрополита оскорблением, и они порвали его плащ на лоскутки... и они вытолкали наших бояр в спину*".[44]

Это случилось 7 сентября 1543 г. Ивану было в это время тринадцать. Он решил при первой же возможности нанести ответный удар. 29 декабря он приказал схватить князя Андрея Шуйского и заключить в тюрьму. На пути в тюрьму люди царя убили Шуйского. Троих же ближайших советников князя Андрея, князя Федора Ивановича Скопина-Шуйского, князя Юрия Темкина и Фому Головина, отправили в ссылку.[45]

Сохранив право поступать по собственному усмотрению, Иван окружил себя группой союзников из московской "золотой молодежи" и продолжил предаваться веселым наслаждениям, в том числе и садистским. В своей "Истории великого князя московского", написанной в 1578 г. или вскоре после того, современник и известный противник Ивана III, князь Андрей Михайлович Курбский, рассказывал, что Иван наслаждался, выбрасывая животных из окон своего терема и наблюдая их страдания и конвульсии. Посещая со своими дружками рынки и улицы Москвы, он мог затоптать или избить прохожего, все равно мужчину или женщину.[46]

Современный историк Е.Ф. Шмурло верно подмечает: "Зверь был уже в нем (Иване)".[47] И все же Иван обладал противоречивой природой. "Зверь" был наделен острым интеллектом.

Он не получил систематического образования, но с детства был жадным читателем теологических и исторических книг. Из Библии и иных источников он привык извлекать аргументы в пользу поня-

тия о божественной природе и всемогуществе царской власти. Может показаться, что в своем чтении Иван был до определенного предела направляем митрополитом Макарием, одним из немногих людей, которым Иван мог доверять и кого уважал в детстве.

Вследствие жизненных обстоятельств своей юности, Иван был во многих отношениях более зрелым, нежели большинство мальчиков его возраста. И все же тринадцатилетний подросток не был готов управлять государством. Кто-то должен был направлять его насильственные импульсы. В течение трех лет после падения Андрея Шуйского смену настроений Ивана испытали многие князья и бояре. Бесчестие и изгнание неожиданно сменялось возвращением благосклонности. Затем, также неожиданно, человека казнили.[48] Трудно сказать, до какой степени подобные поступки могут быть объяснены личными причудами Ивана. Скорее, это было результатом закулисной борьбы между боярскими группировками, каждая из которых стремилась использовать Ивана для устранения своих соперников.

Сразу же после казни Андрея Шуйского Федор Воронцов был возвращен в Москву и назначен членом Боярской Думы. В октябре 1545 г. Воронцов вместе с некоторыми другими боярами подвергся бесчестью и ссылке. В декабре в результате вмешательства митрополита Макария все они были прощены и призваны назад в Москву. В июле следующего года Федор Воронцов и его брат Василий были обвинены дьяком Василием Захаровым в предательстве и казнены.[49] Вслед за падением Воронцовых ведущая роль в правительстве перешла к двум дядьям Ивана со стороны матери, князьям Юрию и Михаилу Глинским.[50]

Отсутствие стабильности в государстве, борьба боярских фракций, неврастеническое поведение молодого великого князя — все это создавало нетерпимую ситуацию. К счастью для России, в русском обществе были люди, обладающие и здравым смыслом и способностью творить, — они были не только обеспокоены состоянием дел, но и готовили план реформ, многие из которых в конечном счете удалось осуществить.

Ведущая роль на подготовительной стадии этого движения принадлежала митрополиту Макарию.[51] Другой выдающийся деятель церкви, священник Благовещенского собора Сильвестр, в это время еще находился в тени.[52] Сильвестр был новгородцем, и, предположительно, именно Макарий вызвал его в Москву в 1542 г. (год, когда

Макарий, бывший ранее архиепископом Новгорода, был избран митрополитом московским), или же вскоре после этого.

В непосредственном окружении Ивана среди мирян, выступавших за реформы правительства, был молодой придворный Алексей Федорович Адашев, в это время постельничий Ивана.[53] Он был в хороших отношениях с митрополитом Макарием, а впоследствии тесно сотрудничал с Сильвестром.

Политические, социальные, религиозные и этические проблемы в этот период оживленно обсуждались в Москве не только в публичных и частных разговорах, но также и в разнообразной переписке — в многочисленных прошениях к царю, в письмах, памфлетах и трактатах. Помимо митрополита Макария, священника Сильвестра и Алексея Адашева, выдающуюся роль в этом обмене идей играли западнорусских дворянин Иван Семенович Пересветов, раньше служивший королю Польши,[54] священник Ермолай (позднее он принял монашество под именем Еразм),[55] монах Артемий, последователь Нила Сорского[56] и боярский сын Матвей Семенович Башкин — известный мыслитель[57].

Ученый монах с горы Афон, Максим Грек, чей голос митрополит Даниил пытался подавить в конце правления Василия III[58], вновь получил разрешение писать и говорить с людьми в своей камере. Максим — гуманист, носитель ренессансной культуры — оказал глубокое влияние на многих клириков и мирян, включая князя Курбского. Будучи глубоко религиозным человеком, он являлся членом греческой, а не русской православной церкви. Он отрицал законность отделения русской церкви от константинопольской патриархии в 1448 г. Его подход к религии был экуменическим в границах православного мира. В то же время он читал полемические брошюры латинян (римских католиков), лютеран и еретиков. Но, подобно Нилу, Максим был против накопления монастырями земельных владений. Его политическая и социальная философия была по сути моралистична. Правитель нации должен быть добродетельным и простым, его основная задача — установление справедливости на земле. Максим остро критиковал вельмож за эксплуатацию бедных.[59]

Между митрополитом Макарием, с одной стороны, и Сильвестром и Адашевым — с другой — не существовало полного единства во взглядах. Два последних разделяли воззрения Макария на "симфонию" церкви и государства, но имели собственный взгляд на право

монастырей обладать земельными угодьями. Они симпатизировали нестяжателям и предвидели постепенную секуляризацию таких владений. Макарий был против секуляризации, по крайней мере против немедленного ее осуществления. Кроме того, он должен был считаться с мнением русских епископов и настоятелей, большинство которых принадлежало к иосифлянам.

Среди других интеллектуальных лидеров московского общества этого периода было еще больше различий в воззрениях. Максим Грек был последователем идеи "симфонии" церкви и государства, твердо верующим в доктрину "двух даров Бога" — священства и царства. Более того, он учил, следуя за Иоанном Хризостомом и некоторыми другими отцами церкви, что "священство выше царства... священство (в образе патриарха) несет весть, коронует и утверждает царя, а не царь патриарха".[60]

Ермолай-Еразм также верил, что священство — высшая сила, нежели царство, по крайней мере духовно. В своем отношении к реалиям жизни Ермолай рассматривал крестьян как опору нации. Он сожалел о жадности бояр и их склонности эксплуатировать и подавлять крестьян-землепользователей.

Подход Пересветова имел светский характер. Он полагал, что царь должен быть христианином, но не видел необходимости ограничения его власти духовенством. Политически он был горячим идеологом самодержавия и сильного централизованного правительства. Он был против какого-либо ограничения царской власти со стороны бояр. Он полагал, что бояре должны быть лишены возможности подавления низших классов, и что холопы должны быть освобождены. Дворянство должно стать опорой царя в создании сильной, хорошо оплачиваемой, хорошо экипированной и дисциплинированной армии под своим собственным предводительством.

Русские, полагал Пересветов, обладают истинной верой, но в русских судах и администрации отсутствует справедливость. Задача царя — обеспечить тот же тип справедливости, что установил в своем царстве турецкий султан. Султан, рассуждал Пересветов, безжалостно казнил и подвергал пытке виновных судей или официальных лиц. Царь должен делать то же самое.

Совет Пересветова укрепить дворянскую армию был созвучен направлению русской социальной истории этого периода. Несколько ведущих русских государственных деятелей, включая Адашева,

были готовы к его рассмотрению. Идея же Пересветова о сильном самодержавном правителе была противоположна их духу и программе, равно как и идеям Макария и Сильвестра. А царь Иван в это время находился под их влиянием. Но он не должен был оставить без внимания две петиции Пересветова (написанных в сентябре и ноябре 1549 г.), которые произвели на него глубокое впечатление. Во всяком случае, когда одиннадцать лет спустя он освободился от влияния Сильвестра и Адашева, то действительно превратился в ужасного самодержца в духе Пересветова.

Матвей Башкин, подобно Пересветову, защищал освобождение крепостных, но не поддерживал самодержавия. И он не только пришел к отвержению идей Макария и Сильвестра о "симфонии" церкви и государства, но и подверг сомнению правильность догм православного христианства.

В годы боярского правления Макарий открыто не вмешивался в политику, за исключением некоторых случаев ходатайства за людей, которым угрожала смерть или немилость Ивана. Это право — и долг — прошения о прощении преследуемых было традиционной прерогативой русских прелатов. Можно вспомнить, что в правление Василия III митрополит Даниил подвергся критике за то, что не воспользовался этим правом.[61]

Макарий намеревался дождаться совершеннолетия Ивана, когда можно будет возвести его на престол и побудить жениться. Принятие титула, как мог надеяться Макарий, не только заставит Ивана более четко осознать свою ответственность как христианского правителя, но также поднимет его авторитет среди бояр. Ранний же брак может отвратить Ивана от его развратной жизни. Тогда, как надеялись Макарий, Сильвестр и Адашев, можно начинать реализацию программы реформ.

До 1547 г. основная деятельность Макария была посвящена церковным делам и религиозному просвещению. Еще в Новгороде он задумал грандиозный план: "*собрать все книги (еще рукописные), доступные для чтения на русской земле*", другими словами, создать собрание основных произведений христианской литературы, как русских, так и греческих авторов.

Собрание было организованно в форме материалов для чтения на каждый день месяца ("Четьи Минеи"). Ежедневное чтение включало в себя жизнеописания святых, поминаемых в этот день, и выдерж-

ки из литературных произведений, написанных этими святыми (если они были писателями). В конце каждого месяца добавлялись анонимные работы и работы неканонизированных авторов на религиозные и моральные темы.[62]

Макарий работал над этим проектом двенадцать лет в Новгороде и продолжал работать в Москве (он завершил собрание в 1552 г.).

С проектом "Четьи Минеи" по духу связан другой замысел Макария — канонизировать русских святых. В это время как раз отмечалась память двадцати русских святых. Первыми среди канонизированных были князья-мученники — Борис и Глеб (XI в.).[63]

К 1540-м гг. в дополнение к двадцати двум национально признанным святым поклонялись и многим другим, хотя формально и неканонизированым. Макарий приказал рассмотреть все эти случаи, с тем чтобы канонизировать всех тех, чья святость имела достаточно свидетельств для официального признания.

Этими мерами, верно подмечает А.В. Карташев, Макарий попытался выявить духовные и моральные силы, с помощью которых русская церковь могла бы попытаться претендовать на достойную ее историческую роль.[64]

Целью Макария было создать основы для религиозного объединения России, без которых, по его мнению, идея христианско-православного царства не могла быть воплощена. В этом смысле Макария можно назвать, по словам Карташова, "объединителем русской церкви".

III

Иван IV был коронован на царство в Успенском соборе Кремля 16 января 1547 г. Ритуал коронации был схож с тем, что имел место при коронации внука Ивана III Дмитрия в 1496 г. Были, однако, и различия. Хотя термин "царство" часто упоминался в ходе коронации Дмитрия, он короновался как великий князь. Иван IV формально короновался царем митрополитом Макарием. Более того, крест и царское убранство на голове и плечах Ивана теперь воспринимались как те, что предположительно были посланы византийским императором Константином Мономахом киевскому князю Владимиру Мономаху в начале XII века.[65]

Это последнее исторически ошибочное суждение базировалось на легенде, впервые упомянутой в послании монаха Саввы (Спиридона) в начале XVI века и затем далее развито в "Сказании о князьях Владимирских".[66]

Прежде чем облачить нового царя в его одеяния, митрополит Макарий громко зачитал специальную молитву, в которой он просил Бога укрепить Ивана "*на троне справедливости... дать ему победу над варварами... сделать его мудрым хранителем церкви... дать справедливость народу, заботиться о бедных*".

3 февраля царь Иван IV женился на Анастасии Романовне, девушке из древней боярской некняжеской семьи Захарьиных-Юрьевых.[67] Она оказалась женщиной благородных наклонностей и верной женой.

Выбор Ивана IV вызвал недовольство у аристократических княжеских семей. Князь Семен Лобанов-Ростовский сказал по этому поводу: "*Государь обидел нас (великие роды) своим браком, взяв боярскую дочь, его рабыню как невесту. И мы должны служить ей, как будто бы она — наша сестра*".[68]

Согласно с планами Макария, в том же месяце был созван церковный Собор, чтобы канонизировать нескольких русских святых на основе предварительного рассмотрения их деяний. Двенадцать святых были канонизированы на национальном уровне, а девять было позволено почитать на местах.[69]

Некоторое время братья Глинские сохраняли свое влиятельное положение в правительстве. Вскоре, однако, стало очевидным, что существует значительная оппозиция им со стороны как бояр, так и московских *черных людей*, членов налогооблагаемых городских общин Москвы.

Среди боярских противников Глинских были остатки группы Шуйского и родственники царицы, Захарьины-Юрьевы. Кроме того, надменным поведением свиты Глинских, а также взяточничеством и обидами со стороны чиновников, ими назначенных, были возмущены многие горожане.

12 апреля в Москве разразился сильный пожар, а восемь дней спустя — еще один. Глинские заподозрили поджог и приказали схватить и казнить поджигателей. Пожары прекратились. Возможно, что после второго пожара Глинские, чтобы подготовиться к любой другой случайности, вызвали в Москву войско с севера. Они более доверяли ему, нежели москвичам.

Но 21 июня случился пожар еще более разрушительный. Большая часть Москвы, включая многие строения в Кремле, сгорела.

Было уничтожено около двадцати пяти тысяч домов; от семнадцати до тридцати семи сотен мужчин, женщин и детей погибло в огне, около восьмидесяти тысяч осталось без крова. Митрополит Мака-

рий был ранен и едва успел скрыться. Царь с семьей переехал в пригородную деревню Воробьево.[70]

Как и в апреле, Глинские полагали, что пожар начался благодаря поджогу. Подозреваемые были схвачены и подвергнуты пытке. Те, что признались, были немедленно казнены.[71]

Атмосфера накалилась. Люди были поражены несчастьем, которое многие полагали божественным наказанием за грехи правителей. Слухи о возможности поджога повели к спекуляциям по поводу правительства. Чувствовалось, что москвичи почти готовы к восстанию.

Если причиной пожара был поджог (что кажется вероятным), то было естественным полагать, что в этом повинны агенты противников Глинских. Враги Глинских могли наилучшим образом отмести подобные подозрения, обвинив в этом самих Глинских, что они и сделали.

Два дня спустя после пожара царь Иван IV со своим проповедником, старшим священником Федором Барминым из Благовещенского собора, и несколькими другими боярами посетил больного митрополита Макария в Новоспасском монастыре. Иван отправился к Макарию, чтобы обсудить чрезвычайную ситуацию и решить, какие следует принять меры. На встрече были князь Федор Скопин-Шуйский и князь Юрий Темкин (оба они — бывшие приближенные князя Андрея Шуйского, убитого по приказу Ивана в 1543 г.), Иван Федоров (Челяднин), Григорий Захарьин (молодой дядя царицы) и Федор Нагой.

Митрополит и двое бояр (Скопин-Шуйский и Челяднин) выразили мнение, что пожар подготовлен "определенными злоумышленниками" (не названными ими), использующими колдовство. Иван IV приказал присутствующим на встрече боярам расследовать случившееся. Говоря об определенных злодеях бояре явно намекали на Глинских. Предположительно, их агенты уже начали распространять в народе слухи. Но предубеждения против Глинских существовали среди некоторых московских *посадских* и до подобного расследования

В следующее воскресенье, 26 июня, бояре созвали общее собрание московского *черного люда*. Это было возрождением древнерусского института *веча*.

Бояре открыли собрание вопросом к народу: "*Кто поджег Москву?*". Сразу же голоса из толпы ответили: "*Княгиня Анна Глинская (бабка Ивана по матери) через колдовство*".

Тогда бояре, как говорит хорошо информированный автор, "натравил черный люд на Глинских".[72]

Княгиня Анна и ее младший сын Михаил во время этих событий были не в Москве, а во Ржеве, владении Михаила. Старший брат, Юрий, который присутствовал на собрании, пытался укрыться в Успенском соборе. Разъяренные люди кинулись за ним, убили его, притащили тело на рыночную площадь и положили его на лобное место. Это должно было символизировать, что Юрий Глинский был казнен по решению веча.

Дом князя Юрия был разграблен, и многие из его служилых людей убиты. Кроме того, восставшие напали на детей боярских (призванных Глинскими в Москву для защиты) и убили большинство их.

В течение двух дней Москва была под контролем восставших горожан.

Для завершения своей победы, москвичи решили потребовать выдачи им матери и брата князя Юрия. Говорили, что царь спрятал их в Воробьеве, поэтому восставшие 29 июня двинулись туда. Они угрожали убить царя, если их требования о выдаче не будут удовлетворены. В своем первом письме к Курбскому в 1564 г. Иван писал, что именно "предатели" (бояре) натравили толпу на него.[73] Он, очевидно, имел в виду бывших приближенных Андрея Шуйского.

Царю удалось, однако, убедить восставших, что он не прятал свою бабку и дядю в Воробьеве. Толпа дрогнула. Тогда Иван IV приказал своей охране схватить и казнить лидеров бунта. Восстание было подавлено.

IV

Московский пожар и восстание в июне 1547 г. глубоко потрясли и правительство и народ. Молодой царь Иван IV был в состоянии, близком к нервному срыву.

Митрополит Макарий, священник Сильвестр и Алексей Адашев чувствовали, что ситуация требует немедленных и последовательных реформ. Чтобы приступить к их осуществлению нужно было получить одобрение царя. В подходящий момент Сильвестр посетил Ивана IV и убедил его, что несчастье было божьей карой за его грехи. Сильвестр побуждал его к покаянию и смирению для спасения его душу.[74] Доводы священника серьезно повлияли на Ивана IV. Он испытывал нечто похожее на религиозное возрождение. Психологически это было началом влияния Сильвестра на Ивана IV, которое продолжалось несколько лет.

План реформ, задуманный Макарием, Сильвестром и Адашевым, базировался на тесном взаимодействии церкви и государства — митрополита и царя. К этим двум элементам власти теперь добавился третий — нация, представляющая землю. Взаимодействие этих трех элементов власти стало возможным через созыв царем и митрополитом церковно-земского Собора.[75]

Хотя до этого все важные государственные дела рассматривались как государево дело, возникло новое понятие — земское дело. Когда в апреле 1546 г. Иван IV (еще не коронованный царем) повел войска в Коломну, чтобы быть готовым к возможному нападению татар, считалось, что он отправился "на свое дело".[76] Но в июне 1547 г., когда Иван IV организовал аналогичный поход, источники уже отмечали, что царь отправился в Коломну "на свое дело и земское".[77] Адашев сопровождал царя в этом походе в должности *рынды* (оруженосца).

Земские дела, конечно же, были в плохом состоянии. Наследство боярского правления в годы детства Ивана угрожало стабильности правительства, а армия никак не могла справиться с набегами татар. Военная проблема была тесно связана с важным социально-политическим вопросом — подъемом дворянства и столкновением его интересов с интересами князей и бояр. В свое время великий князь Иван III положил начало системе обеспечения дворянства поместьями за службу государю.[78] С этого времени дворянство стало потенциальной опорой армии московитов.

С увеличением численности этой армии требовались все большие земельные фонды для обеспечения воинов-дворян поместьями. Для удовлетворения этой потребности правительство было вынуждено обратить в поместья часть государственных владений. Они включали в себя земельные наделы крестьян, живших на этой части государственных владений, и права этих крестьян должны были быть гарантированы.

В поисках большего количества поместных земель Иван III конфисковал значительную часть церковных и монастырских земель в Новгороде и планировал широкую программу общей секуляризации монастырских владений в Московии. Его поддерживала идеалистически настроенная группа монахов, которые в принципе возражали против того, чтобы монастыри владели земельными угодьями. Эта группа была известна как *нестяжатели*. Однако церковный Собор 1503 г. провозгласил церковь и монастырские земельные наделы неприкосновенными.[79]

Одержавшие победу *стяжатели*, известные как *иосифляне* (последователи настоятеля Волоколамского монастыря Иосифа), вошли после этого в церковную администрацию.

В свете намечавшихся реформ, в особенности в связи с потребностями дворянской армии, проблема секуляризации церковных и монастырских земель возникла вновь. Сильвестр и Адашев были на стороне нестяжателей. Будучи государственным деятелем, Адашев поддерживал план превращения монастырских земель в поместный фонд. Царь Иван IV, как ранее его дед, также был за секуляризацию земель.

Им следовало, однако, действовать постепенно, учитывая, что большинство высших церковных чинов было иосифлянами. Следует вспомнить, что предшественник Макария, митрополит Иоасаф, также склонялся к позиции нестяжателей. Он все еще жил в Троицком монастыре, но более не участвовал в церковных делах.

В соответствии с московской политической традицией, царь должен был вместе с боярами принимать решения по введению новых законов или любому важному государственному делу. Насущные проблемы рассматривались высшей боярской группой — *ближней думой* или *синклитом*.[80] Особенно важные решения принимались на заседании Боярской Думы.

Реформаторы могли ожидать, что большинству бояр их планы не придутся по вкусу. Они рассчитывали преодолеть это сопротивление и предотвратить задержки в реализации своих проектов с помощью царя Ивана IV. Сильвестр и Адашев, молодые наиболее близкие советники царя, сыграли значительную роль в этой закулисной борьбе.

Вскоре сформировался круг последователей Сильвестра и Адашева. Как говорит князь Андрей Курбский в своей "Истории Ивана IV", Сильвестр и Адашев "*собрали вокруг него (царя Ивана) советников, людей знающих и совершенных... и все они были всецело знакомы с военными и земскими делами... и они приблизили их непосредственно к нему (царю) в добрых отношениях и дружбе, так что без их совета ничего не предпринимается и не планируется... и в это время эти его советники были названы избранной радой*".[81]

Состав и историческая роль избранной рады были и остаются до сих пор достаточно спорными вопросами русской историографии.[82] Некоторые историки, включая Ключевского и Бахрушина, пытались отождествить избранную раду с ближней думой. По моему мнению, подобное отождествление неверно по многим причинам, хотя бы

потому, что Сильвестр как священник не мог быть членом думы. Адашев же стал членом ближней Думы только в 1553 г.

Я полагаю, что избранная рада не была формальным политическим институтом, а являлась влиятельной группой людей, бывших единомышленниками Сильвестра и Адашева (конфедератами, в переводе Феннела). Некоторые члены этого кружка благодаря влиянию Сильвестра и Адашева на царя стали членами ближней Думы (как князь Дмитрий Курлятьев), другие получили важные посты в армии и администрации.

Если мы будем искать исторические параллели с избранной радой, то можем с достаточной мерой условности сказать, что она была по сути близка к так называемому "ближнему комитету", который сформировался 250 лет спустя вокруг молодого императора Александра I в начале его правления.[83]

Правила ли в действительности избранная рада в годы ее существования Россией? Как Курбский, так и Иван IV утверждали, что да. Во втором письме к Курбскому (1577 г.) царь жаловался: "*Вы (Сильвестр, Адашев и их последователи, включая Курбского) не только не хотели быть послушными и подчиненными мне, но даже управляли мною и забрали у меня всю мою власть, и правили сами как желали и забрали всю мою суверенность у меня: на словах я был государем, но фактически ничем не управлял*".[84]

Второе письмо Ивана Курбскому, подобно первому, отразило его настроение в течение второго периода его правления. Возможно, что еще до этого Иван IV чувствовал себя психологически подавленным властью Сильвестра и Адашева, но скрывал свои чувства. Однако поначалу он разделял планы Сильвестра и Адашева и с готовностью им следовал.

Позднее, когда Иван IV освободился от влияния Сильвестра и Адашева, его затаенное чувство униженности, заглушенное вражескими демаршами, продолжало расти и становилось все более горьким.

Каково бы ни было личное отношение Ивана IV к избранной раде, существовало два фактора, которые ограничивали ее власть с самого начала. Во-первых, хотя Адашев и Сильвестр работали совместно с митрополитом Макарием, между ними существовали расхождения во мнениях. Во-вторых, ближняя Дума состояла не только из последователей Сильвестра и Адашева, но также из людей, которые не хотели принимать их лидерство, либо были настроены по отношению к ним открыто враждебно.

Дьяк Иван Михайлович Висковатый, человек высокоодаренный, один из выдающихся деятелей русского государства в XVI в., был готов сотрудничать с Адашевым, но ненавидел Сильвестра. В своей саркастической (хотя и несколько размытой) характеристике Сильвестра, написанной в 1569 г. или в начале 1570 г., Висковатый говорил, что *"этот священник находился в великой чести у государя и был его советником и советчиком в духовных делах, был всемогущим... Он отдавал приказы митрополитам и епископам... боярам и дьякам... военным командирам и дворянам, всем иным. Короче говоря, он направлял как духовные, так и мирские дела... и он владел совершенно обеими сферами, духовной и мирской, как будто бы он был царем и митрополитом".*[85]

Несмотря на заявление Висковатого, ближняя рада, хотя и была движущей силой в политике этого периода, диктаторской властью не обладала.

Проводя реформы, московское правительство испытывало нужду в поддержке нации в целом. Чтобы обеспечить эту поддержку, правительство обратилось к политически наиболее значимым сословиям царства — духовенству, аристократии и дворянству — и предложило им рассмотреть и одобрить свои проекты.

Это было осуществлено путем сбора "национальной ассамблеи" этих трех сословий. В доступных нам источниках нет свидетельств того, что российское "третье сословие" (купцы и горожане) были допущены на заседания этой "ассамблеи". Они, равно как и некоторые другие группы населения, выражали свое недовольство и вносили предложения относительно реформ в форме *челобитных*. Работать с купцами и горожанами выпало по приказу царя на долю Алексея Адашева. Он действовал вместе с Сильвестром.

Все епископы имели право участвовать в "ассамблее". Другие представители духовенства выбирались митрополитом. Духовенство было представлено *освященным Собором*. В решении чисто религиозных дел (как, например, канонизация святых) совет духовенства действовал самостоятельно. В "национальной ассамблее" участвовали и бояре и высшая знать. Придворные и государственные служащие меньшего ранга выбирались царем. Среди дворянства (*детей боярских*) на Собор 1549-1551 гг. были вызваны лишь те, что жили в московском регионе. В отличие от земских Соборов конца XVI и XVII веков., на "ассамблее" не было представителей, избранных на местах.

Сословия заседали либо группами, либо вместе, для выработки специфических юридических установлений существовали специальные комитеты. Первый Собор состоялся в 1549 г. Он, вероятно, продолжил свою работу в следующем году. Второй собор (известный как Стоглавый Собор) был созван в 1551 г. Точное количество участников этих двух Соборов, неизвестно, но едва ли их было более полутораста.

Наиболее важным делом Собора 1549 г. в религиозной сфере было завершение деятельности совета епископов 1547 г. по канонизации русских святых. К перечню тех, кто был канонизирован в 1547 г., в это время были добавлены еще и другие.

27 февраля на открытии общего заседания Собора 1549 г. царь Иван обратился к совету епископов и Боярской Думе, а затем к *воеводам* и *княжатам* (младшим князьям), т.е. к армейским руководителям, дворянскому офицерству (сынам боярским и *дворянам*).[86]

В своей речи перед епископами и боярами царь обвинил бояр и их приспешников во многих обидах, учиненных ими в годы его бесправия дворянам (детям боярским) и крестьянам.[87] Царь потребовал прекратить притеснение дворян и крестьян. Тем же, кто не подчинится его приказам, грозила его немилость и наказание. Бояре обещали выполнять царские требования. Жалобы бояр, обиженных дворянами и крестьянами, подлежали рассмотрению в судах.[88]

На следующий день, 28 февраля, Боярская Дума одобрила закон, согласно которому дети боярские по всей Руси освобождались от рассмотрения провинциальными и районными наместниками их тяжб, за исключением случаев убийства и грабежа,.[89] Это было первым шагом к отмене системы *кормления* провинциальной администрации н замещению местных органов власти самоуправлением.

Одним из ведущих защитников прав дворянства в армии и администрации был Иван Пересветов. В сентябре 1549 г. он направил царю две петиции, в которых ратовал за создание стационарной дворянской хорошо оплачиваемой и дисциплинированной армии; за назначение и продвижение военачальников согласно их способностям, а не положению; активное участие дворян в местном управлении и судопроизводстве. В защиту своих предложений Пересветов сослался на пример военных институтов Османской империи, с которыми он познакомился во время службы в Польше.[90]

В ноябре 1549 г. был издан указ, целью которого было усиление царской власти с помощью новых правил назначения армейских ко-

мандующих. Аристократическая традиция предполагала, что назначение высших армейских офицеров и чиновников администрации регулируется системой *местничества*. Лестница официальных лиц должна была соответствовать лестнице знатности княжеских и боярских родов. Это вызывало постоянные ссоры и снижало эффективность армейского руководства, особенно в ходе больших кампаний. Местническая иерархия в распределении чинов оказалась причиной неудачи кампании против Казани в 1547-1548 гг.

Новая регламентация запрещала всякие местнические тяжбы среди армейских командиров в ходе кампании.[91]

Основные усилия реформаторов были направлены не на подавление ведущей роли боярства в армии и провинциальной администрации, а на объединение дворянства и попытку сделать его опорой армейской организации под властью царя. 3 октября 1550 г. царь и Боярская Дума постановили, что тысяча лучших детей боярских из провинциальных районов должна быть поселена в местности вокруг Москвы в радиусе семидесяти верст от центра, с тем чтобы усилить детей боярских, уже живущих в этой местности. Эта "избранная тысяча" должна была составить специальное армейское подразделение, которое можно было бы легко мобилизовать в случае опасности. В определенном смысле, она должна была стать расширенным царским двором.[92]

V

В ходе законотворческой деятельности Собор 1549 г. утвердил право царя следить за подготовкой нового судебника. Он был составлен в 1550 г. и одобрен Стоглавым Собором в 1551 г.

Существовала насущная необходимость подобного предприятия. Судебник 1497 г., изданный в правление Ивана III, был, по сути своей, собранием правил судебных процедур и избранных норм законов для судей.[93] Он был краток и неполон, что отчетливо ощущалось даже в правление отца царя Ивана IV, Василия III.

Судебник 1550 г. (часто называемый "Царским судебником") является пересмотренным и расширенным вариантом судебника Ивана III. Первый судебник состоял из шестидесяти восьми статей; новый — из ста. Некоторые из статей первого судебника появились в пересмотренной форме; другие были разбиты на части.[94]

По своей сути Царский судебник, подобно судебнику 1497 г., рассматривает в основном судебные процедуры, уголовные преступления и лишь некоторые нормы гражданского законодательства. Последние частично рассматривались более древними кодексами, "Русской Правдой" и "Псковской судебной грамотой",[95] частично византийским законодательством, включенным в сборник церковных законов, "Кормчей книгой" (Nomokanon), и в значительной мере обычным правом.

В то же время Царский судебник провозглашал формально действующий закон единственным источником последующего законодательства: "В будущем все тяжбы должны производиться согласно судебнику". Параграфы 97 и 98 предусматривали, что в случае появления прецедентов, не рассматриваемых в существующем судебнике, новые нормы в дополнение к судебнику будут устанавливаться царем и боярами.

Среди новых важных статей в Царском судебнике присутствовали параграфы 60 и 64, которые ограничивали судебную власть провинциальных наместников. Они базировались на указе от 28 февраля 1549 г. Основные преступления против государства рассматривались так же, как и в пункте 9 судебника 1497 г. В Царском судебнике этот пункт составил первую часть статьи 61. Согласно этому параграфу, к высшей мере наказания приговаривался каждый, виновный в вооруженном восстании и заговоре против суверена.[96] Царский судебник добавляет: "и каждый, кто сдал крепость врагу". Позднее эта норма (включая прецедент со сдачей крепости) служила основанием главы 2 Уложения 1649 г. (см. главу 3 настоящего издания).

Царский судебник подтверждал принцип крестьянской свободы — их право передвижения с одного места на другое раз в году в течение двух недель около "осеннего дня св. Георгия", 26 ноября. Это было обеспечено статьей 57 судебника 1497 г. (статья 88 судебника 1550 г.).

Особое положение крестьян, которые жили в доме, построенном для них землевладельцами (пожилые дворы), рассматривалось также в судебнике 1497 г. (вторая часть статьи 57) и в судебнике 1550 г. (вторая часть статьи 88). Если такой крестьянин хотел уйти от землевладельца в конце первого года пребывания, он должен был заплатить ему за использование дома четверть его стоимости; за два года — половину стоимости; за три года — три четверти стоимости. За четыре года (или более) крестьянин должен был выплатить стоимость целиком.[97] В судебнике 1497 г. стандартная полная цена дома составляла рубль в степ-

ной зоне (где лес был дорог) и пятьдесят копеек в лесном районе. Царский судебник слегка поднял цены, сделав их равными соответственно рублю и шести копейкам и пятидесяти шести копейкам. Это повышение может быть объяснено общим повышением цен в Московии в 1520-х и 1530-х гг., а также в последующий период.[98]

Значительный интерес представляет перечень платежей за ущерб, нанесенный достоинству людей среднего и низшего классов населения (статья 26 Царского судебника). Эта статья соответствует стремлению адашевской и сильвестровской избранной рады обеспечить права всех социальных групп, и в особенности, защитить дворянство и городских жителей от каких-либо притеснений аристократией.

Шкала штрафов за ущерб достоинству указывала место каждой группы в московской социальной иерархии того времени. Чем выше был социальный статус человека, тем большей выплаты он мог требовать. *Гость* (оптовый торговец) получал 50 рублей за ущерб собственному достоинству; розничный торговец или горожанин (*посадский*) — 5 рублей; горожанин низшего статуса (*черный* или *молодший*) — один рубль; также и крестьянин — один рубль. Таким образом крестьянин находился на нижней ступени социальной лестницы.

Следует отметить, что женское достоинство было защищено лучше мужского. Во всех вышеперечисленных категориях компенсация жене была в два раза выше, нежели мужу.

Раб (*холоп*) не рассматривался в Древней Руси как юридически значимое лицо и поэтому не подлежал защите достоинства со стороны закона. Однако, согласно той же статье 26, некоторые категории людей, служивших боярам, должны были получать плату за посягательство на их достоинство, даже если они могли юридически считаться холопами.

В целом же, составители судебника 1550 г. попытались положить предел распространению холопства. Согласно "Русской Правде" киевского периода, "*если кто-либо идет в дворецкие или домоправители (другого лица) без специального соглашения*", он становится рабом.[99] Судебник 1497 г. подтвердил эту статью относительно сельских районов, но отменил ее относительно городов (статья 68). Царский судебник повторил это исключение 1497 г. и упомянул еще несколько прецедентов получения холопами свободы (статья 76).

Судебник 1497 г. постановил, что холоп, схваченный татарами, а затем убежавший из плена и возвратившийся на Русь, становится

свободным и не имеет более обязанностей перед своим прежним хозяином (статья 5). Царский судебник повторял статью, но опускал слово "татарский", таким образом распространяя ее на случай захвата холопов в плен любой вражеской армией (и их последующего бегства)(статья 80).

К началу XVI века в Московии развился новый тип так называемого "условного рабства". Оно стало известно как *служилое холопство*. Этот тип зависимости от хозяина был следствием специальной формы ссуд. Должник обязан был выплачивать процент по ссуде, выполняя определенные работы для своего кредитора. Очевидно, что у него было мало шансов когда-либо выплатить ссуду, и обычно он работал на кредитора до смерти, если не освобождался от своих обязательств ранее.[100]

Царский судебник ограничил размер ссуды по служилой кабале, установив максимум в 15 рублей. Кроме того, только вольные люди, т.е. те, кто не входил в налогооблагаемые сельские и городские общины, имели разрешение получать такие ссуды.[101] Более того, кредитору строжайше запрещалось применять требования судебно-контрактного займа к обычному займу, требуя личной службы заемщика как процента по ссуде в обычных сделках (статья 78).

VI

В 1551 г. был созван так называемый Стоглавый Собор, который имел большое значение как для русской церкви, так и для государственных дел.[102]

До нас не дошло стенограммы его заседаний. Книга "Стоглав" (сто глав), которая содержит отчет о деяниях собора, дает неполное их описание. Она, очевидно, была составлена клириком, чья главная цель состояла в ознакомлении духовенства с программой реформ в жизни церкви, в особенности с нормами поведения и обязаностями духовного лица.[103]

Стоглав был признан как учебник русского церковного законодательства. Это – важный исторический документ. Он показал, какова была роль царя в установлении повестки дня заседаний и выявил различие мнений между царем (направляемым Сильвестром и Адашевым), который хотел ограничить рост монастырских и церковных земельных угодий, и митрополитом Макарием, который считал своим долгом по отношению к боль-

шинству епископов и настоятелей защищать в этот период право церкви на владение землей.

Готовясь к собору, Иван IV написал обращение, которое он зачитал на открытии. Это был наиболее ранний пример его сочинений, в котором стали очевидными некоторые характерные черты его литературного стиля. Что касается содержания, то может показаться, что речь была, по крайней мере отчасти, вдохновлена и отредактирована Сильвестром. В ней Иван IV сожалел о своем раннем сиротстве, жаловался на плохое обхождение с ним бояр в детстве, признавался в своих грехах, объяснял все собственные и государственные неудачи карой за свои и чужие прегрешения и взывал к покаянию.

В конце своего обращения царь обещал воплощать вместе с членами собора христианские предписания. "*Если вы не сумели по своему невниманию исправить отклонения от божьей истины в наших христианских законах, вы должны будете ответить за это в судный день. Если я не согласен с вами (в ваших праведных решениях), вы должны меня увещивать; если я не смогу повиноваться вам, вы должны бесстрашно отлучить меня, с тем чтобы сохранить живыми мою душу и души моих подданных, а истинно православная вера стояла непоколебимо*".[104]

Затем царь представил для одобрения Собора новый судебник.[105] Собор утвердил его. Характерно сходство церковного и государственного законодательства этого периода по форме: как судебник, так и "Стоглав" были разделены на то же количество статей (глав) — сто.

Царь также попросил Собор (и последний сделал это) утвердить образец *уставных грамот* для провинциальной администрации. Это было связано с замыслом Адашева упразднить систему *кормления* (кормление провинциальных чиновников населением) и заменить ее местным самоуправлением (глава 4 "Стоглава").

Затем царь представил вниманию членов собора длинный перечень вопросов для обсуждения. Первые тридцать семь вопросов относились к различным сферам церковной жизни и ритуала, исправлению церковных книг и религиозному образованию. Собор получил совет царя принять соответствующие меры, чтобы избежать распущенности и злоупотреблений среди монахов ("Стоглав". Глава 5). Эти вопросы были предположительно предложены царю Макарием и Сильвестром.

В дополнение к этим тридцати семи вопросам царь представил для рассмотрения перечень проблем, относящихся в основном к государственным делам. В некоторых вопросах этой группы царь ука-

зал на необходимость передачи по крайней мере некоторых церковных и монастырских земель в пользование дворянства (в качестве *поместий* за военную службу) и горожан (в качестве усадеб в городах). Эти дополнительные вопросы не были включены в "Стоглав".[106] Несомненно, что в формулировке этих вопросов царю помогли те же Адашев и Сильвестр.

Получив ответ на эти вопросы, царь представил еще тридцать два, которые должны были исходить от Макария и Сильвестра. Эти вопросы в основном касались определенных деталей церковного ритуала, а также народных предрассудков и остатков язычества, народной музыки и драмы, которые были также обозначены как язычество.

Митрополит Макарий, следуя в этом случае Иосифу Санину, вместе с большинством епископов и настоятелей выступил против любой попытки секуляризации церковных и монастырских земель, а также против подчинения церковных судов судам мирян. Под влиянием Макария Собор подтвердил неотчуждаемость церковных и монастырских земельных владений (главы 61-63), а также освобождение духовенства и церковных людей от юрисдикции государственных судов (главы 54-60 и 64-66).

Тем не менее Макарий и *иосифляне* должны были пойти царю и Адашеву на уступки и согласились на некоторые меры, сдерживающие дальнейшее расширение церковных и монастырских земельных владений как в сельских районах, так и в городах. 11 мая 1551 г. монастырям было запрещено покупать земельные владения без одобрения сделки царем в каждом случае. То же правило было применено к дарению или наследованию земли монастырями по воле землевладельцев. Царю таким образом было дано право ограничения дальнейшего роста монастырских землевладений.[107]

В то же время Собор одобрил правила, согласно которым церковным и монастырским властям запрещалось основывать в городах новые слободы. Те, что были основаны незаконно, подлежали конфискации ("Стоглав", глава 94).[108]

Исторически эти меры означали продолжение длительного соперничества между русским государством и церковью за контроль над фондом церковных земель и судебную власть над "церковными людьми".

Решения и рекомендации Стоглавого Собора сыграли важную роль в истории русской церкви и ее связей с государством.

Собор провозгласил византийский принцип "симфонии" церкви и государства, включив в "Стоглав" описание его актов, сущность шестой новеллы императора Юстиниана, одного из основных положений "симфонии" ("Стоглав, глава 62). В церковно-славянском варианте "Стоглава" читаем: "*Человечество обладает двумя великими дарами Бога, данными ему через любовь его к людям — священство / Sacerdotium/ и царство /Imperium/. Первый направляет духовные потребности; второй — управляет и заботится о человеческих делах. Оба вытекают из одного источника*".[109]

"Стоглав" содержал честную критику недостатков русского духовенства и практики церкви и в то же время рекомендовал средства исцеления. Они состояли частично в усилении контроля высших деятелей церкви над поведением священников и монахов, а частично — в более конструктивных мерах. Для подготовки духовенства рекомендовалось основать школы в Москве, Новгороде и других городах (глава 26).

Поскольку в рукописных копиях религиозных книг и церковных учебников по небрежности копиистов встречались ошибки, специальному комитету ученых священников предписывалось проверять все копии до их поступления в продажу и использования (в рукописной форме, ибо в это время в Москве не было типографии) (главы 27 и 28).

Особая глава "Стоглава" касается иконописи и иконописцев (глава 43). Подчеркивается религиозная природа искусства. Рекомендовалось соответствие икон священной традиции. Художники должны были подходить к работе с почтением и быть сами религиозными людьми.

Как показал Георгий Острогорский, "Стоглав по сути не вводит чего-либо нового (в принципы иконописи), но отражает и подтверждает наиболее древние представления об иконописи... "Стоглав следует принципам византийской иконографии с совершенной точностью... Как с художественной, так и с религиозной точки зрения, его решения взаимосвязаны с сутью верований и идей православия".[110]

Следует отметить, что как Макарий, так и Сильвестр были знакомы с иконописью и ее традициями. Глава "Стоглава" о иконописи была, возможно, написана, или же по крайней мере отредактирована, одним из них или совместно обоими.

Некоторые другие положения "Стоглава" не были столь адекватно сформулированы как положение об иконописи и позднее оказа-

лись открытыми для критики. Их переоценка в середине XVII столетия – почти через сто лет после Стоглавого собора – послужила побудительной причиной конфликта между патриархом Никоном и старообрядцами.

Одним из таких прецедентов, в конце концов приведших к смуте и разногласиям, было решение Собора о способе соединения пальцев при крестном знамении. Подобно митрополиту Даниилу в правление Василия III, собор одобрил *двоеперстие* (соединение указательного и прилежащих к нему пальцев и их поднятие), с тем чтобы символизировать двойственную природу Христа (глава 31).[111] И как в случае митрополита Даниила, некоторые из древних греческих работ (использованных отцами Стоглавого Собора в славянском переводе для подтверждения собственных решений) не были написаны авторитетами, на которых ссылались священники, а лишь приписывались им. Тем не менее следует подчеркнуть, что в раннехристианской церкви действительно существовали разные способы соединения пальцев для крестного знамения и двоеперстие было одним из них.

Другое решение Стоглавого собора, которое позже оказалось предметом разногласий, затрагивало детали церковного ритуала. Было отмечено, что "алилуя" пелось трижды во многих церквах и монастырях в Пскове и Новгороде вместо двух раз, как это было принято в московских церквах. Собор полагал трехкратное исполнение "алилуя" в латинском (т.е. римско-католическом) варианте и одобрил двухкратное повторение "алилуя" (*сугубая алилуя*) (глава 42).

Третье противоречивое решение Стоглавого собора неосознанно вело к добавлению слова в восьмом параграфе символа веры. Параграф в православном прочтении звучит так: /Мы веруем/ "в Святой дух, Бога, Дарителя Жизни, Который произошел от Отца...". В некоторых славянских рукописях "Бог" (по-церковнославянски и по-русски – Господь) был заменен на "*Истинный*". Некоторые копиисты, возможно связывая различные рукописи, вставили "Истинный" между словами "Бог" и "Даритель Жизни". Стоглавый собор постановил, что следует говорить либо "Бог", либо "Истинный", не произнося оба слова вместе (глава 9). [112]

Это правило в действительности игнорировалось. Постепенно в Московии стало установившейся практикой читать восьмой параграф символа "Святой Дух, Истинный, Даритель Жизни". Это прочтение закрепилось в поздних копиях самого "Стоглава".[113]

Митрополит Макарий и большинство прелатов — членов собора 1551 г. — были консерваторами. Они стремились избавить русскую церковь от ее недостатков, но не собирались вводить ничего нового в ее практику, и в особенности в догматику.

И все же собор дал импульс постепенному подъему новых течений в русской религиозной и интеллектуальной жизни. Открытая и смелая критика Собором недостатков в жизни церкви послужила ферментом более сознательного отношения к церковным проблемам среди священников и мирян.

Собор провозгласил принцип "симфонии" церкви и государства, что подразумевало определенное ограничение царского самодержавия. Собор подчеркнул важность поддержки образования и основания школ. Решения собора проверить аккуратность рукописей религиозных работ и церковных учебников и откорректировать их привело к более критичному отношению к древним текстам и к лучшему пониманию ценности учености.

Искусство печати не упоминалось в актах собора, но нет сомнений, что митрополит Макарий (и возможно Сильвестр) уже думали во время Стоглавого собора об открытии в Москве типографии. Это было сделано в 1553 г.

В связи с далеко идущими реформами, начатыми правительством царя Ивана IV, в особенности ввиду необходимости обеспечения членов дворянской армии земельными наделами и предложенных ограничений церковных и монастырских земельных владений, равно как и для введения новых налогов с целью увеличения государственных доходов, было необходимо прежде всего определить размах национальных ресурсов, в особенности размеры земельного фонда для ведения сельского хозяйства, бывшего в то время главным источником богатства России.

Уже в 1549 г. Ермолай-Еразм обсуждал проблему переоценки недвижимости в Московии в своем трактате "Благохотящим царем правительница и землемерие".[114] Очевидным первым шагом в этом направлении был новый земельный кадастр. Это было сделано в 7059 году Anno Mundi (с 1 сентября 1550 г. по 31 августа 1551 г.). На базе этого кадастра была введена новая единица налогообложения — "*большая соха*".

Размер *большой сохи* как нормы налогообложения варьировался относительно различного типа обрабатываемых земель. Для опреде-

ления землевладений бояр и дворян, равно как и для тех, что принадлежали царским придворным (*дворцовые*), новая *соха* составляла 800 четвертей хорошей земли на одном поле (при трехполье, тогда использовавшемся в Московии); для церковных и монастырских земель размер сохи устанавливался в 600 четвертей; для земли государственных крестьян (*черные*) — 500 четвертей. Всего норма для трех полей составляла соответственно 2400, 1800 и 1500 четвертей, т.е. 1200, 900 и 750 десятин.[115] Для земель худшего качества норма была иной.

Чем меньше был размер сохи как единицы налогообложения, тем выше был налог, который следовало уплатить. Это означало, что церковные и монастырские землевладения были оценены по более высокому уровню, нежели дворцовые и боярские земли, и с них платилось пропорционально больше налогов.

С первого взгляда может показаться, что государственные крестьяне были в наихудшем положении, но это не так. Вводя шкалу уровней налогообложения, правительство приняло во внимание тот факт, что крестьяне в первых двух категориях земли кроме выплаты государственных налогов должны были платить налоги (в денежном выражении) своим владельцам земли и выполнять для них определенную работу. Общие обязанности государственного крестьянина были поэтому легче, или по крайней мере равны тем, что выпадали на долю крестьян других категорий.

VII

Царство нуждалось не только во внутренних реформах. Его нужно было также защищать от нападений внешних врагов.

В течение 1547-1552 гг. московское правительство с помощью переговоров смогло избежать войны с Польшей и Литвой. Перемирие между Москвой и Литвой было возобновлено в 1549 г.

Опасность татарских набегов — как крымских, так и казанских — продолжала нависать над Москвой. Ситуация ухудшилась, когда казанцы выбрали ханом Сафа-Гирея, принадлежавшего к крымскому правящему дому. С ним вместе в Казань прибыло много крымских вельмож. Политика Крымского и Казанского ханств была теперь скоординирована. За крымским ханом стоял его сюзерен — турецкий султан.

В 1541 г. крымский хан Сагиб-Гирей предпринял главную кампанию против Москвы. Татар остановили, но следовало ожидать новых набегов. В 1540-х угроза нападений исходила в основном от Ка-

зани. Каждый опустошительный набег выливался в увод большого количества пленных, которые затем продавались на рынках рабов. В 1551 г. в Казани было около ста тысяч пленных русских.[116]

Чтобы держать оборону, Москва нуждалась в сильной и эффективной армии. Меры по укреплению положения дворян, намеченные правительством, должны были сделать из дворянства опору армии. В дополнение теперь был расширен стрелецкий корпус (созданный при Василии III и первоначально названный пищальники). В качестве подкрепления регулярной армии были приглашены казацкие волонтеры. Большую помощь оказывали касимовские татары. Для обеспечения единства военного командования существовал указ, запрещающий *местнические* тяжбы во время кампаний (появился в 1550 г.).

Для лучшего понимания причин московско-казанских войн 1547-1552 гг. следует вспомнить, что при Василии III казанские татары признали его сюзеренитет над Казанью и согласились не избирать своих ханов (царей, в русской терминологии) без одобрения Москвы. В 1532 г. они приняли в качестве своего хана бывшего царевича Касимова Яна-Али, брата Шаха-Али, которого казанцы изгнали в 1521 г.[117]

Фактически среди княжеских семей казанских татар продолжали существовать две группировки, от которых зависели ханы: прокрымская и прорусская. В 1535 г. первая вновь одержала верх. Ян-Али был убит, и его предшественник, вышеупомянутый Сафа-Гирей, вернулся к власти. Он правил в Казани до своей смерти в 1549 г. Ему наследовал его маленький сын Утемыш-Гирей, мать которого, красивая и энергичная царица Сюнбекех (по русским источникам — Сюнбека или Сююнбека), дочь ногайского князя Юсуфа, стала регентом. Действительная власть принадлежала крымско-татарской гвардии, которой командовал Улан-Кучак, фаворит Сюнбеки.

Московия послала разведывательную экспедицию против казанских татар в феврале 1547 г. по холмистому правому берегу Волги, с тем чтобы исследовать дороги на Казань и испытать силу татарского войска. Русские достигли устья реки Свияги. За этим последовало две более амбициозные кампании зимой 1547-1548 гг. и 1549-1550 гг. Ни одна из них не была удачной.[118]

Анализируя причины неудач, как правительственные, так и армейские лидеры пришли к заключению, что необходимо, во-первых, создать более строгую схему военного командования, ограничив *местничество* (что и было сделано в 1550 г.), и, во-вторых, возвести ук-

репления ближе к Казани. Было решено построить крепость при впадении Свияги в Волгу, в сорока километрах от Казани и гораздо ближе к ней, нежели Нижний Новгород, где собирались войска в ходе предшествующих кампаний.

В конце мая 1551 г. войска, строители и строительные материалы были посланы к устью Свияги из Нижнего Новгорода. Касимовский царь Шах-Али (до того в 1519-1521 гг. и в 1546 г. царь Казани) был назначен главнокомандующим экспедиционного корпуса. Деревянная крепость, названная Свияжск, была спешно построена на холме, контролирующем устье Свияги. Ее возведение произвело большое впечатление на финские и тюркские племена высокого (правого) берега Волги — черемисов (теперь известных как мари) и чувашей. Эти племена были под властью Казанского ханства со времен основания последнего в середине XV века.[119]

Их князья и старейшины представились царю Шаху-Али, прося его разрешения послать делегацию для изъявления уважения царю Ивану IV. Делегация была принята в Москве. Посланники принесли царю клятву верности в мусульманской форме (*шерть*). Царь выдал им грамоту, подтверждающую их племенную организацию, и освободил от налогов на три года.

Успех русских также оказал сильное влияние на некоторых казанских вельмож. Два эмиссара этой группы прибыли в Свияжск и предложили Шаху-Али ханский трон (в третий раз). Шах-Али отослал в Москву эмиссаров для переговоров.

Они просили Ивана IV не посылать войска против Казани, а обеспечить казанцам мир и позволить Шаху-Али стать их царем (ханом). Со своей стороны, они обещали выслать в Москву царицу Сюнбеку с ее сыном Утемышом (ханом Казани) и освободить всех русских пленных в Казани.

Иван IV согласился поддержать Шаха-Али в получении казанского трона при условии, что Казань откажется от всех притязаний на нагорный берег, поскольку его обитатели уже обещали быть верноподданными Москвы.[120] Это условие неприятно задело казанцев. Однако они пока не стали протестовать. Иван IV назначил Алексея Адашева своим полномочным представителем и поручил сопровождать эмиссаров в Свияжск, чтобы объявить Шаху-Али свое благосклонное разрешение принять власть в Казани.

Шах-Али выразил свою благодарность царю Ивану IV, но остался недоволен лишением его как нового царя Казани района нагорного берега. Адашев и бояре, ответственные за безопасность Свияжска, ответили, что царская власть над Свияжском и всем нагорным берегом непоколебима и не подлежит обсуждению.

Когда эмиссары вернулись в Казань и обсудили ситуацию с вельможами и муллами, было решено принять Шаха-Али новым ханом и, в то же время, постараться вернуть провинции нагорного берега под власть Казани, откладывая исполнение некоторых условий соглашения и договорившись с Шахом-Али.

Царица Сюнбека и ее сын были выданы воеводе, князю Петру Серебряному. Ее отчаяние при отъезде отражено в татарской поэме "Жалоба Сюнбеки".[121] Она и мальчик Утемыш были привезены в Москву 5 сентября 1551 г. и заключены в Кремле.

Таким образом казанцы выполнили одно из условий соглашения с Москвой. Другое важное условие, касающееся освобождения русских пленников, было выполнено лишь частично. Хан Шах-Али приказал всех русских пленников в Казани и в округе доставить в его дворец, чтобы отпустить на волю. Хозяева пленников, однако, не спешили подчиниться ханскому указу и старались скрыть рабов от чиновников, посланных ханом. Он смог передать русским представителям 17 августа лишь две тысячи семьсот пленников и пообещал всеми силами постепенно вернуть остальных.

Московская летопись фиксирует, что позднее с нагорного берега, из Казани и Казанского региона были возвращены шестьдесят тысяч русских пленников. Их доставили в Свияжск, временно разместили и обеспечили провиантом, а затем распустили по домам. В плену оставалось еще около сорока тысяч человек.

Те же казанские вельможи, что пригласили Шаха-Али на трон, теперь сопротивлялись его поддержке требований России по освобождению пленных. Они начали секретные переговоры с ногайцами, чтобы заключить союз против Москвы. Шах-Али пытался подавить бунт жесткими мерами и казнил многих его лидеров. Это только подлило масла в огонь антирусского движения. Казанские вельможи продолжали оказывать сопротивление присоединению территории нагорного берега к Москве.

Шах-Али сам не приветствовал московской политики в этом вопросе. Его положение серьезно осложнилось. Московское правитель-

ство предложило послать в Казань войска, чтобы сохранить ему трон. Шах-Али предпочел уйти. 6 марта 1552 г. он покинул Казань и направился в Свияжск в сопровождении восьмидесяти четырех татарских князей и вельмож, которые остались ему верны. Из Свияжска он возвратился в Касимов. В мае Шах-Али женился на пленной царице Сюнбеке.[122]

Власть в Казани захватила теперь антирусская партия. Ее лидер пригласил на трон астраханского царевича Ядигара и начал подготовку к войне с Москвой.

В апреле московский государственный совет решил начать широкомасштабную кампанию против Казани. Русская армия должна была собраться в Свияжске. Митрополит Макарий послал воинам свое благословение, поощряя их воевать против неверных, *"которые продолжают проливать христианскую кровь"*.

Начало военных действий было ненадолго отложено из-за эпидемии цинги в Свияжске, восстания черемисов и похода крымского хана на Тулу.[123]

Только 13 августа царь Иван IV прибыл в Свияжск со своим двором, новгородскими дворянскими соединениями и стрельцами в помощь войскам, собранным там. Артиллерия, военные и прочие запасы были заранее посланы в Свияжск по Волге на кораблях из Нижнего Новгорода.

Иван IV назначил хана Шаха-Али номинальным главой основной армейской группировки — большого полка. Двумя русскими воеводами, его помощниками, в действительности командовавшими большим полком, были князья Иван Федорович Мстиславский и Михаил Иванович Воротынский.

Западный инженер (датчанин?), имя которого дано в русских источниках как Размысл, отвечал за соединения саперов. Алексей Адашев не получил какого-либо крупного назначения, но был уполномочен царем Иваном IV решать в критических ситуациях экстренные задачи. Его миссия во время осады и штурма Казани оказалась весьма полезной.

Шах-Али действовал как специальный советник царя Ивана. Учитывая его близкое знакомство с казанскими делами, он был очень полезен Ивану IV как в военных действиях, так и на идеологическом фронте, поскольку был мусульманином.

Русские подошли к Казани в конце августа. Численность их армии оценивалась в сто пятьдесят тысяч воинов. Вероятно, эта цифра

завышена. Город был защищен крепкими стенами и хорошо снабжен военным снаряжением и продовольствием. Гарнизон состоял из тридцати тысяч татар и двадцати семи тысяч ногайцев.

В дополнение в Арск, к северо-востоку от Казани, был послан во главе татарского кавалерийского отряда князь Япанча. Он должен был мобилизовать для похода на русских, осаждающих Казань, и отвлечения их внимания силы левобережных (левый берег) черемисов, верных Казани. Чтобы войска Япанчи не смогли прорвать осаду Казани, русские создали войско специального назначения под командованием князя Горбатого,.

Сперва защитники Казани не страдали от недостатка питьевой воды, поскольку они вырыли подземный туннель к источнику близ реки Казанки. Татарский князь Камай, который перешел на сторону русских, раскрыл им этот секрет. Московиты заминировали туннель и взорвали его. Часть городской стены рухнула. Казанцам удалось заставить отступить русских, хлынувших в проем, но подземный путь и доступ к источнику были уничтожены.

Около 1 октября русские подготовили все ко взрыву основной башни казанской стены. Через князя Камая царь Иван IV объявил казанцам, что он сохранит им жизнь, если они сдадутся и выдадут своих предводителей. В противном случае пощады не будет. Казанцы сдаться отказались.

Иван приказал русской армии готовиться к штурму Казани, который планировался на следующий день после того, как башня будет взорвана. Взрыв прошел успешно, и русские ворвались в город. Защитники отчаянно сражались. Когда они увидели, что дело проиграно, они выдали своего хана Ядигара, но продолжали биться. Оставшиеся в живых попытались уйти через болота в ближайшие леса, были окружены. Татары запросили пощады, но русские не согласились. Цвет татарской знати погиб в этот день.

Когда царь Иван IV въехал в разрушенный город, его приветствовала как спасителя толпа русских пленников, томившихся в Казани и теперь освобожденных. Не теряя времени, он выслал посланников к племенам-сателлитам Казанского ханства, обещая мир и безопасность и требуя от них тех же налогов, что они обычно платили татарским ханам Казани.

Прежде всего старейшины Арска, а затем все "*нижые земельные*" черемисы послали своих представителей к царю Ивану IV и присягнули ему в верности.

После того как мертвые были похоронены, и город убран, Иван IV по согласию с духовенством и теми членами государственного совета, что сопровождали его в Казань, заложил основание православного собора в центральной части города.

Адашеву и некоторым другим опытным воеводам было очевидно, что хотя победа одержана и приняты первостепенные меры по установлению русского контроля над страной, оставалось еще многое сделать, чтобы установить русскую систему администрации. Поэтому Адашев и его последователи настаивали, чтобы, в целях последовательного установления мира в ханстве, царь Иван IV остался в Казани на несколько месяцев и держал там еще некоторое время сильную армию.

Иван IV, однако, не пожелал принять совет Адашева. Он был измотан напряжением драматических дней осады Казани и полагал, что оставшаяся нудная работа по установлению мира в завоеванной стране ниже его достоинства и должна быть оставлена воеводам, которых он мог бы бранить за неудачи, как он сделал позднее. Более того, Иван IV спешил вернуться домой к своей беременной жене. Ее родственники, Захарьины, побуждали его приехать как можно раньше.

Тем не менее 6 октября царь назначил своим наместником в Казани, ответственным за тысячу пятьсот сынов боярских, три тысячи стрельцов и значительное число казаков, князя Александра Горбатого. Сам же отправился в Свияжск, а оттуда в сопровождении бояр в Москву. Часть армии была послана в Свияжск, часть – в Москву, часть -демобилизована.

Когда Иван IV был на пути в Москву, посланец принес ему весть, что царица Анастасия родила сына, получившего при крещении имя Дмитрий. 29 октября царь Иван IV триумфально вошел в Москву, приветствуемый духовенством, знатью и всем населением столицы.

Именно с этого времени Иван IV стал известен среди русских и татар, как внушающий страх (*грозный*). Русские называли его Грозным как своего вождя и защитника от врагов. Для казанских татар он стал *Явуз* (турецкий вариант Грозный), как их победитель. По-английски царь Иван именуется "Ужасным" или "Страшным".

3. Кризис 1553 г. и второй период реформ

I

Завоевание Казани было огромной военной победой и великим политическим достижением. С религиозной точки зрения оно стало триумфом христианства над исламом.

Адашев и другие ведущие московитские государственные деятели, однако, хорошо знали, что еще многое осталось сделать для укрепления русских позиций во вновь завоеванной стране, а также и для завершения реформ в Московии — для реорганизации армии, провинциальной администрации и судов. Система кормления провинциальных наместников должна была быть упразднена. Одновременно митрополит Макарий и священник Сильвестр готовили планы установления христианства в Казани.

Вскоре после возвращения царя из Казани Адашев попытался побудить его предпринять энергичные меры по установлению мира в Казани и продолжению реформ дома. Однако Иван не был расположен обеспокоить себя внимательным рассмотрением казанских и иных государственных дел, в особенности потому, что многие влиятельные бояре были против программы политики Адашева. Дабы избежать приема ответственных решений, Иван IV предпочел на время удалиться из столицы. В декабре он отправился со своей женой и ребенком в Троице-Сергиев монастырь. Следует отметить, что митрополит Макарий не сопровождал царя. Дмитрий был крещен епископом ростовским Никандром. Это едва ли было случайно. Возможно, это стало результатом временного несогласия или ссоры между царем и митрополитом.

Триумф христианства над исламом был символизирован крещением двух бывших казанских ханов, пленников Москвы. Это были мальчик Утемыш-Гирей (сын Сюнбеки), выданный Москве в 1551 г., и последний казанский хан Ядигар. Макарий принял активное участие в церемониях.

В январе 1553 г. Утемыш (которому тогда было шесть лет от роду) был крещен под именем Александр. Ему дали достойное русское образование. Одаренный и подающий надежды мальчик, Александр безвременно скончался в возрасте девятнадцати лет. Он был похоронен в Архангельском Соборе Кремля, месте захоронения московских царей.

Вслед за крещением Утемыша хан Ядигар попросил царя Ивана IV простить ему его былое прегрешение (*грубость*, т.е. отказ сдать Казань) и не наказывать его, а позволить принять христианство. Он заверил, что искренне хочет верить в Христа. После консультации с митрополитом Макарием Иван IV дал разрешение, и глава церкви был послан к Ядигару для разъяснения истин веры. 26 февраля Ядигар был крещен в присутствии царя, митрополита, других прелатов и бояр. Он

получил имя Симеон. После этого Ядигар был известен в Московии как царь Симеон. Поскольку он был сыном Касая, на него ссылались как на Симеона Касаевича. Через некоторое время после своего крещения царь Симеон женился на русской девушке, происходящей из одной древней московской боярской семьи, Марии Андреевне Кутузовой. Он стал одним из доверенных воевод Ивана IV и жил до 1565 г.

Перед тем, как покинуть Троицкий монастырь, Иван IV приказал боярам обсудить ситуацию на заседании Думы и принять подобающие решения как о казанских делах, так и о системе кормления. Боярам это распоряжение не нравилось. Следует вспомнить, что в заседании Думы участвовали многие противники Адашева. Этими непродуманными действиями Иван IV не только поставил под удар Адашева, но и нанес вред дальнейшему ходу реформ.

Казанская кампания не пользовалась популярностью у бояр — противников Адашева, особенно теперь, когда каждому стало ясно, что потребуются напряженные усилия для завершения завоевания. Эти чувства были резко выражены князем Семеном Лобановым-Ростовским: *"Московское царство было повергнуто в бедность (казанской кампанией), и в любом случае невозможно будет удержать Казань"*.

Автор интерполяций в "Царственную книгу", дьяк Иван Висковатый, иронически отзывался об этом заседании Боярской Думы: бояре "устали от таких великих усилий и работы и даже не сумели закончить малую долю ее. Они отложили любое решение по казанским делам и, жаждая богатства, начали обсуждать вопросы кормления".[124] (Из этого следует, что уничтожение кормления лишило бы бояр значительного дохода, и поэтому бояре попытались сохранить эту систему).

Пренебрежение бояр к казанским делам, продолжал комментатор, привело к тому, что вся "нижнеземельная" часть к востоку от Волги, включая Арск, восстала против Москвы, и было пролито много христианской крови.

Боярский саботаж программы реформ был не только выражением их недовольства Адашевым. Группа бояр, включая вышеупомянутого князя Семена Лобанова-Ростовского, выступала и против самого царя Ивана IV. Некоторые из разочарованных бояр даже начали подумывать о замене Ивана IV при первой возможности более удобным им правителем, а точнее, двоюродным братом Ивана IV, князем Владимиром Андреевичем Старицким.[125]

Неожиданно довольно скоро такая возможность представилась.

1 марта 1553 г. царь тяжело заболел. Его родственники и придворные были охвачены горем. Его противники радовались, надеясь, что он не выживет.[126] Среди всеобщего замешательства дьяк Иван Михайлович Висковатый "напомнил суверену о его завещании. Суверен приказал исполнить завещание — его (завещание) суверен всегда имел наготове".[127]

Это свидетельство в определенной мере двойственно. Некоторые ученые полагают, что завещание было сделано лишь во время царской болезни.[128] По моему мнению, слова Висковатого показывают, что завещание было написано до болезни царя. Оно могло быть подготовлено до начала казанской кампании. Если царская волеизъявление существовало до рождения царевича Дмитрия, то имя последнего могло быть и не упомянуто в нем.

Как бы то ни было, после исполнения воли Висковатым, "они" (очевидно, Висковатый и поддерживающие его) попросили царя приказать князю Владимиру Старицкому и боярам присягнуть царевичу Дмитрию. Недовольные бояре, рассчитывающие, что после смерти царя Ивана IV трон унаследует князь Владимир Андреевич Старицкий, подняли мятеж. Амбициозная и любящая интриги мать Старицкого, Ефросиния (урожденная княгиня Хованская) находилась в тесных контактах с недовольными боярами. Сам же князь Владимир, как можно предположить, был бы вполне удовлетворен положением регента при маленьком Дмитрии.

Загадкой летописи этих смутных дней является отсутствие какой-либо информации о роли митрополита Макария в этих событиях. Его имя даже не упоминается.

Бояре, желавшие, чтобы трон достался князю Владимиру Старицком, говорили, что если царем станет мальчик Дмитрий, реально править Россией будут родственники его матери, Захарьины и Юрьевы.

Переходя на сторону князя Владимира, они ожидали сохранения прав княжеской аристократии в государственном совете, и их ожидания оправдались, когда Владимир стал царем.

К этой группе бояр принадлежали (кроме князя Семена Лобанова-Ростовского) князь Петр Щенятев, князь Иван Турунтай-Пронский, князья Куракины, князь Петр Серебряный, князь Семен Микулинский, боярин Семен Морозов и множество других.[129] Они фактически были против самого царя Ивана, а не против царевича Дмит-

рия. Но аргументация, которую они использовали столь умело против Дмитрия — если он станет царем, действительными правителями будут Захарьины-Юрьевы — не могла не затронуть представителей боярства и знати, преданных царю Ивану.

Окольничий Федор Адашев (отец Алексея) заявил: "*Мы готовы целовать крест (дать клятву верности) тебе, государь и твоему сыну Дмитрию, но мы отказываемся служить Захарьиным*".

В действительности он подразумевал, что в случае смерти царя Ивана IV следует создать регентский совет, дабы воспрепятствовать захвату власти родом Захарьиных. Священник Сильвестр заявил, что князь Владимир Старицкий, бывший братом царя (фактически первым двоюродным братом), любит его больше, нежели бояре. Возможно, он предложил боярам сделать Владимира главой регентского совета.[130]

В момент агонии царь отчаялся сохранить трон для своего малолетнего сына и умолял Захарьиных-Юрьевых и других верных ему бояр в случае его смерти бежать за рубеж с Дмитрием и его матерью и получить убежище, где это будет возможно. Очевидно, именно тогда в первый раз возможность побега за рубеж во имя безопасности возникла в сознании Ивана IV. В это время он думал о своем малолетнем сыне. Позднее он подумает о такой возможности для себя.

Не обещая ничего определенного о регентстве, Иван IV тем не менее заявил всем присутствующим: "*Я желаю, чтобы вы служили моему сыну Дмитрию, а не Захарьиным*". В конце концов большинство бояр дали клятву верности Дмитрию. Специальная форма клятвы верности потребовалась от князя Владимира Старицкого, и он дал ее, несмотря на возражения своей матери.[131]

Царское выздоровление остановило мятеж, по крайней мере внешне.

Согласно князю Семену Лобанову-Ростовскому, "когда Бог выказал милость к государю и даровал ему выздоровление, мы (заговорщики) согласились держать все дело в тайне", и они поэтому прекратили открытое сопротивление царю.[132]

Сам князь Семен, однако, боялся, что слуги донесут на него властям и решил со своими родственниками бежать в Литву. В июле 1554 г. князь Семен послал сына Никиту к королю Польши (великому князю литовскому) Сигизмунду Августу сообщить о своем прибытии. На пути Никита был арестован *детьми боярскими*, находившимися на гарнизонной службе в Торопце, и доставлен к царю. Последний приказал арестовать и допросить Семена. Результатом стал

смертный приговор князю Семену, вынесенный судом Боярской Думы, но благодаря вмешательству митрополита Макария и духовенства царь Иван IV заменил приговор ссылкой и заключением в Белоозере.[133]

Царевич Дмитрий, чьи права на трон породили также противостояние в марте 1553 г., не был предназначен судьбой для долгой жизни. Согласно официальной хронике, он умер в июне того же года во время паломничества царя Ивана IV в Кириллов монастырь.[134] Согласно неофициальной версии, нянька Дмитрия по небрежности уронила его в реку Шексну, когда царские придворные пересаживались из одних лодок в другие.[135]

Князь Курбский говорит, что именно глупость Ивана IV стала причиной смерти Дмитрия. Курбский, очевидно, подразумевает, что Иван IV поступил неразумно, взяв свою жену и малолетнего сына в длительное и сложное путешествие. Курбский рассказывает, что Максим Грек (которого Иван IV посетил в Троицком монастыре перед отправлением в Кириллов монастырь) старался отговорить Ивана IV от поездки и даже предрекал смерть Дмитрия в путешествии.[136]

Стабильность наследования трона была вновь поставлена под удар до той поры, пока царица Анастасия не родила своего второго сына, царевича Ивана, 28 марта 1554 г. Двадцать семь лет спустя царь Иван в порыве гнева убьет этого царевича.

II

Завоевание Казани открыло русским среднее течение Волги. Ускоряя свое наступление на юг, они достигли Астрахани, которую завоевали в 1556 г. Таким образом они открыли путь к Каспийскому морю, который оказался весьма важным для России как стратегически, так и коммерчески.

Менее чем через год после победы над Казанью, в Северной России, у побережья Белого моря, открылся арктический путь международной торговли между Россией и Западом.

24 августа 1553 г.[137] английский корабль "Эдуард Благое Предприятие" под командованием капитана Ричарда Ченслера, бросил якорь в устье Северной Двины близ монастыря св. Николая. Ближайший город Холмогоры был расположен вверх по течению реки Двины.

Англичане оказались у русских берегов случайно. "Эдуард Благое Предприятие" был одним из кораблей флотилии, состоявшей из трех судов, посланных для исследования арктического пути к Дальнему

Востоку с конечной целью обнаружения нового торгового пути к Китаю. Два корабля погибли от сильного штормового ветра, и лишь корабль Ченслера достиг устья Двины.

Ко времени экспедиции англичане имели лишь туманные представления о самом существовании России. "Страна все еще оставалась почти полностью за ментальным горизонтом даже наиболее образованных англичан".[138] Как Ченслер позднее говорил Клементу Адамсу, лишь только после того, как он и его люди спустились на берег и вступили в контакт немногими встреченными ими обитателями тех мест (которые были сперва испуганы появлением иностранного корабля), они узнали, что страна эта называется Россией, или Московией, и что правит и вершит дела всюду в этих местах Иван IV Васильевич.[139]

Холмогорские власти немедленно послали гонцов в Москву, чтобы проинформировать правительство о прибытии англичан. Ченслер был приглашен в Москву. Он покинул Холмогоры 23 ноября и проехал на санях через Вологду и Ярославль. Он был под большим впечатлением от этого длительного путешествия.

"Москва находится в двухстах милях от Ярославля. Местность между ними тесно заполнена малыми деревнями, в которых так много людей, что удивительно видеть их: земля обильно родит зерно, которое они везут в Москву в таком количестве, что это приводит видящего в удивление. Вы встретите утром семь или восемь сотен саней, идущих туда и оттуда, некоторые из которых везут зерно, другие — рыбу.

Сама Москва великолепна: я полагаю, что город в целом больше, чем Лондон с его пригородами; но он очень неотделан и расположен совершенно беспорядочно. Их дома все сделаны из дерева, очень опасного для огня. Там стоит прекрасный Замок (Кремль), стены которого сделаны из кирпича и очень высоки".[140]

Ченслер был принят на аудиенции царем Иваном IV и приглашен на торжественный обед: "Его (царский) прием был с беспорядочным застольем, и все же это был богатый прием: все подавалось на золоте, не только сам царь, но и все мы обслуживались так, и все было очень массивным: бокалы были золотые и очень тяжелые. Число обедавших там в этот день было двести человек, и все обслуживались на позолоченной посуде".[141]

До появления англичан московиты получали западные товары через Балтийское море. С раннего средневековья русские обладали устьем Невы, но не имели там порта. В Великий Новгород надо было доби-

раться по речным путям. Ганзейская лига устроила собственную факторию (по-немецки — hof, а по-русски — двор) в Новгороде. В попытке сломать торговую монополию Ганзейского союза Иван III закрыл двор в 1494 г. Двумя годами раньше он приказал построить на восточном берегу реки Нарвы новую русскую крепость, названную Ивангород, ближе к устью и напротив немецкого города Нарвы, но большинство торговых судов, курсировавших по Балтийскому морю, продолжали использовать Нарву как порт, поскольку ее портовые сооружения были лучше, нежели в Ивангороде.[142] Таким образом, торговые отношения между Западом (Данией, Голландией, Францией) и Московией были возможны только через Нарву и иные ливонские порты.

Но Москва была заинтересована не только в торговле с Западом. Московское правительство нуждалось в западных технических специалистах всех типов — инженерах, мастерах горного дела, врачах, архитекторах, ювелирах и т.д. В 1547 г. немецкий искатель приключений Ганс Шлитте предложил юному царю Ивану IV и его советникам свои услуги в области поиска на царскую службу немецких специалистов различного профиля.

В конечном итоге ему удалось нанять 123 технических специалиста и привезти их в Любек, откуда они должны были отправиться в Московию. Когда это стало известно, Ганзейская лига, равно как и власти ливонского города Ревеля, потребовали от властей Любека запрета на отправку технических специалистов в Москву. Основанием подобного требования был страх, что распространение технического знания в России, равно как и импорт военного снаряжения, усилит царство в экономическом и военном отношении до такого предела, что это нанесет ущерб Ливонии. Найдя подходящий повод, любекские власти арестовали Шлитте. Нанятые им люди, оставленные без денег и получившие отказ в транспортировке в Москву, разошлись.

Шлитте удалось бежать из любекской тюрьмы и начать вновь свои попытки выполнить поручение царя. Тут забеспокоилось польское правительство и послало в 1553 г. специальных посланников к императору и папе, предупреждая их против какого-либо сближения с Москвой. Планы Шлитте полностью провалились.[143]

Интересно отметить, что при посещении Ричардом Ченслером Москвы он очевидно слышал от встреченных им ливонцев и поляков опасения относительно военной опасности, которую "цивилизованная" Россия могла бы представлять для своих западных соседей.

В своем отчете Ченслер говорит о московитских солдатах: "Они — люди, неупорядоченные в поле", но в то же время высоко оценивает их стойкость во время кампаний. "Я спрашиваю вас, наши хвастливые воины, сколь многих из вас мы найдем способными выдержать натиск их (русских) в поле более одного месяца... Что можно было бы сделать из этих людей, если бы они были натренированы и имели представление о порядке и знание гражданских войн? Если бы этот князь (царь) имел в своих пределах таких людей, которые понимали упомянутые вещи, то я полагаю, что два лучших великих князя в христианском мире не могли бы с ним сравниться по объему власти и стойкости своих людей".[144]

Англичане, находившиеся далеко от России, не имели причин как-либо ограничивать контакты с Московией. Они оказались готовыми не только торговать с Россией, но и разрешили своим техническим специалистам направиться в Россию, когда русские попросили об этом.

Для русских появление англичан означало прорыв потенциальной западной блокады на Балтике. Обе стороны, таким образом, были удовлетворены началом их отношений.

Когда Ченслер возвратился в Англию в 1554 г., король Эдуард уже умер, и Ченслер должен был представить свой отчет новой правительнице, королеве Марии (Кровавой Марии).

Для торговли с Россией была организована Московская компания (также известная как Русская компания), для чего в 1555 г. была получена грамота от королевы Марии. Ченслер был послан назад в Москву с двумя специальными агентами компании, Ричардом Греем и Георгом Киллингвортом.

Они были радушно приняты царем, после чего дьяк Иван Висковатый и представители московских купцов обсудили с ними условия первого русско-английского торгового соглашения. В результате этого обсуждения царь издал грамоту для английско-московской компании. Грамота содержала важные привилегии для англичан: беспошлинные торговые сделки, специальную юрисдикцию для англичан, живущих в России и право разрешения юридических трудностей между собой.[145]

Когда Ченслер отплыл назад в Англию в 1556 г., он взял с собой царского посланника Осипа Непею (первого русского посла в Англию). Ченслер утонул, когда корабль был разрушен штормом близ Шетландских островов. Непея был спасен и после многих невзгод

прибыл в Англию. Он был с энтузиазмом встречен в Лондоне 28 февраля 1557 г.[146]

Непея получил от королевы Марии для русских купцов привилегию беспошлинно торговать в Англии, равно как и разрешение нанимать на царскую службу технических специалистов и ремесленников разного типа. Эта привилегия в действительности была бесполезна, поскольку русские в это время не имели судов морского класса, способных плыть в Англию. Но разрешение нанимать технических специалистов немедленно использовалось самим Непеей. Когда он вернулся в Москву, то взял с собой доктора, аптекаря и многих специалистов технического профиля.

Непея возвратился в Россию с новым представителем Московской компании, энергичным Энтони Дженкинсоном, на одном из судов флотилии из четырех кораблей.[147] Путешествие началось 12 мая 1557 г. Дженкинсон был проинструктирован прояснить с московскими властями все пункты, которые не были достаточно оговорены в торговом отношении и в особенности найти торговый путь из Московии на Восток. Все четыре корабля благополучно прибыли в Белое море и бросили якорь в заливе у монастыря св. Николая 12 июля 1557 г. Непея и нанятые им англичане отправились в Москву 20 июля и прибыли туда 12 сентября.

Дженкинсон ждал в Холмогорах около месяца, затем исследовал алебастровые скалы и провел более месяца в Вологде, собирая информацию для компании. Он прибыл в Москву 6 декабря и представил свои полномочия "секретарю" (предположительно, Ивану Висковатому).

На Рождество Дженкинсон был принят на аудиенции царем и затем приглашен на обед. Дженкинсон был опытным путешественником и географом, хорошо образованным и наблюдательным человеком, наделенным большими способностями к торговым и дипломатическим переговорам. Царю он понравился и получил разрешение двинуться по Волге к Астрахани, а оттуда, на свой страх и риск, — к Бухаре.

Он начал свое путешествие в 1558 г. и сумел достичь Бухары, где он провел зиму 1558-1559 гг. Из Бухары Дженкинсон планировал направиться по суше в Китай, но постоянные неурядицы, войны и грабежи в Центральной Азии в это время заставили его отказаться от своих планов и возвратиться в Москву, а затем и в Англию. Он появился в Москве вновь в 1561 г. и на сей раз испросил царского раз-

решения отправиться в Персию. Там он провел зиму 1562-1563 гг. и благополучно возвратился в Москву позднее в том же году.[148]

III

Мятеж среди бояр во время болезни Ивана IV в марте 1553 г. должен был оставить у царя горькие впечатления. Группа бояр открыто поддержала в качестве кандидата на трон князя Владимира Старицкого против сына Ивана IV Дмитрия. Лидеры ближней рады, священник Сильвестр и Адашев, не возражали против кандидатуры Дмитрия как таковой, но хотели гарантий против захвата власти (в случае коронации Дмитрия царем) родственниками царицы Анастасии, Захарьиными-Юрьевыми. Последние были в состоянии смятения. Ивану IV могло показаться, что именно дьяк Иван Висковатый спас положение.

В результате этих мартовских событий недоверие к Адашеву и Сильвестру и подозрения против них захлестнули Ивана IV, хотя в действительности не было оснований для обвинения их в неверности. В своем письме Курбскому Иван IV писал, что в течение его болезни Сильвестр и Адашев "*хотели возвести на трон князя Владимира*" и что они и их последователи (включая Курбского) желали извести Ивана и его детей.[149] На это обвинение Курбский ответил, что он даже не думал возвести Владимира Старицкого на трон, "*ибо он этого и не стоил*".[150]

Недоверие Ивана к Сильвестру и Адашеву еще более усилил монах Вассиан Топорков, который жил в Песношском монастыре на реке Яхроме к северу от Дмитрова и кого Иван IV посетил на пути в Кириллов монастырь. Вассиан был стойким иосифлянином и горячим сторонником митрополита Даниила. В 1525 г. Вассиан был рукоположен в сан епископа Коломенского. Он ушел на покой, или скорее был отправлен на покой, в 1542 г., когда Макарий был избран митрополитом.

Мы поэтому можем представить, что визит Ивана к Вассиану возмутил не только Сильвестра и Адашева, но и Макария. Согласно Курбскому, Вассиан сказал Ивану: "*Если ты желаешь быть самодержцем, никогда не держи при себе ни одного советника мудрее тебя*".[151] Совет Вассиана со всей очевидностью был направлен против Сильвестра и Адашева и, возможно, также против митрополита Макария.

Какое-то время Иван IV должен был подавлять (по крайней мере внешне) свое недоверие к Адашеву, поскольку отставка последнего

дезорганизовала бы нормальную работу правительства в критическое время восстания в бывшем Казанском ханстве, разброда среди ногайцев и подготовки похода на Астрахань.

Хотя Висковатый должен был сотрудничать с Адашевым в государственных делах и не мог не ценить его таланты государственного деятеля, он не любил священника Сильвестра и рассматривал его вмешательство в церковные и государственные дела как большое зло. Висковатый ждал первой возможности дискредитировать Сильвестра. Кажется, что царь Иван IV тайно поддержал оппозицию дьяка священнику.

Возможность бросить тень подозрения на ортодоксальность Сильвестра в религиозных делах уже назревала. По словам летописца, "*подымалась ересь и смущение среди людей и произносились неподобающие слова о Божестве*".[152]

Религиозное брожение 1550-х гг. продолжало традиции споров конца XV и начала XVI веков, порожденные подъемом антиортодоксальных и частично в целом антихристианских доктрин, комплекс которых в это время был назван Иосифом Саниным и иосифлянами "ересью жидовствующих".

Кажется вероятным, что собственно жидовствующие были под влиянием литовских караимов. Иные еретики представляли реформистские направления в церкви и были схожи с протестантизмом и социнианством (антитринитарной доктриной) на Западе.[153]

Внутри русской православной церкви в этот период существовало два направления: одно акцентировало социальную и политическую роль церкви, а также четкое соблюдение церковных ритуалов (иосифляне); другое может быть названо духовным и мистическим, ибо его последователи ценили медитацию и молитву более ритуала церковных служб (Нил Майков и другие *заволжские старцы*).[154]

Иосифляне противились любой попытке государства секуляризировать церковные и монастырские земельные владения. Заволжские старцы порицали владение землей монастырями на религиозной и моральной основе. Вследствие этого, они были известны как *нестяжатели*. В этом случае они придерживались того же мнения, что и жидовствующие, а также иные еретики.

Поэтому Иван III, который для обеспечения дворянской армии владениями нуждался в земельном фонде, был благорасположен по отношению к еретикам и заволжским старцам.

Иосиф и его последователи продолжали требовать последовательного наказания еретиков. Заволжские старцы, напротив, были убеждены, что убеждение, а не наказание, является верной дорогой борьбы с ересями.

Иосифляне были в большинстве. Церковный Собор 1503 г. отверг рекомендации Нила по секуляризации монастырских земельных владений. В следующем году еретики были осуждены еще одним церковным собором, и некоторые из их предводителей были казнены в Москве и Новгороде.[155] Однако ересь не могла быть искоренена, а голос последователей Нила Майкова полностью заглушен.

Возрождение религиозного несогласия было частью общего интеллектуального и духовного брожения в России в 1550-х гг. В особенности оно было связано с сессиями Стоглавого собора 1551 г., на котором обсуждались недостатки в практике церкви, а также необходимость повышения интеллектуального и морального уровня духовенства.

Церковным Собором 1553-1555 гг. были выдвинуты обвинения против трех выдающихся религиозных лидеров: *сына боярского* (дворянина) Матвея Башкина; бывшего холопа Феодосия Косого и монаха Артемия. Первые два были, с точки зрения православной церкви, несомненно, еретиками. Третий был православным, но следовал традиционному духовному христианству заволжских старцев и поэтому вызывал подозрения у истинных иосифлян. Тот факт, что Артемий знал обоих, Башкина и Косого, лично, делал сбор ложных свидетельств против него более простым для обвинителей.

Артемий, псковитянин, был (с 1536 г.) монахом Порфирьевой пустыни в районе Белого Озера. Он внимательно изучал сочинения Нила Майкова и стал его горячим последователем. Подобно Нилу, Артемий ценил духовное значение молитвы и медитаций. Как и Нил, Артемий был против владения монастырями землей и преследования и наказания еретиков.[156] Вскоре личность и идеи Артемия вызвали значительный интерес в среде монахов и иных религиозно настроенных людей Белоозерского края. Постепенно вокруг него вырос кружок учеников. Одним из них был Феодосий Косой.

О происхождении Феодосия существует скудная и не совсем надежная информация, исходящая от новгородского монаха Зиновия Отенского (Отнея пустынь) в его полемическом трактате об еретических взглядах Феодосия, носящем название "Истинное показание".[157]

Этот трактат (написанный в 1566 или 1567 гг.) возник из бесед Зиновия с тремя членами церковного хора (клирошане) из Спасского монастыря в Старой Русе, два из них были монахами и один иконописцем. Они хотели знать мнение Зиновия о доктрине Феодосия, которая стала популярной среди людей Старой Русы. Они пришли к Зиновию с памяткой о Феодосии и его идеях, подготовленной последователями Феодосия, от которых они узнали некоторые детали его жизни и сообщили их Зиновию. Они не приняли сразу все аргументы Зиновия против ереси Феодосия и в некоторых случаях повторяли аргументы последователей Феодосия. Они хотели не только убедиться при помощи Зиновия, что Феодосий был еретиком, но и желали знать, как парировать аргументацию последователей Феодосия.

Согласно информации, собранной Зиновием в этих беседах, Феодосий был уроженцем Москвы, холопом важного придворного. Он ненавидел свое положение, подобно некоторым из своих друзей — холопов других хозяев, и в конце концов многие из них решили бежать.

По словам собеседников Зиновия, Феодосий "*получил свободу благодаря своей стойкости и уму: он тайно взял (своего) коня и вещи и убежал от своего хозяина на Белоозеро, где принял постриг*". (Так же поступили и его спутники). Зиновий отвечал, что в этом случае Феодосий оказался вором, который украл собственность своего хозяина и как холоп виновен в побеге от господина.[158] В ответ на это собеседники Зиновия указали, что Феодосий не может быть назван вором в любом случае, ибо конь и вещи, взятые им с собой, принадлежали ему, а не его хозяину.[159] Зиновий повторил свое прежнее утверждение, что все, что может иметь холоп, принадлежит юридически его господину. В действительности, согласно древнерусскому законодательству, лишь одежда и личные вещи, известные по римскому законодательству как peculium, принадлежали ему. Фактически, однако, многие холопы в Киевской Руси, также как и в Московии, обладали собственностью и входили в отношения обязательства, но каждый раз это было от имени их владельца.[160]

Поскольку Феодосий имел коня и был грамотен, он мог считать себя не обычным холопом, а, так сказать, человеком более высокого класса. Подобные холопы часто пользовались доверием своих хозяев. Очевидно, что так дело и было в случае Феодосия.

Когда Феодосий и его спутники прибыли в Белоозеро (предположительно около 1548 г.), они стали монахами различных монасты-

рей. Феодосий был принят в ските Артемия. Зиновий узнал от монахов из Старой Русы, что бывший хозяин Феодосия помог ему, когда он принял постриг. Более того, собеседники рассказали Зиновию, что Феодосий к этому времени был уже свободным человеком.[161]

Получается, что Феодосий покинул своего хозяина с его согласия. Очевидно, его бывший господин разделял взгляды, высказываемые священником Сильвестром и многими русскими того времени, полагавшими рабство несовместимым с христианской этикой.

Что же касается взаимосвязи с Артемием в Порфирьевой пустыни, то Феодосий едва ли оценил мистическое учение Артемия. Феодосий нашел равнодушное отношение Артемия к церковному ритуалу службы более созвучным своему пониманию. Он также одобрял возражения Артемия против монастырского землевладения и позднее развил эти аспекты учения Артемия так, что его собственная доктрина теснее приблизилась к социнианству (антитринитарианству).

Вскоре критика Артемием права монастырей обладать земельными угодьями стала известна в Москве. Как нам известно, царь Иван IV, Адашев и Сильвестр поддерживали идею секуляризации церковных и монастырских земель. Поэтому понятно, что они решили перевести Артемия как сторонника своих воззрений ближе к Москве.

Для этого было решено, хотя Стоглавый собор все еще работал, предложить Артемию должность игумена Троице-Сергиева монастыря.[162] Он был вызван в Москву и временно помещен в Чудов монастырь в Кремле. Царь Иван IV санкционировал беседу Сильвестра с Артемием и пожелал знать его мнение. Другой священник Благовещенского собора, Симеон (псковитянин, подобно Артемию) поддержал мнение Сильвестра. Затем ему был предложен пост настоятеля Троицкого монастыря.

Артемий нехотя принял предложение. Задача управления таким большим монастырем, как Троицкий, ему не импонировала. Кроме того, он знал, что среди монахов Троицкого монастыря были явные иосифляне, и что он мог ожидать с их стороны оппозиции и интриг. С другой стороны, бывший митрополит Иоасаф, который после своего ухода на покой жил в Троицком монастыре, был человеком, близким Артемию по духу. Кроме того, Артемий получил от царя Ивана IV разрешение привезти в Троицкий монастырь Максима Грека, который до этого был заключен в Отроч монастырь в Твери.

Опасения Артемия относительно иосифлянских интриг против него оказались верны.[163] В результате он пробыл в Троицком монастыре немногим более полугода и затем возвратился в Порфирьеву пустынь, не дождавшись формального освобождения от своих обязанностей, чем очень обидел царя.

Во время своего пребывания в Москве и в Троицком монастыре Артемий познакомился с Матвеем Башкиным, что позднее едва не повредило ему, когда Башкин был обвинен в ереси.

Матвей Семенович Башкин принадлежал к семье детей боярских, которая несколько выдвинулась в 1647 г. В 1550 г. Матвей был включен в списки избранной тысячи.

Как многие другие русские этого периода Башкин был за социальные реформы и возражал против института холопства, который он рассматривал как несовместимый с учением Христа и апостолов. Он освободил всех своих холопов.[164]

Постепенно в процессе изучения евангелия и посланий апостолов Башкин начал сомневаться в истине некоторых догм православной церкви. Он обсуждал это с некоторыми литовцами, жившими в Москве. Следует напомнить, что это был период быстрого распространения кальвинизма в Литве и Белоруссии.[165]

Многие товарищи Башкина, некоторые дети боярские, подобные ему, были заинтересованы его идеями, и вскоре он оказался предводителем группы последователей.

До тех пор, пока он разъяснял свои взгляды на христианскую социальную этику, многие влиятельные люди, включая священника Сильвестра и исповедника Башкина священника Симеона, симпатизировали ему. Однако, когда Башкин признался в своих сомнениях Симеону, последний почувствовал ересь и сообщил об этом Сильвестру. Сильвестр после консультаций с Адашевым почел за свой долг доложить об этом царю Ивану IV. Царь приказал провести расследование (июнь 1553 г.). Расследование было поручено двум монахам — Герману Полеву, настоятелю Успенского монастыря в Старице, и Герасиму Ленкову, монаху Волоколамского монастыря. Они обнаружили достаточные основания для обвинения Башкина в ереси. Однако Башкин опроверг некоторые из их обвинений; например, он настаивал, что не является антитринитарием.[166]

Когда расследование было завершено, в октябре 1553 г. для суда над Башкиным был созван церковный Собор. Председательствовал митро-

полит Макарий. Царь и бояре, а также духовенство присутствовали на заседаниях. Среди епископов, бывших членами Собора, лишь один — Кассиан Рязанский — симпатизировал взглядам заволжских старцев.

Дьяк Иван Висковатый решил, что появился шанс расправиться с Сильвестром. На заседании собора 25 октября он обвинил Сильвестра, Артемия и священника Симеона в сообщничестве с Башкиным. Он сделал упор на то, что новые иконы в Благовещенском соборе, выполненные под присмотром Симеона, не были ортодоксальными и отражали идеи Башкина, которые последний предположительно передал Сильвестру через Артемия. В ноябре Висковатый детально повторил свои обвинения в записке, адресованной митрополиту Макарию.

В результате вмешательства Висковатого Артемий был вызван в Москву для очной ставки с Башкиным, и затем сам был обвинен в ереси.

С другой стороны, обвинения Висковатого в адрес Сильвестра по поводу икон имели обратное действие. Сильвестр объяснил, что действовал по приказу царя и митрополита Макария и настаивал, что иконы были написаны в православной манере. Макарий зло ответил Висковатому: "*Ты начал с выступления против еретиков и теперь обратился к ложному философствованию о иконах. Опасайся быть пойманным сам как еретик*". И, разумеется, собор решил расследовать взгляды Висковатого на иконы, и он оказался в положении защищающегося.[167]

Новые иконы, вызвавшие возмущение Висковатого, были написаны для Благовещенского собора после гибели старых при пожаре 1547 г. В этом пожаре также был уничтожен царский дворец, и для так называемой золотой палаты дворца была выполнена новая стенная живопись.

По сути Висковатый был прав в своем утверждении, что многие новые иконы отличались от традиционных. Эти новые иконы, равно как и картины для стен, были символичны и аллегоричны. Они были написаны псковскими и новгородскими мастерами, которые во многих случаях находились под влиянием западных стереотипов, которые они как-то адаптировали к традиционному русскому стилю.[168]

Сильвестр как новгородец и Макарий, бывший архиепископом Новгорода в течение шестнадцати лет (1526-1542 гг.), привыкли к работам псковских и новгородских иконописцев и не рассматривали

их как отклонение от древних традиций. Они ошибочно полагали, что по крайней мере некоторые из этих икон следовали древневизантийским канонам.

В целом Висковатый оказался лучшим знатоком икон, но некоторые он оценил не совсем верно, что позволило Макарию напасть и на него. Кроме того, Макарий не стерпел сам факт вмешательства мирянина в религиозные дела. Собор наказал Висковатого трехлетним покаянием.

Одновременно шел суд над теми, кто был обвинен в ереси. Рязанский епископ Кассиан — единственный среди всех членов Собора защищал некоторых обвиняемых и резко критиковал рекомендацию покойного Иосифа Санина безжалостно казнить еретиков. Эта тема была эмоционально столь близка сердцу Кассиана, что в ходе выступления на собрании Собора его поразил инсульт. Он выжил, но стал беспомощным и вынужден был уйти с епископской кафедры и удалиться в монастырь.[169]

Собор счел Башкина виновным в ереси и приговорил его к пожизненному заключению. Он был заточен в Волоколамский монастырь.

В 1554 г. Феодосий Косой был арестован и доставлен в Москву для расследования, в течение которого он содержался под надзором в одном из московских монастырей. Возможно, что некоторые из членов его стражи были его тайными последователями. Как бы то ни было, ему удалось скрыться и бежать в Западную Русь.[170]

Артемий также был признан еретиком и выслан в Соловецкий монастырь, где должен был содержаться до покаяния в одиночной камере (январь 1554 г.). Вскоре, однако, и Артемий сбежал в Западную Русь. Может статься, что некоторые соловецкие монахи, считавшие суд над Артемием тенденциозным и несправедливым, помогли ему бежать.

В Западной Руси ортодоксальность веры Артемия вопросов не вызывала, и он играл важную роль в православном возрождении этих краев.[171]

Дебаты на церковном Соборе 1553-1554 гг. дали импульс печатному делу в Москве. Как было упомянуто, необходимость учреждения типографии должны были ясно понимать как митрополит Макарий, так и Сильвестр во время Стоглавого собора 1551 г. Решение этого Собора откорректировать церковные руководства и религиозные книги (в то время еще в рукописях) едва ли было выполнимо без использования печати в целях избежания дальнейших ошибок копиистов.

Необходимость корректировки текстов вновь стала очевидной на заседании церковного Собора 1553 г., когда, например, Висковатым делались ссылки на некоторые рукописи, рассматриваемые Макарием в качестве ненадежных.

В результате в тот же год царь, по совету Макария, приказал начать печатать книги в Москве. В качестве эксперимента была основана маленькая типография, предположительно в церкви св. Николая в Кремле. Очевидно, что дьякон этой церкви, будущий знаменитый печатник Иван Федоров, и работал на первом печатном станке.[172]

IV

Другим стимулом основания печатного дела в Москве было постоянное строительство в царстве новых церквей и монастырей, в особенности после завоевания Казани в 1552 г. в районе Средней Волги. Все большее и большее количество церковных руководств и религиозных книг было необходимо духовенству и для ведения служб в новых регионах.

Идея православного царства предполагала тесную связь между церковью и государством. Поэтому любое расширение государства сопровождалось соответствующим расширением церкви. Одним из первых деяний царя Ивана IV и его советников после завоевания Казани было основание там православного собора.

Дальнейшее развитие церковных институтов в бывшем Казанском ханстве было, однако, задержано восстанием марийцев (черемисов) и удмуртов (вотяков). Восстание направлялось некоторыми из тех казанских татар, которым удалось избежать смерти или плена в последних сражениях за Казань в 1552 г., и марийскими и удмуртскими старейшинами.

Первые попытки русских в 1553 г. подавить восстание закончились неудачей, и восставшие даже на время проникли на нагорный (правый) берег Волги.

Борьба продолжалась в 1554 и 1555 гг. И только тогда русские под предводительством князя Петра Ивановича Шуйского сломали хребет сопротивлению черемисов. К 1557 г. восставшие должны были признать русское правление.[173]

Несмотря на трудные условия, созданные восстанием мари, русские не прекратили свое наступление вниз по Волге до Каспийского моря. Астраханское ханство было более слабым, нежели Казанс-

кое. Как ногайские, так и крымские татары привыкли вмешиваться в астраханские дела.

Один из двоих братьев, которые тогда были ведущими ногайскими князьями, Юсуф, поддерживал хана Ямгурчея, выдвиженца крымских татар в качестве кандидата на астраханский трон. Другой, князь Исмаил, поддерживал Дервиша-Али, который был дружественен Москве и получил за свои услуги царю бенефиций в Московии.[174]

В 1553 г. посланцы Исмаила прибыли в Москву для обсуждения политической ситуации в Астрахани. Царь Иван IV поручил вести переговоры Алексею Адашеву и дьяку Ивану Висковатому.[175] Было решено послать войска в Астрахань для изгнания Ямгурчея и возведения на ханский трон Дервиша-Али.

Экспедиция состоялась летом 1554 г. и была успешной. Ногайцы Исмаила сотрудничали с русскими. Ямгурчей бежал в Крым. Астрахань сдалась 2 июля. Дервиш-Али был признан в качестве вассала царя Ивана IV; он согласился платить дань и разрешить русским ловить беспошлинно рыбу по всему течению Волги. П. Тургенев был назначен русским представителем при дворе Дервиш-Али.

В 1555 г. разразилась братоубийственная война между Исмаилом и Юсуфом. Последний был убит, а его сын бежал в Крым. Турецкий султан и крымский хан решили поддержать Ямгурчея, а также сыновей Юсуфа и тех ногайских князей, которые были с ними. Экспедиционный корпус крымских татар и турецких янычар напал на Астрахань, но был отброшен Дервишем-Али с помощью русских казаков и ногайцев Исмаила.

Однако Дервиш-Али перебежал на крымскую сторону. Затем московское правительство отправило в Астрахань войска стрельцов и казаков. В этот момент сыновья Юсуфа заключили мир со своим дядей Исмаилом, и вместе они организовали погоню за Дервишем-Али, бежавшим в Азов. Астраханцы поклялись в верности царю Ивану IV. Астрахань была присоединена к России (1556 г.).

Русское завоевание Казани и Астрахани сильно подействовало на татар и иные племена к востоку от Волги и на Северном Кавказе. В 1555 г. хан Тюмени Ядигар отправил своих послов к царю Ивану IV, чтобы поздравить его с успехами и просить царя принять Сибирь под свою защиту.

В том же году в Москву прибыли несколько кабардинских князей — просить царской помощи против турецкого султана и крымс-

кого хана. Двумя годами позже два кабардинских князя, Темрюк и Тизрют, появились в Москве, предлагая услуги на царской службе и прося защиты от *шамхала* (князя) Тарки, который правил горной территорией, прилегающей к восточному берегу Каспийского моря на север от Дербента. Характерно, что шамхал в свою очередь отправил в Москву послов, чтобы заключить союз против кабардинцев.[176]

В конце 1554 г. московское правительство ощутило, что наиболее опасная стадия марийского восстания миновала. В мае 1555 г. энергичный князь Петр Иванович Шуйский был назначен наместником и воеводой Казани с огромными полномочиями. Стало возможным думать о консолидации государственной и церковной администрации в Казанском царстве на постоянной основе. Более того, суд над еретиками в Москве был почти закончен, и Макарий и другие чины церкви могли теперь обратить свое внимание на казанские церковные дела.

В 1555 г. была основана казанская епархия.

Непосредственной целью церковного установления в новой стране было обслуживание там духовных интересов русских — в первую очередь тех, кто служил армии, администрации, и купцов. В дополнение, однако, от церкви ожидалось проведение миссионерской работы среди татар (все они были мусульманами), финских и тюркских народов. Сюда включались подчиненные им племена, подобные марийцам и удмуртам, большинство из которых все еще были язычниками, последователями древних родовых культов. Крещение в Москве в 1553 г. бывших казанских царей, Утемыш-Гирея и Ядигара, было всего лишь первым шагом в этом направлении. Известно, что к 1555 г. в Казани и в ее округе существовало много вновь крещенных татар и марийцев.

Никакая широкомасштабная колонизация территории Казанского ханства не была возможна до конца 1550-х, ко времени которых всяческие восстания были подавлены. С другой стороны, в пограничных районах Нижнего Новгорода, Мурома и Курмыша, которые постоянно разорялись казанскими татарскими рейдами до 1552 г., теперь стало спокойно. Эта территория немедленно привлекла крестьян из переселенных центральных районов московской территории.[177]

Решение основать епархию в Казанском царстве было одобрено Собором русских церковных иерархов, созванным совместно царем Иваном IV и митрополитом Макарием. Поскольку число верующих во вновь покоренном районе было мало, Вятские земли и также Сви-

яжск были сделаны частями новой епархии. Настоятель Гурий из Селижаровского монастыря (Тверская земля) был избран (жребием) и рукоположен в сан архиепископа Казани и Свияжска 3 февраля 1555 г.

Гурий был человеком глубоко духовным, но нездоровым. Он принял Казанскую епархию как крест. Двумя его главными помощниками были монахи Герман Полев и Варсонофий. Следует вспомнить, что Герман был одним из следователей по делу ереси Башкина. Он был рукоположен в сан архимандрита Свияжского монастыря. Варсонофий, сын серпуховского священника, был до своей казанской миссии настоятелем Песношского монастыря (где царь Иван IV посетил Вассиана Топоркова в 1553 г.). Варсонофий последовал за Гурием в качестве архимандрита Преображенского монастыря в Казани. В юности Варсонофий был схвачен крымскими татарами в ходе одного из их набегов на Россию и провел три года в плену. Здесь он выучил татарский язык и хорошо познакомился с догматами ислама. Таким образом, он был подготовлен к миссионерской деятельности в Казани.

Для поддержания Казанской епархии царь выделил земли в казанском регионе, равно как и десятину государственного дохода Казанского царства. Кроме того, последовало повеление, что митрополит, епископы и монастыри по всей Московии должны помочь новой епархии сбором денег и зерна.[178]

В Москве велась тщательная подготовка миссии Гурия и его сопровождающих в Казани. Путешествие Гурия заранее планировалось как торжественное шествие православного христианства по завоеванной стране.[179]

Идеологически важность этой экспансии православия из Москвы на Восток была подобна обращению Руси в христианство во времена Владимира Святого и учреждению христианской церкви в Киеве. В середине XI века в своем знаменитом "Слове о законе и благодати" митрополит Илларион восторгался тем, что "*вера благодатная распространилась по земле и наконец достигла русских людей*". В "Похвале" Владимиру Илларион одобрял способность князя "*любить невидимые и небесные ценности более, нежели материальные*". В том же духе Илларион написал молитву о русских и Руси как христианской стране.[180] Когда Гурий тронулся из Москвы в Казань, то получил инструкции читать молитву Иллариона "*за царя и все православное христианство*" на церемонии расставания с московскими властями и народом, а также в городах, через которые проезжал

кортеж Гурия — в Коломне, Рязани, Свияжске, и наконец, по прибытии в саму Казань.

Следует отметить, что в XVI веке молитва Иллариона была доступна русским читателям в отдельных копиях и была включена в несколько пересмотренной форме в церковные руководства как молитва в начале нового года (который начинался в Московии, как и в Византии, 1 сентября).[181]

В несколько пересмотренной форме молитва Иллариона должна была читаться Гурием в ходе его путешествия в Казань, поскольку в ее оригинальном тексте упоминается "владыка", а не царь, да и то лишь в конце молитвы.[182]

Кортеж Гурия прибыл в Казань 28 июля. Перед отъездом из Москвы Гурий получил множество специальных наставлений от царя Ивана IV и митрополита Макария. Как архиепископ, он получил власть судить церковных людей во всех тяжбах и мирян во всех духовных делах.[183]

Важный момент в полученных Гурием инструкциях касался миссионерской деятельности церкви. Возможно, что при формулировке этой части инструкций Сильвестр сотрудничал с мнтрополитом Макарием. Было запрещено крестить татар против их воли. Гурию советовали благородно увещевать их, не заставлять их обратиться в христианство силой.[184] Полагают, что в течение восьми лет службы Гурия в Казани (он умер в 1563 г.) около двадцати тысяч мусульман и язычников обратились к христианству.[185]

Двойственная природа — духовная и мирская — православного царства в период конца 1540-х и 1550-х гг. отразились в установленных отношениях между архиепископом Казани и казанским воеводой, князем Петром Шуйским. Гурий получил инструкции митрополита Макария обсуждать дела с воеводой и давать последнему свой совет по всем важным церковным и государственным делам. Царь, в свою очередь, написал Шуйскому, посылая ему копию инструкций Макария для Гурия и приказывая Шуйскому "консультировать архиепископа в наших (государственных) делах и заниматься нашими делами вместе с ним".[166]

Одновременно в Москве был заложен новый роскошный собор, чтобы отметить завоевание Казани и обращение ее в православную веру. Собор был посвящен Покрову Богородицы, празднуемому русской церковью 1 октября (Казань штурмовали 2 октября). Этот храм

теперь известен как Собор Василия Блаженного. Фактически же Василию Блаженному, юродивому, который умер около 1552 г., посвящена лишь часовня внутри него.[187]

Собор Покрова был построен в 1555-1557 гг. Его основными строителями были псковские мастера, Барма и Постник. Архитектурно это — комплекс из девяти церквей, а не единое здание.[188]

V

К 1555 г., когда правительство царя Ивана IV обрело уверенность, что оно способно установить жесткий контроль над Казанским царством, оно вновь обратилось к внутренним реформам.

С 1549 г. одной из главных целей московского правительства стала радикальная реорганизация провинциальной администрации, т.е. уничтожение системы *кормления* провинциальных наместников и районных глав, назначаемых царем, и замена ее местным самоуправлением.

В конце 1552 г. царь Иван IV приказал боярам принять решение об отмене системы кормления, но их обсуждение ни к чему не привело.

В это же время за систему кормления взялся Адашев и добился лучших результатов. Кормление было отменено царским указом, одобренным Боярской Думой. Резюме и мотивационная часть указа, написанные предположительно Адашевым, были включены в официальную летопись. Они дополнялись кратким трактатом о долге православного царя установить справедливость для народа.[189] Я полагаю, что это дидактическое эссе было выполнено Сильвестром, или же митрополитом Макарием в соавторстве с Сильвестром.

До этого времени основная задача администрации кормления была двойственной: бороться с бандитами и другими преступниками и собирать налоги. Соответственно, были созданы два ряда институтов самоуправления: *губа* (район уголовной юрисдикции) и *земство* (от *земля*, населенная территория провинции, противоположной центральному правительству).

Даже в период боярского правления, когда Иван был ребенком, правительство, с тем чтобы удовлетворить запросы населения некоторых районов, издавало специальные грамоты, отстраняя поставленных на кормление наместников этих районов от рассмотрения уголовных дел и передавая право принимать решения по преступлениям лицам, избранным местным населением. Наиболее всеобъемлющая из таких грамот была адресована Белоозерской провинции в

1539 г.[190] Теперь, с отменой системы кормления, губные институты могли быть постепенно введены по всей стране. Каждая провинция или район получали собственную грамоту.

Правление губы возглавлялось губным старостой, который выбирался местным дворянством — дворянами и сынами боярскими. Другие члены правления избирались горожанами и крестьянами района. Во властные полномочия губного правления входили функции уголовной полиции, суд над преступниками и инспекция тюрем.[191]

Институты губы были связаны с дворянскими корпорациями и поэтому не могли быть введены в северных районах Московии, в Поморье (бассейн Белого моря), поскольку в этих частях не было боярских или дворянских земельных владений. Население там состояло из горожан и крестьян.

Поэтому в поморских районах функции *губы* были поручены земскому правлению. С другой стороны, для собственных иных функций земские институты учреждались также в губных районах. Таким образом, существовало некоторое переплетение двух типов местного самоуправления.[192]

Земские грамоты даровались посадским людям и крестьянам (уездным людям) района. Эти районы были различны по размерам (от одной *волости* до *уезда*). Народ избирал: председателя правления, голову или старосту и его помощников в каждом районе; лучших людей (от двух до двенадцати в зависимости от размера района); земского дьяка.

В сферу ответственности земского правления входили поддержание различных местных дел и порядка, сбор налогов, освоение незаселенных частей района и разбор гражданских тяжб (в Поморье также уголовные дела и суд над преступниками).[193]

Институты земства не устанавливались в пограничных провинциях — ни по западной границе между Московией, Литвой и Ливонией, ни на юге. Там местная администрация контролировалась воеводой каждой провинции.

Вслед за отменой системы кормления в 1556 г. был издан указ, регулирующий военную службу боярства и дворянства в соответствии с их вотчинами и поместьями. Это уложение о службе, как и предшествующее о кормлении, известно нам по резюме, очевидно написанному Адашевым.[194]

Введение уложения было обусловлено фактом того, что многие вельможи и другие воины, которые имели крупные земельные владе-

ния, не адекватно были представлены на военной службе. Теперь было установлено, чтобы и хозяева вотчин, и обладатели поместий поставляли одного полностью экипированного всадника (с запасным конем в случае дальней кампании) за каждые 150 десятин хорошей земли.

Более того, предписывалась перепись поместий, чтобы привести размеры владений в соответствие с выполняемой военной службой. Излишки земельных владений изымались и передавались тем, чьи поместья были слишком малы или же тем, у кого их не было вообще.

Уложение о военной службе 1556 г. было очень важным документом в русской социальной и военной истории. Оно соответствовало потребностям как дворян, так и сынов боярских, главной опоре русской армии с середины XVI до середины XVII столетия. Подчеркивая связь между земельными владениями и военной службой, уложение давало адекватное определение юридической природе поместья.[195] Уложение содержало также формулировку роли дворянских районных объединений при мобилизации армии.

Дворянское войско не было постоянной армией. Для сезонной защиты южных провинций от татарских набегов, а также для походов (как в случае Казани), каждый раз мобилизовалась специальная сила. Она состояла из больших соединений, называемых *полком*. Каждый *полк* включал различное число более мелких соединений (*сотни*). Районные дворянские объединения составляли основу формирования сотни. Более населенный район (формально именуемый *городом*, укреплением или селением) должен был мобилизовать полную *сотню*, два или три меньших района должны были объединяться для формирования сотни.

Дворянство каждого района (уезда) избирало податного чиновника для хранения списков людей, годных для службы, равно как и документов о их соответствующих землевладениях.

Введение институтов губы способствовало консолидации провинциальных дворянских объединений.[196]

4. Ливонская война и опричнина.

I

В 1550-х гг. московское правительство стояло перед лицом двух главных внешнеполитических проблем: татарской — на юге и ливонской — на северо-западе. Обе были связаны с третьей вечной проблемой московитской политики — отношениями Москвы с Польшей и Литвой.

Задача защиты России от набегов казанских татар была разрешена завоеванием Казани. Присоединение Астрахани сильно укрепило русские позиции в борьбе с крымскими татарами. Последние, однако, продолжали представлять для России постоянную опасность.

Хотя завоевание Казани и Астрахани открыло России путь на юго-восток, потенциальным московитским "окном в Европу" была Ливония.

Двумя людьми, отвечавшими за проведение русской внешней политики как на Востоке, так и на Западе в 1550-х гг., были Алексей Адашев и дьяк Иван Висковатый. Как мы знаем, в 1554 г. они были ответственны за важные переговоры с ногайцами относительно астраханских дел. В том же году Адашев и Висковатый заключили договор с ливонским посланником, согласно которому ливонцы были вынуждены признать старое обязательство епископа Дерпта выплачивать ежегодную дань великому князю московскому.[197]

Адашев был убежден, что следует прежде всего рассмотреть татарскую проблему, чтобы спасти Московию от разорения, порождаемого постоянными набегами крымских татар и уводом в плен тысяч людей при каждом рейде. С тем, чтобы защитить русские интересы в Ливонии, Адашев полагал достаточным временно использовать вместо войны дипломатию. В случае неизбежности войны в балтийском регионе — как при конфликте со Швецией (1554-1557 гг.) — нельзя было требовать присоединения территорий за рамками существующих границ, чтобы не допустить продолжения войны.

Оценка ситуации Висковатым кажется очень близкой к адашевской. Когда в 1563 г. царь Иван IV старался умиротворить крымского хана, то он проинструктировал своего посланника, Афанасия Нагого, сказать хану, что царь желает мира с татарами, и что в агрессивности московитской политики в предшествующие годы виноваты царские помощники — Иван Большой Шереметев, Алексей Адашев и Иван Висковатый.[198]

Различие между Адашевым и Висковатым состояло в том, что Висковатый как проницательный дипломат никогда открыто не противоречил царю. В результате он сперва избежал царского гнева, когда царь решил повременить с Крымом и сконцентрировать всю силу Московии на попытке завоевать Ливонию. 9 февраля 1561 г. Висковатый был назначен печатником (хранителем царской печати, или канцлером).

В 1555 г. крымский хан Девлет-Гирей, чтобы отвлечь внимание русских от Астрахани, попытался совершить набег в направлении

Тулы, до которой он так и не добрался. Это продемонстрировало московитскому правительству необходимость принятия срочных мер для лучшей защиты южных провинций Московии.

По мнению Адашева, наилучшим методом сдерживания татарских набегов могли бы стать регулярные упреждающие вылазки против крымских татар вместе с основанием баз-крепостей, из которых можно двинуться далее. В конечном счете, целью было принуждение хана признать свою вассальную зависимость по отношению к царю, и, в случае неудачи этой уловки, прямо завоевать Крым, как это было сделано в случае Казани и Астрахани.

Адашев и другие ведущие деятели московского правительства хорошо понимали, что для достижения их цели первостепенную значимость имело бы сотрудничество, или же в любом случае нейтралитет, с Польшей и Литвой. Вследствие этого в январе 1556 г. Москва адресовала Польше предложение заключить "вечный" мир и военный союз против Крыма. Польша отказалась.

Несмотря на это, подданные короля Сигизмунда Августа, украинские казаки, чья военная и политическая мощь лишь начинала укрепляться, оказались готовы сотрудничать с Москвой против татар.[199] Член украинской аристократической семьи, князь Дмитрий Иванович Вишневецкий, *староста* Черкасс, стал предводителем днепровских казаков. Когда в марте 1556 г. московское правительство послало отряд путивльских казаков под командованием воеводы Чернигова дьяка Ржевского на Средний Днепр с экспедицией против Очакова, Вишневецкий, не ожидая одобрения своего государя, великого князя литовского Сигизмунда Августа, решил поддержать эту экспедицию и послал команду черкасских казаков для усиления отряда Ржевского.[200]

Ржевский спустился по Днепру до Черного моря и совершил набег на Очаков, после чего вернулся в Путивль. Вишневецкий тогда решил выстроить форт на острове Хортица ниже Запорожья. Это — первое определенное упоминание о Запорожской *сечи* (по-украински — сичь), как казаки назвали свой основной лагерь.

В сентябре 1557 г. Вишневецкий послал гонца к царю Ивану IV, прося последнего принять его на свою службу и позволить поддержать Запорожскую Сечь. Царь отправил Вишневецкому двух посланцев с некоторой денежной суммой. В октябре Вишневецкий со своими казаками штурмовал татарскую крепость, перебил гарнизон, захватил и привез на Хортицу пушки.[201]

В 1558 г. Вишневецкий и Ржевский предприняли две кампании в направлении вниз по Днепру к Крымскому перешейку.

Однако Вишневецкий не смог удержать Хортицу в схватках с крымскими татарами, поскольку ему не хватало поставок и его казацкий гарнизон был мал. Вследствие Ливонской войны царь Иван IV не счел возможным поддержать осуществление Вишневецким контроля региона Среднего Днепра и вместо этого пригласил его приехать в Московию, что он и сделал в ноябре 1558 г. Царь даровал ему в качестве бенефиция город Белёв.[202]

После разведывательных рейдов Ржевского и Вишневецкого к подступам Крыма Адашев и его последователи решили, что пришло время для военного похода на ханство.

Как Адашев, так и Курбский побуждали Ивана IV вести основную русскую армию против Крыма лично, или же поставить для этого его лучших воевод. Однако к этому времени уже началась Ливонская война, и царь под влиянием своих новых советников отказался от этого.[203] В качестве компромисса он согласился в 1559 г. предпринять небольшими силами две малые кампании против Крыма. Вишневецкий был послан на реки Донец и Дон для организации морских операций на Азовском море, а Даниил Адашев (брат Алексея) — на Днепр к Очакову. По обоим направлениям русские нанесли татарам поражение.[204]

Приблизительно в это же время новый раунд переговоров между Москвой и Польшей (в декабре 1558 г. и в марте 1559 г.) закончился отказом поляков сотрудничать с Москвой против Крыма. Неудача переговоров была частично результатом обоюдных интересов в Ливонии.

Вовлеченность Москвы в Ливонскую войну положила конец планам Адашева систематически осуществлять наступательные операции против Крыма.

Вишневецкий не видел более смысла в продолжении своей службы царю. В 1561 г. он вернулся в Черкассы. Поскольку он не получил помощи от польского правительства для осуществления своего плана войны против Крыма, он отправился в Молдавию в попытке захватить власть в этой стране и использовать ее ресурсы против турок и крымских татар. В ходе борьбы между двумя соперничающими партиями в Молдавии сторонники Вишневецкого были разбиты. Он был взят в плен и отправлен в Константинополь, где его в 1563 г. казнили.

II

Ливонская проблема горячо обсуждалась в московских правительственных кругах. К 1557 г. точка зрения сторонников войны с Ливонией постепенно взяла верх над адашевской, поскольку сам царь Иван IV разделял их взгляды.

Вопрос о том, какой курс внешней политики в то время более соответствовал интересам русского государства и русского народа — сдерживание Крыма или нападение на Ливонию — обсуждался не только тогда и не только русскими. Он до сих пор представляет интерес для историографов и составляет предмет разногласий.

Подавляющее большинство историков России согласно, что царь Иван IV был прав в своем решении прервать действия против крымских татар и взяться за Ливонию. Они утверждали (и утверждают), что надежный доступ к Балтике был необходим России как политически, так и экономически и что независимая и враждебная Ливония была препятствием развитию нормальных культурных отношений между Россией и Западом.

С военной точки зрения Ливония была слаба и, как резонно мог полагать царь Иван IV, не могла отразить русского нападения. С другой стороны, как указывают большинство историков, задача подчинения Крыма, в особенности без союза с Польшей, была в военном плане неразрешима для России на этой стадии. Заметным противником этой точки зрения является Костомаров.[205]

Согласно марксистской терминологии классовой борьбы, превалирующее заключение советских историков состоит в том, что Ливонская война соответствовала интересам поднимающихся классов русского дворянства и купечества и в этом смысле была прогрессивной, в то время как программа продвижения на юг была в интересах феодальной аристократии и поэтому — реакционной.[206]

Нет сомнения, что обе проблемы — татарская и балтийская — были важны для России. Вопрос стоял в том, какой из них в данный исторический момент уделить приоритетное внимание.

Утверждение, что завоевания на юге поддерживались феодальной аристократией в противовес дворянству и купечеству, не выдерживает критики. Южные пограничные земли Московии длительный период были заселены людьми пограничья — мелким дворянством и казаками. И лишь к концу XVII века вельможи стали интересоваться при-

обретением земельных владений в этих местах. И нам известно, что феодальные аристократы, подобные князю Семену Лобанову-Ростовскому, не одобряли даже предыдущую кампанию против Казани.

Фактически же татары покушались на интересы не только бояр, дворянства или какого-либо особого класса, а на интересы русских всех классов. В первую очередь от татарских рейдов страдали крестьяне, поскольку их постоянно уводили в плен. Ввиду этого, борьба с татарами в это время была подлинно национальной задачей.

По словам Костомарова, "...первой предпосылкой благополучия и процветания России было разрушение этих (татарских) грабительских сетей... (и) присоединение их территорий. Не жажда завоевания побуждала к этому, а инстинкт самосохранения".[207]

Но можно ли представить в это время завоевание Крыма? Это, конечно, должно было предполагать более напряженные усилия, нежели завоевание Казани и Астрахани. Тем не менее, если бы не произошла Ливонская война, русские наверняка справились бы с этим предприятием.

После разведывательной кампании Ржевского против Очакова в 1556 г. Адашев и Курбский попытались убедить царя Ивана IV лично возглавить, или же в любом случае разрешить, большой поход на Крым. Но царь, увлеченный идеей покорения Ливонии, согласился выделить Даниилу Адашеву и Вишневецкому для двойной атаки 1559 г. против Крыма через реки Днепр и Донец-Дон лишь несколько тысяч человек.

Итак, вопреки возможностям, которые открывали планы Адашева и Курбского, полномасштабная кампания против крымских татар была заменена двумя разведывательными рейдами. Но даже они оказались как таковые удачными и могли бы стать даже более важными, если бы за ними последовал главный поход.[208]

Более того, в походах на Крым русским не приходилось полагаться лишь на свою военную мощь. Как и в случае с Казанью и Астраханью, они могли рассчитывать на разногласия среди самих татар. В каждой татарской орде существовало соперничество среди основных родов, или их ветвей, и в каждом ханстве некоторые из вельмож были способны противостоять хану. Эта ситуация часто оказывалась для русских выгодной, особенно при формировании среди татар прорусских партий.

Следует вспомнить, что с середины XV века многие татарские группировки пошли на русскую службу. Наиболее влиятельной была

Касимовская. Все вместе они составляли значительную военную силу, верную царю. Не менее значимым был факт того, что татарские цари и царевичи, верные России, были связаны кровными узами или браком с независимыми татарскими ханами и вельможами; во многих случаях они играли роль посредников между Россией и мусульманским миром и таким образом поддерживали дипломатическую игру Москвы.

Поэтому московское правительство надеялось поставить во главе Крымского ханства подходящего владыку, который признает себя вассалом царя Ивана IV. Этот замысел срабатывал ранее в отношении Казани и Астрахани. Царь Касимова Шах-Али — одно время царь Казани — был хорошим советником Ивана IV в Казанской кампании 1552 г.

И, разумеется, подходящий кандидат на крымский трон появился в 1556 г. — царевич Тохтамыш. В русских летописях он назывался "братом" Шаха-Али. Татары так называли не только брата в буквальном смысле, но также первого или даже второго двоюродного брата. Тохтамыш был внуком хана Ахмата из Золотой Орды; Шах-Али был внуком брата Ахмата, Бахтияра. Таким образом, он был вторым кузеном.[209]

Тохтамыш жил в Крыму многие годы. Около 1556 г., когда группа вельмож организовала заговор против хана Девлет-Гирея, они предложили возвести Тохтамыша на крымский трон. Заговор был раскрыт агентами Девлет-Гирея, но Тохтамышу удалось бежать к ногайцам.[210]

Царю Ивану о прибытии Тохтамыша сообщил ногайский князь Исмаил. Иван, Шах-Али и, конечно, Адашев сразу поняли важность новости. В русских отношениях с Крымом Тохтамыш мог оказаться козырной картой.

В июле 1556 г. царь Иван IV написал Исмаилу, что Шах-Али хочет видеть "своего брата Тохтамыша". Иван IV попросил Исмаила отправить Тохтамыша в Москву без промедления. И добавил: "Нам необходим Тохтамыш для наших государственных дел, равно как и для ваших" (Исмаил поддерживал русских против Крыма).

Одновременно Иван IV написал самому Тохтамышу (обращаясь к нему, как к султану Тохтамышу), пригласил его в Московию и обещал содержать его в чести и даровать богатое владение. Тохтамыш согласился и прибыл в Москву в декабре 1556 г.[211]

Нет сомнения, что в своих планах 1557 г. по проведению большой кампании против Крыма Адашев был готов наделить выдающей-

ся ролью царя Шаха-Али, царевича Тохтамыша и других верных татарских царевичей и мурз (князей) вместе с их свитами.

Особенно интересно поэтому, что для первого русского похода против Ливонии в январе 1558 г. царь Шах-Али был назначен главнокомандующим русской армией, а царевич Тохтамыш командующим авангардом. Астраханский царевич Кайбула (Абдула) получил назначение командующим правым флангом русской армии.

Еще один татарский царевич и много мурз, равно как и множество кабардинских князей и их придворных, участвовали в Ливонских кампаниях. Соединения касимовских, городецких и казанских татар последовали в Ливонию вместе с русскими.[212]

Я склонен думать, что предшествующий перечень командующих офицеров был первоначально предложен Адашевым для крымской кампании. Заметим, что Тохтамыш — кандидат на крымский трон — должен был командовать авангардом русской армии. Как нам известно, царь Иван IV отверг план главного похода на Крым и приказал вместо этого готовиться к войне с Ливонией. Но план командного звена армии был сохранен для Ливонской войны.

Разумеется, все эти верные татарские силы, а также кабардинцы, будь они посланы против Крыма, а не Ливонии, были бы более ценны для России. Они бы не только дали русским решающее превосходство в кавалерии, но могли бы сыграть важную роль в психологической и пропагандистской войне. Они могли бы подорвать единство крымского хана и его вельмож и подавить их волю к сопротивлению.

Суммируя наши выводы и замечания, суть ситуации состояла в том, что хотя русские могли выбирать, начать или нет войну против Ливонии, в отношении Крыма у них не было выбора. Набеги на Россию давали крымским татарам основную часть их дохода. Они могли быть сдержаны или остановлены лишь силой.

Русские могли использовать больше или меньше сил в своей борьбе против крымских татар, но они не могли закончить борьбу до полного подчинения Крыма. Ливонский театр военных действий отвлекал туда основные русские силы. Татары, естественно, использовали эту возможность для усиления своих набегов на Московию. Кроме того, их поддерживала Польша. Следует отметить, что за все двадцать четыре года Ливонской войны было лишь три года, когда в источниках не упоминались татарские походы на Россию.[213]

Итак, на этой стадии крымская проблема в отличие от ливонской не могла быть разрешена московским правительством. Реальная дилемма, с которой столкнулся царь Иван IV, состояла не в выборе между войной с Крымом и походом на Ливонию, а в выборе между войной только с Крымом и войной на два фронта как с Крымом, так и с Ливонией. Иван IV избрал последнее. Результаты оказались ужасающими.

III

Прошло уже три года после московско-ливонского договора 1554 г., а ливонцы даже не начали выплачивать царю установленную дань. В 1557 г. ливонские посланцы просили царя вовсе отменить плату или по крайней мере снизить ее. Им было сказано, что в случае невыплаты царь соберет эту сумму сам.

В этот момент в ливонские дела вмешалась Литва, которая, как и Московия, желала выхода к Балтике. В борьбе между ливонскими рыцарями и архиепископом Риги Вильгельмом Сигизмунд Август (король Польши и великий князь Литвы) предоставил свою поддержку архиепископу. Брат последнего, герцог Альбрехт Прусский, был вассалом Польши.

Ливонский орден запросил мира и согласился заключить военный союз с Литвой против Москвы (сентябрь 1557 г.).[214] Этот союз был нарушением русско-ливонского соглашения 1554 г.

В январе 1558 г. русские войска вторглись в Ливонию. Русская армия находилась под высшим командованием царя Шаха-Али из Касимова. Его помощником был дядя царя Ивана IV, князь Михаил Глинский. Среди командиров передовой гвардии были боярин Алексей Данилович Басманов и Даниил Федорович Адашев; среди командиров арьергарда — князь Андрей Михайлович Курбский.

Кроме русских контингентов (псковичей, московских дворян и стрельцов) армия состояла из касимовских и казанских татар (ведомых их царевичами и князьями), кабардинцев (под предводительством князей Черкасских) и марийцев (черемисов).[215]

Поскольку война началась вопреки совету Алексея Адашева, его политика состояла в предотвращении ее территориального развертывания, которое бы повело к углублению русской вовлеченности в балтийские дела, а это Адашев считал вредоносным для России и русского народа. Поэтому он попытался ограничить военные планы и привести под русское влияние население тех частей Ливонии, что были наи-

более близки к России и наиболее легко достижимыми. После достижения некоторых преимуществ он был настроен на заключение при первой же возможности мира, или по крайней мере перемирия.

После вхождения в Ливонию русские разграбили страну и встретили лишь незначительное сопротивление. Затем они обратили свое внимание на укрепленные города, которые они надеялись взять осадой с помощью своей тяжелой артиллерии.

11 мая 1558 г. Алексею Басманову и Даниилу Адашеву сдалась Нарва (древнерусское имя ее было Ругодив). Гарнизону и наиболее богатым бюргерам разрешили уйти. Горожане дали клятву верности царю.[216]

В июле русские под командованием князя Петра Ивановича Шуйского осадили процветающий город Дерпт (Дорпат; по-русски — Юрьев; по-эстонски — Тарту). 18 июля представители архиепископа Дерпта, дворянство и городской совет предложили условия собственной сдачи, по которым жители должны иметь свободу выбора — выехать или остаться в городе. Те, что решат остаться, будут иметь свободу вероисповедания и все свои личные и корпоративные права.[217] На следующий день Шуйский подписал все условия, которые должны были быть подтверждены царем.

Царь издал для города грамоту, в которой он с небольшими изменениями утвердил условия и гарантировал жителям право свободной торговли в Новгороде, Пскове, Ивангороде и Нарве, равно как и право покупать дома и сады в тех же городах. Жители этих четырех городов должны были иметь те же права соответственно в Дерпте.[218]

В результате военных успехов и мудрой политики по отношению к завоеванным городам, вся восточная часть Эстонии была занята русскими. Через Нарву русские получили удобный доступ к морю. Торговые корабли различных стран незамедлительно начали использовать порт Нарву (позднее русские попытались создать там собственный флот).

Русские предприняли серьезные попытки улучшить жизнь эстонских крестьян. Землевладения немецких рыцарей и монастырей были конфискованы и частично стали доступны для использования крестьянами. Русские поставляли им хлеб, семена, скот и лошадей.[219]

В течение зимы 1558-1559 гг. русские совершили рейды в северную часть Латвии до окраин Риги. Ливонцы, находясь в отчаянной ситуации, жаждали передышки, надеясь выиграть время и дождать-

ся помощи со стороны императора Священной Римской империи или от Польши.

Ливонские агенты вошли в контакт с королем Дании Фридрихом II, который предложил свое посредничество за заключение перемирия между царем и Ливонией. Адашев посоветовал царю согласиться. По мнению Адашева, путем аннексии Восточной Эстонии, включая Нарву и Дерпт, Россия получила желанное – доступ к Балтике. Он полагал, что России следует теперь всю свою мощь обрушить на Крым.

Царь нехотя согласился одобрить перемирие. Оно было заключено на шесть месяцев – с мая по ноябрь 1559 г.

Ливонские рыцари воспользовались перемирием для обеспечения литовской поддержки. 31 августа 1559 г. в Вильно было заключено соглашение между великим князем литовским (королем Польши) Сигизмундом Августом, и магистром ливонского ордена Готардом Кетлером, согласно которому Сигизмунд Август принимал орден под свою защиту. 15 сентября король расширил свой протекторат также на архиепископа Риги. Сигизмунд Август обещал послать литовские войска для помощи в борьбе ливонцев против Московии при следующем условии: юго-восточная часть Ливонии вдоль Западной Двины должна быть немедленно занята литовскими войсками.[220]

Одновременно епископ острова Эзеля (современное название – Сааремаа) обратился за защитой к Дании. Секретным соглашением с королем Фридрихом II епископ уступил остров Эзель брату короля, герцогу Магнусу, за 30000 таллеров.[221]

Затем, в октябре 1559 г., даже до того, как истек срок соглашения о перемирии, Кетлер предпринял поход против Дерпта, но был отброшен.

В отместку царь Иван IV вопреки совету Адашева решил возобновить военный натиск, направленный на завоевание всей Ливонии. Весной и летом 1560 г. русские нанесли крупное поражение ливонским рыцарям при Эрмесе (Эргем) и под командованием князя Андрея Курбского и Даниила Адашева штурмовали Феллин (Вильянди), который рассматривался как наиболее сильная крепость в Ливонии (август 15560 г.). Вдохновленные поражением рыцарей, латвийские крестьяне поднялись против своих господ.

Однако русские победы 1560 г. оказались весьма кратковременными. Они просто ускорили активное вмешательство Литвы и Швеции в дела Ливонии.

Летом 1561 г. шведы захватили Ревель (Таллинн) и всю центральную и западную часть Эстонии.

Раздел Ливонии был закреплен соглашением от 28 ноября 1561 г. в Вильно между королем Сигизмундом Августом и магистром Кетлером. Ливонский орден был распущен. Кетлер стал герцогом Курляндским в качестве вассала короля Польши. Договор о подчинении Ливонии Польше-Литве был формально подписан архиепископом Риги в феврале 1562 г. и герцогом Кетлером в марте того же года.[222]

Россия твердо удерживала Восточную Эстонию с Нарвой и Дерптом. Раздел всех остальных частей Ливонии между тремя враждебными друг другу силами (Литвой, Данией и Швецией) исключил, по крайней мере на этой стадии, возможность их коалиции против Москвы.

Захват Данией острова Эзель совсем не означал вмешательства в русские интересы. Со Швецией Москва заключила двадцатилетнее перемирие летом 1561 г. И, наконец, соглашение между Литвой и Москвой было возможным в случае признания Москвой литовского контроля над Латвией. Любая русская попытка завоевать Латвию означала бы войну с Литвой (и, следовательно, с Польшей) и подорвала бы московитские ресурсы даже в случае удачи, которая едва ли была возможна. Кроме того, война с Литвой придала бы смелости крымским татарам, и они могли бы вновь пойти на Московию.

Эта ситуация хорошо осознавалась Адашевым и его последователями. Царь Иван IV не только проигнорировал их советы, но и решил, что настало время отделаться от советников.

IV

Царь Иван, равно как и сторонники продолжения войны, осуждали Адашева, который, как они утверждали, заключением договора 1559 г. лишил Россию возможности завоевать всю Ливонию раз и навсегда

Насколько можно судить на базе доступных нам источников, лишь меньшинство среди лидеров в правительстве и армии противостояли Адашеву и принадлежали к тому, что можно назвать партией войны. Их сила заключалась в том, что сам царь Иван IV разделял их взгляды. В свою очередь, их поддержка обнадежила царя, который теперь был готов взять инициативу в свои руки и стать фактическим самодержцем, а не только таковым по названию.

Смерть царицы Анастасии, случившаяся в это время, болезненно затронула Ивана IV и усилила его злобу и раздражение против Адашева и Сильвестра.

В нервозном состоянии Иван IV посчитал Сильвестра, Адашева, Курбского и их сторонников виновными в гибели Анастасии.[223] Курбский пишет, что враги Сильвестра и Адашева донесли царю, что они якобы извели Анастасию колдовством.[224]

Фактически же сам царь Иван IV более других был повинен в кончине Анастасии. Ее здоровье было подорвано частыми родами и скорбью о тех ее детях, которые умерли в детстве. В дополнение к этому, постоянное паломничество в различные монастыри, часто связанное с охотничьими выездами, при которых царь Иван IV всегда настаивал, чтобы Анастасия и ее дети следовали за ним, утомляло ее все более и более каждый год.

В начале октября 1559 г., когда Анастасия уже болела, царь Иван взял ее и двух царевичей, Ивана, родившегося в 1554 г, и Федора, родившегося в 1557 г., в Можайск для паломничества и охоты. Там Иван получил известие о нарушении ливонцами перемирия. Он захотел немедленно вернуться в Москву, но дороги были из-за дождей непроходимыми. И лишь 1 декабря царь и царица вернулись в Москву. Путешествие закончилось, и после него Анастасия начала угасать. Она умерла 7 августа 1560 г.[225] Описывая ее похороны, летописец говорит, что толпы народа, богатые и бедняки, причитали и плакали, следуя за похоронным кортежем, "*Поскольку она была столь добра и ни на кого не имела зла*".[226]

Разрыв между Иваном IV и Сильвестром с Адашевым произошел еще до смерти Анастасии, после возвращения царя и больной царицы из Можайска.

В своем первом письме Курбскому (1564 г.) Иван IV говорил: "*Когда началась война, т.е. война против (ливонцев) немцев... священник Сильвестр вместе с тобою, его советниками ожесточенно атаковали нас по этому поводу, а что же до болезни, которая из-за наших грехов посетила нас, нашу царицу и наших детей, то они утверждали, что это случилось из-за них, т.е. вследствие нашего неподчинения им*".[227]

В начале 1560 г. Сильвестр покинул Москву и удалился от дел в Кириллов монастырь Белоозерского края.

В апреле 1560 г. Алексей Адашев был назначен главным воеводой группы русской армии в Ливонии, которой командовал князь И.Ф. Мстис-

лавский. Одновременно брат Алексея, Даниил, получил схожее назначение в армейскую группу, находившуюся под командованием князя Курбского. Эти русские силы слились у сильнейшей ливонской крепости Феллин, которую они захватили в августе 1560 г.

Алексей Адашев был назначен губернатором Феллина, Даниил стал своего помощником. Тактичная политика Алексея была оценена населением не только Феллина, но также и других ливонских городов. Многие из них были готовы сдаться Адашеву добровольно.[228]

Успехи Адашева взволновали его недругов при дворе Ивана IV, которые боялись, что царь будет теперь склонен в знак признания его способностей отозвать его назад в Москву, чтобы вновь привлечь к участию в государственных делах. Они прибегли к клевете и убедили царя, что Адашев — предатель.

Во второй половине сентября царь провел в Москве совместное заседание Боярской Думы и церковного Совета для суда над Адашевым и Сильвестром. Ни один из них не был вызван. Они были судимы *в отсутствии*, путем процедуры, которая шла против принципов русского законодательства.

Митрополит Макарий запротестовал против нарушения закона и потребовал, чтобы обвиняемые были вызваны в Москву. Его предложение было отклонено. Курбский заявляет, что церковный Собор состоял в основном из врагов Сильвестра.

Сильвестр был приговорен к ссылке в Соловецкий монастырь на Белом море. Адашев был заключен в тюрьму в Юрьеве (Дерпте). Он умер там же в декабре того же года.[229]

Враги Адашева ложно утверждали, что он покончил жизнь самоубийством, приняв яд, так как боялся нового суда и более сурового наказания. Более правдоподобно, что он был отравлен по приказу из Москвы.

Через неделю после смерти царицы Анастасии царь Иван IV решил жениться вновь, на иноземной принцессе.[230] Он, вероятно, руководствовался соображениями и внутренней и внешней политики. Жена-иностранка поставила бы царскую семью над боярскими фракциями. В международном плане такая женитьба могла поднять его престиж и улучшить дипломатические отношения.

Веселовский полагает, что родня покойной царицы Анастасии, Захарьины-Юрьевы, могли предложить царю идею жениться на иностранке, поскольку брак с московской боярской невестой означал бы

закат их влияния при дворе Ивана IV. В любом случае Захарьины должны были поддержать решение Ивана IV.[231]

Царь заявил митрополиту Макарию и боярам, что он отправит посланников для выбора подходящей невесты в три страны: Литву, Швецию и Кабарду (Черкессию). Из дипломатических соображений царь склонялся к литовскому браку. Если бы это не удалось, для противодействия Литве могла стать полезной связь со шведским королевским домом. Кабардинская принцесса поддержала бы черкесскую помощь против крымских татар.

Брачные переговоры с Литвой и Швецией закончились провалом, и 21 августа 1561 г. Иван IV женился на кабардинской княжне Кученей, дочери князя Темрюка. Она была наречена при крещении Марией. Ее отец присягнул в верности царю Ивану IV в июне 1557 г. Брат Кученей, Салнук, также перешел в христианство (с именем Михаил). Царь Иван IV очень ценил его службу.[232]

Положение новой царицы в московском обществе было незавидным. Некоторые из бояр бранили ее. Князь Александр Воротынский впал в немилость частично вследствие его неподобающих замечаний о ней.[233] Таким образом, у Марии не было оснований сдерживать царя в его последующих преследованиях предполагаемых предателей среди бояр и высших чиновников.

После смерти Алексея Адашева несколько его родственников и друзей, включая брата Даниила, стали жертвами гнева царя Ивана IV и были казнены (1561-1562 гг.). За исключением Даниила Адашева все они принадлежали к низшему дворянству.

В своем конфликте с членами аристократических фамилий царь Иван IV до сих пор воздерживался от смертной казни. Князь Иван Дмитриевич Бельский, *первосоветник* Боярской Думы,[234] который был обвинен в намерении бежать в Литву, был арестован, но после двухмесячного заключения прощен при вмешательстве митрополита Макария. Он, однако, должен был произнести особую клятву верности, сопровождающуюся гарантиями многих его друзей (1562 г.).[235]

В тот же год два князя Воротынских, известный воевода Михаил Иванович (участник Казанской кампании) и его брат Александр, были обвинены в некоем предательстве. Царь конфисковал их владения. Оба были арестованы и высланы, Михаил — на Белоозеро, Александр — в Галич. Александр был прощен в 1563 г., получил царское

порицание еще раз в 1564 г. и затем принял монашеский обет. Михаил был прощен и получил назад часть своих владений в 1564 г.[236]

Один из выдающихся бывших членов Избранной рады, князь Дмитрий Курлятев был за неизвестно какое предательство арестован со своей женой, сыном и двумя дочерьми. Всей семье пришлось принять постриг.[237]

В мае 1563 г. дьяк князя Владимира Андреевича Старицкого обвинил князя и его мать, княгиню Евфросинью, в заговоре. Царь вызвал епископов, чтобы получить их согласие на суд. Это было необходимо, поскольку Владимир Старицкий был владетельным князем царской крови (двоюродным братом Ивана IV). Митрополит Макарий и епископы посоветовали Ивану IV простить Старицких. Иван IV послушался, но вслед за тем взял бояр, дьяков и других придворных князя Владимира на свою службу и заменил их людьми, в чьей верности он мог быть уверен. Это было равноценно организации слежки за князем Владимиром.[238]

Все эти казни и репрессии привели в замешательство высших представителей русской армии и администрации, которые вместе составляли правящий институт — двор (двор как центр армии и администрации государя). Никто не считал себя в безопасности.[239] Мораль была подорвана. Некоторые думали о побеге в Западную Русь, т.е. в Великое княжество Литовское.

Единственным человеком, который оказался способным в силу своего морального авторитета сдержать нрав царя, был престарелый митрополит Макарий. Его смерть 31 декабря 1563 г. была великой потерей как для царя Ивана IV, так и для России.

Литовские князья хорошо знали об этой ситуации. По их совету Сигизмунд Август начал посылать секретные послания тем московитским боярам и чиновникам, которые явно намеревались бежать от царя Ивана IV. Он пригласил их перейти на литовскую сторону и обещал высокое положение и владения в Литве.

В начале 1564 г. такое послание получил князь Курбский. После ареста и смерти Адашева положение Курбского стало ненадежным. После смерти же митрополита Макария Курбский потерял все надежды относительно восстановления нормальных отношений между царем и правящим классом в целом (не только бояре были затронуты царскими репрессиями). 30 апреля 1564 г. Курбский бежал из Юрьева (Дерпт), где он занимал пост воеводы, к литовской заставе

Вольмар (Валмиера) в Латвии. Он проследовал в Вильно и был радушно принят королем Сигизмундом Августом.[240]

V

Разногласия между царем Иваном IV и правящим институтом царства, за которые сам царь был более ответственен, чем кто-либо другой, стали особенно опасными для России, поскольку они имели место в период участия Москвы в войне с Литвой, поддерживаемой Крымом.

Война с Литвой началась в начале 1562 г. Сначала внимание Москвы было отвлечено набегами крымского хана Девлет-Гирея, который разграбил Мценск, Одоев, Белёв и многие другие города.[241]

И лишь в декабре мощная русская армейская группа, усиленная татарами и кабардинцами, была собрана для основного похода против Литвы. Высшее командование принял сам царь Иван IV. С ним вместе были князь Владимир Старицкий, царь Симеон Касаевич (последний царь Казани) и многие татарские царевичи, включая Тохтамыша и его брата Бекбулата.[242] Князья Иван Бельский и Петр Шуйский были двумя старшими русскими воеводами. Князь Андрей Курбский был одним из командиров арьергарда.[243]

Русское наступление было направлено на Полоцк. Оно было успешным, и Полоцк сдался 15 февраля 1563 г. Москва таким образом получила точку опоры на Западной Двине, которая была важным торговым путем к Риге.

Царь, следуя практике Адашева, в своих инструкциях воеводе князю Петру Ивановичу Шуйскому, которого он назначил править Полоцком, и его помощникам, приказал изучать древние обычаи справедливости и управления Полоцка и разрешить полоцким дворянам самим избирать судей.[244]

Натянутость отношений между царем и его подданными выглядела даже на этой ранней стадии войны с Литвой зловещей. На пути к Полоцку Иван IV в порыве гнева избил до смерти князя Ивана Шаховского. Дворянин Богдан Колычев дезертировал и поскакал в Полоцк предупредить власти о приближении царской армии. Ему не поверили.[245]

В июне 1563 г., как раз через три месяца после успешного возвращения царя из Полоцка, он приказал арестовать и привести к нему в Александровскую слободу князя Владимира Старицкого и его мать Евфросинью. Благодаря вмешательству митрополита Макария царь

1. Театр Ливонской войны

простил Старицких, но лишил Владимира его свиты и поместил под пристальный присмотр своих агентов.

Евфросинья, видя крушение своих надежд, обратилась к царю с просьбой разрешить ей принять монашество. Просьба была удовлетворена, и 5 августа она стала монахиней, выбрав своей обителью Воскресенский монастырь на Белоозере. Царь приказал содержать ее в хороших условиях и назначил следить за оказанием ей всевозможного уважения трех чиновников. Предположительно, они были проинструктированы наблюдать за ней и мешать ее связи с противниками Ивана IV.

В январе 1564 г. литовцы разбили русские войска под командованием князя Петра Ивановича Шуйского на реке Улла к юго-востоку от Полоцка. Сам Шуйский был убит в битве.[246] А в апреле Курбский бежал в Литву.

В октябре крымский хан Девлет-Гирей с армией, предположительно достигавшей шестидесяти тысяч, атаковал Рязанскую землю и основательно разграбил ее, не встретив практически никакого сопротивления. Огромное количество людей попало в плен и было уведено татарами. Подмога из Москвы прибыла слишком поздно. Татары уже вернулись домой с многочисленными трофеями.[247]

Для предотвращения возможности нападения со стороны Швеции, Иван IV должен был согласиться на продолжение шведско-русского перемирия еще на семь лет (1564-1571 гг.), в течение которых шведы сохраняли Ревель (Таллинн) и Пернов (Пярну).[248]

Литовское нападение на Полоцк в октябре 1564 г. было отбито, но дезертирство бояр и дворянства продолжалось.[249] Тем временем многие из тех бояр и сынов боярских, что оставались верными царю, во главе с новым митрополитом Афанасием попросили у Ивана IV прекратить казни, заключить мир с Литвой и обратить свое внимание на Крым.

Это должно было означать возвращение к программе Адашева, а для Ивана IV — признание провала его политики и соглашение на ограничение его самодержавной власти.[250] Психологически это было для него невозможно. В то же время, он осознал зловещее значение разрыва между ним и управляющим институтом царства. Он не только был разозлен; он был напуган. Стоявший перед ним выбор состоял либо в отставке, либо в усилении царской диктатуры.

Царь нашел выход из тупика, учредив *опричнину*.

Иван IV решил рискнуть и отречься от престола, но сделать это так, чтобы его отречение не было принято народом, и он в результате

получил бы полную власть и смог бы безжалостно расправиться со своими врагами, реальными или предполагаемыми.

Дабы обеспечить все наверняка, он начал тихо собирать группу служилых людей, которым он мог абсолютно доверять. От них он потребовал особой клятвы верности. Он намеревался создать из них *опричный двор*, который станет его личным войском, а также внутренним институтом для наблюдения за деятельностью официальной национальной администрации.

Иван IV боялся объявить о новом институте — *опричнине* — в Москве, где попытка такого государственного переворота могла быть предотвращена существующим правящим институтом бояр, дворян и дьяков. Поэтому он решил временно оставить столицу и удалиться туда, где он будет лучше защищен своими телохранителями — "бандой сатаны", как именовал их Курбский.[251]

3 декабря 1564 г. царь со своей семьей покинул Москву и направился в деревню Коломенское к югу от города, а оттуда двинулся на моления в Троицкий монастырь. Но это не было обычным паломничеством. Царь приказал избранной группе бояр, дворян, боярских сынов и дьяков, в чьей благонадежности он не сомневался, сопровождать его. Он также приказал отряду провинциальных дворян и боярских сынов следовать за ним в боевом порядке. Среди того, что он взял с собою, были царская казна, иконы, ювелирные изделия и одежда.

21 декабря царь и его кортеж отъехали из Троицкого монастыря в Александровскую слободу на ярославской дороге. Здесь они остановились и укрепили стены и башни.

Обычно, когда царь покидал Москву даже на короткое время, он назначал какого-нибудь боярина для присмотра за столичными делами и административными формальностями в его отсутствие. На сей раз ничего подобного сделано не было. Результатом стали напряжение и замешательство, усиливавшиеся с каждым днем.

3 января 1565 г. Иван IV послал в Москву гонца с письмом митрополиту Афанасию и боярам. В этом письме царь обвинил весь управляющий институт — бояр, сынов боярских и дьяков — во многих преступлениях, таких, как разграбление государственной казны, захват земель, уклонение от военной службы и предательство. Иван IV также винил иерархов церкви во вмешательстве в пользу виновных, которых хотел наказать. Он объявил, что по причине всего этого он должен оставить трон и просить Бога указать ему подобающее место уединения.

Одновременно с этим письмом посланник Ивана IV привез и другое, адресованное купцам и простолюдинам Москвы, заверявшее, что царь благорасположен к ним. Иван IV приказал зачитать это послание публично.

Очевидно, что царь попытался внести смятение в умы московских жителей, настраивая простых горожан против чиновников и высших классов. Угроза народного восстания, подстрекаемого царем, была реальной. Правящий институт капитулировал.

Митрополит Афанасий отказался лично поехать в Александровскую слободу, но согласился послать туда в качестве своих представителей архиепископа Новгорода и архимандрита Чудова монастыря, с тем чтобы просить царя вернуть свое расположение боярам, дьякам и всему народу, не оставлять трона, править по своему усмотрению и наказать предателей по своему разумению.

Царь выиграл эту рискованную игру. Его нервное напряжение в ходе этих судьбоносных событий может быть оценено по донесению ливонца Иоанна Таубе, отмечавшего, что ко времени своего возвращения в Москву в феврале, царь потерял все волосы на голове.[252]

5 января царь великодушно простил духовенство, бояр и народ и объявил об условиях возвращения на трон в специальном указе, который устанавливал режим *опричины*.[253] Эти условия гласили:

1. Царь будет обладать полной свободой власти наказывать и, если необходимо, казнить предателей и конфисковывать их собственность.

2. Царь создаст внутри государства свой собственный отдельный двор. Он изберет персонал своего двора — от бояр до мелких слуг — среди доверенных людей.

3. Даже становясь главой своего личного суда и личных войск, царь сохранит власть как глава государства.

4. Бывшая государственная и военная администрация будет продолжать функционировать, но бояре должны будут адресовать все важные дела царю.

Таким образом, должно было быть введено двоевластие: царская опричнина и земщина. Национальная администрация сохраняла свои традиционные формы, но была подчинена абсолютной диктатуре царя.

Опричнина давала царю средства реализации своей диктатуры и обеспечивала его личную безопасность. В то же время она означала глубокий раскол в близком окружении царя — среди его родственников и крупных бояр. Например, Захарьины-Юрьевы (по линии пер-

вой жены Ивана IV) и князь Михаил Черкасский (брат второй жены Ивана), равно как и бояре Алексей Басманов и Иван Чеботов, безоговорочно следовали царю. Другие, находившиеся в брачных отношениях с царской родней, подобно князю Ивану Мстиславскому, князю Александру Горбатому и Головиным, а также бояре Иван Федоров и князья Дмитрий, Петр и Иван Куракины оставались в стороне.[254]

Расправа с предполагаемыми предателями началась немедленно после обнародования указа. В феврале 1565 г. были казнены князь Александр Борисович Горбатый, его сын Петр, два других князя и окольничий Петр Головин. Князья Дмитрий и Иван Куракины были насильственно пострижены в монахи. Многие дворяне и бояре были высланы в Казань. Вся их собственность была конфискована.[255]

С целью создания экономической базы для опричнины к опричным *приказам* были приписаны и поставлены под их прямой контроль многие города и районы с их землями и доходами.

Александровская слобода оставалась главным оплотом опричнины, но в самой Москве был также построен *опричный двор* и к нему была приписана значительная часть города.

Многие из провинциальных городов, взятые в опричнину, были в центральной части Московии: на запад и юго-запад от Москвы — Вязьма, Можайск и Медынь; на юг — Малоярославец и две части Перемышля; на восток — Суздаль и Шуя. В дополнение под опричную власть отошли многие города и районы на севере Московии, такие, как Тотьма и Устюг, район Ваги.[256] Со временем еще многие города были присоединены к опричнине.

Институт опричнины обладал сильной личной армией Ивана IV численностью в одну тысячу опричников. Среди них были князья, бояре, дворяне и сыны боярские. Впоследствии опричный корпус был увеличен. К 1570 г. он включал около шести тысяч человек. Многие иностранцы — ливонские немцы, подобные Иоанну Таубе, и немцы из Германии, такие, как Геирих фон Штаден — были приняты в ряды опричников.

Хотя агенты английской Русской компании в Московии не участвовали в опричнине индивидуально, они обратились к царю с просьбой принять в опричнину всех английских купцов. Они сделали это, чтобы застраховать себя и собственность компании против любого вмешательства опричников. Царь нуждался в английских

технических специалистах и импорте английских товаров, включая оружие, и поэтому принял компанию под свою защиту.

По тем же причинам богатейшие русские купцы и промышленники того времени, Строгановы с Урала, попросили царя принять их в опричнину. Они были приняты, и поскольку их финансовая помощь была существенна для царской казны, Строгановым не досаждали.

Судьба русских землевладельцев и землепользователей в районах опричнины была особой. Они были насильственно изгнаны из своих владений, дабы освободить место опричникам. Взамен им отдавались земли в районах земщины, в основном в Среднем Поволжье. Высылка земских землевладельцев в Казанский регион имела две цели: убрать ненадежных бояр и сынов боярских из центральной части Московии и колонизировать вновь приобретенные районы. Следует отметить, что в районах, первоначально взятых в опричнину, было мало боярских вотчин. Изгнание, таким образом, в основном затронуло дворянство.

Поскольку опричники должны были получить большие по размеру поместья, нежели сыны боярские, число изгнанных должно было быть по крайней мере на 50 % больше, нежели опричников, расселенных в бывших владениях изгнанных. Итак, когда число опричников достигло шести тысяч, число изгнанных должно было достигнуть девяти тысяч.[257]

Правительство практически ничего не сделало для организации миграции изгнанных. Им самим приходилось искать подходящие земли и затем регистрировать их в *поместном* приказе. В некоторых случаях процедура занимала два или более года.

Не меньшими были беды крестьян в поместьях, определенных для опричников. Немногие опричники подались в царскую гвардию, будучи искренне преданными царю. Большинство было привлечено надеждой сделать блестящую карьеру. В то же время они не были уверены, выживет ли опричнина и не является ли она всего лишь причудой царя. Поскольку цель состояла в быстром обогащении, у них не было стимула для хорошего управления полученными ими земельными владениями; они пытались извлечь из них как можно большую выгоду, пока не поздно. В результате крестьяне во многих поместьях, из которых были изгнаны бывшие владельцы или держатели земли, разорились.[258]

Жизнь в новом царском дворце приобрела внешнюю видимость монастырской. Опричники носили в стенах дворца черную одежду и именовались братьями; но молитвы перемежались дикими оргиями.

У каждого опричника к седлу коня были привязаны собачья голова и метла. Эти эмблемы должны были подчеркнуть их собачью преданность царю и готовность вымести из страны предательство.

Кроме своих жандармских обязанностей опричники в период войны несли службу в гвардейских полках. Сначала, когда они подчинялись жесткой дисциплине, они часто оказывались полезными, но позднее стали деморализованными.

В качестве института опричнина разрушила русскую систему армейской мобилизации и организации. Большая часть русской армии в это время состояла из дворян и сынов боярских. Их районные объединения отвечали как за уголовное судопроизводство, так и за армейскую мобилизацию.

Дворяне и сыны боярские, изгнанные из районов опричнины, были разбросаны по другим провинциям, а их объединения распались.[259] Как было сказано, число изгнанных было не менее девяти тысяч, т.е. равнялось почти трети всего числа дворянской армии (около тридцати тысяч).

Что же до опричников, расселившихся на землях изгнанных дворян и детей боярских, то они нахлынули из различных частей страны и нуждались во времени для военной организации.

VI

Как уже указывалось, среди причин конфликта между царем Иваном IV и московским правительством, приведших к созданию опричнины, была убежденность предводителей земства в том, что главную угрозу представляют крымские татары, а не литовцы и, следовательно, основная задача московского правительства — борьба с Крымом, а не с Литвой. Это казалось столь очевидным, что даже после создания института опричнины царь Иван IV должен был обратиться прежде всего к неблагоприятной ситуации на южных границах Московии.

В 1565 г. шли переговоры с Литвой и Швецией о мире или, по крайней мере, о перемирии. Сильные русские соединения под командованием князей И.Д. Бельского и И.Ф. Мстиславского (оба были старшими боярами земщины) были переведены с литовского фронта на берега Оки для охраны Москвы от татарских нападений. В октябре Девлет-Гирей действительно совершил набег на Болхов, но быстро ушел, когда получил известие о приближении русских. В 1566 г. он не предпринимал походов на Московию.[260]

В мае 1566 г. литовские делегаты во главе с Юрием Ходкевичем, прибыли в Москву, чтобы начать мирные переговоры с московским правительством. Московскую делегацию возглавлял боярин Василий Михайлович Юрьев (согласно Зимину, опричник). Одним из помощников Юрьева был дьяк Иван Висковатый.[261]

Литовцы были готовы сдать Московии Полоцк и ту часть Ливонии, что уже удерживали русские, т.е. Юрьев (Тарту), Нарву и некоторые малые города. Царские делегаты были готовы отдать Литве несколько маленьких ливонских городов, но настаивали на передаче русским Риги и Полоцкого края к западу от реки Двины (еще удерживаемой литовцами), поскольку им принадлежал город Полоцк.

Переговоры зашли в тупик. Царь настаивал на присоединении Риги. Однако он желал заручиться в этом вопросе поддержкой ведущих правительственных и армейских групп и торгового люда.

Поэтому он решил созвать для обсуждения ситуации и принятия решения земский Собор. Заседания Собора длились с 28 июня по 21 июля 1566 г. В Соборе приняли участие церковный совет, возглавляемый митрополитом Новгорода Пименом (стареющий митрополит Афанасий, испытывавший отвращение к режиму опричнины, ушел в отставку 16 мая); Боярская Дума; дворяне первой статьи; дворяне второго класса (дворяне и сыны боярские); дьяки и служащие; высший слой купечества: гости, московские торговцы и *смоляне* (смоленские купцы, торгующие в Москве или московские купцы, вовлеченные в иностранную торговлю через Смоленск). Из них 204 человека представляли дворянство и 75 человек — купечество.[262]

Каждая из групп, составлявших Собор, давала свои рекомендации отдельно. Все вместе, за исключением Ивана Висковатого, настаивали, чтобы не делать более уступок Литве. Висковатый, не решаясь открыто пойти против царя советом отдать Ригу, предложил, чтобы ливонские посланники дали заверения, что литовцы оставят Ригу в покое.[263] Итак, Висковатый в скрытой форме рекомендовал отложить решение о Риге.

Его мнение не было принято во внимание. 5 июля литовским посланцам сообщили, что дальнейшие переговоры бесполезны. 12 июля они покинули Москву. В феврале следующего года царь послал в Вильно в качестве своего великого посла к Сигизмунду Августу боярина Ф.И. Умного-Колычева. Миссия Колычева провалилась. Он вернулся в Москву в октябре 1567 г.

Обе стороны — Литва и Москва — готовились к возобновлению войны. Сигизмунд Август продолжил свою пропагандистскую войну, тайно посылая московитским боярам предложения бежать с царской службы в Литву. Он обещал им достойное содержание. В 1567 г. четыре выдающихся московских боярина, князь Иван Бельский, князь Иван Мстиславский, князь М.И. Воротынский и Иван Федоров, получили подобные приглашения от Сигизмунда Августа и гетмана Григория Ходкевича. Каждый из них немедленно доложил об этом царю и заверил его в своей верности. Иван IV приказал им послать назад оскорбительные ответы с отказом, которые он подготовил лично,[264] что они и сделали. (Ивана Федорова все равно казнили). В других случаях получатели хранили письма в тайне и готовились к побегу, во всяком случае, старались не лишить себя такой возможности.

Как мы видели, при учреждении в 1565 г. опричнины духовенство обещало отказаться от своего традиционного права защищать тех, кто потерял расположение царя. Несмотря на это, митрополит Афанасий продолжал отстаивать подозреваемых перед царем. И поскольку царь редко удовлетворял его петиции, Афанасий 16 мая 1566 г. ушел в отставку.

Иван IV выразил желание (при сложившихся обстоятельствах являвшееся приказом), чтобы на митрополичью кафедру был избран архиепископ Казани Герман Полев. Царь помнил, что Герман был одним из следователей по ереси Башкина в 1553 г. В 1555 г., когда была создана архиепископская кафедра в Казани, Герман был одним из ближайших помощников первого архиепископа Казани Гурия. После смерти Гурия Герман сменил его.

Герман был стойким защитником православия от еретиков (как показало дело Башкина), но он был глубоко религиозным человеком, а не раболепным искателем царского благоволения. Он был возмущен жестокостями опричнины. Сперва он отказался от кафедры митрополита. Когда же церковный Собор, несмотря на его нежелание, избрал его, он отправился к царю и увещевал его прекратить расправы. Царь разгневался, и Герман не был рукоположен. Он умер в Москве 6 ноября 1567 г., согласно официальной версии, от эпидемии. Курбский говорит, что он был либо задушен, либо отравлен.[265]

После устранения Германа царь и церковный Собор предложили кафедру митрополита настоятелю Соловецкого монастыря Филиппу, который принадлежал к боярской семье Колычевых. В качестве

соловецкого настоятеля Филипп показал себя талантливым администратором. Он был приглашен в Москву, но, подобно Герману, не хотел принимать приглашение. Он последовательно настаивал, чтобы царь прекратил ненужные казни и уничтожил опричнину. Несмотря на это, царь согласился на рукоположение Филиппа. Филипп должен был пообещать не вмешиваться в дела опричнины, а царь разрешил бы ему давать советы. Это было подтверждением традиционного права высших иерархов вступаться за угнетаемых и преследуемых. Предположительно, царь дал секретное обещание Филиппу воздержаться от злоупотреблений. 20 июля 1566 г. Филипп был рукоположен в сан митрополита.[266]

На протяжении года после этого террор был не столь жесток. Царь продолжал подозревать существование предательства или, по крайней мере, предательских намерений среди бояр. Ему никогда не приходило в голову, что он своей непомерной жестокостью раздражал служилых людей и толкал их на измену или побег. Получение же в 1567 г. четырьмя видными боярами писем от короля Сигизмунда Августа повело к новой волне террора.[267]

К осени 1567 г. митрополит Филипп понял, что для него настало время вмешаться. Сперва он увещевал Ивана IV наедине с ним, а когда это не возымело результата, он стал взывать к нему публично в Успенском соборе в марте 1568 г. Чтобы найти повод избавиться от Филиппа, Иван IV стал искать клириков, которые могли бы выступить обвинителями митрополита. Духовник царя Евстафий и три епископа (одним из них был архиепископ Новгорода Пимен) начали плести против Филиппа интриги. Пимен жаждал кафедры митрополита для себя.

Монах того же Соловецкого монастыря, настоятелем которого Филипп был раньше, с одобрения властей предоставил информацию о предполагаемом неверном поведении Филиппа в период его настоятельства. В начале ноября совет епископов постановил сместить Филиппа с должности. Карташев называет этот совет "наиболее позорным из всех церковных соборов во всей истории России".[268]

Филипп был вывезен в Отроч монастырь в Твери, где около двадцати лет (до 1553 г.) держался в заключении Максим Грек (который умер в 1556 г.). Ожидания Пимена не оправдались. Царь избрал в качестве наследника Филиппа архимандрита Троицкого монастыря Кирилла. Совет епископов согласился; ничего более не следовало

ожидать. Кирилл был рукоположен митрополитом 11 ноября 1568 г. Он возглавлял русскую церковь все время расцвета опричнины — 1569-1570 гг. (он умер в 1572 г.) — и никогда не осмелился поднять против нее свой голос.

VII

Некоторое время после создания опричнины царь Иван IV чувствовал себя в относительной безопасности, поскольку верил, что сломал хребет боярской оппозиции. Поддержка, оказанная Ивану IV земским Собором 1566 г. для продолжения Ливонской войны, не могла не дать ему удовлетворения. Однако он должен был заметить подозрительно скрытое несогласие Ивана Висковатого.

Вскоре начало ощущаться общее неудовлетворение продолжающимися казнями, изгнаниями и злоупотреблениями опричников против людей земщины. Пропагандистская кампания короля Сигизмунда Августа и литовских князей, которая настраивала московитов против политики Ивана IV, таким образом обрела подходящую почву.

Царь должен был знать обо всем этом от своих агентов и шпионов, которые, вне сомнения, преувеличивали опасность, чтобы подчеркнуть полезность опричнины и получить новые милости. Царь теперь начал верить, что среди бояр и дьяков существовал заговор против него. В достоверных источниках не существует указания, что какой-либо организованный заговор действительно имел тогда место. Вне сомнения, многие люди должны были быть напуганы и готовы бежать, что многие и делали. Разумеется, атмосфера была натянутой. Новые преследования лишь увеличивали число недовольных.

Царь ощущал, как почва уходит из-под его ног. В панике он начал думать о побеге за границу. В ноябре 1567 г., дав английским купцам широкие новые привилегии, Иван IV потребовал в своих переговорах с Дженкинсоном, чтобы королева Елизавета согласилась на военный союз между Англией и Московией против Польши. В дополнение он послал через Дженкинсона секретное послание к Елизавете, предлагая соглашение о взаимном предоставлении политического убежища в случае необходимости.[269]

В июне 1568 г. Елизавета послала нового посла, Томаса Рандольфа, в Россию. Он должен был добиться новых привилегий для английских купцов, но избежать обсуждения вопроса о политическом союзе. Однако Елизавета велела передать царю, "что, если какое-либо

несчастье приключится в его владениях, ...мы заверяем его, что он будет дружественно встречен в наших владениях".[270]

По прошению Рандольфа Иван IV принял английских купцов в России в опричнину (20 июня). Одновременно Иван IV послал к Елизавете для конфиденциальных переговоров своего посланника Андрея Совина.[271]

Кажется очевидным, что причиной жестокого обращения царя с митрополитом Филиппом были его недоказуемые подозрения, что митрополит связан с воображаемым заговором.

Даже более уязвимым, нежели Филипп, был царский двоюродный брат князь Владимир Андреевич Старицкий. Следует вспомнить, что в течение болезни Ивана в 1553 г. группа бояр попыталась сделать Владимира его наследником. Царь не мог забыть этот эпизод, равно как не могли его забыть и его противники.

В действительности, сам Владимир никогда не стремился к власти. Это его интриганка-мать, княгиня Евфросиния, урожденная княжна Хованская, мечтала сделать своего сына царем. Но она была вынуждена в 1563 г. уйти в Белоозерский монастырь, жила там под строгим надзором и, таким образом, была лишена возможности вести какую-либо дальнейшую политическую деятельность.

В 1566 г., при опричнине, Владимира заставили поменяться землями с царем Иваном IV. Он потерял Старицу и всю основную территорию владений своего отца. Люди на полученных им взамен землях не были связаны с ним патриархальными традициями.[272]

Таким путем были поколеблены основания его авторитета и власти, и он сделался абсолютно зависимым от царской воли. При подобных условиях Владимир не мог бы согласиться возглавить заговор против царя Ивана IV, даже если бы стремился к этой роли. Тем не менее, в глазах противников царя Ивана Владимир продолжал быть потенциальным кандидатом на трон. Этого не могли не знать агенты Ивана IV, и его подозрения иасчет Владимира вспыхнули вновь.

Весной 1569 г. ситуация стала для России опасной. В Люблине совместный польско-литовский сейм обсуждал объединение между Польшей и Литвой. Литовские князья неохотно согласились на объединение, поскольку силы одной лишь Литвы были недостаточными, чтобы справиться с армией московитов. Поляки отказались помочь без того, чтобы окончательно связать Литву с Польшей. Дабы увеличить польское преобладание, король Сигизмунд Август в противо-

вес возражениям литовских князей издал два декрета (5 марта и 6 июня), передающие украинские области Великого княжества Литовского (Волынскую, Киевскую, Брацлавскую) Польше. 1 июля 1569 г. был подписан акт объединения.[273] В результате Люблинской унии военный потенциал Литвы более чем удвоился.

Тем временем в Каффе турки готовились к кампании против Астрахани. Ни турки, ни крымские татары не признавали присоединения к России в 1556 г. Для турецкой стороны важное стратегическое значение имела Астрахань. Она была стержневой точкой, которая позволила бы туркам использовать Каспийское море для нападения на Персию и сохранить дружественные отношения с центрально-азиатскими тюркскими ханствами. Кроме того, турки не могли смириться с русским наступлением на Северный Кавказ, который поддерживался кабардинскими князьями, опиравшимися на Астрахань. Наконец, те астраханские и казанские вельможи, которые уехали в Турцию и Крым, чтобы избежать русского правления, продолжали побуждать султана и крымского хана вытеснить русских из региона Средней и Нижней Волги.

В политике султана и хана, однако, существовало различие. Хотя крымские ханы были вассалами султана, они старались поддержать свою автономию и избежать прямого турецкого вмешательства в татарскую политику. Они не желали заменять русский контроль над Астраханью контролем османских турок. В то же время хан Девлет-Гирей не решался открыто противостоять султану и вынужден был с ним сотрудничать.

В 1568 г. султан Селим II и его советники решили предпринять кампанию против Астрахани. Эта экспедиция была щедро оплачена турецким великим визирем Мехматом. Подготовка к ней началась летом 1568 г. Было решено послать войска, пушки и снаряжение вверх по Дону на судах до места, где восточный изгиб Дона подходит наиболее близко к западному изгибу Волги. Донские казаки в этом месте перетаскивали свои легкие суда из одной реки в другую. Турки решили прорыть здесь канал, чтобы дать возможность флотилии войти в Волгу и добраться до Астрахани по реке.[274]

Турецкий экспедиционный корпус под командованием Касым-паши был собран в Каффе весной 1569 г. и подошел к Азову (по-турецки – Азаку) в июне. Согласно А.Н. Курату, турецкие вооруженные силы насчитывали пятнадцать тысяч воинов и ожидали примерно столько же крымских татар, малых ногайцев и черкессов. Кроме

того, на галерах начитывалось около двух с половиной или трех тысяч гребцов, в основном военнопленных, среди которых было около ста пятидесяти казаков и московитский посланник к ногайцам, Семен Мальцев, который позднее написал отчет об экспедиции.

Армия Касым-паши достигла пространства между Доном и Волгой 15 августа. "Но, поскольку почва была холмиста и две реки разделяло около сорока миль, Касым-паша и его помощники поняли, ...что любая идея канала исключалась. Вместо этого они решили тащить некоторые из судов волоком по суше".[275]

В течение пятнадцати дней тысячи людей работали киркой и лопатой, выравнивая землю, но когда они попытались тащить суда, поставленные на колеса, колеса начали ломаться, и эту затею оставили. Флотилия была отослана назад в Азов со всеми пушками, за исключением нескольких легких полевых орудий. Донские казаки, которые не решались противодействовать турецким силам на их пути по Дону, преследовали отступающую флотилию, но урона ей не нанесли.

Армия Касым-паши не имела альтернативы, кроме похода на Астрахань, следуя по линии правого берега Волги через песчаную пустыню. Они достигли полуразрушенного города Астрахань 16 сентября. Русская крепость и новое поселение вокруг нее тянулись на десять миль на юг по острову у левого берега Волги.

Тем временем московское правительство послало к Астрахани для усиления гарнизона по Волге лодки с соединением войск и запасом военного снаряжения. Экспедиционным корпусом командовал князь Петр Серебряный. Поскольку у турок не было подходящих судов, они не могли помешать экспедиции прибыть в Астрахань.

Турецкий обстрел крепости оказался неэффективным (у турок были лишь легкие полевые пушки). Попытки турецких саперов взорвать стены крепости также не удались. Турки оказались в трудной ситуации. Крымские татары не желали оставаться на зиму, турки тоже начинали роптать. Касым-паша был вынужден дать приказ отступать. Его войска начали отступление 26 сентября.

Турецкое возвращение к Азову (около пятисот миль) заняло почти месяц. Солдаты и кони умирали от голода и жажды. "Лишь относительно малое число прибыло в Азак (Азов) невредимыми".[276]

Через Афанасия Нагого, своего посланника в Бахчисарае, московское правительство было осведомлено о подготовке турок к астраханской кампании. Но Нагого когда началась кампания заключили в

тюрьму, и после этого Москва могла рассчитывать по части информации о перемещении турок только на донских казаков.

Московское правительство собрало в Нижнем Новгороде войска, несколько подразделений были посланы вниз по Волге, чтобы помочь гарнизону Астрахани. Одновременно были усилены оборонительные войска вдоль Оки.[277]

Царь назначил Владимира Старицкого командующим военными силами, собранными в Нижнем Новгороде. Но этот факт ни в коем случае не может рассматриваться как свидетельство доверия царя к князю.[278] Посылая его в Нижний Новгород, Иван IV, очевидно, надеялся убрать его из Москвы, по крайней мере на время. Таубе передает, что когда князь Владимир остáновился в Коломне на пути в Нижний Новгород, местные власти и все население с воодушевлением приветствовали его.[279]

6 сентября 1569 г. умерла вторая жена Ивана IV Мария, черкесская княгиня. Она никогда не была популярна среди князей и бояр земства; ее брат, князь Михаил Темрюкович Черкасский, был одним из наиболее влиятельных людей опричнины. Поэтому Иван IV предположил, что она была отравлена заговорщиками, и что следующей жертвой будет он. Эти опасения стоили жизни князю Владимиру. По приказу царя он был схвачен и доставлен в Александровскую слободу. 9 октября царь обвинил Владимира в организации покушения на его жизнь и приказал ему принять яд. Жена Владимира и младшая дочь погибли с ним. Одиннадцать дней спустя мать Владимира, княгиня Евфросинья, была задушена.[280]

Царь подозревал, что у Владимира много сочувствующих в Новгороде, и теперь он обратил свое внимание на этот город, где не умерли традиции былой политической свободы, и жители пользовались остатками административной автономии. Его подозрения усилились, когда он получил секретную информацию от некоего Петра Волынца (или Волынского), что архиепископ Пимен, бояре и весь город Новгород желают выйти из-под власти царя Ивана IV и перейти на сторону короля Сигизмунда Августа.[281]

Из каталога царских архивов, составленного около 1572 г., нам известно, что среди документов 1569 г. была анонимная петиция, в которой докладывалось, что Петр Волынский слышал "подстрекательские слова" против царя от Федора Новосильского.[282] Это, очевидно, относилось к предполагаемому предательству новгородцев.

Существует ли зерно правды в этом обвинении — трудно сказать. Кажется возможным и даже естественным, что многие новгородцы хотели избавиться от Ивана IV и предпочли бы автономию при Сигизмунде Августе режиму опричнины, но нет достоверных свидетельств о существовании организованного с такой целью заговора. Принимая во внимание строгий надзор опричников за страной, лишь малые тайные группы заговорщиков могли существовать без немедленного их обнаружения.

Другое секретное сообщение информировало Ивана IV о предполагаемой измене псковичей. Псковский летописец говорит, что злые люди клеветнически донесли царю Ивану, будто как Новгород Великий, так и Псков хотят перейти на литовскую сторону.[283]

Последствием всего этого было то, что царь Иван IV начал готовиться к карательной экспедиции против Новгорода и Пскова. Для гарантии он решил наказать и Тверь, поскольку боялся, что традиции былой независимости могли сохраниться и в этом городе.

Тем временем царь должен был обратить свое внимание и на ливонские дела. С апреля 1569 г. Иван IV рассматривал план создания в Ливонии буферного государства, возглавляемого датским принцем, герцогом Магнусом в качестве вассала царя. Предположительно, автором плана был Иван Висковатый. Магнуса этот проект заинтересовал, и в сентябре он отправил своих посланников в Москву. Было достигнуто предварительное соглашение, и 27 ноября посланники получили от царя в Александровской слободе грамоту, содержащую условия для создания вассального Ливонского государства.[284]

К этому времени все было готово для начала кампании против Твери и Новгорода. В ней приняли участие только опричные войска. Но некоторые первоначальные лидеры опричнины, подобные боярину Алексею Даниловичу Басманову и князю Афанасию Вяземскому, были против этого предприятия. За свое противостояние Басманов в 1569 г., до начала кампании, был казнен; Вяземский погиб предположительно в 1570 г.[285]

Появление недовольных среди опричников должно было глубоко потрясти царя. Он не отменил кампании, но в качестве меры предосторожности решил взять с собой стрелецкий полк.

Экспедиция была подготовлена в Александровской слободе с большой секретностью. Опричники запланировали нанести первый удар при достижении Клина, первого на их пути города бывшего Велико-

го княжества Тверского. Им дали перечень лиц, рассматриваемых как потенциально опасных. Они должны были быть схвачены или сразу же на месте убиты. В определенных монастырях и церквах следовало конфисковать для царской казны деньги и драгоценности. Опричникам разрешалось грабить собственность жителей, рассматриваемых как предателей.[286]

Убийства и грабежи начались в Клину и продолжились в Твери. Не только бояре и их служилые люди, но также купцы и ремесленники, фактически люди из всех социальных групп были в числе жертв. Точное количество погибших неизвестно, но в одной лишь Твери оно предположительно составило около девяти тысяч убитых.[287]

Царь использовал общее замешательство, чтобы избавиться от бывшего митрополита Филиппа. По его приказу палач Малюта Скуратов, один из наиболее безжалостных опричников, задушил Филиппа в его собственной келье в Отрочем монастыре 23 декабря.

2 января 1570 г. авангард опричной армии достиг Новгорода. Они немедленно выставили стражу вокруг города, чтобы ни один человек не смог бежать.[288] 6 января прибыл царь с полутора тысячами стрельцов и главной силой опричных войск. Царь арестовал митрополита Пимена, названного в секретном донесении 1569 г. главой заговора. Иван IV, однако, не казнил Пимена, а заключил в монастырь для последующего суда над ним.

Но он считал ответственным за действия Пимена новгородское духовенство и приказал конфисковать собственность новгородских монастырей. Дабы еще более наполнить казну, царь также приказал захватить имущество новгородских купцов. Опричникам был разрешен грабеж в пределах и вокруг города по их усмотрению.

Немецкий опричник Геирих фон Штаден рассказывает: "*Я был с великим князем (царем) (в новгородской кампании) с одним конем и двумя слугами... Я возвратился в мое имение с сорока девятью конями, из которых двадцать два были запряжены в сани с добром. Все это я отправил в мой дом в Москве*".[289]

Всеобщий разбой и убийства продолжались около месяца. Согласно Альберту Шлихтингу, другому немецкому опричнику, 2770 выдающихся и богатых людей было убито в Новгороде в это время, "не считая людей меньшего социального статуса, равно как и бесчисленной массы простых людей".[290] Ливонец Иоанн Таубе заявляет, что было убито двенадцать тысяч богатых новгородцев (мужчин и жен-

щин), а также более пятнадцати тысяч бедных ремесленников и простых горожан.[291] Этот подсчет кажется надежным. Цифра в шестьдесят тысяч, отмеченная псковским летописцем, вероятно, преувеличена. Сам летописец ссылался на слухи.[292]

От Новгорода царь повел опричников на Псков, куда он прибыл, согласно Псковской летописи, в первую неделю февраля (между 6 и 13 февраля). Псков, однако, избежал всеобщего разграбления. В церквах и монастырях были конфискованы иконы и ценности, но опричникам воспрещалось грабить собственность священников. Они должны были удовлетвориться коротким грабительским набегом на псковских купцов. Летописец приписывает смену настроения Ивана IV во Пскове — от желания все уничтожить до прощения — двум причинам: находчивости псковского воеводы князя Юрия Токмакова, который убедил псковичей принять царя как почетного гостя и одарить его подарками; и религиозному пылу юродивого, благословенного Николая Салоса, который угрожал Ивану IV божьей карой, если он продолжит резню.[293]

У царя Ивана IV могли быть и другие соображения, чтобы не задерживаться во Пскове. Его отношения со Швецией стали натянутыми, и он нуждался в мире или, по крайней мере, перемирии, с Польшей и Литвой. К тому времени как он прибыл во Псков, Иван IV, возможно, получил известие, что польско-литовские послы были на пути к Москве (они прибыли туда 3 марта). Псков избежал дальнейшего разорения, и царь увел опричников в Александровскую слободу.

VIII

В слободе царь организовал учет своим трофеям. Они хранились в специальном строении, хорошо защищенном от огня.[294] Иван IV приказал после этого воздвигнуть две новые каменные церкви и наполнить их ценными иконами, сосудами и драгоценностями, конфискованными в новгородских и псковских церквах и монастырях. "После этого, — отмечал Иоанн Таубе, — он уверовал, что господь Бог простил все его грехи".[295]

Иван IV, однако, не считал дело о предполагаемом заговоре законченным. Он еще не разобрался с новгородским архиепископом Пименом, которого информаторы назвали главой заговора. Царь нуждался в нем для расследования дела. Ивана IV преследовал страх, что главный виновник заговора, находящийся за Пименом, так и не ус-

тановлен и что главы кружка заговорщиков будут обнаружены среди московских бояр и дьяков. Прежде чем нанести по ним удар, он тайно собирал информацию о главных лицах правительства. Ни малейшее свидетельство не ускользало от Ивана IV, если оно могло быть использовано для суда над подозреваемыми. Таким путем был подготовлен специальный процесс: дознание по поводу измены архиепископа новгородского Пимена и других.[296]

Пимен и новгородские официальные лица, купцы и сыны боярские были обвинены в подготовке перехода Новгорода и Пскова по власть короля Сигизмунда Августа. Московскими сообщниками Пимена и новгородцев назвали трех высокопоставленных опричников: Алексея Басманова, его сына Федора и князя Афанасия Вяземского, а также нескольких земских дьяков, включая Ивана Висковатого.

По результатам секретного расследования царь лично решал, кого из обвиняемых казнить или наказать иным образом, а кого простить. Имя архиепископа Пимена было упомянуто в последней категории. Факт прощения предполагаемого главы заговора демонстрирует шаткость обвинений и относительно других подозреваемых.

Алексей Басманов был казнен еще до разбоя в Новгороде, поскольку противостоял этому предприятию. Федор Басманов (любовник Ивана IV), очевидно, не был казнен, но умер в 1570 или 1571 гг.[297]

Будучи озабочен обеспечением своей личной безопасности, Иван IV в то же время остро ощущал необходимость обращения к серьезным проблемам, встающим перед Московией в сфере международных отношений. Он желал достижения мира с Польшей, чтобы иметь возможность воевать со Швецией. По той же причине очень нужна была нормализация отношений с Турцией. Царь боялся, что турки предпримут еще одну кампанию против Астрахани.

Еще до начала рейда на Новгород было решено послать боярского сына Ивана Новосильцева в Константинополь, чтобы вести переговоры о восстановлении дружественных отношений с Турцией. Новосильцев выехал из Москвы в январе 1570 г., в то время как Иван IV все еще пребывал в Новгороде.[298]

Иван IV прибыл в Москву из Александровской слободы 4 мая 1570 г. и немедленно погрузился в дипломатическую деятельность. В реальности именно Иван Висковатый был центральной фигурой в московской дипломатии. Но Иван IV уже сомневался в верности Висковатого и желал от него избавиться. Но услуги Висковатого были

столь важны, что Иван IV намеревался в полной мере использовать его таланты для рассмотрения трудных текущих проблем перед тем, как убрать его.

К 22 июня русско-польские переговоры завершились проектом трехгодичного перемирия между Польшей и Москвой, который подлежал ратификации со стороны короля Сигизмунда Августа.

Следует отметить, что польский посол Ян Кротовский был активным членом евангелического сообщества гусситских традиций, известного как чешские братья (по-английски обычно — богемские братья),[299] и один из его ведущих проповедников, Ян Рокита, сопровождал его. Кротовский был сторонником мира между Польшей и Россией. Он был даже человеком, примыкавшим к группе, которая приветствовала выдвижение кандидатуры Ивана IV на польский трон после Сигизмунда Августа, чья смерть, вследствие его плохого здоровья, ожидалась в близком будущем.

План Кротовского состоял в том, чтобы убедить царя разрешить чешским братьям свободу веровать и проповедовать в Московии. Политически это могло сделать кандидатуру Ивана IV более приемлемой для польской и литовской шляхты, среди которой был в это время популярен протестантизм.[300] Кротовский лелеял надежду, что в конце концов сам царь будет обращен к учению братьев. Кротовский мог быть подвигнут в своем начинании благорасположенностью Ивана IV к протестантизму и протестантам.[301]

Рокита принял на себя задачу разъяснения учений братьев царю Ивану и московитам. У Кротовского не было трудностей с организацией религиозного диспута между царем и Рокитой, поскольку Иван IV считал себя законченным теологом и любил религиозные беседы с московитскими епископами и монахами, а также с иностранцами.

Публичная дискуссия между царем и Рокитой имела место 10 мая 1570 г. Царь поставил перед Рокитой несколько вопросов о доктрине братьев. Затем Рокита объяснил свои воззрения. По просьбе царя Рокита составил отчет о дискуссии. После этого царь написал ответ, который был передан Роките 18 июня. В нем царь резко критиковал протестантизм. Надежды братьев, таким образом, не оправдались.[302]

Иван IV жаждал нормализовать русско-польские отношения, но был готов порвать со Швецией. 1 июня Иван Висковатый встретился со шведскими посланниками в Москве. Переговоры ни к чему не привели.

К этому времени датский герцог Магнус, которого Иван IV избрал как своего вассального короля Ливонии, был на пути в Москву, к тому же продумывался поход на Ревель (Таллинн).

Чтобы помешать шведским посланникам сообщить об этом королю Иоанну, царь приказал отправить их в Муром и задержать там.

10 июня Магнус прибыл в Москву и был принят с великой торжественностью. Он был официально провозглашен королем Ливонии, дал клятву верности царю и был помолвлен с княжной Евфимией Старицкой, старшей дочерью покойного князя Владимира. Браки между православными и западными христианами были довольно редкими в Древней Руси. Помолвка Евфимии с лютеранином была еще одним примером терпимого отношения Ивана IV к протестантизму.

Магнус привел с собой лишь малый контингент солдат, но в качестве короля Ливонии он был назначен командующим русскими войсками, посылаемыми против шведов. 25 июня он с русской экспедиционной армией двинулся в Ливонию. Он приступил к осаде Ревеля 21 августа.

Царь счел неподобающим казнить предполагаемых заговорщиков во время пребывания шведских и польских послов в Москве в мае и июне 1570 г.

Однако казни начались вскоре после 2 июля, как только польская посольская миссия покинула Москву. Согласно Шлихтингу, Третьяк Висковатый, брат канцлера Ивана Висковатого, погиб первым.[303] По сведениям Гваньини, Третьяк был казнен за то, что якобы оклеветал князя Владимира Старицкого.[304] Это было характерно для Ивана IV — возлагать на других людей ответственность за преступления или ошибки, совершенные им самим. Тот факт, что он отдал дочь князя Владимира Евфимию в жены герцогу Магнусу, также демонстрирует, что к этому времени Иван IV посмертно восстановил доброе имя князя Владимира. В противном случае Магнус счел бы это предложение оскорблением, а не почестью.

20 июля были казнены князь Петр Семенович Серебряный, ветеран казанской кампании 1552 г. и защитник Астрахани 1569 г., и дьяк Мясоед Вислый.

Публичный суд над предполагаемыми предателями, состоявшийся пять дней спустя, стал кульминацией событий. Массовые казни организовывались с мрачной торжественностью в Китай-городе в Москве. Жители Москвы были приглашены присутствовать на этом спек-

такле. Тысячи горожан явились после того, как царь объявил, что им не причинят никакого вреда. Царь появился полностью вооруженным, в сопровождении опричников и полутора тысяч стрельцов. Шлихтинг рассказывает, что царь лично обратился к толпе и спросил, прав ли он, наказывая предателей. Люди громкими выкриками выражали свое одобрение.[305]

Для орудий пыток и казни была построена специальная платформа. В огромном котле развели огонь для кипячения воды. Затем из тюрьмы доставили привлеченных к делу о заговоре, их было около трехсот человек. Более чем половину из них царь помиловал.

Все остальные были казнены, большинство из них жесточайшим образом. Дьяк Василий Щелкалов зачитал имена всех приговоренных и огласил обвинения. Первым казнили думного дьяка Ивана Висковатого. Он твердо держался до конца, резко отвергая все обвинения. Согласно Шлихтингу, в этот день были казнены 116 человек, большинство из которых занимали важные места в государственной и земской администрации.[306]

На некоторое время после массовых казней царь почувствовал себя в большей безопасности. Относительно балтийских дел он был полон надежд, что его новая схема, связанная с созданием вассального Ливонского государства сработает, и что Магнусу удастся завоевать Ревель. По этой причине Иван IV был менее заинтересован теперь в заключении соглашения с Англией и обеспечении там себе убежища.

Осенью 1570 г. царский посланник Андрей Совин возвратился из Англии с двумя письмами, написанными 18 мая королевой Елизаветой Ивану IV. Одно из них было официальным, выражавшим в туманной форме согласие заключить союз с царем; другое — личного порядка, в котором она повторила свое обещание в случае необходимости обеспечить ему убежище, но не вела речи о взаимном соглашении.[307]

Царю не понравилось это упущение, ибо он настаивал на союзе. Кроме того, он был раздражен тем, что Елизавета не послала к нему собственного посла для заключения формального договора о союзе. Из отчета Совина царь знал, что англичан интересовало лишь дальнейшее развитие торговых отношений. Поэтому царь решил припугнуть их, написав Елизавете, что отменит привилегии английских купцов в России.[308]

Тем временем переговоры Новосильцева с султаном провалились. А в Ливонии все более осложнялась осада Ревеля.

Дания не послала флот на помощь Магнусу. У русских не было собственной флотилии, только несколько каперов, базировавшихся в Нарве. На море, таким образом, главенствовали шведы, которые могли послать ревельскому гарнизону подкрепления и амуницию. А в марте московское правительство получило известие, что крымский хан готовит кампанию против Москвы. Царь должен был собрать войска на линии реки Оки, чтобы быть готовым к отражению татарского нападения. Ввиду этих обстоятельств, в Ливонию нельзя было послать никакого подкрепления.

16 марта 1571 г. Магнус вынужден был снять осаду Ревеля. Царь даровал королю Ливонии маленький эстонский город Оберполлен. В это время внезапно умерла невеста Магнуса княжна Евфимия Старицкая. По слухам, она была отравлена.

1 января 1571 г. царь назначил князя Михаила Ивановича Воротынского ответственным за оборонительные сооружения по реке Оке, а также за подразделения мобильных войск, наблюдавших за перемещениями татар.[309]

К апрелю хан Девлет-Гирей собрал татарскую армию, сила которой оценивалась в сорок или более тысяч воинов.[310] Несколько русских перебежчиков, пострадавших от опричнины сынов боярских, предложили хану свою помощь в качестве проводников или шпионов. Один из них сообщил хану, что царь располагает для противодействия татарам лишь небольшим войском опричников и посоветовал ему направиться прямо к Москве.[311]

Когда хан начал кампанию, великие ногайцы (большинство из которых были до этого времени союзниками Москвы) использовали эту возможность для опустошительного набега на район Казани.[312]

Русская армия, численностью около пятидесяти тысяч,[313] состояла как из опричных, так и земских полков. Царь назначил опричника, князя Михаила Черкасского (брата царицы Марии), главнокомандующим всей армией. Земские войска находились под командованием князей Ивана Бельского и Ивана Мстиславского.

Между силами опричнины и земщины были значительные разногласия, и в целом моральный дух войск был низок. Царя Иван IV не мог не заметить этого, когда в сопровождении полутора тысяч стрельцов прибыл в Серпухов, где находился штаб князя Черкасского. Царь был в нервозном состоянии и искал козла отпущения, которого бы мог обвинить в плохом состоянии армии. Формально ответственность лежала на командующем армией, князе Черкасском.

Видимо, в этот самый момент царь получил информацию, которая заставила его усомниться в верности Черкасского. Согласно сообщению, отец Черкасского, кабардинский князь Темрюк и одновременно тесть царя со стороны его второй жены, царицы Марии, предал царя и вместе с другими кабардинскими князьями присоединился к хану Девлет-Гирею в его кампании против России.[314]

Информация была ложной.[315] Она была, возможно, сознательно распространена агентами Девлет-Гирея, вероятно, одним из русских перебежчиков. Тем не менее, Иван IV приказал казнить Черкасского. Согласно Штадену, это было сделано стрельцами.[316]

В панике Иван IV поспешил прочь в Александровскую слободу, но, все еще не чувствуя себя в безопасности, отправился далее — к Ростову, Ярославлю, Вологде и, наконец, остановился в Белоозере.[317]

Армия была оставлена в замешательстве и начала торопливо отступать к Москве. 23 мая Девлет-Гирей подошел к окраинам столицы и поджег южный посад. Не только пригородные районы, но и многие строения в Кремле и Китай-городе были сожжены. Огромное количество людей погибло в пламени или задохнулось от дыма. Среди них был и князь И.Д. Бельский.[318] Татары разграбили окраины Москвы, а затем, захватив трофеи и более чем сто тысяч пленных (цифра Таубе), отступили.

IX

В середине июня царь возвратился в Александровскую слободу и начал расследование причин поражения русской армии, среди коих он подозревал и предательство некоторых командиров. Среди шести опричных воевод (не считая ранее казненного князя Михаила Черкасского) трое были объявлены виновными и казнены.

Главный земский командующий, князь Иван Мстиславский, под пытками признался, что он и боярские воеводы одобрили стремление хана Девлет-Гирея пойти на Москву. Мстиславский поклялся, что никогда больше не предаст Россию. Царь простил Мстиславского, после того как два видных опричника (один боярин и один окольничий) и один земский боярин подтвердили его благонадежность. Обвинение против него явно было ложным.[319]

Казнь трех опричных воевод показывает, что царь был разочарован в опричнине как военной силе и терял веру в преданность опричников в целом.

После массовых казней, последовавших за нападением на Москву крымского хана и столичного пожара, Иван IV обратился к семейным делам и начал подготовку к своему третьему браку и первому браку царевича Ивана. Царь выбрал в невесты Марфу Собакину из рода Нагих, дочь боярского сына из Коломны; царевич должен был жениться на Евдокии Сабуровой. Свадьба Ивана IV состоялась 28 октября; Ивана Ивановича — 4 ноября.

Супруга царя заболела и скончалась через две недели после свадьбы. Царь был уверен, что ее отравили. То, что такое могло случиться в Александровской слободе — цитадели опричнины — усилило страхи и подозрения Ивана IV.

Тем временем был получено известие, что один из главных советников Ивана IV в ливонских делах Иоанн Таубе предал царя и 21 октября с помощью подразделения ливонских войск, состоявшего на русской службе, попытался захватить крепость Дерпт. Попытка была отбита русским гарнизоном, и затем Таубе попросил убежища у командующего шведскими войсками в Ревеле. После получения отказа он предложил свою службу королю Сигизмунду Августу и перешел на польско-литовскую сторону.[320]

В дополнение к этой неприятной новости царь узнал, что крымский хан готовится к новой кампании против Москвы.

При всем этом, после окончания двойного свадебного празднества в Александровской слободе и смерти несчастной царицы Марфы Иван IV объявил о своем решении начать войну против Швеции. В декабре он повел объединенную опричную и земскую армию к Новгороду, который был избран базой военной операции. Его сопровождали царевич Иван, крещеный татарский царевич Михаил Кайбулович из астраханского царского дома, царь Саин-Булат из Касимова и король Магнус.[321]

Иван IV прибыл в Новгород накануне Рождества и на следующий день послал воинский контингент в рейд по шведской территории. 7 января Иван IV принял шведских послов (задержанных в июне 1570 г.) и согласился на перемирие до 25 мая. Он разрешил посланникам возвратиться в Швецию и послал с ними письмо королю Иоанну, в котором он выразил свое желание продолжать переговоры, но настаивал на передаче Москве Ревеля.

В действительности царю хотелось избежать в это время войны со Швецией. Его тайной целью прибытия в Новгород была подго-

товка убежища в случае новой атаки на Москву хана Девлет-Гирея. Царь пришел к убеждению, что Александровская слобода слишком близка к Москве и, следовательно, уязвима.

Поэтому он приказал доставить в Новгород свою казну (или ее большую часть). Согласно новгородскому летописцу, царские ценности были перевезены на 450 телегах. С.Б. Веселовский полагает, что полный вес перевезенного груза составил 9000 пудов (около 164 тонн). Казна была уложена в подвалах трех церквей и охранялась стрельцами.[322] После этого Иван IV возвратился в Москву для организации обороны против надвигающейся армии хана Девлет-Гирея.

Все выглядит так, будто эти меры были рекомендованы группой высших бояр, а Иван IV лишь одобрил их. Он назначил татарского царевича Михаила Кайбуловича исполнительным главой ближней Думы. Последнего именовали "царевичем Астрахани", видимо, в пику притязаниям Девлет-Гирея на Астрахань. Жена Михаила была дочерью боярина Ивана Большого Шереметева, которого заставили принять постриг в период волны террора лета 1570 г.[323]

По контрасту с неудачными кампаниями прошлых лет, когда опричные полки воевали отдельно от земских сил, каждый полк на сей раз состоял из частей обоего типа. Во главе основной армейской группировки (большого полка) были два ведущих земских воеводы — князь Михаил Воротынский и боярин Иван Меньшой Шереметев (младший брат Ивана Большого Шереметева). Следующая по значению армейская группа находилась под командованием опричного воеводы князя Никиты Одоевского и земского боярина Федора Шереметева. Армия состояла из более чем двадцати тысяч человек.[324]

И именно в это время царь Иван IV пожелал жениться вновь. Подобно своему третьему браку, он избрал дочь сына боярского из Коломны, Анну Колтовскую. Трудность состояла в том, что, согласно канонам православной церкви, жениться разрешалось лишь трижды. Митрополит Кирилл умер 8 февраля. Временным главой церковной администрации был архиепископ Новгорода Леонид, который собрал совет епископов. Ни один из них не решился противиться желанию царя, и 29 апреля Иван IV получил разрешение на новый брак.

После свадьбы Иван IV и его молодая жена отправились в Старицу и затем — в Новгород, куда и прибыли 1 июня. Царь был торжественно принят архиепископом Леонидом и духовенством.

Проходили дни и недели, царь напряженно ждал новостей из армии. В это время он написал новое завещание.[325] 31 июля пришло известие, что хан с огромными силами приближается к Оке. На следующий день царь даровал собору Святой Софии "большую свечу". 3 августа архиепископ и духовенство вознесли в соборе молитвы.

Три дня спустя два специальных гонца принесли царю весть о победе.

Решающая битва произошла 30 июля на расстоянии сорока пяти верст (тридцати миль) к югу от Москвы. Как татары, так и их союзники ногайцы понесли тяжелые потери. Несмотря на это, в течение двух дней Девлет-Гирей пытался отбиться. Он был вновь разбит и бежал с остатками своей армии в Крым.[326]

На сей раз в русской армии не было разброда. Между опричниками и земскими войсками царило духовное единение и действовали они слаженно. Стратегически победу обеспечил князь Воротынский. Среди других командиров важную роль сыграл опричник князь Н.И. Одоевский.

17 августа царь отправился из Новгорода в Москву. Две недели спустя за ним последовали повозки с его казной. Он вернулся в Москву не столько в праздничном, сколько в смущенном состоянии духа. За последние два года он потерял веру как в верность, так и в дееспособность опричного корпуса. Более того, он начал понимать, что пропасть между опричниной и земщиной угрожала самому существованию Русского государства.

В завещании, написанном в Новгороде, Иван IV оставлял решение о сохранении или роспуске опричнины на волю своих сыновей, Ивана и Федора.

Война с татарами в 1572 г. укрепили его уверенность в необходимости роспуска опричных войск. Разделение и напряженность между опричными и земскими соединениями были одной из причин поражения предыдущего года. Теперь же совместные действия войск под главным командованием земского воеводы завершились успехом.

Стало ясно, что роспуск опричнины необходим как для укрепления армии, так и для восстановления национального единства. И Иван IV сделал это, правда, почти случайно.

5. Последствия опричнины и конец Ливонской войны

I

Завещание царя Ивана IV, написанное в Новгороде в августе 1572 г. в атмосфере напряженности, во время ожидания новостей с

татарского фронта, открывается исповедью в его грехах, выдержанной в витиевато-покаянном стиле. "*Я превзошел в беззаконии всех преступников от Адама до наших дней... поэтому каждый ненавидит меня... Я животен в моих помыслах... Я осквернил саму мою голову неподобающими желаниями и мыслями; мой рот убийственными- и похотливыми словами; мой язык- непристойностью и богохульством, произнося слова обиды и гнева; мои руки- прикосновением к тому, что не подобало мне, — ненасытным грабежом; мои чресла — чудовищным развратом... направляя их на любое возможное злое дело... мои стопы, всегда торопясь свершить злые дела, убийство и грабеж*".[327]

При составлении своего завещания царь Иван IV был, кроме того, угнетен страхами и подозрениями относительно боярского заговора. Он действительно продолжал полагать, что преследуем боярами. Его посетила мысль, что это было Божьим наказанием за его грехи.

Явно ссылаясь на опричнину, которую он создал для защиты себя от боярской оппозиции, Иван IV продолжал: "*...вследствие множественности моих преступлений, из-за гнева Божия, я был изгнан своенравными боярами из моей вотчины (Москва) и должен был скитаться в различных краях (Александровская слобода, Вологда, Старица, Новгород).*"

Затем, обращаясь к двум своим сыновьям, царевичам Ивану и Федору, царь предупреждает их, что если Бог не ослабит свой гнев, то они могут также пострадать за его грехи. Они должны молить бога и никогда не отчаиваться;[328] царевич Иван (когда станет царем) должен относиться к Федору, как к сыну; Федор должен подчиняться старшему брату как своему отцу; и каждый из них должен любить другого и не ссориться с ним. Они должны помогать друг другу в сохранении своих служилых людей в подчинении. И в случае междоусобной борьбы или восстания, Иван и Федор должны будут судить виновных справедливо и, в случае их виновности, отменять смертные приговоры, когда возможно. "Царь должен быть терпелив по отношению к преступникам."

В этом духе, упраздняя в 1572 г. опричнину, Иван IV, кажется, понимал необходимость восстановления справедливости и организации нормальной работы государственной администрации и. Однако, поскольку его боязнь боярской оппозиции не уменьшалась, он продолжал прибегать к произволу и террору, но уже не до такой степени, как во время опричнины.

Иван Тимофеев, автор "Временника", важного историко-политического произведения об истоках смутного времени, полагал, что Иван IV, вводя опричнину, хотел разделить Россию на две части, верность одной из которых не подвергалась сомнению, в то время как другая — большая — стала объектом его попытки подавить действительную или предполагаемую оппозицию.

"Он (царь) представил ненависть всех городов его земли, и его гнев разделил один народ на две половины... Как будто топором он надвое разрубил все свое царство".[329] Но корпус опричнины постепенно деградировал в недисциплинированную банду и стал совершенно ненадежным. И Ивану IV, кажется, не оставалось ничего другого, как разогнать его.

Многие историки, включая таких авторитетных, как С.М. Соловьев и С.Ф. Платонов, полагали, что понятие "опричнина" было упразднено и наихудшие злоупотребления опричников прекратились, но этот институт по его сути продолжал существовать до конца правления царя Ивана IV, называясь "двором". Л.М. Сухотин и позднее С.В. Веселовский показали — и, по моему мнению, убедительно — что такая точка зрения едва ли справедлива.[330]

Как мы знаем, двор был традиционным институтом княжеской администрации и управления. Когда московский князь стал правителем национального государства, его двор значительно расширился и стал институтом правления царства. Когда царь Иван IV создал опричнину, он выкроил для себя личный двор из управляющего национального двора — земщины.

Когда опричнину упразднили, ожидалось, что приказы, а также персонал обоих дворов — национального и личного царского, объединятся. Но это была нелегкая задача.

При учреждении в свое время опричного двора перечень персонала был составлен, исходя из степени знатности соответствующего положения (*разрядные списки*). Они пересматривались каждый год. Так появились две различных лестницы административной значимости — списки опричнины и земщины. Те, кто входил в опричный двор, обладали преимуществом по сравнению с земским двором. Когда опричнина прекратила свое существование, опричники утеряли свой былой привилегированный статус.

Каждый случай включения бывшего опричника в общий (земский) список должностей и назначений должен был рассматриваться

индивидуально. Ситуация была еще более усложнена местническими генеалогическими притязаниями.

Слияние опричных и земских приказов тоже шло непросто. Оно и не могло быть достигнуто сразу. Некоторое время бывшие опричные приказы продолжали функционировать отдельно под названием "дворовых приказов". Но никогда более они не имели былой значимости.

Упразднение опричнины означало возвращение земельных прав тем землевладельцам и держателям земли, чьи поместья или землевладения были конфискованы для опричников. Удовлетворить требования прежних обладателей было непросто, процесс этот шел беспорядочно и постоянно вызывал замешательство. Упразднение опричнины оказалось легче декларировать, чем залечить раны, ею порожденные.

Оценивая роль опричнины и ее последствия, многие историки выражают мнение, что несмотря на все ее ужасы, опричнина выполнила важную социальную и политическую задачу — расшатала власть княжеской и боярской аристократии, чем очистила путь подъему дворянства.[331]

Бесспорно, что подъем дворянства вместе с реорганизацией московитской армии, начатой в царствование Ивана III, составили одну из основных социально-политических тенденций русской истории XVI и XVII веков. Укрепление позиций дворянства как в армии, так и в местной администрации было одной из важных реформ, начатых в 1550-х гг. Адашевым и его окружением. Эта политика продолжалась и после устранения Адашева. Меры, направленные на поддержку дворянства, сопровождались при Адашеве и после него указами, ограничивающими земельные права княжеских и боярских семей.

В 1562 г. бывшие удельные князья (теперь же находившиеся на службе царя) Ярославля, Ростова, Твери, равно как и князья Воротынский, Трубецкой и Одоевский были лишены права продавать вотчины или отдавать их в приданое своим дочерям или сестрам. В случае смерти такого князя без наличия у него сыновей его вотчинное владение конфисковывалось царем. Что же касается боярских вотчин, то указ 1562 г. подтверждал более ранний указ, согласно которому бояре в определенных районах (бывших независимых уделах) не имели права продавать свои земельные вла-

дения. Новое правило гласило, что если боярин из этих районов умирал, не оставив завещания и близкой родни, то его земля подлежала конфискации.

Для того, чтобы эта политика продолжалась, не нужно было принимать такие революционные меры, как введение опричнины. Основными мотивами царя при организации корпуса опричников были обеспечение его личной безопасности и устранение всех потенциальных препятствий к достижению им абсолютной власти. Опричный террор был направлен не только против бояр. Над другими социальными группами — дворянством, духовенством, горожанами и крестьянами — тяготело подозрение в измене. Поспешная мобилизация земли, порожденная опричниной и плохим управлением земельными владениями, данными опричникам, имели своим итогом общий упадок сельскохозяйственного производства.

При опричнине не было никакой систематической конфискации княжеских и боярских латифундий. Более того, в случае опалы или казни князя или могущественного боярина его земельное владение конфисковывалось от имени царя, оно не обязательно передавалось опричному корпусу, но, возможно, присоединялось к владениям царя. Такие конфискации происходили как до создания опричнины, так и после ее упразднения.

Суммируя исторические результаты опричнины, мы должны констатировать, что порожденный ею хаос добавил новые экономические тяготы к принесенным Ливонской войной. Упадок общественной морали и психологическая депрессия нации едва ли были менее катастрофическими. Возможно, что наиболее трагическим результатом опричного террора (равно как и террора царя Ивана IV до и после опричнины) было уничтожение многих одаренных личностей.

То, что Иван IV это понимал, явствует из его завещания 1572 г., в котором он увещевает своих сыновей вести суды политических обидчиков в духе справедливости и выказывать милосердие, где это возможно. Это был совет прекратить беззаконие опричнины и возвратиться к традиционным нормам справедливости с правовыми гарантиями для подсудимых.

Сам царь психологически был не в состоянии следовать этому мудрому совету. Его комплекс преследования все еще преобладал над его добрыми намерениями. Он продолжал верить в существование вечных боярских заговоров. Любое противоречие его повелениям,

любую критику его политики кем бы то ни было он воспринимал как предательство. Поэтому расправы, хотя и стали реже, продолжались.

В сфере международной политики основным пунктом разногласий между царем Иваном IV и талантливой группой его советников и военных лидеров была, как и во время опалы Адашева, балтийско-крымская дилемма.

Три высокопоставленных боярина, князь М.И. Воротынский, князь Н.М. Одоевский (бывший опричник) и боярин Михаил Яковлевич Морозов, подобно в свое время Адашеву, побуждали царя заняться татарской проблемой и, закончив Ливонскую войну, удовлетвориться восточной частью Эстонии (включая Юрьев (Тарту) и Нарву, все еще удерживаемую русскими).

Воротынский был основным теоретиком организации обороны против татар, а также успешного отражения атаки армии Девлет-Гирея в июле 1572 г. Князь Одоевский также много сделал для этой победы, в то время как царь Иван IV искал убежища в далеком Новгороде. И эта победа привела к отмене опричнины.

Царь Иван IV не мог не признать ценность услуг Воротынского и Одоевского. Одоевский был пожалован боярством (Воротынский уже имел боярское достоинство). В то же время царь завидовал успехам двух князей и их популяриости, возникшей на этой почве. Кроме того, они не были просто служилыми людьми царя. Каждый все еще удерживал часть своего бывшего удела. Их сопротивление его внутренней политике не только раздражало Ивана IV, но и казалось ему опасным.

В апреле 1573 г., когда ожидалось очередное нападение татар, Воротынский, Одоевский и Морозов были назначены воеводами русской армии, развернутой по линии защиты реки Оки. Не принимая во внимание соображения безопасности армии и нормы морали, царь Иван IV воспользовался отсутствием князей в Москве, чтобы избавиться от них. Выразительная вставка в разрядную книгу 1573 г. гласит: "Царь Иван подверг бесчестию бояр-воевод князя М.И. Воротынского, киязя Н.Р. Одоевского и М.Я. Морозова и приказал их казнить".[332]

Причина этого приказа неизвестна. Я склонен думать, что три воеводы побуждали царя позволить им начать поход на Крым, чтобы закрепить победу 1572 г. Этот план нарушил бы ливонские проекты Ивана IV и, кроме того, его успех способствовал бы еще большей популярности этих людей.

Последствия казни князя Воротынского и его помощников могли бы стать для России катастрофическими, если бы татары тогда решились напасть. Но они хорошо запомнили свое поражение в предыдущем году и не были готовы к новым сражениям.

Казни бояр, подозреваемых Иваном IV в предательстве, продолжались, хотя и не было такой всеохватывающей волны террора, как во время опричнины.[333]

Эти расправы вызвали гнев возмущение бояр и высших чиновников. Это стало известно царю Ивану IV, и он вновь почувствовал, также как до введения института опричнины, что следует применить некоторую хитрость, чтобы удержать власть и обеспечить личную безопасность.

Способ, который он придумал на сей раз, был схож с тем, что использовался при введении опричнины, но выглядел более хитрым. В 1565 г., создавая опричнину, Иван сохранил титул царя, высшую государственную власть и контроль над земщиной.

В 1575 г., через три года после упразднения опричнины и роспуска опричного корпуса, Иван IV решил доверить высшую власть другому человеку и представить себя как *удельного князя*. Он принял титул *князя московского*.

План Ивана IV состоял в том, чтобы сделать себя менее заметным и направить любую общественную неудовлетворенность государственными делами против личности нового правителя. Этому правителю он дал титул *великого князя всея Руси*. Титул царя теперь стал неопределенным.

В значительной степени успех или неудача плана Ивана IV зависел от личности нового верховного правителя. Иван IV хотел быть уверенным в том, что новый монарх не примет свою роль слишком серьезно и в действительности будет подчиняться его секретным приказам. Кандидат на такую роль не должен был быть близко связан с любым из боярских родов, но устраивать генеалогически и в иных отношениях бояр и высших чиновников,.

Ивану IV удалось найти человека, который отвечал всем этим требованиям. Он был крещеным татарином царской крови, бывшим царем Касимова Саин-Булатом (его христианским именем было Симеон). Его отец, Бекбулат, был внуком хана Ахмата, правившего Золотой Ордой. Саин-Булат (Симеон Бекбулатович) был, таким образом, потомком Чингисхана.[334]

Находящиеся на московской службе татарские цари и царевичи, как мусульмане, так и крещеные, обладали на московитской социальной лестнице почетным первенством. Те, кто перешел в христианство, роднились с русскими аристократическими семействами. Саин-Булат после крещения женился на княжне Анастасии Мстиславской, дочери видного московского боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского, мать которого была племянницей великого князя Василия III (отца царя Ивана IV). Ее отец был крещеным татарским царевичем Казани по имени Петр. Мстиславские, таким образом, приходились родней царю Ивану IV, стал его родственником и Симеон Бекбулатович. Разумеется, генеалогическое древо Симеона и его связи были довольно впечатляющими.

Саин-Булат был назначен царем Касимова не позднее 1570 г. В следующие два года он принял активное участие в Ливонской войне во главе своего двора из касимовских татар. Он перешел в христианство в 1573 г.,[335] и приблизительно 1 сентября 1575 г. Иван IV провозгласил его великим князем всея Руси.[336]

В летописи, составленной около 1625 г., известной как "Пискаревский летописец", сказано, что Иван IV короновал царя Симеона.[337]

Это — недоразумение, порожденное тем фактом, что Симеон даже до того, как стал высшим правителем России, именовался царем Касимова. Как верховный правитель России, он стал великим князем.

Из "Пискаревской летописи" нам известны некоторые комментарии действий Ивана IV со стороны его современников. "Некоторые люди говорили, что Иван поместил Симеона (на трон), поскольку предсказатели предупредили его, что в тот год случится изменение: царь Москвы умрет. Другие же считают, что он (Иван) проверил намерения народа: (он желал знать), как люди будут реагировать".[338]

И те, и другие, вероятно, были правы. Иван IV, подобно многим своим современникам (и не только в России), был суеверен, боялся колдовства и верил в пророчества. Год, в который должно было сбыться предсказание, для московитов был 7084 годом с сотворения мира (с 1 сентября 1575 г. до 31 августа 1576 г.).

Иван IV не известил иностранные правительства о назначении нового великого князя Руси. Напротив, он, очевидно, старался не давать иностранным посланникам какого-либо представления о событии. Единственным исключением была Англия. Иван IV раскрыл в доверительных беседах свой план Д. Сильвестру, переводчику Русской компании.

29 ноября 1575 г. Иван IV объяснил Сильвестру, почему он готовил убежище в Англии: "Мы планировали это с нашей сестрой (королевой Елизаветой), ибо в высшей степени предвидели меняющееся и опасное состояние князей и то, что они, как и более простые люди, подвержены колебаниям. Все это заставило нас усомниться в нашем собственном могуществе, и случившееся с нами — плод стечения обстоятельств, ибо мы оставили управление государством, которое отныне передается царем в руки чужака, не связанного с нашей землей и короной. Случившееся поэтому вытекает из извращенного и злого поведения наших подданных, которые сплетничают и покушаются на нас, забывая о лояльном поведении по отношению к нашей персоне. Дабы предотвратить это, мы возложили власть на другого князя (Симеона Бекбулатовича), но сохранили у себя всю казну земли нашей в должной мере и в подобающем месте для всеобщего блага."[339]

Два месяца спустя, 29 января 1576 г., Иван IV вновь упомянул "другого князя", но на сей раз намекнул Сильвестру, что все это не навсегда. "Хотя мы и продемонстрировали вам внешне возведение на трон другого в имперском достоинстве, но это возведение на трон не означало нашей отставки, но скорее то, что по нашему решению мы можем вновь принять на себя это достоинство и сделаем это согласно велению Божьему, ибо не был он коронован или избран, а возведен нашей волей."[340]

Из этого можно заключить, что к концу января 1576 г. Иван IV чувствовал себя более уверенно, нежели за полгода до того, как впервые высказался о необходимости назначить Симеона официальным правителем России. Предположительно, главная причина этого изменения настроения лежала в очевидном успехе Ивана IV в создании сильной и надежной охранной службы, которой ему не хватало со времени роспуска опричников в 1572 г.

По контрасту с его радикальными действиями по созданию опричнины в начале 1565 г., Иван IV теперь обратился к законности. Используя новый титул *князь московский*, он написал ходатайство к *государю, великому князю всея Руси* Симеону Бекбулатовичу, прося разрешения выбрать себе новых служилых людей.[341]

Петиция Ивана IV была подана Симеону от его собственного имени и от имени двух его сыновей, Ивана и Федора. Все трое назвали себя уменьшительными именами — Иванец и Федорец. Они просили великого князя дать им право отослать прочь тех служилых

людей, которым они не доверяли, и набрать взамен людей из числа служащих великому князю. Списки отобранных следовало скопировать и представить великому князю. "И отныне мы клянемся не принимать кого-либо постороннего без твоего ведома. И, пожалуйста, государь, будь благосклонен к тем, кого мы хотим принять на службу, не лишай их своих вотчин, как это делалось ранее по отношению к удельным князьям. А что касается поместий (эти владения должны были остаться в ведении великого князя), разреши им взять с собою зерно, деньги и все их движимое имущество".

Вопрос стоял таким образом, что эта смена служилого люда санкционировалась великим князем. Таким образом он, а не Иван IV, принимал ответственность за содеянное. Вся процедура приобретала более обычный вид, нежели создание корпуса опричников, а служившие при реорганизованном дворе Ивана IV не обладали такими обширными полномочиями, как опричники.

Существуют некоторые данные, позволяющие предположить, что Иван IV попытался использовать Симеона Бекбулатовича при конфискации церковных и монастырских земель. Иван и Алексей Адашевы, бывшие тогда его ближайшими советниками, думали об этом уже в 1551 г. Правительство остро нуждалось в увеличении своего земельного фонда, чтобы обеспечить офицеров дворянской армии поместьями.

Джильс Флетчер, посетивший Московию в 1588 г., упоминал о таком плане в своей знаменитой книге "О государстве Русском" (опубликована в 1591 г.): "Во имя этой цели Иван Васильевич, покойный император, использовал весьма странную практику, которую немногие князья могли принять в самых крайних ситуациях. Он оставил свое царство некоему великому князю Симеону... как будто бы он предполагал отойти от всех общественных дел к тихой личной жизни. К концу года его правления он побудил этого нового царя отозвать все грамоты, пожалованные епископствам и монастырям, по которым они жили многие сотни лет. Все они были отменены".[342]

До сих пор нет подтверждений этого шага, которые бы встречались в русских источниках этого периода. Флетчер мог получить эту информацию от русских или от англичан либо других иностранцев, живших в Московии в 1576 г.

Если Симеон Бекбулатович действительно отменил все грамоты, дарованные церквам и монастырям, даже если просто заявил о по-

добных намерениях, это должно было спровоцировать значительное сопротивление со стороны церкви. В любом случае, если мы хотим поверить Флетчеру, Иван IV должен был отказаться от своего замысла и, возлагая всю вину на Симеона, лишить последнего его великокняжеской власти.

Флетчер продолжал: "Сделав это (в качестве жеста неудовлетворенности правлением нового царя), он (Иван) вернул себе скипетр и был удовлетворен (как будто во благо церкви и религиозных людей), что они возобновят свои грамоты и сделает это он: оставив и присоединив к короне столько их земли, сколько он считал нужным. Этим путем он извлек из епископств и монастырей (кроме присоединенных к короне земель) огромную массу денег".[343]

Эта информация, вероятно, относится к актам церковного Собора 1580 г.

Тем временем 7084 год от сотворения мира, относительно которого Ивана IV предостерегали предсказатели, подошел к концу. С его окончанием Иван IV утвердился вновь в своей высшей власти и принял опять титул царя. Дабы вознаградить Симеона Бекбулатовича за его службу в роли великого князя всея Руси, Иван IV объявил его великим князем тверским.

II

К счастью для Ивана IV и для России во время правления Симеона Бекбулатовича татарские набеги почти прекратились. Это было во многом результатом усиления русской обороны князем Воротынским в 1572 г. и победа над Девлет-Гиреем в том же году. Даже после казни Воротынского его методы отражения нападений татар продолжали применяться.

В апреле 1577 г. украинские казаки предприняли опустошительную вылазку в окрестности Крыма. Московское правительство помогло им деньгами и амуницией и послало подразделение войска. В ответ крымские татары совершили ряд рейдов на польскую Украину в 1577-1578 гг. Казалось, что надвигалась полномасштабная война между Турцией и Польшей. Однако вскоре султан заключил мир с Польшей и приказал татарам участвовать в двух кампаниях против Персии (1578-1579 гг.).[344]

Набеги крымских татар стали реже, но несколько кампаний против Московии в бассейне Волги предприняли ногайцы (1576, 1577,

1578 гг.). Их рейды были опустошительны, но не столь опасны для Москвы, как совершаемые крымскими татарами.[345]

В декабре 1572 г. царь Иван IV возобновил Ливонскую войну против Швеции. Он принял на себя верховное командование и назначил царя Касимова Саин-Булата (будущего Симеона Бекбулатовича) первым воеводой армии. В кампании также участвовал король Магнус. 1 января 1573 г. русские штурмовали крепость Пайде (Вейсенштейн). Бывший жестокий опричник Малюта Скуратов был убит в ходе штурма. Взятие Пайде было важным успехом. Затем царь вернулся в Новгород. Но перед отъездом он разделил армию на две группы, послав в южном направлении короля Магнуса и боярина Н.Р. Юрьева, а в западном — царя Симеона с князем И.Ф. Мстиславским, М.Я. Морозовым и князем Иваном Петровичем Шуйским. Первое войско захватило Каркус (к югу от Феллина). Второе потерпело поражение при Лоде и отступило. В целом кампания была удачной. Русские сохранили как Каркус, так и Пайде. Последующее перемирие продолжалось лишь до 1576 г.

После окончания кампании воеводы вернулись в Новгород, где их ожидал царь. Именно в это время царь Саин-Булат решил перейти в христианство.

И именно в Новгороде праздновалась свадьба Магнуса с тринадцатилетней княжной Марией Старицкой. Она была сестрой княжны Евфимии, помолвленной с Магнусом в 1570 г, которая умерла до свадьбы. Иван IV, нуждаясь непосредственно в Магнусе, отвел ему небольшой удел Каркуса и Оберпалена (Пилтсамаа).

Напряженность в отношениях с Литвой несколько спала в связи со смертью великого князя литовского (короля Польши) Сигизмунда Августа, последнего представителя Ягеллонской династии (7 июля 1572 г.). Затем последовал долгий период междуцарствия, в течение которого каждая группа панов, как в Польше, так и в Литве, поддерживала своего собственного выдвиженца, при этом серьезно рассматривались и кандидатуры царя Ивана IV или его сына Федора.[346]

Многие влиятельные литовские паны не любили царя Ивана, но не имели возражений относительно Федора. Значительное количество литовско-русской, а также польско-украинской шляхты было благорасположено к кандидатуре Ивана IV (или же Федора). Их мотивы были различными. Православные, равно как и протестанты, рассчитывали получить защиту от вмешательств римских католиков

и униатов. Многие из дворян симпатизировали попыткам Ивана IV ограничить влияние боярской аристократии.

Существовало также некоторое количество литовских панов, которые склонялись к поддержке русского кандидата, чтобы изменить баланс власти между Польшей и Литвой, который был нарушен Люблинской унией 1569 г. Если московский царь стал бы королем Польши и великим князем литовским, двуединая *Речь Посполитая* (содружество Польши и Литвы) превратилась бы в тройственную федерацию. Литовцы тогда смогли бы заручиться поддержкой русских, чтобы противостоять чрезмерным требованиям поляков. Или же начать сотрудничать с поляками на предмет открытия доступа в Московию и постепенного расширения польского и литовского политического, экономического и культурного влияния в России.

Победила профранцузская партия и в мае 1574 г. польским королем был избран Генрих. Но у него было много противников в Польше и Литве, что способствовало попыткам сближения между Веной и Москвой. Император Максимилиан II в своем письме царю осуждал союз Франции с султаном (который поддерживал кандидатуру Генриха на польский трон), просил Ивана IV помочь христианам в борьбе с исламом и предлагал заключить союз с империей против турок.

Максимилиан с возмущением говорил о злодеяниях французского короля, уничтожившего "более чем сто тысяч своих подданных (гугенотов)" в Варфоломеевскую ночь (24 августа 1572 г.). В заключение император предложил объединить Польшу с Австрией, а Литву с Москвой.

Царь немедленно отправил к Максимилиану посланника с просьбой предпринять необходимые меры, чтобы задержать Генриха на пути в Польшу. Иван IV выразил свое согласие заключить постоянный союз с империей и сотрудничать в выборной борьбе в Польше. Что же касается резни в Варфоломеевскую ночь, то Иван IV писал: "Христианским правителям подобает сожалеть, что французский король действовал столь негуманно по отношению к столь многим людям и пролил столько крови *без должного основания* (выделено мною — Г. Вернадский)".[347]

Генриху удалось благополучно добраться до Варшавы, но его неприятно задели политическая атмосфера и вынужденная зависимость от настроения панов. Как раз в это время умер его брат король Франции Карл. Как только Генрих получил эту новость, он

кинулся в Париж. Он был коронован королем Франции (Генрих III) в феврале 1575 г.

В Польше последовал еще один период междуцарствия. Появился новый кандидат на польский трон, поддерживаемый Турцией – князь Трансильвании Стефан Баторий. На его стороне был влиятельный польский род Зборовских. Но многие польские и литовские паны находились в оппозиции к нему. Их группа, включавшая архиепископа Гнезно Якоба Учарского и Яна Глебовича, обратилась к царю Ивану IV с предложением выдвинуть и поддержать его кандидатуру. Они рекомендовали ему связаться с влиятельными панами и подготовить средства для выборной кампании.[348]

Иван IV, однако, не желал расточать деньги на неясные цели. Он предпочел поддержать кандидатуру императора Максимилиана. При выборах в Варшаве голоса разделились. В то время, как Сенат провозгласил королем Польши Максимилиана, палата дворянских представителей избрала королем Стефана Батория при условии, что он женится на сестре Сигизмунда Августа Анне. Казалось, что надвигается гражданская война. В то время как Максимилиан медлил, Баторий вышел на сцену действий и был коронован в Кракове 1 мая 1576 г. Так все и разрешилось.

Баторий был способным военачальником и оказался сильным правителем. Его избрание существенно повлияло на направление польской внешней политики и затронуло весь баланс сил в Восточной Европе. Он был сторонником мира с Турцией, соглашения с Крымом и войны с Москвой.

Если же королем Польши был бы признан Максимилиан, династический союз между Польшей и Австрией мог вылиться в согласованные действия империи, Польши и России против турок и татар. Конфликт между Польшей и Россией в Ливонии мог быть урегулирован переговорным, а не военным путем.

Максимилиан умер 12 октября 1576 г. Будь он в это время королем Польши, на польский трон смог бы претендовать другой представитель австрийской ветви дома Габсбургов. Случилось так, что восстание имперской партии против Батория произошло в Гданьске (Данциг).

Царь Иван IV верно понял значение избрания Батория и начал подготовку к новой войне. С политической стороны он нуждался в незыблемости своей царской власти. Продолжение "царствования" великого князя Симеона могло привести к негативным последстви-

ям. Поэтому 1 сентября 1576 г. царь Иван IV лишил Симеона полномочий правителя всея Руси, сделав его взамен великим князем Твери.

Тверь была выбрана не случайно. Этот регион был стратегически важен как дальняя база сбора войск и запасов для ведения Ливонской войны. В случае военных перемен тверские укрепления могли использоваться в целях обороны. Иван IV нуждался в человеке, которому он мог доверять, опытном военном предводителе, способном управлять этой крепостью. Симеон был таким человеком.

Баторий не мог сразу же напасть на Московию. Ему нужно было время, чтобы укрепить свою власть в Польше и получить согласие панов собрать армию и финансировать военные расходы для подавления восстания в Гданьске.

Он мог выиграть время, начав переговоры. Посланник Батория отправился в Москву в ноябре 1576 г., чтобы договориться с царем и боярами о приеме полномочных литовских послов для обсуждения условий мирного договора. В своем письме Ивану IV Баторий назвал себя господином Ливонии и обращался к Ивану IV как великому князю московскому, опуская титул царя, а также титулы князя смоленского и полоцкого. В Москве это сочли сознательным оскорблением. Царь согласился принять полномочных литовских послов, но потребовал впредь величать его всеми титулами.[349]

Рассматривая войну с Ливонией как неизбежную, царь Иван решил все же сперва вытеснить шведов из Ревеля, чтобы лишить их опорной базы на южном берегу Финского залива. Русская экспедиционная армия под командованием опытного боярина Ивана Меньшого Шереметева и молодого князя Федора Ивановича Мстиславского (шурина царя Симеона) начала осаду Ревеля в январе 1577 г. Шереметев был убит шальным пушечным ядром. Мстиславский, отчаявшись взять крепость, снял осаду 13 марта.[350]

Как только русская армия ушла, шведы, ливонцы, немцы и эстонцы начали нападать на русские гарнизоны и поселения в Эстонии, даже вблизи Юрьева (Тарту), грабя, пытая и убивая пленников.[351]

В мае царь Иван IV сконцентрировал свои основные вооруженные силы в Новгороде и Пскове. Великий князь тверской Симеон Бекбулатович был назначен первым воеводой большого полка (главной армейской группы), т.е. главнокомандующим. Его помощниками были наместник Пскова князь Иван Петрович Шуйский и боярин князь Сицкий. Боярин Никита Романович Юрьев был одним из

двух воевод правой руки (правого фланга). Князь Ф.И. Мстиславский должен был возглавить передовой полк.[352]

В Ливонии все ожидали, что русские опять попытаются штурмовать Ревель. Вместо этого, пользуясь тем, что Баторий занят подавлением гданьского мятежа, царь Иван IV начал большую кампанию против литовцев в Ливонии в конце июля 1577 г.

Он определил королю Магнусу задачу завоевания северной части Латвии (к северу от реки Аа). Основные усилия русских были направлены против южной части Латвии. Кампания была удачной. К сентябрю вся Ливония, за исключением Риги (и шведского Ревеля), была под властью Ивана IV или его вассала короля Магнуса.

Царь был в отличном расположении духа. Он полагал, что Ливонская война, наконец, выиграна. Когда Иван IV достиг Вольмара (Вальмиера), откуда князь Андрей Курбский более тринадцати лет назад написал ему знаменитое вызывающее письмо, он не мог удержаться от возобновления этой полемической переписки.

Иван IV писал князю Андрею: "*...мои прегрешения более многочисленны, чем морской песок, но я верю в милость прощения Бога... и наступающее знамя с начертанным на нем крестом не нуждается в какой-либо военной хитрости, ибо не только Россия, но также и немцы, литовцы, татары и многие народы знают об этом, спроси их сам и убедишься. Я не желаю считать их, поскольку победы были не моими, а Божьими... А ты писал (в 1564 г.), что мы, как оно и было, ввергли тебя в немилость, послали тебя в далекие города (воевать там). Но теперь мы, волей Божьей, несмотря на наши седины, дошли даже далее, чем твои далекие города, и копыта наших коней скакали по всем твоим дорогам, из и в Литву, и пешком мы их достигли, и мы испили воды во всех этих местах... И туда, где ты сам хотел отдохнуть от всех твоих трудов, и в Вольмар тоже, в место твоего отдохновения привел нас Господь*".[353]

12 сентября 1577 г. Иван IV написал литовскому администратору Ливонии, Яну Ходкевичу, заявляя, что завоеванием Ливонии он взял лишь ему принадлежавшее и не вторгся в собственно Литву, не пересек литовских земель. Он желал дружественного соглашения с Литвой и просил Ходкевича и литовских панов посоветовать королю Стефану послать своих полномочных послов для заключения мирного договора.[354]

Вскоре стало ясно, что русским легче было завоевать Ливонию, нежели теперь удерживать ее. Более того, в 1560 г., 1566 г. или даже в

1572 г. царь мог пойти на компромисс и твердо закрепить за Россией соглашением с Литвой и Швецией восточную часть Ливонии с Юрьевым (Тарту) и Нарвой. Это было бы само по себе крупным достижением, обеспечивающим Московию точкой опоры на северном берегу Финского залива. Под русским контролем Нарва была важным торговым портом.

Теперь обстоятельства изменились. Как в Польше, так и в Швеции превалировали сторонники твердой политики в отношениях с Москвой. Баторий намеревался не только вырвать Ливонию из рук Ивана IV, но и нанести сокрушительный удар по самой Московии. Дабы выиграть время, он отправил своих послов в Москву в январе 1578 г. Обе стороны отказались от компромиссного разрешения вопроса с Ливонией. Было заключено трехлетнее перемирие, но ни одна из сторон не намеревалась его соблюдать.

В 1578 г. литовцам удалось вытеснить русских из некоторых ливонских городов, занимаемых ими в предшествующий год. Курбский не преминул использовать это, отвечая на хвастливое прошлогоднее письмо Ивана IV: *"Что до твоего хвастовства и запугиваний повсеместно, что ты победил проклятых ливонцев на деле силой животворного креста, то об этом мне не ведомо, и я не понимаю, как это соответствует истине: более правильным (было бы сказать) "знаменами с разбойничьими крестами"... Но польские и литовские гетманы еще даже не начинали готовиться (к войне) против тебя, и все твои ни на что не годные негодяи-воеводы — лучше сказать бродяги — были притащены сюда в цепях из-под твоих крестов, в великий Сейм; здесь все присутствующие издевались и надсмехались над всеми негодяями к твоему грязному и вечному позору и (к позору) всей святой Русской земли."*[355]

Письмо Курбского не могло не рассердить Ивана IV. Еще больший удар по его престижу был нанесен, когда король Магнус бежал на сторону Батория.

К 1579 г. Баторий закончил свою подготовку к большой войне с Московией. Его армия была усилена венгерской пехотой и немецкой артиллерией. Вместо похода на Ливонию (чего ожидал Иван IV) Баторий двинулся с почти пятнадцатитысячной армией на Полоцк. Гарнизон (около шести тысяч) отчаянно сопротивлялся и надеялся, что царь пошлет подкрепление, но он не был готов к этому. 31 августа после трехнедельных боев город сдался Баторию.[356]

И вновь Курбский не мог сдержать свое злорадство. Он припомнил Ивану IV все его преступления и заявил: "*И теперь к этому ты добавил еще одно поругание своих предков, более позорное и тысячу раз более катастрофическое: ты сдал великий город Полоцк со всей его церковью, т.е. с его епископом и духовенством, с его армией и людьми, (тот город), что ранее (1563 г.) ... ты взял штурмом*".[357]

Курбский подписал свое письмо: "*Написано в прекраснейшем городе нашего государя, славного короля Стефана, Полоцке... на третий день после захвата города*".

От Полоцка Баторий повел свои войска к Соколу, который был взят 25 сентября. Курбский прокомментировал и это событие: "*Думаешь ли ты все еще в свете этого (злых дел Ивана), трудно постижимого слуху и невыносимого, что сила животворного креста поможет тебе и твоей армии? Ты — слуга первого зверя и самого великого змия, что с незапамятных времен противостояли Богу и его ангелам, намереваясь уничтожить все творение Бога и всю человеческую природу! До какой поры и сколь долго ты будешь удовлетворять себя человеческой кровью?*"

Это письмо было датировано: "*на четвертый день после победы при Соколе*".[358]

Полоцк обладал большой стратегической ценностью для Литвы. Он лишал Москву ключа к важному торговому пути к Балтике через Западную Двину. В то же время для Литвы он был военным ключом к Москве.

Баторий намеревался сделать из города передовой бастион в идеологической войне между Польшей и Москвой — оплот воинствующей римской церкви. Поэтому он основал в Полоцке иезуитский колледж, и он передал иезуитам все, кроме одной, православные церкви и все православные монастыри вместе с принадлежавшими им земельными владениями.[359]

III

В 1580 г. Баторий предпринял свою вторую кампанию против Московии и штурмовал важную крепость Великие Луки, которая могла служить удобной базой для нападения на Псков или Новгород, а также Тверь или Москву.

Московское царство оказалось под угрозой вторжения, и царь не знал, ни в каком направлении будет нанесен главный удар Батория, ни как его предотвратить.

Баторий захватил стратегическую инициативу. Русские вооруженные силы были распылены малыми соединениями вдоль обширного фронта от Северской земли до Ливонии. Было очевидно, что у русских нет шанса сохранить всю Ливонию и что они должны уйти в восточную часть Эстонии (Тарту или Нарву), чтобы сохранить для себя хотя бы этот регион. Иван IV, однако, боясь потери престижа, колебался начинать общее отступление.

Экономика Московии переживала спад. Ее ресурсы были подорваны крайностями опричнины и продолжительной Ливонской войной. Постоянный набор в армию — солдат, возчиков, различных работников — вел к значительным потерям людских ресурсов как в сельском хозяйстве, так и в ремесленном производстве. Растущая дворянская армия требовала все большее количество земли для поместий, а недостаток в сельских производителях был особенно острым в дворянских владениях, поскольку крестьяне-арендаторы мигрировали на юг из районов к северу от Москвы, а также из поместий мелких дворян в родовые вотчины бояр, где были лучшие условия. Государственная казна нуждалась в деньгах, дабы справиться с быстрорастущими военными расходами. Царь Иван IV и его советники осознавали всю серьезность этой ситуации. Способы борьбы с трудностями были обсуждены и внедрены в жизнь в течение 1580 г.

Кто же были наиболее приближенные советники царя в это время? С 1571 г. почетное место в московском правительстве принадлежало князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, первосоветнику Боярской Думы. Иван IV, однако, не доверял ему. Единственным человеком, сохранявшим доверие Ивана IV на протяжении его правления, был его шурин (по первой жене) боярин Никита Романович Юрьев. Он был опытным государственным деятелем и воеводой, но ему не хватало инициативы.

К 1580 г. более молодой и способный человек высокого положения поднялся до влиятельной роли в государстве. Это был Борис Федорович Годунов, переживший опричнину. Годуновы, подобно Сабуровым, происходили из татарских князей. Их предок, татарский мурза (князь), поступил на службу к московскому великому князю Ивану I и крестился в 1330 г.

В первой половине XVI в. большинство Годуновых служили как дворяне и ни один из них не поднимался выше должности полкового воеводы. Борис и его дядя Дмитрий Иванович были приняты в оп-

ричнину в 1571 г. В начале марта 1575 г. сестра Бориса Ирина была выдана замуж за царевича Федора.[360] И не позднее чем в 1578 г. Борис женился на дочери Малюты Скуратова Марии. По этому поводу он был возведен в *кравчие* (дворцовая должность ниже дворецкого; кравчий отвечал за царский стол во время церемониальных обедов). Одновременно Д.И. Годунов был возведен в бояре. Борис стал боярином в 1580 г.

Другим человеком, связанным с последними годами опричнины и пользовавшимся доверием царя Ивана после ее упразднения, был племянник Малюты Скуратова Богдан Яковлевич Бельский, способный и энергичный человек авантюрного склада, большой специалист по части различных интриг. В 1578 г. он был назначен оружничим (чиновником, отвечавшим за царское оружие). По-видимому, он стал главным советником Ивана IV по военным делам.

Что же до дипломатических дел, то после казни Висковатого в 1570 г. Иван IV лично ведал ими. У него был способный и надежный помощник, глава посольского приказа, думский дьяк Андрей Яковлевич Шелкалов.

Голландец Исаак Масса, который посетил Москву в начале XVII века, говорит, что Андрей Шелкалов был "*весьма лукавым человеком, умным и злым. Он работал день и ночь, подобно мулу, всегда жаловался, что у него немного работы и хочет сделать больше*".[361]

Первым шагом к увеличению поместного земельного фонда и наполнению государственной казны, на который решились Иван IV и его советники, было изъятие ресурсов церкви и монастырей. Следует помнить, что во время правления Симеона Бекбулатовича (если верить Флетчеру) была предпринята попытка полной конфискации церковных и монастырских земель, но этому помешало сопротивление церковных иерархов.

На этот раз было решено пойти на компромисс и подтвердить права церкви и монастырей на большинство их земельных владений, но запретить им приобретать какие-либо другие земли или же получать землю как дар любым способом и под любым предлогом. Более того, определенные категории земель, до сих пор контролировавшиеся монастырями, подлежали изъятию у них.

Митрополит московский Антоний и высшие иерархи церкви были уведомлены о решении царского *синклита* (государственного совета) и подчинились ему. 15 января 1580 г., согласно приказу

царя, Антоний собрал церковный Собор, который одобрил царские предложения.[362]

Собор подтвердил неотчуждаемость основных земельных владений церкви и монастырей и, ввиду насущных потребностей государства и армии в условиях изнуряющей войны, согласился, что в дальнейшем земли не будут более приобретаться и приниматься в заклад или же в виде дара церкви. Земли, до сих пор заложенные церквам и монастырям, подлежали изъятию в пользу государства. То же правило относилось к бывшим родовым княжеским вотчинам, ныне находившимся во владении церквей и монастырей.

Таким путем должно было быть приобретено небольшое количество земли, необходимое для поместий офицеров дворянской армии. Но оставалась нерешенной еще одна проблема владельцев поместий: постоянные перемещения крестьян-арендаторов, что не позволяло толком управлять землями и снижало их ценность.

Немецкий опричник Генрих фон Штаден, который знал ситуацию по своему собственному опыту (он сам получил поместье), писал в своей книге о Московии: "Крестьяне в стране имеют право перехода (из поместья, где они являются держателями земли) в день св. Георгия (26 ноября)". В опричнину из иных поместий уходили все арендаторы земли. В результате этого многие поместья "становились пусты, т.е. лишены рабочей силы в день св. Георгия". В этом случае царь обычно даровал иноземному опричнику новое поместье, обеспеченное рабочей силой, но "не более трех раз". "Теперь (т.е. в разгар кризиса) иностранец может получить поместье с крестьянскими поселенцами лишь однажды и с большим трудом, поскольку большая часть страны опустошена".[363]

Положение русских помещиков было не лучшим, чем у иностранцев на русской службе, а, возможно, и худшим. Неудивительно, что дворянство требовало от правительства ограничить свободу перемещения для крестьян.

По моему мнению, возможно, что дворянские офицеры, которые участвовали в Ливонской войне, и в особенности те, кто получил поместья в восточной части Ливонии, давно удерживаемой русскими, находились под влиянием примера крестьянского закрепощения. Помещики ближней Шелонской провинции (*пятины*) Новгородской земли могли быть также знакомы с условиями в Ливонии.[364]

Беды дворянства рассматривались царем, ближней Думой (правительственным советом) совместно с церковным Собором в январе 1580 г. Было решено ограничить свободу крестьянского передвижения, но только временно, в качестве чрезвычайной меры. Царь теперь получил право провозглашения любого года "запрещенным" или "заповедным". В такие годы крестьянам запрещалось покидать поместья, в которых они арендуют землю, несмотря на то, что закон о дне св. Георгия не был отменен. Крестьянина, совершившего переход в такой год, насильственно возвращали на место своего прежнего проживания. В годы, не обозначенные как *заповедные*, крестьянин мог законно покидать поместье. Такие годы были известны как *выходные* (от выходить — идти прочь, покидать место).[365]

IV

Летом 1580 г. Иван IV женился на Марии Федоровне Нагой из дворянского семейства Нагих. Брак был неканоническим (он был седьмым у царя) и не мог быть благословлен церковью. Несмотря на это, он был щедро отпразднован по русской традиции. Иван IV нуждался в таком отдохновении.

В это же время Иван IV попытался противостоять планам Батория дипломатическими средствами. Благодаря своим дипломатам и шпионам, а также информации, получаемой от иностранных посланников и купцов, приезжавших в Москву, посольский приказ имел достаточно материала для ознакомления царя с международной ситуацией.

Баторий был не только главой национального государства (Польши), но также и пылким католиком и другом иезуитов. Как его исповедник, так и его придворный проповедник были иезуитами. Его религиозная политика вдохновлялась духом польской контрреформации.[366]

Между политикой Батория и политикой римской курии и иезуитов существовало различие в подходах. Как польский король и военный лидер Баторий был склонен думать прежде всего о государственных интересах в его собственном понимании. Он пытался с помощью канцлера Яна Замойского укрепить королевскую власть короля над панами, в результате чего ему приходилось бороться со значительной оппозицией.

В своей внешней политике Баторий желал сконцентрировать все свои силы против России и тем самым избежать войны с Турцией.

Польша была бастионом римского католицизма в Восточной Европе, и римская курия не могла не одобрять агрессивных планов Батория. Целью воинствующих католических лидеров было обращение московитов в римских католиков или, по крайней мере, в униатов.

Для этой цели война должна была сопровождаться религиозной пропагандой и дипломатической обработкой. Со времени правления Ивана III в Москве папы мечтали убедить московских правителей принять вместе с народом римско-католическую веру.[367] Если бы это произошло добровольно, войны с Московией можно было бы избежать.

Что касается русско-польских отношений, то поскольку Баторий был избран на польский престол, папа не мог его не поддерживать. Однако, если бы царь Иван IV высказал какое-либо желание признать верховенство папы, у последнего не было бы оснований поддерживать польские агрессивные планы.

Царь Иван IV был осведомлен об этом и верно предполагал, что если бы он смог установить дипломатические отношения с папой Григорием XIII, ему даже не пришлось бы прямо упоминать о возможности религиозного союза; папа сам бы подумал о такой возможности и поэтому мог быть полезным царю в конфликте с Баторием.

Еще одним противоречием во взглядах Рима и Батория была турецкая проблема. С середины XV столетия папы защитить Европу от угрозы нападения растущей Османской империи. Как Венеция, так и империя Габсбургов воевали с турками.

Нежелание Батория присоединиться к антитурецкому крестовому походу в это время могло рассматриваться как пренебрежение долгом христианского правителя. Царь Иван IV именно так трактовал поведение в своей дипломатической деятельности.

5 сентября 1580 г. царь Иван IV отправил посланника, Истому Шевригина, в Прагу (где была резиденция императора Рудольфа II), Венецию и Рим. Переводчик Шевригина знал немецкий, но не знал итальянского. Поскольку в Польше шла война, они должны были ехать через Пернов (Пярну) (который тогда был еще в русских руках), Данию и Саксонию. Письма Ивана IV императору Рудольфу, дожу Никколо де Понта и папе Григорию XIII были написаны по-русски. При их доставке в каждом случае адресаты сразу же находили переводчиков.

В своем письме к императору Рудольфу Иван IV сослался на свою прежнюю дружбу с императором Максимилианом и их совместные

действия в течение польского междуцарствия в 1572-1576 гг. Иван IV выразил свою готовность сражаться с мусульманами в тесном союзе с Габсбургами во имя защиты христианства. Царь жаловался, что Баторий помог исламу своей дружбой с султаном и обвинял его в нападении на Московию. Иван IV просил Рудольфа написать Баторию и побудить его прекратить кровопролития.[368]

Иван IV развивал ту же тему в своем письме папе Григорию XIII. Клеймя Батория за его сотрудничество с исламскими правителями и пролитие христианской крови, Иван IV писал: *"Поэтому мы хотим быть в союзе и согласии с тобою и императором Рудольфом и сражаться вместе против всех мусульманских правителей, с тем чтобы отныне и далее... не проливалось никакой христианской крови и христианские народы жили в мире, освобожденные от рук мусульман. Мы желаем, чтобы ты, папа Григорий, священник и наставник Римской церкви,... приказал Стефану (Баторию) прекратить объединение с исламскими правителями и пролитие христианской крови".*[369]

Хотя Иван IV предложил папе политическое соглашение, он не упоминал о возможности религиозного союза. Однако, как надеялся Иван IV, сам факт установления прямых и дружественных отношений с папой пробуждал надежды последнего на возможность обращения царя и его народа в римско-католическую веру.

Шевригин достиг Праги 10 января 1581 г. и оставался там до 27 января. В качестве посланца, а не посла, он не имел полномочий заключать формальный договор с империей, ему было поручено побудить императора Рудольфа направить своих посланников в Москву для заключения этого договора. Шевригин был встречен в Праге достойно, но без энтузиазма. Имперское правительство не было склонно признать притязания Ивана IV на Ливонию, поскольку эта страна традиционно рассматривалась в качестве части Империи. Разумеется, император Рудольф не признавал также ливонских притязаний Батория.

Намерение Шевригина проследовать из Праги к папе произвело сенсацию среди дипломатов. Курьеры, неся эту новость, поспешили в Варшаву, Флоренцию и Рим. Поляки были взволнованы; римская курия, иезуиты и венецианская синьория полны надежд. Последующее движение Шевригина строго отслеживалось.

15 февраля Шевригин был принят на аудиенции венецианским дожем. Он предложил от имени царя союз против турок, а также определенные торговые привилегии.[370]

Шевригин прибыл в Рим 26 февраля и оставался там до 27 марта. Его уважительно и со всеми церемониями принимали, хорошо размещали и кормили. В помощь ему был предоставлен переводчик с итальянского. Через два дня после прибытия Шевригин был принят папой. Аудиенция не была публичной, чтобы не сердить короля Батория. Шевригин передал папе письмо Ивана IV и просьбу царя прислать посла для переговоров.[371]

Вскоре Шевригин был извещен, что царский запрос удовлетворен. Папа назначил своим тайным послом к Ивану IV иезуита Антонио Поссевино.[372]

Поссевино был хорошо подготовлен к миссионерской работе, но не знал русского языка. Он уже имел опыт обращения в веру римской курии и польских иезуитов. Король Баторий всемерно поддерживал его деятельность. В 1579 г. папа основал католический университет в Вильно. Во время рекатолизации шведов и обращения русских было решено основать семинарии, в которых бесплатно смогут получить образование молодые шведы и русские. 1 июля 1579 г. Поссевино открыл такую школу в Браунсберге. Поссевино был также связан с основанием подобной же школы в Оломоуце в Моравии.

Не ожидая возвращения Шевригина и надеясь на прибытие папского посланника, царь Иван отправил королю Баторию 29 июня 1581 г. письмо, в котором обвинял его в союзе с мусульманами и пролитии христианской крови. Это была та же тема, что он развивал в своем письме папе. Но теперь он добавил еще один аргумент: изначальное единство римско-католической и греко-православной церквей.[373]

Для доказательства этого Иван ссылался на Флорентийскую унию 1439 г. при папе Евгении: "И греческий император Иван Мануилович (Иоанн VIII, сын Мануэля), и патриарх Константинополя Иосиф присутствовали на этом соборе, равно как и русский митрополит Исидор. И они постановили, что греческая вера будет тождественна римской. Почему же тогда твои паны возражают против распространения греческой веры в Ливонии? Их папа Евгений постановил, что греческая вера тождественна латинской (римской), и теперь они разрушают это (единство) и они отвращают людей от греческой веры в пользу латинской. И это христианство? Мы не заставляем тех в нашей земле, кто принадлежит к латинской вере, отбросить ее, но сохраняем их на нашей службе, так же, как и православных, сообразно с доблестями каждого и послужным списком — пусть хранят свою веру как желают".[374]

Это была новая интерпретация Флорентийской унии как единства христианского духа, а не подчинения православной церкви папской власти, что Флорентийская уния в действительности подразумевала.[375]

Ссылка на авторитет Флорентийской унии находилась в противоречии с московитской исторической и идеологической традициями. Царь едва ли мог подумать, что подобный аргумент сможет убедить Батория. По-видимому, Иван IV упомянул Флорентийскую унию в своем письме к Баторию в качестве приманки для папского посланника, выступавшего посредником в конфликте между Москвой и Польшей.[376]

Шевригин вернулся в Московию тем же окружным путем через Данию. Он прибыл в Старицу, где в это время находился царский штаб, 17 июля 1581 г. Он привез с собой письма Поссевино к царю и боярину Никите Романовичу Юрьеву, а также письмо императора Рудольфа, датированное 11 января.

Тем временем Поссевино направился в Польшу, откуда должен был двинуться в Московию. Согласно полученным инструкциям, ему предстояло сообщить царю, что папа готов посредничать в конфликте между Польшей и Москвой, а также заключить союз с Москвой для борьбы с турками. Поссевино не должен был, однако, забывать, что политическое соглашение между Римом и Москвой будет возможным лишь на базе церковного объединения.[377]

Намек царя в его письме к Баторию на возможность такого объединения оказался, таким образом, весьма своевременным. Баторий сначала настороженно отнеся к грядущим переговорам Поссевино с царем, поскольку боялся, что иезуиты будут проводить свою религиозную политику в ущерб интересам Польши. Однако Поссевино удалось уверить короля, что римская курия не предаст Польшу, и что переговоры не приведут к возобновлению польского наступления.[378] Но, разумеется, переговоры начались практически вместе с военными действиями.

Вместо объявления войны Баторий 2 августа 1581 г. отправил царю Ивану IV язвительное послание в ответ на письмо последнего от 29 июня.[379] На обвинение Ивана IV о пролитии им христианской крови Баторий заявлял, что такому кровожадному человеку, как Иван IV, царствование которого проходит в пытках и убийствах собственных подданных, не подобает проповедовать доброту. В дополнение к этому письму он послал царю множество напечатанных в Германии памфлетов, обличающих его тиранию.

Сделав это, Баторий повел свою армию в направлении Пскова. Отдельно в направлении Ржева на Верхней Волге были посланы небольшие отряды, чтобы помешать московитской армии помочь Пскову. Армия Батория подошла к Пскову 26 августа, и началась осада.

Поссевино прибыл в Старицу (через Смоленск) 18 августа и был принят царем два дня спустя. Переговоры продолжались три недели.[380]

Поссевино желал на основании царского письма Баторию обсудить для начала церковное единство. Иван IV отказался пока поднимать религиозные вопросы, сказав, что это может быть сделано только после заключения мира с Польшей. Что же касается условий мира, то Иван IV согласился отдать Литве Великие Луки (но не Полоцк) и большую часть Ливонии (но не Юрьев и Нарву). 14 сентября Поссевино отправился в лагерь Батория близ Пскова.

Хотя основной удар Батория был направлен против Пскова, следовало ожидать менее массированных польских атак — и они действительно последовали — по всей русско-литовской границе. Кроме того, нужно было учитывать возможность шведского нападения на Новгород. (Шведы действительно двинулись на Нарву осенью 1581 г.).

Дабы справиться с ситуацией, Иван IV решил основные русские силы под командованием великого князя тверского Симеона Бекбулатовича держать в резерве. Согласно псковскому летописцу, резервная армия, стоявшая у Старицы, насчитывала триста тысяч человек.[381] Цифра кажется сильно преувеличенной. В любом случае, Иван IV не намеревался использовать эту армию, разве что возникла бы угроза самой Москве. Он не слишком рассчитывал на военные действия, будучи поглощен идеей получения достойного мира при посредничестве Поссевино. Но по настоянию Батория дипломатические переговоры не прерывали военных операций. При таких обстоятельствах в целях успеха дипломатические усилия Ивана IV должны были быть поддержаны военными действиями.

К счастью для России, Псков оказался твердым орешком. Этот город был сильно укреплен и хорошо оснащен артиллерией и иными военными приспособлениями. Все активное население города приняло живое участие в обороне под умелым предводительством князя Ивана Петровича Шуйского. Дух сопротивления был подкреплен религиозным рвением. Это помогло псковичам перенести тяжелую осаду.[382]

Псковичи ожидали, что царь пошлет им подкрепление, но, за исключением подразделения стрельцов, возвращавшихся из Ли-

вонии, помощи не было. Псковский летописец отмечал с горечью, что царь не разрешил своим боярам повести резервную армию на выручку Пскову.[383]

Из этого заявления можно заключить, что военачальники резервной армии, включая первого воеводу Симеона Бекбулатовича, хотели предпринять кампанию по освобождению Пскова, но царь не одобрил этого шага.

Старший сын царя и очевидный наследник, царевич Иван, потребовал, чтобы отец разрешил ему возглавить кампанию. Рассерженный царь ударил царевича своим посохом с такой силой, что он умер через несколько дней (19 ноября 1581 г.).[384]

К этому времени поляки уже отчаялись взять Псков 29 ноября в Запольском Яме, поселении к югу от Порхова, начались переговоры между польскими и русскими полномочными представителями с участием Поссевино. Осада Пскова продолжалась, но Баторий выехал в Варшаву 1 декабря, оставив командование канцлеру Замойскому. Осаждающие были столь же истощены, что и осажденные, но дух последних оказался сильнее.

15 января 1582 г. было заключено десятилетнее перемирие. Россия сдала Ливонию и Полоцк. Польша вернула Москве русские города, захваченные Баторием во время войны, за исключением Полоцка.[385]

После заключения перемирия Поссевино направился в Москву для обсуждения с царем возможности церковного объединения. Он прибыл 13 февраля 1582 г. Поссевино выполнил свою посредническую миссию, но, с точки зрения Ивана IV, не очень удачно, поэтому царь неохотно шел на обсуждение с иезуитом религиозных вопросов. Но ему подобало выполнить свои обязательства.

Поссевино неоднократно встречался с царем, вел переговоры с боярами и представил множество меморандумов Ивану, но не смог убедить его согласиться на церковное объединение.[386]

И хотя Баторию удалось вытеснить русских из Ливонии, он не смог достигнуть какого-либо соглашения с третьей соперничающей стороной — Швецией. Таким образом, был открыт путь к будущему конфликту между шведами и польско-литовским государством.[387]

Осенью 1581 г., пользуясь тем, что как русские, так и польские военные силы были сосредоточены во Пскове, шведы взяли Нарву. Поляки желали сами обладать Нарвой, но не могли более вырвать ее у шведов.

Шведы находились под командованием Понтуса Делагарди, французского наемника, находившегося на датской службе, в свое время попавшего к шведам в плен и предложившего им свои услуги. Взяв Нарву, Делагарди повел свои войска на русскую территорию и захватил Ивангород, Ямгород и Копорье. Дальнейшее шведское наступление на Новгород или Псков, а то и на оба города, казалось неизбежным.

Русские не могли бросить необходимые силы против шведов вследствие опасной ситуации в районе Средней Волги. В 1580 г. черемисы (мари), подстрекаемые и поддерживаемые великими ногайцами, начали новое восстание. В 1581-1583 гг. ногайцы при поддержке мари предприняли несколько опустошительных походов к западу от Волги в район Алатыря, Коломны, Белёва и Новосиля. Чтобы разгромить мари и ногайцев нужно было мощное войско.[388]

При таких обстоятельствах русские чувствовали себя увереннее, заключая 5 августа 1583 г. со Швецией перемирие, хотя его условия были достаточно невыгодными — шведы сохраняли за собой район Копорья. Единственным оставшимся для России путем к Балтике оставалось устье реки Невы.[389]

Так окончилась Ливонская война, которая продолжалась четверть столетия. Она потребовала от русских людей максимального напряжения для преодоления многих тягот и жертв и вместе с последствиями опричнины ввергла Россию в глубокий социально-экономический кризис.

V

Ни один из трех претендентов на Ливонию — царь Иван IV, король Польши Стефан Баторий или король Швеции Иоанн III — не считал борьбу законченной. Иван IV мечтал о возобновлении войны и восстановлении своего контроля по крайней мере над Дерптом и Нарвой. Баторий планировал новый крестовый поход против Московии. Отношения между Баторием и Иоанном Шведским также были натянутыми.

Чтобы подготовиться к новой войне с Баторием и продолжить борьбу за выход к Балтийскому морю, царь решил возобновить переговоры с английской королевой Елизаветой. В мае 1582 г. царь отправил к королеве в качестве своего посла дворянина Федора Андреевича Писемского с инструкциями вести переговоры для заключения союза между Англией и Москвой.

Иван IV хотел усилить политический союз брачным — жениться на английской подданной. Перед отправлением Писемского в Англию Иван IV обсуждал такую возможность с английским врачом, Робертом Джекобом, приставленным к царю королевой по его просьбе в 1581 г. Джекоб счел подходящей парой для царя Марию Гастингс, дочь герцога Хантингтона, родственника Елизаветы. Писемский должен был заняться этим делом.

Ивана IV в этот момент уже был женат на Марии Нагой. Но поскольку этот брак (седьмой по счету) не был благословлен церковью, он не имел канонической силы. Более того, вскоре после женитьбы Иван IV почувствовал отвращение к своей супруге. Писемский был проинструктирован на этот счет — если англичане спросят о семейном положении Ивана IV, то надлежало сказать, что царь готов развестись с теперешней женой.

Новое осложнение возникло в октябре 1582 г., когда Мария родила Ивану сына — злосчастного царевича Дмитрия.

Новость об этом событии достигла Англии в то время, когда Писемский все еще был там. Это, конечно, не способствовало выполнению им задачи организации брака Ивана с Марией Гастингс.

Писемский прибыл в Англию в сентябре 1582 г., но был принят королевой лишь после значительной задержки, поскольку она в это время вела переговоры с польскими посланниками.

Переговоры королевы с Писемским шли весьма медленно. На обсуждение был поставлен вопрос о браке, и поначалу казалось, что королева заинтересована предложением. Писемскому была предоставлена возможность увидеть предполагаемую невесту во время ее прогулки с провожатым по саду. Что же до политического союза, то Елизавета пыталась взамен выторговать для Англии монополию на всю внешнюю торговлю в России. Переговоры ни к чему не привели. 5 июня Елизавета назначила своим новым послом в Россию сэра Боуса. Ему надлежало продолжить переговоры там. Две недели спустя Боус и Писемский отплыли в Россию. Последний увозил с собой для демонстрации царю портрет Марии Гастингс.[390]

Боус прибыл в Москву 15 октября и был принят царем десять дней спустя. Последовавшие переговоры шли далеко не гладко. Инструкции королевы Елизаветы были согласованы в ходе переговоров с Писемским. Основной целью Елизаветы было обеспечение английским купцам монополии на использование арктического морского пути

в Московию и как можно больше иных привилегий. Королева желала избежать определенных обязательств по отношению к царю в его борьбе против Польши, а также охладить его брачные планы.

Стоявшая перед Боусом задача была, конечно же, трудна. Он совсем провалил дело, бестактно и безапелляционно разговаривая с царем и его советниками. Переговоры закончились 20 февраля 1584 г.,[391] после чего последовала подготовка к отъезду Боуса в Англию.

Как раз в это время здоровье царя, серьезно подорванное излишествами и страхами, резко пошатнулось. 18 марта Иван IV умер. Царем стал его слабоумный сын Федор. Государственными делами занялся дядя Федора, боярин Никита Романович Юрьев. Ни он, ни глава посольского приказа, дьяк Андрей Щелкалов, не разделяли расположенности Ивана IV к англичанам.

"Английский царь умер", — объявил Щелкалов Боусу, которого затем посадили под домашний арест в доме где он остановился, и лишь в мае отпустили в Англию.

VI

В течение двух последних лет своего царствования, после смерти своего сына, в которой он был повинен, Иван IV утратил свое былое лицо. Искренне горюя, он дарил крупные суммы денег Троицкому и другим русским монастырям и даже посылал пожертвования монастырям горы Афон, Иерусалима и Синая с просьбой молиться за душу усопшего царевича.

В книгах Троицкого монастыря зафиксировано, что 6 января 1583 г. — через семь недель после смерти царевича — Иван присутствовал на божественной литургии, после которой он вызвал в свой покой двух почтенных монахов (но не архимандрита). Присутствовал и его исповедник. Иван IV "начал плакать, и всхлипывать, и просить (двух монахов) устраивать каждодневные поминальные молебны за царевича вечно, до тех пор, пока стоит монастырь, до конца времен". "И кто бы не забыл и не перестал исполнять эту мою волю и просьбу... предстанет со мною пред судом Божьим при втором пришествии".[392]

Как раз после этого путешествия в Троицкий монастырь Иван IV начал составлять перечень (*синодик*) жертв своего террора. Его копии затем были разосланы во многие монастыри для поминальных служб. Иван IV выделил для проведения этих служб специальные средства. Согласно этому синодику, лишь в одном Новгороде в 1570 г. было уби-

то 1505 мужчин и женщин. Имена убитых при групповом терроре остались неизвестными. В подобных случаях формула молитвы была следующей: "Что же до их имен, то ты Господь, знаешь их".[393]

Мы видели, что узнав о резне гугенотов во Франции в день св. Варфоломея Иван IV выразил сожаление и осудил пролитие французским королем такого количества крови "без должного основания". Кажется возможным, что Иван IV в конце концов пришел к пониманию того, что не вся пролитая им кровь может быть оправдана.

Политика террора Ивана Грозного была следствием мучившей его мании преследования. И эта политика, в свою очередь, разжигала ненависть к нему и побуждала множество людей к отчаянным поступкам, в том числе и к побегу.

Выражение независимого мнения или несогласия с политическим курсом Ивана IV в большинстве случаев рассматривалось им как предательство. У него была сложная и весьма противоречивая натура.[394] Ему мало было только отдавать приказы. Он стремился доказать свою точку зрения в полемике с противниками, как политическими (подобными князю Курбскому), так и религиозными (подобными Яну Роките или Поссевино). Он был яростным спорщиком.

Иван IV хорошо разбирался в теологии, политической литературе, истории и черпал свои знания из переведенных на церковно-славянский или древнерусский язык книг.

Иван IV верил, что суверенная власть исходит от Бога. Царь — наместник Бога на земле.[395] В ранний период своего царствования, находясь под влиянием митрополита Макария и священника Сильвестра, Иван IV был сторонником византийской теории взаимодействия ("симфонии") божественной и светской власти, священства и имперского начала. Позднее он возражал против какого-либо вмешательства в государственные дела.

Он считал первым долгом царя приверженность православной вере, и в своем завещании 1572 г. побуждал сыновей быть готовыми пострадать и умереть за православие.[396] В то же время Иван IV не признавал за церковью права ограничивать свою собственную власть даже в традиционной форме совета и вмешательства за подвергнутого им бесчестию человека. Он сам должен был дать Богу ответ за свои действия на страшном суде.

Еще более резко Иван IV реагировал на попытки своих подданных ограничить его власть политически. Царь является самодерж-

цем. "*Как, скажи пожалуйста, может правитель называться самодержцем, если сам он не правит?*" – вопрошал он Курбского.[397]

Дабы править как самодержец царь должен научиться своему ремеслу. В своих наставлениях сыну Иван IV увещевал его: "*Тебе следует ознакомиться со всеми типами дел: божескими, священническими, монастырскими, военными, судебными; с особенностями жизни в Москве и в иных краях. (Тебе следует знать), как административные институты функционируют здесь и в других государствах; каковы отношения этого и других государств. Все это ты сам должен знать... Затем ты не будешь зависеть от совета других, ты сам будешь давать им указания*".[398]

Ивановы наставления сыновьям не были теоретической дидактикой. Они базировались на его собственном опыте. Он сам искренне интересовался церковными и государственными делами и имел о них четкое представление.

В первые годы правления изучать дела божественные Ивану IV помогали митрополит Макарий и протопоп Сильвестр; а познавать искусство государственного управления – Алексей Адашев и дьяк Иван Висковатый.

Иван IV хорошо понимал важность торговых и культурных отношений с Западом. В этом его поддержал протопоп Сильвестр. В "Послании" к своему сыну Сильвестр хвалил Анфима (сына) за участие в торговых делах и поддержание дружеских отношении с иностранцами.[399]

Своим советникам и подчиненным Иван IV не доверял и обращался с ними дурно. Согласно Курбскому, это было частично результатом совета монаха Вассиана Топоркова.

Существовало немного почтенных людей, к которым Иван IV благоволил в течении всей жизни. Он высоко ценил митрополита Макария и доверял шурину по первой жене боярину Никите Романовичу Юрьеву, а также татарскому царю Симеону Бекбулатовичу. По отношению почти ко всем другим советникам и подчиненным у него легко возникали подозрения. Во многих случаях Иван IV делал подчиненного ответственным за ошибку или отсутствие суждения, в которых он сам был повинен. И он всегда был склонен бросить обвинение в предательстве.

Например, в своем письме от 1581 г. к королю Баторию Иван IV, чтобы преуменьшить успех Батория, взявшего в 1597 г. Полоцк, объяснил его победу изменой русского гарнизона.[400] В реальности защитни-

ки Полоцка доблестно сражались, но были сломлены превосходящими силами Батория. И разумеется, сам Иван IV совершил ошибку, вовремя не послав осажденным помощь. Баторий оказался благороднее Ивана IV, защитив честь полоцкого воеводы в ответном письме.[401]

Хотя Иван IV и показал себя жестоким тираном, он был наделен творческим темпераментом. Его можно рассматривать как одного из основных русских писателей XVI столетия, хотя все, что он написал, не было собственно литературой. Но что бы он не писал — политические памфлеты, послания монастырям, государствам и частным лицам, даже его завещание — несет в себе свидетельство его литературного таланта.[402]

Иван IV был тонким знатоком иконописи[403] и церковного пения. Последнему он учился в детстве. Он создал церковный хор, в котором пел сам. Он написал множество сочинений, среди которых *стихитра* (гимн), взывающий к святому митрополиту Петру, жившему в XIV веке (около 1547 г.).[404]

Художественные пристрастия Ивана IV были многогранны. Характерно, что в дополнение к церковному искусству и музыке он был увлечен народными увеселениями — представлениями *скоморохов*. Этот вид театрального искусства следовал традициям древнего язычества.[405] Нехитрые задиристые песни и танцы также были частью репертуара скоморохов.[406] Особую "гильдию" народных увеселителей составляли дрессировщики медведей (*медведчики*) с их натренированными животными.

Церковь осуждала скоморохов, считая их представления непристойными и языческими. Под влиянием церкви отец Ивана IV великий князь Василий III издал несколько указов, ограничивающих деятельность скоморохов. Схожие указы издавались в начале царствования Ивана IV, но он не обращал на них внимания.

После смерти своей первой жены, царицы Анастасии, удаления протопопа Сильвестра, повторной женитьбы на кабардинской княжне Марии и смерти митрополита Макария Иван начал приглашать скоморохов в свой дворец. Новые советники, среди которых были боярин Алексей Басманов и его сын Федор (фаворит Ивана IV), одобряли это увлечение царя. Скоморохов начали звать во дворец в период становления опричнины. Но не только уличные актеры развлекали гостей на царских пиршествах, сам царь и его свита надевали маски, пели и танцевали.

Благородные господа, не принадлежавшие к веселой компании, иногда приглашались на эти пиры. Подобное приглашение считалось особой милостью. Курбский рассказывает историю боярина князя Михаила Репнина: "Царь начал плясать в масках вместе со скоморохами и то же сделали пировавшие с ним. Теперь, когда этот высокопоставленный и благородный человек увидел эту непристойность, он начал плакать и сказал ему: "Тебе не подобает, о христианский царь, делать подобное". Но царь начал побуждать его, говоря: "Будь весел и играй с нами", и сняв маску, он начал одевать ее на его лицо; но он (Репнин) отбросил ее прочь и растоптал, сказав: "Могу я не совершать этих непристойностей и глупостей, я- человек в ранге советника!". И царь преисполнился гнева и прогнал его с глаз долой".

Несколько дней спустя Репнин был по приказу царя убит(1 января 1564 г.).[407]

Во время опричнины такие банкеты стали правилом и чередовались с церковными службами и покаянием, в зависимости от настроения Ивана IV.

В 1571 г. после карательной экспедиции против Новгорода Иван IV приказал, чтобы скоморохи и иные артисты, которым был славен Новгород, были перевезены с места своего проживания в новгородской земле (они жили в основном в Деревской *пятине*) ближе к Москве, которая впоследствии стала центром скоморошьего творчества.[408]

В 1573 г. в Новгороде на празднествах по поводу женитьбы короля Магнуса на княжне Марии Старицкой Иван IV развлекал гостей непристойными танцами и песнями, при исполнении которых он лично дирижировал хором.[409]

Основной целью внутренней политики царя Ивана IV было укрепление самодержавной власти правителя против княжеской и боярской аристократии.

Прежде всего царю приходилось считаться с существованием удельных князей, принадлежавших к его собственной семье. Таким был Владимир Андреевич Старицкий, княжеские семьи дома Рюриковичей, Воротынские. Некоторые все еще сохраняли остатки уделов.

Княжеские семьи дома Гедимина, поселившиеся в Московии в XV и в начале XVI века,[410] имели менее глубокие исторические корни в Московском царстве, нежели Рюриковичи, но были более знакомы с польскими и литовскими аристократическими привилегиями и правами. Они, а также нетитулованное боярство, не противо-

стояли объединению Московского государства и таким образом не подвергали опасности единство царства, но старались сохранить высокое положение Боярской Думы, а также боярства в целом в правительстве, армии и администрации.

Иван IV начал с ограничения власти князя Владимира Старицкого, затем казнил его и упразднил его удел. Аналогичным образом он конфисковал остатки удела Воротынских. Перед созданием опричнины, во время ее и после ее упразднения он казнил значительное число титулованных и нетитулованных бояр, но ему не удалось сокрушить боярство как политический институт.

В действительности политика Ивана IV была непоследовательной. Уничтожив оставшиеся уделы, он создал два новых. Он сделал Симеона Бекбулатовича великим князем тверским и оставил удел (в Угличе) царевичу Дмитрию (сыну Марии Нагой). И даже в ходе опричнины не упразднил Боярскую Думу в земской части царства, лишь стал лично пристально следить за ее деятельностью. Он принял доверенных бояр в свой опричный двор и назначил их в свой личный совет. После упразднения опричнины его советники вошли в объединенную Боярскую Думу.

Анализ состава Боярской Думы в 1578 г. показывает, что ее аристократическая часть — бояре и окольничие — принадлежали к тем же древним семьям, из которых царь обычно выбирал лиц, назначаемых на высокие должности.

К концу царствования царя Ивана IV существовало три их слоя: те, что занимали свои посты еще до введения опричнины (подобные князю И.Ф. Милославскому и Н.Р. Юрьеву); те, кто был членами опричной думы (подобно князю Ф.М. Трубецкому); и те, что были назначены после упразднения опричнины (среди них Д.И. и С.В. Годуновы).

По своему усмотрению царь мог назначать лишь тех государственных деятелей, пост которых не требовал аристократического происхождения — думских дворян. Но Иван IV нечасто пользовался этим правом. До установления опричнины было пять думских дворян и восемь ко времени смерти Ивана. Итак, Боярская Дума сохраняла свой преимущественно аристократический характер.[411]

Основополагающим процессом социально-политической истории России в XVI столетии был подъем дворянства, дворян и детей боярских, которые составляли большую часть русской армии в это время.

Бояре таким образом были зажаты двумя силами — самодержавием и дворянством.

Процесс этот продолжался на протяжении всего правления царя Ивана IV. В течение первого десятилетия его царствования, во время влияния Адашева, разрешение трехстороннего политического противостояния было найдено путем введения Земского Собора, в котором участвовали бояре и дворяне. Тогда же балы предпринята первая попытка устранить систему местничества. Это сопровождалось подтверждением свободы крестьян судебником 1550 г.

В своей последующей политике царь Иван IV нарушил равновесие политических и социальных сил, которое, казалось, уже было достигнуто. Земский Собор состоялся лишь однажды (в 1566 г.). Опричнина затронула интересы как бояр, так и дворянства, а также тех крестьян, что попали в районы, захваченные опричниками. Она создала хаос в системе мобилизации дворянской армии. И в конце своего правления, чтобы удовлетворить текущие экономические потребности дворянства, царь был вынужден ограничить свободу передвижения крестьян.

В целом политика Ивана IV — как внутренняя, так и внешняя — провалилась.

6. Правление Бориса Годунова

I

В то самое время, когда русских остановили и отбросили назад на западе, они начали продвижение на восток в направлении Сибири.[412]

Инициатива первой экспедиции за Уральские горы принадлежала Строгановым, известному роду купцов и промышленников, начавшим свою деятельность в районе Вычегды на северо-востоке Московии в конце XV века. К 1550 г. Анике Федоровичу Строганову удалось создать процветающее дело с центром в Сольвычегодске. Добыча соли составила первое значительное направление в промышленной деятельности Строгановых, но уже вскоре они занимались также обработкой металлов и рубкой, заготовкой и обработкой леса. Кроме того, они владели и управляли большими земельными поместьями и вели активную как оптовую, так и розничную торговлю солью, рыбой, зерном и мехами.

Когда сыновья Аники — Яков, Григорий и Семен — достигли совершеннолетия, они помогли отцу распространить семейное дело на

восток в район Урала. В 1558 г. Григорий Строганов обратился к царю Ивану III с просьбой санкционировать освоение, колонизацию и управление не присоединенными территориями западнее и восточнее реки Камы от места, где впоследствии был построен Соликамск, до устья реки Чусовой. Григорий просил царя разрешить ему построить крепость, вооружить ее пушками и нанять личную армию — артиллеристов и пищальников — чтобы защищать свои владения от нападений ногайцев и других орд. Царь выдал Григорию такую грамоту и, кроме того, даровал ему освобождение от налогов на двадцать лет. По всей видимости, именно Алексей Федорович Адашев разрабатывал и редактировал текст этой грамоты.[413]

Аника и его сыновья оказались умелыми политиками. Когда царь Иван IV ввел опричнину, они поняли, что их дело будет в большей безопасности, если они присоединятся к новому институту. Поэтому они подали царю челобитную с просьбой взять их владения в Сольвычегодске, а также в районе Верхней Камы в опричную часть царства. Царь согласился и 16 августа 1566 г. издал по этому поводу указ.[414]

В 1568 г. Яков Строганов попросил царского разрешения на освоение земель по реке Чусовой. Грамота, выданная ему царем, аналогична той, что получил десять лет назад его брат Григорий, за исключением того, что освобождение от налогов было даровано ему только на 10 лет.[415]

Видимо вскоре после этого, Аника Строганов отошел от дел и постригся в монахи (под именем Иоасаф). Он скончался в 1570 г., почти достигнув возраста 81 года.

Постепенно продвигаясь в восточную часть Уральского региона, Строгановы старались подчинить себе некоторые местные племена, такие, как *вогулы* (манси) и *остяки* (ханты). Представители Строгановых покупали у этих народов меха и даже обложили их налогом в виде меха. Это привело к конфликту с сибирскими татарами, чей хан Кучум считал себя верховным правителем родов племен вогулов и остяков, живших восточнее Уральских гор.

Ханство сибирских татар, первоначально располагавшееся вокруг Тюмени, являлось одним из государств, образовавшихся после распада Великой Монгольской империи, основанной Чингисханом. Незадолго до своей кончины Чингисхан сделал своих сыновей правителями улусов империи под верховной властью великого хана. Западная часть империи Чингисхана стала улусом его старшего сына Джучи. Впоследствии улус Джучи был в свою очередь поделен меж-

ду его сыновьями. Старший, Орда, получил территорию, включающую Западную Сибирь, Казахстан и низовья Сырдарьи в Центральной Азии. Двое из младших братьев Джучи, Шибан и Тука-Тимур, тоже получили доли в этом районе. Самая западная часть Джучидова улуса, позднее известная как Золотая Орда, стала вотчиной второго сына Джучи, Бату.[116]

В семидесятых и восьмидесятых годах XV столетия ханом Тюмени был Ивак, потомок Шибана. В конфликте великого князя Ивана III с золотоордынским ханом Ахматом в 1480 г. Ивак принял сторону Москвы, а в 1481 г. в столкновении с его войском Ахмат был убит.[117]

Как в большинстве монголо-татарских ханств XV и XVI веков, власть хана Ивака ограничивали влиятельные княжеские роды. Пытаясь сломить противодействие наиболее могущественного из них, рода Тайбуги, Ивак казнил его главу Мара. В ответ внук Мара Махмед убил Ивака (примерно в 1493 г.) и захватил его царство.[118]

В 1555 г., после завоевания русскими Казани и Астрахани, внук Махмеда Ядигар обратился к царю Ивану с просьбой о покровительстве. Царь согласился. В 1557 г. Ядигар принес клятву верности (*шерть*) и начал выплачивать ежегодную дань тысячей соболиных мехов. Положение Ядигара, однако, оставалось непрочным, поскольку потомки хана Ивака не отказались от своих притязаний на Сибирь. Кучум, с которым предстояло столкнуться Строгановым, приходился Иваку внуком.[119]

В 1563 г. Кучум с помощью ногайцев напал на Ядигара, убил его и стал правителем Западной Сибири. Как Джучид и, следовательно, потомок Чингисхана, Кучум имел право на титул хана (по-русски, царя), каковой он себе и присвоил (Ядигар мог претендовать только на титул князя). Чтобы обрести фактическую власть, Кучум должен был преодолеть мощное сопротивление нескольких татарских мурз, а также некоторых племенных вождей остяков и вогулов. Борьба продолжалась семь лет, и только к 1571 г. Кучум с помощью своей ногайской гвардии безжалостно подавил своих противников.[120]

Став ханом, Кучум прекратил выплачивать дань Москве. Несмотря на это, царь, сосредоточенный на войне с Ливонией, не стал вмешиваться в дела Сибири, а Кучум был слишком занят, чтобы предпринимать какие-либо наступательные шаги против Москвы. В 1571 г. он даже отправил в Москву посла с данью того же размера, что платил Ядигар, и пообещал делать это ежегодно. Однако то было

последней данью, которую заплатил Кучум. Он просто желал выиграть время. Окончательно установив свою власть над Сибирским ханством, он прекратил дипломатическую игру и больше не делал вид, что заинтересован в мирных отношениях с царем.

В 1573 г. Кучум послал против Строгановых разведывательную экспедицию под командованием своего племянника Махмед-Кула. Его ратники вырезали мужчин рода остяков, подвластных Москве, и захватили их женщин и детей. Сам Махмед-Кул захватил и зверски убил московского посла, отправленного к казахам, однако не осмелился атаковать крепость Строгановых на реке Чусовой и повернул обратно.[421]

Строгановы решили отомстить и распространить свой контроль на часть территории восточнее горной гряды, чтобы обеспечить лучшую защиту своим владениям на западных склонах Уральских гор. Они выбрали район Тахчея на реке Туре, притоке Тобола. В 1574 г. царь Иван IV, в ответ на их челобитную, пожаловал им эти земли и на двадцать лет освободил их от налогов.[422] Из этого документа явствует, что к этому времени в распоряжении Строгановых находился отряд казаков.

Примерно в 1579 г. Строгановы наняли новую группу волжских и донских казаков под предводительством атамана Ермака Тимофеевича. До поступления на службу к Строгановым многие из этих казаков в свободное от сражений с крымскими татарами время занимались разбоем, грабя торговые караваны на Волге. Некоторые из них, таким образом, разыскивались московскими властями, и им грозили суд и наказание. Они с готовностью приняли приглашение Строгановых.

Эти казаки оказались весьма полезными Строгановым в следующем году, когда Бегбели Агтаков, вождь вогулов, живущих за Уралом, совершил набег на владения Строгановых на реках Чусовой и Сылве. Бегбели, по всей вероятности, предпринял этот поход по наущению своего сюзерена Кучума. Однако его предприятие окончилось провалом, он был разбит и взят в плен. Строгановы позволили ему вернуться домой после того, как он согласился стать вассалом царя и пообещал впредь никогда не нападать на владения Строгановых.

После набега Бегбели Строгановы поняли, что для того, чтобы предотвратить дальнейшие нападения вассалов Кучума, им необходимо нанести удар самому Кучуму. С этой целью они начали подготовку экспедиционных сил под командованием атамана Ермака. Однако, когда Ермак уже выступил, другой вогульский вассал Кучума,

князь Кихек, в сентябре 1581 г., атаковал Чердынь, главный город области, известной под названием *Великая Пермь*. Не сумев взять Чердынь, Кихек разорил район Кой Городка в верховьях Камы, затем повернул назад вниз по Каме и напал на владения Строгановых. Строгановы оказались в сложной ситуации, поскольку Ермака уже не было. Кихеку не удалось захватить никаких других городов, кроме Соликамска, который он сжег, и в конце концов его разбили люди Максима Строганова у крепости Нижняя Чусовая.[123]

Именно Максим Строганов, до набега Кихека, принял наиболее активное участие в подготовке похода Ермака. Он предоставил казакам огнестрельное оружие, *пищали* и несколько легких пушек, а также порох, свинец и провиант.

Армия Ермака насчитывала только 540 человек, однако все его люди были опытными бойцами. Они делились на 5 групп (*сотен*), каждая имела собственного командира (*сотника*), среди которых самым известным являлся Иван Кольцо. К ним присоединились примерно триста добровольцев из людей Строгановых. Силы Кучума были значительно многочисленнее, однако у них не было огнестрельного оружия — ситуация, сходная с имевшей место в кампаниях Эрнандо Кортеса в Мексике и Франсиско Писарро в Перу пятьюдесятью годами раньше. Строгановы и Ермак, однако, полагались не только на преимущества огнестрельного оружия. Им было известно о напряженных отношениях внутри Кучумова ханства, и они ожидали, что по меньшей мере некоторые татарские князья, а так же вожди вогулов и остяков в предстоящей войне будут на стороне русских. Эти ожидания частично оправдались.

1 сентября 1581 г. войска Ермака оставили свое расположение в нижнем течении реки Чусовой, на лодках поднялись выше и провели зиму 1581-1582 гг. в лагере, который построили на волоке между реками Серебрянкой (притоком Чусовой) и Тагилом (притоком Туры).[124]

В мае 1582 г. казаки предприняли поход вниз по рекам Тагилу, Туре и Тоболу, разбили татарскую армию, которой командовал царевич Махмед-Кул, и 26 октября захватили столицу Кучума Кашлык (известную также под названием Искер и Сибирь) на реке Иртыш. Кучум и Махмед-Кул бежали на юг по Иртышу, а несколько татарских князей и вождей остяков перешли на сторону русских.

Ермак сообщил Строгановым о своем успехе и в сентябре 1582 г. направил делегацию во главе с сотником Иваном Кольцо просить царя

принять во владение вновь присоединенные земли и выслать в Сибирь войска на помощь казакам. Затем Ермак начал распространять свою власть на татарские города вверх по Иртышу, и таким образом отразил попытки Махмед-Кула остановить казаков. В феврале 1583 г. казакам удалось захватить самого Махмед-Кула. Они отправили его в Москву, где того приняли с почетом. Он присягнул царю и был принят на русскую службу.

Царь Иван IV оказал казацкой делегации Ивана Кольцо милостивый прием, щедро одарил посланцев — среди подарков была кольчуга великолепной работы — и отправил обратно к Ермаку. 10 мая 1583 г. князь Семен Болховской получил указ царя проследовать в Сибирь с дружиной в 300 стрельцов. Кроме этого, Строгановым предписывалось предоставить Болховскому 40 добровольцев из числа своих людей.

На пути в Сибирь Болховской с отрядом остановился на зиму 1583-1584 гг. на территории Строгановых. Но отряд прибыл в Кашлык только в ноябре 1584 г., а казаки не заготовили необходимого количества провианта. К концу зимы Болховской и несколько его людей умерли от голода.

Кучум и его последователи продолжали доставлять русским беспокойство. Они были недостаточно сильны, чтобы вести против казаков настоящую войну, но заманивали небольшие группы казаков в ловушки или захватывали их врасплох ночью. Так погиб Иван Кольцо, а затем и сам Ермак. Легенда говорит, что, пытаясь спастись от нападавших, Ермак бросился в Иртыш, но тяжелая кольчуга (подарок царя Ивана) потянула его на дно, и он утонул (август 1585 г.).

Яркая личность Ермака произвела неизгладимое впечатление и на русских, и на татар. Сказания о подвигах Ермака были после его смерти занесены в сибирские летописи, о нем сложили много исторических песен (*былин*). Некоторые из этих песен начинаются описанием собрания (*круга*) донских казаков, созванного чтобы решить, как избежать наказания за разбой на Волге.

После гибели Ермака уцелевшие казаки и люди Болховского покинули Кашлык и начали отступление назад, к Уральским горам. Казалось, что русским завоевать Сибирь так и не удастся.

К этому времени, однако, московское правительство царя Федора (сына и преемника Ивана IV) ясно осознало значение Сибири и предприняло энергичные шаги к восстановлению и упрочению рус-

ского контроля над этой огромной территорией. Вдохновителем разработки нового плана явился один из ведущих бояр Борис Федорович Годунов.

Еще до того, как известие о гибели Ермака достигло Москвы, в Сибирь был отправлен новый отряд *стрельцов* под командованием воеводы Ивана Мансурова. А впоследствии подкрепления посылались за Уральские горы почти ежегодно. Воеводе каждой дружины предписывалось в подходящем месте, обычно на берегу реки, построить крепость. Эти укрепленные города скоро превратились в центры русской администрации в Сибири. Хотя крепости и рассматривались прежде всего как военные укрепления, воеводы должны были стараться завоевать расположение местных племенных и родовых вождей, проявлять по отношению к ним дружелюбие и устанавливать *ясак* (налог мехом) не выше, чем они платили Кучуму до русского завоевания.

В 1586 г. на реке Туре была построена крепость Тюмень, в 1587 г. на Иртыше, напротив впадения в него Тобола, — Тобольск, в 1590-х, — Пелым на Тавде, Верхотурье на Туре, Березов на Нижней Оби, Тара на Иртыше, Нарым на Кети (притоке Оби) и другие. В 1604 г. на Томи (притоке Оби) был построен Томск.

Вместе с тем, как происходило планомерное военное занятие территорий Западной Сибири и учреждение там сети административных центров, северные русские охотники и торговцы мехами продвигались в устье реки Оби, на Крайний Север. В 1601 г. там был основан городок Мангазея, который в первой четверти XVII века стал важным центром торговли мехами.

Хотя большая часть сибирских татар присягнула царю, Кучум продолжал свои отчаянные, но безуспешные попытки вернуть ханство на всем протяжении 1590-х годов. В конце концов, в 1598 г. его разбил воевода Тары Иван Воейков. Кучум бежал, но многие члены его семьи — жены, дочери, сыновья и внуки — попали в плен. Воейков всех их отослал в Москву, где они были милостиво приняты царем Борисом, преемником Федора. Один из сыновей Кучума, Арслан, который и доставил всех в Москву, впоследствии стал царем Касимова.[425] Однако к этому времени в иртышских степях на юге Западной Сибири появилась новая угроза русским — калмыки[426].

Гарнизоны вновь возведенных крепостей нуждались в снабжении вооружением и провиантом. В каждом городе расселяли ремеслен-

ников разных специальностей — плотников, кузнецов, оружейников. Муку сначала доставляли по воде из Руси, однако очень скоро начали развивать сельское хозяйство в окрестностях каждого города, привлекая колонистов.

Правительство обзаводилось будущими крестьянами двумя путями: по договору (*по прибору*) и, когда не хватало добровольцев, в приказном порядке (*по указу*). В этом случае город или район был обязан отправить в Сибирь определенное количество мужчин (с семьями, если они не были холостяками). Кроме того, зачастую в Сибирь высылали военнопленных (поляков, литовцев, ливонских немцев и шведов) и преступников. Военнопленных по желанию зачисляли в армию. Тем же крестьянам (преимущественно из Северной Московии), которые желали переселиться в Сибирь, правительство оказывало поддержку субсидиями и другими средствами.[427]

Как и в случае с завоеванием русскими казанских земель, по следам государства шла церковь. Первые две сибирские церкви были возведены в Тюмени в 1586 г. К 1605 г. несколько других появилось в Верхотурье, Туринске, Мангазее и Березове. Самые первые из основанных в Сибири монастырей — Тобольский (1588 г.), Туринский и Верхотуринский (1604 г.).[428] Главной целью церкви в ее продвижении в Сибирь было обслуживание религиозных потребностей русских поселенцев.

В отличие от ситуации в Казани, миссионерская деятельность русской церкви в Сибири в конце XVI и начале XVII веков была незначительной. Как и в Казани, духовенству и местным официальным лицам запрещалось прибегать к насилию при обращении местного населения в христианскую веру. Христианство, если вообще вводилось, должно было побеждать "любовью, а не жестокостью".[429] Новообращенные вступали в русскую общину и прекращали платить ясак, что для государственной казны было невыгодно. Крещеные мужчины приписывались к русской службе. Крещеные женщины восполняли недостаток женского населения среди русских в Сибири.

В целом, московское правительство не вмешивалось в племенной уклад и местные традиции. Чтобы гарантировать уплату ясака, правительство старалось завоевать расположение племенных и родовых вождей, а также других *лучших людей*. По словам Ланцева, этот "альянс русского правительства с высшим классом аборигенов был очень удобен для управления".[430]

Через несколько лет московская государственная казна, а также русские купцы и охотники начали получать большой доход от сибирских мехов. Кроме поступления мехов от местного населения в качестве ясака, правительство располагало налогом в 10 процентов, взимаемым с частных предпринимателей, экспортирующих меха из Сибири.

II

В течение всего этого периода главой русского государства, номинально по крайней мере, являлся благочестивый, но слабовольный Федор, который стал царем в марте 1584 г. после смерти Ивана, однако самостоятельно управлять не мог и нуждался в руководстве. Советниками Федора стали те же влиятельные члены Боярской Думы, которые отвечали за управление в последние годы царствования Ивана IV: боярин Никита Романович Юрьев (дядя Федора), старший член Боярской Думы князь Иван Федорович Мстиславский (троюродный брат Федора) и боярин Борис Федорович Годунов (брат жены Федора). Близко к этому правящему кругу стояли князья Шуйские.[431]

Серьезной угрозой смуты являлось существование малолетнего сводного брата Федора, царевича Дмитрия (родился в 1582 г.), сына седьмой жены царя Ивана IV, Марии Нагой. Иван оставил ему в удел город Углич. Хотя восшествие Федора на престол было абсолютно законным, существовала небольшая группа придворных, которые находились к нему или, скорее, к кругу советников, правящих от его имени, в оппозиции и поэтому защищали мнимые права Дмитрия на трон. Они не пытались поставить мальчика во главе царства немедленно — это было бы невозможно — но хотели, чтобы к нему относились, как к прямому наследнику (Федор на тот момент так и не имел детей). Это означало, что опекуны Дмитрия сохранят свое положение в правительстве. В эту группу входила большая часть Нагих, братьев и родственников царицы Марии. Опасными их делала поддержка одного из ближайших военных советников царя Ивана IV в последние годы, не включенного в правящий круг Федора, *оружничего* Богдана Яковлевича Бельского, человека больших способностей, честолюбивого и мятежного.

Чтобы предотвратить попытку дворцового переворота, правительство Федора 24 мая 1584 г. отослало царицу Марию с сыном и братьями в удельный город Дмитрия, Углич. Официального разрыва, однако, между Москвой и Угличем не было. Царица Мария и мальчик

Дмитрий жили во дворце Углича, как княжеская семья, и имели собственный двор. Отношения дворов Федора и царицы Марии оставались корректными, по меньшей мере внешне. Бельского назначили наместником Нижнего Новгорода и таким образом временно удалили из Москвы.

Другим обстоятельством, тревожившим некоторых советников царя Федора, включая Бориса Годунова, было то, что дочь князя Владимира Старицкого, Мария — троюродная сестра Федора и Дмитрия — жила за границей под покровительством правительства Речи Посполитой. Существовала опасность, что в случае войны между Москвой и Речью Посполитой король Баторий использует имя Марии в противостоянии с правительством царя Федора.

Мария была вдовой датского герцога Магнуса, вассала царя Ивана IV в качестве короля Ливонии. Царь выдал Марию замуж за Магнуса в 1573 г. Пять лет спустя Магнус предал царя и перешел на сторону Батория. В 1583 г. он умер в бедности. Мария, все еще сохраняющая титул королевы Ливонии, оставалась в Польше.[432]

Советники царя Федора решили пригласить Марию с ее девятилетней дочерью в Москву. Приглашение необходимо было хранить в секрете от польско-литовского правительства, поскольку никому из московитов не позволили бы с ней встретиться. Поэтому в августе 1585 г. Борис Годунов поручил представителю британско-русской компании Джерому Горсею, который собирался отбыть в Англию, посетить Марию, передать ей приглашение царя Федора и убедить ее согласиться приехать в Москву, для чего будут сделаны все необходимые приготовления. Из Данцига Горсей послал к царю Федору и Борису Годунову гонца с необходимой информацией, и некоторое время спустя побег Марии из Риги был организован. Вскоре после ее приезда в Москву Марию поместили в монастырь недалеко от Троицкой Лавры и вынудили постричься в монахини, приняв имя Марфа. Ее дочь умерла в 1588 г.[433] Таким образом Борис не позволил ей играть какую-либо политическую роль при дворе царя Федора или среди бояр.

Еще одной тревожащей проблемой для правительства Федора являлся вопрос о политическом статусе великого князя тверского, Симеона Бекбулатовича. Великое княжество Тверское, восстановленное царем Иваном в 1577 г., было не только исторической аномалией, но и потенциальной угрозой единству Московского царства.

При жизни царя Ивана IV Симеон, хотя официально и был суверенным правителем, фактически являлся зависимым князем (служилым князем) Ивана IV. Эта зависимость, однако, держалась на личной верности Симеона Ивану. В будущем ситуация могла измениться. Симеон имел сыновей, следовательно, существовала возможность учреждения новой тверской княжеской династии, которую нельзя было сбрасывать со счетов.

Для устранения подобной возможности правительство Федора потребовало, чтобы Симеон официально объявил себя подданным царя Федора — в политических терминах Московии его *холопом*. Не имея никаких политических амбиций, Симеон согласился и начал называть себя так в своих посланиях Федору.[434]

Во внутренней политике лидеры правительства Федора должны были решать те же неотложные вопросы, что стояли перед ними, как советниками Ивана IV, и в предыдущие годы. Государственную казну необходимо было пополнять. Военнослужащих дворянской армии нужно было снабжать поместьями и работниками. Напомним, что еще с начала царствования Ивана IV московское правительство пыталось получить дополнительные деньги и земли от церквей и монастырей. Церковный Собор 1580 г. согласился сделать некоторые уступки государству.

В июле 1584 г. был созван другой церковный Собор с целью ограничить расширение церковных и монастырских землевладений и передать некоторые из них в распоряжение царя. Собор подтвердил решения, принятые в 1580 г., и вдобавок аннулировал так называемые тарханы, налоговые льготы духовенства.[435]

Идя навстречу требованиям военнослужащих дворян, правительство Федора вынуждено было продолжать принимать меры к обеспечению дворянских поместий работниками, и поэтому продолжало политику временного ограничения свободы крестьян. Известно, что 1581-1586, 1590-1592, 1594 и 1596 гг. были заповедными, то есть в течение этих лет крестьяне-арендаторы не имели права покидать поместья, в которых они работали. Возможно, что все годы до 1600-го являлись заповедными, хотя документальных свидетельств этого до сих пор не обнаружено.

Крестьяне-арендаторы, покинувшие хозяйские поместья в заповедные годы, считались *беглыми* и в случае поимки силой возвращались на прежнее место жительства. Таким образом начал обретать

форму административный механизм поддержания нарождающегося крепостного права. К 1592 г. работа над новыми земельными кадастровыми книгами, которая началась в 1581 г., была закончена, и эти списки помогали устанавливать личности крестьян, живущих в поместьях землевладельцев.

Очень скоро московские власти начали получать жалобы от землевладельцев, чьи арендаторы сбежали в заповедные годы. Помещики требовали, чтобы администрация приняла шаги к возвращению беглых. 24 ноября 1597 г. царь Федор по совету Бориса Годунова издал указ, в котором правительство предписывало судьям не рассматривать жалобы помещиков по поводу побегов, случившихся до 1592 г., но принимать меры по сыску бежавших после 1592 г.[436] Однако за семь месяцев до подписания этого законодательного акта вышел указ о *кабале*, по которому работник терял право освободиться от зависимости, выплатив взятое в долг, и обязывался служить своему хозяину (за проценты займа) до его смерти. После смерти господина кабальный человек автоматически получал свободу. Людей, служивших на тот момент добровольно без кабалы и отказывавшихся связать себя кабальным обязательством, следовало сместить, если они поступили на службу менее чем за полгода до нового указа. Ели же они уже служили более полугода, то считались кабальными холопами.[437]

Правительство царя Федора недолго сохраняло единство. В августе 1584 г. "ключевой человек" регентского совета, Н.Р. Юрьев, тяжело заболел (очевидно, был парализован). Он скончался весной 1585 г. Старший боярин, князь И. Ф. Мстиславский, попытался захватить власть и вывести друга Юрьева, Бориса Годунова, из совета. Интрига Мстиславского не удалась, он был сослан в Кириллов монастырь и вынужден принять постриг. Его сын, князь Федор Иванович Мстиславский, заменил его на посту старшего члена (*первосоветника*) Боярской Думы[438].

Борис Годунов, со своей стороны, использовал падение И.Ф. Мстиславского как повод, чтобы лишить его зятя, Симеона Бекбулатовича, титула великого князя тверского и вместе с тем упразднить это великое княжество. Симеону было оставлено только его основное земельное владение, Кушалино, куда его и выслали. Упразднение Великого княжества Тверского диктовалось интересами государства, но сам Симеон, его друзья и родственники считали это результатом происков Бориса Годунова.

И действительно, после этих событий влияние Бориса Годунова на ход государственных дел значительно возросло. Его друзья и сторонники сравнивали положение Бориса в правительстве Федора с положением Алексея Адашева в первое десятилетие правления царя Ивана IV. Даже польским и литовским владыкам, пристально следившим за развитием политики Московии, скоро стало известно об этом.

В разговоре с московским послом к императору Рудольфу, во время его путешествия в Прагу через Польшу, архиепископ Станислав Карнковский, примас Гнезно, с большим уважением отозвался о Борисе Годунове, *"втором Алексее Адашеве"*. Посол, Лука Новосильцев, ответил: *"Алексей был мудрым человеком, а Борис еще мудрее"*.[139]

Однако возвышению Бориса Годунова бросил вызов род князей Шуйских, самым популярным в котором был тогда князь Иван Петрович, защитник Пскова. В борьбе с Борисом Шуйские нашли значительную поддержку у московских купцов, которые возражали против привилегий, пожалованных Борисом иностранным купцам. Митрополит Дионисий тоже оказался готов поддержать оппозицию Борису: Дионисий не любил Бориса за его политику ограничения роста церковных и монастырских землевладений и дружбу с иностранцами.

Шуйские и их последователи направили свои действия не непосредственно против Бориса, а против его сестры, царицы Ирины. Они полагали, что сила Бориса при дворе Федора строится на том, что он брат царицы. К тому моменту Ирина не имела от Федора детей. Шуйские потребовали, чтобы для продолжения династии Федор развелся с Ириной и взял другую супругу. Слабым пунктом этого плана являлось то, что Ирина не была бесплодной. Она перенесла несколько выкидышей (позже, в 1592 г., родила дочь).

Несмотря на это, митрополит Дионисий и Шуйские подали челобитную, в которой просили царя развестись с Ириной, и организовали уличную демонстрацию в поддержку своего прошения. Они жестоко просчитались. Хотя Федор и был слабовольным, он очень любил Ирину, а его нравственная интуиция угадывала за заботой Шуйских о государстве личный интерес. Действия митрополита Дионисия и Шуйских глубоко оскорбили его, и он поручил Борису и другим своим помощникам расправиться с оппозицией.

Митрополит Дионисий вынужден был оставить свой пост. Князя Андрея Ивановича Шуйского сослали Каргополь, а Ивана Петровича — в Белоозеро. Нескольких зачинщиков уличной демонстрации

казнили. Однако в опалу попал не весь род Шуйских. Просто теперь наиболее влиятельным среди них стал изворотливый князь Василий Иванович (брат Андрея Ивановича).[440]

Крушение замысла Шуйских укрепило власть Бориса Годунова. Теперь он фактически стал правителем Руси. Это выражалось в сложном титуле, присвоенном ему царем Федором в 1591 г. Он звучал: *"Зять великого государя, управитель, слуга и конюший, боярин и дворцовый воевода, содержатель царств Казанского и Астраханского"*.

По решению Боярской Думы, принятому в присутствии царя Федора, Борис получил право вести официальную переписку с иностранными правительствами. Зарубежные послы после аудиенции у царя Федора должны были впредь отдавать дань уважения Борису в его дворце, где официальные обеды устраивались не менее щедро, чем у царя.[441]

III

После отставки митрополита Дионисия совет епископов избрал в качестве его преемника архиепископа ростовского Иова. Нет никакого сомнения, что он был кандидатом Бориса Годунова. Иов родился в семье старицких *посадских* (крещен Иоанном), принял монашество в Старицком монастыре. В 1571 г. его назначили настоятелем Симонова монастыря в Москве.

Иов был человеком истинной веры и высоких моральных качеств. Мягкий, человечный и милосердный, он часто жертвовал деньги церквам и бедным. Когда он умер, в его кошельке обнаружили только пятнадцать рублей. Имея в высшей степени артистическую натуру и прекрасный голос, он прославился вдохновенным исполнением церковных служб. В религиозной политике Иов был последователем митрополита Макария и его учеников. Он продолжил программу Макария по канонизации русских святых и верил в "гармонию" церкви с государством.

Было бы логично, если бы после того, как великий князь московский короновался царем, глава Русской церкви получил сан патриарха по византийской модели. Однако во второй половине царствования царя Ивана IV подобный план осуществить было невозможно. Но обстоятельства изменились, и московское духовенство, а также миряне, которых вдохновляла идея гармонии церкви и государства как основы православного царства, начали обдумывать возможность учрежде-

ния на Руси патриаршества. Во главе этого движения встали митрополит Иов и фактический правитель царства Борис Годунов.

Задача была деликатной. С 1448 г. Русская церковь являлась автокефальной, но ее возвышение до патриархии требовало согласия четырех православных патриархов: константинопольского (в чьем ведении находилась Русская церковь до 1488 г.), александрийского, иерусалимского и антиохийского.

Несколько греческих духовных лиц посещали Москву в правление Василия III и царя Ивана IV. Они искали денежной поддержки для обнищавшей и угнетаемой Православной церкви в Оттоманской империи и пытались убедить московское правительство ходатайствовать перед турецкими властями за православные церкви в Турции.

В 1586 г. Москву впервые посетил православный патриарх, Иоаким Антиохийский. Митрополит Дионисий принял гостя с высокомерием, однако Борис Годунов имел с ним беседу и, по-видимому, упомянул о желании царя Федора учредить в Москве патриаршество. Перед отъездом Иоаким получил подобающее вспоможение.

Два года спустя патриарх Иеремия II Константинопольский прибыл в Польшу и Литву для инспекции дел в Западнорусской православной церкви (канонически, в то время, епархии константинопольской патриархии).[442] В июне 1588 г. Иеремия неожиданно решил отправиться в Москву, чтобы получить пожертвования и обсудить с московскими властями положение Православной церкви в Западной Руси. Он не известил Москву о своем предстоящем визите. Иеремия появился в Смоленске 24 июля и въехал в Москву 13 июля. 21 июля царь Федор дал ему торжественную аудиенцию.

В Москве ожидали, что Иеремия будет говорить об учреждении русского патриархата. Был ли он посвящен в этот план патриархом антиохийским или нет — неясно. Борис Годунов не хотел обсуждать эту тему с Иеремией, но все-таки предложил ему остаться в Москве в качестве патриарха. Поскольку Иеремия уже имел патриарший сан, никаких возражений со стороны других патриархов быть не могло. Но, согласно религиозному канону, его назначение еще не делало саму Русь патриархией.

Русских не удовлетворило такое случайное и временное соглашение, но они в дальнейшем весьма искусно использовали согласие Иеремии остаться на Руси. Борис Годунов, который проводил переговоры от имени царя Федора, посоветовал Иеремии поселиться не

в Москве, а в старой столице, Владимире, в то время небольшом провинциальном городе. Предложение оскорбило Иеремию, он отказался и добился разрешения вернуться домой. Он согласился, однако, перед отъездом возвести в сан русского патриарха. В январе 1589 г. Собор русских епископов избрал трех кандидатов на патриарший престол (одним из них был митрополит Иов). Царь, как можно было ожидать, выбрал Иова. 26 января в Покровском соборе Иеремия торжественно возвел Иова в сан патриарха. А в мае патриарх Иеремия отправился с богатыми дарами обратно в Смоленск и Литву.[443]

Иеремия возвратился в Константинополь весной 1590 г. и созвал церковный совет, который согласился признать институт патриарха московского. В списке православных патриархов патриарх Руси получил пятый (низший) ранг (первый ранг принадлежал патриарху константинопольскому, вселенскому патриарху).

Такое положение не удовлетворило Москву, правительство потребовало пересмотра этого вопроса и присвоения Иову третьего ранга патриарха. Вопрос был опять поставлен на втором церковном Соборе в Константинополе в 1593 г. Претензию Москвы отвергли и подтвердили пятый ранг патриарха Руси. Однако Русская церковь тем не менее утвердила свой вселенский статус в православном мире.

IV

Возведение главы Русской церкви в ранг патриарха повысило статус церкви и на международной арене, и внутри страны. Это заметно подняло авторитет царя Федора, а также Бориса Годунова, который вел переговоры с патриархом Иеремией.

К этому моменту противодействие некоторых влиятельных бояр Борису ослабло, по меньшей мере внешне. Князья Ф.И. Мстиславский и В.И. Шуйский, казалось, были удовлетворены своим положением. Как и Богдан Бельский, которого призвали из Нижнего Новгорода в Москву. Тем не менее, в случае каких-либо новых осложнений или свидетельств боярской оппозиции, Борису хотел бы рассчитывать на поддержку нового патриарха.

Пока царь Федор был жив, власть Бориса казалась твердо обеспеченной. Однако, если Федор умрет бездетным, потенциальным претендентом на московский трон становился мальчик Дмитрий, князь угличский. Если бы Дмитрий стал царем, реальную власть захватили бы его родственники, Нагие, ожесточенные удалением их от двора

царя Федора и изгнанием в Углич. Они, очевидно, с ненавистью говорили о московском правительстве в присутствии Дмитрия, и по мере того, как он подрастал, ему становился понятен смысл их слов.

Согласно Авраамию Палицыну, родственники Дмитрия "сбивали его с толку" (*от ближних си смущаему*), с сожалением нашептывая ему, что он выслан из Москвы. Мальчик в результате проникся неприязнью к советникам царя Федора, более всех к Борису, и начал проявлять свои чувства в "в высшей степени неподобающей манере" (*глаголет и действует нелепая*)[444].

Немец Конрад Буссов, проживший в Москве одиннадцать лет (с 1601 по 1611 г.), рассказывает, что с детства у Дмитрия проявлялись черты жестокого характера его отца. Однажды зимой он приказал своим товарищам по играм слепить снеговиков и, представляя эти фигуры ведущими московскими князьями и боярами, принялся рубить им головы, руки или ноги, приговаривая: *"Вот, что я им сделаю, когда стану царем"*.[445] Подобные истории, вне всякого сомнения, передавались правительственными шпионами в Москву.

В то время как Нагие ругали московское правительство, их преследовал страх, что агенты Москвы попытаются убить царевича Дмитрия.[446]

Подозрения Нагих в конце концов сосредоточились на дьяке Михаиле Битяговском, назначенном в 1590 г. инспектором финансового управления Угличского княжества и контролером дворцовых владений. По условиям назначения Битяговский контролировал выплату Нагим денежного содержания, что приводило к постоянным стычкам между ними и чиновником. Михаил Федорович Нагой, в частности, был неудовлетворен размером своего содержания и требовал у Битяговского дополнительных денег, а тот отказывался их выплачивать без специального распоряжения царя, в связи с чем отношения между ними сильно накалились.

Строго говоря, Нагим не нравилось вмешательство московского правительства в управление Угличем. Время независимости удельных княжеств (Углич оставался последним из них) закончилось. Углич должен был нести свою долю государственных тягот, таких, как набор рекрутов (*посоха*), рабочих рук и доставка провианта для армии. За это отвечал *городовой приказчик*. Война со Швецией, начавшаяся в 1590 г., потребовала привлечения в армию новых солдат. Владения Нагих не освобождались от посохи, однако они, особенно Михаил Нагой, не желали поставлять своих людей. Битяговский

выговорил ему за пренебрежение к своему долгу, что добавило масла в огонь ненависти Михаила Нагого.

Раздраженные вмешательством Москвы в их дела и уверенные в дурных намерениях правительства Федора в отношении Дмитрия, Нагие начали организовывать заговор. От своих соглядатаев Битяговский знал, что Нагие покровительствуют разным ворожеям, от которых пытаются получить предсказания о том, как долго будут жить царь Федор и царица Ирина. Битяговский постоянно упрекал Михаила Нагого в подобном неумеренном любопытстве.

Битяговский, очевидно, подозревал, что за встречами с гадалками кроется нечто более серьезное, но не знал, что именно. Из последующих событий ясно, что к концу 1590 г. план действий Нагих был готов, и с помощью гадалок (некоторые из них могли участвовать в заговоре) они, по всей вероятности, хотели определить подходящий момент для выступления.

Нагие, судя по всему, считали, что напряженная международная обстановка скоро предоставит им удобный случай начать бунт внутри Руси. В феврале 1590 г. Москва заключила со Швецией перемирие сроком на один год. В мае 1591 г. стало ясно, что война со Швецией неизбежна (она началась в июне). Шведы скоординировали свои планы с планами крымского хана, который с весны 1591 г. готовился к мощной кампании против Москвы.

В этих обстоятельствах в Угличе произошло трагическое событие, лишившее Нагих их козырной карты.[447]

Царевич Дмитрий страдал эпилепсией, с ним случались исключительно жестокие припадки. В субботу, 15 мая 1591 г., примерно в полдень, Дмитрий забавлялся у дворца с четырьмя другими мальчиками, его обычными партнерами, игрой в ножики (*тычкой*)[448]. Как потом показывала нянька следственной комиссии, присланной из Москвы, с Дмитрием неожиданно случился сильный эпилептический припадок. *"И он закололся ножом, и она взяла его на руки, и он отошел у нее на руках"*. Мальчики подтвердили ее слова.

Ни царицы Марии, ни ее братьев, когда произошел несчастный случай, рядом с Дмитрием не было; они выбежали из своих покоев, услышав со двора крики. Нагие так долго жили в страхе перед возможным убийством царевича московскими людьми, что ни на минуту не усомнились, что это дело рук Битяговского. Михаилу Нагому представился случай свести с дьяком счеты. Михаил даже высказал подозрения

относительно трех юношей (в том числе сына Битяговского), хотя ни одного из них не видели во дворе в момент смерти Дмитрия.

Но не только о наказании Битяговского подумал тогда Михаил Нагой в этот момент. В отчаянии он решил, что час выступления пробил, и распространил слух об убийстве царевича. Последовало всеобщее смятение. В церкви Спасителя ударили в набат, не успев дождаться приказания Михаила.

Мятеж начался. Разъяренные люди растерзали Битяговского и его сына. Большинство жителей Углича не любили Битяговского за твердость, которую он проявлял при сборе налогов. Посошники, свезенные в Углич, были обозлены и тоже присоединились к бунту. Приказ Битяговского и его дом, а также дома некоторых других правительственных чиновников толпа разграбила дочиста. Многие зажиточные горожане были запуганы и бежали из города. Некоторых из них мятежники взяли под стражу.[149]

Нагие, разумеется, понимали, что не смогут удержать Углич, если Москва пошлет против бунтовщиков войска. Поэтому они решили отвлечь внимание правительства от Углича решительными действиями в самой Москве. Позаботиться об этом должен был Афанасий Александрович Нагой, двоюродный брат Михаила Федоровича Нагого.

Известия о смерти Дмитрия и мятеже в Угличе достигли Москвы вечером следующего дня. Сразу же было решено отправить в Углич следственную комиссию и отряд стрельцов для подавления мятежа. Комиссию возглавил князь Василий Иванович Шуйский. Патриарх направил в качестве своего представителя митрополита Геласия. С прибытием стрельцов, а затем комиссии беспорядки в Угличе прекратились.

В задачу комиссии не входило делать какие-либо собственные заключения, она должна была только допросить свидетелей и участников событий и представить в правительство отчет о своем расследовании. Свидетели дали разные показания по поводу смерти царевича. Сведения тех, кто утверждал, что Дмитрия убили, не скрывались. Кроме расследования обстоятельств смерти Дмитрия, комиссия также собирала информацию о роли Нагих в мятеже и природе бунта горожан.[150] Следователи работали в Угличе до 30 мая и вернулись в Москву 1 июня.

24 мая Москву потрясли ужасные пожары, начавшиеся одновременно в разных частях города. Летопись, написанная после канони-

зации царевича Дмитрия, объясняла пожары Божьей карой за убийство царевича.[451] Но в действительности пожары были результатом работы поджигателей. Их главарей схватили, и они показали перед боярами, что им за это заплатили люди Афанасия Александровича Нагого, и что Афанасий разослал своих людей организовать поджоги и во многих других городах, в том числе, в Чусовой на Урале.

28 мая царь Федор отправил Максиму Строганову в Чусовую *грамоту* с извещением об опасности и приказанием принять все меры предосторожности для предотвращения поджогов.[452] Подобные грамоты, по всей вероятности, были разосланы и в несколько других городов.

Правительство, таким образом, столкнулось с двумя проявлениями изменнической деятельности Нагих: открытым мятежом в Угличе и поджогами, или попыткой поджогов, в Москве и других городах.

2 июня комиссия представила царю свой отчет, царь передал его патриарху и собору епископов. Епископы решили, что смерть царевича — деяние Божие, а Михаил Нагой и посадские Углича виновны в пролитии невинной крови и заслуживают наказания. Выбор наказания оставили за светскими властями.

Мать Дмитрия, царица Мария, приняла постриг под именем Марфы и была отправлена в монастырь близ Белоозера.

Никого из Нагих не казнили. Троих (Михаила Федоровича, его отца Федора Федоровича и двоюродного брата Михаила, Андрея Александровича) сослали в отдаленные города и заключили в темницу. Их собственность конфисковали. Такому же наказанию, по всей видимости, подвергся и Афанасий Александрович.

Углицких посадских, принимавших активное участие в мятеже, выслали в Сибирь на поселение в недавно основанном городе Пелыме. Наказание в этом случае содействовало проекту колонизации Сибири.

V

Подавив выступление Нагих, московское правительство должно было принять необходимые меры для защиты от надвигающегося нашествия крымского хана Казы-Гирея. Татар поддерживали Малые ногайцы (жившие тогда на Северном Кавказе между Кубанью и Нижним Доном).

Одновременно на северо-западе ожидали нападения шведов, и значительное количество русских войск необходимо было держать

там. Поскольку вооруженные силы русских были, таким образом, разделены между двумя фронтами, армия, выставленная против Казы-Гирея, была недостаточно многочисленной, чтобы справиться на открытой местности с татарами.

Поэтому весьма реальной была опасность того, что Кази-Гирей дойдет до Москвы, как в 1571 г. Девлет-Гирей. Катастрофа того года — сожжение татарами Москвы — еще не стерлась из памяти. Была проведена серьезная подготовка, чтобы предотвратить повторение несчастья двадцатилетней давности. Напомним, что 24 мая часть города пострадала от пожаров и, возможно, была еще не полностью восстановлена.

Правительство решило разместить передовые отряды войска в Серпухове и укрепить подходы к самой Москве. На недавно законченной стене (*Белом Каменном городе*), окружавшей основную часть города (*большой посад*), установили пушки. Для защиты внешних посадов, вокруг них возвели деревянные стены. Чтобы предотвратить проникновение татар с юга через Замоскворечье (в излучине реки Москвы) к Кремлю[453], построили деревянную башню иа колесах и оснастили ее легкими полевыми пушками[454].

Царь Федор назначил первым воеводой Большого полка князя Федора Мстиславского, а вторым — Бориса Годунова. Кроме того, под их командованием создали военный совет из пяти военачальников, включая Богдана Бельского.[455] Фактическим главой совета являлся Борис Годунов, главным военным экспертом — Богдан Бельский.

Чтобы поднять дух и религиозные чувства московитов, царь Федор и патриарх Иов напомнили им о благословении, данном св. Сергием в 1380 г. великому князю Дмитрию на борьбу против хана Мамая, и о его последующей победе на Куликовом поле на Дону (после чего князя Дмитрия стали называть Донским).[456] Для увековечения этого события была тогда написана икона Божьей Матери, которую Дмитрий Донской по традиции передал в Благовещенский собор в Москве.[457]. Она стала известна, как икона Донской Божьей Матери.

Во время напряженного ожидания татарского нашествия царь Федор и патриарх Иов призвали народ молиться перед этой почитаемой иконой, а также перед ликом св. Сергия.

4 июля хан и его татары подошли к Москве. Их встретили пушечные залпы с городских стен и башен. В излучине Москвы-реки русские, под защитой передвижной башни, отбили все атаки татар.

Татары не предполагали, что Москва так хорошо укреплена, и не ожидали встретиться со столь мощным сопротивлением. Не сумев взять Москву штурмом с одного удара и понеся огромные потери, они упали духом. Кроме того, через своих шпионов они узнали, что к Москве движутся дополнительные войска русских. Ночью хан дал приказ отступать. Русская конница преследовала его до самой Оки. Москва была спасена.

Это оказалось последним крупным набегом крымских татар во время царствования Федора.

В следующем году царь Федор повелел построить монастырь на том месте, где во время сражения выдержала атаку передвижная башня. Была выполнена копия иконы Донской Божьей Матери, которую поместили в монастырской церкви. Этот монастырь стал известен под названием Донской.[156]

Победа над татарами позволила московскому правительству сконцентрировать внимание на угрозе со стороны шведов. Целью Москвы в войне со Швецией было вернуть не только древнюю русскую территорию Ингрию (с городами Ивангород и Копорье), отданную шведам в 1583 г., но и Нарву, находившуюся во владении русских с 1558 по 1583 г. и ставшую за то время оживленным торговым портом.

В январе 1590 г. русские вновь захватили Ингрию, но не смогли взять штурмом Нарву. Война возобновилась в 1591 г. и продолжалась два года без решающих результатов. В 1593 г. было заключено перемирие, по которому Нарва осталась за Швецией. Московскому правительству стало ясно, что понадобятся большие усилия, чтобы вернуть этот порт. Продолжение войны означало бы вовлечение этот конфликт Литвы и Польши. Борис Годунов считал, что нужно пойти на компромисс.

16 мая 1595 г. Москва и Швеция подписали договор о "вечном мире". Шведы согласились уступить Руси Ингрию, но оставили за собой Нарву[159] и поэтому праздновали этот договор, как свой большой успех. Москва тоже была удовлетворена договором, поскольку возвращение Ивангорода и Копорья закрепляло ее позиции в устье реки Невы.

Шведы не смогли в полной мере использовать Нарву в качестве торгового порта, и поток товаров через этот город быстро сократился. Для Руси большее значение, чем прежде, приобрел северный торговый путь через Белое море.

До 1584 г. монополию на торговлю с Московией по северному пути держали английские купцы, но в тот год их позиции сильно поколебал провал миссии Джерома Боуса.

После того, как Борис Годунов подготовил почву для восстановления дружественных отношений с Англией через нового представителя Русской Компании Джерома Горсея, царь Федор вновь пожаловал Московской компании в 1586 г. привилегию, освобождавшую английских купцов от уплаты таможенных пошлин. Но требование англичан получить торговую монополию на северном пути было отклонено. Им также отказали в праве торговать в Казани и Астрахани (и свободном проезде в Персию).[460] Привилегия 1586 г. была подтверждена в 1596 и вновь в 1598 г. после того, как царем избрали Бориса Годунова.

Отношения с Польшей представляли собой самую сложную из стоявших перед дипломатией Московии в начале царствования царя Федора проблем.[461] Короля Батория не остановило русско-польское перемирие 1582 г., и он готовился к новой войне с Московией. В его грандиозном плане покорение Москвы являлось только прелюдией к войне против Оттоманской империи и завоеванию Константинополя. Планы Батория обсуждались Поссевино с папой Сикстом V, который отнесся к ним доброжелательно.

Канцлер Ян Замойский одобрил планы Батория, но большая часть польских и литовских магнатов и дворян (*шляхты*) устала от дорогостоящих войн и была против новых рискованных предприятий. Московские дипломаты, зная об этих внутренних проблемах Польши, пытались избежать, или, по меньшей мере, отодвинуть войну, продолжая переговоры. В феврале 1585 г. Баторий потребовал передать Польше Смоленск, Северскую Землю, Новгород и Псков. Москва рискнула отклонить это требование. Баторий согласился продлить перемирие еще на два года.

В 1586 г. он направил в Москву нового посла, Михаила Гарабурду, с предложением династического союза между Москвой и Речью Посполитой. Способ реализации объединения зависел от того, кто из двух правителей умрет первым. В случае, если Баторий умрет раньше Федора, последний станет королем Польши и великим князем литовским (оставаясь царем Московии). В противном случае Баторий примет корону Московского царства, оставаясь королем Польши и великим князем литовским.

По сути дела, некоторые польские и литовские магнаты полагали, что даже если судьба сделает Федора главой тройственного союза, это пойдет на пользу Польше и Литве, поскольку московские бояре оценят и примут конституционные привилегии польской и литовской аристократии, будут готовы ввести такие же конституционные формы на Руси и, таким образом, подпадут под влияние своих литовских собратьев.

Московские бояре заявили, что непристойно вести торг о том, как распределятся роли после смерти одного из владык при своем живом царе и отказались обсуждать предложенную схему. Гарабурда тогда предложил организовать на границе встречу польско-литовских и русских полномочных представителей для переговоров об условиях вечного мира. Бояре согласились только на то, чтобы направить к Баторию посольство для продление перемирия. Переговоры закончились продлением перемирия еще на два месяца, но до истечения его срока действия, 2 декабря (12 декабря по новому стилю) 1586 г., после непродолжительной болезни Баторий скончался.

В междуцарствие, последовавшее за смертью Батория, как и в период с 1572 до 1576 г., образовалось несколько групп польских магнатов, каждая из которых поддерживала собственного кандидата на выборах нового короля. Одним из кандидатов был царь Федор, другим — эрцгерцог Максимилиан (брат императора Рудольфа). Избрали (1587 г.) шведского принца Сигизмунда, сына короля Иоанна III и прямого наследника шведского престола. Его мать, Екатерина Ягеллонка, приходилась сестрой покойному королю Польши Сигизмунду Августу и сестрой вдове Батория, Анне. Сигизмунд был истовым католиком.

Хотя канцлер Ян Замойский и поддержал кандидатуру Сигизмунда, последний после своего избрания отказался прислушиваться к Замойскому, и отношения между ними накалились. Самыми доверенными советниками Сигизмунда стали иезуиты. Сигизмунд, как до него Баторий, пытался укрепить королевскую власть, но, не обладая талантами Батория, имел еще меньше шансов на успех. Король и сейм постоянно конфликтовали. Однако в 1589 г. Сигизмунд вопреки совету Замойского утвердил указ сейма, по которому все решения стали приниматься единогласно. Это означало признание принципа так называемого *liberum veto* и послужило во многих последующих случаях серьезным препятствием для нормальной работы сейма.

В августе 1587 г., еще до избрания Сигизмунда, московскому правительству удалось заключить с Речью Посполитой пятнадцатилетнее перемирие.[462]

В Москве хорошо знали о разногласиях в польско-литовском государстве после выборов Сигизмунда и о непопулярности нового короля. Московские дипломаты в связи с этим занимали на последующих переговорах с поляками и литовцами более твердую позицию, чем могли себе позволить в правление Батория.

В отношениях с Оттоманской империей главной целью московского правительства в этот период было сохранить мир. Москва боялась нового турецкого нападения на Астрахань, а также пособничества султана крымским татарам в набегах на Русь. Турки, в свою очередь, жаловались на нападения донских казаков на владения Турции в районе Азова и грабежи торговых караванов.[463]

Чтобы подготовиться к возможной войне с Турцией, московское правительство с целью альянса против этой страны вступило в переговоры с шахом Персии. Шах Аббас Великий выразил готовность передать царю Баку и Дербент, хотя ни то, ни другое ему самому в то время не принадлежало[464].

Между Персией и Турцией, двумя воюющими между собой в Закавказье могущественными мусульманскими державами, находилась небольшая христианская Грузия. Она делилась на три маленьких царства — Кахетию (Кохети), Картли и Имеретию (Имерети), которую прочно удерживали турки. В 1586 г. Александр, царь Кахетии (восточного греческого царства), направил в Москву посольство просить царя Федора о защите.

Защиту обещали, и обмен посольствами продолжился. Эта акция спровоцировала столкновение Москвы с протурецким мусульманским государством Тарки, располагавшимся вдоль западного побережья Каспийского моря, к югу от реки Сулак (в направление Дербента). Это столкновение потребовало много сил и окончилось сокрушительным поражением русских экспедиционных войск в 1605 г. Смерть царя Бориса и последующие смуты в Московии вызвали длительный перерыв в русском вмешательстве в закавказские дела.[465]

После завоевания Казани и Астрахани Московия смогла успешнее контролировать передвижения орды Больших ногайцев. Между ветвями правящего дома ногайцев не было согласия. Некоторые мурзы были готовы признать сюзеренитет московского царя. Другие были

настроены враждебно и поддерживали восстания казанских татар и мари (черемисов), а также набеги крымских татар.

В 1587 г. ведущий мурза Больших ногайцев Урус согласился сотрудничать с русскими, а в 1600 г. (во время царствования Бориса) мурза Иштерек официально объявил себя вассалом русского царя.[466]

Обобщая вышеизложенный очерк военной и внешней политики Московии в царствование царя Федора, мы должны сказать, что в основном она была успешной и значительно улучшила международное положение царства. Нет сомнений, что политикой в целом руководил Борис Годунов. Однако Боярская Дума тоже играла активную роль в ведении иностранных дел. Глава Посольского приказа дьяк Андрей Шелкалов умело содействовал Борису. В 1594 г. Андрея заменил его брат Василий.

Тонкий польский наблюдатель неслучайно назвал Бориса "вторым Адашевым". Действительно, главные направления деятельности Бориса были те же, что у Адашева — приоритетное внимание татарской проблеме, а не балтийской, и стремление избежать войны с Польшей.

Напомним, что Адашев в конце сороковых и пятидесятых годов XYI столетия являлся одним из главных воплотителей евразийских планов правительства царя Ивана IV: покорение Казани и Астрахани привело к продвижению русских в татарский мир, открытию путей на Кавказ, побережье Каспия, в Сибирь и улучшению положения русских в борьбе против Крымского ханства.

Борис продолжил дело, начатое Адашевым. Роль Бориса Годунова в создании русской евразийской империи весьма значительна. Это было официально признано в титуле, пожалованном ему царем Федором: "содержатель царств Казанского и Астраханского". Помимо многих других обязанностей на Бориса возложили управление *Казанским приказом*, которое включало и ведение сибирскими делами.

Чтобы обеспечить русскую колонизацию на восток, юго-восток и юг, защитить русские поселения от нападений крымских татар и ногайцев, а также для контроля над казанскими татарами и мари постепенно была построена сеть укрепленных городов. Эта система следовала плану, разработанному князем Михаилом Воротынским в 1571 г.

Важнейшими из новых городов на Средней Волге и в районе Нижней Камы стали Санчурск (построен в 1585 г.), Самара (1586 г.), Уфа в Башкирии (1586 г.), Царицын (1588 г.) и Саратов (1590 г.). На юге —

Ливны и построенный в 1586 г. Воронеж, Елец (1592 г.), Кромы (1595 г.) и Курск (старый город, восстановлен и укреплен в 1597 г.).[467] Возведение новых городов в Сибири, как отмечалось раньше, было частью той же программы, равно как и строительство (или обновление) Терского города (1588 г.) и Сунженского острога (1590 г.) в восточной части Северного Кавказа.[468]

При формировании гарнизонов этих городов правительство использовало два пути: перевод части гарнизона из старых городов — *стрельцов, пушкарей* (артиллеристов), *служилых казаков* (казаков, состоящих на государственной службе) и набор добровольцев среди независимых казаков и свободных неприкрепленных людей (*гуляющие люди*) разного рода. Это увеличивало ряды служилых казаков. Военнослужащие получали жалованье и земельные наделы. Постепенно в эти города пришли купцы и ремесленники, в непосредственной близости от них поселились крестьяне. Кроме возделывания земли для себя, люди должны были обрабатывать определенную часть земли для государственных зерновых запасов (*государственная десятинная пашня*).[469]

Только некоторые донские казаки поступили на русскую службу и стали *служилыми казаками*, основная же их часть в районе Нижнего Дона и Нижнего Донца оставалась независимой. Они по-своему защищали интересы русского народа и русского государства в борьбе против крымских татар, ногайцев и турок, однако отказывались подчиняться приказам царя и часто подвергали опасности отношения Москвы с Турцией, совершая набеги на турецкие владения именно тогда, когда Москва нуждалась в мире. Эта проблема вела к конфликту между Москвой и Доном.[470]

VI

В середине июня 1592 г. царица Ирина родила дочь, окрещенную Феодосией, это породило надежды, что царь Федор не умрет без наследника. Событие укрепило положение Бориса Годунова. В случае преждевременной смерти царя Федора, Борис мог бы править от имени его дочери (кроме того, нельзя было исключать возможность рождения Ириной сына). Но 25 января 1594 г. малолетняя царевна умерла. Других детей не последовало. Четыре года спустя, 7 января 1598 г., царь Федор скончался.

Перед смертью он "передал скипетр царства" царице Ирине. Боярская Дума в присутствии патриарха Иова и епископов присягнула

на верность Ирине.[471] Народ в Москве и повсеместно признал ее власть. Однако Ирина отказалась от трона. Она постриглась в монахини и удалилась в Новодевичий монастырь. Патриарх Иов временно принял на себя верховную власть.

Некоторые бояре желали объявить временным правительством Московии Боярскую Думу. Патриарх же, епископы и другие бояре просили Александру (монашеское имя Ирины) сохранить за собой титул царицы и передать фактическую власть своему брату Борису. Ни Александра, ни Борис не пошли на это.

Борис прекрасно понимал, что для того, чтобы быть признанным нацией в качестве правителя, ему необходимы более серьезные основания, чем просто благословение сестры. Нового царя нужно было избрать. Некоторые влиятельные бояре считали Боярскую Думу достаточно компетентным институтом для выборов царя. Но чтобы быть избранным Боярской Думой, Борису пришлось бы пожаловать этому органу часть конституционных полномочий, ограничивающих царскую власть. Кроме того, избрание Боярской Думой вряд ли было бы достаточно авторитетно. Единственным способом выбрать нового царя, которого признал бы весь народ, было созвать национальное собрание (*земский Собор*).

Как регент, патриарх Иов немедленно начал подготовку. На корону было три претендента: Борис Годунов, фактический правитель царства в последнее десятилетие царствования царя Федора; князь Федор Мстиславский, старший член Боярской Думы; и боярин Федор Никитич Романов. Существуют свидетельства, что в числе кандидатов был и Богдан Бельский.

Кроме Бельского, все кандидаты могли заявлять об определенной степени родства с покойным царем Федором. Бабушка Ф. И. Мстиславского приходилась двоюродной сестрой царю Ивану IV. Ф. Н. Романов был двоюродным братом царя Федора. Борис Годунов являлся шурином Федора. На этих выборах, устанавливающих новую династию, любая связь с династией пресекшейся могла психологически помочь кандидату. Поэтому Бельский вряд ли имел какие-либо шансы на избрание. Мстиславский же уступал в популярности Федору Романову (родился примерно в 1554 г.), общительному, умному и честолюбивому человеку сильной воли, в юности считавшемуся самым блестящим "денди" Москвы.

Выбор, таким образом, свелся к двум кандидатурам — Бориса Годунова и Федора Романова. Положение Бориса было много прочнее, поскольку он уже несколько лет находился на вершине власти и был известен как опытный и одаренный правитель. Многим казалось надежнее не менять установившегося порядка. Кроме того, Борис имел больше, чем Федор Романов, сторонников среди дворян и располагал, благодаря представителям верной ему администрации, большим количеством сборщиков голосов.

Официально Борис вообще не принимал участия в предвыборной кампании. На него работали его родственники и друзья. Он удалился в келью на территории Новодевичьего монастыря и дал знать патриарху, что не примет трон. Он шел на риск, но ему хотелось поставить себя выше политической борьбы, в положение незаменимого лидера, которого нация должна признать без какой-либо агитации с его стороны.

Атмосфера в Москве накалилась. Андрей Сапега, литовский *староста* Орши, города у московской границы в направление Смоленска, получил информацию от своих соглядатаев, что большая часть бояр поддерживает кандидатуру Федора Романова, но большинство дворян, стрельцов и посадских за Бориса Годунова.[472]

Выборный Собор собрался 17 февраля 1598 года. Он был созван по тем же правилам, что и Собор 1566 г., и состоял из представителей тех же четырех групп: духовенства, бояр и чиновников высшей администрации, армейских военачальников, купцов и посадских. Единственным нововведением стал допуск к участию в голосовании не только дворянских военачальников, но и стрелецких *сотников*. По Ключевскому, общее количество представителей составляло 512 человек.[473]

Ни за кого из кандидатов официально не голосовали. Когда патриарх Иов с удовлетворением обнаружил, что подавляющее большинство выступает за Бориса Годунова, он убедил остальных принять Бориса в качестве царя, чтобы добиться единогласного голосования. Так и было зафиксировано.[474]

Когда Бориса известили об избрании, он отказался принять трон. Как он, по-видимому, конфиденциально объяснил патриарху, ему хотелось получить особые гарантии того, что его не только избрали царем, но и признали как основателя новой династии. Напомним, что в Речи Посполитой королевский трон не наследовался. Московские бояре прекрасно знали об этом, и некоторые могли желать введения

подобного принципа в Московии. Борис хотел, чтобы избрание Собором подтвердил народ в целом.

18 февраля патриарх Иов созвал в Успенском соборе новое заседание выборного Собора. На этом Соборе было решено считать изменником каждого московита, который признает своим государем любого другого человека, кроме Бориса, его сына Федора и их потомков. Каждый московит, знающий о таком изменнике, должен был разоблачить его перед патриархом и Собором. Патриарх должен был отлучить его от церкви и передать на суд светским властям.

Кроме того, Собор одобрил предложение патриарха членам Собора и всем людям московским пойти в понедельник, 20 февраля (это был первый день Великого поста) процессией в Новодевичий монастырь, чтобы просить царицу Александру убедить брата принять трон и стать царем. Это было сделано, но и Александра, и Борис отказались. На следующий день процессия явилась к Новодевичьему монастырю в еще большем количестве. На этот раз Александра дала согласие просить брата взойти на престол, и он удовлетворил ее просьбу.

Такова суть истории, изложенной цветистым стилем (вероятно патриархом Иовом) в грамоте об избрании и восшествии на трон царя Бориса, датированной 1 августа 1598 г.[475]

Политическое значение событий 20-21 февраля (с точки зрения патриарха Иова, Бориса и его сторонников) заключалось в том, что власть Бориса как царя основывалась не только на решении Собора, но и на воле народа Москвы.[476]

26 февраля патриарх, духовенство и народ ввели царя Бориса в Успенский собор для благодарственного молебна. После чего Борис возвратился в свою келью в Новодевичьем монастыре и провел там Великий пост и Пасху. Только 30 апреля он поселился в царском дворце. Но коронацию, согласно его желанию, отложили на 1 сентября. Собор продолжал свою работу до этой даты.

1 апреля, когда Борис еще находился в Новодевичьем монастыре, от донских казаков пришло известие, что крымский хан Казы-Гирей закончил подготовку к широкомасштабному походу на Московию.

Борис немедленно отдал приказ о сборе войска на берегу Оки. 20 апреля донские казаки доложили, что передовые части татар атаковали русские пограничные отряды. Борис решил лично возглавить армию и 2 мая выехал из Москвы в Серпухов, где разместил свою ставку.[477]

Царицы, монахиня Александра и супруга Бориса Мария, а также царевич Федор остались в Москве. Ответственными за безопасность столицы были назначены несколько бояр и высших сановников.

Полевая армия, сосредоточенная на берегах Оки, была больше всех, когда-либо собранных русскими ранее. Ее точная величина неизвестна. Число 500 тысяч, приводимое в некоторых источниках, безусловно является эпическим преувеличением. Основную часть армии составляли дворянские подразделения. Кроме них были стрельцы, артиллерия и служилые казаки. Чтобы избежать дезорганизующего эффекта тяжб армейских офицеров по поводу старшинства (*местничества*), патриарх Иов и Собор челом били Борису, чтобы он объявил службу в этой кампании свободной от правил местничества.[478] По всей вероятности, в этом случае патриарх действовал по предварительному соглашению с Борисом, который опять следовал традициям Адашева.

В качестве средства психологического воздействия на татар Борис отдал командные посты в своей армии нескольким татарским царевичам, состоящим на русской службе. Астраханский царевич Арслан Кайбулич возглавил главную армейскую группировку (*большой полк*); казахский царевич Ураз-Магомет — правую (*правая рука*); сибирский царевич Махмет-Кул — авангард (*передовой полк*).[479]

10 мая два беженца из Крыма сообщили, что хан выступил в Москву. После этого новости поступать перестали. Борис использовал временное затишье для проверки системы обороны, изучения планов новых укрепленных городов, организации флотилии на Оке и инспектирования войск. 18 июня из Ельца прибыл гонец с сообщением, что ханские послы выехали предложить мир.

Послы достигли ставки царя Бориса у Серпухова 29 июня. При приеме было сделано все, чтобы поразить их воображение силой русской армии. Мирные предложения приняли, и русские послы к хану выехали к хану. Борис затем устроил войскам роскошный пир. *"И все воины радовались и надеялись на новые милости в будущем".*[480]

После этого Борис с триумфом возвратился в Москву.

Совершенно очевидно, что своевременная концентрация русской армии на берегу Оки, о чем хан Казы-Гирей, безусловно, узнал от своих разведчиков, послужила сдерживающим средством, сделавшим татарскую кампанию против Московии слишком рискованной. Куда более заманчивыми для татар в то время являлись набеги на Молдавию, Польшу и Венгрию.[481]

Превентивная кампания царя Бориса в 1598 г. дала исключительно важные результаты для всей системы русской обороны от нападений татар. Линия обороны по берегу Оки утратила свое значение. Бастионом новой оборонительной линии для ежегодного развертывания войск, охраняющих границу, стал треугольник Мценск, Новосиль и Орел.[482]

Южнее этого треугольника построили Белгород на реке Донец и Валуйки на Осколе (1598 г.). В 1600 г. был предпринят смелый шаг вперед — возведение Царева-Борисова на Нижнем Осколе, вблизи места его впадения в Донец. Этот город находился недалеко от Крыма и мог служить не только защитой от татарских набегов, но и базой для потенциального русского похода на Крым.

О значении, придаваемом Борисом новой крепости, говорит тот факт, что он поручил его строительство такому выдающемуся военному авторитету, как Богдан Бельский. Под его командование поступили отряды служилых казаков и стрельцов; в качестве поселенцев послали посадских из старых городов. Бельский взял с собой собственный *двор*, поскольку он должен был остаться в Цареве-Борисове первым воеводой. Построенная им крепость была очень мощной.[483]

До наступления Смутного времени Татары больше не предпринимали набегов на Московию.

Власть царя Бориса казалась, наконец, твердо установленной. Но тем не менее появились опасные признаки недовольства среди бояр.

В начале июня, когда Борис еще находился в полевой армии, Андрей Сапега получил от своих шпионов информацию, что некоторые московские князья и бояре, включая Бельского и двух братьев Романовых (Федора и Александра), воспользовались отсрочкой коронации Бориса и планируют избрать вместо него царя Симеона Бекбулатовича, бывшего великого князя всея Руси (1575-1576 гг.) и великого князя тверского (1576-1585 гг.).[484]

Выбор нового кандидата можно объяснить тем, что никто из боярских конкурентов Бориса (Бельский, Федор Романов или князь Мстиславский) не получил достаточной поддержки во время предвыборной кампании. И поскольку ни один из них не желал встать в новой попытке на сторону любого другого, им необходимо было согласиться на нейтральную кандидатуру. Царь Симеон, кроме того, что по прихоти царя Ивана IV официально правил Русью в течение целого года в 1575-1576 гг., приходился шурином князю Мстиславско-

му. В 1595 г. Симеон ослеп. Принимая это во внимание, поддерживающие его бояре рассчитывали править от его имени.

О заговоре стало известно патриарху и Борису, но они предпочли обойтись без огласки. К 1 августа вышел официальный указ об избрании Бориса, по которому всем, ищущим кроме Бориса и его потомков другого царя, грозило отлучение от церкви. Указ подписали все присутствовавшие на этой сессии члены Собора, включая князя Мстиславского, Федора и Александра Романовых, а также Бориса Бельского.[485]

Бориса короновали в Успенском соборе 1 сентября. По случаю вступления на престол новый царь щедро осыпал своих подданных милостями.[486] Царевича Ураз-Магомета назначили царем Касимова.[487] Александра Романова произвели в бояре; Богдана Бельского — в *окольничии*. Оптовых купцов (*гостей*), а также некоторые другие категории купцов на два года освободили от таможенных пошлин; государственных крестьян — от налогов, а сибирские народы — на один год от ясака. Чтобы предотвратить злоупотребления владельцев вотчин и поместий по отношению к крестьянам-арендаторам, издали свод обязательств нанимателей перед хозяевами.[488] Вряд ли владельцы остались довольны этим новым законодательным актом. Патриарха Иова наградили охранной грамотой для патриаршей епархии — первоначально подобная грамота была пожалована митрополиту Афанасию царем Иваном IV.[489]

Несмотря на все эти блага, коронация не смогла положить конец тайному сопротивлению противников Бориса среди бояр. Поэтому 15 сентября была издана новая форма присяги.[490] Подписывающие должны были отказаться от смуты (подробнейший список всех возможных ее форм прилагался) и обещать верность царю Борису и царевичу Федору. Присяга включала также особую статью, касающуюся Симеона Бекбулатовича, признание которого царем, даже дружба или переписка с которым объявлялись изменой. Этот пространный документ был составлен, по всей видимости, Семеном Никитичем Годуновым, которого Борис назначил главой тайной полиции и Сыскного приказа.

Новая клятва, безусловно, нанесла престижу царя Бориса больше вреда, чем пользы. Она не могла отвратить предводителей тайной оппозиции от продолжения своей деятельности, но смутила многих верных подданных царя известием о существовании измены.

VII

В отношениях Москвы с Речью Посполитой и Швецией Борис старался извлечь пользу из конфликта между этими двумя державами.

Шведский король Иоанн III скончался в 1592 г. Его сын, польский король Сигизмунд III, получил корону Швеции, оставаясь королем Польши. Сигизмунд был истовым католиком, но в качестве короля Швеции он был должен дать клятву признать Аугсбургское исповедание как шведское государственное, не допускать в Швецию иезуитов и не нарушать шведскую конституцию.

С благословения своего иезуитского духовника Сигизмунд дал все эти обещания, но в мыслях остался при своем мнении. Поскольку он желал продолжать жить в Польше, ему пришлось назначить своего дядю Карла управляющим Швецией. Очень скоро между Карлом и Сигизмундом начались разногласия, и в 1598 г. Сигизмунд с войсками высадился в Швеции, чтобы силой сместить Карла. Тот, однако, разбил армию Сигизмунда. В 1599 г. шведский парламент сверг Сигизмунда с престола. Карл носил титул "правящего кронпринца Швеции" до его коронации в 1604 г. (впоследствии он стал известен как Карл IX). Сигизмунд отказался признать его и продолжал претендовать на шведскую корону. В 1600 г. между двумя государствами началась война, причиной которой послужили взаимные претензии по отношению к Ливонии.[491]

Борис непосредственного участия в этой войне не принимал, но искал случая вернуть Нарву и повторить эксперимент царя Ивана IV по возведению на ливонский престол вассального короля.

Именно с этим намерением Борис вспомнил об изгнанном шведском принце Густаве (сыне короля Эрика XIV), которого в 1585 г. он и царь Федор безуспешно сманивали в Москву.[492] Густав родился в 1568 г., за семь месяцев до того, как Эрика сверг с престола и заключил под стражу его младший брат Иоанн III. Некоторое время спустя Иоанн приказал одному из придворных утопить маленького Густава, однако этот план провалился, и мальчика тайно перевезли в Польшу, где его обратили в католичество. Он получил воспитание у иезуитов и, несмотря на то, что жил в нужде, проявил большие способности к наукам. Он прекрасно овладел несколькими языками, включая русский, и успешно занимался химией, из-за чего его прозвали "вторым Парацельсом".[493]

В 1599 г. Борис опять пригласил Густава в Москву, и на этот раз принц принял приглашение. Борис обещал ему в Московии удел и руку царевны Ксении. Бракосочетание не состоялось, поскольку Густав отказался принять православие и расстаться со своей дамой сердца. В удел он получил Углич, и в своем уединении продолжил заниматься химией.[494]

После венчания на царство Борис должным образом известил короля Польши Сигизмунда о своем восшествии на престол. Из-за конфликта со Швецией Речь Посполитая нуждалась в мире с Москвой. Несмотря на это, планы Стефана Батория подчинить себе Московию все еще имели много сторонников.

Из информации, собранной агентами Андрея Сапеги, в 1598 г. канцлеру Великого княжества Литовского, Льву Сапеге, стало известно об оппозиции царю Борису со стороны некоторых влиятельных бояр.

Сапега выступал за план объединения Речи Посполитой с Москвой по типу, предложенному московскому правительству литовским послом Гарабурдой в последний год правления Стефана Батория. В Речи Посполитой ожидалось, что принятие Москвой подобного плана приведет к инфильтрации поляков и литовцев в Московию.

Осенью 1600 г. король Сигизмунд выслал в Москву большое посольство во главе со Львом Сапегой. Кроме посланников, их помощников и секретарей, Сапега взял с собой четыреста человек служащих и семьсот простых слуг.[495]

Посольство прибыло в Москву 16 октября и было встречено с обычными почестями. Однако только 26 ноября Сапега и двое его коллег удостоились аудиенции у царя Бориса. В течение этих семи недель Сапега и весь его персонал содержались в предоставленной им резиденции в полной изоляции. Таковой была обычная московская практика, но эта затяжка являлась преднамеренной и имела целью продемонстрировать послам, что московское правительство не слишком спешит с переговорами. Официально посланникам объявили, что у царя приступ подагры. Сапега был в ярости.

Переговоры между Сапегой и боярами начались в первых числах декабря 1600 г. и продолжались до августа 1601 г. Одним из пунктов, вызывающих разногласия, являлся отказ послов признать царский титул Бориса (они называли его *государем* и великим князем). Со своей стороны бояре не желали признавать Сигизмунда королем Швеции.

Сапега предложил Москве "вечный мир" в форме унии Речи Посполитой с Московией.[496] По условиям унии два монарха, а также сословия их государств должны были жить в вечной братской любви. Подданные каждой державы получали право селиться, владеть землями и поступать на государственную службу в любой из них (то есть поляки и литовцы — в Московии, а русские — в Польше и Литве). Московиты, поселившиеся в Польше и Литве, имели право сохранять свою веру и строить в своих владениях православные церкви. Поляки и литовцы, которые будут жить в Московии, имели те же права относительно католической веры и храмов. Великий князь Борис должен был разрешить строить в Московии костелы для послов, наемных работников и купцов всех национальностей, исповедующих католицизм. Если Сигизмунду было суждено умереть без наследника, Речь Посполитая имела право избрать своим королем соверена Москвы; в этом случае тот подтверждал привилегии и свободы поляков и литовцев и жил бы поочередно то в Польше и Литве (два года), то в Москве (год). Если Борис умирал без наследника, Сигизмунд становился совереном Москвы. И наконец, как условие вечного мира, Смоленск и Северская Земля возвращались Польше.[497]

Московское правительство отвергло эти условия, и вместо вечного мира было заключено двадцатилетнее перемирие.

Борис-царь оказался в более уязвимом положении, чем Борис, правивший царством от имени Федора.

Как самодержец, он стоял над Боярской Думой. Последняя продолжала работать, однако Борис, не являясь больше ее членом, не мог далее влиять на ее деятельность изнутри.

Борис понимал, что несколько влиятельных членов думы являются его врагами. Некоторые, такие, как князья Шуйские, пока казались лояльными, однако не слишком надежными. Борис, таким образом, вынужден был полагаться преимущественно на своих родственников — Годуновых. Царь Иван IV в 1578 г. сделал боярином Дмитрия Ивановича Шуйского, а в 1576 г. — окольничим Степана Васильевича. По случаю коронации Бориса еще четверо Годуновых стали окольничими.

Борис мог уравновесить Боярскую Думу, сделав национальное собрание (земский Собор) постоянно действующим институтом, но, по-видимому, опасался, что этот орган будет ограничивать его власть. Огромное значение для Бориса имела поддержка патриарха Иова.

Чтобы укрепить свою династию, Борис решил найти своим детям, Ксении и Федору, иноземных супругов королевской крови. И Ксения и Федор были красивы, очень умны и по московским стандартам того времени получили прекрасное образование.

Когда не удалось отдать Ксению замуж за шведского принца Густава, Борис обратился за будущим женихом для своей дочери к Дании. Король Христиан III отнесся к этому благосклонно, как и его холостой брат Иоанн. В августе 1602 г. Иоанн прибыл в Москву, где был сердечно принят. Все, включая Ксению, прониклись к нему симпатией, но 28 октября после непродолжительной болезни он умер. Нельзя исключать вероятность того, что его отравили враги Бориса.[498]

Позже Борис искал жениха для Ксении и невесту для Федора в Грузии, но обмен посольствами с Кахетией и Картли потребовал много времени, и переговоры не были закончены до смерти Бориса.[499]

Подобно царю Ивану IV, Борис благоволил европейцам (*немцам*). Он ценил их знания и технические умения, приглашал на службу в качестве докторов, инженеров и солдат. Немецкое поселение (*Немецкая слобода*) в Москве, появившееся при царе Иване IV, продолжало расти.[500]

Европейцы, постоянно живущие в Московии, овладевали русским языком. Некоторых московское правительство принимало на службу переводчиками. Кроме того, в Москву для изучения языка часто приезжали молодые люди из западных европейских государств, ведущие дела с Русью. Известно, что в 1600 г. в Москве изучали русский язык восемнадцатилетний француз Жан Парке (Jean Parguet) и пятнадцатилетний англичанин Вильям Колер (William Koler).[501]

Борис был первым московским правителем, который не только понимал, что необходимо изучать западную науку (что было характерно и для царя Ивана IV), но и предпринял первые шаги к этому. В 1600 г. он задумал пригласить нескольких немецких ученых для организации в Москве университета. Эта идея пришлась не по вкусу духовенству, поэтому от нее пришлось отказаться.[502]

Вместо того Борис решил отправлять русских на учебу в Западную Европу. В 1602 г. в качестве эксперимента восемнадцать юношей тремя группами отправили в Любек, Францию и Англию. Никто из них не завершил своего образования до смерти Бориса, и никто не решился вернуться в Москву потом, в Смутное время.[503]

Борис был увлеченным строителем. Именно по его совету, судя по всему, царь Иван IV незадолго до своей смерти создал специальный *Приказ Каменных дел*. В правление Бориса этот приказ превратился в большую и очень активную организацию, в чьем ведении находилась обширная программа строительства крепостей, церквей, государственных учреждений и складов по всей Московии.[504]

Для воплощения этой программы в жизнь Борис пригласил из-за границы архитекторов, однако приехали единицы. Основную часть работы сделали русские. Самым выдающимся среди них был Федор Конь. Его главные работы — строительство белокаменной стены (*Белый каменный город*) вокруг города (*большого посада*) Москвы (1586-1591 гг.) и возведение каменной стены вокруг Смоленска (1597-1600 гг.). Обе крепости были шедеврами фортификационного искусства.[505]

К концу царствования царя Федора экономический кризис семидесятых и восьмидесятых годов XVI столетия был в значительной степени преодолен. Заметно увеличились площади обрабатываемых земель. В хранилищах крупных землевладельцев и монастырей скопились излишки зерна. Однако положение крестьян-арендаторов ухудшилось вследствие временного запрета крестьянам менять место жительства. Используя эту ситуацию, землевладельцы заставляли крестьян больше работать либо повышали арендную плату. [506]

Во время венчания на царство Борис ввел ограничения на требования хозяев к арендаторам, однако было сложно следить за соблюдением этого указа.

В 1601 г., из-за дождей в течение всего лета, за которыми последовали раниие заморозки, на огромной части страны погиб урожай, что привело к неслыханному голоду зимой 1601-1602 гг. Голод продолжался весь 1602 г.[507]

Цены на хлеб резко возросли, появились спекулянты. Жители Москвы и других городов первыми почувствовали это. В указе царя Бориса от 3 ноября 1601 г. отмечается, что спекулянты и их подручные, чтобы сохранить высокие цены на хлеб, не дают крестьянам из близлежащих районов доставлять излишки зерна на городской рынок.[508]

Против подобных злоупотреблений было издано несколько указов, но все они дали небольшой эффект. Чтобы предотвратить голод в Москве, Борис приказал наиболее нуждающимся выдавать зерно из дворцовых хранилищ. Выдавались также и деньги из казны.

Чтобы дать людям работу, Борис развернул в Москве обширное строительство, в частности, началось возведение водовода от Москвы-реки к Кремлю.[509]

Вести об этих нововведениях быстро распространились по всей стране, и десятки тысяч людей потянулись в столицу в поисках работы и помощи, что сделало ситуацию в столице еще более трудной. Большинство пришлых умерли от голода.[510]

Многие бояре и другие землевладельцы, чтобы избавиться от обязанности кормить всех своих *холопов*, изгоняли некоторых, объявляя их свободными. Однако эти землевладельцы не всегда снабжали выселенных свидетельствами об освобождении, чтобы иметь возможность затребовать их обратно, когда голод закончится.[511]

Борис пытался прекратить подобную практику, издав в августе 1603 г. указ, по которому все выселенные холопы теперь считались свободными и могли получить соответствующий документ в *Приказе Холопьего суда*.[512] Указ не дал серьезных результатов. Во время подобных бедствий свободный *холоп* имел небольшие шансы найти занятие, которое дало бы ему средства к существованию. На основе документа об освобождении он имел право стать холопом другого господина, однако в данном случае это было слишком трудно. Все больше людей бежало в южные пограничные районы, где уже собралось много недовольных.

Помочь страдающим старались и некоторые частные лица. О них не упоминается в официальных документах, но биография одной женщины, Улании Осорьиной, написанная ее сыном, дошла до наших дней.[513] По словам Г.П. Федотова, личность Улании демонстрирует нам, "как глубоко учение Евангелия могло проникнуть в древнерусское сознание и преобразить ее жизнь".

Улания родилась в дворянской семье в городе Муроме. В возрасте шестнадцати лет ее выдали замуж за муромского дворянина Георгия Осорьина. Еще девушкой она посвятила себя помощи нуждающимся и больным.

Во время голода 1601-1602 гг. несчастье затронуло и дом Улании. Весь скот, одежду и посуду она продала за рожь, чтобы кормить своих холопов. Она по-прежнему подавала большую милостыню, не прекратила своих обычных благодеяний, и никого из просящих помощи не отпускала с пустыми руками. [Когда не осталось ничего, она с детьми и холопами отправилась в другое свое поместье на границе

Нижнего Новгорода, где, наверное, положение было немного легче.] Когда же стало совсем туго, она отпустила своих холопов на волю, чтобы они смогли прокормить хотя бы себя. Те из них, кто был добродетелен, решили разделить страдания вместе с ней, другие же ушли, а она благословила их, ничуть не осердясь. Затем Улиания повелела оставшимся собирать гусиные лапки и древесную кору, и делала из этого хлеб, чем они все и жили. А через ее молитвы этот хлеб был сладким. Она продолжала подавать бедным, и ни один нищий не был ею обойден; нищих в то время было без числа.[514]

Улиания скончалась 10 января 1604 г.[515]

Такие бедственные условия способствовали разгулу бандитизма. С участием беглых холопов и крестьян это приняло размеры восстания. В сентябре 1603 г. большая банда недовольных, возглавляемая атаманом Хлопко, появилась в районе Москвы. Борис призвал регулярные войска под командованием способного военачальника, окольничего Ивана Федоровича Басманова. Мятеж был подавлен, но Басманов в сражении погиб. Раненого Хлопко взяли в плен и повесили.[516]

В 1604 г. урожай был хорошим и принес надежду, что экономическая ситуация быстро улучшится.

Во время великого голода Борис издал два указа, которые могли бы иметь важные последствия, если бы после смерти Бориса Россию не потрясла Смута. Эти указы (от 28 ноября 1601 г. и от 24 ноября 1602 г.) знаменовали собой окончание двух десятилетий *заповедных лет* и хотя временно и с ограничениями, но восстанавливали право крестьян-арендаторов на смену места жительства. Два года (Anno Mundi 7110 и 7111) были объявлены свободными (*выходными*). Как и прежде время перехода ограничивалось двумя неделями около Юрьева дня.[517]

В шестидесятых и семидесятых годах XVI века крестьянин мог покинуть владение хозяина по собственной инициативе или согласиться на вывоз другим хозяином, который предлагал ему более заманчивые условия, помогал материально или платил его долги. К 1580 г. случаи вывоза стали более распространенными, чем индивидуальные решения переехать (*выход*). В условиях дефицита сельскохозяйственного труда экспортеры соперничали друг с другом за крестьян-арендаторов.

В этом соревновании за рабочие руки бояре и другие состоятельные землевладельцы находились в более выгодном положении, чем

помещики-дворяне. Указы царя Бориса от 1601 и 1602 гг. были изданы преимущественно в интересах дворянства. По ним только дворянам и некоторым мелким чиновникам позволялось вывозить крестьян от других землевладельцев. Бояре и чиновники высших рангов такой привилегией не обладали. Чтобы предотвратить сопротивление бояр, не разрешалось вывозить из одного поместья больше двух крестьян.

Расширяя систему обороны от крымских татар далее на юг, Борис интенсивно использовал служилых казаков. Еще во время царствования царя Федора Борис пытался установить контроль также и над независимыми донскими казаками, но ему это не удалось. В царствование Бориса отношения Москвы с Доном стали еще более напряженными. Донские казаки расценивали строящийся Царев-Борисов как потенциальную угрозу своей независимости.[518]

VIII

Когда план противников Бориса возвести на трон царя Симеона Бекбулатовича провалился, и Борис был должным образом венчан на царство, они встали перед дилеммой: либо признать Бориса царем и сотрудничать с ним, либо найти новые средства свергнуть его. Они выбрали последнее и решили избавиться от Бориса, восстановив прежнюю династию с помощью призрака князя Дмитрия Угличского.[519]

Вдохновителем нового плана являлся, по всей вероятности, боярин Федор Никитич Романов. Его братья следовали за ним, Богдан Бельский тоже был в курсе дела. Князь Мстиславский держался в стороне.

Основным оружием в борьбе с Борисом стало распространение слухов, вносящих смятение в умы московитов. Пропагандистская кампания имела две цели: подрывать доверие народа к Борису, очерняя его личность; и отрицать его право на трон, утверждая, что царевич Дмитрий жив.

По слухам Борис совершил множество преступлений, самым злодейским из которых было убийство царевича. Некоторые из этих слухов родились, очевидно, в районе Казани-Камы и в Западной Сибири, где было много сосланных по политическим мотивам, включая Нагих.

Еще в начале 1598 г. служилый казак докладывал тобольским властям, что 17 июля того года (то есть еще до коронации Бориса) три брата Быкасовы, все сосланные боярские дети, непочтительно отзывались о Борисе: *"Представь, кого они хотят [в Москве] на царство:*

человека, который уничтожил истинный царский род, погубив в Угличе царевича Дмитрия и задушив царя Федора".[520]

В феврале 1598 г. в Москве, , распространили слухи, что царевич Дмитрий жив. Андрей Сапега докладывал литовскому гетману Кришстофу Радзивиллу, что говорят, будто Дмитрий — сын царя Ивана IV от его второй жены Марии. Андрей Сапега слышал, что Борис поддерживает молодого человека и готов признать его царем, если его самого не выберут.[521]

Информации Андрея Сапеги в полной мере доверять, безусловно, нельзя, но то, что в Москве циркулировали слухи о существовании царевича Дмитрия, потенциального претендента на царский престол, остается фактом. К 1600 г. легенда о чудесном спасении царевича Дмитрия от убийства агентами Бориса в Угличе в 1591 г. уже приняла конкретную форму и тайно распространялась в Москве противниками Бориса.[522]

Вряд ли было случайным совпадением, что именно в 1600 г. в Москву прибыло большое посольство Льва Сапеги. Идея вызвать призрак Дмитрия, по-видимому, одновременно пришла и Романовым, и Сапеге. Во время пребывания Сапеги в Москве в 1600-1601 гг., он, безусловно, имел возможность тайно встречаться с некоторыми из враждебно настроенных по отношению к Борису бояр.

К этому времени к исполнению роли Дмитрия уже подготовили некоего молодого человека. Если он был московитом, то должен был до 1600 г оказаться в Литве, поскольку существует свидетельство, что Сапега привозил его инкогнито в качестве члена своего посольства в Москву (а затем отправил обратно в Литву).[523]

Заговор Романовых не мог долго оставаться тайной для шефа полиции Бориса Семена Годунова. В качестве шпионов он использовал домашних холопов бояр, которые доносили ему о намерениях или предательской деятельности своих господ. По всей вероятности, часть подобных обвинений были ложными, однако некоторые — справедливыми.

Весной 1601 г.[524] казначей Александра Романова донес Семену Годунову на своего хозяина. Всех братьев Романовых, как и многих их родственником и друзей, взяли под стражу, обвинили в намерении извести царя колдовством и отравить, и представили на суд Боярской Думе. Приговор объявили в июне. Федора Романова и его жену заставили принять постриг (его монашеское имя Филарет, ее — Марфа). Обоих выслали в Северную Русь. Филарета изолировали в

Антониев-Сийском монастыре, а Марфу — в обители на Онеге. Став монахом, Федор-Филарет навсегда лишился возможности стать царем.

Братьев и родственников Федора сослали в различные монастыри и города Северной Руси (брата Ивана — в Пелым в Сибири). Земельные владения Романовых и большинства их сосланных друзей конфисковали. Тогда же арестовали и заключили в тюрьму Богдана Бельского.[525]

Более того, в мае 1601 г. был смещен умелый и опытный глава *Посольского Приказа* Василий Щелкалов. Его, по-видимому, заподозрили в связях либо с Романовыми, либо с Бельским, либо с теми и другим. Его заменил Афанасий Власьев, человек значительно ему уступающим.[526]

Арест и тюремное заключение Романовых и Бельского предотвратили дворцовый переворот, угрожавший Борису, но не могли предотвратить появления Лжедмитрия, поскольку машина уже была запущена.

Положение Бориса серьезно осложнилось. Боярская Дума и правящий класс Москвы понесли потери, и количество недоброжелателей Бориса быстро увеличивалось. Тем не менее некоторые титулованные бояре, князь Мстиславский и князья Шуйский и Голицын все еще оставались верными Борису. Однако ему приходилось вести себя очень осторожно, чтобы не обидеть их, и отдавать им предпочтение в армии и администрации, даже если можно было подобрать более подходящих людей.

Ситуацию усугубил великий голод 1061-1603 гг. и мятеж Хлопко в 1603 г.

Однако затем, в 1604 г., собрали богатый урожай, и трудности, казалось, были преодолены. Но к этому времени в Польше уже начал проявлять себя самозванец. 15 марта 1604 г. его принял король Сигизмунд. 16 октября во главе примерно трех тысяч польских добровольцев, украинцев и донских казаков самозванец вошел в пределы Северской земли.

Великая Смута началась.

Глава 2

СМУТНОЕ ВРЕМЯ (1605-1618 ГГ.)

1.Появление первого претендента

I

Использование самозванцев, чтобы расколоть или захватить соседний народ, было способом уже известным в Восточной Европе, особенно в польской Украине и Молдавии. В 1561 г. польский магнат из Подолии, Альберт Ласский, набрал банду украинских разбойников для поддержки греческого авантюриста Басилида, который называл себя племянником деспота Самоса. Басилиду удалось свергнуть молдавского тирана господаря Александра, и его провозгласили князем Молдавии. Однако, когда он попытался ввести в Молдавии западный образ жизни и выразил желание жениться на дочери молдавского магната протестантской веры, молдаване восстали и убили его.[1]

В 1574 г. украинские казаки пытались возвести в Молдавии на престол мнимого сына господаря Стефана VII, а три года спустя — другого самозванца, который называл себя братом предыдущего. Впоследствии король Польши Сигизмунд III запретил казакам предоставлять убежище претендентам на молдавский трон, и в 1592 г. казаки выдали одного из них полякам.[2]

Приказ Сигизмунда касался только Молдавии и казаков, и не мог помешать Сапеге начать игру с самозванцем для Московии. Однако в этом случае ставки, безусловно, были много выше.

К лету 1601 г. Лжедмитрий, по всей видимости, уже благополучно находился в Речи Посполитой, поскольку примерно в это время на

Волыни при дворе князя Константина Константиновича Острожского появился молодой странствующий монах. Князь, известный поборник Православия в Польско-Литовском Содружестве, прославился своим покровительством православным монахам и духовенству.

Пилигрим долго у Острожского не задержался и перебрался к Хойским. Гавриил Хойский был близким другом Острожского. И он, и его сын Роман активно участвовали в арианском движении в Польше и основали на Волыни две арианские школы. Будучи православным, Острожский поддерживал тесную связь с польскими арианцами и кальвинистами, поскольку православным и протестантам необходимо было поддерживать друг друга, чтобы противостоять давлению католической Контрреформации.[3]

Вскоре после прибытия к Хойским чернец сбросил монашеское одеяние и поступил в арианскую школу в Гоще.[4] Там он изучал латынь и польский. В то же время, являясь членом свиты Хойских, он имел массу возможностей познакомиться с образом жизни молодых людей при дворах польских и западнорусских магнатов, со стрельбой, верховой ездой и спортом вообще. Интеллектуальная атмосфера и в школе, и при дворе Хойских была такова, что бывший монах не мог не стать своего рода вольнодумцем.[5]

Хойские состояли в дружеских отношениях с другой украинской влиятельной семьей, князьями Вишневецкими. Летом 1603 г. молодой человек покинул Хойских и переехал в Брагин (Брагино), где стал членом свиты князя Адама Вишневецкого. При удобном случае (рассказы о нем различны) новый слуга Вишневецкого открыл хозяину свое происхождение, назвавшись сыном царя Ивана Грозного, царевичем Дмитрием.[6]

Князь Адам принял историю за чистую монету. По всей вероятности, он уже слышал о существовании претендента от Льва Сапеги. Князь Адам представил "Дмитрия" своему троюродному брату Константину, галицкому воеводе. Жена Константина Вишневецкого была дочерью Юрия Мнишека. Юрий Мнишек с энтузиазмом отнесся к известию о появлении "царевича".

Мнишек, сандомирский воевода, являлся также старостой Львова и управляющим королевского имения в Самборе, где он и жил. Он был чрезвычайно состоятелеи, однако всегда нуждался в деньгах из-за расточительного образа жизни. Его репутация довольно сомнительна. Известно, что в последние годы правления короля Сигизмунда

Августа Мнишек снискал расположение развратного и суеверного монарха, поставляя ему соблазнительных дам, а также ворожей для восстановления его ослабевающей сексуальной энергии посредством магических заклинаний и снадобий. Подозревали, что в ночь смерти короля Сигизмунда Августа (7 июля 1572 г.) Мнишек опустошил его личную казну.[7]

Когда Мнишек узнал о появлении Дмитрия, ему сразу же пришло в голову, что в покровительстве претенденту кроется великолепная возможность заполучить больше власти и денег. Его приманкой для Дмитрия стала младшая дочь, прекрасная Марина. Дмитрий влюбился в нее с первого взгляда. Марина не была сентиментальной, но была честолюбивой, и перспектива стать царицей привлекла ее.

В этих обстоятельствах претендентом заинтересовалась римско-католическая церковь. Епископ Бернард Мациежовский (кардинал с 1603 г.) оказал предприятию энергичную поддержку. Во время Брестской унии Мациежовский являлся одним из активных проводников униатской церкви и теперь был готов испытать новые возможности римско-католической экспансии на Русь.[8]

Папа Климент VIII сначала был настроен весьма скептически, но очевидные выгоды плана, в случае его осуществления, сделали папу крестным отцом движения. Иезуиты тоже вступили в игру.

8 ноября 1603 г. Рангони, нунций при польском дворе, доложил папе о появлении Дмитрия. Тогда же приходский священник Самбора и иезуит Лавицкий посоветовали Дмитрию написать Рангони и попросить его о помощи делу. В душе Дмитрий не тяготел к католичеству, но прекрасно понимал практическую важность поддержки римско-католической церкви. Кроме того, он знал, что переход в католическую веру будет необходимым предварительным условием женитьбы на Марине. Поэтому он написал Рангони, и даже дважды. Осторожный нунций на письма не ответил, но посоветовал Вишневецким и Мнишеку доставить Дмитрия в Краков, чтобы представить его королю Сигизмунду III.

Дмитрий и его покровители прибыли в Краков в марте 1604 г. Рангони объявил претенденту, что король поддержит его только в том случае, если он примет католичество и обратится за помощью к папе. Лавицкий и другие иезуиты взяли на себя заботу об юридическом статусе Дмитрия. По совету Рангони король Сигизмунд затем дал Дмитрию частную аудиенцию (15 марта).

Король был любезен, но отказался официально поддержать претендента. Против этого выступали несколько влиятельных польских государственных деятелей, включая канцлера Замойского, гетмана Жолкевского и князя Василия Острожского. Король, однако, пожаловал Дмитрию содержание в 4 000 флоринов в год и разрешил магнатам, желающим помочь ему, использовать для этого свои собственные войска и добровольцев. Мнишеку поручили руководить предприятием.

17 апреля (по григорианскому календарю) Дмитрий тайно перешел в католичество. Неделей позже он написал папе (на несколько несовершенном польском), прося принять его под свое покровительство. После этого Дмитрий официально попросил руки Марины. Предложение приняли, но свадьбу отложили до того момента, когда претендент станет царем. Кроме этого, Дмитрию пришлось подписать обязательство: во-первых, выплатить Мнишеку один миллион злотых (100 000 флоринов) сразу после возведения на престол и, во-вторых, передать Марине в полное ее владение Новгород и Псков со всеми их территориями (25 мая).

Не удовлетворясь этим, 12 июня Мнишек вынудил Дмитрия подписать дополнительное обязательство даровать ему Смоленск и Северскую землю, подразумевая, что половина каждой из этих территорий будет передана королю (в компенсацию за что Мнишек должен был получить в прилежащих территориях дополнительные районы).

Совершенно очевидно, что главные действующие лица этой политической игры не верили в то, что Дмитрий является сыном Ивана Грозного, и меньше всех — Мнишек. Некоторые польские вельможи открыто высказывали недоверие ко всей этой истории. "Это сцена из комедии Плавта или Теренция?", — насмешливо вопрошал Замойский. Дмитрий являлся удобным орудием для Сапеги, Вишневецких, Мнишека и самого короля Сигизмунда в их попытках подчинить себе Московию или, по крайней мере, присоединить западные московские территории к Речи Посполитой. Папа и иезуиты, в свою очередь, желали использовать самозванца для пересадки католичества на русскую почву.

Но если Дмитрий не был сыном Ивана Грозного, кем же он был? Его личность остается загадкой. Когда московские власти получили известие о появлении претендента при дворе короля Сигизмунда, они объявили, что это — Григорий Отрепьев, беглый монах из Чудова монастыря в Москве. Это стало официальной версией, однако ее дос-

товерность сомнительна.[9] Кем бы он ни был, очевидно, что его самого убедили в том, что он является настоящим царевичем, и он верил в это.

В то время как Мнишек начал собирать добровольцев для похода, Дмитрий отправил гонцов в Запорожье и к донским казакам с просьбой помочь ему получить отцовский (царя Ивана) трон. Обе группы казаков с готовностью откликнулись и признали его царевичем.

К середине лета 1604 г. Мнишеку удалось собрать для армии Дмитрия примерно две тысячи поляков и украинцев. Дмитрий выступил из Самбора 15 августа. Иезуит Лавицкий сопровождал его в качестве духовного наставника. Еще до того, как Дмитрий достиг Киева, к нему присоединились две тысячи донских казаков. В октябре Дмитрий пересек Днепр выше Кнева и вступил в Северскую землю.

2. Правление Лжедмитрия I

Сила Дмитрия состояла не столько в его армии, сколько в авторитете его имени. Люди в районах, куда он входил, приходили в замешательство: некоторые верили в то, что он настоящий царевич, другие присоединялись к нему, чтобы противостоять Борису. Однако не смятение в пограничных районах, а недружелюбное или откровенно враждебное отношение к Борису со стороны столь многих бояр и воевод подрывало дело царя.

Некоторые из этих бояр и воевод, вне всякого сомнения, участвовали в заговоре, породившем этого самозванца. Воевода Михаил Глебович Салтыков говорил, что будет трудно сражаться с урожденным царем (имея в виду Дмитрия). П.Н. Шереметев высказывал такое же мнение.[10] Воевода путивльский, князь Василий Михайлович Рубец-Мосальский, сдал свою крепость Дмитрию, как только тот к ней приблизился.

21 декабря у Новгорода-Северского Дмитрий разбил московскую армию, которой командовал князь Федор Иванович Мстиславский. Вскоре после этого армию Дмитрия пополнили новые казаки. На какое-то время он разместил свой командный пункт в Севске Комарицкой волости. Население этой волости оказало ему мощную поддержку.

Царь Борис, однако, сумел мобилизовать другую армию и поставил над ней князя Василия Ивановича Шуйского. 21 января 1605 г. Дмитрий вступил в бой с московитами у Добрыничей, но потерпел сокрушительное поражение. С остатками войска он отступил в Путивль, куда ему на помощь пришли четыре тысячи казаков. Другой

их отряд занял Кромы (юго-западнее Орла) в северной части Комарицкой волости.

Шуйский и его воеводы не сделали ни малейшего усилия, чтобы использовать свою победу и покончить с Дмитрием. Вместо этого они занялись наказанием жителей Комарицкой волости за поддержку, оказанную Самозванцу. Затем, подгоняемые Борисом, воеводы осадили Кромы, но в решающий момент, когда уже все было готово к штурму, воевода М.Г. Салтыков, отвечающий за артиллерию, отвел пушки с позиций обратно в тыл.

13 апреля царь Борис скончался после двух часов приступов, жестокого кровотечения изо рта, ушей и носа. Ходили слухи, что его отравили, или он сам принял яд.[11] Последней версии доверять нельзя. Вероятнее всего, Бориса отравили.

Москвичи без каких-либо волнений присягнули молодому сыну Бориса Федору.[12] Федор был одаренным и умным юношей, но он вряд ли сумел бы справиться с этой сложной ситуацией, поскольку смерть царя Бориса сделала его противников среди бояр много смелее и увереннее в себе. Федор зависел от единственного военачальника, которому доверял его отец, Петра Федоровича Басманова. Федор, однако, не мог назначить Басманова главнокомандующим армией из-за традиции местничества. Поэтому Басманов стал заместителем командующего (вторым воеводой). Прибыв в расположение армии, он понял, что большую часть старших воевод уже склонили признать претендента.

Следуя совету М.Г. Салтыкова и двух братьев Голицыных (Василия Васильевича и Ивана Васильевича), Басманов перешел на сторону победителя. 7 мая вся полевая армия признала Дмитрия царем. Совсем немногие офицеры и солдаты отказались и бежали в Москву вместе с главнокомандующим, князем Иваном Михайловичем Катыревым-Ростовским, и боярином Андреем Андреевичем Телятевским.

Для царя Федора все было потеряно.

3 июня московская чернь захватила его со всей семьей. Неделей позже князья В.В. Голицын и В.М. Масальский, посланные Дмитрием в Москву, с помощью дворянина Михаила Молчанова, чиновника по имени Шелефединов и трех стрельцов задушили царицу Марию (мать Федора). Федора пытался сопротивляться, но был жестоко убит. Его сестру Ксению пощадили по специальному приказу Самозванца, который планировал сделать ее своей любовницей.

Патриарха Иова схватили во время службы в соборе и выслали в отдаленный монастырь. Членов семьи Годуновых и двух других близких к ним семей, Сабуровых и Вельяминовых, тоже арестовали и сослали в разные места. Семена Никитича Годунова (главу секретной полиции Бориса) в ссылке задушили.

20 июня претендент при общем ликовании вступил в Москву. Звонили церковные колокола. Улицы были заполнены людьми, которые славили истинного царя и преклоняли перед ним колени.

18 июля бывшая царица Мария (Нагая), теперь монахиня Марфа, официально признала самозванца своим сыном Дмитрием. Она знала, конечно, что он не был ее сыном, но, как сама объясняла впоследствии, боялась, что ее убьют, если она откажется признать его.

Через три дня Дмитрия торжественно венчали на царство.

Дмитрий занимал московский трон меньше года. Он был одаренным, умным и энергичным, однако легкомысленным, влюбчивым и сладострастным человеком. Будучи очарованным Мариной, он не мог противостоять искушению овладеть Ксенией Годуновой. На какое-то время он даже увлекся ею. Слухи об этом дошли до Марины, и она написала Дмитрию гневное письмо. Ксению постригли в монахини под именем Ольги. Страсть Дмитрия к Марине разгорелась снова и в конце концов погубила его. Разумеется, его положение было ненадежным с самого начала его правления и по другим, более серьезным причинам.

Дмитрий попал в ловушку несовместимости интересов политических, религиозных и социальных сил — национальных и международных — поддержавших его предприятие. Он щедро раздавал обещания всем, кто помогал ему захватить престол, и теперь, когда он его имел, от него ждали выполнения многих противоречащих друг другу обязательств. Однако он не желал становиться орудием кого бы то ни было. Вместо этого он пытался установить собственный политический курс, для чего ему приходилось маневрировать между конфликтующими сторонами со всем доступным ему искусством. Но бесконечно это длиться не могло.

Во внутренней политике Дмитрий продолжил политическую линию Бориса, чья власть основывалась на поддержке средних классов русского общества, дворянства и посадских. Он вынужден был считаться с боярами и править при помощи Боярской Думы (которую он переименовал в Сенат на польский манер), однако он начал свое царствование с чистки боярского класса и депортации Годуновых и

связанных с ними семей. С другой стороны, он вызвал из ссылки всех бояр, выступавших против царя Бориса, включая собственных мнимых родственников Нагих, Романовых и Богдана Бельского.

Богдан Бельский и Петр Басманов стали главными русскими советниками Дмитрия. Не меньшее влияние имели два его польских секретаря, братья Ян и Станислав Бучинские. Для Дмитрия было важно иметь доброжелателя на патриаршем престоле (Иова сместили еще до приезда Дмитрия в Москву). Человека достаточно сговорчивого нашли в лице архиепископа рязанского Игнатия, грека с Кипра. Его поспешно возвели в сан патриарха. Монаха Филарета (Федора Никитича Романова) назначили тогда митрополитом рязанским.

Земельные наделы и денежные пособия среднему и низшему дворянству (дворянам и детям боярским) за военную службу удвоили. Простолюдинов, включая беглых крестьян и холопов (большое количество которых присоединилось к армии Дмитрия в конце 1604-1605 гг.), с военных постов сместили.

7 января 1606 г. Дмитрий подтвердил указ царя Бориса от 1597 г., который дал хозяевам более широкие полномочия по отношению к их холопам по контракту (кабальным холопам).

1 февраля 1606 г. вышел другой указ, касающийся беглых крестьян, покинувших владения, к которым были прикреплены, из-за того, что не получали от хозяев помощи в голодные годы. По этому указу владелец терял право требовать беглых обратно, если прошло более пяти лет. Это означало, что крестьяне, выехавшие до 1601 г., в большинстве случаев в южные пограничные районы и осевшие там в боярских и дворянских поместьях, должны были оставаться у своих новых хозяев.[13]

Дмитрий наградил своих главных военных сторонников в кампании против царя Бориса — донских казаков, но в дальнейшем отказался от их услуг и взял с собой в столицу только небольшой казачий отряд. Казацкие предводители ожидали от Дмитрия иного отношения — им хотелось играть активную роль в правительстве.

Поэтому терские казаки, не принимавшие участия в походе 1604 г., выдвинули собственного претендента на трон, к которому также присоединились донские казаки. Он назвал себя царевичем Петром, якобы сыном царя Федора (такого никогда не существовало).

Даже неделю поучившись в хорошей школе (в Гоще) и пообщавшись с западнорусской, литовской и польской знатью, Дмитрий понимал значение образования и планировал посылать молодых рус-

ских за границу для учебы в иностранных университетах (в этом он опять следовал политике царя Бориса).

На некоторых его подданных личность и действия Дмитрия производили благоприятное впечатление. Он был доступен для народа и часто гулял по московским улицам без охраны и всякой помпы. Многие русские, однако, особенно из высших классов, критиковали его подобные манеры, противоречившие сложившейся московской традиции. Кроме того, как духовенство, так и миряне были недовольны пренебрежением Дмитрия православной церковью и ее правилами. Несмотря на то, что он хранил в секрете свое обращение в католичество и представлял себя православным, он редко посещал церковные богослужения и не соблюдал постов. Его расположение к иностранцам, особенно к полякам, и милости, им оказываемые, раздражали многих русских, которые чувствовали себя оскорбленными.

Враги Дмитрия, особенно бояре искусно использовали в пропаганде против него народное недовольство. Затевая заговор против Бориса и подготавливая появление самозванца, они видели в Дмитрии средство для свержения Бориса и хотели сделать из него марионеточного царя, от чьего имени они бы правили Московией. Их сразу же постигло разочарование, поскольку Дмитрий всерьез намеревался стать правителем и имел достаточно способностей и жизненных сил, чтобы добиться своего.

Тогда бояре решили, что им необходимо, пока не поздно, избавиться от Дмитрия. Уже на следующий день после вступления Дмитрия в Москву князь Василий Шуйский через своих людей начал тайно информировать москвичей, что настоящий Дмитрий умер в Угличе в 1591 г., а трон занимает бессовестный самозванец.

23 июня замысел Шуйского был раскрыт, его арестовали и судили собором духовенства, бояр и посадских. Его приговорили к смерти, однако Дмитрий заменил смертный приговор на ссылку. Еще до того, как Шуйский добрался до места ссылки, его простили и позволили ему вернуться в Москву. Если Дмитрий надеялся своим великодушием завоевать расположение Шуйского, то просчитался. Этот опыт на некоторое время сделал Шуйского более осторожным, но ни он, ни другие бояре не отказались от своих планов.

Теперь они вступили в тайные переговоры с королем Сигизмундом, используя для этой цели одного из курьеров, поддерживающих связи Дмитрия с Польшей, Ивана Безобразова. Официальная миссия Безобразова заключалась в том, чтобы потребовать от поляков признания при-

тязаний Дмитрия на титул императора, но в тайных переговорах курьер сообщил Сапеге, что Шуйские, Голицыны и другие бояре не могут далее терпеть давление самозванца, намерены свергнуть его и просят короля дать Московии в цари своего сына Владислава.

Сигизмунд через Сапегу ответил, что ему прискорбно слышать о том, что претендент, которого он считал настоящим Дмитрием, оказался деспотичным самозванцем, и он не будет возражать против планов бояр. Что же касается Владислава, то король не дал по этому поводу никаких определенных обещаний.[14]

Дмитрий не был достаточно информирован ни о потенциальной угрозе со стороны казаков и недовольных крестьян, ни о непосредственной опасности боярского заговора. Он был занят своими отношениями с поляками и иезуитами, стараясь не попасть к ним в полную зависимость, не потеряв при этом Марину. Он разочаровал иезуитов, не сумев обратить Русь в католичество. Однако он позволил иезуитам проводить в Москве католические богослужения, и они имели доступ во дворец. Он объявил о желании начать по благословению папы крестовый поход против турок, но потребовал, чтобы папа пожаловал ему титул императора, а король Сигизмунд его признал. Сигизмунд, считавший Дмитрия чем-то вроде вассала, был возмущен.

Несмотря на все эти трения, иезуиты настаивали на скорейшей свадьбе Марины и Дмитрия в надежде, что Марина сумеет убедить мужа не откладывать введение католичества на Руси. В апреле 1606 г. Мнишеки выехали в Москву. Отец Марины прибыл 24 апреля, а сама Марина, в сопровождении великолепного кортежа — 2 мая. 8 мая в Покровском соборе Кремля Марину торжественно короновали царицей и сочетали браком с Дмитрием.

Москва, казалось, на некоторое время превратилась в польский город. Мнишека и других польских магнатов, приехавших на свадьбу Марины, сопровождали огромные свиты. В Кремле и в городе кишели толпы польской знати и сопровождающих лиц. Характерно, что на церемонии коронации Марины и на ее свадьбе в соборе присутствовали большей частью поляки; из русских пригласили только избранную знать. Простых русских не допустили даже в Кремль.

Только немногих польских и литовских гостей можно было разместить в правительственных зданиях. А поскольку в Москве не было подходящих гостиниц, основная часть поляков поселилась в частных домах в центральной части города (Китай-городе). Они вели себя

так, будто находились в завоеванной стране. Их надменность оскорбила москвичей и возбудила ненависть к пришельцам.

Бояре, возглавляемые князем Иваном Ивановичем Шуйским, почувствовали, что подходящий для удара момент наступил. Еще до бракосочетания Дмитрия Шуйскому удалось привлечь на свою сторону подразделение новгородских и псковских войск, расквартированных недалеко от Москвы. (Шуйские традиционно поддерживали с Новгородом тесные контакты и имели там много сторонников.)[15]

Ночью 17 мая новгородцы заняли все кремлевские ворота, не позволяя никому входить и выходить. В 4 часа в церкви на Новгородском дворе ударили в набат, на который ответили колокола всех московских церквей. Москвичи кинулись на Красную площадь, где обнаружили Шуйского и других бояр верхом и в полном вооружении. Бояре кричали толпе, что поляки устроили заговор против царя. Чернь, уже настроенная против поляков, бросилась в дома, где они стояли, и начались резня и грабежи.

В это время бояре поспешили в Кремль и без особых затруднений проникли в царский дворец. (На ночь Дмитрий оставлял только несколько немецких гвардейцев). Во дворце Дмитрия защищал Басманов, вступивший в сражение с вторгшимися, но его сразу же убили. Дмитрий, видя, что у него нет шансов, решил искать помощи у стрельцов за кремлевскими воротами. Он выпрыгнул из окна дворца, но неудачно, упал на землю, повредил грудь и ногу, и лежал в полной беспомощности, пока заговорщики не нашли и не убили его. Марину с ее свитой взяли во дворце под стражу.

Шуйский тем временем поспешил остановить нападения москвичей на поляков, послав для этого отряды стрельцов. Мнишек и другие польские и литовские магнаты были арестованы. Бояре, не теряя времени, формировали новое правительство. Больше и речи не шло о приглашении на престол Владислава. Ранним утром 19 мая 1606 г. на Красной площади поспешно созванное собрание знати и посадских объявило главу боярского заговора, князя Василия Ивановича Шуйского, царем России.

3. Гражданская война (1606-1609 гг.)

I

Василия Шуйского венчали на царство в Успенском соборе Кремля 1 июня 1606 г. при соблюдении традиционного обряда, но без особой помпы.

Новый царь, пятидесяти четырех лет, потомок старшей ветви суздальских Рюриковичей (выше по старшинству, чем линия Ивана Грозного) не был человеком величественной наружности. Небольшого роста и тучный, с подслеповатыми маленькими красноватыми глазками и большим ртом, он был недоверчив, но всегда готов выслушать злую сплетню. Прирожденный интриган, он не гнушался солгать, если это отвечало его интересам. В свое время по поводу смерти царевича Дмитрия Шуйский утверждал, что это был несчастный случай в результате апоплексического удара. Когда появился претендент на престол — Дмитрий, Шуйский поклялся, что он — действительно царевич, чудесным образом спасенный от гибели. Теперь он публично объявил, что этот Дмитрий был самозванцем, а настоящий царевич действительно умер в 1591 г., как мученик, от рук злодеев.

Несмотря на все это, многие уважали Шуйского, чтя его происхождение, образованность и соблюдение им древних обычаев. Он не являлся выдающимся государственным деятелем или полководцем, однако и не был лишен способностей к этому.

Шуйского привела к власти боярская аристократия, и ему приходилось считаться с ней с самого начала своего царствования. Его первым шагом стало подписание обязательства не приговаривать к смертной казни знатных людей и купцов без слушания дела в боярском суде. Имущество виновного не подлежало конфискации, а передавалось вдове и детям. Шуйский также поклялся не реагировать на доносы, если их нельзя будет подтвердить тщательным расследованием дела и очной ставкой информатора с человеком, против которого он свидетельствует.[16] Однако Шуйский придерживался своих обязательств не всегда.

Первой акцией нового правительства стало удаление из Москвы ведущих деятелей периода самозванца путем предоставления им государственных постов в отдаленных городах. Князя Рубец-Масальского назначили воеводой в Карелию на севере Руси; Салтыкова в том же качестве отправили в Ивангород; Бельского — в Казань; Афанасия Власьева — в Уфу; князя Григория Петровича Шаховского — в Путивль. Михаил Федорович Нагой остался в Москве, но был лишен чина конюшего. Некоторые сторонники Дмитрия, такие, как Молчанов, бежали в Литву и начали распространять слухи, что бояре убили другого человека, а Дмитрий жив.

Для укрепления своего авторитета и повышения общественного доверия царь Василий нуждался в поддержке церкви. Патриарха времен Дмитрия, грека Игнатия, низложили и изолировали в Чудовом монастыре Кремля. После чего совет епископов возвел на престол патриарха митрополита казанского Гермогена.

Чтобы пресечь притязания потенциального претендента, правительство Василия при согласии некоторых епископов (патриарх Гермоген еще не был введен в сан) решило канонизировать царевича Дмитрия Угличского, как мученика. 3 июня мощи царевича доставили в Москву и поместили в соборе Архангела Михаила в Кремле. Этот религиозный акт несомненно был продиктован светской политикой.

Канонизация царевича не смогла положить конец слухам о претенденте. Претендент был нужен как знамя всем, кто по тем или иным причинам находился в оппозиции к правительству царя Василия. Показательно, что слухи о претенденте вновь появились задолго до того, как мог быть найден очередной кандидат на эту роль. Сначала Молчанов сам намеревался выступить в этой роли, но потом передумал. Однако он немедленно установил контакт со сторонниками Дмитрия, удаленными царем Василием, такими, как князь Шаховской в Путивле и Богдан Бельский в Казани.

Недовольных царем Василием было немало. Его считали боярским царем. Среднее и низшее дворянство, особенно в Рязанской провинции, находилось в смятении, и сам воевода Рязани, Григорий Федорович Сумбулов, присоединился к оппозиции. Крестьяне, особенно в Комарицкой волости, находились на грани восстания. Донские и яицкие казаки готовились к кампании против Москвы. Посадских разных городов раздражали привилегии, предоставленные царем Василием богатым купцам.

Польские сторонники Дмитрия тоже желали возобновить в Московии свои авантюры. Количество потенциальных добровольцев, готовых идти на восток, увеличилось в результате польского восстания шляхты под предводительством краковского воеводы Николая Зебжидовского (1606 г.).[17] После подавления восстания тысячи привыкших к военной жизни польских и украинских шляхтичей оказались в распоряжении покровителей нового претендента. Кроме того, для приговоренных к ссылке участников восстания, таких как Александр Лисовский, вторжение в Московию казалось лучшим выходом из трудного положения.

Воевода Путивля князь Шаховской первым открыто объявил о выступлении против Шуйского именем Дмитрия. Он тут же получил поддержку от воеводы Чернигова, князя Андрея Андреевича Телятевского, отказавшегося осенью 1604 г. признать первого претендента. Некоторое время правительство Дмитрия держало его под стражей. Приход к власти Шуйского Телятевский, как многие другие, воспринял без энтузиазма и не доверял ему, поскольку Шуйский занял престол без избрания Земским Собором.

Шаховской засыпал отчаянными посланиями Молчанова (все еще находившегося в Польше), побуждая его скорее предъявить претендента народу. Однако Молчанов не был готов к этому, и пока послал к Шаховскому человека, подходящего, по его мнению, на роль вождя народного выступления против Шуйского. Этот человек, Иван Исаевич Болотников, в юности состоял на военной службе (официально холопом) у князя А.А. Телятевского.[18] Говорили, что он бежал от хозяина на Дон и вступил в армию казаков. В стычке с татарами Болотникова взяли в плен и продали туркам, которые отправили его на галеры. После нескольких лет рабства Болотников бежал в Венецию и там услышал о смуте в Московии. Он решил вернуться домой. В Польше его задержали местные власти и доставили к Молчанову, которого поляки считали неофициальным представителем будущего претендента.

Личность и жизненный путь Болотникова произвели на Молчанова сильное впечатление, и он, согласно Буссову, именем Дмитрия назначил его большим воеводой (главнокомандующим) повстанческой армии. Именно в таком качестве Болотников прибыл к Шаховскому.[19]

Нет сомнений, что Болотников встречался с князем Телятевским. Нам не известны детали беседы хозяина со своим бывшим холопом, но мы знаем, что они пришли к взаимопониманию.

Болотников оказался прирожденным лидером. Он был не только искусным стратегом, но, что при данных обстоятельствах гораздо важнее, имел социальную идею, близкую угнетенным, крепостным и холопам. Они поддерживали его основной политический замысел — заменить боярского царя, Василия Шуйского, на народного, о котором им пока ничего не было известно, кроме имени — Дмитрий. В повстанческой армии монархическая идея воплощалась в мнимом племяннике Лжедмитрия, царевиче Петре, появившемся в казачьей среде, который назначил Болотникова своим боярином и первым воеводой. Самозванный царевич был лишь номинальным главой движения.[20]

Болотников сделал базой своих будущих операций Комарицкую волость. Крестьяне и беглые холопы составляли основную часть воинских подразделений, находящихся под его непосредственным командованием. Они, однако, представляли собой только одну из составляющих революционной коалиции. Другим важным элементом являлось среднее и низшее дворянство. Рязанскую группу дворян возглавляли Сумбуловы и Ляпуновы; тульскую — боярский сын Истома Пашков. Кроме того, было подразделение донских и терских казаков, которые пришли с царевичем Петром.

Правительство царя Василия, получив известия о выступлении Шаховского и появлении Болотникова, сразу осознало всю серьезность ситуации. Однако царские армии, посланные на юг, одна за другой терпели поражения от Болотникова и его союзников.

Основной причиной неудач войск московского правительства являлось то, что им приходилось иметь дело не только с регулярной армией Болотникова, но и с волной крестьянских мятежей, которая быстро распространялась на север и грозила докатиться до Москвы. В октябре 1606 г. корпус Истомы Пашкова подошел к пригородам Москвы, а вскоре к нему присоединился и Болотников с основной армией. Осада Москвы повстанческими силами началась 7 октября и продолжалась два месяца.

Правительство Шуйского оказалось в опасном положении. Среди бояр и дворян начались разногласия. Не хватало хлеба. Цены на продукты быстро росли, что увеличивало недовольство народа. Тем временем Болотникову удалось доставить в город прокламации, призывающие народ убивать бояр и богатых купцов и грабить их имущество.

Тогда как подобные призывы, казалось, произвели ожидаемое впечатление на низшие классы, они вызвали недовольство дворянских элементов армии Болотникова. Еще до призывов расправляться со знатью повстанцы дворянского происхождения испытывали раздражение по поводу крайностей крестьянской войны. Царь Василий знал о противоречиях внутри повстанческой армии и вступил в тайные переговоры с предводителями дворян, побуждая их отказаться от дела Болотникова. 15 ноября рязанцы Ляпунова перешли на сторону Шуйского. Это позволило войскам московского правительства перехватить инициативу в этой войне. Во время сражения 27 ноября значительная часть корпуса Истомы Пашкова последовала примеру рязанцев. Болотников был вынужден начать отступление. Пять дней

спустя его армия потерпела жестокое поражение. Болотников отошел в Калугу. Царевич Петр разместил свою штаб-квартиру в Туле.

Чтобы вознаградить верных ему дворян и купцов, царь Василий разрешил им превращать захваченных его войсками людей в своих холопов. Одновременно, чтобы привлечь на свою сторону бывших холопов из армии Болотникова, правительство Шуйского даровало свободу всем, кто будет просить прощения. В качестве общей меры указ от 7 марта 1607 г. аннулировал прежний закон от 1597 г., по которому любой работник, служивший хозяину больше шести месяцев, автоматически становился его холопом.

С другой стороны, власть землевладельцев над крепостными крестьянами укреплялась законодательным актом от 9 марта 1607 г. Срок давности, в течение которого землевладелец имел право требовать по суду возвращения беглого крепостного, был теперь увеличен с пяти лет до пятнадцати.[21]

Борьба, однако, не закончилась. Войска царя Василия поначалу добились нескольких побед, но затем дважды потерпели поражение от отрядов князя Телятевского. Болотников теперь соединился с царевичем Петром в Туле. Правительство царя Василия собрало все силы, какие оно могло мобилизовать, чтобы подавить восстание. 21 мая 1607 г. сам царь во главе сильной армии выступил на Тулу. Контратаки Болотникова провалились. 12 июня силы московского правительства достигли Тулы. 30 июня прибыл царь Василий с дополнительной армией, и осада Тулы началась. Ей суждено было продлиться больше трех месяцев.

В этот момент для царя Василия и его правительства появилась новая угроза с запада. Долгожданный претендент прибыл в Стародуб и там предстал перед народом, как царь Дмитрий. В июле он публично объявил о готовности начать поход, чтобы вернуть трон, и начал собирать армию. К счастью для Шуйского, из-за разногласий между русскими и польскими последователями очередного Лжедмитрия, а также по некоторым другим причинам, новый претендент оказался неспособен действовать быстро.

Все попытки Шуйского взять Тулу штурмом успеха не принесли. Тогда старшина его армии, боярский сын Иван Кротков, предложил хитроумный план: запрудить реку Упа, на которой стоит Тула, и затопить город. Защитникам пришлось оставить большую часть города, но они еще могли удерживать внутреннюю крепость. Эпидемия в резуль-

тате скученности и недостатка еды привела к раздорам между различными группами защитников. Однако они еще продолжали сражаться.

В это время и Болотников, и царь Василий получили известие, что претендент выступил из Стародуба на Брянск и Козельск в направление Тулы. Василий более не мог позволить себе откладывать захват Тулы. Поэтому он вступил в переговоры с лидерами защитников и пообещал им полную амнистию. Когда Василий под присягой дал клятву держать слово, Тула капитулировала. Это произошло 10 октября 1607 г.

Как только защитники тульской крепости открыли ворота войскам Шуйского, некоторые его сторонники в гарнизоне захватили Болотникова, царевича Петра и князя Шаховского и доставили их в ставку царя Василия. Царь приказал отправить их в Москву для суда. Других военачальников армии Болотникова, включая князя Телятевского, оставили в покое. Тех воевавших у Болотникова казаков и посадских, которых считали зачинщиками, утопили в реке Упе. Однако основную часть людей Болотникова отпустили на свободу. Царь Василий с триумфом возвратился в Москву. Царевич Петр был повешен. Шаховского выслали в монастырь на озере Кубенское; Болотникова — в Каргополь (где его через год утопили).

II

Личность второго претендента неизвестна. О его происхождении ходило несколько противоречащих друг другу слухов.[22] Он, по всей видимости, был белорусом и получил какое-то образование. Вне всяких сомнений, он являлся самозванцем. Это был и физически и морально непривлекательный человек. Несколько его современников отзывались о нем, как о грубой и мерзкой личности. Он был алчен, сластолюбив, мстителен и малодушен.

Почему такого человека выбрали на роль претендента на престол? Очевидно потому, что его покровители, русские последователи первого Лжедмитрия (такие, как Молчанов, западнорусские и литовские магнаты, польская шляхта, украинские и донские казаки) позаботились, чтобы новый претендент, в отличие от старого, был марионеткой, которой они легко могли бы управлять. Проблема состояла в том, что каждая группа его покровителей имела собственные намерения, и временами их интересы противоречили друг другу.

Собственно говоря, для московских противников царя Василия личность нового кандидата на роль наследника престола не имела

значения, особенно пока он находился далеко от Москвы. Им было нужно только имя, чтобы использовать его как лозунг в холодной войне и боевых действиях против боярского царя.

Когда Дмитрия известили о сдаче Тулы царю Василию, он поспешно вернулся в Путивль, чтобы собрать побольше войска. 30 ноября 1607 г. Дмитрий (или от его имени секретарь) написал на латыни письмо королю Сигизмунду, прося помочь вернуть царство.[23]

К Рождеству 1607 г. Дмитрий стал на зимние квартиры в Орле. К весне 1608 г. он был готов к походу против Москвы. Ядро его войска составляли поляки и западные русские. Под номинальным предводительством Дмитрия они сформировали собственную армию. Эта армия состояла из нескольких шляхетских групп, каждой из которых руководил опытный капитан. Наиболее важные дела обсуждались на общем собрании (*kolo, круге*) князей.

Самый мощный польский отряд (примерно четыре тысячи человек) предоставил украинский магнат князь Роман Рожинский. Как и в случае с Мнишеком, Рожинский, будучи богатым землевладельцем, постоянно испытывал нужду в деньгах из-за своей чрезмерной расточительности. Он мечтал сколотить в Московии новое состояние. Рожинский был властным человеком и смелым военачальником. Чтобы получить его поддержку, Дмитрию пришлось назначить его гетманом (главнокомандующим) всей армией.

Два других выдающихся командира в лагере Дмитрия — Ян Петр Сапега (родственник литовского канцлера Льва Сапеги) и Александр Лисовский — подобно Рожинскому рассматривали этот поход как доходное предприятие. Как и Рожинский, во время набегов они были беспощадны по отношению к гражданскому населению. Оба, хотя номинально находились под командованием Дмитрия, проводили свои операции самостоятельно и по собственной инициативе.

Кроме того, на подмогу Дмитрию пришли три тысячи запорожских и пять тысяч донских казаков. Во главе донских казаков стоял одаренный воин, украинец из Тарнополя (Тернополя), Иван Мартынович Заруцкий.

В июне пестрая армия Дмитрия подошла к Москве, но взять столицу штурмом не смогла. Дмитрий и Рожинский тогда разместили свой штаб в Тушино, примерно в восьми милях от города. Долгий период военного противостояния боярского царя с народным царем изнурял и опустошал Россию два года.

Тогда как тысячи поляков участвовали в гражданской войне в Московии, официальная Польша желала заключить с Москвой мир, чтобы вызволить из плена Мнишека и сотни других польских аристократов, арестованных Шуйским после падения Лжедмитрия I.

2 июля 1608 г. послы короля Сигизмунда подписали в Москве перемирие сроком на три года и одиннадцать месяцев. На это время границы между Московией и Польшей оставались прежними. Царь Василий обязывался освободить Мнишека и других поляков. Король Сигизмунд должен был сделать то же самое в отношении русских заключенных в Польше. Более того, король обещал отозвать из Московии всех польских сторонников самозванца, не признавать Мнишека его тестем, а Марине не позволить выйти замуж за нового Дмитрия.

Освобожденные в Московии поляки должны были возвратиться прямо в Польшу, не вступая в контакт с польскими сторонниками Лжедмитрия. Относительно Лисовского польские послы отметили, что, поскольку он выслан из страны, король не несет за него ответственности и не может отозвать его из Московии.[24]

Большинство пленников царя Василия намеревались отправиться прямо домой, но у Мнишека и Марины имелся другой план, план объединения с самозванцем. Мнишек, безусловно, знал или, во всяком случае, подозревал, что этот претендент не его бывший зять, однако все равно рассчитывал на него. Марина, очевидно, лелеяла надежду, что ее мужу удалось два года назад спастись и хотела с ним соединиться. Больше всего она желала снова быть признанной царицей. Она не могла себе представить, что не вернется в Польшу и будет терпеть унижения от короля и магнатов. "Однажды царица — всегда царица".

Тем временем в Тушино новые соратники Дмитрия отчаянно нуждались в признании Мнишеком и Мариной их марионеточного царя, так как оно подтвердило бы, что он — истинный Дмитрий. Через тайных курьеров обе стороны договорились, что на пути в Польшу Мнишека и его дочь похитят и доставят в Тушино.

План удался, и 1 сентября Ян Петр Сапега привез Мнишека и Марину в Тушино. Только на пути туда Марине сказали, что новый Дмитрий — самозванец. Увидев его, она содрогнулась. Ее первой реакцией было отказаться от соединения с ним. Однако отец настоял на том, чтобы она признала его своим мужем. Но претендент прежде должен был подписать обязательство, по которому он обещал вып-

латить Мнишеку 300 000 рублей и пожаловать Северскую землю, как только войдет в Москву.[25]

Было и еще одно затруднение. Ни католическое духовенство, входящее в заговор, ни Мнишек и Лев Сапега, не могли позволить Марине сожительствовать с человеком, с которым она не была повенчана. С другой стороны, публичная свадьба могла уничтожить эффект признания претендента Мариной. Единственным выходом из тупика было тайное венчание. Этот обряд совершил монах бернардинец примерно 12 сентября.[26]

III

Московия теперь имела двух царей и два правительства, боровшихся за контроль над страной, одно в Москве и другое в Тушино. Многие придворные царя Василия покинули его и присягнули царю Дмитрию. Среди них было несколько отпрысков аристократических родов, включая стольников князей Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и Дмитрия Мамстрюковича Черкасского. Дмитрий обоих пожаловал в бояре.

В Тушино оказалось и несколько священников, часть добровольно, а другие по принуждению. Когда И.П. Сапега захватил Рязань, он взял под стражу митрополита Филарета Романова и доставил его в Тушино. Там его с почетом встретили и объявили избранным патриархом всея Руси, с введением в сан после ожидаемого взятия Москвы.

Основной замысел Лжедмитрия заключался в том, чтобы окружить Василия в Москве и не допустить доставку в город продовольствия из провинций. Весь провиант должны были заворачивать от Москвы в Тушино. Чтобы его собрать, сильные отряды тушинцев отправились по Московии в нескольких направлениях. Каждому отряду отводился для операций определенный район. Те, кто собирал продовольствие для Тушино, могли также в свое удовольствие кормиться с отведенного им района. Так они и поступали.

Чаще всего каждый большой отряд тушинцев состоял из поляков, запорожцев и донских казаков, выступавших тремя отдельными колоннами верхом или в пешем строю. Все они, собирая дань (по существу, конфисковывая все, что попадало в поле их зрения), терроризировали население, насиловали женщин и девушек, совершали бессмысленные злодеяния. Население особенно ненавидело поляков за осквернение церквей, но во многих случаях и казаки, особенно запорожские, делали то же самое.

Чтобы избежать разорения некоторые города признавали царя Дмитрия, даже если не хотели его поддерживать, однако эта политика не всегда гарантировала прекращение разбоя. В нескольких городах казаки ввели свою модель самоуправления: "круг" с выборными чиновниками.

Вдобавок ко всему, в некоторых общинах существовали разногласия между представителями высших классов и чернью (низшими сословиями). Аристократия и богатые купцы в основном сохраняли верность царю Василию, тогда как простолюдины склонялись на сторону царя Дмитрия. Яростное выступление народа против бояр и богатых купцов произошло во Пскове, и город открыл ворота тушинскому воеводе Федору Плещееву (1 сентября 1608 г.).

Примерно в это время тушинцы начали приводить в исполнение свой стратегический план. Сапега и Лисовский предприняли поход против богатого Троицкого монастыря, на северо-восток от Москвы. Другую колонну войск Дмитрия послали в Коломну и Рязань, на юг от Москвы.

Когда Сапега и Лисовский, 23 сентября 1608 г., приступили к осаде Троицкого монастыря, они рассчитывали взять его штурмом за несколько дней, поскольку их силы значительно превосходили силы обороняющихся. Под командованием Сапеги и Лисовского находилось примерно двадцать тысяч человек. Гарнизон монастыря (дворянское и городское ополчение, стрельцы и служилые казаки) насчитывал только пятнадцать сотен. Им помогали монахи и немногие крестьяне из окрестных сел.

Неравенство сил частично компенсировалось тем, что монастырь был укреплен мощными стенами и башнями, а также тем, что большинство его защитников находилось в состоянии патриотического и религиозного воодушевления. Точнее, было очень немного малодушных людей и тайных последователей Лжедмитрия, но их попытки саботировать оборону успеха не имели. Защитники страдали от скученности, недостатка продовольствия и болезней, но держались стойко и отражали все атаки.

Упорная оборона Троицкого монастыря сорвала план Дмитрия взять Москву в кольцо. Она не смогла, однако, предотвратить проникновение тушинцев на восток и север Руси. В ноябре и декабре 1608 г. польские и казацкие мобильные отряды захватили Владимир, Ростов, Ярославль, Кострому, Вологду и несколько других городов.

Вскоре, однако, поведение тушинцев и их систематические разбои, изменили к ним отношение народа. Даже те, кто сначала признал Лжедмитрия народным царем, теперь разочаровались в нем и стали называть его Тушинским Вором.

В декабре в одном городе за другим начались восстания против Дмитрия. Жители одного города писали или посылали гонцов жителям близлежащих городов, побуждая друг друга твердо противостоять угнетателям.

В январе Лисовский попытался спасти ситуацию контратакой. Ему удалось вернуть Кострому (которую он безжалостно разорил) и захватить Галич. Это, однако, не могло спасти дело Дмитрия в Северной Руси, поскольку решимость жителей русских городов неуклонно росла. Лисовскому пришлось оставить и Галич, и Кострому и отступить для объединения с силами Сапеги.

Подъем народного сопротивления польским и казацким шайкам грабителей не произвел большого впечатления на царя Василия. Он искал военной помощи за пределами границ своего государства. Разочарованный тем, что король Сигизмунд не смог отозвать польских авантюристов из Московии, Василий решил обратиться за помощью к врагам Сигизмунда, шведам. Обращение к шведам временно помогло царю Василию, но по прошествии времени оказалось губительным для Руси

4. Иностранная интервенция и национальное сопротивление (1609-1611 гг.)

I

С самого начала Смутного времени шведское правительство внимательно следило за событиями в Московии. Напомним, что в 1583 г. шведы захватили выход Москвы в Финский залив, районы Ингрии и Карелии, но в 1595г. были вынуждены вернуть их Руси.

Король Карл IX ждал первой возможности, чтобы попытаться опять завладеть устьем Невы и навсегда лишить русских доступа к Финскому заливу. По сути дела, его планы простирались дальше. Он мечтал захватить не только Ингрию и Карелию, но и Новгород, Псков, Кольский полуостров, а также Соловецкий монастырь.[27]

Чтобы иметь предлог для вторжения, Карл, начиная с 1606 г., предлагал Москве военную помощь против поляков. Царь Василий в течение двух лет отклонял или просто игнорировал его предложения,

но 10 августа 1608 г. направил ему письмо с просьбой немедленно выслать шведские вспомогательные войска.[28]

Василий отправил в Новгород самого одаренного из Шуйских, молодого князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского,[29] и в ноябре 1608 г. он заключил там со шведскими представителями предварительное соглашение, по которому шведы предоставляли пять тысяч солдат; Скопин от имени царя Василия дал обязательство, что Москва будет ежемесячно выплачивать военнослужащим 100 000 талеров. Окончательный договор должен был быть заключен в Выборге.[30]

Известие о переговорах Скопина со шведами вызвало возмущение у жителей Новгорода, Пскова и городов Ингрии и Карелии. Псковичи кричали: *"Мы не хотим пускать германцев [шведов] и будем биться с ними насмерть"*.[31]

Эта ситуация укрепила приверженность псковичей к Лжедмитрию. Несколько городов, включая карельские, присягнуло тушинскому царю.[32] Скопин оказался в затруднительном положении и был вынужден временно покинуть Новгород.[33]

28 февраля 1609 г. представители Скопина согласились на военный договор со шведами против Польши. Шведы подтвердили свое обязательство предоставить Московии вспомогательные войска из пяти тысяч наемников, и обещали послать некоторое количество дополнительных отрядов. Московиты дали слово отказаться от притязаний на Ливонию и передать Швеции город Карелу (Kexholm) с уездом.[34] Московиты, однако, настаивали, чтобы этот последний пункт договора хранился в секрете, так как он вызвал бы возмущение русского народа.[35]

Король Карл рассматривал выборгское соглашение, как большой успех. Он открыто утверждал, что наступил благоприятный момент, когда смуту на Руси можно использовать для обогащения Швеции новыми территориальными приобретениями.[36]

В апреле шведский экспедиционный корпус из пятнадцати тысяч человек появился в Новгороде. Это была разношерстная армия, основную часть которой составляли не шведы, а наемники разных национальностей — немцы, французы, шотландцы, датчане и испанцы. Армией командовал Джакоб (Якоб) Делагарди, сын Понтуса Делагарди, сражавшегося с русскими во время Ливонской войны Ивана Грозного. Под командованием Скопина находилось менее трех тысяч русских солдат.

Скопин и Делагарди выступили из Новгорода 10 мая. Двигались они медленно. Между московитами и шведами постоянно возникали ссоры. К середине июля они достигли Твери, где в двухдневном сражении разбили польско-казацкие тушинские войска. Дорога на Москву казалась открытой, но в этот момент наемники Делагарди взбунтовались. Они требовали свое жалованье, а поскольку Скопин не располагал достаточными деньгами, чтобы расплатиться с ними, они хотели разграбить тверскую крепость, однако Скопин не допустил этого. Большая часть из них тогда повернула обратно в Финляндию, опустошая города и деревни на своем пути. Делагарди бросился за ними, оставив со Скопиным лишь небольшой отряд шведов. С большими трудностями Делагарди убедил некоторых бунтовщиков остаться под его командованием в Новгороде, где он закончил свое отступление.

Тем временем Скопин двинулся на восток вниз по Волге, чтобы укрепить свою небольшую армию отрядами ополченцев из городов Верхней Волги и Северной Руси. В Калязине к армии Скопина присоединилось несколько тысяч ополченцев. Царь Василий выслал под его командование из Москвы отряд в пятнадцать тысяч русских и примерно три сотни шведов. Такими силами 18 августа 1609 г. он смог повернуть армию Сапеги.

Месяц спустя Скопин убедил Делагарди соединиться с ним, и к 1 января 1610 г. в армии Скопина насчитывалось более двух тысяч шведов и шведских наемников.

Этими объединенными силами Скопин и Делагарди сломили сопротивление тушинских войск. 12 января 1610 г. Сапега был вынужден снять осаду Троицкого монастыря и отступить в Дмитров.

12 марта Скопин и Делагарди с триумфом вошли в Москву. К этому времени Лжедмитрий бежал в Калугу, его правительство распалось, однако на западе появилась новая угроза — угроза полномасштабной польской интервенции.

II

Плану Льва Сапеги от 1600 г., плану включить Московию в Польско-Литовское содружество, помешали сначала попытка первого Лжедмитрия утвердить себя как независимого правителя, а потом захват Василием Шуйским царского трона. Появление второго претендента и хаос в Московии во время тушинского периода дали

возможность королю Сигизмунду и Сапеге возобновить свои усилия по приведению Московии в польско-литовское лоно.

Альянс царя Василия со шведами стал для Сигизмунда удобным предлогом нарушить перемирие и начать прямые действия против Москвы. В середине сентября 1609 г. передовой корпус под командованием Льва Сапеги пересек границу Московии и направился к Смоленску, который в это время еще признавал Василия царем. Сапега ожидал обнаружить разногласия у жителей Смоленска и рассчитывал на общее снижение национального самосознания в тушинской период вообще, однако он просчитался. Как мы знаем, волна сопротивления захватчикам уже распространялась по Московии, особенно широко она захватила районы Верхней Волги и Северной Руси. Отчаянное противостояние защитников Троицкого монастыря Яну Петру Сапеге показала пример национального пробуждения другим центрам.

В Смоленске, как и в случае с Троицким монастырем, нашлись те, что пошли бы с поляками на компромисс. Однако большинство, во главе с одаренным воеводой Смоленска, Михаилом Борисовичем Шеиным, держалось стойко. Смоленск являлся одной из самых мощных московских крепостей, и силы Сапеги оказались недостаточными, чтобы овладеть ею.

Вскоре в польский лагерь прибыл сам король Сигизмунд, и осада Смоленска началась. Королевская армия состояла из семнадцати тысяч человек регулярного польского войска, десяти тысяч запорожских казаков и отряда литовских татар. Будучи не в состоянии взять Смоленск штурмом, король обратил свое внимание на вербовку в свою армию поляков, служивших Лжедмитрию.

В середине декабря представители короля потребовали, чтобы тушинские поляки вступили в королевскую армию и выдали Дмитрия. Это требование вызвало гнев Рожинского и его сподвижников, так как они считали Московию своей добычей и не намеревались уступать ее Сигизмунду. Рожинский созвал коло (общую ассамблею) тушинских поляков. Для противодействия королевскому вторжению была образована конфедерация, однако Я.П. Сапега отказался в нее войти. Это оказалось тяжелым ударом для Рожинского и его соратников.

27 декабря Лжедмитрий, боясь выдачи, бежал в Калугу. Рожинскому ничего не оставалось, как подчиниться королю Сигизмунду. Для русских бояр и аристократии в Тушино тоже единственным выходом

казались переговоры с представителями короля. Ведущими людьми в этой группе являлись боярин М.Г. Салтыков, дворянин М. Молчанов, дьяк И.Т. Грамотин и московский купец Федор Андронов. Было решено послать к королю Сигизмунду делегацию, чтобы выразить готовность тушинского правительства согласиться, на определенных условиях, на то, чтобы сын Сигизмунда Владислав стал царем Москвы.

31 января 1610 г. король Сигизмунд торжественно принял делегацию в своем лагере у Смоленска. Дьяк Грамотин от имени бояр и "всех людей" объявил, что Московия готова принять Владислава царем при условии сохранения православия, подтверждения всех древних прав и свобод московитов и добавления новых прав и свобод. Тушинские делегаты затем обсудили условия соглашения с польскими сенаторами, и 4 февраля статьи договора были одобрены.[37]

Главные пункты этого замечательного документа состояли в следующем: Владислава венчал на царство православный патриарх; положение православной церкви оставалось прежним; земельные владения церкви, бояр и дьяков не конфисковывались; между Московией и Речью Посполитой заключался военный союз; никого нельзя было казнить без суда Боярской Думы; люди низших рангов повышались по службе соответственно их достоинствам; московитам разрешалось выезжать за границу для получения образования; польские и литовские аристократы не могли получать должностей в Московии; торговля между двумя сторонами была свободна от ограничений; московские купцы могли беспрепятственно проезжать через территорию Польши и Литвы; крестьянам запрещалось покидать поместья, к которым они были прикреплены, для переезда из Московии в Литву; холопы не получали свободы.

Оценивая документ в целом, мы можем разглядеть в нем компромисс между боярами, с одной стороны, и дьяками и купцами, с другой. Бояре желали укрепить свои права на крестьян и холопов; дьяки — расчистить путь для продвижения по службе; купцы — обеспечить свободу внешней торговли. Просвещенная элита всех этих групп, продолжая традицию царя Бориса и Лжедмитрия I, стремилась добиться свободы образования.

Проблема договора от 4 февраля заключалась в том, что тушинское правительство, от имени которого был заключен договор, распалось, как только тушинский лагерь перестал существовать. Договор, однако, оказался для поляков весьма ценным, поскольку мог

служить — и послужил — моделью для последующих переговоров с Москвой.

В смятении в разбегающемся тушинском лагере все, казалось, забыли о Марине. Ее отец отправился в Польшу, но Марина отказалась последовать за ним. Она по-прежнему намеревалась отстаивать свои права царицы. Кроме того, пришло известие, что положение Лжедмитрия в Калуге улучшилось. И действительно, князь Шаховской привел ему на помощь отряд донских казаков.

Марина подозревала, что Рожинский намеревается выдать ее королю Сигизмунду и поэтому решила при первой возможности бежать из Тушино.

Ночью 11 февраля она надела гусарскую форму и, в сопровождении верных ей нескольких сотен донских казаков, поскакала в лагерь Я.П. Сапеги в Дмитров. Она рассчитывала на его помощь делу Дмитрия. Но Сапега посоветовал ей возвращаться в Польшу и даже пригрозил силой отправить ее к королю. Она вызывающе ответила: "Не пытайтесь остановить меня — со мной мои казаки". С этими людьми она затем бросилась в Калугу. В апреле остатки тушинских поляков последовали ее примеру (Рожинский в конце марта погиб при подавлении восстания в Волоколамском монастыре).

Некоторые русские аристократы, включая митрополита Филарета, которые еще оставались в Тушино, теперь поспешили вернуться в Москву.

Наступила патовая ситуация. Из трех соперничающих партий — короля Сигизмунда, Лжедмитрия и царя Василия — последняя казалась сильнее двух других, благодаря помощи шведов, а также всеобщей вере в молодого командующего армией Василия, князя Скопина-Шуйского.

Скопин готовился к кампании по освобождению Смоленска. Делагарди торопил его. Но 23 апреля Скопин заболел (носовое кровотечение) и через две недели умер в возрасте двадцати четырех лет.

Скопин был единственным популярным человеком в правительстве Шуйского. Поскольку Шуйского, в целом, презирали и не любили, народ возлагал все свои надежды на Скопина. Братья Ляпуновы агитировали за свержение царя Василия и избрание царем Скопина. Неудивительно поэтому, что Шуйский с подозрением относился к намерениям Скопина. После внезапной смерти молодого полководца немедленно поползли слухи, будто он был отравлен не-

весткой царя Василия, княгиней Екатериной, дочерью приспешника Ивана Грозного Малюты Скуратова, и, таким образом, сестрой покойной царицы Марии, жены Бориса Годунова. Она приходилась Скопину крестной матерью.

Эта история легла в основу баллады, сочиненной неизвестным автором в стиле древней былины, воспевающей Скопина и описывающей пир у князя И.М. Воротынского, во время которого Скопин якобы был отравлен. Бояре влили смертельный яд в чашу сладкого меда и передали ее крестной матери Скопина, которая участвовала в заговоре.

Она знавши, кума его крестовая,
Подносила стакан меду сладкого
Скопину князю Михайлу Васильевичу.
Принимает Скопин, не отпирается.
Он выпил стакан меду сладкого,
А сам говорил таково слово,
Услышал во утробе неловко добре:
"А и ты съела меня, кума крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стакан подала,
Съела ты мене, змее подколодная!"
...
Он к вечеру, Скопин, и преставился.[38]

Но был ли Скопин отравлен? В своих воспоминаниях польский гетман Станислав Жолкевский, который близко познакомился с ведущими московскими боярами в августе того года, отрицает это. Правды, по всей вероятности, мы никогда не узнаем.

Царь Василий назначил новым главнокомандующим своего брата Дмитрия (мужа княгини Екатерины). В июне Дмитрий Шуйский и Делагарди сконцентрировали свои силы в Можайске и оттуда выступили в направлении Смоленска. Король Сигизмунд послал против русско-шведской армии своего самого одаренного полководца того периода, гетмана Станислава Жолкевского, с отборными польскими войсками. Его поддерживал отряд донских казаков под командованием И.М. Заруцкого. 24 июня Жолкевский атаковал русско-шведский лагерь в Клушино. Во время сражения наемники Делагарди перешли на сторону поляков. Московской армии не оставалось ничего, кроме отступления, которое скоро превратилось в бес-

порядочное бегство. Делагарди с небольшим отрядом шведских солдат вернулся в Новгород.

На следующий день после Клушинской битвы отдельные подразделения московской армии, осажденные поляками в Царево-Займище еще до того, как они выступили в Клушино, сдались Жолкевскому. Воевода Григорий Валуев согласился подписать статьи договора от 4 февраля.

Клушинское поражение решило судьбу царя Василия. Дорога на Москву широко открылась для поляков. Лжедмитрий ринулся к Москве и оказался там раньше Жолкевского. Я.П. Сапега, привлеченный обещанными деньгами, присоединился к нему. 11 июля Дмитрий расположил свой штаб в селе Коломенское. Марина была с ним.

17 июля в Москве начались волнения. Под предводительством Захария Ляпунова разгневанная толпа ворвалась в царский дворец и потребовала отречения Василия. Никто, за исключением патриарха Гермогена, не выступил в его защиту. Василия и его братьев взяли под стражу. На следующий день Василия вынудили принять постриг, чтобы исключить любую возможность его возвращения на престол.

Сразу после свержения Василия Шуйского государственную власть взяла на себя Боярская Дума. Фактически, власть узурпировал внутренний совет из семи бояр. Это были князья — Ф.И. Мстиславский, И.М. Воротынский, А.В. Трубецкой. А.В. Голицын и Б.М. Лыков; и два нетитулованных боярина древних московских родов — И.Н. Романов (брат митрополита Филарета) и Ф.И. Шереметев.[39] Их правление известно под названием Семибоярщина. По всем церковным вопросам, а также важнейшим государственным делам они считали своим долгом консультироваться с патриархом Гермогеном.

24 июля армия Жолкевского подошла к Москве и разбила лагерь в четырех милях западнее города. Москва с ее боярским правительством оказалась между поляками и Лжедмитрием, к которому вскоре присоединились казаки Заруцкого (Заруцкий порвал с поляками и 18 августа возвратился под знамена Дмитрия). Смятенные москвичи разделились на два лагеря. Бояре и состоятельные люди склонялись к соглашению с поляками; чернь выступала за Лжедмитрия.

Жолкевский вступил с боярами в переговоры. Он побуждал их принять условия 4 февраля. Они в конце концов согласились, однако внесли в договор несколько изменений. Под влиянием патриарха Гермогена они потребовали, чтобы Владислав перешел в правосла-

вие в Смоленске, до выезда в Москву, а в Москве взял православную невесту. Немедленно после вступления Владислава на престол Сигизмунд должен был снять осаду Смоленска и вернуться в Польшу.

Бояре исключили статью договора, по которой продвижение царских служащих производилось в соответствии с их достоинствами, а не происхождением. По настоянию патриарха Гермогена статью о праве московитов уезжать за границу для получения образования тоже опустили. С этими изменениями договор 17 августа был подписан.[40]

После заключения договора Жолкевский и старший боярин Ф.И. Мстиславский объединили свои силы в кампании против Лжедмитрия, чье положение подорвал переход Я.П. Сапеги на сторону Жолкевского. Дмитрий, Марина и Заруцкий бежали в Калугу.

III

Сцена, казалось, была полностью подготовлена для воцарения Владислава. Единственное препятствие состояло в том, что Сигизмунд не собирался доверять своему сыну реальную власть над Московией. Он рассчитывал сам получить царский титул, а Владислава использовал как приманку, чтобы скорее склонить московитов к переговорам.

Из лагеря у Смоленска Сигизмунд отправил к Жолкевскому в качестве специального курьера одного из авторов договора от 4 февраля, Федора Андронова, который открыто перешел на сторону короля. Андронов доставил Жолкевскому приказ Сигизмунда — требовать, чтобы московиты присягнули королю, а не его сыну. Андронов прибыл в Москву через два дня после подписания соглашения от 17 августа.

Жолкевский понимал, что требование Сигизмунда будет категорически отклонено патриархом Гермогеном и вызовет сильное сопротивление некоторых бояр, в результате чего польско-московское сближение станет невозможным. Поэтому он не обнародовал содержание королевского приказа.

Тем не менее он предпринял необходимые меры для обеспечения польского контроля над Москвой. Сигизмунд распорядился, чтобы Жолкевский выслал из Москвы в Польшу всех потенциальных претендентов на царский трон, включая свергнутого Василия Шуйского, а также всех тех, от кого можно было ожидать противодействия новым требованиям короля. Жолкевский нашел хитроумный способ выполнить королевские распоряжения. Он включил основную часть вышеназванных людей в большое посольство, которое бояре посы-

лали к Сигизмунду для подтверждения договора от 17 августа. Таким образом, князь В.В. Голицын и митрополит Филарет Романов стали членами посольства. Все посольство, насчитывавшее больше двенадцати сотен человек, выехало в Смоленск 11 сентября.

С отступлением Лжедмитрия в Калугу непосредственная угроза захвата им Москвы миновала, однако народное движение под его именем не ослабевало. Бояре не могли быть уверены в благонадежности армии московских посадских. Поэтому они попросили Жолкевского разместить в Москве польский гарнизон. Это полностью соответствовало его стремлениям, и он с готовностью согласился. Чтобы избежать волнений среди москвичей, польские войска вошли в город ночью 21 сентября.

Покончив с этим, Жолкевский счел свою миссию выполненной и отправился в Смоленск, захватив с собой в качестве пленников Василия Шуйского и двух его братьев. Сигизмунд отписал московским боярам требование конфисковать земельные владения и имущество Шуйских и передать все ему, как соверену.[41]

Подготовка к реорганизации московского правительства с целью достичь его полного подчинения королю была проведена в лагере Сигизмунда у Смоленска.[42] Литовского магната польского происхождения Александра Гонсевского назначили представителем короля в Москве, и он стал фактическим главой московского правительства. Тушинские лидеры, М.Г. Салтыков и Федор Андропов, стали ближайшими советниками Гонсевского.

Чтобы быть уверенным в верности московских бояр и дворян, согласившихся служить ему, Сигизмунд начал жаловать им поместья. Известно более восьми тысяч таких пожалований за 1610-1612 гг., фактическое же их количество было, несомненно, больше. Например, М.Г. Салтыков и его сыновья получили двадцать поместий в девятнадцати уездах Московии.[43]

В это время в лагере претендента произошли большие перемены потрясли третью силу политической игры, лагерь претендента. 10 декабря 1610 г. Лжедмитрия убил капитан его татарской гвардии, Петр Урусов. Это было местью за вероломное убийство царя Касимова. Донские казаки, составлявшие основную часть армии Дмитрия, начали тогда убивать и грабить татар, живших в Калуге. Заруцкий решил, что со смертью Дмитрия игра окончена, однако казаки убедили его остаться их предводителем. Марина пожелала быть с ним.

Судя по всему, она еще до гибели Дмитрия влюбилась в Заруцкого. Впоследствии она вышла за него замуж. Неизвестно, по какому обряду, католическому или православному, произошло бракосочетание, однако рожденного вскоре после свадьбы сына Марина крестила в православии. Мальчика нарекли Иваном, вероятно в честь его символического деда, Ивана Грозного, и объявили царевичем. Марина продолжала называть себя царицей. Теперь она мечтала возвести на русский трон своего сына.

Смерть Дмитрия, казалось, укрепила дело Польши и сделала короля Сигизмунда еще более уверенным в себе. Его непосредственной задачей было сломить сопротивление членов московского Великого посольства и заставить их признать царем себя, а не Владислава. Однако послы, возглавляемые митрополитом Филаретом, князем Василием Васильевичем Голицыным и думным дьяком Томило Луговским, настаивали на соблюдении королем статей договора от 17 августа и не желали отступать от этой позиции.

Более того, послы указывали, что по условиям договора Сигизмунд должен снять осаду Смоленска и вернуться в Польшу. Сигизмунд отвечал, что Смоленск является его, как великого князя литовского, вотчиной и что, как того требует польская военная честь, по крайней мере один польский отряд должен войти в город.

Потеряв надежду преодолеть сопротивление главных посланников, Сигизмунд и Сапега перенесли свое внимание на менее значительных членов посольства. Некоторые из них, получив от короля землю или деньги, согласились вернуться в Москву и агитировать за его дело.

Тогда же сподвижники Гонсевского в Москве Салтыков и Андронов убедили бояр направить Филарету и В.В. Голицыну указание принять все требования короля Сигизмунда. Патриарх Гермоген отказался подписывать это послание, и оно было отправлено без его подписи.

Как только в лагере короля получили это письмо, Сапега передал его Филарету и В.В. Голицыну и потребовал, чтобы они немедленно выполнили приказ бояр (24 декабря 1610 г.). И митрополит, и боярин отказались. Они сказали, что этот приказ не имеет законной силы: их послали к королю не одни бояре, помимо них решение принимали епископы во главе с патриархом Гермогеном, бояре, "все чиновные и вся земля".

Переговоры безрезультатно продолжались в течение января, февраля и марта. Тем временем поляков в Москве пугало поднимающееся против них русское национальное движение.

Сигизмунд и Сапега должны были действовать быстро, чтобы иметь возможность выслать помощь польскому гарнизону в Москве. 12 апреля всех членов посольства, еще находившихся в королевском лагере, включая Филарета и В.В. Голицына, взяли под стражу и отправили в Польшу. В самом начале пути их ограбили польские охранники.

Усилия по захвату Смоленска были активизированы. К этому времени число защитников значительно сократилось. Люди гибли от голода и цинги, гарнизон нес потери в многочисленных сражениях. Ночью 3 июня после мощного артиллерийского обстрела полякам удалось взять город штурмом. Большинство защитников погибло в сражении. Шеин был ранен и взят в плен. Оставшиеся в живых укрылись в центральном соборе. Не желая сдаваться, они взорвали собор вместе с собой, подпалив хранившийся в подвале порох.

IV

Намерение Сигизмунда занять трон явилось ударом для московитов, собирающихся договориться с поляками. Единственным условием было сохранение Московией своей индивидуальности при православном царе, даже если он будет иностранным принцем, как Владислав.

Признание Сигизмунда означало бы, во-первых, принятие царя-католика и, таким образом, предательство православия, духовной основы царства. Во-вторых, что не менее значимо с практической точки зрения, это означало бы подчинение Московии Польше.

Поскольку Москва была в руках поляков, а Лжедмитрий – мертв, Сигизмунд был уверен, что если его планы осуществятся, русские ему покорятся. Бессильное и беспомощное, царство, казалось, лежало у его ног. Однако, раскрыв свои планы Великому московскому посольству в ноябре и декабре 1610 г., он невольно дал русским понять, какая опасность над ними нависла. Совсем немногие из них стали на сторону Сигизмунда, в целом нация повела себя иначе. Отчаяние придало сопротивлению русских силы. Шок пробудил их.

Получив известие о плане Сигизмунда, патриарх Гермоген, как глава Русской Православной Церкви, почел своим долгом предупредить прихожан об угрозе их вере. Поэтому в декабре 1610 г. он начал рассылать в разные города Московии послания, побуждая людей вставать на защиту православия.

Жители захваченных и разоренных поляками уездов Смоленской земли прислали в Москву письмо, адресованное "*всем нашим брать-*

ям, православным Московского государства", в котором они призывали московитов объединяться против поляков. Смоляне описывали, как притесняют поляки и людей, и православную церковь и предупреждали жителей других городов Московии, что их ждет та же судьба, если они не будут бороться.[44]

Москвичи разослали по Московии копии смоленского письма, приложив к нему собственное, в котором упоминали о духовном руководстве движением сопротивления патриарха Гермогена.

Под единым знаменем веры движение объединило религиозные и национальные чувства. Судьба страны волновала не только большинство московитов разных социальных групп, но также и казаков, что оказалось очень важным фактором в последующих событиях. Политической целью движения было посадить на трон православного царя, "того, кому Господь отдаст Русское царство". Кандидат не назывался.

В январе 1611 г. отважный буревестник, Прокопий Ляпунов, начал в Рязанской области восстание против сочувствующего полякам правительства Москвы. Вскоре к нему присоединились остатки сил Лжедмитрия II, возглавляемые бывшим тушинским боярином князем Д.Т. Трубецким, Заруцким и Мариной.

В феврале в движение вступил Нижний Новгород, который стал его центром на Верхней Волге. На Средней Волге армии национального сопротивления присягнула Казань.

Эта армия состояла из двух разных элементов: земства (ополчения земель) и казаков. Земские подразделения (также называемые городскими отрядами)[45] включали стрельцов, служилых казаков, посадских, земское дворянство и отряды мобилизованных крестьян.

Казаки были организованы в полки и сотни. Каждую единицу возглавлял атаман, которого, как и остальных военачальников, избирали все члены его подразделения. Для важных решений созывался круг (общее собрание) всех казаков. Большинство воинов национальной армии 1611 г. являлись донскими казаками, однако в движении принимали участие также некоторые волжские и даже яицкие и терские казаки.

К марту передовые силы национальной армии пошли к Москве. Жители столицы ожидали их с нетерпением. 13 марта на торговой площади между русскими и поляками произошла неожиданная шумная ссора. Поляки, и еще больше их русские советники, были очень напуганы.

Чтобы подготовиться к сражению с приближающейся русской армией, поляки решили 19 марта поднять пушки на башни Кремля и китайгородские стены. Когда они приказали русским возчикам помочь, те отказались. Начались пререкания. Немецкие наемники на польской службе (те, что присоединились к ним после Клушино) напали на толпу и начали безжалостно убивать русских. Поляки присоединились к "немцам". Говорили, что в тот день в Китай-городе убили семь тысяч безоружных русских.

Поляки затем двинулись в Белый город, следующую часть столицы. Там, однако, у русских было время собрать оружие и построить баррикады. Им помогли несколько офицеров и солдат из передовых отрядов национальной армии, которым удалось проникнуть в город. Под командованием нескольких военных, включая князя Д.М. Пожарского, русские остановили поляков и загнали их обратно в Китай-город. Поляки тогда подожгли Белый город и Замоскворечье (часть города за Москвой-рекой). Русским пришлось отступить. Пожарский получил серьезное ранение.

Большинство москвичей потеряло свое жилье и имущество — и это в жестокий мороз. Некоторые покорились полякам. Большая часть покинула Москву, ища пристанища в близлежащих деревнях.

25 марта армия, по рассказам насчитывающая 100 тысяч человек (число, очевидно, преувеличено), достигла пригородов Москвы. Гонсевский повел поляков и "немцев" против русских, но успеха не добился и отступил в Китай-город и Кремль — все, что осталось полякам в Москве.

Руководители русской армии не собирались сразу же штурмовать крепость, поскольку они знали, что запасы продовольствия у поляков небогаты, и голод заставит их в конце концов сдаться. Вместо этого, они решили сосредоточиться на организации армии и страны.

Поскольку армия состояла из отрядов со всей страны, Земский собор Московского государства был сформирован на основе ее штаба. Он состоял из вассальных татарских ханов (царевичей), бояр и окольничих, дворцовых чиновников, дьяков, князей и мурз (татарских князей), дворян и боярских детей, казацких атаманов, делегатов от рядовых казаков и "всех служилых людей".[46]

Собор стал верховной властью страны, на его основе формировалось и русское временное правительство. Нужно было восстановить органы центральной администрации и снова наладить по всей Московии регулярный сбор налогов и провианта. Необходимо было

скоординировать интересы основных групп армии: дворянства, посадских и казаков.

После обсуждения моделей и правил нового порядка общий закон одобрили "всей землей" 30 июня 1611 г.[47] Исполнительную власть как в гражданских, так и в военных делах делегировали комитету трех: князю Трубецкому, Заруцкому и Ляпунову. В некоторых летописях их называют троеначальники (триумвират).

Основные ведомства центральной администрации, разрушенные во время предыдущей смуты, восстановили. Это — Разряд (служба военной администрации), Поместный приказ (отдел, ведающий поместьями), финансовое ведомство, уголовный и полицейский приказы.

Как мы знаем, дворянские корпуса московской армии зависели от поместий, которые каждый дворянин получал за военную службу. Во время хаоса гражданской войны поместья распределялись беспорядочно и со множеством нарушений.

Чтобы восстановить порядок, закон от 30 июня постановил, что размер земельных наделов согласно рангу дворянина восстанавливается до уровня 1605 г. Бывшие дворцовые и государственные земли, которые король Сигизмунд и Владислав пожаловали в качестве поместий своим приверженцам, аннулировались. Из превышающих нормы поместий, выделенных московским правительством при царе Василии и правительством претендента в Тушино и Калуге, изымались излишки, которые возвращались в общий поместный фонд. Дворяне, служащие в национальной армии и еще не получившие поместий, должны были их получить. Поместья не служащих в армии подлежали конфискации. Крестьяне, в Смутное время покинувшие поместья, к которым прикреплены, должны были вернуться обратно.

Казаки получали поместья только в том случае, если они служили как дворяне. Тем, кто не желал менять свой статус, выплачивалось жалованье.

Строгие наказания, включая смертную казнь, устанавливались для всех военнослужащих, уличенных в убийстве, разбое или грабеже, будь то боярский сын (дворянин), казак или стрелец. В целом, однако, закон больше отвечал интересам дворянства, чем казаков. Можно предположить поэтому, что редактировал закон Ляпунов.

В самом деле, Ляпунов являлся главным лицом среди лидеров национальной армии. Это был энергичный, очень инициативный человек. В общественных делах он находился между консервативным

боярством и казаками. Во внутренней политике он, в отличие от Василия Шуйского, продолжал линию Бориса Годунова и Лжедмитрия I, считая основой политического и социального порядка Руси дворянство и посадских. Во внешней политике, однако, Ляпунов следовал плану Шуйского, ища союза со Швецией, чтобы получить военную поддержку. Политика Ляпунова была связана с мучительной проблемой поисков подходящей кандидатуры на московский престол.

По этому вопросу в Земском Соборе не было согласия. Большинство хотело отложить решение этой проблемы.

Казаки Заруцкого выступали за сына Марины, царевича Ивана. Земцы были против Ивана, считая его сыном самозванца. Чтобы противостоять плану Заруцкого и Марины, некоторые земцы поддерживали идею Ляпунова пригласить шведского принца при условии, что он примет православие.

Инициаторы этого плана доказывали, что выбить поляков из Московии без шведской помощи не удастся. Кроме того, консервативные аристократы ожидали найти лучшего защитника своих привилегий от черни и казаков в царе иностранного происхождения, чем в выбранном земцами и казаками.

В обычной для него деятельной манере Ляпунов поспешил установить контакты со шведами. Он послал в Новгород нового воеводу, Василия Ивановича Бутурлина, который в 1610 г. имел с Делагарди дружеские отношения. Бутурлину поручили провести с ним переговоры и о кандидатуре шведского принца, и о военной помощи.

23 июня Ляпунов убедил других лидеров временного правительства послать в Новгород официальную делегацию, чтобы просить Делагарди о немедленной помощи. Эта акция вызвала недовольство не только казаков, но и земских людей. С их точки зрения, эксперимент со шведскими войсками в 1610 г. показал, что от их помощи можно получить больше вреда, чем пользы.

К политическим разногласиям прибавилась личная вражда. Безапелляционная манера и самонадеянность Ляпунова создали ему много врагов. Вскоре он стал жертвой бессовестной интриги, в которой участвовали и поляки, и некоторые казацкие атаманы.

Гонсевского и других польских лидеров в осажденном Кремле обеспокоило обращение Ляпунова к шведам (о чем докладывали их шпионы в лагере казаков). Им казалось важным устранить Ляпунова

любыми возможными средствами. Наилучшим способом было раздуть среди казаков пламя ненависти к Ляпунову и возбудить их подозрения относительно его намерений.

Через казака, взятого в плен в одной из стычек, атаману Заварзину в лагере Заруцкого было передано сфальсифицированное письмо, будто бы написанное Ляпуновым. В этом письме Ляпунов якобы приказывал властям рязанских городов убивать каждого казака, попадающего им в руки, добавляя, что после победы над поляками все равно нужно будет истребить "всех зловредных казаков".[48]

Получив письмо, Заварзин созвал круг. Возбужденные казаки потребовали, чтобы Ляпунов явился для объяснений. Он не уклонился от встречи. Когда ему показали документ, он признал, что почерк похож на его, но категорически отрицал, что написал это письмо. Началось горячее объяснение, во время которого несколько казаков выхватили сабли и зарубили Ляпунова (22 июля).

Убийство Ляпунова вызвало смятение и гнев городских и дворянских отрядов. Вражда между ними и казаками продолжалась. В августе значительное количество земских подразделений, особенно с Верхней и Нижней Волги, возвратились домой.

Другие, однако, а именно — из областей южнее Москвы, остались. Исполнительная власть теперь находилась у Трубецкого и Заруцкого. Земской Собор, армия и правительство продолжали действовать по модели, утвержденной 30 июня. Ведомства центральной администрации работали так же активно, как и раньше. Налоги и провиант продолжали собирать везде, кроме тех городов, что отказались выплачивать долю после отзыва своих отрядов из армии.

В это время поляки, воодушевленные разногласиями в лагере русских, решили отвоевать утраченные позиции. 4 августа Я.П. Сапега совершил отчаянную попытку прорвать снаружи кольцо русских войск вокруг осажденного польского гарнизона. Гарнизон, в свою очередь, сделал вылазку, и Сапеге удалось войти в Кремль и доставить окруженным продовольствие. Однако осада гарнизона русскими продолжалась. Сапега заболел и 4 сентября умер. Через месяц гетман Ходкевич, посланный королем Сигизмундом освободить соотечественников, подошел к городу. Под его командованием находилось только две тысячи солдат, и он не смог разбить русских. Проведя некоторое время у Москвы, Ходкевич отступил в окрестности Дмитрова, где стал на зимние квартиры.

V

Обращение Ляпунова за помощью к шведам устраивало их, как нельзя больше. Оно давало им именно то, чего они желали, — предлог для продолжения вмешательства в дела России.

После сражения у Клушино (24 июня 1610 г.), во время которого наемные войска Делагарди перешли на польскую сторону, он с остатками шведских солдат отступил на новгородскую территорию. Там он ждал из Швеции подкрепления.

Еще до возвращения Делагарди из Клушино, шведы начали кампанию против Карелы (Кексгольм). Напомним, что царь Василий Шуйский передал шведам Карелу с уездом в уплату за их военную поддержку в борьбе с Лжедмитрием и поляками. Однако ни русский гарнизон в Кареле, ни жители уезда не желали принимать шведов и оказывали стойкое сопротивление шведским экспедиционным войскам.

Теперь ответственность за операции шведов лежала на Делагарди. В сентябре 1610 г. он осадил Карелу. Одновременно шведы подавили сопротивление крестьянских партизанских сил в сельских районах Карелы. Осада города продолжалась до 2 марта 1611 г., пока оставшиеся в живых защитники не сдали крепость при условии, что им позволят вернуться на Русь.[49]

Тогда же король Карл IX попытался присоединить к Швеции древние новгородские владения на севере: Северную Карелию и Соловецкие острова в Белом море, а также Кольский полуостров. Войска отправились в этих двух направлениях. Они разграбили несколько деревень, через которые проходили, однако не смогли ни захватить Колу, ни выйти к Белому морю.[50]

Самым важным для шведов было установить свой контроль над Новгородом. После падения Карелы Делагарди повел свою армию к Новгороду и занял Хутынский монастырь, в пяти милях от города. Оттуда он послал в город гонца, чтобы спросить новгородские власти, признают ли они еще законность Выборгского договора (договор Василия Шуйского от 1609 г.). Новгородцы ответили, что самостоятельно такой вопрос они решать не могут, и шведам придется иметь дело с будущим русским царем.

Делагарди решил ждать. С прибытием в Новгород послов Ляпунова между русскими и шведами начались переговоры. От имени Ляпунова и Земского Собора русские обратились к шведам с просьба-

ми о военной поддержке и направлении шведского принца на царский престол. Шведы затребовали денег и передачи нескольких русских городов в новгородской территории.

Ситуация в Новгороде была напряженной. Как в Москве в 1610 г., бояре и богатые купцы рассчитывали посадить на трон царя иностранного происхождения, а народ яростно выступал против. Ухудшила положение и ссора Бутурлина со вторым воеводой, князем И.Н. Одоевским. По шведским источникам, Бутурлин советовал сразу же захватить Новгород. Делагарди предпринял такую попытку, но она не удалась (8 июля). Однако неделей позже один русский, взятый шведами в плен, показал им дорогу в крепость. Бутурлин оказал некоторое сопротивление, но вскоре вывел свой отряд из Новгорода и отступил на юг. В городе разгорались отдельные схватки. В одном месте сорок казаков отказались сдаться и после отчаянного сопротивления погибли. Протоиерей Софийского собора с горсткой новгородцев превратил в крепость свой дом и двор и отбил несколько шведских атак. В конце концов шведам удалось поджечь строения. Все защитники погибли в огне.[51]

Новгородский митрополит Исидор и князь Одоевский уже не видели другого выхода, как послать людей к Делагарди с целью заключить со шведами мирный договор. Такой договор был подписан на следующий день, 17 июля.[52] Очевидно, что Делагарди заранее подготовил условия договора и даже предварительно обсудил их с некоторыми лидерами прошведской группировки среди новгородской знати.

По условиям этого договора новгородцы брали на себя обязательство признать шведского короля, а также его потомков по мужской линии своими защитниками и покровителями. Они выражали поддержку избранию шведского принца (или Густава Адольфа, или Карла Филиппа) русским царем с наследованием престола его потомками мужского пола. До прибытия шведского принца в Новгород они подчинялись приказам Делагарди. Митрополит Исидор, князь Одоевский и другие новгородские представители обещали информировать Делагарди о любых заговорах против него и его армии, а также докладывать о состоянии доходов Новгорода и запасах продовольствия. В свою очередь, Делагарди правил по совету и при поддержке этих людей.

Делагарди получал право расквартировать шведский гарнизон — столько отрядов, сколько он сочтет необходимым — в новгородской крепости. А его солдатам — и шведам, и иностранцам — выделялись

поместья из государственных земель, *"с согласия русского воеводы и сановных людей"*. Земля, принадлежащая православной церкви и монастырям, а также таким частным лицам, как бояре и купцы, оставалась в распоряжении своих хозяев. В свою очередь, Делагарди именем короля Карла гарантировал неприкосновенность православной церкви в Новгороде. Никакие новгородские земли, кроме Корелы, не отходили к Швеции.

В заключении было согласовано, что договор будет иметь законную силу в Новгородской земле, даже если Московское государство не одобрит его.

Ясно, что шведы ожидали возражений по поводу этого договора со стороны правительства Ляпунова, и это заключительное условие являлось мерой, которую они приняли, чтобы гарантировать свой протекторат над Новгородом.

Если бы Ляпунов был жив и увидел текст договора, он, вне всяких сомнений, был бы недоволен тем, что в нем отсутствуют какие-либо гарантии принятия православия избранным шведским царем. В любом случае, его преемники, Трубецкой и Заруцкий, отвергли договор. Несмотря на это Новгород остался в руках шведов, а во второй половине 1611 г. и в начале 1612 г. шведы заняли несколько других русских городов на новгородской территории, в том числе Ивангород, Орешек и Тихвин.

5. Победа национальной армии и избрание на царство Михаила Романова (1612-1613 гг.)

I

То, что земские отряды из городов Поволжья и Северной Руси отказались осаждать поляков в Москве, не означало, что они отказались от дела национального сопротивления. Скорее, они потеряли веру в возможность объединения с казаками и решили создать отдельную земскую армию, достаточно сильную, чтобы сохранить свою самостоятельность внутри национального движения.

В августе 1611 г. жители Казани и Нижнего Новгорода пришли к важному соглашению: действовать совместно и защищать Московское и Казанское государства. Прекратить враждовать и разорять друг друга. Виновных в преступлениях наказывать только по решению суда. Не принимать воевод и чиновников, назначенных Трубецким и Заруцким после убийства Ляпунова. Не позволять казакам стоять

в городах. И, наконец, они согласились, что царя должен избрать всеобщий Земский Собор, а не только казаки.[53]

Копии этого решения были разосланы из Нижнего Новгорода в города Северной Руси. Чтобы укрепить дух сопротивления среди посадских и земцев, нижегородцы постарались получить благословение патриарха Гермогена. Гонец хитростью проник в Кремль и тайно был принят патриархом.

В своем послании Гермоген благословил "всю землю" на защиту православной веры и убеждал армию и народ не принимать царем сына Марины.[54] В Нижнем Новгороде получили его послание 25 августа.

В сентябре нижегородцы предприняли организацию земского движения сопротивления. Инициатива этого шага исходила от посадской общины, возглавляемой недавно избранным старостой Кузьмой Мининым.

Минин, зажиточный, но не богатый мясник и купец — одна из самых замечательных личностей России того периода. Честный, надежный, деятельный, изобретательный, он был исполнен гражданственности в самом истинном смысле этого слова. В такой сложной исторической ситуации он проявил себя поистине гениальным организатором.

В середине сентября Минин начал кампанию по сбору средств на содержание земской армии. Он побуждал всех добровольно жертвовать на дело, однако не полагался только на пожертвования. Он также убедил посадскую общину издать указ об обязательном сборе пятой деньги. Это, фактически, должно было стать сбором пятой части капитала каждого горожанина. Позже, с организацией нижегородского земского комитета, в котором будут участвовать священники, купцы и дворяне, сбор станут взимать и с монастырей, и с поместий.

Кроме того, Минин и нижегородцы стали инициаторами организации новой армии освобождения. Чтобы укрепить отряды земского ополчения, нижегородцы пригласили присоединиться к ним изгнанное смоленское дворянство и стрельцов. Эти смоляне, насильно согнанные поляками с родных мест, хотели присоединиться к войску Ляпунова под Москвой, однако прибыли уже после его убийства. Трубецкой отправил их в Арзамас, откуда они с готовностью согласились идти в Нижний Новгород.

Встал вопрос — кто будет командовать армией? В то время в России было мало выдающихся полководцев. Шеина поляки взяли в плен при падении Смоленска. Из принимавших участие в осаде Москвы

наиболее известным был бывший воевода Зарайска, князь Д.М. Пожарский, получивший ранение в московской битве с поляками в марте 1611 г. и теперь восстанавливающий силы в поместье в Суздальском уезде, примерно в восьмидесяти милях от Нижнего Новгорода.

Именно к нему обратились нижегородцы в поисках подходящего командующего.

Пожарский согласился принять на себя военное руководство при условии, что нижегородцы сами позаботятся о материальном обеспечении армии. Те согласились и доверили Минину управление финансами армии. Комбинация оказалась продуктивной. Благодаря новой должности Минин занял важную позицию в совете армии, который с прибытием делегатов из городов, собравших отряды для Пожарского, был преобразован в Земский Собор.

Пожарский прибыл в Нижний Новгород в конце октября. К этому времени было получено послание архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына из Троицкого монастыря с убедительным призывом к войскам северных городов поторопиться в Москву и положить конец польскому вторжению. Власти монастыря особенно встревожило известие о приближении войск Ходкевича.

В отличие от патриарха Гермогена, Дионисий и Авраамий выступали за тесное сотрудничество нижегородской армии с силами Трубецкого и Заруцкого. Это, однако, не нравилось нижегородцам и их лидерам. Они не доверяли Заруцкому и его казакам. Заруцкий со своей стороны был обеспокоен формированием независимой земской армии и поэтому решил перекрыть дорогу из Нижнего Новгорода в города Северной Руси, послав атамана Просовецкого с отрядом казаков на Ярославль.

Пожарский, проводивший зиму 1611-1612 гг. в Нижнем Новгороде, выступил в Ярославль, как только услышал о планах Заруцкого, и появился там в марте 1612 г., опередив Просовецкого. План Заруцкого, таким образом, провалился, и на весну и начало лета 1612 г. Ярославль превратился в штаб армии Пожарского, место заседаний Земского Собора и центр административных ведомств (приказов).[55]

Общие силы армии Пожарского насчитывали примерно двадцать тысяч человек, возможно больше. Помимо отрядов из городов Поволжья (от Твери до Астрахани) и Северной Руси армия включала по меньшей мере три тысячи казаков и тысячу стрельцов. Кроме того, было подразделение сибирских татар под командованием татарского

царевича Арслана и отряды различных татарских групп из Касимова, Романова, Темникова, Кадома, Алатыря и Шацка.[56]

На политическом фронте перед ярославским правительством стояла сложная проблема взаимоотношений Руси со Швецией, непосредственно связанная со спекуляциями по поводу кандидатов на царский трон. Многие члены Земского Собора в Ярославле были готовы продолжить переговоры со шведами, начатые Ляпуновым. Но сначала Собор желал ближе познакомиться с июльским договором между Новгородом и Делагарди. Копию договора новгородцы выслали Ляпунову, однако его преемники, Трубецкой и Заруцкий, не ознакомили с ней Пожарского.

Примерно 1 мая 1612 г. Пожарский от имени "всей земли" отправил в Новгород Степана Татищева с письмами к митрополиту Исидору и воеводе И.Н. Одоевскому, а также посланием к Делагарди, содержащим просьбу обеспечить безопасность послов, которых Ярославский Собор намеревается направить в Новгород. В письмах к Исидору и Одоевскому Пожарский просил предоставить ему точную информацию о договоре Новгорода с Делагарди от июля 1611 г. и сведения о том, где и когда шведский принц примет православие и в какое время прибудет в Новгород.[57]

Татищев возвратился в Ярославль 1 июня с письмами от новгородских властей и их обещанием безотлагательно направить представителей на собор. Ярославское правительство затем разослало циркуляр в города на южной границе, сообщая их жителям о своих переговорах с Новгородом и о кандидатуре принца Карла Филиппа (чей старший брат, Густав Адольф, стал к этому времени королем Швеции). Ярославские лидеры побуждали южные города прекратить поддержку сына Марины и отправить делегатов в Ярославль на выборы Карла Филиппа.[58]

Новгородские послы прибыли в Ярославль в конце июня, были встречены Пожарским и приняли участие в заседаниях Земского Собора. Члены Собора не высказали возражений против основных позиций договора Новгорода с Делагарди. Собор выразил принципиальную готовность избрать царем Карла Филиппа, однако только после того, как он прибудет в Новгород и примет православную веру.

Новгородские послы утверждали, что шведы обещали выполнить эти условия, и что король Швеции сдержит свое слово. Ярославских лидеров не удовлетворили простые обещания. Пожарский выразил

опасение, что король Швеции может обмануть русских так же, как это сделал польский король.[59]

В этих обстоятельствах Собор отложил выборы. Однако было решено продолжить переговоры с новгородцами. Даже те члены Собора, которые сомневались в кандидатуре шведского принца, одобрили идею направить в Новгород нового представителя для заключения предварительного соглашения с новгородцами, а через них со шведами, чтобы предотвратить агрессивные действия шведов, особенно поход к берегам Белого моря.

Посланник Собора отправился в Новгород с возвращающимися новгородскими послами 26 июля. Он был уполномочен предложить мир между Москвой и Новгородом до прибытия в Новгород Карла Филиппа, когда, как ожидалось, Московия и Новгород признают его царем.[60]

Во время переговоров Пожарского с новгородцами по поводу кандидатуры шведского принца, в Ярославле остановился посол императора Рудольфа в Персии, Ёзеф Грегорович, возвращающийся в Прагу. Пожарский принял Грегоровича и расспросил его о возможности получить помощь императора против Польши. Грегорович выразил уверенность, что если Москва изберет царем брата Рудольфа Максимилиана, то император позаботиться о мире с Польшей. Пожарский сказал, что Собор с радостью примет Максимилиана. С Грегоровичем он отправил к императору своего посланника, переводчика Германа Вестермана. Выбрав путь через Архангельск, они добрались до Праги (где в это время находилась резиденция преемника Рудольфа, императора Матвея) только в середине октября 1612 г. 29 октября император дал Вестерману аудиенцию. В письменном ответе на послание Пожарского император выразил готовность выступить посредником между Польшей и Московским государством. О кандидатуре Максимилиана не упоминалось. Доверенный советник императора кардинал Клесл полагал, что любое вмешательство в сложные дела Москвы может быть небезопасным. Император, однако, передал Максимилиану предложение Пожарского, но Максимилиан отклонил его, сославшись на свой возраст (ему было около 54 лет). Матвей тогда обратился с этим предложением к младшему брату Максимилиана, Леопольду. Последний, молодой человек авантюрного склада, был весьма польщен. Ни Матвей, ни Клесл, однако, не торопились с этим делом, и только в марте 1613 г. Грегорович привез в

Москву согласие Матвея прислать на Русь Леопольда, но было уже слишком поздно. К этому моменту царя уже избрали.[61]

II

К концу июля 1612 г. и ярославское правительство, и его армия уже полностью определились, и Пожарский был готов вести своих воинов на Москву.

Но до встречи с поляками Пожарский и Минин должны были решить сложную проблему своих взаимоотношений с правительством Трубецкого-Заруцкого и его армией, продолжающей осаждать поляков в Москве.

И ярославское правительство, и правительство Трубецкого-Заруцкого действовали от имени "всей земли". Безусловно, чтобы добиться успеха, им нужно было сотрудничать и в конце концов соединиться. Достичь этого было трудно, как из-за различий в составе двух армий, так и из-за различий в политических взглядах и психологических установках, не говоря уже о личном соперничестве между лидерами.

Ярославское правительство и армия были созданы посадскими и дворянством Поволжья и Северной Руси в результате разрыва с казаками, последовавшего за убийством Ляпунова. Ярославичи стремились к тому, чтобы действовать независимо от армии, стоящей в пригородах Москвы, и в конце концов заместить ее. Эту программу, которую можно истолковывать как антиказацкую, проповедовал патриарх Гермоген. Реализация этих планов делала столкновение между двумя русскими армиями неизбежным.

Тогда как многие непримиримые деятели в ярославском правительстве и армии выступали против любого компромисса с московским лагерем, другие, беспокоившиеся о роковых последствиях столкновения между двумя группами русских, искали пути избежать такого конфликта. Идейными лидерами примирительной политики являлись монахи Троицкого монастыря Дионисий и Авраамий. В своих посланиях они призывали всех православных Московского царства объединиться и прислать своих делегатов в Москву еще в октябре 1611 г.[62]

Позже, когда земское движение создало свой отдельный центр в Ярославле, Дионисий и Авраамий старались действовать, как связующее звено между этими двумя сторонами. Они больше не противоречили непоколебимому патриарху Гермогену. В конце 1611 г. в Кремле поляки заключили его под стражу, и он умер от голода 17 февраля 1612 г.

6 мая 1612 г. Трубецкой и Заруцкий от имени "всех людей" своего лагеря направили Пожарскому письмо с выражением готовности сотрудничать с ярославскими людьми.

Но вскоре после этого между Трубецким и Заруцким разразилась ссора. После убийства Ляпунова Заруцкий стал главной фигурой в московской армии. Он знал, что с приходом Пожарского его власть резко ограничится. А Марина понимала, что группа Пожарского никогда не признает притязаний ее сына на трон. Это заставило Заруцкого начать тайные переговоры с гетманом Ходкевичем о переходе на польскую сторону. Переговоры ни к чему не привели, но когда о заговоре узнал Трубецкой, Заруцкому пришлось покинуть московский лагерь. Больше двадцати пяти сотен казаков последовали за ним сначала в Коломну, где к ним присоединилась Марина с сыном, а затем в Михайлов в Тульской области, откуда была открыта дорога на Дон.[63]

Уход Заруцкого значительно упростил взаимоотношения Трубецкого и Пожарского. Известия о походе Ходкевича на Москву заставили Пожарского выступить немедленно.

Авангард земской армии достиг предместий Москвы 3 августа. К 20 августа вся армия Пожарского подошла к столице, и как раз вовремя, поскольку Ходкевич тоже приближался к городу.

Трубецкой и казаки, большая часть которых осталась даже после ухода Заруцкого, сразу предложили Пожарскому полное сотрудничество и соединение двух армий. Пожарский, однако, разместил свои войска отдельно от казацкого табора, опасаясь дурных намерений по отношению к казакам со стороны многих дворян своей армии, которые не могли забыть убийства Ляпунова. Казаки, естественно, сочли решение Пожарского не только неверным со стратегической точки зрения, но и оскорбительным для себя.

22 августа у Новодевичьего монастыря в излучине Москвы-реки Ходкевич вступил в сражение с силами Пожарского. Одновременно польский гарнизон предпринял вылазку из Кремля. Бой, с новой силой разгораясь то в одном месте, то в другом, продолжался три дня. Казаки сначала держались в стороне, и только малая часть атаманов пришла Пожарскому на помощь. На третий день сражения монах Авраамий Палицын убедил казаков в необходимости спасать ситуацию, и они включились в сражение. Последнюю и решающую контратаку русских в последующей битве осуществил Минин во главе нескольких сотен земских конников и казаков. Поляки были вынуж-

дены отступить.[64] 25 августа 1612 г. Ходкевич повел свои потрепанные войска по Смоленской дороге на запад к Вязьме.

Высчитано, что в этом сражении силы русских насчитывали примерно десять тысяч человек, а объединенные польские войска (отряды Ходкевича и Кремлевский гарнизон) — около пятнадцати тысяч.[65]

Победа, достигнутая объединением сил армий Пожарского и Трубецкого, не привела к немедленному единению победителей. Трубецкой требовал, чтобы Пожарский и Минин пришли на совещание в его штаб, поскольку он, как боярин, выше их по чину (Пожарский был стольник, Минин — купец). Казаки жаловались, что у них нет средств к существованию, и грозили разойтись.

Постепенно все разногласия были урегулированы. Архимандрит Троицкого монастыря Дионисий предложил заложить некоторые монастырские пожертвования в пользу казаков. Они не приняли предложения, однако оно их успокоило. Трубецкой согласился слить ведомства своей администрации с учреждениями Минина и Пожарского, в города пошли циркуляры, что Трубецкой, Пожарский и Минин будут вместе руководить национальными делами.

Непосредственной задачей триумвирата было очистить от захватчиков Москву. 22 октября русские штурмом взяли Китай-город. Пять дней спустя польский гарнизон в Кремле сдался. Наиболее критическая стадия борьбы завершилась.

После освобождения Москвы следующей важной задачей лидеров освободительных армий было организовать стабильное правительство и, прежде всего, выбрать нового царя.

Тогда как многие члены земской армии вернулись домой, большая часть казаков осталась охранять Москву. Они превратились в самое сильное военное подразделение столицы. Триумвирату, естественно, приходилось считаться с мнением казаков. В совете трех их представителем был Трубецкой.

В ноябре триумвират созвал совещание, чтобы провести необходимую подготовку к созыву выборного Земского Собора. Это совещание стало ядром будущего Собора. В нем участвовали все группы и сословия: бояре, окольничие, дворцовые чиновники, московские уездные и провинциальные дворяне, гости (оптовые торговцы) и купцы, атаманы и казаки, стрельцы и "люди разных чинов".[66]

Они решили созвать депутатов от дворян, посадских и свободных крестьян каждого города (провинциального района) на пленар-

ное заседание Собора.[67] Каждый район должен был прислать к 6 декабря в Москву 10 делегатов[68].

Не все депутаты смогли добраться до Москвы в декабре. Из отдаленных городов они продолжали подходить весь январь 1613 г., когда заседания Собора уже начались, и только к 1 февраля собрались все.

По широкой представленности социальных групп и программе пленарного заседания Собор сходен с заседаниями в ноябре 1611 г.[69] Общее количество членов, судя по всему, превышало восемь сотен человек. Только крестьяне боярских и монастырских земель не имели своих представителей. В полных заседаниях Собора участвовали и епископы, и Боярская Дума. Большая часть заседаний проходила в одном из соборов Кремля.

Протоколы не сохранились, а информация в дошедших до нас официальных документах фрагментарна. Описания в летописях и воспоминания современников неполны и обычно тенденциозны, так как обусловливаются взглядами и симпатиями автора.

Однако по доступным нам сведениям представляется, что в Соборе существовало две основных активных группы — поддерживающих кандидатуру шведского принца Карла Филиппа (при условии, что он принимает православие) и настаивающих на собственном кандидате. Среди потенциальных собственных кандидатов были не только определенные бояре, но и некоторые вассальные татарские царевичи.[70]

В первую группу (поддерживающих шведского принца) входило большинство бояр и дворцовых чиновников, а также большая часть дворян с Верхней Волги и из Северной Руси. Вторая группа (желающих своего царя) нашла поддержку среди духовенства, дворянства русского юга Московии, большинства посадских (всех частей Руси) и казаков.

Казаки выдвинули своим политическим лидером князя Трубецкого. Когда его кандидатуру отклонили, казаки выступили за молодого боярина Михаила Романова, сына митрополита Филарета (которого тушинское правительство признало избранным патриархом). Эта кандидатура также вызвала возражения. И третьего кандидата казаков, князя Черкасского, тоже отклонили. 7 февраля было решено отложить выборы на две недели, чтобы дать жителям Москвы и близлежащих районов время обдумать этот вопрос.

Предпочитавшие своего кандидата продвигали кандидатуру Михаила Романова. Их выбор поддерживали бояре, чьи семьи были связаны с Романовыми, такие, как Шереметевы и князья Черкасские.

Известно, что Ф.И. Шереметев писал князю В.В. Голицыну: "*Давай выберем Мишу Романова, он молод и еще не умудрен, но он будет хорош нам (боярам)*".[71]

Доклады из городов достаточно близких, чтобы успеть за время, отведенное для окончательного подсчета голосов, оказались преимущественно в пользу Михаила. Простые москвичи тоже были на его стороне.

Затем, согласно довольно надежному источнику, утром 21 февраля, в день назначенных выборов, в Кремле собралась толпа казаков и простолюдин и потребовала, чтобы бояре отказались от шведского кандидата.[72]

В тот же день Михаила Романова единогласно избрали царем.[73] Нельзя не отметить в этой связи, что в 1614 г. Лев Сапега говорил митрополиту Филарету, что "*это донские казаки сделали вашего сына сувереном Московии*".[74]

6. Борьба национального правительства за выживание (1613-1618 гг.)

I

Избрание нового царя было решительным шагом по восстановлению мира и порядка в стране, однако колоссальные трудности, стоящие перед Земским Собором, не закончились с решением династической проблемы. Триумвират — Трубецкой, Пожарский и Минин — все еще находился во главе временного правительства, он сохранит свое положение до принятия власти на себя новым царем.

Поляки не оставили своих планов подчинить Москву. Шведы еще стояли в Новгороде, и, поскольку Собор не выбрал Карла Филиппа царем, от них можно было ожидать продолжения интервенции. Страна была разорена годами смуты, государственная казна — пуста. Банды поляков, литовцев, анархических казаков (в основном связанных с Заруцким) и просто разбойники бесчинствовали в Северной части Руси, некоторые даже в окрестностях самой Москвы.

В момент выборов Михаил Романов жил со своей матерью в Костромской земле, однако точное место их пребывания не было известно ни Москве, ни, к счастью, полякам, которые не преминули бы с ним расправиться, если бы смогли обнаружить.

Об одной такой попытке мы знаем из истории об Иване Сусанине, крестьянине деревни Домнино, расположенной недалеко от име-

ния Романовых. Шайка "польско-литовских людей" наняла его в качестве проводника к обиталищу Михаила Романова. Когда они поняли, что Сусанин завел их в чащу — его участь была решена. Этот эпизод больше чем через два столетия обессмертил композитор М.И. Глинка в своей опере "Жизнь за царя", теперь называемой "Иван Сусанин". Поместье, пожалованное в 1619 г. царем Михаилом зятю Сусанина, Богдану Сабинину[75], свидетельствует о подлинности этого исторического факта.

2 марта 1613 г. Собор отправил к Михаилу Романову и его матери, монахине Марфе (прежде Мария Романова) делегацию. Делегация получила указание следовать в Ярославль, *"или, где окажется царь"*.[76] По пути делегаты выяснили, что Михаил с матерью находятся в Ипатьевском монастыре в Костроме. Они добрались туда 14 марта и на следующий день получили аудиенцию.

Когда делегаты объявили Михаилу о его избрании на царский трон, тот решительно отказался *"с гневом и слезами"*, согласно отчету. Мать Михаила заявила, что ее шестнадцатилетний сын слишком молод и не сможет управлять разоренным государством, в котором люди всех сословий забыли о морали. Марфа напомнила делегатам, что московиты нарушили клятву четырем царям: Борису Годунову, его сыну Федору, Лжедмитрию и Василию Шуйскому. Для ее сына принятие трона означало бы пойти на смерть, добавила она.

Делегаты Собора отвечали, что московиты уже сурово наказаны за прежние грехи многочисленными несчастьями, и на этот раз они намереваются держать свое слово. В конце концов Марфа и Михаил согласились при условии, что "вся земля" будет верно поддерживать нового царя, и люди всех чинов будут помогать ему управлять страной.

Собор попросил Михаила как можно скорее прибыть в Москву. Однако его приезд в столицу откладывался из-за сложностей передвижения по опустошенной стране. Для царского поезда было трудно найти достаточно лошадей и запасов продовольствия. Только 2 мая Михаил и Марфа въехали в Москву. Их сердечно приветствовал Собор и все жители.

11 июля Михаила торжественно венчали на царство в Успенском соборе Кремля. По этому случаю предводителю освободительной армии, князю Д.М. Пожарскому, было даровано боярство (его прежний чин — окольничий).[77] На следующий день, в день тезоименитства царя Михаила,[78] купца Кузьму Минина, главу финансовой ад-

министрации освободительного движения, назначили думным дворянином (член Боярской Думы третьего чина).[79]

Напомним, что при избрании на царство Василий Шуйский был вынужден подписать обязательство, ограничивающее его юридическую компетенцию в пользу бояр, и что Владислава бояре избирали царем на определенных условиях, ограничивающих его власть. Когда новгородцы и Земский Собор приняли кандидатуру шведского принца Карла Филиппа, тоже подразумевалось, что он должен будет согласиться на ограничения своей власти.

Основным условием, на которое должны были согласиться Владислав и Филипп, было поддержание на Руси православной веры. При избрании Михаила настаивать на нем не было смысла, поскольку он и так был православным. Однако существует один вопрос по поводу других условий.

Некоторые историки полагают, что царь Михаил подписал обязательство, конституционно ограничивающее его власть. Одни из них убеждены, что обязательство было подобно принятому на себя Василием Шуйским (в пользу бояр); другие допускают, что он мог дать подобное обязательство Земскому Собору.[80]

Основные источники, на которые опираются те, кто уверен, что власть Михаила была ограничена, следующие:

1. Вступительная часть Псковской летописи, согласно которой бояре убедили Михаила при восшествии на престол передать им власть, подписав обязательство, подобное обязательству Василия Шуйского.[81]

2. История в сочинении Григория Котошихина, написанном в Швеции примерно в 1665 г., в которой говорится, что, хотя Михаил и называл себя самодержцем (автократом), он ничего не мог предпринять, не посоветовавшись с боярами.[82]

3. Утверждение шведского офицера, Филиппа Иоанна Страленберга, взятого русскими в плен в Полтавской битве (1709 г.) и возвращенного в Швецию после Ништадтского мира (1721 г.). Страленберг говорил, что Михаил обещал хранить православие; не преследовать виновных в нанесении обид его отцу (Филарету); править по закону, не создавать новых законов и не упразднять старых; не воевать и не заключать мира по собственной воле; передавать свои земельные владения только своим родственникам или в государственную казну. Согласно Страленбергу, его друг видел оригинал этого

документа, принадлежащий фельдмаршалу графу Б.П. Шереметеву (который умер в 1719 г.).[83]

Первые два источника говорят об ограничении власти Михаила боярами, третий – Земским Собором. Насколько достоверна история Страленберга? Сам он документа не видел. Его сведения о существовании и содержании документа основаны только на слухах, однако его изложение в любом случае показывает, что ограничения власти Михаила, как они описывались во времена Страленберга, были связаны с родом Шереметевых.

Принимая во внимание значимость Земского Собора в период царствования Михаила, предположение о его конституционных правах представляется заслуживающим доверия.

Собор заседал практически без перерывов все царствование Михаила. Большая часть важных грамот, указов и административных распоряжений Михаила были разработаны при участии Собора. Вместо прежней формулировки "Царь приказал и бояре приговорили" мы обнаруживаем новую – "по царскому указу и по земскому приговору".[84]

Нет никаких сомнений, что в царствование Михаила Собор делил с царем законодательную и исполнительную власть. Из этого, однако, мы не можем заключать, что Михаил подписал официальные условия, ограничивающие его власть.

Строго говоря, именно Михаил, принимая трон, по совету своей матери выдвинул условие, что "вся земля", имея в виду Земский Собор, поможет ему восстановить порядок в Московии и управлять всей страной. Можно предположить, что представители Собора подписали обязательство по поводу своей деятельности. Любомиров полагает, что оно было оформлено в виде челобитной (прошения).[85]

Соглашение царя с Земским Собором не исключало, однако, отдельной договоренности между царем и боярами. Бояре, как в случае с Василием Шуйским, хотели быть уверены в том, что они не лишатся своих личных прав и не будут беззащитны перед царской прихотью. Более того, они, безусловно, пытались защитить свое приоритетное положение в правительстве и администрации от посягательств дворян и купцов Собора, а также казаков.

Одним из выразителей интересов бояр во время выборов Михаила был Ф.И. Шереметев, который поддержал его кандидатуру, поскольку предполагал, что юный царь будет достаточно уступчив и позволит им руководить.

Шереметев входил как один из высших членов Собора в костромскую делегацию к царю в марте 1613 г. Тогда он мог предварительно обсудить предложения бояр с Марфой Романовой, а затем в Москве со всей группой бояр во время коронации Михаила. Из изложения Страленберга мы знаем, что какой-то документ, касающийся соглашения царя с боярами, хранился в семье Шереметевых.

Было ли это официальным обязательством или джентльменским соглашением — другой вопрос. По тому, что говорит Котошихин, скорее может показаться, что это было все-таки неформальной договоренностью бояр с Михаилом.

II

В начале царствования Михаила, когда Земский Собор действовал постоянно, ситуация не благоприятствовала реализации олигархических устремлений бояр.

Власть нового правительства сначала основывалась не на силе, а на народной поддержке делу восстановления порядка в стране. Правительство зависело от поддержки народа, то есть от желания дворян, посадских и, что тоже немаловажно, казаков сотрудничать с властями.

Боярская Дума являлась частью Земского Собора и высшим органом правительства и центральной администрации. В нее входили не только бояре, но и окольничьи, думные дворяне и думные дьяки. Когда авторитет бояр был высок, их власть в Думе была огромна. Однако в 1613 г. ситуация была иной. Непоследовательное поведение многих бояр во время смуты повредило их репутации. Старшая группа дискредитировала себя признанием верховенства Польши. Единство боярства как класса разрушила принадлежность его отдельных представителей к разным политическим лагерям.

Примирить различные группы бояр было нелегко. Среди лидеров Думы в начале царствования Михаила обнаруживаем остатки прежней старшей группы (князь Ф.И. Мстиславский), тушинских бояр (князь Трубецкой) и командующего земской армией (князь Д.М. Пожарский). Несколько депутатов думы являлись родственниками, близкими и дальними, нового царя (его дядя И.Н. Романов, Ф.И. Шереметев, князь Черкасский). Эти люди стремились создать в Думе лидирующую группу и таким образом восстановить престиж бояр.

В 1613 г. позиции боярства все еще были не блестящи, а противоречия между разнородными элементами боярства оставались острыми.

Поэтому неудивительно, что самым влиятельным человеком в Думе был не аристократ, а думный дворянин, Кузьма Минин, несмотря на то, что его чин был ниже чинов окольничего и боярина. Вне всякого сомнения, Минин продолжал действовать в тесном контакте с Пожарским и всегда мог рассчитывать на его поддержку. Что касается казаков, то их представителем в Думе оставался, судя по всему, Трубецкой.

Примечательно, что поляки, прекрасно осведомленные о московских делах, называли Минина "казначеем и главным управителем" Московии, добавляя, что немало людей его социального статуса занимали основные позиции в административных ведомствах.[86] Поляки даже насмехались над боярами, утверждая, что в Москве "посадские, поповичи и простые мясники" допущены управлять государственными и земскими делами и даже руководить внешней политикой.[87] И действительно, мы обнаруживаем подпись Минина среди других на важном письме к польско-литовской раде (сенату) в декабре 1614 г.[88] До своей смерти в 1616 г. Минин, как доверенный думный дворянин, располагал апартаментами во дворце.[89]

Задачей первостепенной важности для правительства Михаила являлось урегулирование отношений с казаками. Часть донских казаков, принимавших участие в освободительном движении, после выборов Михаила отправились по домам, другие остались в Москве. Они и составили основу правительственных вооруженных сил. Кроме донских казаков были отряды служилых казаков, которые за Смутное время весьма прониклись независимым духом дончан.

У казаков была собственная военная организация, и они не считали себя составной частью регулярной армии. Отдельные их группы, разбросанные по стране, не желали подчиняться приказам даже собственных старших по чину. Когда истощались запасы, они обирали население, что очень походило на разбой. В письме Строгановым от 25 мая 1613 г. епископы точно описывали ситуацию (не только относительно казаков, но и вообще военных), говоря, что, когда они не получают жалованья, то либо идут домой, либо волей-неволей грабят.[90] Однако кроме этих вынужденных грабителей среди казаков было немало и настоящих разбойников, особенно среди людей Заруцкого.

В деле с казаками правительству нужно было действовать осмотрительно и осторожно. Они схватили главарей бандитов, а с вынужденными грабителями попытались справиться с помощью убеждения и регулярной выплаты жалованья.

В конце апреля 1613 г. Земский Собор получил от боярина Шереметева и "людей всех чинов", а также от самого царя, который в это время находился в Троицком монастыре на пути из Костромы в Москву, жалобы на бесчинства казаков. Скорее всего, письмо царя было написано Шереметевым или, во всяком случае, по его совету. Царь потребовал принять против грабежей строгие меры. Он особо подчеркивал бессмысленную жестокость казаков.[91]

Правители прекрасно знали, что казаки не пожелают подчиниться никаким приказам и их необходимо убедить самих принять необходимые меры. Этот подход себя оправдал. В ответе царю Земский Собор доложил, что царское послание торжественно зачитали в Успенском соборе казакам и "всем людям", и казаки поклялись верно служить царю, изловить и наказать бандитов. Казаки установили собственную систему инспектирования своих лагерей (таборов). Общим решением всех казаков была назначена комиссия из двух атаманов для периодической проверки людей в каждом подразделении и ареста бандитов, нашедших там убежище. Кроме того, казацкая военная полиция должна была патрулировать улицы Москвы и ее пригороды.[92]

Отношения с казаками внутри Московии, таким образом, более или менее нормализовались. Но ситуация с внешними казаками, особенно с группой Заруцкого и Марины, вызывала серьезные опасения и с военной и с политической точек зрения. Еще до прибытия царя Михаила из Костромы в Москву временное правительство выслало против Заруцкого войска под командованием князя И.Н. Одоевского. В мае 1613 г. Одоевский сразился с ним у Воронежа. Заруцкий и Марина отступили в Астрахань. Разместив в Астрахани свой штаб, Заруцкий отправил шаху Персии посла с просьбой принять его в качестве вассала. Одновременно Заруцкий готовился к походу на Московию вверх по Волге и призывал всех казаков поддержать его.

Для московского правительства ситуация становилась угрожающей. Все зависело от отношения независимых казацких армий, особенно от самой сильной из них — Донской.

Собор направил в Донскую армию послание, официально объявляя казакам об избрании Михаила и побуждая их выступить против поляков на защиту православной церкви. Вместе с посланием Донская армия получила деньги, обмундирование, селитру, порох, водку и провиант. Донские казаки изъявили свое желание служить Миха-

илу так же верно, как они служили его предшественникам. Звонили церковные колокола, служились благодарственные молебны.[93]

Тогда донских казаков еще не попросили помочь Москве справиться с Заруцким. Такой шаг представлялся неуместным. Однако, когда стало ясно, что с Заруцким не удастся покончить одним ударом, московское правительство было вынуждено обратиться к войску Донскому.

Пока же царь пожаловал войску Донскому привилегии и государственное знамя. Последнее являло собой знак его благоволения к этой армии и символизировало присоединение к государственным войскам.[94]

18 марта 1614 г. царь, епископы и Собор направили донским и волжским казакам послания, убеждая их не поддерживать Заруцкого, а, напротив, помочь Москве остановить его.[95] Одновременно Собор обратился и к самому Заруцкому, убеждая его оставить Марину, тогда царь даровал бы ему прощение.[96]

Донские казаки, в свою очередь, написали Волжской, Терецкой и Яицкой казацким армиям, рассказывая о царских милостях и подарках (к этому времени пожалованных всем казацким армиям) и призывая хранить верность царю и не поддерживать его врагов (имя Заруцкого не называлось).[97]

Тогда как многие из бедных казаков симпатизировали Заруцкому, большинство отвернулось от него. Посадские Астрахани поднялись на открытое восстание против Заруцкого. Он со своими последователями удерживал астраханский кремль (крепость), но город контролировали его враги.

Терецкие казаки и стрельцы тоже решили поддержать царя и хранить верность "московским чудотворцам", как они называли прежних московских митрополитов, канонизированных в шестнадцатом веке. Терецкий народ решил отправить в Астрахань, чтобы помочь астраханцам сражаться с Заруцким, Василия Хохлова с семьюстами воинами. Когда Хохлов прибыл в Астрахань, Заруцкий и Марина бежали к яицким казакам. В этот момент князь Одоевский подошел к Астрахани с севера и отправил в Яицкий Городок два подразделения стрельцов. Сначала яицкие казаки пытались оказать стрельцам сопротивление, но скоро перешли на их сторону, поклялись в верности царю и выдали стрельцам Заруцкого и Марину (25 июня 1614 г.).[98]

Заруцкого и Марину доставили в кандалах и с сильной военной охраной в Москву. Охрана имела приказ убить пленников, если со-

ратники Заруцкого попытаются освободить их, однако такой попытки не произошло.

В Москве по приказу царя и Боярской Думы Заруцкого посадили на кол, царевича (сына Марины) повесили, а Марину заключили в тюрьму в Коломне, где она вскоре умерла от горя и страданий.[99]

Личность и судьба Марины произвели сильное впечатление на русских. Поддерживавшие ее и Заруцкого казаки восхищались ею. Для большинства московитов она была ненавистной еретичкой и ведьмой. И те, кто восторгались ею, и те, кто порочил ее, считали, что она обладает сверхъестественной силой.

Свадьба Марины с первым самозванцем стала сюжетом нескольких народных песен. В большинстве из них описывается также смерть Дмитрия. Согласно одному из вариантов, когда Марина увидела напавших на дворец заговорщиков, она превратилась в сороку и вылетела в окно.[100]

Образ Марины проник в фольклорную поэзию былинного стиля, основанную на древних образцах. Новая версия былины о богатыре Добрыне Никитиче была сложена, по всей вероятности, вскоре после смерти Марины. В этой версии Марина появляется как чародейка, которая помогает дракону (Змею Горынычу) в сражении с Добрыней, заговаривая богатыря. Добрыня, однако, избегает ловушки и убивает Марину.[101] В процессе изменения былины о Добрыне с двенадцатого века до пятнадцатого столетия дракон олицетворял сначала половецких, а потом татарских ханов. В новой версии дракон, судя по всему, символизирует Заруцкого.

III

Подавление независимого движения казаков под руководством Заруцкого позволило Собору уделить больше внимания борьбе с иностранными врагами, окопавшимися на русской земле, шведами и поляками.

Трудность ситуации заключалась в том, что приходилось иметь дело с двумя враждебными силами одновременно. Правительственные вооруженные силы были недостаточно мощны, чтобы вести войну на два фронта, и только активное сотрудничество с населением районов, занятых иностранными армиями, позволило правительству удержать столько русской земли, сколько оно удержало.

Летом 1612 г. король Густав Адольф решил сам добиваться престола. Он отправил новгородцам уведомление о своей готовности

приехать в Новгород и принять царскую корону, как только на это согласится Москва. Уверенный, что новгородцы в любом случае изберут его царем, он начал даровать шведам поместья во владениях Новгорода.[102]

Король, таким образом, повторил путь Сигизмунда. Реакция русских тоже повторилась, поскольку большая часть новгородского населения решительно отвернулась от шведов.

Скоро король понял свою ошибку и в октябре 1612 г. пообещал новгородцам прислать Карла Филиппа в Выборг для завершения переговоров о его избрании на царство.[103]

Поездка Карла Филиппа, однако, откладывалась, и только после избрания Михаила Романова король отправил своего брата в Выборг. В то же время он подготовился к новому наступлению на Русь.

Инструктируя свою выборгскую делегацию, которая должна была вести переговоры с Русью, король предвидел возможность, что Москва откажется прислать представителей, и приедут только новгородцы. В этом случае шведским делегатам предписывалось предложить Новгороду союз со Швецией, подобный союзу Литвы с Польшей. Если новгородцы отказываются, вся русская территория западнее линии Псков-Архангельск аннексируется Швецией.

Как и ожидалось, в Выборг приехали только послы Новгорода. Шведам стало ясно, что никакая другая часть России кроме Новгорода не желает признавать шведского царя. Новгородские послы присягнули Карлу Филиппу, однако он отказался при данных обстоятельствах прибыть в Новгород.[104]

Скоро стало очевидным, что новгородские послы в Выборге выражали мнение лишь небольшой группы новгородцев. В целом же горожане находились на грани восстания против шведов, но не могли начать его из-за того, что в Новгороде стояло слишком много шведов. Это были жители таких провинциальных городов Новгородской Земли, как Тихвин, Порхов и Гдов, которые поднялись на шведов, как только до них дошло известие об избрании Михаила. Тихвин стал центром местной оппозиции шведам, и скоро московское правительство отправило туда несколько войсковых соединений.[105]

В сентябре 1613 г. Трубецкой выступил с казацкими подразделениями против основной шведской армии в Новгороде. Часть казаков отправилась к Старой Русе и построила недалеко от нее форт. Трубецкой разместил свой штаб в Бронницах близь устья реки Мсты на се-

верной стороне озера Ильмень. Его целью было перекрыть путь в Ладогу по реке Волхов, однако под его командованием находилась лишь тысяча человек. Он просил Москву о подкреплении, но напрасно, поскольку московское правительство вело подготовку к наступлению поляков. В июле 1614 г. Делагарди, принявший на службу несколько сотен запорожских казаков из банд, бродивших в то время по Северной Руси, атаковал расположение Трубецкого и прорвал оборону русских. Понеся тяжелые потери, Трубецкой отступил в Торжок. Отряд казаков у Старой Русы тоже был вынужден отступить.[106]

После отхода русских войск население районов, снова занятых шведами, начало уходить на юг в области, твердо удерживаемые московским правительством. Те, кто не мог уйти, скрывались в лесах.[107] Условия жизни в Новгороде были тяжелыми, настроение народа — мрачным.

12 декабря 1614 г. шведский генерал Горн написал из Новгорода королю Густаву Адольфу, что никто из новгородцев, с которыми он общался, не желает принимать шведское правление: "Новгородцы так высоко ценят свою независимость, так воодушевлены идеей иметь собственного русского царя, что готовы пожертвовать ради этого своей жизнью. ... Никто из новгородцев не хочет платить высоких налогов, которыми мы их обложили. ... Кроме того, в Новгороде сейчас такая нищета, что некоторые люди действительно не могут ничего платить. Многие бегут из города, оставляя своих жен и детей. ... (Что же касается бояр) примером их отношения к нам служит тот факт, что после жатвы они немедленно сожгли всю солому, чтобы лишить шведов корма для лошадей. Сено достать невозможно. Через два месяца погибнут наши последние лошади. Многие люди тоже умирают. Крестьяне так бедны, что не в состоянии засевать свои поля.".

В своем январском отчете в 1615 г. Горн добавил, что среди новгородцев были случаи самоубийств.[108]

Летом 1615 г. Густав Адольф лично командовал осадой Пскова, но не смог взять город штурмом. Через три месяца он снял осаду и отвел свои войска.[109]

Поражение у Пскова показало шведам, что дальнейшая борьба с Россией потребует от них более напряженных усилий, больших финансовых затрат и более сильного войска. Русские, со своей стороны, желали избавиться от шведской угрозы, чтобы сосредоточиться на защите от нападений Польши. 15 октября 1615 г. между Москвой и Швецией начались мирные переговоры, однако мир был подписан толь-

ко 23 февраля 1617 г., в Столбово.[110] Английский посланник, сэр Джон Меррик, действовал на этих переговорах в качестве посредника.

Статьями Столбовского договора предусматривалось, что шведы возвращают Руси Новгород и Старую Русу. Русские подтверждают принадлежность шведам Корелы и уступают Ингрию, включая устье реки Невы.

В экономических статьях договора подтверждалась свобода торговли между Московией и Швецией. Шведским купцам возвращали их дворы в Новгороде, Москве и Пскове. Им разрешалось совершать там свои религиозные обряды, но запрещалось строить храмы. Русские вновь получали двор в Ревеле (Таллинне) и новые дворы в Стокгольме и Выборге. В Ревеле им возвращалась их бывшая церковь, но в Стокгольме и Выборге они должны были отправлять богослужения в собственных дворах, строить там церкви они не имели права.

Шведским дипломатам разрешалось проезжать по территории Руси в Персию, Турцию и Крым, однако без купцов с товарами. В свою очередь, русские дипломатические представители, но не купцы, получали право следовать через Швецию в земли Германской империи, Великобританию, Францию, Испанию, Данию, Голландию и другие западные страны.

Русские сочли достаточным успехом на этот момент уже то, что им удалось сохранить Новгород. Однако передача Швеции Ингрии и Корелы была болезненной потерей, поскольку лишала Русь выхода к Балтийскому морю. Ингрия и Корела с раннего Средневековья являлись частью Новгородской земли, а после вхождения Новгорода в Московское государство — частью Московии. Потерянные Иваном Грозным, эти две провинции были возвращены Руси Борисом Годуновым. Теперь они снова были потеряны, юридически навсегда, поскольку Столбовский договор являлся договором о "вечном мире".

Однако насущные потребности нации не могут регулироваться исключительно статьями юридических документов, особенно когда эти статьи нарушают элементарные условия географического положения. Во второй половине семнадцатого века Россия возобновит усилия по обеспечению себе выхода в Балтийское море. При Петре Первом русские отвоюют у Швеции не только Ингрию и Корелу, но и всю Ливонию.

В 1617 г. катастрофа могла быть куда более значительной, если бы шведам удалось лишить Русь выхода не только в Балтийское, но и в Белое море и Северный Ледовитый океан.

IV

Москва заключила мир со Швецией как раз вовремя, поскольку в 1616 г. поляки начали подготовку к очередному походу на Московию.

Поляки не считали избрание Михаила на трон законным. Для них законным царем Москвы являлся Владислав (уже не Сигизмунд!).

Московское правительство стремилось закончить войну с Польшей, особенно потому, что желало как можно скорее освободить из польского плена отца Михаила, митрополита Филарета. Польские пленники на Руси тоже мечтали возвратиться в Польшу. Чтобы организовать обмен пленными, Собор 10 марта 1613 г. направил к королю Сигизмунду своего представителя. Сигизмунд отказался ответить, но рада (сенат) написала Собору, прося русских воздержаться от военных действий до приезда послов германского императора, которые урегулируют спор между Польшей и Москвой.[111]

Польско-московские переговоры длились все два последующих года.[112] Посредничество императорского посла, Хайделя фон Рассенштейна (Haidelius von Rassenstein), оказалось неэффективным.[113] Тем временем военные операции продолжались, но с польской стороны это была не предполагаемая большая война, а серия разорительных набегов Лисовского и его последователей, а также запорожских казаков.

Секрет успеха людей Лисовского заключался в молниеносной быстроте их передвижений. С ними не было обоза. Они добывали пищу и все, в чем нуждались, грабежом. Запорожцы использовали такую же тактику.

Пожарский являлся в то время единственным военачальником, способным справиться с Лисовским, однако, прогнав его из Орла до Калуги летом 1614 г., Пожарский тяжело заболел. Его преемники не могли дать достойный урок Лисовскому, который, обходя укрепленные города, устремился на север в Углич и Ярославль, затем повернул на юг в Суздаль, Муром, Тулу и Алексин, опустошив все на своем пути. Наконец, завершив круг, он вернулся в Литву.

Запорожцы проникли в Северную Русь, разорив земли вокруг Вологды, Тотьмы и Устюга, а также Важский и Олонецкий уезды. Они дошли даже до Сумского Острога на Белом море. Некоторые из них, как мы знаем, сотрудничали со шведами в Новгородской земле. Сначала русские просто не знали, откуда ждать нападений запорож-

цев и как их отражать. В конце концов жителям Олонецкого уезда удалось одолеть и изгнать интервентов.

В июле 1616 г. польский сейм выделить фонды для кампании Владислава против Москвы. В случае успеха Владислав, как московский царь, обязался передать Смоленск и Северскую землю соответственно Литве и Польше, а затем заключить нерасторжимый союз между Московией и Речью Посполитой. Главнокомандующим армией Владислава предполагалось назначить польского гетмана Жолкевского, однако Жолкевский отказался принять назначение, очевидно потому, что не верил, что русские когда-либо примут Владислава царем. Вместо него назначили гетмана Ходкевича.

Регулярная армия Владислава была небольшой, не более одиннадцати тысяч человек, но отборной, в нее входили также германские наемники. Кроме того, поляки могли рассчитывать на помощь людей Лисовского (сам Лисовский умер в течение того года) и гетмана запорожских казаков Сагайдачного.

В качестве психологической меры воздействия Владислав объявил, что патриарх Игнатий (смещенный после убийства Лжедмитрия I) следует с ним в Москву, чтобы занять патриаршую кафедру. На самом деле, он во время пребывания в Польше вошел в униатскую церковь, однако русские об этом не знали.

Кампания 1616-1617 гг. ничего не решила. Дорогобуж сдался Владиславу; Вязьму оставил гарнизон. Однако попытки поляков штурмовать Калугу, Можайск и Тверь провалились.

В сентябре Владислав возобновил кампанию. Одновременно гетман Сагайдачный с двадцатью тысячами запорожских казаков, обойдя крепости Орел и Тулу, двинулся на Москву окружным путем через Елец, Михайлов и Калугу. 20 сентября Владислав подошел к Тушино, а Сагайдачный — к Донскому монастырю в пригороде Москвы. 1 октября Москву атаковали с двух сторон. Во главе русских войск стоял Д.М. Пожарский. В наступившем беспорядочном уличном сражении обе армии понесли тяжелые потери, однако нападавшие не смогли взять внутренние городские стены.

Владислав тогда двинул армию к Троицкому монастырю, но тот тоже устоял. В ноябре в деревне Деулино возле Троицкого монастыря начались мирные переговоры. 24 декабря 1618 г. (3 января 1619 г.) было заключено перемирие сроком на четырнадцать с половиной лет. По условиям перемирия, Польше оставались и Смоленск, и Северс-

кая земля. Предусматривался обмен военнопленными; поляки отдельно согласились освободить отца Михаила, митрополита Филарета. Однако Владислав не отказался от своих притязаний на московский престол, и Сигизмунд не признал Михаила царем.[114]

Таким образом, непростой мир с Польшей , а также со Швецией закончил период Смутного времени — период, когда Англия тоже обдумывала возможность установить протекторат над всей Русью или ее частью. К счастью для России, из этого плана ничего не вышло.[115]

Глава 3

ВОССТАНОВЛЕНИЕ (1619 – 1654 ГГ.)

1. Сибирь

I

Разрушительные годы Смутного времени оставили Русь слабой и растерянной. Чтобы восстановить жизнедеятельность московских административных органов и веру русских в себя, от правительства царя Михаила потребуются максимальные усилия.

Поскольку государственные доходы сократились катастрофически, проблема пополнения государственной казны, среди массы неотложных дел, являлась одной из наиболее насущных и болезненных. При решении этой главной проблемы, как и других, русское государство спасло разнообразие и обширность ее геополитической основы – евразийский масштаб Московской империи.

Уступив Польше и Швеции свои западные провинции и понеся на западе тяжелейшие потери, Россия обратилась за новыми силами к своим восточным владениям – Уралу, Башкирии и Сибири.

Как говорилось в Главе 1, богатые купцы и промышленники Строгановы, которые к середине XVI века создали процветающее дело в Сольвычегодске на севере Руси, скоро обратили свое внимание на Урал и приняли активное участие в освоении Сибири.

В Смутное время Строгановы поддерживали правительство царя Василия Шуйского, а затем национальную армию Минина и Пожарского, и за заслуги царь Василий пожаловал их в именитые люди (чин выдающихся граждан)[1]. Строгановым удалось сохранить основную часть своих владений и ресурсов, и к моменту избрания на трон Ми-

хаила Романова они являлись самыми богатыми купцами и промышленниками Московии. Земский Собор решил обратиться к ним за финансовой поддержкой, как советовал царь Михаил еще до своего венчания на царство.

24 мая 1613 г. царь написал Строгановым письмо, в котором описал отчаянное положение страны: казна пуста, царь не в состоянии обеспечивать стрельцов и казаков деньгами, обмундированием и провиантом, и это в то время, когда царству угрожает новое нападение Польши. Царь просил Строгановых выделить государственной казне большую ссуду (деньги, продукты, одежда и другие товары). Епископы от имени Земского Собора также обратились к Строгановым с посланием, в котором упоминали о положении армии и призывали их спасти Отечество.[2]

Строгановы просьбу не отклонили, и это стало началом их значительной помощи правительству царя Михаила.

Естественным результатом завоевания Казани явилось русское продвижение в Башкирию. В 1586 г. русские возвели в сердце Башкирии крепость Уфу. Это обеспечило их контроль над большинством местных племен. Главой русской администрации в Башкирии был воевода (военный управляющий), обычно имевший чин стольника (полковника). Дьяк (секретарь) и несколько подъячих (чиновников) вели дела в административном здании (приказной избе) в Уфе. К ведомству воеводы были прикреплены одиннадцать переводчиков.

Русский гарнизон Уфы был невелик. Около 1625 г. он состоял из двадцати пяти боярских детей, 220 стрельцов и четырех артиллеристов. Через десять лет русские военные силы укрепили. В Мензелинске и Бирске разместили еще два дополнительных небольших гарнизона, а в 1655 г., когда Смоленск сдался московитам (см. Глава 5 настоящего тома), некоторых из смоленских дворян перевели в Уфу.[3]

Каждый боярский сын, служивший в русском гарнизоне в Башкирии, получил маленькое поместье. Это довольно незначительное количество земли положило начало сельскохозяйственного освоения Башкирии.

Русская администрация не вмешивалась в племенную организацию и дела башкирских родов, а также в их традиции и привычки, но требовала регулярной выплаты ясака (дани, выплачиваемой мехами). Это составляло главный источник дохода русских в Башкирии. Ясак являлся также финансовой основой русской администрации Сибири.

К 1605 г. русские установили твердый контроль над Западной Сибирью. Главной крепостью и административной столицей Сибири стал город Тобольск в низовьях реки Иртыш. На севере в важный центр пушной торговли быстро превратилась Мангазея на реке Таз (впадающей в Обскую губу). На юго-востоке Западной Сибири передовым постом русских на границе монголо-калмыцкого мира служила крепость Томск на притоке средней Оби.

Свидетельством устойчивости правления русских в Сибири является тот факт, что на деятельность административных органов московские смуты не оказали особого воздействия. В 1606-1608 гг. правда, были волнения самоедов (ненцев), остяков, селькупов (нарымских остяков) и енисейских киргизов, непосредственной причиной которых послужил случай вопиющего нарушения принципов русского правления в Сибири — позорные злоупотребления и вымогательства по отношению к коренным жителям со стороны двух московских голов (капитанов), присланных в Томск царем Василием Шуйским в 1606 г. Следует отметить, что эти два военачальника вели себя немногим лучше и по отношению к русским служащим. Они присваивали деньги и продукты, предназначенные для выплаты жалованья томским стрельцам и казакам. Те жаловались сначала томскому воеводе, а затем царю, и в 1608 г. воевода отослал этих двух капитанов обратно в Москву.[4]

Попытки мятежников штурмовать Тобольск и некоторые другие крепости русских провалились, и волнение подавили с помощью сибирских татар, некоторые из которых подвергались нападениям восставшими. В течение 1609 и 1610 гг. остяки продолжали выступать против русского правления,[5] однако их мятежный дух постепенно ослабел.

Все это происходило именно тогда, когда новая и более серьезная угроза владениям русских в Сибири появилась из степей центральной Азии.[6] К 1606 г. калмыки приблизились к русским поселениям Западной Сибири в бассейнах рек Тобол, Ишим и Иртыш. Сыновья татарского хана Кучума, свергнутого русскими после завоевания Сибири, попросили калмыков помочь им отвоевать владения отца.

Силы калмыков доходили до четырнадцати сан (отрядов), то есть до ста сорока тысяч конников. В сравнении с ними русские гарнизоны в Сибири были ничтожны. Однако русские имели преимущество в огнестрельном оружии, поскольку калмыки вряд ли вообще его

имели. Кроме того, русских поддерживали сибирские татары, большинство которых присягнули на верность царю.

Калмыки исповедывали буддизм (ламаизм), их общественная организация представляла собой свободный союз князей (называемых тайши, единственное число — тайша), чьи действия часто противоречили друг другу, и время от времени между двумя или более группами тайши происходили столкновения.

Централизованная форма управления в армейской администрации русских помогла им отразить калмыцкую угрозу, использовав противоречия среди тайши, а также конфликты между калмыками и соседними народами, такими как восточные монголы, казахи и ногайцы.

Другим фактором в предотвращении в тот момент войны между русскими и калмыками явилась их общая заинтересованность в торговле. Калмыки вывозили лошадей и крупный рогатый скот, продавая или обменивая на ткани и утварь. Они также желали получать от русских меха, металл и порох, которые те не хотели им продавать.

В конце 1607 г. из Тары в Москву отправилось первое калмыцкое посольство. 14 февраля 1608 г. его принял царь Василий Шуйский.[7] Московское правительство неправильно поняло намерения калмыцких тайши: оно ожидало, что те станут подданными царя, тогда как калмыки желали лишь установить с русскими мир и добрососедские отношения. Переговоры были продолжены, хотя и не без возникновения спорных моментов.

Для того чтобы пресечь притязания потомков Кучума и выказать уважение всем сибирским татарам, царь Михаил назначил старшего из внуков Кучума Арслана (сына старшего сына Кучума) царем Касимова. 7 августа 1614 г. новый царь Касимова получил торжественную аудиенцию у царя Москвы.[8]

В 1617 г. царь Михаил принял под свое покровительство врагов калмыков -монгольского правителя районов Уренгоя, носившего титул Алтан-хан (или Алтан-каган), "Золотой император". Русские называли его Алтын-хан или царь Алтын.[9]

В 1618 г. один из самых могущественных калмыцких тайши, Далай-Батыр, отправил в Москву своих послов и получил царскую грамоту о защите. Два года спустя его соперник Урлюк (из племени Торгут) тоже выразил готовность стать царским вассалом и получил царскую грамоту.[10]

Таким образом царь стал покровителем трех ханов, одного монгольского и двух калмыцких, находившихся во враждебных взаимоотношениях. Предполагалось, что царь будет судьей, но никто из его номинальных вассалов не шел на уступки двум другим, а царь не располагал достаточным войском, чтобы силой установить мир между ними.

К 1630 г. значительное количество калмыков стало продвигаться на запад. Некоторые из них напали на Башкирию, другие проникли в бассейн нижней Волги. В 1640 г. все калмыцкие тайши и некоторые восточные монгольские ханы провели в Джунгарии встречу, на которой пытались создать калмыцко-монгольский союз. Был одобрен свод законов (Tsaadjin-bichig), имеющий силу для всех ойрато-калмыцких племен. На встрече также обсуждались планы дальнейшего калмыцкого наступления.

После этого продвижение на запад тургутов и близких к ним калмыцких родов возобновилось с новой силой. В результате этого давление калмыков на Сибирь ослабело. Могущественный калмыцкий тайша Урлюк возглавлял западный поход калмыков, и в феврале 1643 г. один из его внуков пытался захватить Астрахань, но потерпел поражение. В декабре того же года Урлюк, направляясь на запад, пересек низовья Волги и вступил в степи северного Кавказа. Калмыки напали и на русскую крепость Терский Городок, и на землю кабардинских князей, которые тоже являлись царскими подданными. Русские стрельцы и терские казаки отразили нападение калмыков на Терский Городок. Кабардинцы и их союзники Малые ногайцы нанесли калмыцкой армии сокрушительное поражение. Сам Урлюк в этот сражении погиб.[11]

II

Когда Смутное время наконец закончилось, русские промысловики и казаки пересекли Енисей и возобновили свое продвижение на восток. За ними шли представители царской администрации. В 1619 г. был построен форт Енисейск. При продвижении русские воспользовались развитой сетью речных путей, используя волоки между восточными притоками Енисея и западными притоками Лены.

Русских в Сибири влекла жажда приключений и страсть к исследованию новых земель. Им всегда хотелось узнать, что же находится за горизонтом. Доклады первопроходческих групп русских предпринимателей и казаков полны ценной географической и этнографичес-

кой информацией. Взятое в целом, продвижение русских по Сибири составило важную главу в истории географических открытий, а также в географической науке.

С практической точки зрения русскими руководило то, что можно назвать пушной лихорадкой, которая вела их дальше и дальше в поисках новых охотничьих угодий.[12]

Сибирские народы охотились на пушных зверей до прихода русских с луком и стрелами. При таком способе охоты ежегодная добыча не бывала столь значительной и не могла привести к сокращению животных. Русские использовали силки и капканы, которые были много эффективней, и такой способ в конце концов привел к бедствию, поскольку популяции соболей и других пушных зверей стали быстро исчезать. Особенно вредными, хотя и высоко продуктивными для промысловиков, являлись силки, называвшиеся *кулёмой*.[13]

Сокращение количества пушных зверей в Западной Сибири заставило русских продвигаться в Восточную Сибирь, где животных было больше.

Промысловики (промышленники) двигались небольшими вооруженными группами, называвшимися ватагами. Руководителя называли *передовщик*. Каждая ватага представляла собой нечто вроде совместного предприятия. Каждый член имел свою долю в добыче. Между компаниями промышленников и отрядами казаков особой разницы не было. Каждая группа казаков тоже была ватагой, так как они занимались и торговлей.

В действительности и стрельцы и другие служилые люди тоже, где возможно, входили в пушные предприятия, несмотря на правительственные запрещения. Сами воеводы часто имели доли в ватагах. Поскольку это было незаконно, они действовали через подставных лиц.

К 1631 г. одна казацкая ватага дошла до озера Байкал, а две других — до реки Лены. В 1632 г. основали город Якутск. В 1636 г. группа казаков, отплыв из устья реки Оленек, вышла в Северный Ледовитый океан и прошла на восток вдоль побережья. По стопам этой и других экспедиций казак Семен Дежнев проплыл вокруг северо-восточной оконечности Азии. Начав свой путь в устье реки Колымы, попал затем в Северный Ледовитый океан и высадился в устье реки Анадырь в Беринговом море (1648-1649 гг.).[14]

За десять лет до арктического путешествия Дежнева казацкой экспедиции из Якутска удалось выйти в Охотское море по реке Ал-

дан. В 1640-х и 1650-х гг. были исследованы земли вокруг озера Байкал. В 1652 г. основали Иркутск. На востоке Поярков спустился по низовьям реки Амур и из его устья проплыл на север вдоль побережья Охотского моря (1644-1645 гг.). В 1649-1650 гг. Ерофей Хабаров открыл русским путь на средний Амур.[15]

Таким образом, к середине семнадцатого века русские установили свой контроль над всей Сибирью кроме полуострова Камчатка, который аннексировали в конце столетия (1697-1698 гг.).

Что касается этнического состава вновь присоединенных районов, то большую часть огромной территории между Енисеем и Охотским морем населяли тунгусские племена. Тунгусы, лингвистически родственные маньчжурам, занимались охотой и оленеводством. Их насчитывалось около тридцать тысяч.

Вокруг озера Байкал находилось несколько поселений бурятов (ветвь восточных монголов) с населением не менее двадцати шести тысяч человек. Буряты в основном были скотоводами и охотниками, некоторые из них занимались земледелием.

В бассейне Средней Лены жили якуты. Они лингвистически принадлежали к тюркской семье народов. Их было примерно двадцать пять тысяч — в основном скотоводы, охотники и рыболовы.

В северо-восточном треугольнике Сибири, между Северным Ледовитым океаном и северной частью Тихого океана, обитали различные палео-азиатские племена, около двадцати пяти тысяч оленеводов и рыболовов.

Коренные народы были значительно многочисленнее русских пришельцев, но они были разобщены и не имели огнестрельного оружия. Родовые и племенные старшины часто конфликтовали между собой. Большая их часть оказалась готова признать царя своим сувереном и платить ему ясак.

Однако, когда русские казаки или представители администрации требовали дополнительной дани или бессмысленно разоряли жителей, что они иногда себе позволяли, те стойко сопротивлялись. В 1642 г. якуты подняли мятеж, потому что воевода Якутска приказал произвести перепись их скота, но восстание было подавлено жестокими мерами.[16]

В 1644 г. казацкий атаман Василий Колесников начал собирать дополнительный ясак с бурят верхней Ангары, которые уже выплатили дань правительственному приказу на Верхней Лене. Под предлогом сбора ясака казаки занимались грабежом, захватывали и наси-

ловали женщин. Это привело к яростному выступлению бурят, которое удалось остановить только кровавой расправой с ними.[17]

Подобные бунты вызывали не основные принципы московского правления, установленные при Борисе Годунове, а вопиющие нарушения этих принципов со стороны казаков и правительственных чиновников.

III

Окончание войн со Швецией и Польшей (1617-1618 гг.) позволило московскому правительству полностью посвятить себя реорганизации и укреплению русской финансовой и административной систем. Сибири, в связи с ее важностью для пополнения государственных доходов, уделялось большое внимание.

В царствование Бориса Годунова делами Сибири управлял Казанский Дворец, или Приказ. В начале правления Михаила внутри Казанского приказа образовали специальный Сибирский отдел, а в 1637 г. он превратился в самостоятельный Сибирский Приказ.

После возвращения митрополита Филарета из польского плена и избрания его патриархом, он должен был стать фактическим главой не только Церкви Московии, но правительства и органов исполнительной власти. В Сибири он занимался исключительно церковными делами. В период Смутного времени среди сибирское духовенство погрязло в распущенности и пренебрежении к своему долгу; государственные чиновники допускали много злоупотреблений, нарушающих интересы церкви. Поэтому было решено создать в Тобольске митрополичью кафедру и назначить главой церковной администрации Сибири всеми уважаемого прелата. Для этого выбрали архимандрита Хутынского монастыря в Новгороде Киприана, и он стал первым архиепископом Тобольска, куда прибыл в 1621 г.

Попытки Киприана реформировать церковную и монастырскую жизнь в Сибири, внести порядок в церковную администрацию встретили серьезное противодействие со стороны местного духовенства. Несмотря на все это, несмотря и на краткий срок своей деятельности в Сибири, Киприану удалось до определенной степени поднять моральный и материальный уровень сибирского архиепископства. Он также собрал материал по истории Сибири. В 1624 г. его призвали в Москву и назначили митрополитом Крутицким. Позже он стал митрополитом Новгородским и оставался на этом посту до своей смерти в 1635 г.[18] В

Сибири преемники Киприана, из которых Нектарий (1636-1640 гг.) был особенно одаренным администратором, продолжили его дело.

Государственная администрация в этот период находилась в руках князя Юрия Яншеевича Сулешева (потомка известного крымского татарского рода), который в Москве поступил на царскую службу и был назначен управляющим Тобольска в январе 1623 г.[19] Сулешев был деятельным и энергичным руководителем. Среди других дел он уделил большое внимание дорогам и средствам связи, возродив систему ямской службы.[20] Он установил новые правила сбора ясака, что привело к значительному увеличению государственного дохода.[21] Он также запретил государственным служащим участвовать в торговле пушниной.[22]

Сулешев прослужил в Сибири два года, что являлось обычным сроком для сибирского воеводы. В 1625 г. его сменил известный боярин князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой (один из членов триумвирата 1611-1612 гг.).[23] Это назначение показывает, какое большое значение московское правительство делами Сибири. Трубецкой умер в том же году. Его преемником назначили князя А.А. Хованского.[24]

В 1625 г. в Сибири было четырнадцать городов и острогов (крепостей), куда назначались воеводы. Это были Тобольск, Верхотурье, Тюмень, Туринск, Тара, Томск, Березов, Мангазея, Пелым, Сургут, Кетский Острог, Кузнецк, Нарым и Енисейск.[25] В каждый город обычно назначали двух воевод, один из которых являлся старшим; в каждый острог — одного. С дальнейшим продвижением на восток количество городов и острогов, а следовательно, и воевод возрастало.

Каждый воевода руководил военными и гражданскими делами своего района. Он подчинялся непосредственно Москве, однако тобольский воевода имел определенную власть над всеми другими, позволявшую ему координировать действия сибирских вооруженных сил и органов управления.[26] Старший воевода Тобольска имел также ограниченное право поддерживать (под контролем Москвы) отношения с соседними народами, такими как калмыки и восточные монголы.

Положение воеводы в Московии, и еще больше того в Сибири, предоставляло массу возможностей обогащения, однако отдаленность, трудности проезда и небезопасные условия жизни в пограничных районах отпугивали московскую придворную аристократию. Чтобы привлечь известных бояр на службу в Сибири, московское правительство предоставило сибирским воеводам статус, который

имели воеводы в действующей армии, что означало лучшее жалованье и особые привилегии.[27] На время срока службы в Сибири владения воеводы в Московии освобождались от налогов. Его крепостные крестьяне и холопы не подлежали преследованию по суду, кроме случаев грабежа. Все судебные дела против них откладывались до возвращения хозяина. Каждому воеводе предоставлялись все необходимые средства для проезда в Сибирь и обратно.

Русские вооруженные силы в Сибири состояли из боярских детей; иностранцев, таких как военнопленные, переселенцы и наемники, высланные в Сибирь в наказание (их всех называли "*литва*", поскольку большую часть из них составляли литовцы и западные русские); стрельцов и казаков. Кроме них были местные вспомогательные войска (в Западной Сибири в основном татарские). Согласно расчетам Ланцева в 1625 г. в Сибири находилось менее трех тысяч московских военнослужащих, менее тысячи казаков и примерно одна тысяча местных. Десять лет спустя соответствующие цифры были следующими — пять тысяч, две тысячи и около двух тысяч.[28]

Параллельно росту вооруженных сил в Сибири происходило постепенное расширение сельскохозяйственной деятельности. Как уже отмечалось раньше, правительство набирало будущих сибирских крестьян либо по контракту (по прибору), либо в приказном порядке (по указу). Крестьяне в основном переселялись из Пермской области и русского Севера (Поморья). Правительство использовало на сельскохозяйственных работах значительное количество преступников и ссыльных военнопленных. Подсчитано, что к 1645 г. в Западной Сибири поселили не менее восьми тысяч крестьянских семей.[29] Кроме того, с 1614 по 1624 гг. там было размещено более пяти сотен ссыльных.[30]

С самого начала продвижения русских в Сибирь правительство столкнулось с проблемой недостатка зерна, так как до прихода русских сельскохозяйственное производство коренных народов в западной Сибири соответствовало только их собственным нуждам. Чтобы удовлетворить потребности военных гарнизонов и русских служащих и , зерно приходилось привозить из Руси.

При постройке в Сибири каждого нового города вся пригодная для пашни земля вокруг него исследовалась и лучшие участки отводились под государеву пашню. Другая часть предоставлялась служащим и духовенству. Остатки могли занимать крестьяне. Сначала пользователи этой земли освобождались от специальных повинно-

тей в пользу государства, но во время пребывания на посту воеводы Тобольска Сулешев распорядился, чтобы каждый десятый сноп из урожая в поместьях, отведенных служилым людям, передавался в государственное хранилище этого города. Этот законодательный акт применялся на территории всей Сибири и сохранял силу до конца XVII века.[31] Такой порядок был сходен с институтом десятинной пашни (десятая часть обрабатываемого поля) в южных приграничных районах Московии. Благодаря подобным усилиям, к 1656 г. появилось изобилие зерна в Верхотурье и, возможно, в некоторых других районах Западной Сибири.[32] В Северной Сибири и Восточной Сибири русские вынуждены были зависеть от ввоза зерна из западной ее части.

Русские были заинтересованы не только в развитии земледелия Сибири, но и в разведке там месторождений полезных ископаемых. Вскоре после строительства в 1618 г. города Кузнецка местные власти узнали от коренных жителей о существовании в этом районе залежей железной руды. Четыре года спустя томский воевода отправил кузнеца Федора Еремеева искать железную руду между Томском и Кузнецком. Еремеев обнаружил месторождение в трех милях от Томска и привез образцы руды в Томск, где выплавил металл, качество которого оказалось хорошим. Воевода послал Еремеева с образцами руды и железа в Москву, где эксперимент был успешно повторен. "И железо получилось хорошее, и из него можно было делать сталь". Царь наградил Еремеева и отослал его обратно в Томск (1623 г.).

Затем в Томск из Устюжны отправили двух опытных кузнецов для руководства новой литейной для производства ружей. Литейная была небольшой, производительностью только один пуд металла в неделю. Тем не менее, некоторое время она служила своей цели.

В 1628 г. месторождения железной руды разведали в районе Верхотурья, там открыли несколько литейных, общая производительная мощность которых была больше и стоимость продукции ниже, чем в томской. Литейную в Томске закрыли, и Верхотурье превратилось в главный русский металлургический центр Сибири того периода. Кроме оружия там производились сельскохозяйственные и горнодобывающие орудия.[33]

В 1654 г. железорудные месторождения были обнаружены на берегу Енисея в пяти верстах от Красноярска. Искали в Сибири также медь, олово, свинец, серебро и золото, однако результаты появились в конце XVII века.

Несмотря на развитие сельского хозяйства и горного дела, пушнина оставалась для русской казны и для отдельных предпринимателей в XXVII веке главным источником дохода.

Все меха, собранные в качестве ясака, шли государству. Кроме того, государство занимало привилегированное положение в торговле, на основе чего казна наложила десятину (десятинную пошлину) в мехах на промысловиков и торговцев. Государство также при потребности покупало меха у частных торговцев.

Ясак собирали двумя способами. В большинстве случаев в Западной Сибири местные жители сами доставляли свои шкурки русским официальным лицам в ближайший город или острог. В таких районах, как Восточная Сибирь, где люди жили в большой удаленности от города или острога, воевода этого города посылал своих сборщиков в местные родовые общины.[34]

Все собранные шкурки отправлялись в Москву. Уплата ясака регистрировалась в специальных книгах (ясачных книгах). Более семнадцати сотен таких книг еще хранится в Москве в Центральном государственном архиве древних актов.[35]

Сбор десятинной пошлины осуществляли в каждом районе таможенные чиновники (головы) и их помощники (целовальники). Этих чиновников обычно избирали из посадских в Северной Руси. Посадская община выберет кандидата, а Сибирский Приказ утвердит его в должности. В некоторых случаях их выбирали из сибирских купцов. Целовальников избирали из сибирских промышленников и торговцев.[36]

Объем ежегодного дохода Московского государства от пушнины и его рост в первой половине XVII века невозможно установить с абсолютной точностью. Согласно расчетам Раймонда Фишера годовой доход от мехов равнялся 45000 рублей в 1624 г. и вырос до 60000 к 1634 г.[37]

Доход от пушнины в 1635 г., как это вычислил Милюков на основе официальных записей, составил 63518 рублей. К 1644 г. он вырос до 102021 рубля, а к 1655 г. — до 125000 рублей.[38]

Следует отметить, что покупательная способность русского рубля в XVII веке равнялась примерно семнадцати золотым рублям 1913 г. Таким образом, 125000 рублей XVII века можно считать равными 2125000 рублей 1913 г.

Как бы ни были впечатляющи эти цифры, существуют свидетельства, что в действительности цена собранных мехов превышала эти

расчеты. Вот, например, объем годового дохода от пушнины за 1635 г. Милюков оценивает в немногим более 63000 рублей. Однако цена мехов, доставленных в Москву из одной только Мангазеи составила, судя по всему, не менее 30000 рублей (35000 в 1638 г.).[39]

Оценить пропорциональный вклад сибирских мехов в увеличение русского национального дохода в XVII веке было бы еще труднее, поскольку надежного расчета национального дохода Руси на тот период не произведено. Тем не менее, представляется очевидным, что меха составляли существенный фактор роста русского дохода после Смутного времени, поскольку отдельные лица, как и государство, получали огромное количество соболей и других мехов, самостоятельно добывая животных или покупая шкурки у коренных народов. Перед отправкой шкурок на Русь, они должны были уплатить десятинную пошлину натурой. Объемы этих платежей фиксировались таможенными чиновниками в районах, где шкурки были получены.

Хотя общих подсчетов подобных записей пока не сделано, доступные нам частичные вычисления показывают, что частная торговля сибирскими мехами была исключительно интенсивной. Например, из записей о сборе десятинных соболей в Мангазее за период с 1625 г. по 1642 г. известно, что годовой сбор между 1625 г. и 1634 г. составлял примерно 10000 рублей, кроме 1630-1631 г., когда в Мангазее происходили волнения, и он снизился до 5000 рублей. С 1635 г. по 1642 г. в Мангазее ежегодно собирали от 12000 до 13000 рублей десятинной пошлины.[40] Десятинная пошлина мехами, собранная в Якутске в 1641 г., составила 9700 рублей.[41]

Сбор 10000 рублей в качестве десятинной пошлины означает, что общая цена мехов, заявленная в соответствующих таможнях, составляла 100000 рублей. На основе данных по Мангазее и Якутску можно видеть, что оборот мехов в частной торговле значительно превышал оборот мехов, осуществляемый государственной казной. Фишер считает, что в середине XVII века частные предприятия ежегодно вывозили из Сибири мехов на сумму 337000 рублей.[42] С моей точки зрения, цифра Фишера явно занижена, и фактический годовой объем частной торговли сибирскими мехами был, вне всякого сомнения, значительнее, не менее 350000 рублей в год, что равняется почти 6000000 золотых рублей 1913 г.[43]

2.Внутренняя политика Москвы (1619-1632 гг.)

I

Катастрофические бедствия Смутного времени были обусловлены как внутренними, так и внешними причинами. Наличие социальной и политической борьбы внутри страны, интриг и вооруженного вмешательства соседних привело Русь к краю пропасти.

Восстановление русского государства стало возможно только после заключения мирных договоров. Как бы ни были болезненны условия мира со Швецией (1617 г.) и перемирия с Польшей (1618 г.), эти два договора дали Московии передышку, в которой она отчаянно нуждалась.

Взаимоотношения Москвы со степными народами стала менее опасной, чем она была в 1610-1611 гг. Изменение к лучшему произошло даже раньше заключения договоров с Польшей и Швецией.

В 1612 г., из-за вмешательства Польши в дела Молдавии, Турция разорвала с Польшей дипломатические отношения. Султан дал указание своему вассалу, хану Крыма, прекратить нападения на Московию и повернуться против Польши. Московское правительство использовало изменившуюся ситуацию и заключило договоры о мире и дружбе с Турцией и Крымом (1614-1615 гг.).[44]

В 1616 г. Большие ногайцы, с 1607 г. ежегодно нападавшие на южные области Московии и в 1612 г. принявшие сюзеренитет султана, присягнули Москве.[45]

Московское правительство, оценивая международную ситуацию в 1619 г., пришло к заключению, что в данных обстоятельствах наибольшую потенциальную угрозу существованию страны представляет Польша. В Деулинском перемирии поляки отказались признать царский титул Михаила, а Владислав не отказался от своих притязаний на московский престол. Польша еще удерживала Смоленск и Северскую землю, которые могли служить опорным пунктом в новой войне против Московии.

Швеция, напротив, была полностью удовлетворена присоединением Ингрии и Корелы и не имела причин возобновлять войну с Москвой. Кроме того, внимание Густава Адольфа привлекала Польша и Центральная Европа. Война между Польшей и Швецией происходила в 1626-1629 г.

Однако Москва не могла считать безопасными свои южные границы. Несмотря на мирный договор 1615 г. с крымским ханом, татары изредка совершали набеги на южные области Руси.[16]

Пока московское правительство не могло активно укреплять степные оборонительные линии. Было решено все внимание сосредоточить на подготовке к войне с Польшей, которую считали неизбежной. Штаб армейских подразделений для обороны южных областей находился в Туле, и находящиеся там войска при необходимости можно было использовать и против Польши.

Подготовка к войне требовала денег и оружия, и это оказалось крайне обременительно для финансов Московии. Внешнеполитические проблемы, таким образом, не могли не отразиться на внутренней политике Москвы.

II

14 июня 1619 г. в Москве с большой торжественностью встречали отца царя Михаила митрополита Филарета, освобожденного из польского плена. Царь с боярами и духовенством ждал конный поезд отца в пригороде Москвы — Пресне. Когда Филарет вышел из своей кареты, Михаил в глубоком почтении поклонился отцу до земли. Филарет ответил тем же. Несколько мгновений, переполненные чувством, никто не сказал ни слова.

Затем по древнерусскому церемониальному обычаю Филарета усадили в сани. Чтобы подчеркнуть торжественность события, высокий прелат русской церкви должен был ехать в санях. Царь шел во главе процессии перед санями, в которых ехал его отец. Бояре шли позади саней. "Было большое ликование из-за приезда Филарета", — отметил летописец. В честь этого события царь освободил всех служилых людей, ранее взятых под стражу, и простил сосланных за разные провинности.[17]

Вскоре Земский Собор указал царю, что необходимо немедленно избрать патриарха, и нет более достойного человека занимать патриарший трон, кроме Филарета. Филарет сначала отказался. Это была требующаяся по этикету формальность, однако для Филарета за этим шагом скрывалось большее. Он хотел от московитов абсолютной гарантии, что в случае избрания он получит власть не только над церковной администрацией, но и над государственными делами тоже; он требовал, чтобы все земли царства оказали ему полную поддерж-

ку в этой задаче. И действительно, когда духовенство, бояре и все люди пришли к нему во второй раз просить его принять патриарший пост, они дали ему такую клятву. Только тогда Филарет согласился стать патриархом.

21 июня в Золотой палате дворца Филарета выбрали патриархом. Через три дня в Успенском соборе в присутствии епископов его посвятили в патриарший сан. Обряд произвел патриарх Феофан Иерусалимский, находившийся в Москве с апреля.[48] Феофан являлся приверженцем доктрины гармонии церкви и государства. Для него священство (sacerdotium) и царство (imperium) были Божьими дарами человечеству. Состоявшееся событие было особым, поскольку новый патриарх Всея Руси являлся также и отцом царя. Феофан обратился к царю и призвал его следовать патриарху в церковных делах как своему духовному отцу и учителю, а в делах светских — как отцу по крови.[49]

Кроткий и болезненный царь итак всегда почитал отца, даже до наставления Феофана. Теперь, когда Филарета благословили патриаршеством, Михаил испытывал перед ним трепет, более чем сыновний.

В отличие от всех предыдущих московских патриархов Филарет получил тот же титул, что и царь — Великий Государь. Это было сделано скорее потому, что он являлся отцом царя, чем в связи с избранием его патриархом, однако это стало прецедентом для патриарха Никона во время царствования сына Михаила Алексея. Результатом явилось то, что за время пребывания Филарета на посту патриарха (он умер в 1634 г.) на Руси установилось двоевластие царя и патриарха. Это вполне соответствовало идее Филарета о высоком статусе патриарха.

Филарет много сил уделил укреплению материальной базы патриаршего престола. 20 мая 1625 г. царь выдал грамоту своему отцу как патриарху, значительно увеличившую власть Филарета над епархией (Патриаршей областью). Его епархия включала в себя церкви, монастыри и земли, расположенные более чем в сорока городах и уездах.

Раньше большая часть монастырей и многие церкви в епархии патриарха, как и в других епархиях, имели иммунитет (несудимые или тарханные грамоты), согласно которым духовенство и крепостные крестьяне церковных земель по духовным делам входили в юрисдикцию епископа, а по гражданским — в юрисдикцию гражданских властей (Приказа Большого Дворца) или, в некоторых случаях, самого царя. По этим грамотам многие монастыри и церкви освобождались от налогов епископа.

Однако при Филарете все эти грамоты аннулировали, и патриарх получил власть руководить и судить духовенство и крепостных церковных земель не только по духовным делам, но и по гражданским, а также уголовным (кроме разбоя и убийств, которые по-прежнему рассматривались царской администрацией).

Фактически, по условиям царской грамоты, епархия патриарха стала государством Филарета внутри государства его сына.[50]

Все это ясно показывает, что титул Филарета — Великий Государь — был не просто комплиментарным. Как патриарх, он освящал власть сына благословением церкви, как Великий Государь, он являлся соправителем. Филарет стал фактическим правителем Московии.

Бояре докладывали одновременно царю и патриарху о государственных делах. Челобитные тоже подавались обоим — Михаилу и Филарету. Многие указы и грамоты издавались за двумя подписями. Иностранных послов они принимали вместе. Когда кто-либо из них отправлялся на богомолье в монастырь или по какой-либо причине отсутствовал в столице, они поддерживали связь перепиской, делясь информацией о государственных и церковных делах или спрашивая совета друг у друга. Обычно Михаил следовал совету отца. Во многих случаях он просто передавал принятие решения Филарету.[51]

Отец и сын правили слаженно, поскольку первый взял руководство в свои крепкие руки, а второй всем сердцем его поддерживал. Михаил был человеком слабого здоровья и мягкого и кроткого нрава, тогда как Филарет (теперь ему было больше шестидесяти) был властным и честолюбивым, с сильной волей и очевидными способностями государственного деятеля.

Напомним, что Филарет (в прошлом Федор Никитич Романов) претендовал на трон после смерти царя Федора в 1598 г. и был горько разочарован, когда царем избрали Бориса Годунова. Он тогда стал одним из лидеров тайного движения бояр против царя Бориса. Борис просчитался, заставив Федора Никитича принять схиму. Как монах Филарет, он навсегда потерял шанс стать царем, однако его подавленное желание власти нашло выход в церковной карьере, и волею судеб он стал избранным патриархом в Тушино, а впоследствии не только патриархом, но и Великим Государем.

И действительно, психологически и по характеру, Филарет скорее был правителем государства, чем церковным прелатом. Он больше напоминал боярина, чем священника. В юности, как Федор Ни-

китич, он был известен, как самый холеный и лучше всех одетый человек в Москве. Будучи патриархом, Филарет продолжал уделять большое внимание своей внешности. В делах Патриаршего Приказа зафиксировано, что каждые два месяца монах Чудова монастыря приходил к Филарету, чтобы подстричь его волосы, бороду и усы. За каждое посещение монах получал 24 копейки.[52]

Один из младших современников патриарха Филарета, астраханский архиепископ Пахомий, писал о нем: "Филарет был среднего роста и телосложения, имел некоторые познания в теологии, был раздражительным и недоверчивым и настолько властным, что даже сам царь боялся его. Он держал в повиновении бояр и других царских советников, ссылая их или налагая на них другие наказания. К духовным лицам он был добр и не жаден. Он управлял всеми государственными и военными делами царства".[53]

Следует добавить, что в сдерживании бояр Филарет искал поддержки у Земского Собора, и правил он именно с помощью всей земли.

Мать Михаила Мария (бывшая жена Филарета), которую силой заставили стать монахиней Марфой, была женщиной недалекой, суеверной и не вмешивалась в государственные дела, кроме тех случаев, когда она хотела помочь в продвижении по службе кому-либо из своих родственников или хлопотала за них, если те, как Салтыковы, могли попасть в беду. Владением Марфы был ее дворец, а ее главным развлечением — придворные слухи. Она не доставляла хлопот Филарету в его политических решениях, однако имела последнее слово в некоторых семейных делах, особенно относительно первой помолвки Михаила, которая не состоялась из-за интриг Салтыковых.

III

Практически сразу после своего избрания патриарх Филарет посоветовал царю созвать Земский Собор, чтобы рассмотреть жалобы на несправедливости в налогообложении и официальные злоупотребления бояр и других чиновников.

Было решено послать оценщиков в разоренные города и уезды, чтобы произвести новую опись собственности для обложения налогами, реальными для этих районов. Последний кадастр закончили в конце XVI века, и во многих уездах его данные не соответствовали действительности. В связи с этим Собор рекомендовал составить новый общий кадастр.

Чтобы получить ясную картину государственных финансов, приказали составить новый свод государственных доходов и расходов. Расследование случаев взяточничества высокопоставленных чиновников (сильных людей) поручалось специальному ведомству (Приказу сыскных дел), возглавляемому князьями И.Б. Черкасским и Д.И. Мезецким.[54]

Составление нового кадастра начали в 1620 г. и завершили за несколько лет. Основная единица налогообложения — соха — осталась прежней. Количество земли, соответствовавшее одной сохе, рассчитывалось с учетом качества почвы и разных категорий настоящего владения. По кадастру 1620-х гг. налоговый коэффициент на соху в дворянском поместье был снижен. Произошло некоторое снижение и в других категориях землевладений, но практически никакого снижения не было произведено для земель свободных крестьян в Поморье Северной Руси.[55]

Однако, хотя процент собственности на соху сделали более благоприятным для налогоплательщиков, особенно в боярских и дворянских поместьях, уровень налогов постоянно повышался. Это было неизбежно и из-за пустоты в казне после Смутного времени, и из-за неуклонного роста государственных расходов, преимущественно на военные нужды.

Напомним, что в 1613 г. Земский Собор обратился к Строгановым с просьбой о значительном заеме для государственной казны, который те выдали. Такие же запросы разослали в крупные монастыри, а также служилым людям. Общее количество этих добровольных заемов оказалось полезным, однако не достаточным, чтобы удовлетворить насущные потребности казны.

В связи с этим в 1614 г. был введен чрезвычайный налог — пятина. Он представлял собой 20-процентный налог на ежегодный доход, совмещенный с 20-процентным обложением движимого имущества. Этот налог собирали, преимущественно, с посадских и государственных крестьян. По этому налогу Строгановым следовало уплатить 16000 рублей, К ним они добавили 24000 в качестве добровольного взноса. Впоследствии пятину собирали каждый год до 1619 г.[56]

Одновременно правительство повысило налог для почтовой службы (ям). Его собирали в городах и землях всех категорий, кроме дворцовых и государственных земель, где этот налог выплачивали натурой, в виде провианта для ямщиков и лошадей. В 1618 г. ямской налог составлял 800 рублей с сохи.

Другой тяжелый налог снабжал зерном служилых казаков и стрельцов. Его собирали либо натурой, либо деньгами. Поморье и города всегда платили деньгами.

Большая часть дополнительно собранных денег шла на покрытие потребностей армии. Накануне Смутного времени московское правительство содержало регулярные войска около двадцати пяти тысяч стрельцов; двадцати тысяч служилых казаков, татар, чувашей и черемисов; около четырех тысяч иностранных наемников. При необходимости можно было мобилизовать пятьдесят тысяч дворянской кавалерии. Общее количество приближалось к ста тысячам человек. В Смутное время вся система развалилась. В процессе национального сопротивления полякам и шведам в 1611-1612 гг. организация русских вооруженных сил началась заново.

Однако только после 1618 г. московское правительство оказалось в состоянии реорганизовать управление армией. Обнищавшим дворянам выдали новые поместья из дворцового и государственного земельных фондов. Поместья предоставлялись также казакам, предпочитавшим землю жалованью.

Согласно именным спискам личного состава 1630-х гг., вооруженные силы Московии состояли из 27433 дворян и боярских детей; 28130 стрельцов; 11192 служилых казаков; 4316 артиллеристов и технического персонала; 10208 татар; 2783 иностранных наемников. Кроме того, существовали вспомогательные силы из 8493 чувашей и черемисов. Общее количество превышало 90 тысяч человек.[57]

Готовясь войне с Польшей, ожидаемой по окончанию срока Деулинского перемирия 1 июля 1633 г.,[58] московское правительство уделяло особое внимание модернизации армии с помощью иностранных специалистов и укреплению ее личного состава иностранными солдатами. Среди поступивших на царскую службу иностранных офицеров были поляки, литовцы, шотландцы, англичане, ирландцы, германцы, датчане, греки, сербы и румыны. Выдающимся среди них оказался шотландец — полковник Александр Лесли.

Некоторые из этих иностранцев получили поместья; другие — жалованье. В 1630 г. Лесли послали в Швецию, Данию, Гамбург и Любек пригласить на русскую службу опытных офицеров и нанять пять тысяч солдат. Он также должен был купить пушки, пушечные ядра, мушкеты и сабли. Ему предписывалось не нанимать католиков,

особенно французов.[59] Это можно объяснить неприязнью русских к римскому католицизму после Смутного времени.

Будущему развитию русской армии больше пользы принесло создание пехотных и кавалерийских отрядов, подготовленных иностранными инструкторами, чем наемные войска. В 1630-х годах было организовано шесть пехотных частей, каждая численностью шестнадцать сотен человек. Офицеры были иностранцы. Солдат нанимали в России. Среди них встречались московиты, казаки и татары. В 1632 г. по модели пехотных частей создали кавалерию (рейтарский полк). В ней насчитывалось примерно две тысячи человек.[60]

Хотя время от времени московское правительство размещало заказы на оружие в Европе, оно преимущественно рассчитывало на внутреннее производство, которое старалось развивать и расширять.

В начале царствования Михаила главным русским оружейным заводом являлся Московский пушечный двор. Его основали в конце XV века и расширили в XVI веке. Этот двор находился в юрисдикции Пушкарского приказа.[61] После Смутного времени Пушечный двор несколько модернизировали. В 1620-х гг. при выплавке чугуна использовали энергию воды.[62] Отливали пушки разного размера и калибра. Процесс отливки большой пушки занимал около года. Некоторые мастера литейщики были из иностранцев, однако большинство — русскими.

Кроме пушек на Пушечном дворе отливали также церковные колокола. Медь для них использовали привозную.

Ручное огнестрельное оружие и сабли изготовляли в Московской Оружейной палате.[63]

Металлургию Московии в этот период, как и раньше, снабжали месторождения болотной и озерной железной руды. Наиболее важными центрами добычи и выплавки этого рода руды являлись Онежский регион, Поморье, Тихвин, Устюжна и Тула. В Туле и Каширском уезде существовали более глубокие залежи обычной железной руды, которые, однако, до 1632 г. интенсивно не разрабатывались.

До 1632 г. плавильные печи были небольшой величины. В Туле в 1589 г. было не менее двенадцати подобных печей, продукция которых давала работу пятидесяти кузнецам. В 1628 г. правительство наняло в Туле семьдесят восемь кузнецов. Кроме того существовало, судя по всему, не менее сорока кузнецов, работавших самостоятельно.[64] Тульские кузнецы трудились под руководством Московской Оружейной палаты.

Работа кузнецов по изготовлению ружей высоко ценилась. В 1619 г. тульские кузнецы жаловались царю, что посадская община требует от них уплаты налогов, как от остальных горожан. Кузнецы просили освободить их от общинных налогов и повинностей, как это было при предыдущих царях. Михаил приказал тульскому воеводе предоставить кузнецам освобождение при условии, что они смогут предъявить ему предыдущие грамоты.[65]

В 1629 г. во всех городах и деревнях произвели перепись кузнецов и литейщиков. В следующем году для всех кузнецов определили норму работы для государственных нужд, даже на тех, кто не состоял на регулярной государственной службе.[66]

Эта мера, тем не менее, не гарантировала достаточного материала для удовлетворения потребностей оружейной промышленности. В этих обстоятельствах поселившийся в Московии датский купец Андрей Денисович Виниус, вместе со своим братом Абрахамом и тремя другими датчанами, сделал московскому правительству интересное предложение — построить чугунолитейный и оружейный заводы в районе Тулы, чтобы использовать обнаруженные там месторождения железной руды. 29 февраля 1632 г. они получили на это царский патент.[67] Данное событие стало важной вехой в истории русской металлургической промышленности.

Несмотря на тяжелое налогообложение и увеличение вооруженных сил, вскоре после окончания польской и шведской войн национальная экономика Московии начала проявлять признаки возрождения.

После 1619 г. многие крестьяне и посадские, рассеянные постоянными войнами и разорением Смутного времени, возвратились в родные города и деревни. Мирные условия жизни способствовали возрождению сельского хозяйства и росту населения. К середине 1620-х годов крестьянское население Центральной и Северной Руси снова достигло уровня 1590-х гг.[68]

Одновременно, правительство приняло шаги к восстановлению порядка в предоставлении поместий дворянам. В 1622-1623 гг. произвели перепись всех молодых аристократов и боярских детей, достигших пятнадцати лет, у которых не было поместий В 1627 г. бояре князь Ю.Е. Сулешов и князь Д.М. Пожарский произвели распределение вотчин или поместий всем этим вновь зачисленным на военную службу (новикам).[69] Земельные пожалования военнослужащим производились, преимущественно, из земельного фонда Дворцового приказа.[70]

После общего выделения в 1627 г. царь и патриарх издали указ в дальнейшем не использовать дворцовые земли для военных поместий.[71]

Тогда как дворянство получало сравнительно небольшие участки, ведущие бояре, особенно Романовы и принадлежащие к семьям, связанным с Романовыми родством, постепенно увеличивали свои вотчины, получая пожалованья от царя, покупая земли и используя другие средства.

Расширение вотчин и поместий аристократии и дворянства еще крепче прикрепляло крестьян к земле и не могло не вызывать их возмущения. С другой стороны, прочное положение вотчин способствовала увеличению производства сельскохозяйственной продукции.

Напомним, что в 1607 г. царь Василий Шуйский пытался упразднить переезд крестьян из одной вотчины в другую и, таким образом, узаконить временное запрещение переезда (заповедные годы). Срок , в течение которого землевладельцы имели право требовать по суду возвращения беглых крестьян, был увеличен с пяти до пятнадцати лет.

Правительство царя Михаила не утвердило законодательный акт Шуйского, и срок возвращения беглых крестьян остался прежним (пять лет). Существовали, однако, и исключения. В 1614-1615 гг. Троицкий монастырь получил разрешение требовать возвращения крестьян, бежавших девять лет назад (в одном случае — одиннадцать лет).[72]

Важно, что ограничения свободы крестьян на перемещение все еще основывались на временных указах (заповедные годы). Крестьяне еще ждали того момента, когда царь объявит свободный год или годы. Пока же они попросту сбегали, что считали своим правом.

Торговля и ремесла тоже восстанавливались после Смутного времени. Среди богатых купцов Московии первой трети XVII века были, кроме Строгановых, не только оптовые торговцы, или гости, но также и крестьяне, прикрепленные к вотчинам знати, такие как Глотовы у князя Сулешева.[73]

Внешнюю торговлю с Западом вели иностранцы, преимущественно англичане и датчане. С другой стороны, торговля с Турцией, Персией и Центральной Азией продолжала, в основном, оставаться в руках русских купцов, которые активно возражали против предложения сэра Джона Мерика (в 1619 г.) создать совместную русско-английскую компанию для торговли с Персией. По совету купцов правительство отказалось от его предложения.[74]

Русские купцы также возражали против разрешения англичанам и датчанам вести розничную торговлю на Руси. В своей челобитной, поданной царю в 1627 г., они даже просили выслать из Московии всех иностранных купцов. Правительство не удовлетворило эту просьбу.[75] С другой стороны, русские купцы приветствовали в Московии иностранные промышленные предприятия, поскольку подъем промышленности считали способствующим развитию торговли.

IV

Глубокий политический, социальный и экономический кризис Смутного времени привел к психологическому и религиозному потрясению русского народа. Несчастья, постигшие Россию, рассматривались как Божья кара за грехи правителей и народа. Церковь была подорвана не меньше, чем государство.

Пострадало не только материальное благосостояние России, но и духовная и интеллектуальная жизнь ее народа — душа отдельного русского человека и духовность народа в целом. Это не могло не привести к значительному интеллектуальному и религиозному брожению. В это роковое время некоторые зашли так далеко, что засомневались в своей традиционной вере и обратились к новой — римскому католицизму или протестантизму. Однако большинство твердо придерживалось православия.[76]

Лидером и выразителем мнения большинства стал патриарх Филарет. Его программа звала к восстановлению церковной дисциплины и порядка в церковной администрации; защите чистоты православия от римского католицизма и протестантизма; и в то же время к подъему интеллектуальных основ церкви путем предоставления духовенству больших возможностей для образования, а также исправления ошибок в существующих церковных книгах.

В 1611 г., когда в Москве хозяйничали поляки, печатный двор был сожжен. В первый год правления Михаила его частично восстановили во временном помещении в Кремле. Одним из первых шагов Филарета явилось возведение большой печатни на прежнем месте. Печатный двор, строительство которого закончили в 1620 г., был оснащен семидесятью печатными прессами.

Наряду с изданием новых церковных книг (особенно для церковных служб) было необходимо исправить ошибки, допущенные в ранее выпущенных. Необходимость новой редакции была признана

решением Церковного Собора в 1551 г., так называемым Стоглавом (сто глав, см. Глава I). До Смутного времени, однако, немногое было сделано для реализации этих решений.

В 1602 г. отпечатали Служебник на основе славянской рукописи XVI века без какого-либо сопоставления с другими рукописями, славянскими или греческими, а в 1616 г. этот труд был переиздан. В 1610 г. временный печатный двор в Москве выпустил типикон (или описание содержания и порядка церковных служб). Его подготовил Логгин, регент хора Троицкой Лавры – прекрасный певец, но неважный ученый.

В начале царствования Михаила было решено подготовить новое издание и Служебника, и типикона. Царь назначил редакционную коллегию, среди членов которой находились ученый монах Арсений Глухой (владевший греческим языком) и священник Иван Наседка. Архимандрит Дионисий из Троицкой Лавры согласился возглавить коллегию. Редакторы добросовестно трудились восемнадцать месяцев и обнаружили в существовавшем тексте ряд ошибок и ненужных дополнений, некоторые из которых делали смысл с богословской точки зрения сомнительным.

Когда стали известны результаты их работы, оскорбился не только Логгин, бывший составитель типикона, раздался также общий гневный протест групп ксенофобов из духовенства и мирян, возглавляемых митрополитом Ионой Крутицким и матерью царя Марфой. Они обвинили Дионисия и его единомышленников в том, что они ставят греческие тексты выше русских. Пункт, вызвавший особое негодование этих традиционалистов, касался формулировки благословения воды, которое вошло в славянский текст только в течение XVI века. К оригинальным словам молитвы, "и благословляю эту воду твоим Святым Духом", были добавлены слова – "и огнем".

Противники Дионисия обвинили его в намерении "лишить мир элемента огня". Они защищали необходимость дополнения, ссылаясь на то, что явление Апостолам в Троицын день произошло в виде "расщепленных языков, как пламя" (Деяния Апостолов 2:3), а также на слова Иоанна Крестителя об Иисусе Христе: "Он даст вам крещение Святым Духом и огнем" (Св. Лука 3:16).

18 июля 1618 г. митрополит Иона созвал церковный совет, который повелел лишить Дионисия и его последователя, священника Ивана Наседку, права проводить церковные службы. Дионисия заключили в Ново-Спасский монастырь и подвергли многочисленным

унижениям и пыткам. Ему приказали каждый день публично совершать тысячу поклонов и в течение сорока дней наказывали плетьми. И все это устроили одному из самых праведных людей России того времени, духовному лидеру, много сделавшему для подъема национального сопротивления в 1611 г. и его победы в 1612 г.[77]

Когда Филарет вернулся в Москву и Феофан Иерусалимский ввел его в сан, он немедленно повелел, чтобы новый Церковный Собор вернулся к делу Дионисия. В этом его твердо поддержал Феофан. Царь, ранее запуганный фанатизмом своей матери, теперь пошел за двумя патриархами.

Собор состоялся в присутствии царя и двух патриархов и Дионисия вернули в Троицкий монастырь в прежнем сане архимандрита. Он возвратился туда с большим почетом. Патриарх Феофан посетил его и подарил ему собственный клобук. Члена редакционной коллегии Дионисия, Арсения Глухова, назначили главным редактором Печатного двора. Ивана Наседку сделали ризничим Успенского собора.

Хотя Филарет, таким образом, и загладил вину перед Дионисием и его последователями, он не решался энергично проводить пересмотр церковных книг и поэтому продвигался медленно и осторожно. Он даже не осмелился взять на себя смелость убрать дополнения "огня" из формулировки благословения воды и попросил Феофана собрать мнения других восточных патриархов по этому поводу. Только получив рекомендации всех этих прелатов, он приказал исключить "огонь" в существующих экземплярах Служебника. В 1633 г. вышло два исправленных издания типикона под названием Устав. Все экземпляры старого издания, которые церковные власти смогли собрать, были затем публично сожжены в Москве.[78]

Как в книгопечатании, так и знания в целом, Западная Русь намного опережала Московию. Сражаясь за права своей церкви в Речи Посполитой, многие западнорусские (украинские и белорусские) священники обращались к царю за защитой. Так же поступали и некоторые запорожские казаки. Несколько киевских ученых предлагали приехать в Москву и оказать помощь в становлении богословского образования и исправлении церковных книг.

Филарет, однако, не доверял им, подозревая их в приверженности к римско-католическому знанию. В 1627 г. царь и патриарх запретили московитам покупать книги, изданные в Западной Руси (в Киеве, Львове, Вильно и других местах). Шестьдесят экземпляров од-

ной из таких книг "Комментарии к Евангелию" Кирилла Ставровецкого (Trankvillion) было сожжено в Москве в том же году.[79]

В 1626 г. западнорусский священник Лаврентий Зизаний, высланный польскими властями из Ярославля в Галицию, попросил убежища в Московии. Он привез с собой рукопись собственной книги "Катехизис". Патриарх Филарет позволил двум московским ученым прочесть книгу, а когда они отозвались о ней доброжелательно, приказал ее опубликовать. Затем читатели предложили несколько дополнительных поправок. Тогда Филарет отказался одобрить книгу и запретил пускать ее в продажу. Несколько экземпляров попало к читателям. Сам Филарет имел экземпляр в собственной библиотеке. Кроме того, книга распространялась в рукописных списках.[80]

Другим свидетельством недоверчивого отношения Филарета к западным русским является его требование тщательно проверять религиозный статус каждого переселенца из Западной Руси, прежде чем принимать его в лоно Московской православной церкви. Филарет повелел, что, если таковой католик, униат или протестант, его следует крестить заново. Это правило применяли даже к православным переселенцам в том случае, если их крестили не погружением в освященную воду, а обрызгиванием (что являлось в Западной Руси обычной практикой). Если переселенец мог доказать при наличии свидетелей или клятвой, что его крестили погружением, он не подлежал обряду повторного крещения.

Это правило, разумеется, применялось не только к переселенцам из Западной Руси, но ко всем приезжающим с Запада. И действительно, Филарет являлся активным противником распространения на Руси католицизма. К протестантам он относился более терпимо. В результате подобного отношения большая часть западных специалистов, таких как техники и армейские офицеры, необходимые для царской службы, нанимались в протестантских странах.

И, как и следовало ожидать, в своем желании поддержать чистоту православия Филарет внимательно следил за любыми проявлениями отступления от него среди самих русских и был готов быстро подавить ересь.

Наиболее известный случай касается князя Ивана Андреевича Хворостинина. В первые годы царствования Михаила он завоевал известность как военачальник. Обладая литературным даром , он написал историческое исследование о Смутном времени, по характеру

автобиографическое, стараясь снять с себя обвинения в близости к Лжедмитрию I. Какова бы ни была его политическая роль при этом правителе, он, вне всякого сомнения, попал под влияние агностицизма Лжедмитрия, и сам стал вольнодумцем.

Когда в 1618 г. Хворостинин поселился в Москве, он скоро почувствовал отвращение к придворному обществу, его формальному отношению к религии и недостаточности интеллектуальной связи с Западом. Он объявил, что "в Москве нет достойных людей, все они глупы, не с кем поговорить". Он открыто критиковал обряды православия, перестал ходить в церковь и запретил своим слугам и холопам посещать церковные службы.

Обо всем этом, конечно, доложили светским и церковным властям. Царь Михаил лично сделал Хворостинину выговор и приказал ему отказаться от своей ереси. Это увещевание не произвело на Хворостинина сильного впечатления, но ситуация в корне изменилась, когда Филарет стал патриархом.

В 1623 г. Хворостинина сослали в Кириллов монастырь на Белоозере под надзор "хорошего монаха". Ему запретили читать какие-либо книги, кроме церковных. Хотя власти обвинили Хворостинина в приверженности к католической ереси, он, скорее, находился под влиянием арианства. Но больше всего власти оскорбляли его прозападные симпатии.

Хворостинин не мог долго терпеть заключения, и подписал покаяние. После чего ему позволили возвратиться в Москву, где он умер в 1625 г.[81]

Недоверчивое отношение Филарета к западным русским затрудняло развитие культурных связей между ними и московитами и неблагоприятно отражалось на развитии науки и образования в Московии. Тем не менее Филарет, хотя сам и не был ученым богословом, осознавал важность образования, по крайней мере для духовенства. Вместо того, чтобы принять помощь киевлян, он обратился за помощью к грекам. Когда образованный греческий священник архимандрит Иосиф, помощник патриарха Кирилла Лукариса Александрийского в 1632 г. посетил Москву, Филарет попросил его организовать в Москве богословскую школу. Иосиф принял предложение, Кирилл Лукарис (ставший в 1633 г. патриархом Константинопольским) согласился предоставить Иосифа московской патриархии. Патриарх Лукарий выслал несколько греческих книг с критикой римского католицизма для перевода на русский язык. Он также взял на себя под-

бор учителей для предполагаемой школы. Однако в 1634 г. скончались Филарет и Иосиф, и школу временно закрыли.[82]

В целом политика Филарета была больше направлена на административные и организационные дела церкви, а не на внутреннюю жизнь истинно верующих. Духовным лидером русских, боровшихся за интеллектуальное и религиозное возрождение, оказался Дионисий. Важным свидетельством этого возрождения является основание в тот период (с 1619 г. по 1633 г.) примерно сорока небольших монастырей и скитов, преимущественно в северной части Руси. В Дионисии видели своего духовного отца многие монахи и отшельники идеалистических взглядов, которых не устраивала распущенность больших и богатых монастырей.

Самым крупным и богатым из этих старых монастырей являлась Троицкая лавра, в которую вернулся Дионисий в качестве архимандрита после оправдания на Соборе в 1619 г. Троицкий монастырь, освященный ролью сыгранной им в Смутное время, можно считать центром русской религиозной жизни того периода. Монастырь славился церковным хором, а также своей благотворительностью. Среди его монахов были и люди истинно религиозного духа, но и много суеверных фарисеев, честолюбивых интриганов и пьяниц.

Дионисий не был сторонником строгой дисциплины. Он полагался на убеждение и собственный пример. Хотя его прихожане часто противоречили ему и даже посмеивались над ним, он, тем не менее, постепенно добился повышения морального и интеллектуального уровня монахов своими тихими и ненавязчивыми методами.

Вокруг Дионисия сформировался небольшой, но тесный круг преданных последователей и друзей, частью из духовенства, частью из мирян. С ними Дионисий обсуждал различные нравственные и религиозные проблемы, а также проблемы образования и методы исправления церковных книг. В кружок Дионисия входили священник Иван Наседка — мирянин, ставший монахом; Симон Азарьин, позже известный писатель, и Иван Неронов, который впоследствии (в первые годы правления царя Алексея) стал влиятельным членом группы, занимавшейся реформой Русской церкви.[83]

Дионисий скончался в 1633 г. Его духовное лидерство и деятельность в своем кружке, мало замеченные в его время, имели важное значение для интеллектуального и духовного возрождения Руси в семнадцатом столетии.

3. Россия, Польша и казаки (1619-1642 гг.)

I

Казаки — и русские и украинские — сыграли важную роль в событиях Смутного времени в Московии.

Обе группы приняли активное участие в расшатывании традиционных форм государственности и общественной организации Великороссии. После этого, однако, донские казаки сражались против поляков и шведов и помогли спасти независимость России и восстановить московскую монархию. Тогда как украинские казаки воевали на стороне Польши до Деулинского перемирия 1618 г.

В 1618 г. под предводительством гетмана Сагайдачного казаки оказали поддержку польскому кронпринцу Владиславу , но несмотря на это полякам так и не удалось взять штурмом Москву. В ответ на свою помощь они ожидали, что король и сейм пойдут на определенные уступки им и православной церкви в Западной Руси.

Поляки, однако, стремились сохранить над казаками строгий контроль и не желали предоставлять особые права и привилегии кому-либо из них, кроме небольшой группы занесенных в особый список (реестр).[84] В отличие от группы "зарегистрированных", запорожские казаки являлись полузависимыми.

Казаки были необходимы Польше для защиты своих южных границ от набегов крымских татар и нападений турок. С другой стороны, морские атаки запорожцев на турецкие города черноморского побережья, даже в периоды мира между двумя странами, раздражали Турцию и могли послужить предлогом для объявления султаном войны против Польши.

В чрезвычайных обстоятельствах, таких как война с Турцией или Московией, отряды зарегистрированных казаков и запорожцев оказывались недостаточными, и польское правительство позволяло вообще всем украинцам вступать в ряды казаков добровольцами. Когда необходимость проходила, правительство отказывало этим добровольцам в казацком статусе и смещало их. Предполагалось, что крестьяне тогда должны были возвращаться в свои деревни и опять исполнять повинности в королевских или государственных имениях, и это чаще всего провоцировало волнения.

По сути дела, в среде самих казаков не было единства, и во многих случаях польское правительство имело возможность извлечь

выгоду из социального расслоения внутри казачества — из конфликта между старшими офицерами (старшина) и рядовым составом. Последние приветствовали увеличение своих рядов за счет крестьян. Первые, многие из которых принадлежали к украинской шляхте, не хотели принимать крестьян в казацкое братство.

Польский гетман Жолкевский прекрасно знал, как использовать разногласия между казаками для усиления контроля над ними. В 1617 г. Жолкевский писал королю: "Мне удалось посеять среди них раздор: старшина в разладе с чернью".[85]

Популярный казацкий лидер того периода, гетман Петр Конашевич Сагайдачный, принадлежал к группе старшин. Он родился в украинской шляхетской семье в Самборе (Галиция) примерно в 1575 г. (точная дата неизвестна) и получил образование в острожской школе на Волыни. В период между 1605 г. и 1610 г. он вступил в братство запорожских казаков и был избран *кошным* атаманом. В 1616 г. он возглавил смелый морской поход казаков на Каффу в Крыму. Казаки захватили богатую добычу и освободили много русских и украинских пленников. Этот подвиг сделал имя Сагайдачного известным.[86]

В 1618 г. именно Сагайдачный повел казацкую армию (в двадцать тысяч человек) на подмогу полякам у стен Москвы. Когда война закончилась, поляки, боясь, что казаки выйдут из-под контроля, потребовали, чтобы всех казаков, не вошедших в разряд зарегистрированных, распустили. Это привело к недовольству, а затем и мятежу.

Для подавления волнений поляки послали войска под командованием Жолкевского. После продолжительных переговоров Сагайдачный и старшины 17 октября (по новому стилю) 1619 г. согласились на компромисс: отряд зарегистрированных казаков был увеличен с одной тысячи до трех. Фактическое количество казаков в момент соглашения составляло десять тысяч. Остальным сказали, что они получат в конце концов постоянный статус казаков, если разойдутся. Те неохотно подчинились.[87]

Жолкевский полагал, что соглашение от 17 октября умиротворило казаков и поэтому отвел из Украины большую часть польских войск. Он оценивал ситуацию только по военным меркам. На самом деле проблема оказалась сложнее: казаки постепенно становились важным элементом украинского религиозного и национального движения.

Старшины имели тесные связи с украинской шляхтой, рядовые казаки — с крестьянством. Обе группы казаков находились поддер-

живали отношения с горожанами. Все они принимали духовное руководство православных священников и были готовы поддержать тех в борьбе с униатской церковью.

Западнорусская православная церковь являлась епархией Константинопольского патриархата. Фактически, все восточные патриархи имели высокий духовный авторитет у православных в Западной Руси (как и в Московии). Но они, находясь под турецким правлением, не располагали возможностью оказать Украине какую-либо материальную поддержку. За ней западнорусское духовенство вынуждено было обращаться к Москве.

Для Польши представляло потенциальную опасность то, что казаки, частично под влиянием киевского православного духовенства, тоже обратились за помощью к царю.

В феврале 1620 г. гетман Сагайдачный направил в Москву послов, главой которых был Петр Одинец, выразить готовность запорожских казаков служить царю, как они прежде служили его предшественникам.[88]

Послов приняли 26 февраля в Посольском приказе. Их переговоры с боярами и дьяками продолжались весь март и апрель. Перед отъездом из Москвы послы получили письмо царя гетману Сагайдачному. В вежливых, но острожных словах царь благодарил Сагайдачного и казацкую армию за желание служить ему. Он пожаловал им скромную субсидию (300 рублей) и пообещал в будущем дать больше. Пока же, как объяснялось в письме, Московия находилась в мире с крымскими татарами и службы от казаков не требовалось.

Хотя миссия Сагайдачного в Москве и не принесла немедленных результатов, она, когда о ней стало известно, обеспокоила поляков, как сигнал доброй воли между казаками и Москвой. Тогда же киевское православное духовенство воспользовалось визитом патриарха Иерусалимского Феофана (на обратном пути из Москвы на Ближний Восток) для восстановления западнорусской православной иерархии, нарушенной польской поддержкой униатской церкви. К 1620 году большая часть западнорусских монастырей и церквей со всеми их землями находилась в руках униатов. Престол митрополита Киевского и все епископские кафедры тоже занимали униаты.

Православные еще имели несколько монастырей, преимущественно в Киеве и прилегающем к нему районе, и довольно много прихожан, однако у них не было епископов, поскольку те немногие, кто не вошел в униатскую церковь в 1596 г., к этому времени умерли, а

польское правительство не позволяло православным заменять их. Епископ Львовский (назначенный королем Сигизмундом III в 1607 г.) Иеремия Тиссаровский, хотя официально и униат, тайно оставался православным. Однако он не мог ничего делать открыто.[89]

Городские общины являлись главной опорой православия в Западной Руси, хотя в то время они не имели большого политического влияния в Польше. Более значительным было появление в Западной Руси новых решительных поборников православия — казаков. В такой обстановке оказался патриарх Феофан, который, посвятив в сан Филарета и затем пробыв в Москве примерно шесть месяцев, решил возвратиться в Иерусалим через Киев и Константинополь. Он покинул Москву 4 февраля 1620 г. В Прилуках его встретил гетман Сагайдачный с казаками и сопроводил в Киев, куда он прибыл примерно 22 марта.

Патриарх Константинопольский уполномочил Феофана во время пребывания в Западной Руси действовать от своего имени и позаботиться о нуждах западнорусской православной церкви.[90]

Феофан понимал, что польское правительство, а также униатские прелаты отнесутся к его миссии с подозрением, боясь возрождения православной церкви в Польше. Униаты распространили слухи, что Феофан — шпион султана, а его цель — подстрекать казаков против Польши. Канцлер и гетман Жолкевский дали указание киевскому воеводе Замойскому, держать Феофана под строгим наблюдением. Принимая во внимание все это, Феофан провел шесть недель своего пребывания в Киеве в спокойном уединении в гостинице Богоявленского братства. Казаки поставили вокруг гостиницы свою охрану, чтобы защитить Феофана от какого-либо насилия со стороны поляков.

Феофан встретился с некоторыми монахами Киева и мирянами — членами братства, однако принимать кого-либо отказывался. Люди, в свою очередь, боялись приходить к Феофану до легализации его пребывания в Киеве польским правительством.[91]

5 мая Жолкевский написал городскому совету и голове Киева, что король одобряет их учтивость по отношению к Феофану (позволение задержаться в Киеве) и посылает в Киев своего камергера, чтобы сопроводить Феофана до молдавской границы. Это было равносильно легализации статуса Феофана в Киеве, особенно поскольку конкретное время его отъезда не оговаривалось.

17 мая Феофан обнародовал свое первое послание киевлянам и всем православным Западной Руси. Затем он посетил православные

монастыри в Киеве и его округе. Православные священники и миряне начали стекаться в Киев просить у Феофана благословения. В июле Феофан обратился к королю с просьбой отложить его отъезд. Король ответил 1 августа вежливым письмом, в котором, тем не менее, напоминал Феофану, что наступает время уезжать.

15 августа, в день Успения Богородицы, которому посвящен главный храм Печерского монастыря, в Киеве собрались многочисленные паломники. И духовенство, и миряне обратились к Феофану с просьбой посвятить митрополита и епископов для западнорусской церкви. Феофан сначала колебался, но гетман Сагайдачный убедил его согласиться и обещал, что казаки сумеют его защитить. Было решено, что православное духовенство и братства изберут кандидатов на престолы.

В этот момент, из-за изменений в международной обстановке, Польша оказалась в трудном положении, и православная группа не преминула этим воспользоваться. Чешские восстания против Габсбургов (1618 г.) положили начало потоку событий, которые стали известны под названием Тридцатилетней войны.

Польша заключила союз с Империей в 1613 г. и была связана обязательством поддерживать Габсбургов. Чехи вошли в союз с Трансильванией. Последняя возражала против вмешательства Польши в дела Молдавии. Молдавский сюзерен турецкий султан решил заменить пропольского воеводу Молдавии Граззиани (Grazziani) трансильванским кандидатом — Радулом.[92]

В августе 1620 г. мощная турецкая армия, при поддержке двадцати тысяч белгородских (аккерманских) татар, руководимых Кантемир-мурзой, вступила на земли Молдавии. Польское правительство не желало упускать Молдавию и решило защищать Граззиани силой оружия. Гетману Жолкевскому удалось получить от казаков только небольшой вспомогательный отряд в тысячу человек.[93]

2 сентября Жолкевский пересек границу Молдавии. Он расположился лагерем недалеко от Ясс, где к нему присоединился Граззиани со своими последователями, которых было лишь шестьсот человек. Через две недели турки стали осаждать польский лагерь. 29 сентября Жолкевский приказал своим измученным войскам отступать в направление Могилева-на-Подолии. Полякам не суждено было туда добраться. 6 октября (по григорианскому календарю) их со всех сторон окружили турки и татары. Только единицы уцелели в этой бой-

не. Сам Жолкевский тоже погиб. Турецкий командир Искандер-паша приказал послать султану голову гетмана в качестве особого трофея.[94]

Среди погибших в сражении казаков был подстароста из Чигирина Михаил Хмельницкий. Его сын Богдан (будущий гетман), юношей двадцати пяти лет от роду, попал в плен к туркам.

Мобильные отряды татар разошлись по Подолии, Восточной Галиции и Волыни, разоряя города и селения, уводя с собой тысячи пленников. Большое турецкое нашествие казалось неминуемым.

Польское правительство торопливо собирало новые силы для отпора туркам. В этой ситуации польским лидерам стало ясно, что они должны обеспечить себе лояльность казаков, и уступки казакам и православной церкви стали неизбежны.

Православная группа, не теряя времени, воспользовалась создавшейся ситуацией. Кандидатов на престолы митрополита и епископов духовенство и братства назвали в сентябре. В октябре Феофан посвятил их, одного за другим. Поскольку это делалось без санкции короля, церемонию каждый раз проводили втайне. 6 октября Исайя Копинский был посвящен в сан епископа Перемышля; три дня спустя Иов Борецкий стал митрополитом Киевским; примерно 15 октября Мелетий Смотрицкий — архиепископом Полоцким.[95]

В начале ноября сейм король созвал сейм для выработки мер против угрозы турецкого нашествия. Православные депутаты не преминули упомянуть о своих обидах. Чашник Волыни Лаврентий Древинский выступил в роли оратора. В своей речи он указал, что поскольку от православных, как от других польских подданных, потребуется служить в армии, их требования восстановления прав православия следует принять во внимание.

Чтобы умиротворить православных, король и сейм подтвердили конституцию 1607 г., гарантировавшую определенные права православной церкви, включая пожалованья землей (beneficia) епископатам и монастырям. Конституция перестала действовать с пресечением в Польше православной иерархии, но с ее восстановлением (при помощи Феофана) правила 1607 г. могли снова получить законную силу.

Православные представители, однако, официально еще не объявляли о посвящении в сан новых прелатов. Они, по всей видимости, решили отложить это объявление до отъезда Феофана и не ставить под угрозу его безопасность. Кроме того, они, вероятно, полагали, что

будет легче склонить короля к одобрению новой иерархии, когда закончатся сессии сейма.

10 ноября король написал Феофану письмо, в котором просил убедить казаков оказать полякам полную поддержку в войне с Турцией.

7 января 1621 г. Феофан, перед возвращением домой, остановился в штаб-квартире зарегистрированных казаков. После торжественной службы в тамошнем монастыре Феофан передал послание гетману Сагайдачному и всем казакам, в котором он благословлял их и побуждал поддержать короля в войне против турок. "Ваша верность королю", — убеждал Феофан, — "заставит его признать и одобрить вашу [православную] иерархию".

Казаки сопровождали Феофана до молдавской границы. По пути он сделал остановку в Белой Церкви. Там Феофан посвятил Паисия Ипполитовича в сан епископа Холмского. В Буше, на молдавской границе, он произвел еще одного прелата, посвятив грека Авраама в епископы Пинска. Там он еще раз благословил казаков и отпустил им грех участия в войне против православной страны (Московии) в 1618 г. Он наставлял их никогда впредь не делать этого.[96]

II

Перед выступлением к Хотину в Подолии, который, как ожидалось, станет первой целью нападения турок, казаки, возглавляемые гетманом Яцко Бородавкой (любимцем рядовых), отправили делегацию к королю Сигизмунду с просьбой утвердить православных прелатов, посвященных Феофаном. Главными членами этой делегации являлись бывший гетман Сагайдачный и епископ Луцкий Курцевич, Король принял их в июле 1621 г. Сигизмунд сказал, что принимая Курцевича как епископа Луцкого, он тем самым признает его таковым. Он также неопределенно пообещал признать и других православных иерархов. Сагайдачного удовлетворил такой ответ.[97]

В середине августа польская армия под командованием гетмана Ходкевича, которому помогал кронпринц Владислав, встала лагерем на берегу реки Днестр около крепости Хотин. Казаки с гетманом Бородавкой, продвигаясь к Хотину, дошли до Могилева-на-Подолии. Ходкевич отправил Сагайдачного (возвратившегося из Варшавы) убедить казаков поторопиться. Использовав разногласия между старшинами и рядовыми в лагере казаков, Сагайдачный обвинил Бородавку "во многих преступлениях". Бородав-

ку сместили и казнили; Сагайдачного снова избрали гетманом и он повел казаков к Хотину.

Турки и татары достигли Хотина 2 сентября 1621 г. Весь сентябрь они штурмовали польский лагерь, но так и не смогли взять его. Казаки отважно защищали Хотин. 27 сентября скончался Ходкевич. Его преемник немедленно начал переговоры о мире с турками, заключение которого состоялось 9 октября. По условиям договора Польша обещала предотвратить набеги казаков на турецкие владения. Турция обещала гарантировала назначение на молдавский трон кандидата, приемлемого для Польши.[98]

Сагайдачный получил на войне тяжелую рану. Кронпринц Владислав осыпал его милостями и наградами, и он удалился в Киев, где умер 10 апреля 1622 г.

Поскольку угроза со стороны турков отступила, а Сагайдачного не стало, поляки уже не желали удовлетворять требования православных и признавать их иерархов. Папа советовал королю Сигизмунду не идти на уступки схизматикам. Униатский митрополит Вениамин Рутский и архиепископ Полоцкий Иосафат Кунцевич сделали все, чтобы не позволить православным прелатам исполнять свои обязанности.

Чтобы сформулировать каноническую законность православной иерархии, епископ Мелетий Смотрицкий написал специальную научную статью на польском языке под названием "Подтверждение невинности" (Justificacia Niewinnosti). 6 декабря 1622 г. митрополит Иов Борецкий отослал копию статьи королю. Петиция (supplicatio), также написанная Мелетием, была представлена сейму в январе 1623 г. Сейм отказался ее обсуждать. Дело передали комитету, рекомендации которого не одобрили.[99]

Разногласия между униатами и православными достигли новой высоты. Самым непримиримым среди униатов был Кунцевич, архиепископ Полоцкий. Даже литовский канцлер Лев Сапега жаловался униатскому митрополиту, что в действиях Кунцевича слишком много насилия, и поэтому люди его ненавидят. Сапега также писал самому Кунцевичу, советуя ему быть более сдержанным.

Кунцевич не обратил никакого внимания на предостережения Сапеги. Он захватил все православные церкви и монастыри в Полоцке и Витебске и запретил проводить православные службы даже в частных домах. 12 ноября 1623 г., когда Кунцевич приехал в Витебск, разъяренная толпа растерзала его.[100]

Происшедшее не могло не вызвать реакции со стороны польского правительства. Король назначил специальную комиссию под руководством Льва Сапеги для судебного разбирательства и наказания виновных. Хотя Сапега предвидел опасность непримиримости Кунцевича, теперь он считал необходимым предотвратить возможность будущих волнений жесткими мерами.

Королевская комиссия в сопровождении отрядов кавалерии и пехоты прибыла в Витебск 15 января 1624 г. Ее официальные заседания продолжались три дня (18-20 января). Все горожане Витебска были признаны виновными. Девятнадцать зачинщиков, включая двух бургомистров, обезглавили, а их собственность передали казне. Сто горожан, которым удалось спастись, приговорили к смертной казни заочно, их собственность также изъяли. Город Витебск лишили Магдебурского права и всех привилегий и подчинили воеводе. Две обнаруженные на окраине города православные часовни разрушили. Запретили звонить в колокола городских церквей, которые находились под контролем униатов без специального разрешения униатского митрополита.[101]

Эти жестокие меры укрепили униатскую церковь в Витебске. Мертвый Кунцевич оказался более влиятельным как мученик, чем живой иерарх. В 1643 г. римско-католическая церковь причислила его к лику блаженных. (В 1867 г. папа Пий IX канонизировал его и объявил покровителем Западной Руси.)

Волнения в Витебске вызвали тревогу не только у польского правительства и униатов, но и у некоторых западнорусских православных прелатов. В 1580-е и 1590-е гг. существовало соперничество между православными общинами горожан и православными епископами, что послужило причиной поворота к Риму определенных западнорусских епископов, инициаторов униатской церкви.[102]

Убийство Кунцевича произвело болезненное впечатление даже на некоторых православных прелатов, включая номинального православного архиепископа Полоцкого, посвященного в сан Феофаном, Мелетия Смотрицкого, которому Кунцевич препятствовал в исполнении его церковных обязанностей. В своих посланиях и проповедях Смотрицкий успешно полемизировал с Кунцевичем, когда тот был жив. Когда же униаты получили возможность — и не упустили ее — использовать мученичество Кунцевича в качестве свидетельства жестокости православных, Смотрицкому ничего не оставалось, как согласиться.

Несмотря на то, что Мелетия Смотрицкого православные любили и почитали как образованного и талантливого оратора, его деятельность в церковной администрации находилась под контролем городских братств, и это вызывало его недовольство. Поэтому в конце 1623 г. Мелетий с благословения митрополита Иова Борецкого отправился в Константинополь и Палестину просить восточных иерархов упразднить независимый (stauropigial) статус братств.[103]

Мелетий провел на Ближнем Востоке два года и возвратился с посланием от патриарха Константинопольского Кирилла Лукариса, одобренном другими греческими прелатами, которое упраздняло независимость западнорусских братств и подчиняло их власти митрополита и епископов.[104]

Обнародование Мелетием этого послания вызвало негодование по отношению к нему и митрополиту Иову со стороны не только горожан, но и многих священников. Братства Вильно и Львова отправили делегатов к патриарху Константинопольскому с просьбой дать объяснения. Патриарх пояснил, что не желал ликвидировать привилегии самых старых братств, которые утвердил и благословил патриарх Иеремия.[105]

После этого положение Мелетия стало сомнительным. В 1627 г. он тайно присоединился к униатской церкви и целый год пытался убедить православных пойти на мир с униатами и признать главенство папы. Сначала казалось, что митрополит Иов и новый архимандрит Печерского монастыря в Киеве Петр Могила склоняются к компромиссу с римско-католической церковью, но затем они изменили свою позицию. Кончилось тем, что в 1628 г. Мелетий открыто объявил о своей приверженности к униатской церкви.

III

Непризнание сеймом 1623 г. иерархии православной церкви и наказания, последовавшие за убийством Кунцевича, внесли отчаяние в души православных и привели к распространению антипольских настроений как среди церковных лидеров, так и среди казаков.

24 августа 1624 г. митрополит Иов Киевский послал Исаака, епископа Луцкого, в Москву с тремя письмами, адресованными царю Михаилу, патриарху Филарету и думному дьяку Грамотину. По дороге воевода Путивля задержал Исаака и отослал письма Иова вместе с письмом Исаака в Москву и стал ждать ответа. Ему приказали пропустить Исаака в Москву без промедления.

В своем письме царю Михаилу митрополит Иов посылал приветствия и благословение и описывал ужасное положение православия в Западной Руси. Иов говорил, что, хотя православная церковь и держится с помощью казаков (черкасских молодцов), она нуждается в поддержке царя. Он рекомендовал царю Исаака как человека, которому он может доверять и который свято сохранит "царские секреты".[106]

4 января Исаака принял царь Михаил, а 10 февраля — патриарх Филарет. Исаак устно передал царю тайное послание Иова: Иов просил царя принять Западную Русь под свое покровительство и защитить православных людей и церковь от поляков. Царь приказал боярам обсудить с Исааком это дело. Встреча состоялась 14 января. Бояре были дружелюбны, но скептичны. Они указали Исааку, что, согласно их информации, нет достаточных свидетельств, что все православные группы в Западной Руси единодушно поддержат военное вмешательство Москвы. Кроме того, казаки готовятся к морскому походу против турок и, таким образом, не смогут сражаться с поляками.

Исаак настаивал, что православные едины в своем желании находиться под покровительством царя и просил бояр не отказывать в помощи в случае новой волны гонений со стороны поляков. Ни определенного обещания, ни категорического отказа в военной помощи на будущее бояре не дали, но в настоящий момент во вторжении было отказано. 23 февраля Исаак покинул Москву с подарками для себя и Иова.[107]

Летом 1625 г. казаки поднялись против поляков. Война не принесла решающих результатов и закончилась компромиссным договором, заключенным около озера Куруково 5 октября. По условиям договора число зарегистрированных казаков увеличилось до шести тысяч. Все присоединившиеся к казакам крестьяне должны были возвратиться в поместья как крепостные. Фактически, большая часть отправилась в Запорожье. Чтобы держать их под контролем, там расположили гарнизон зарегистрированных казаков. В списки зарегистрированных казаков вошли преимущественно зажиточные люди. По словам Грушевского (цитируемым Дорошенко), группа, таким образом, представляла "казацкую буржуазию".[106]

Увеличивая численность зарегистрированных казаков и повышая им жалованье (особенно офицерам), польское правительство пыталось создать группу казаков, верных королю. Через эту группу поляки надеялись держать в подчинении всех казаков.

Необходимость в казаках возникла вновь, когда в 1626 г. Польша оказалась вовлеченной в новую войну — на этот раз со Швецией. Продолжительная напряженность в отношениях между Польшей и Швецией являлась результатом династических, религиозных и экономических разногласий: борьбы за балтийские порты в Ливонии и Пруссии; притязаний короля Сигизмунда на шведскую корону и защита протестантизма Густавом Адольфом.

С 1613 г. Польша входила в соглашение с Габсбургами. В 1621 г. король Сигизмунд предпринял попытку создать на Балтике польский морской флот, чтобы действовать совместно с испанской флотилией, для чего было необходимо подготовить морскую базу. Эти планы беспокоили Швецию.[109]

Густав Адольф рассматривал войну с Польшей с точки зрения общего конфликта римского католицизма с протестантизмом. Кроме того, шведское правительство рассчитывало на поддержку протестантизма со стороны Москвы и патриарха Константинопольского Кирилла Лукариса, на богословские взгляды которого оказал влияние кальвинизм.[110]

В 1626 г., вскоре после начала войны с Польшей, Густав Адольф попытался отправить через Москву своих послов в Белоруссию и Запорожье. Двух послов (один из которых был шведским аристократом, а другой — Александр Рубец — по происхождению русский, православный) встретили в Москве любезно, но не позволили проследовать в Западную Русь на том основании, что еще не истек срок Деулинского перемирия между Московией и Польшей, и царь не может нарушить его без веской причины. Бояре, однако, сказали шведским послам, что в том случае, если польский король сам совершит хотя бы незначительное нарушение условий перемирия до его окончания, царь будет готов напасть на Польшу и заранее известит об этом шведского короля.[111]

Польское правительство нуждалось в помощи казаков против шведов, однако не решалось переводить их основной состав с Украины на Балтику с одной стороны из-за угрозы турецкого нашествия, а с другой не желая представлять казакам милости и уступки в связи с их участием в войне со Швецией. Вместо этого поляки объявили, что хотели бы увеличить долю зарегистрированных казаков на две тысячи человек, которые запишутся в специальные экспедиционные войска. Восторгов не последовало.[112]

С военной точки зрения польско-шведская война решающих результатов не принесла, и 26 сентября 1629 г. державы заключили перемирие на шесть лет.[113]

В годы войны (1626-1629) польское правительство заботилось о том, чтобы не раздражать православных, а затем попыталось достичь сближения между униатским и православным духовенством. Униатский митрополит Рутский полагал, что православные прелаты в конце концов признают главенство папы, если униатская церковь получит от папы и короля большую автономию и более почетный статус.[114]

Православный церковный Собор в Киеве, состоявшийся в 1628 г., отклонил какое-либо соглашение с униатами, преимущественно из-за твердой позиции казаков. В 1629 г. король созвал во Львове общий Собор униатов и православных. Но снова давление казаков не позволило явиться православным делегатам, за исключением совсем немногих. Поэтому Собор, полностью контролируемый униатами, одобрил план учреждения должности патриарха Западной Руси с властью и над униатами, и над православными, однако из этого проекта ничего не вышло.[115]

Несмотря на то, что православные в целом были против унии, некоторые из их прелатов склонялись к продолжению переговоров либо с униатами, либо с польским правительством. Они лелеяли надежду, что лояльность Польше является самым надежным путем к признанию прав православной церкви. Сам митрополит Киевский Иов находился в таком примирительном настроении.

Новичок среди киевского духовенства, молдавский аристократ Петр Могила оказался наиболее влиятельным сторонником политики сближения. Сын Симеона, господаря Молдавии в 1607-1609 гг., он родился в 1596 г. В 1612 г. из-за вражды с князем Кантемиром, захватившим власть в Молдавии, Симеон с семьей бежал в Польшу и остался там жить. Польша имела в Молдавии политические интересы и часто вмешивалась в ее дела. Польские магнаты приняли семью молдавского господаря как собратьев по классу, несмотря на религиозные различия (румыны были православными). Для украинских аристократов, сохранявших православную веру, общение с беглецами из Молдавии было еще легче. В 1605 г. староста Овруча князь Михаил Вишневецкий женился на Райне, дочери Иеремии Могилы (господаря Молдавии в 1593-1607 гг.). Иеремия Могила был братом Симеона Мо-

гилы. Таким образом, Райна Вишневецкая приходилась Петру Могиле двоюродной сестрой.[116]

Петр учился в православной школе Львовского братства, а завершил свое образование в Париже. Поступив в польскую армию, он принял участие в защите Хотина (1621 г.). Однако военная карьера его не привлекала, и в 1625 г. он принял монашество. В 1627 г. его избрали архимандритом Киево-Печерского монастыря, то есть на один из ключевых постов в западнорусской православной иерархии, поскольку канонически он подчинялся не митрополиту Киевскому, а непосредственно патриарху Константинопольскому.

В 1631 г. скончался митрополит Иов. Могила являлся исполнителем его завещания. Он стремился занять престол митрополита и находился в числе кандидатов на избрание. Однако избран был более старший по возрасту человек, прославившийся упорной защитой православия в 1620-е годы, Исаия Копинский, архиепископ Смоленский и Черниговский.

Вскоре отношения между Могилой и Копинским, а также некоторыми другими старшими лидерами обострнлись,[117] не только из-за личной неприязни, но и вследствие глубоких различий в складах ума и взглядах на образование.

В конце XXVI века и в первые тридцать лет XVII века западнорусское православие обращалась за руководством к Греческой церкви и в духовных делах, и в вопросах образования. Греческий язык являлся основным предметом в школах братств. Иночество Святой горы (горы Афон) было традиционным источником религиозного вдохновения. Туда удалился монах Иоанн Вишенский для мистических размышлений, как это сделал старец из Северной Руси Нил Майков (Сорский) в XV веке.[118]

Вишенский (1550 – 1621) критически относился к схоластическому знанию. Основой его христианского мировоззрения были Евангелия; аскетизм и смиренность – его идеал. Хотя он упорно защищал православие от униатов, он решительно обрушивался на тех православных прелатов, которые были испорчены богатством и привилегиями. В связи с этим послания Вишенского чрезвычайно нравились простому народу Западной Руси, особенно потому, что были написаны на ярком разговорном украинском языке того времени.[119] Все это помогало превращению его образа в светило и совесть Православной церкви и народа того периода.

Могила, напротив, был высоко образованным схоластом и реорганизатором западнорусской иерархии. Он не был органически связан с простыми людьми Западной Руси. По словам украинского ученого Дорошенко, Могила "был выдающимся лидером Православной Церкви, но не патриотом Украины; он сражался за укрепление Православной Церкви, но не за развитие украинской национальности".[120]

Восприняв польскую культуру и восхищаясь римско-католической системой образования, Могила считал серьезную реформу православных школ самым важным шагом к выживанию Православной церкви в Западной Руси. В качестве архимандрита Киево-Печерского монастыря, располагавшего особыми правами, Могила имел возможность в вопросах образовательной политики действовать независимо от митрополита. Поэтому 18 ноября 1631 г. с благословения патриарха Константинопольского Кирилла Лукариса, Могила открыл в Киеве новую школу под собственным контролем. К 1632 г. при помощи различных ловких маневров он убедил власти существовавшей школы братства слиться с его новой. Эта Коллегия стала ядром знаменитой Киевской духовной академии.

Школа Могилы следовала образцу иезуитских школ. Латынь, а не греческий язык являлась основой обучения; использовались учебники римско-католических авторитетов, включая Аквинского. К преподаванию Могиле удалось привлечь таких талантливых и образованных людей, как Исаия Козловский, Сильвестр Козов и Иннокентий Гизель. Первые два получили образование в иезуитском школа Люблина и в Замойской римско-католической академии. Третий, родом из Пруссии, сменил протестантскую веру на православную.

Сначала православные отреагировали на новую школу враждебно. Сильвестр Козов рассказывает, что "необразованные священники и казаки негодовали: *"Зачем вы открываете латинско-польскую школу? Ничего подобного раньше не было [у нас], а люди все равно получали вечное блаженство". Они хотели убить Могилу и учителей, и только с большим трудом удалось отговорить их от этого*".[121]

С другой стороны, иезуиты и униаты обвиняли школу Могилы в протестантизме. В 1634 г. униатскому митрополиту Руцкому удалось убедить короля Владислава в том, что школа является еретической (протестантской). Владислав приказал Могиле закрыть и школу, и связанное с ней издательство. Могила, однако, с помощью Сильвестра Козова без труда доказал абсурдность этого обвинения.[122]

Порядок был восстановлен, но в 1635 г. по совету Руцкого, король издал указ, исключающий теологию из школьной программы. Учителя были вынуждены искать пути, чтобы обойти этот указ, и начали обучать богословию при изучении Библии и работ Отцов Церкви.[123]

Ирония заключалась в том, что сам Могила испытывал отвращение к протестантству, а находился под влиянием духа и теологии римско-католической церкви. Он использовал католическую науку и методы обучения, чтобы вооружить православных против Рима и Унии, но в то же время был близок к католической догме; все, чего он хотел, это независимости Восточной церкви от Рима.[124]

Католическое мировоззрение Могилы отразилось в "Православном Исповедании", которое он составил в 1640 г. в сотрудничестве с Исаией Козловским. Рукопись обсудили на Православной конференции в Яссах, и греческий богослов Мелетий Сириг отредактировал ее[125], однако Могила отказался публиковать этот вариант. Вместо этого, в 1645 г. он выпустил в Киеве краткий Катехизис, переизданный в Москве в 1649 г. (Собрание кратких наук об артикулах веры)[126], который в основном следовал образцу латинского катехизиса Петра Канизия. Тем не менее принцип главенства Могила не принимал.[127]

Король Сигизмунд III, под чьим патронажем в 1596 г. была создана Униатская церковь, скончался 30 апреля 1632 г. Его сын Владислав был известен как более терпимый правитель. Кроме того, он доброжелательно относился к казакам, которых считал важным элементом военной организации Польши, и вынашивал идею использовать казаков как опору опоры королевской власти против магнатов.

Ситуация для православных складывалась благоприятно, в особенности потому, что срок перемирия между Польшей и Москвой заканчивался, и новая война казалась неминуемой. В этих обстоятельствах для Польши было важно удовлетворить по крайней мере некоторые требования православных, в особенности казаков.

Православные решили высказать свои претензии на сейме, который должен был собраться для выборов короля; на трон претендовал только один кандидат — Владислав. Согласно польской конституции, во время межвластия сначала должен был собраться общий сейм, чтобы официально объявить о смерти короля и обсудить претендентов на престол. Эти условия затем объявлялись местным собраниям и шляхте. Только после этого мог начать действовать выборный сейм.

В сейме участвовали делегаты и православной шляхты, и казаков. Древинский, как раньше, руководил первой группой. Другим влиятельным православным делегатом от аристократии являлся Адам Кисель, которому было суждено сыграть важную роль в польско-казацких разногласиях в 1640-х и 1650-х гг.

Чтобы укрепить свое положение на сейме, православные заключили соглашение с протестантами, руководил которыми Криштоф Радзивилл.

Именно в этот момент православие лишилось поддержки потомка одного из самых могущественных украинских княжеских родов, рода Вишневецких. К марту 1632 г. поползли слухи, что молодой князь Иеремия Вишневецкий (по-польски Jeremi Wiьniowiecki), родившийся в 1612 г., собирается перейти в католическую веру. Иеремия был сыном князя Михаила Вишневецкого и его молдавской жены Райны, приходившейся двоюродной сестрой Петру Могиле.

И Петр Могила, и митрополит Исаия Копинский написали князю Иеремии, моля его не отрекаться от веры своих предков, но напрасно. К моменту открытия сейма князь Иеремия стал католиком.[128] Он следовал общей тенденции западнорусских аристократических родов. Православие они презирали (подобно полякам), как крестьянскую веру, а Униатскую церковь считали предназначенной для простых людей, а не аристократов. Кроме того, католицизм для этих аристократических новообращенных олицетворяло собой не только Польшу, но и всю западную цивилизацию. Являясь активной и страстной натурой, князь Иеремия стал одним из самый ярых поборников католицизма, как это часто случается с ренегатами.

Общий сейм собрался 27 июня 1632 г. На его сессиях вопрос о правах православной церкви поднимался только в предварительном порядке. Когда 27 октября открылся Выборный сейм, православные делегаты объявили, что не будут участвовать в выборах короля, пока их церкви не гарантируют права.

Сейм назначил комиссию во главе с Владиславом, для того чтобы подготовить проект соглашения с православными. Главными пунктами соглашения являлись следующие:

1. Существование православной церкви и ее иерархии официально признается сеймом. Православные получают право воздвигать новые храмы и ремонтировать старые, а также открывать школы, издательства и больницы.

2. Признаются права православных братств.

3. Православным разрешается входить в состав местных органов управления.

4. Софийский Собор в Киеве передается из униатской юрисдикции под юрисдикцию православного митрополита киевского. То же происходит и с некоторыми другими храмами и монастырями по всей Западной Руси.

5. Кроме престола митрополита Киевского православные получают епархии в Луцке, Львове и Перемышле на Украине и в Мстиславле в Белоруссии.

Униатский митрополит сохраняет власть только над униатскими епархиями и церквами. Униатам остаются четыре епархии: Холм, Владимир-на-Волыни, Пинск и Полоцк.[129]

1 ноября Владислав одобрил статьи соглашения. Через двенадцать дней его избрали королем.

Новый статус церкви был результатом соглашения между польским правительством и православной церковью. Униатов, равно как папу и иезуитов, возмущал сам факт признания прав православной церкви. Православные были недовольны, что не ликвидировали униатскую церковь.

Завоевания православной церкви были, тем не менее, значительны. Православная церковь, легальное существование которой отрицалось после введения Унии 1596 года, теперь была официально признана польским правительством, признало оно и православную иерархию. В последнем пункте, однако, содержался некоторый подвох, поскольку, согласно соглашению, посвящение патриархом Феофаном в 1620-1621 гг. православных митрополита и епископов считалось недействительным, и эти прелаты должны были оставить свои престолы. Православные депутаты сейма торопливо избрали новых прелатов, и король их утвердил. Каноническая законность смещения старых иерархов и необычный способ избрания новых подвергались сомнению многими православными и вызвали горькие чувства у духовенства и прихожан.

Вновь избранные прелаты по духу отличались от посвященных Феофаном. Они находились под сильным влиянием польской культуры, были социально связаны с украинской и польской знатью и лояльно относились к Польше. Их возглавил Петр Могила, которого избрали митрополитом Киевским не без серьезного давления со стороны короля Владислава.

Переход власти от старых прелатов к новым оказался болезненным. После избрания необходимо было новых иерархов посвятить. Весной 1633 г. Петр Могила отправился во Львов, где ситуация была менее обостренной, чем в Киеве, и епископ Львовский Иеремия Тиссаровский (до того времени официально униат) при участии посвященных Феофаном епископов ввел его в сан.[130] Патриарх константинопольский Кирилл Лукарис без промедления утвердил Могилу на престоле митрополита киевского.

Проблематично было то, что существующий православный митрополит Киевский Исаия Копинский не признавал каноническим смещение старых иерархов и посвящение новых. Для Исаии, престарелого и праведного человека, это было не вопросом личного престижа, а делом принципа: он не желал замены духа византийского христианства духом латинской схоластики. Многие киевляне и казаки поддерживали его.

Могила не отказался от применения силы, чтобы овладеть престолом митрополита. Сначала он решил действовать скорее против униатов, чем против Исаии. Хотя, согласно соглашению от 1632 г. (подтвержденному жалованной грамотой короля Владислава от 1633 г.), униаты должны были передать под юрисдикцию православных Софийский собор и другие церкви в Киеве, но они не пожелали сделать этого.

Могила справедливо рассчитал, что даже его противники среди православных окажут ему поддержку в выселении униатов из этих церквей, и, таким образом, оппозиция к нему со стороны значительного части православных ослабнет.

Для выполнения своего плана Могила заранее выслал в Киев группу под руководством Сильвестра Козова, чтобы захватить Софийский собор и другие церкви. Многие киевляне и казаки с радостью приняли в этом участие (2 июля 1633 г.). Когда униаты отказались передать людям Могилы ключи от зданий, у православных нашлись силы открыть двери и овладеть церквами, которые принадлежали им по соглашению 1632 г.

Пять дней спустя Могила прибыл в Киев, где его тепло встретили, особенно духовные лица, связанные со школой, основанной им в 1631 г.[131]

Старый митрополит Исайя и его ближайшие последователи не находились, разумеется, среди встречавших Могилу. По жалованной грамоте короля Владислава Свято-Николаевский монастырь в Кие-

ве переходил к Могиле, однако его настоятель отказался подчиниться приказу. Могила послал своих людей захватить монастырь силой. Когда настоятель и монахи отказались указать, где находится монастырская казна, их избили.

Поскольку Исаия не согласился признать Могилу своим преемником, Могила приказал своим людям и заключить его в келью Печерского монастыря. Согласно летописи, подручные Могилы схватили больного Исаию, не позволив ему даже надеть подходящую одежду, бросили его на лошадь, как мешок, и таким образом доставили в Печерский монастырь. Там его держали, пока он не согласился подписать документ о сложении с себя полномочий митрополита.[132]

Грубое обращение Могилы с Исаией вызвало глубокое возмущение тех немалочисленных православных, которые все еще считали Исаию митрополитом. Могила попытался созвать церковный Собор Киевской епархии, чтобы уладить дело, но его план провалился. Тогда Могила попросил Адама Киселя помочь ему наладить мир с казаками. Кисель убедил казаков с почетом принять Могилу в своем лагере на условии, что он отведет Исаии монастырь, где тот сможет провести остаток дней в удобстве и покое. Могила тотчас назначил Исайю настоятелем монастыря св. Михаила,[133] где тот умер в 1634 г.

Борьба, таким образом, закончилась, и Могила уверенно чувствовал себя на престоле митрополита, несмотря на то, что неприязнь к нему со стороны православных приверженцев византийской духовности еще долго не ослабевала.

V

3 июля 1633 г. (по григорианскому календарю) Деулинское перемирие между Московией и Польшей заканчивалось. Его заключили 24 декабря 1618 г. по юлианскому календарю, 3 декабря 1619 г. по григорианскому и соблюдали четырнадцать с половиной лет. По основным условиям перемирия, Смоленск и Северская земля, захваченные Польшей в Смутное время, оставались под польским правлением; польский кронпринц Владислав не отказался от притязаний на московский престол.

Угроза нападения Польши по истечении срока перемирия все еще казалась серьезной, и поэтому в 1633 г. Московское правительство не могло не учитывать возможности новой войны с Польшей. Во время шведско-польской войны (1626-1629 гг.) король Густав Адольф

убеждал Москву стать союзником Швеции и напасть на Польшу, не дожидаясь окончания Деулинского перемирия. Тогда московское правительство отказалось нарушить перемирие без провокации со стороны поляков. Кроме того, в то время только началась с помощью иностранных инструкторов реорганизация московской армии, к тому же Москве требовалось время, чтобы известить турецкое правительство как будущего союзника против Польши.

Однако в 1631 г. Русь и Польша начали готовиться к войне.

Для короля Сигизмунда новая кампания против Московии явилась бы не только делом династического и политического значения, но также и религиозного. Католическая церковь и униаты продолжали планировать обращение московитов. Еще в 1624 г. униатский митрополит киевский Рутский разработал план "Русской семинарии" (Seminarium Russicum), где могли учиться как западнорусские униаты, так и русские из Московии. Эта семинария подготовила бы духовную базу для нового похода Владислава на Москву. Лично Рутский предоставил семинарии сумму в 10000 польских злотых, а Общество распространения веры пожертвовало 1 000 скудо, однако этого все равно было недостаточно.[134]

В июне 1631 г. царь Михаил назначил князей Дмитрия Мамстрюковича Черкасского и Бориса Михайловича Лыкова командующими армией, готовой в случае войны выступить к Дорогобужу и Смоленску.[135]

Осенью того же года польское правительство начало собирать казаков, чтобы расположить их в Северской земле для действий в направление Брянска, Путивля, Орла и Курска. До этого шага происходили переговоры Польши с Империей относительно польской помощи Габсбургам в Тридцатилетней войне. Польша намеревалась направить в Германию войска казаков в двадцать тысяч человек под командованием кронпринца Владислава, чтобы помочь католикам, но этот план пришлось оставить.[136]

Затем свои коррективы внесла смерть 30 апреля 1632 г. (по григорианскому календарю) короля Сигизмунда. Как почти всегда происходило в Польше во время смены королей ожидалось, что это событие временно парализует деятельность правительства, и военная партия в Москве, возглавляемая патриархом Филаретом, решила нанести удар. Но это, однако, пришлось отложить из-за раздора между Черкасским и Лыковым по поводу старшинства (случай местничества) и, что было важнее, из-за угрозы нападения татар.[137]

Для усиления основной армии, которая должна была выступить к Смоленску, московское правительство сократило гарнизоны в городах на южной границе. Крымские татары узнали, и в апреле 1632 г. небольшие татарские отряды начали совершать набеги на южные области Московии. В июне примерно двадцать тысяч татар вторглись в районы Ливен, Ельца, Орла, Мценска и Новосиля, смяли небольшие отряды русских, пытавшихся противостоять им в открытом поле, разорили деревни и захватили тысячи пленников. Когда одна группа с добычей возвращалась на смену ей за новой добычей выходила другая.[138]

Наконец в августе набеги татар прекратились, и в сентябре выступление на Смоленск можно было начинать, однако четырехмесячная задержка и окончание лета (лучшего сезона для военного похода) не предвещали русским ничего хорошего.

В августе, по настоянию патриарха Филарета, командующими главной армией назначили боярина Михаила Борисовича Шеина и окольничего Артемия Васильевича Измайлова. Шеин прославился упорной обороной Смоленска в войне с поляками (1610-1612 гг.). После возвращения из польского плена в 1619 г., он получил назначение на пост главы Пушкарского приказа. Он активно участвовал в формировании новых отрядов, подготовленных иностранными инструкторами, а также в наборе наемников.

Отношения Шеина со многими боярами к тому времени обострились. И когда 10 сентября 1632 г. царь Михаил принял Шеина перед выступлением в Смоленск, он оскорбил присутствовавших при приеме бояр, затронув болезненную тему как в Смутное время, пока он защищал Смоленск, многие из них склонялись к соглашению с поляками.[139]

Следует отметить, что мы знаем о речи Шеина только по формулировкам в обвинительном заключении после провала Смоленской наступления. По-видимому, Шеин обвинил многих бояр в активном сотрудничестве с поляками в 1610-1612 гг. В любом случае, очевидно, что этот инцидент свидетельствует не только о личном соперничестве между Шеином и группы бояр, но и о разногласиях по поводу политики с Польшей. Многие бояре были против войны или, по крайней мере, против ее приближения путем переговоров. Подобное отношение было широко распространенным в то время в Московии, и не только среди бояр. На самом деле, похоже, что сам царь Михаил не одобрял военные планы, но, как всегда, ему не хватило стойкости, чтобы противостоять политике отца.

Архиепископ Астраханский Пахомий в своей летописи (Хронографе), написанной в 1649 г., говорит, что патриарх Филарет, не дожидаясь окончания перемирия 1618 г., "повелел" царю собрать армию, чтобы вернуть Смоленск и другие города, переданные полякам в 1618 г. "И царь, по совету патриарха, лучше сказать по его приказу", пригласил иностранных офицеров и солдат и реорганизовал русскую армию, не считаясь с расходами. Однако отправляя на войну Шеина, "сам царь не соблаговолил идти на поляков, потому что был милосердным и мягким человеком, ненавидящим кровопролитие".[140]

В Нижнем Новгороде священник Иоан Неронов открыто критиковал правительство за приглашение на Русь такого количества иностранных офицеров и солдат, опасаясь возможности распространения лютеранства. Неронов также выступал против подготовки к войне, поскольку начать войну до окончания перемирия означало бы нарушить клятву.[141]

Филарет пришел в ярость и приказал сослать Неронова в монастырь св. Николая в устье Двины, содержать в кандалах в строгой изоляции и лишить причастия за исключением случая неминуемой смерти.[142]

Кроме широко распространившегося обвинения в нарушении клятвы перемирия, особое обвинение подобного рода выдвигалось лично против Шеина. Когда в 1619 г. поляки, согласно условиям Деулинского перемирия, должны были освободить Филарета и Шеина, они потребовали, чтобы Шеин поклялся никогда больше не поднимать оружия против поляков, и он принес такую клятву. Бояре, противники Шеина в наступившем кризисе, не преминули указать на этот факт царю и патриарху.

Обвинение в клятвопреступлении, выдвинутое Шеину, увеличило чувство неловкости и вины московитов в связи с военной политикой правительства. Из Москвы слухи о грехе Шеина проникли в армию. Это не могло не подорвать моральный дух воинов.[143]

Тем не менее начало наступления оказалось успешным, и некоторое время все шло хорошо. Город за городом сдавались войскам московитов: Серпейск, Дорогобуж, Белая, Рославль и другие. В декабре 1632 г. Шеин подошел к Смоленску.[144] Его армия состояла из дворянского ополчения; новых подразделений, подготовленных иностранными офицерами; иностранных наемников и насчитывала больше тридцати тысяч человек.[145]

Московское правительство решило усилить армию Шеина донскими казаками. Для этого сначала требовалось улучшить отношения Москвы с Доном, испорченные с 1629 г., когда патриарх Филарет пригрозил казакам отлучением, если они будут продолжать набеги на турецкие города в мирные периода русско-турецких отношений.[146] В 1630 г. в Москве арестовали, конфисковав имущество, казацкую делегацию во главе с атаманом Наумом Васильевым.[147] Положение осложнилось еще больше, когда казаки убили московского представителя Ивана Карамышева.[148]

В конце 1632 г., из-за войны с Польшей, патриарху Филарету пришлось менять свое отношение к донским казакам, налаживать с ними мир и просить их о помощи. Арестованных казаков освободили, и царь снова даровал Дону свое расположение. И царь, и патриарх приняли казацкую делегацию. Казаки согласились послать отборный отряд в армию Шеина под Смоленск. Их также убедили выступить против Малых ногайцев и азовских и крымских татар.[149]

Польский гарнизон в Смоленске насчитывал только пятнадцать сотен человек, что вряд ли было достаточно. Но спасали сами стены, построенные русскими в 1596 г.; они были прекрасной защитой. Прежде чем штурмовать их, Шеин вынужден был дожидаться подхода тяжелой артиллерии. В это время он старался не позволить полякам усилить гарнизон и частично справился со своей задачей. Наконец в марте 1633 г. тяжелую артиллерию доставили из Москвы в лагерь Шеина. Но за этот период поляки укрепили восточный бастион за крепостными стенами. Когда в мае, и снова в июне, с помощью артиллерии и подкопов русские обрушили часть стен, поляки, находясь во внутреннем бастионе, смогли их отразить. Последовало временное затишье. Чтобы усилить блокаду Смоленска, русские начали рыть траншеи и делать земляные валы.

В этих обстоятельствах внимание Москвы отвлекла от Смоленска новая волна татарских набегов, еще более опасных, чем предыдущим летом. На этот раз татары действовали как польские союзники. 5 апреля 1633 г. польский курьер доставил хану Крыма письмо короля Владислава с просьбой послать войска против Москвы. Хан дал обещание.[150]

В апреле и мае первые разведывательные отряды татар перешли южную границу Московии. В июне сын хана повел войско (20-30 тысяч татар и Малых ногайцев) к Оке севернее Тулы. Часть из них

переправилась через реку и вошла в московский уезд. Затем они отдельными группами распространились и на запад, и на восток, разоряя поместья аристократов и крестьянские деревни, уводя тысячи пленных.

Когда известия об этом дошли до армии Шеина, многие из пострадавших от татар уездов поспешили домой, чтобы сражаться с татарами и спасти уцелевшее от разорения, что значительно осложнило положение армии.

В ответ татарам, московское правительство отправило против Малых ногайцев несколько подразделений московских войск, усиленных Большими ногайцами и кабардинцами.

В это время русские послы в Константинополе старались добиться помощи султана в ограничении крымских татар. Мурад IV, казалось, склонялся к тому, чтобы начать войну против Польши. Крымских татар должным образом проинформировали, и в августе они начали отводить свои силы с русских земель. В декабре крымский хан Джанибек получил строгий приказ заключить мир с Москвой и готовиться к войне с Польшей.[151]

Король Владислав сразу после своего избрания на трон 13 ноября 1632 г. приступил к организации армии для спасения Смоленска. Приготовления закончились к августу 1633 г., и в конце месяца Владислав подошел к осажденному городу. Его армия насчитывала девять тысяч человек. В середине сентября к королю присоединились войска зарегистрированных казаков (от 15 до 20 тысяч человек) под командованием гетмана Орандаренко.[152]

Другая группа казаков во главе с Адамом Киселем и Иеремией Вишневецким действовала в районе Северской земли, но без успеха.[153]

Подход армии Владислава с отрядами казаков сразу же изменил военную ситуацию. Армия Шеина сама оказалась под угрозой быть окруженной силами врага. Немедленное отступление казалось единственным разумным выходом из положения, но Шеину было трудно принять подобное решение без царского приказа (ситуацию усугубила последовавшая 1 октября смерть патриарха Филарета). Царь убедил Шеина оставаться в лагере и заверил его, что из Москвы, Северской земли, Пскова и Торопца немедленно вышлют подкрепление.[154]

В это время поляки захватили Дорогобуж, отрезав дорогу на Москву. Те рвы и земляные валы, возведенные русскими под Смоленском, позволили бы им выдержать долгую осаду, но скоро войска

Шеина стали испытывать нехватку продовольствия и фуража. Кроме того, моральный дух иностранных наемников пошатнулся, и они начали переходить на сторону поляков. 2 декабря полковник Лесли, ирландский военный эксперт, обвинил англичанина, полковника Сандерсона, в измене и застрелил его.

Обещанное царем подкрепление не подходило. Посланный из Москвы отряд, под командованием князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского, дошел до Можайска, но там остановился, так как нуждался в улучшении вооружения.

Шеину оставалось только сдаться, что он и сделал 19 февраля 1634 г. И иностранным, и русским воинам армии Шеина предоставили выбор: либо идти на службу к полякам, либо возвращаться домой (при условии не сражаться против поляков). Русским пришлось передать полякам все свои знамена и всю артиллерию, за исключением двенадцати легких пушек.[155]

Половина наемников армии Шеина перешла к полякам; другая половина предпочла отправиться по домам. Из русских только восемь солдат (шестеро из которых были донскими казаками) остались с поляками. Шеин повел обратно в Москву 8056 офицеров и солдат, большей частью ослабленных голодом и болезнями. Как только Шеин достиг Москвы, его предали суду по обвинению в якобы плохом руководстве.

Вдохновленные величием своей победы, поляки решили использовать свой успех и продолжить наступление. Король Владислав и литовский гетман Радзивилл двинулись на крепость Белую, взятую русскими в самом начале войны. Поляки были уверены, что воевода Белой сдастся без сражения. Он, однако, сделать это категорически отказался. Полякам пришлось осадить Белую, но несмотря на большие потери осажденные не сдавались. Из-за кровопролития Радзивилл прозвал крепость "Красной" вместо "Белой". Вскоре польские войска стали страдать от недостатка продовольствия.

Известия с Северинского направления тоже были неутешительны для поляков. Казаки не смогли взять ни Путивль, ни Севск. В довершение ко всему, поступило донесение, что татары почти готовы начать военные действия против Польши.

В этих обстоятельствах поляки и литовцы предложили московским боярам мирные переговоры (март 1634 г.). Переговоры проходили под Вязьмой на реке Поляновке и продолжались больше двух меся-

цев. 3 июня мир был заключен. Согласно его статьям, Москва выплачивала контрибуцию в 20000 рублей и передавала Польше и Смоленск, и Северскую землю. Владислав, со своей стороны, отказывался от притязаний на московский престол и признавал Михаила царем.[156]

Судьба Шеина была предрешена еще до завершения мирных переговоров. Его судила Боярская Дума и признала виновным в оскорблении бояр перед выступлением на Смоленск; намеренном промедлении и плохом руководстве военными действиями; капитуляции без царского приказа и измене: утверждалось, что он скрыл после своего возвращения из польского плена в 1619 г. от царя факт клятвы королям Сигизмунду и Владиславу никогда не сражаться с ними, а теперь сдержал свое слово, сдавшись Владиславу.[157] За эти мнимые преступления Шеина приговорили к смерти и обезглавили.

За исключением того, что Шеин оскорбил бояр, все обвинения против него либо несправедливы, либо просто лживы. Его казнь являлась не только местью со стороны его врагов. Это было попыткой снять ответственность за провал Смоленского наступления с царя и бояр. В этом смысле пункт о клятве Шеина королю Сигизмунду особенно показателен. С самого начала согласие Шеина командовать наступлением на Смоленск рассматривалось многими московитами как свидетельство нарушения им клятвы 1619 г., за которое ожидалась Божья кара. Бояре попытались заменить мистические предчувствия московитов реалистическим объяснением: Шеин сдержал данное полякам слово и намеренно уничтожил русскую армию. Для большей убедительности они объявили, что Шеин скрыл от царя факт принесения клятвы. Этому утверждению противоречит архиепископ Пахомий, который пишет (довольно осторожно): "Я верю, что этот факт [клятва Шеина Сигизмунду] не был неизвестен царю и патриарху".[158]

Очевидно, что суд над Шеином и его казнь возмутили многих московитов. Говоря о предъявленных Шеину обвинениях, Пахомий цитировал русскую пословицу: "После рати много храбрых".[159]

Недовольство правительством росло. Война потребовала больших расходов. Земскому Собору в 1632-1634 гг. пришлось вводить дополнительные налоги, а также набор рекрутов для армии. Провал войны показал бессмысленность жертв. Бояре старались обелить себя, сделав Шеина козлом отпущения, но это им не удалось.

Во время мирных переговоров у Поляновки короля Владислава известили, что после казни Шейна в Москве начались волнения.[160]

Даже если это донесение преувеличивает уровень недовольства московитов, то само существование этого чувства едва ли можно подвергать сомнению.

Война породила и еще одну проблему — дезертирство. Еще до трагической развязки войны некоторые отряды, боярские дети, солдаты и казаки покинули армию, либо сражаться с татарами, либо, пользуясь беспорядками, грабить боярские владения. После позорной сдачи количество дезертиров и разбойников резко возросло. К моменту заключения мирного договора в июне 1634 г. примерно восемь тысяч таких грабителей разгуливало в уездах Козельска, Воротынска и Белёва. Против них пришлось выслать регулярные войска, и постепенно они разошлись; некоторые из них отправились на Дон.[161]

V

Деулинское перемирие 1618-1619 гг. оставило Смоленск и Северскую землю под польским владычеством, однако с юридической точки зрения оно имело временный статус. Только по мирному договору 1634 г. Польско-Литовское Содружество получило полное право на эти две провинции, и они официально вошли — Смоленск в Литву, а Северская земля с Черниговом в Польшу (Стародульский уезд передали Литве). До 1515-1523 гг. обе провинции принадлежали Великому княжеству Литовскому.[162]

В 1635 г. создали Черниговское воеводство (область), состоящее из двух поветов (районов): Чернигов и Северская земля. Ввели польскую систему управления. Что касается судов, уголовного и гражданского права, то использовали Литовский Статут 1588 г. Города, такие как Чернигов, Новгород-Северский, Нежин и другие, получили Магдебурское право при условии, что головой (мэром) будет избираться или назначаться только католик или униат (но не православный). В муниципалитетах Нежина и Чернигова польский язык стал официальным языком всего делопроизводства.[163]

Земельные права хозяев имений, включая монастыри, проверяли и, если находили права на них законными, подтверждали. Поскольку огромная часть территории воеводства была мало заселена, и там находились обширные запасы необработанной земли, многие польские и украинские шляхетские семьи переехали туда с правого берега Днепра и им пожаловали землю.

Несколько польских и пропольско настроенных украинских магнатов, таких как Вишневецкие, получили громадные поместья в целинной степи на левом берегу Днепра. Для сельскохозяйственных работ привлекали поселенцев с правого берега Украины, обещая им лучшие условия жизни. Как и в других районах польской Украины, крестьяне должны были платить налоги деньгами или натурой и работать в доме хозяина определенное количество дней, однако повинности (сначала, по крайней мере) были не такими тяжелыми, как в других частях Содружества.

За наплывом в Чернигов и Северскую землю польской знати последовало насаждение католичества. Были построены доминиканский и униатский монастыри, открыты иезуитские школы. С исторической точки зрения, это внешне мирное польское и католическое завоевание еще одной (самой восточной) части Украины еще больше обострило польско-украинский конфликт.

Укрепление своей власти на левом берегу в середине течения Днепра поляки использовали для усиления контроля над казаками. Когда мир с Москвой был заключен, старая история повторилась: большинство казаков, принимавших участие в войне, распустили, а долю зарегистрированных казаков понизили до семи тысяч человек.

Чтобы держать казаков под постоянным контролем, польское правительство построило крепость на утесе на правом берегу Днепра у первого порога. Французский инженер Гильом ле Вассо де Боплан (Guillaume le Vasseur de Beauplan) руководил работами, начавшимися ранней весной 1635 г. Крепость, под названием Кодак, была готова в июле того же года. Другого француза, капитана Жана Мариона (Jean Marion), назначили ее первым комендантом. Гарнизон состоял из двухсот драгун (иностранных наемников).[164]

В этих обстоятельствах Польша вступила в войну со Швецией. Войско из пятнадцати сотен зарегистрированных казаков отправили для усиление польских войск в балтийском регионе. Они построили лодки на нижнем Немане и действовали сообща с небольшой польской флотилией. Война длилась недолго и закончилась без решающих результатов.[165]

Возведение Кодака запорожские казаки справедливо расценивали как серьезную угрозу своей независимости, и они решили избавиться от нее, пока внимание польского правительства отвлекала война на Балтике. Атаман Иван Сулима обрушился на Кодак силой

примерно в восемь сотен запорожских казаков, большая часть которых участвовали в осаде Смоленска и были распущены поляками в конце войны. Этот смелый набег удался. Ночью 3 августа они взяли Кодак штурмом и уничтожили всех его защитников.[166]

По-видимому (свидетельство об этом эпизоде довольно противоречиво), после захвата Сулимой Кодака к нему присоединились некоторые зарегистрированные казаки. Вскоре они, опасаясь польского произвола, выдали Сулиму полякам. В Варшаве его казнили.[167]

Зарегистрированные казаки затем присягнули польской короне. Их разделили на семь подразделений, пять на правом берегу Днепра (в Белой Церкви, Каневе, Черкассах, Корсуни и Чигирине) и два на левом (в Переяславле и Миргороде). За этим последовало обычное деление на полки, сотни и десятки, возглавляемые выборными старшинами.

Зарегистрированные казаки получали от короны какое-то жалованье (не всегда регулярно), однако основным источником дохода для большинства из них служили их земли, разбросанные по поместьям короны и знати.

Даже внутри отрядов зарегистрированных казаков имелись основания для раздоров. Старшину избирали практически всегда из более зажиточных землевладельцев, и они часто получали особые привилегии от правительства. Некоторые рядовые воины не имели, или имели мало, земли и поддерживали себя рыбной ловлей. Для них старшины являлись новыми потенциальными господами и не вызывали никакого доверия.

Казаков, которые не вошли в реестр, польские магнаты и правительственные власти считали обыкновенными крестьянами и полагали, что они будут работать в поместьях магнатов или короны. Те, однако, предпочли бежать в Запорожье. Их, как и низшие слои зарегистрированных казаков, не утихомирила казнь Сулимы и другие крутые меры польского правительства.

В 1637 г. в Запорожье вспыхнул мятеж, предводителем которого стал Павло Буты (по прозвищу Павлюк). Он принадлежал к группе более состоятельных зарегистрированных казаков, но был против того жесткого контроля, который поляки пытались установить над казаками. В 1635 г. Павлюк поддержал Сулиму в Кодаке, а затем бежал в Запорожье.

В конце мая 1637 г. Павлюк с отрядом запорожцев напал на Черкассы и захватил артиллерию зарегистрированных казаков. Затем он

возвратился в Запорожье и выпустил воззвание к украинскому народу, призывая подниматься против поляков. Он советовал зарегистрированным казакам убивать своих начальников и звал крестьян присоединяться к казакам.[168]

Два подразделения зарегистрированных казаков сохранили верность полякам, а большинство казаков встало на сторону Павлюка. Особенно яростными крестьянские волнения были на левом берегу Днепра.

Наконец в декабре польская армия (около пятнадцати тысяч человек), возглавляемая гетманом Николаем Потоцким, выступила против мятежных казаков, стоявших в то время около Черкасс. Казацкая армия из двадцати трех тысяч превосходила польскую по численности, но поляки имели большое преимущество в кавалерии.

После недели сражений, понеся тяжелые потери и исчерпав запасы продовольствия, казаки сдались и выдали Павлюка и других зачинщиков. Их отправили в Варшаву, где они были казнены. Зарегистрированные казаки опять дали клятву на верность. Потоцкого назначили новым высшим начальником их войск. Ильяш Караимович, во время восстания остававшийся верным полякам, стал старшим командиром зарегистрированных. Более молодой, до сих пор малоизвестный, Богдан Хмельницкий, в 1622 г. возвратившийся из татарского плена, получил пост секретаря (писаря) зарегистрированных войск.

Крестьянские волнения на левом берегу Днепра все еще продолжались. Поэтому главные польские силы по льду перешли Днепр под Переяславлем, и оттуда Николай Потоцкий пошел маршем на Нежин, а его брат Станислав — на Лубны, являвшиеся центром владений Вишневецких. Волнение подавили с неслыханной жестокостью. Согласно современному польскому источнику (дневнику Окольского), по всем дорогам, ведущим в Нежин, можно было видеть повешенных и посаженных на кол казаков и крестьян.[169]

Восстановив спокойствие на левом берегу, Потоцкий оставил своего брата Станислава с частью армии охранять усмиренный район и пошел в Киев, а оттуда на Подолию.

Смирение, однако, оказалось эфемерным. Тысячи мятежников бежали в Запорожь, где была сформирована новая армия во главе с гетманом Яковом Остряниным.[170] Перед началом действий Остранин послал гонцов к донским казакам просить тех о помощи. Они не имели возможности предоставить войско, поскольку были вовлечены в борьбу за Азов с турками и крымскими татарами. Тем не менее,

несколько сотен присоединилось к запорожцам. Во второй половине марта небольшие силы запорожцев захватилили Чигирин, а Острянин со своими основными силами вторгся в район Полтавы.

Станислав Потоцкий встретил казаков с польскими войсками, усиленными зарегистрированными казаками и германскими наемниками, но был отбит (все германцы погибли в сражении). Острянин перенес свой штаб в Миргород.

В это время на Подолии Николай Потоцкий набрал новую армию, а князь Иеремия Вишневецкий собрал сильное подразделение из собственных людей и людей других магнатов. 29 мая 1638 г. войско Вишневецкого (две тысячи человек и двенадцать пушек) прибыло в Лубны на помощь Станиславу Потоцкому. Они привезли известие, что Николай Потоцкий тоже находится на марше. Это изменило ситуацию в пользу поляков. 10 июня Станислав Потоцкий напал на лагерь казаков, расположенный у Жовнина на реке Сулы недалеко от ее впадения в Днепр.

Острянин счел дальнейшее сопротивление бессмысленным и убедил казаков уходить в Московию. Примерно тысяча офицеров и рядовых последовала за ним. Большая часть решила продолжать борьбу и избрала Дмитрия Гуню своим новым гетманом. 20 июня Николай Потоцкий с войсками подошел к Переяславлю.

Гуня не считал позицию у Жовнина удобной для обороны и перенес свой лагерь на реку Старец (вероятно на левый берег Днепра около Градижска, примерно в 15-20 километрах ниже впадения Сулы). Вскоре превосходящие силы противника осадили лагерь казаков. 7 августа казаки решили прекратить сопротивление. Гуни и другим офицерам, не желавшим сдаваться, удалось бежать в Запорожье.

8 августа казаки сдали полякам свои пушки, оружие и воинские знаки отличия. Потоцкий объявил, что следующий сейм утвердит права казаков.

9 сентября 1638 г. Николай Потоцкий созвал в Киеве совещание (раду) старшин зарегистрированных казаков и делегатов от каждого отряда. Потоцкий объявил условия, на которых король и сейм предоставляют казакам прощение. Войска зарегистрированных казаков должны находиться под властью комиссара, назначаемого сеймом. Количество зарегистрированных казаков снижается с семи до шести тысяч (шесть подразделений вместо семи). Полковники назначаются польскими властями из польской знати. Сотники избираются из казаков, известных верной службой королю и Речи Посполитой.[171]

Рада согласилась послать к королю депутацию для выражения лояльности зарегистрированных казаков и согласия на вышеназванные условия. Богдан Хмельницкий находился среди четырех членов депутации.

Последняя встреча Николая Потоцкого и других польских высоких официальных лиц с зарегистрированными казаками произошла в Масловом Ставе 4 декабря 1638 г. Были объявлены имена комиссара и новых полковников, и казакам затем позволили выбрать сотников. Среди избранных чигиринским подразделением сотников был Богдан Хмельницкий.[172]

Для большего контроля над запорожскими казаками крепость Кодак восстановили и расширили.

Важным сопутствующим результатом провала казацких выступлений в 1637-1638 гг. явилось переселение многочисленных групп украинских казаков и крестьян на восток в южные области Московского царства и земли донских казаков. Это в конце концов привело к созданию так называемой Слободской Украины (украины свободных поселенцев), простиравшейся от Ахтырки в будущей Харьковской губернии до Острогожска в Воронежской губернии.

Все это явилось следующим шагом в отношениях, начавшихся ранней весной 1638 г., когда Острянин, предводитель запорожцев, попросил донских казаков о помощи. Они не имели возможности послать в Запорожье значительные силы, поскольку готовились к войне с турками за Азов. На самом деле, донские казаки сами нуждались в помощи, и поэтому могли только радоваться, когда группы потерпевших поражение запорожцев направились к Азову.

К концу 1637 г. в Азов пришли сотни запорожских казаков. В марте 1638 г. несколько запорожцев, прибыв в Путивль, рассказывали среди прочего, что на Дон идет примерно две тысячи запорожцев.[173] За ними последовало еще больше. В апреле 1638 г. атаман донских казаков Михаил Татаринов доложил дьякам в московском Посольском приказе, что на Дону находится десять тысяч запорожцев (что может быть преувеличением), и они все еще приходят.[174]

Затем, в июне 1638 г., гетман Яков Острянин- предводитель казацкого мятежа того года — не видя другого способа избежать подчинения полякам, решил направиться в Московию и с группой в тысячу человек, их женами и детьми двинулся в Белгород. По прибытии он объявил, что они готовы присягнуть царю.[175]

Польский чиновник, руководитель Полтавы, послал письмо воеводе Белгорода, князю П.Д. Пожарскому, с требованием допросить явившихся и отправить их обратно. Пожарский ответил, что не может сделать этого без приказа царя. Никакого подобного приказа не поступило.[176]

Примерно тогда же другая группа украинцев пришла в Путивль. Староста Гадяча Мартын Длуский потребовал, чтобы воевода Путивля Н.Ю. Плещеев выдал беглецов, но тот отказался.[177]

Московское правительство приняло группу Острянина, как отряд с собственной традиционной организацией. По совету князя Ивана Борисовича Черкасского, который как воевода Тулы отвечал за всю систему обороны южных областей от татар, казаков поселили в Чугуеве на целинных землях южнее Белгорода. Чугуев, как Белгород, находился севернее реки Донец между двумя традиционными путями татарских набегов – Муравским шляхом на запад от Донца и Изюмским шляхом на восток от него.

Казакам Острянина поручили наблюдать за передвижениями татар и предотвращать их набеги. Князя Петра Ивановича Щетинина назначили воеводой Чугуева, наделив полномочиями помочь казакам расселиться; не вмешиваться в их общинную организацию и следить, чтобы среди них не было измены.

Казакам пожаловали 32 тысячи десятин пахотной земли, а также луга и леса.[178] От них требовалось немедленно приступить к службе по защите границ от татар. 19 июля 1639 г. Острянин предотвратил очередной набег татар, разбив их отряд южнее Чугуева.[179]

Скоро, однако, оказалось, что казаки недостаточно вооружены. Они отправили царю челобитную, прося снабдить их пушками, ружьями, порохом и другими необходимым, но доставка затягивалась.

А в это время и казаки Острянина, и войска московитов под командованием воеводы Щетинина, а затем его преемника, жаловались на лишения гарнизонной жизни и дозорной службы, а также на несправедливое распределение обязанностей. Вскоре произошли случаи отъезда чугуевских казаков обратно в Польшу. Многих казаков не устраивал гетман Острянин, однако его нельзя было сместить без царского приказа. В январе 1641 г. Острянин и его противники встретились в Москве, чтобы разрешить спорные вопросы. Московское правительство отвергло предъявленные гетману обвинения и подтвердило его власть.

Это решение вызвало сильное негодование противников Остряница. 20 апреля 1641 г. его убили, после чего весь отряд бежал на запад за польскую границу.

Другие группы запорожцев, переселившихся в Московию за тот период (например поселившиеся в Воронежском уезде) остались верными царю.

VI

Существенной причиной трений между Польшей и запорожскими казаками были морские набеги последних на турецкие города вдоль побережья Черного моря в мирные периоды между Польшей и Турцией. Эти набеги раздражали турецкие власти и имели своим результатом акты возмездия со стороны турецкого правительства.

С другой стороны, в периоды войны с Турцией или набегов крымских татар запорожцы были необходимы для усиления польских армий.

Такого же рода отношения были между Москвой и донскими казаками. Хотя они были неоценимыми союзниками при оказании помощи Москве в отражении непрекращающихся набегов крымских татар, их морские вылазки на турецкие владения в Крыму и на берегах Азовского и Черного морей угрожали мирным отношениям Москвы с Турцией, между которыми не было войн с 1570 г. по 1676 г.

Сложность ситуации возрастала в связи с тем, что запорожские и донские казаки всегда находились в тесной связи, независимо от отношений между Московией и Польшей или между каждой из них с турками и татарами.

Как и польское правительство в отношении запорожцев, правительство Москвы постоянно пыталось обуздать донских казаков и воспрепятствовать их нападениям на турецкие владения. Что же касается донских казаков, то их набеги на турецкие города представляли собой как источник дохода (военная добыча), так и гуманитарную миссию по освобождению русских и украинских пленников, захваченных татарами во время их набегов на Московию и Украину для продажи в Каффе и на других невольничьих рынках. Казаки возмущались вмешательством московского правительства в их действия. Результатом этого были постоянные трения. Ни одна из сторон не могла позволить себе надолго прервать отношения, поскольку каждая зависела от другой. Москва нуждалась в поддержке со стороны

казаков против крымских татар, а казаки нуждались в финансовой помощи Москвы, а также в хлебе и военном снаряжении.

Еще один парадокс этой ситуации заключался в том, что крымский хан являлся вассалом турецкого султана. Султан обладал правом назначать хана (или утверждать кандидатуру, выдвинутую крымскими вельможами) или отстранять его от должности, если был им недоволен. Фактически хан находился в зависимости не только от султана, но также и от поддержки местных татарских магнатов.

В ходе подготовки к войне с Польшей и во время военных действий 1632-1634 гг. Москва просила султана о том, чтобы он запретил крымским татарам нападать на ее владения, и к концу войны султан издал подобный приказ.

Турки, в свою очередь, продолжали жаловаться царю на морские набеги донских казаков и просили его наложить на них запрет. У московского правительства был заранее заготовленный ответ, который давал объяснение, заключавшееся в том, что казаки не являются подчиненными царя, а независимы, и что царское правительство не имеет возражений против того, чтобы султан наказывал их.

Та поддержка, которую донские казаки оказали Москве во время Смоленской войны, временно упрочила отношения между ними и царским правительством. Однако назревал еще один кризис. В 1636 г. донские казаки стали вынашивать планы захвата турецкой крепости Азова (по-турецки, Азак) в устье реки Дона, которая перекрывала им доступ к Азовскому морю. Поскольку казакам не хватало военного снаряжения, они послали атамана Ивана Каторжного в Москву с просьбой предоставить снаряжение и денег. В прошлом они получали подобное за услуги в борьбе против татар. Свои теперешние планы они не раскрывали.

Царь удовлетворил их прошение, и в феврале 1637 г. послал на Дон дворянина Степана Чирикова с деньгами и снаряжением. Чириков также получил указания встретить турецкого посланника Фому Кантакузина и сопроводить его в Москву.

Тем временем общее собрание казаков (круг), состоявшееся в Городке (позднее названном Черкасским Городком или Черкасском), одобрило план захвата Азова. К этому времени около тысячи запорожцев пришло на Дон, и они дали клятву оказать в этом поддержку донскому войску, так поступил и целый ряд московских торговых людей (торговцев и торговых агентов). 21 апреля 1637 г. эта армия, состоявшая к тому времени из сорока четырех сотен воинов, двинулась к Азову.[180]

Чтобы помешать турецкому посланнику Кантакузину собирать сведения об их продвижении, казаки посадили его под стражу. 16 июня он предстал перед кругом и был обвинен в шпионаже в пользу турецкого правительства и в том, что он отправлял секретные послания крымским татарам и черкесам, убеждая их прийти на защиту Азова. Он был приговорен к смерти и немедленно казнен.[181]

18 июня казаки взяли штурмом Азов, перерезали все мусульманское население (составлявшее большинство жителей города) и освободили всех христианских пленников. Они захватили богатую добычу, которую поделили между всеми участниками осады, включая тысячу человек, убитых в боях, чьи доли были переданы их семьям.[182]

После захвата Азова казаки пригласили Чирикова посетить город. Они приняли его с почестями и поведали, что планируют сохранить Азов в надежде, что царь простит их за убийство турецкого посланника и позволит обитателям южных областей Московии свободно приезжать в Азов со всевозможными припасами и вещами. Захват Азова, осуществленный казаками, мог вести к возвращению великих ногайцев под царский протекторат и, возможно, также к признанию царского господства темрюкскими черкесами. Казаки, однако, настаивали на том, что не согласятся на то, что царь пришлет свои войска и воевод в Азов, который им хотелось сохранить под своей собственной властью.[183]

В июле казаки отправили к царю делегацию, чтобы сообщить о своих деяниях. Царь выбранил их за убийство турецкого посланника: "Посланника никогда не должно убивать", а также за захват Азова без его приказа.[184]

В сентябре в послании к султану царь сообщил ему, что казаки действовали без его позволения. Ответом султана были указания крымским татарам, чтобы те совершили набег на южные области Московии. Нураддин (второй вице-хан) Сафат-Гирей был поставлен командовать этим.[185] Турки, однако, не были готовы к военным действиям как против Москвы, так и против донских казаков из-за того, что они вели войну с Персией. Более того, как и предсказывали казаки, захват Азова вызвал благожелательную реакцию со стороны Великих ногайцев. В 1638 г. некоторые из их мурз бежали из Крыма и присоединялись к Москве, а в 1639 г. более тридцати тысяч Великих ногайцев решили возвратиться на реку Волгу и снова присягнуть на верность царю. Казаки помогли им переправиться через Дон в восточном направлении.[186]

В том же самом году был заключен мир между Турцией и Персией, и турецкое правительство оказалось в состоянии попытаться возвратить себе Азов. Поход против донских казаков состоялся в 1641 г.[187]

Турецкая армия численность тридцать тысяч воинов, в состав которой входили сербы, молдаване, трансильванцы и черкесы, была хорошо обеспечена артиллерией.[188] В этом походе также приняли участие сорок тысяч крымских татар, а многие князья Великих ногаев отреклись от своей недавно принесенной клятвы верности царю, чтобы двинуться на Азов в поддержку туркам и крымским татарам.[189]

В состав азовского гарнизона входило, по всей вероятности, около десяти тысяч человек. Из них донские казаки составляли 5367 мужчин и 800 женщин, которые активно помогали мужчинам. Остальные были запорожцы и московские торговые люди.[190]

Турки начали осаду Азова 24 июня 1641 г. Их пушки обстреливали башни и стены крепости, а их саперы пытались подорвать стены. Осажденные сопротивлялись с отчаянной отвагой. Туркам не удавалось взять город штурмом. Они несли тяжелые потери (из регулярных войск — шесть тысяч убитыми, не считая вспомогательные войска). Татары, за исключением личной гвардии хана, отказались принимать участие в атаках на крепость. 26 сентября турки пали духом и отступили.

Согласно донесению атамана Наума Васильева царю, было убито три тысячи казаков.[191] Но, несмотря на то, что победа была на их стороне, они понимали, что правительство султана не смирится с поражением, а для продолжительной борьбы сил у казаков будет недостаточно. В связи с этим они направили делегацию во главе с Наумом Васильевым в Москву, чтобы просить царя принять Азов под свое покровительство и послать московские войска для обороны крепости.[192]

Царь созвал заседание Земского Собора для обсуждения сложившегося положения, 3 января 1642 г.[193] Собор включал в себя, как обычно, совет иерархов церкви,[194] Боярскую Думу и представителей различных чинов ("чин" представлял собой класс сановников и военнослужащих или социальную группу). В заседании Собора 1642 г. приняли участие представители следующих групп: придворные чиновники и служители (стольники и жильцы); московская знать (дворяне); провинциальное дворянство (городовые дворяне); высшие группы московского купечества (гости, *гостинная* сотня и *суконная* сотня) и городские общины (черные сотни). Не было представителей от провинциальных городских общин и от свободных крестьян

(уездных людей). Из общего числа членов Собора (сто девяносто пять) самую многочисленную группу составляли (сто пятнадцать) депутатов от провинциального дворянства.

Собрание открылось чтением правительственного доклада о сложившемся положении. Перед членами собора было поставлено два вопроса: (1) следует или не следует царю принимать Азов от казаков и разрывать отношения с турецким султаном и крымским ханом; и (2) в том случае, если царь принимает Азов, как будет финансироваться неизбежная в этом случае война против турок и крымских татар? Каждому чину было вручено по экземпляру доклада. Представители каждого чина должны были обсудить эти вопросы между собой и дать ответы по отдельности. Делегаты от чина провинциального дворянства сформировали несколько секций, каждая из которых выражала свое мнение отдельно от других. Доклады чинов были представлены на рассмотрение царю по мере готовности каждого, и этот процесс занял более двух недель.

Мнения разделились.

Такой результат вполне понятен, когда мы принимаем в соображение то, что принесшая много бедствий Смоленская война завершилась менее чем восемь лет назад. Она потребовала в свое время дополнительного налогообложения, а результатом ее явились тяжелые людские потери в вооружении. Наемные войска, использовавшиеся в той войне, возвратились домой или были распущены; новые полки, обученные иностранными инструкторами, также были расформированы. Для новой большой войны следовало организовать новую армию, для чего необходимо было приложить много усилий и увеличить налогообложение. Помимо того, даже во времена Смоленской войны существовала довольно сильная оппозиция по отношению к ней, связанная с определенным пацифистским умонастроением, особенно, когда дело касалось войны против христианской державы (Польши), пусть даже иного вероисповедания.

В случае предполагающейся войны с Турцией за Азов нарушения клятвы не было бы, и, следовательно, этот аргумент не являлся бы действительным. Религиозный аргумент христианства против ислама мог быть (и был) использован в поддержку войны. И, тем не менее, в московском обществе все еще сохранялось пацифистское умонастроение. О нем свидетельствуют ответы всего лишь меньшинства делегатов. К этому меньшинству относился весь цвет духовенства,

стольники и все московские дворяне (за исключением двоих) — командиры стрелецкого полка и девяти делегатов от провинциального дворянства.

Духовенство отказалось выразить свою точку зрения мотивируя тем, что принятие решений по политическим и военным вопросам должно быть предоставлено царю и боярам, а не церкви. Тем не менее, иерархи обещали помочь царю денежными средствами в случае войны. Невмешательство иерархов церкви в государственные дела явило собой резкий контраст по сравнению с отношением патриарха Филарета во время Смоленской войны.

Точно так же другие делегаты, придерживавшиеся такой же точки зрения, не высказывали своих возражений открыто. Они говорили, что решение принадлежит царю, и что если царь должен будет приказать им отправиться на войну, они будут служить ему верой и правдой. Этого и следовало ожидать от военнослужащих, однако отрицательный смысл их ответа был ясен.

Большинство делегатов выразило ту точку зрения, что Москва должна взять себе Азов, даже если это будет означать войну с Турцией. Стратегическая важность Азова была подчеркнута двумя московскими дворянами — Никитой Беклемишевым и Тимофеем Желябужским, чье мнение расходилось с точкой зрения остальных членов их группы.

Они отметили тот факт, что татарам нельзя доверять. Несмотря на ежегодные подарки, которые посылает им царь, они продолжают нападать на Россию, когда им захочется. После того, как казаки захватили Азов, татары прекратили свои набеги. Будет значительно более выгодным прекратить посылать подарки врагам и использовать эти средства только лишь для того, чтобы создать мощные вооруженные силы против них. Если царь будет владеть Азовом, все ногаи и черкесы будут верно служить ему. Если же турки будут владеть Азовом, то последние кланы ногайцев перейдут на их сторону.[195]

Беклемишев и Желябужский стали давать рекомендации о необходимых военных и финансовых мерах для защиты Азова и в случае неизбежной, по всей видимости, войны с Турцией. Так же поступили и различные группы провинциального дворянства.

В большинстве ответов этой группы резко критиковались методы московской администрации и предлагались реформы. Они напрямую были связаны с военными усилиями. В соответствии с этим было рекомендовано принять Азов после проведения определенных реформ.

Среди мер, предложенных для финансирования предполагаемой войны, было требование со стороны большого числа делегатов от провинциального дворянства о составлении нового кадастра земельных угодий, в котором было бы отражено точное число крестьянских усадеб, и о новых правилах, уравнивающих доли набора рекрутов и сбора денег. Если будет обнаружено, что некоторые из владельцев больших угодий скрывают полное число их крепостных крестьян, то незаявленные крестьяне должны будут перейти в подчинение царю. Если собранная сумма денег окажется недостаточной, то дополнительные денежные средства должны взиматься с монастырей и церквей, а также с купцов.

Дворяне из южных приграничных областей добавляли, что, помимо всего прочего, должны быть приведены в порядок административные и законодательные учреждения: "Нас губит московская волокита и несправедливость больше, чем турки и татары".

Представители торгового класса, хотя и обещали продолжать оказывать услуги государству, жаловались на убытки, которые они несут, страдая от засилия иностранных купцов (западноевропейских и персидских). Это явилось повторением их прежних жалоб. Главной теперешней их жалобой стала жалоба на постоянные притеснения со стороны воевод в провинциальных районах и на их беззаконные вымогательства. Купцы требовали отмены гражданских полномочий воевод и восстановления самоуправления в городах и районах.

Получив советы членов Собора, царь и бояре должны были вынести свое решение. Хотя большинство представителей советовало принять Азов, они решили, что это потребует чрезвычайного напряжения сил нации и ресурсов, и что необходимым условием для таких военных усилий должно стать немедленное введение административных реформ.

Царь и бояре вынесли решение против войны. 30 апреля царь отдал казакам приказ оставить Азов. Они так и поступили, но очень неохотно.

4. Московская политика 1634-1648 гг.

I

С 1619 г. по 1633 г. патриарх Филарет был полновластным главой московского правительства. После его смерти 1 октября 1633 г. управление московскими делами снова перешло к боярам, которые при Филарете решающего голоса не имели.

Ведущее положение в новой администрации было поделено между двумя из них — князем Иваном Борисовичем Черкасским и боярином Федором Ивановичем Шереметевым. Черкасский был двоюродным братом царя Михаила (его мать была сестрой патриарха Филарета). Шереметев был шурином Черкасского (его жена была сестрой Черкасского).

Первое, что было необходимо сделать новой администрации, это заключить мир с поляками, что и сделал Шереметев в 1634 г. Московское правительство вынашивало много далеко идущих планов: восстановить народное доверие правительству, привести в порядок пошатнувшиеся государственные финансы, удовлетворить жалобы разных сословий московского общества и усилить оборонительную систему против татарских набегов.

Князя Черкасского сделали главой новой администрации, в современной терминологии — премьер-министром. До определенной степени его положение можно сравнить с положением Бориса Годунова во время правления царя Федора. Он стал главой Приказа большой казны, стрелецкого корпуса и Аптекарского приказа (отвечавшего за здоровье царя). Управление таким количеством ведомств, сосредоточенное в руках ведущего государственного деятеля, явилось прецедентом для Московии XVII века.

Черкасский прилагал большую долю своей энергии к заселению южных областей Московии и к усилению защиты границ. В этом отношении его деятельность опять-таки напоминала деятельность Бориса Годунова.

Напряжение в Смоленской войне истощило силы дворянства, охранявшего южные области Московии, поскольку большая их часть была отведена к западной границе. Милюков дает следующие характерные цифры, демонстрирующие мощь южной армейской группы:[196]

1629 г.	11 826
1630 г.	8 898
1631 г.	4 842
1632 г.	4 827
1633 г.	4 955

Когда война закончилась, стало возможным снова уделить должное внимание южной границе. В 1636 г. численность южной армии выросла до 12 759 человек.[197]

Черкасский решил не только усилить старую оборонительную линию (Белёв — Тула — Рязань), но и возвести южнее еще ряд крепостей. В 1636 г. были построены Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломов для того, чтобы воспрепятствовать вторжению ногаев в районы Ряжска и Рязани.

Поскольку новые города располагались главным образом в пустынной местности, необходимо было привлечь сюда новых поселенцев. Это было сделано двумя способами: по приказу правительства военнослужащие переводились из ближайших старых городов и районов; либо же приглашались добровольцы, которым была обещана плата или субсидии за работу на строительстве городов или обработки окружающих земель. Это вызвало протесты со стороны владельцев земельных угодий, с которых добровольные поселенцы переселялись, поскольку землевладельцы таким образом лишались части своей рабочей силы. Строго говоря, оставлять их было позволено только свободным работникам (вольным людям), а не крестьянам, прикрепленным к земле, но на деле трудно было помешать последним уходить нелегально.[198]

Вскоре сами московские землевладельцы (вотчинники) и помещики проявили интерес к освоению новых земель. Однако это противоречило планам Черкасского сохранить приграничные земли для свободных поселенцев и воспрепятствовать развитию там крепостного права. В связи с этим в 1637 г. было постановлено, что московитам не позволяется приобретать земельные угодья в районах Воронежа, Лебедяни, Ельца, Оскола, Ливен, Курска, Мценска, Новосиля, Орла, Болхова, Карачева, Рыльска или в районах к югу от этой линии.[199]

Захват Азова донскими казаками в июне 1637 г. ознаменовал серьезный кризис в отношениях Москвы с Турцией и крымскими татарами. В ответ на действия казаков наместник крымского хана Сафат-Гирей совершил набег на южные области Московии, и было очевидно, что ожидаются новые.

В виду серьезности положения Черкасский решил принять чрезвычайные меры для укрепления русской оборонительной системы против татар. Для того, чтобы вплотную заняться этим, он взял на себя управление Тулой, которая являлась центром старой оборонительной линии к югу от Оки. Шереметев временно заменил Черкасского во главе стрелецкого корпуса в Москве.

Черкасскому были предоставлены полномочия главнокомандующего южной армией, а также главного надзирателя за работами на

Белевско-Тульско-Рязанской укрепленной линии (*засечной черте*). Под его командованием находились князь Д.М. Пожарский (глава рязанского участка линии), князь С.В. Прозоровский (белевский участок) и князь И.А. Голицын (одоевский участок). Чтобы воспрепятствовать пререканиям между воеводами, назначения были сделаны "без мест" (то есть, не учитывая соотношения рангов по генеалогическому старшинству).[200] Это, по всей вероятности, являлось условием Черкасского при определении назначений.

Черкасский получил пространные указанию от царя, которые, повидимому, были составлены в соответствии с его собственными предложениями. В случае нападения татар Черкасский должен был поступать по собственному усмотрению.[201]

В результате работ 1638 г. Белёвско-Тульско-Рязанская засечная черта стала грозной цепью укреплений, защищающих центральные земли Московии от татарских набегов. Она служила также опорой для дальнейшего продвижения на юг русских крепостных сооружений.

Был задуман и постепенно осуществлен смелый план строительства новой и еще более грандиозной оборонительной линии. Она должна была протянуться от Белгорода на юго-запад к Короче (построена в 1638 г.), Усерду (построен в 1637 г.), затем на север к Воронежу (построен в 1586 г.), простираться до Козлова (1636 г.), а оттуда на восток к трем городам, построенным одновременно с Козловом (Тамбов, Верхний Ломов и Нижний Ломов).

В действительности, в планы Черкасского входили уже новые передовые посты южнее намечаемой белгородской линии. В 1638 г. он расселил корпус украинских казаков гетмана Острянина в Чугуеве (к югу от Белгорода). Хотя в 1641 г. эти казаки, будучи недовольны тяготами сторожевой службы, взбунтовались, убили Острянина и вернулись в польское подчинение, крепость Чугуев не была оставлена и продолжала свое существование, пополненная московским гарнизоном.

Захват Азова казаками в 1637 г. мог стать поворотным пунктом в борьбе русских против татар. Его кардинальную стратегическую важность для контроля над северным Кавказом и сдерживания крымских татар ясно понимали как донские казаки, так и такие лидеры московского дворянства, как Беклемишев и Желябужский. Так как Азов мог стать выдвинутым на юго-восток опорным пунктом русской оборонительной системы в степных землях, вполне естественно, что

Черкасский благоприятствовал отправке московских войск в Азов, когда казаки в 1641 г. предложили царю сделать это.

Но, как мы знаем, после совещания делегатов Земского Собора в январе 1642 г. царю и большинству бояр стало ясно, что содержание Азова истощит московские финансы и потребует важных внутренних реформ, с которыми большинство бояр не было бы согласно. Возможно, Черкасский и согласился бы, но он умер 4 апреля того года, и Шереметев, человек менее энергичный, заменил Черкасского на месте первого советника царя.

Хотя война между Москвой и Турцией и была предотвращена благодаря отходу донских казаков из Азова, непрекращающиеся набеги татар на южные области Московии продолжались и стали особенно интенсивными в 1644 г. и 1645 г. При таком сложном положении дел с востока пришла новая опасность для русских владений на нижней Волге и на северном Кавказе — калмыки.

При таком стечении обстоятельств московское правительство рассматривало даже возможность союза с Польшей против крымских татар и Турции. В 1645 г. турки готовились к войне против Венеции. В поисках союзников Венеция обратилась за помощью к польскому королю Владиславу. Он получил от Венеции субсидию, которая дала возможность начать военные приготовления, не прося сейм выделить кредиты. Владислав намеревался использовать запорожских казаков в нападении на Крым и турецкие владения вдоль северных берегов Черного моря.

В то же время Москва рассчитывали на помощь донских казаков в продолжающейся борьбе против крымских татар. Переговоры между Польшей и Москвой по поводу двусторонних действий против татар и турок начались в 1645 г. Однако на следующий год из-за противодействия сейма король Владислав вынужден был отложить на время свои воинствующие планы. Он возобновил их, но в более осторожной форме в 1647 г. В августе польский посланник, украинский магнат Адам Кисель, прибыл в Москву. Он был уполномочен предложить Москве оборонительный союз только против крымских татар. План подобного союза был согласован, но вся затея провалилась из-за украинского восстания против Польши в 1648 г.[202]

Тем временем, работы на Белгородско-Воронежской оборонительной линии (и ее северо-восточном направлении к Нижнему Ломову)

продолжались, и к 1650 г. строительство линии было успешно завершено.[203]

Мирный период во время правления патриарха Филарета, длившийся с 1619 г. до начала Смоленской войны в 1632 г., был временем роста благосостояния. Как гласит документ того времени, "народ сильно пополнил все свое добро и имущество".[204]

Смоленская война и возведение оборонительных линий повысили расходы и потребовали дополнительного рекрутирования мужчин (солдат и работников).

До образования в 1630-1631 гг. новых армейских частей, проходивших подготовку у иностранных офицеров, годовые затраты на содержание московской армии (дворянства и стрельцов) составляли около 275 000 рублей.[205] Затраты на части, обучаемые иностранцами, и на иностранных наемников во время первых четырнадцати месяцев Смоленской войны (с 1 сентября 1632 г. по 31 октября 1633 г.) доходили до 430 000 рублей.[206] Общие затраты в течение этого периода на содержание смоленской армии и резервного корпуса князей Д.М. Черкасского и Д.М. Пожарского достигали цифры в 600 000 рублей. Это было более чем в два раза выше годовых затрат на армию до начала Смоленской войны.[207]

Чтобы покрыть военные расходы, Земский Собор проголосовал за дополнительный сбор "пятины" (или "пятой деньги") в ноябре 1632 г. В конце января 1634 г. Собор повторил обложение этим налогом.[208]

Окончание войны не принесло облегчения в налогообложении. Наоборот, возобновление татарских набегов и строительство оборонительных линий для их сдерживания требовало нового повышения налогов. В 1637-1638 гг. налог на содержание стрелецкого войска составил 240 рублей с сохи.[209] В 1643-1644 гг. стрелецкий налог поднялся до 672 рублей с сохи.[210]

Новый общий кадастр 1620-х гг. установил соху как стандартную единицу налогообложения. В 1630-х гг. для более практичного распределения налогов на владения военнослужащих была введена меньшая единица, основанная на как количестве земли , так и на числе усадеб — так называемая "живущая четверть".

Четверть, как мера площади, равнялась половине десятины (одна десятина составляет 2,7 акра). Живущая четверть, как единица налогообложения, считалась как 1/800 часть сохи. Она обычно включала в себя восемь крестьянских усадеб и четыре бобыльих усадьбы (сло-

во "*бобыль*" обозначало безземельного сельскохозяйственного работника). Это число варьировалось в разных районах и в разные периоды. Позднее живущая четверть была введена также и на церковных и монастырских землях. В этом случае ее составляли шесть крестьянских усадеб и три бобыльских.[211]

Налогообложение затрагивало городское и сельское население. Горожане (*посадские люди*) и свободные крестьяне на государственных землях (*уездные люди*) были организованы (для взимания с них налогов) в общины, в которых ответственность была разделена между всеми членами. Таким образом, в интересах каждого члена каждая усадьба должна была облагаться налогом. Так было и в крестьянских общинах.

В городах положение было менее стабильным. Некоторые из горожан (посадских людей) пытались уклониться от уплаты налогов, отдавая себя под патронаж (*заклад*) людям, не облагавшимся налогами (*белым*), таким, как дворяне, оптовые купцы (гости), монастыри или продавая свои усадьбы подобным людям. В случаях такого рода страдали оставшиеся члены городской общины, поскольку их доля в наложенных на город (посад) налогах возрастала. Естественно, они протестовали против подобных сделок.

Частные владельцы или держатели земельных угодий (вотчин) и поместий несли ответственность за сбор налогов значительно меньшую, чем на государственных землях. Главной задачей землевладельца было привлечь достаточное количество рабочей силы для обработки земли.

Здесь снова неотвратимо встает извечная крестьянская проблема. Землевладельцы хотели сделать так, чтобы запрет на свободу передвижения крестьян был постоянным. Наряду со всем прочим, свободное передвижение означало текучесть сельскохозяйственной рабочей силы, что было несомненно убыточно.

К тому времени жизнь крестьянина в маленьком поместье была тяжелее, чем на большой вотчине или на монастырских угодьях. На маленьких угодьях было меньше крестьян, чем на больших, и надзор помещика за их работой мог быть, а часто и был, значительно более суровым. Лишение крестьянского поселения свободы означало, что крестьянин, который хотел уйти из маленького поместья на большую вотчину, не мог сделать этого законно. Если он поступал таким образом, он становился беглецом, и его прежний землевладелец имел право потребовать, чтобы он вернулся обратно.

Однако была некоторое различие между отношением владельцев больших земельных угодий (главным образом, бояр) и отношением держателей (или владельцев) малых угодий (главным образом, дворян) касательно установленного срока предъявления требований на беглых крестьян. Чем длиннее этот установленный срок для осуществления этого права, тем лучше для землевладельца, от которого бежал крестьянин. Для владельца большого угодья, чьи управляющие принимали беглого крестьянина, не задавая никаких вопросов (или даже содействовали его приходу), лучшим было противоположное. Если местонахождение беглого крестьянина не было обнаружено его прежним владельцем в течение пяти лет, он мог законно оставаться у своего нового землевладельца. Именно это имели в виду делегаты от дворянства на Земском Соборе, когда они жаловались, что владельцы больших угодий утаивают общее число их крестьян.

Неудовлетворенность как посадских людей, так и дворян открыто проявилась в 1637 г. Первые требовали, чтобы правительство приняло энергичные меры по прекращению практики уклонения от налогов посредством заклада или продажи усадеб "беломестцам" (не облагаемым налогами владельцам). Эти требования были удовлетворены, и Приказ сыскных дел, учрежденный в 1619 г. и закрытый патриархом Филаретом, был основан вновь, и а его обязанности вменялось искать уклоняющихся от налогов.[212]

А в феврале 1637 г. дворяне и дети боярские представили на рассмотрение царя петицию, в которой они требовали, во-первых, отмены установленного срока предъявления требований на беглых крестьян, и во-вторых, организацию особых судов в каждом городе для гражданских тяжб (включая и требования на беглецов). Члены этих судов должны избираться дворянством и земскими людьми, под которыми имелись в виду налогооблагаемые горожане и государственные крестьяне.[213]

Частичным ответом на дворянскую петицию стало увеличение установленного срока с пяти до девяти лет.[214] Эта уступка не успокоила дворянство. В июле 1641 г. по Москве прокатились волнения. Сын боярский писал своему отцу из Москвы в Нижний Новгород, что в столице был большой беспорядок, и распространялись слухи, что вскоре "земля" (т.е. дворянство и городской люд) будет убивать бояр. 11 июля группа бунтовщиков ворвалась во дворец, вручила жалобные петиции царю и потребовала отмены установленных сроков.

Царь и бояре опять вынуждены были пойти на уступки. Установленный срок для требований был удвоен: десять лет вместо пяти.[215]

II

В 1636 г. начал работать завод по производству железа и вооружения, для строительства которого братья Андрей и Авраам Виниусы получили царский патент в 1632 г.

Проведение работ оказалось очень дорогим. Московское правительство выделило Виниусам годовую субсидию в 3 000 рублей в виде ссуды, но этого было недостаточно, и Андрей Виниус вынужден был принять новых партнеров, таких же, как и он, иностранцев — Петера Марселиса и Тильмана Акема. Все трое получили новую грамоту от царя в 1639 г.[216]

Позднее, в 1644 г., Марселис и Акема получили также патент на строительство завода железных изделий вдоль рек Ваги, Костромы и Шексны с освобождением от налогов на двадцать лет.[217] То что Виниус был лишен этой субсидии, привело к ухудшению отношений между ним и Марселисом. Предпочтение, выказанное царем Марселису, явилось результатом помощи Марселиса в ведении важных дипломатических переговоров с Данией по поводу предполагающейся помолвки старшей дочери царя Михаила — Ирины с датским принцем Вольдемаром.

Петер Марселис (родился в Роттердаме в 1602 г.) принадлежал к голландской купеческой семье, которая переехала в 1605 г. в Гамбург и установила деловые связи с Данией, а затем с Московией. Один из братьев Петера поселился в Христиании, где под его контролем находилась значительная часть норвежских рудников. Другой брат был постоянным представителем датского короля в Амстердаме.[218]

В 1613 г. агенты Марселиса появились в Москве, а в 1619 г. Петер Марселис приехало в Москву. Помимо его разнообразной предпринимательской деятельности в качестве купца и промышленника, он также был принят на службу московским правительством для выполнения дипломатических миссий за границей, а в отдельных случаях действовал как представитель Дании в Москве.[219]

В системе московской дипломатии Дания считалась естественным противовесом Швеции. Как Дания, так и Московия были заинтересованы в развитии торговых отношений. Михаил посчитал правильным обратиться именно к датскому королевскому дому, будучи

убежден своим отцом в желательности семейных союзов между Москвой и западными королевствами. Царь Борис в 1602 г. пригласил датского принца Ганса (брата короля Христиана IV) приехать в Москву, чтобы жениться на его дочери Ксении. Следует вспомнить, что принц умер от лихорадки вскоре после прибытия.

Нет сомнения в том, что путем родства с западным королевским домом царь Борис надеялся заслужить уважение к себе и также к своей семье не только на западе, но среди московитов, и таким образом обеспечить продолжение своего рода.

Царь Михаил, выбранный Земским Собором, как и Борис, точно так же должен был думать, как утвердить себя на троне и основать династию, поскольку до 1634 г. король Польши Владислав продолжал предъявлять требования на московский престол.

В 1616 г. для молодого царя Михаила (он только что достиг двадцатилетнего возраста) была выбрана русская невеста. Ею была Мария Хлопова, дочь московского дворянина Ивана Хлопова. Она нравилась Михаилу, но свадьба не состоялась из-за интриг братьев Б.М. и М.М. Салтыковых, племянников царицы Марфы.

Когда отец царя Филарет вернулся из польского плена в 1619 г. и принял сан патриарха, он занялся женитьбой царя и решил подыскать себе будущую невестку на Западе. В 1621 г. он направил князя Алексея Львова в Данию, чтобы подготовить почву для свадьбы одной из племянниц короля Христиана с царем Михаилом. Львов должен был настаивать на том, чтобы невеста согласилась обратиться в православие. Под предлогом болезни король отказался принять Львова, который, со своей стороны, отказался обсуждать проблему с королевскими министрами.[220]

Во время миссии в Копенгаген Львова сопровождал ученый московский священник Иван Наседка. Во время четырехмесячного пребывания в Дании Наседка имел возможность наблюдать религиозную жизнь протестантов и изучить протестантизм. Результатом этого явился его полемический труд с разоблачениями лютеран (1623 г.).[221]

Еще одна попытка брака царя Михаила была сделана в 1623 г., на сей раз — с сестрой курфюрста Бранденбургского. К шведскому королю Густаву-Адольфу, шурину курфюрста, обратились с предложением стать посредником, но он отказался от сотрудничества, когда узнал об условии обращения будущей невесты в православие.[222]

В конце концов 24 сентября 1624 г. царь Михаил женился на русской княжне Марии Долгоруковой, дочери князя Владимира Долгорукова. Невеста заболела на следующий день после свадьбы и умерла в январе 1625 г. Год спустя царь женился во второй раз. Его новая невеста Евдокия Лукьяновна Стрешнева была дочерью скромного провинциального дворянина. В 1627 г. она родила царевну Ирину; в 1629 г. — царевича Алексея. Затем последовало еще несколько дочерей и двое сыновей.

В 1640 г. в Москве решили изучить возможности брака для Ирины и снова внимание привлекла Дания. Как с династической, так и с политической точки зрения этот брак имел огромное потенциальное значение для Москвы. В 1639 г. оба младших сына царя умерли, оставив Алексея единственным наследником царя Михаила. В том случае, если с ним что-нибудь бы случилось, династический кризис был бы неизбежен. Брак Ирины с западным принцем мог предотвратить кризис, поскольку ее предполагаемый муж стал бы естественным кандидатом на московский престол.

9 июня 1640 г. Петер Марселис был вызван в московский Посольский приказ, и его попросили дать сведения о сыновьях короля Христиана, находящихся в брачном возрасте.[223] Марселис объяснил, что у короля есть два сына от первого брака. Один, кронпринц, уже был женат, а другой помолвлен. У него есть еще один сын, Вальдемар, граф Шлезвиг-Гольштейнский, от второй (морганатической) жены.

В ноябре один из переводчиков посольского приказа Иван Фомин обрусевший датчанин, был направлен в Копенгаген с жалобой на то, что герцог нарушил договор о торговле с Персией. Фомину также были даны указания проверить утверждение Марселиса и неофициально собрать сведения о графе Вольдемаре. Впечатление, произведенное графом на Фомина, было благожелательным. Король Христиан догадался о причине интереса к Вольдемару и решил послать его в Москву во главе дипломатической миссии для обсуждения торговых привилегий для датчан. Между тем Вольдемар мог изучить матримониальные перспективы для себя.

Деловая часть миссии Вольдемара не принесла успеха. Торгового соглашения достигнуто не было. Что же касается женитьбы, то о ней не было никаких упоминаний. В сентябре датчане отправились обратно домой.[224] Впечатление Вольдемара от Московии не было благожелательным.

Однако московскому двору и правительственным кругам Вольдемар понравился, и в апреле 1642 г. окольничий С.М. Проестев и дьяк И. Патрикеев были направлены в Данию с богатыми подарками Вольдемару для того, чтобы заключить соглашение о его браке с Ириной. Соглашение достигнуто не было из-за требования посланников, чтобы Вольдемар был обращен в православие — требование, которое датчане отказались принять.

Это, однако, не стало концом переговоров. Царь стремился к тому, чтобы Вольдемар стал его зятем. Видный московский боярин Ф.И. Шереметев предложил направить в Копенгаген Петера Марселиса в качестве московского посланника. Марселис, который был хорошо знаком с обстоятельствами дела (он был в Копенгагене во время миссии Проестева и Патрикеева), согласился, но только на том условии, что обращение Вольдемара в православие не станет необходимым условием свадьбы.

Царь, Михаил и Шереметев согласились с советом Марселиса. Как становится очевидным из дальнейших событий, патриарха об этом в известность не поставили. Марселис был уполномочен объявить королю Христиану, что Вольдемар по приезде в Москву будет волен решать, принимать ему православие или нет. Что касается материальной стороны дела, то Вольдемар получит в удел Суздаль и Ярославль.

Марселис отбыл из Москвы 16 января 1643 г. и появился в Копенгагене 14 марта. Соглашение было достигнуто быстро. К тому же Дания находилась под угрозой войны со Швецией и считала Москву ценным союзником.

После переговоров с Марселисом король Христиан составил список особых условий, которые следовало одобрить и утвердить царю. Христиан требовал, чтобы Вальдемара не принуждали принимать православие; чтобы для него была построена лютеранская церковь; чтобы властью над ним обладал один только царь; чтобы города, дарованные ему в удельное владение, навсегда остались принадлежащими ему и его прямым наследникам.

Марселис привез требования Христиана в Москву, где их одобрили царь и бояре с той оговоркой, что определенные детали следует окончательно урегулировать в переговорах между боярами и датскими посланниками, которые будут сопровождать Вольдемара. Патриарх все еще знал о религиозных пунктов соглашения.[225]

В июле Марселис отправился из Москвы к королю Христиану с посланием царя. Он представил это послание 31 августа. Король был так доволен службой Марселиса, что посвятил его в рыцари (17 сентября 1643 г.).

28 октября 1643 г. патриарх был официально уведомлен о миссии Марселиса и о предстоящей помолвке Вольдемара с Ириной. Обещание, данное Вольдемару по поводу свободы решения в вопросе религиозной веры, все же не было упомянуто.[226]

В то же время, Вольдемар со своей свитой и двумя датскими посланниками отплыл из Копенгагена в Гданьск (Данциг), а затем направился через Польшу, Псков и Новгород в Москву, куда и прибыл 21 января 1644 г. После того, как Вольдемар отдохнул от своего утомительного путешествия, царь неофициально посетил его и обнял как сына. Три дня спустя Вальдемар торжественно принят царем Михаилом и царевичем Алексеем.

3 февраля у датских посланников было предварительное совещание с боярами и дьяками посольского приказа для обсуждения деталей, касающихся статуса Вольдемара в Москве, а также условий торгового соглашения.

На следующий день царь Михаил нанес визит Вольдемару. Все, казалось бы, шло гладко, но неожиданно возникло препятствие. Патриарх Иосиф не только настаивал на том, чтобы Вольдемар принял православие, но и чтобы он был крещен по московскому обычаю, будучи трижды погружен в воду — правило, установленное для обращающихся иностранцев патриархом Филаретом. Позиция патриарха нашла поддержку у некоторых влиятельных бояр. Одним из них был наставник царевича Алексея Борис Иванович Морозов.

Отношение Морозова можно объяснить его желанием воспрепятствовать женитьбе Вольдемара на Ирине, поскольку тогда он стал бы претендентом на русский трон и, соответственно, соперником Алексея. Что же касается патриарха, для него возможность того, что Вольдемар станет царем, делала обращение его в православие абсолютно обязательным.

8 февраля 1644 г. патриарх послал обрусевшего немца Дмитрия Францбекова к Вольдемару, чтобы убедить того принять православие. Вольдемар возразил, что подобное требование противоречит условиям, уже согласованным. Затем он обратился к царю. Последний принял Вольдемара 13 февраля и сказал, что он счита-

ет Вольдемара своим сыном и что, как его отец, он желает его обращения в православие.

Вольдемар ответил, что он готов быть послушным царю, как своему отцу, во всем, кроме его веры, и попросил позволения возвратиться домой. Царь возразил, говоря, что об этом не может быть и речи, так как это становится международным скандалом.

Затем царь предложил, чтобы убедить Вольдемара, устроить религиозный диспут между патриархом и другими представителями православия, с одной стороны, и капелланом Вольдемара Маттиасом Вельхабером, с другой. Диспут принял форму обмена посланиями, трактатами, обоюдными опровержениями,[227] во время как Вольдемар вынужден был оставаться в Москве в условиях, близких к домашнему аресту. Его попытки бежать оказались безуспешными.

Ведущим выразителем православных взглядов в этой полемике был священник Иван Наседка. Часть из его разоблачений лютеран ("Изложение на лютеры") была включена в краткое изложение православной веры, опубликованное в Москве в 1644 г. под названием "Кириллова книга".[228]

О большом интересе москвичей к этому религиозному диспуту можно судить по темпам продажи этой книги — солидного тома. Она была выпущена 13 мая; к концу месяца было продано 518 экземпляров; к концу августа — 1032 экземпляра.[229] Для Московии того периода эти цифры достаточно впечатляющи.

Как того можно было ожидать, ни одна из сторон не была убеждена противоположной. При создавшемся щекотливом положении князь Семен Шаховской написал письмо царю Михаилу, в котором убеждал его не настаивать на крещении Вольдемара как необходимом условии его женитьбы на Ирине.[230]

Шаховской упоминал исторические примеры смешанных браков: брак дочери Ивана III Елены с польским королем Александром[231] и брак племянницы Ивана Грозного (дочери его двоюродного брата) княжны Марии Владимировны Старицкой с ливонским королем Магнусом в 1573 г.

Скорее всего Шаховской написал это письмо по предложению самого царя Михаила. Во всяком случае, так он говорил позднее наследнику Михаила царю Алексею. Разумеется, по прошествии некоторого времени, будучи запуган следственной комиссией князя Алек-

сея Никитича Трубецкого, он отрекся от своих слов.[232] Тем не менее его первое утверждение, по всей вероятности, было верным.

Когда о письме Шаховского стало известно патриарху и боярам, с их стороны поднялся столь негодующий голос протеста, что мягкий царь Михаил испугался и обнародовал взгляды Шаховского. Даже Ф.И. Шереметев, который официально поддерживал данное Марселису поручение двумя годами раньше, перестал оказывать свою поддержку царю.

Боярская Дума обвинила Шаховского в переходе на сторону Вольдемара и выражении неправославных взглядов. Для того, чтобы удалить его из Москвы и тем самым предотвратить его дальнейшее влияние на царя, бояре уговорили Михаила назначить Шаховского комендантом в далекую крепость Колу.[233]

Этот эпизод был чрезвычайно болезненным для царя Михаила. И все же, несмотря ни на что, он продолжал цепляться за надежду иметь Вольдемара своим зятем и сопротивлялся отъезду Вольдемара из Москвы. Гордиев узел был разрублен смертью Михаила 12 июля 1645 г.

Вполне характерна та натяжка, с которой автор рассказа о внезапной смерти государя Михаила Федоровича, публицист из боярской партии Морозова, рассуждал о том, что если бы царь Михаил не умер преждевременно именно в то время, Вольдемар мог бы стать шурином царевича Алексея и мог бы занять трон после смерти Михаила.[234]

III

Ф.И. Шереметев ухаживал за царем Михаилом во время его болезни и был при его кончине Сам он был слаб здоровьем и не обладал достаточной энергией для руководства государственными делами. Инициативу на себя немедленно взял наставник царевича Алексея — Борис Иванович Морозов.

13 июля 1645 г. бояре и высшие чиновники присягнули на верность Алексею. Старший член рода Романовых Никита Иванович (двоюродный брат царя Михаила) принес присягу первым, чтобы подчеркнуть династическую традицию.[235] Без какой-либо отсрочки по всей стране были разосланы гонцы, чтобы принимать клятву верности.[236]

Форма клятвы лишь немного отличалась от той, что приносили царю Михаилу в 1613 г.[237], которая относилась к Михаилу и его будущим жене и детям, "каких Господь даст ему". Клятва 1645 г. приносилась Алексею и его матери Евдокии (вдове Михаила). О буду-

щем жены и детей не упоминалась. Не было никаких постановлений на случай смерти Алексея, до того, как он женится и обзаведется детьми. По всей видимости тогда Никита Иванович Романов стал бы претендентом на трон (царица Евдокия умерла в августе 1645 г.).

Михаил, как мы знаем, был избран царем на Земском Соборе в то время, когда внутренние трудности продолжались, а внешние враги (поляки и шведы) все еще угрожали самому существованию России. В связи с этим, естественно, что присяга 1613 г. требовала от всех, кто ее принес, верно служить царю Михаилу; не признавать какого-либо иного государя, кроме него; не искать правителя из другой страны (из поляков или немцев — под этим последним названием москвичи подразумевали всех западных людей, включая шведов и датчан); не искать правителя из какого-либо русского боярского клана; не сопротивляться правлению царя Михаила и не организовывать заговоров против него; сообщать властям о любых заговорщиках.

Однако политическая ситуация была более стабильной в 1645 г., чем в 1613 г., и московское правительство утвердило свою власть прочно. Наряду со всем прочим, после русско-польского договора 1634 г. избранный в 1611 г. монарх король Владислав IV Польский отказался от своих притязаний на московский трон. И, тем не менее, новая присяга включала в себя основные условия присяги 1613 г.

Между прочим, причин к беспокойству в Московии 1645 г. было много. Следует вспомнить, что члены Земского Собора 1642 г. свободно излагали многочисленные жалобы против администрации и требовали реформ.

Еще больше тревожило появление в 1640-х гг. двух претендентов на трон в Польше и одного в Турции. Один из них называл себя сыном царицы Марины Мнишек; два других были якобы сыновьями Василия Шуйского. Важнее всего оказалось присутствие в самой Москве сильного кандидата на трон (после его предполагаемой женитьбе на царевне Ирине) — датского принца Вольдемара. Вольдемар скорее всего обращался как претендент на трон не только к отдельным боярам, но и к определенным кругам дворян, а также и простым людям.

Таким образом, та статья присяги на верность Алексею, в которой звучала клятва не искать на роль царя никакого немца, звучала вполне своевременно.

Характерным показателем настроений того времени явилось то, что в 1646 г. один из шацких военнослужащих, татарский мурза Фе-

дор Бердышов, отмечал: "Алексея Михайловича не следовало бы возводить в цари, было бы значительно лучше иметь на троне датского королевича... Это Морозов посадил Алексея на трон".[238]

Распространились слухи, что Алексей не является сыном Михаила. Действительно, еще в 1635 г. архимандриту Хутынского монастыря Феодориту доносили: "*Бог знает, действительно ли Алексей — царевич, а не подменный [другим ребенком]*". Доказывали, что царица Евдокия рожала только девочек и ни одного мальчика, поэтому однажды (в 1629 г.) у царицы забрали новорожденную девочку и принесли мальчика вместо нее.[239]

Это заявление было абсурдным, поскольку Евдокия родила, кроме Алексея, еще двух мальчиков, которые умерли в младенчестве.

Каким-то образом слухи, неблагоприятные для Алексея, распространялись также среди религиозно инакомыслящих, известных как "*капитоны*". Отшельник в Суздальской земле объявил, что Алексей — не настоящий царь.[240]

Алексею было всего шестнадцать лет, когда он стал царем. На протяжении трех лет фактическим правителем Московии был Морозов. Одним из первых его шагов было избавиться от Вольдемара — свести на нет его брак с Ириной, чтобы "не давать ему никакой доли во владении нашей русской землей".[241] Вольдемару и его свите дали богатые подарки, и они покинули Москву 17 августа 1645 г.[242]

На следующий год князю Семену Шаховскому, который был отослан в Колу в 1644 г. за свою поддержку Вольдемара, было позволено вернуться в Москву, где его принял царь Алексей. Во время встречи наивный Шаховской стал объяснять резоны его прежнего отношения к возможности брака Вольдемара и поступил достаточно опрометчиво сказав, что он действовал так по совету царя Михаила. Это заявление было расценено как акт оскорбления величества. Шаховской был допрошен боярами и обвинен в "ереси" [защите смешанных браков] и в главном политическом преступлении ("великое воровство") — поддержке Вольдемара. Его приговорили к сожжению у столба. Однако 4 января 1647 г. царь смягчил приговор. Шаховской был сослан в Сольвычегодск на Урале.[243]

В своем донесении из Москвы шведский дипломат Поммеренинг упоминает дело Шаховского. "Один достойный доверия человек" якобы сказал ему, что Шаховской называл царя Алексея незаконным ребенком, отсюда и последовал смертный приговор.[244]

28 сентября 1645 г. Алексей был торжественно коронован как царь патриархом Иосифом в кремлевском Успенском соборе. Патриарх подчеркнул родство Романовых со старой московской династией и провозгласил царя Михаила полноправным преемником царя Федора (сына Ивана Грозного от Анастасии Романовой).[245]

По случаю коронации дворянская армия (расквартированная в Туле) временно была демобилизована, и военные продемонстрировали свое признание полномочий царя Алексея, приняв участие в коронационном смотре.[246] Котошихин писал, что каждый город или область были представлены на коронации двумя делегатами от каждого чина, включая дворянство и горожан. Это был обычный контингент Земского Собора, и поэтому Котошихин относился к этому собранию как к "выборам" Алексея. В другом месте своего труда Котошихин указывал, что Алексей не давал слова советоваться ни с Боярской Думой, ни с Земским Собором во время своего царствования.[247]

Для того, чтобы обеспечить продолжение рода, неотложным делом для Алексея стала ранняя женитьба. Как и его отцу, придворные интриги помешали Алексею жениться на его первой невесте в начале 1647 г. Говорили, что Морозов возражал против помолвки. А если это так, то именно Морозов поддержал брак Алексея с Марией Даниловной Милославской 16 января 1648 г. Десять дней спустя Морозов женился на сестре Марии — Анне, тем самым став шурином молодого царя.[248]

После ухода Шереметева в отставку Морозов занял его место во главе трех ключевых постов московского правления: управления государственными доходами (*большая казна*), стрелецкого войска и медицинского управления (*аптекарский приказ*). Кроме того, он был назначен главой "Новой четверти" (которая несла ответственность за монополию в торговле алкоголем) и *иноземного приказа* (ведавшего иностранцами, находившимися на московской службе).

Женитьба Морозова предоставила ему возможность тесного общения с царем и его семьей. В то же самое время, эти две свадьбы подняли статус рода Милославских. Илья Данилович Милославский стал одной из самых видных фигурой при дворе. Хотя он и не выделялся способностями государственного деятеля, Милославский прекрасно знал, как надо преследовать свои собственные интересы и интересы своей семьи.

Морозову было пятьдесят пять лет ко времени вступления Алексея на трон. Будучи человеком сильной воли, большой проницатель-

ности, административных способностей, он понимал насущную необходимость реформ для удовлетворения требований, высказанных в 1637 г. и 1642 г. дворянством, купцами и горожанами. Однако он проявил себя слишком авторитарным в осуществлении своей программы и слишком нетерпеливым в управлении людьми. Также методы жесткой экономии, которые он применял на своих обширных угодьях, а затем применил к государственным расходам, стали помехой реформе.

Морозов поставил людей, которым он мог доверять (своих родственников), на ключевые посты в своей администрации. Так, боярин Иван Васильевич Морозов заменил Ивана Петровича Шереметева на месте главы следственного управления ("Владимирский судный приказ"); Борис Иванович Пушкин был назначен главой управления по борьбе с преступностью ("Разбойный приказ"), заменив на этом посту Василия Петровича Шереметева. Шурин Морозова окольничий Петр Тихонович Траханиотов стал новым главой управления артиллерией ("Пушкарский приказ"). Шурин Траханиотова Леонтий Степанович Плещеев получил пост судьи в Земском приказе.

Важную роль в администрации Морозова играли братья Чистые, которые по происхождению были ярославскими купцами. Назар Иванович Чистый вел торговлю с заграницей и сам ездил за рубеж.[249] В 1632 г. его назначили дьяком управления государственных доходов ("Большая казна"). В январе 1647 г. Морозов дал ему еще более важный пост – думского дьяка во главе Посольского приказа. Во главе Большой казны Назара заменил его брат Аникей Иванович.

Большинство чиновников, которых выдвигал Морозов, было способными людьми, но, назначая их, Морозов оскорблял Шереметевых, их друзей и сторонников, и таким образом создал оппозицию своему правлению при царском дворе.

Главными пунктами программы Морозова были следующие: (1) меры по улучшению положения дворянства и горожан; (2) меры по улучшению государственных финансов путем сокращения затрат, не являющихся необходимыми, и изыскание новых источников дохода.

Морозов начал с рассмотрения требований дворянства. 19 октября 1645 г. правительство утвердило десятилетний установленный срок для предъявления требований, касающихся беглых крестьян (введенный в 1641 г.). Кроме того, объявлялось, что будет сделан новый кадастр крестьянских и бобыльских усадеб. Те крестьяне и бо-

были, чьи имена будут занесены в книгу переписи, останутся навсегда прикрепленными к землям их проживания (это значило, что установленный срок для требований будет отменен).[250]

Правительство должно было воспрепятствовать тому, чтобы дворянство предъявляло требования на беглых крестьян, которые ушли в большие боярские земли ранее 1635 г., и, таким образом, оно поощряло укрывательство таких крестьян боярами. С другой стороны, правительство обещало, что после составления новых книг переписи больше не будет установленного срока для требований. Другими словами, на будущее гарантировалось установление того, что крестьяне будут прикреплены ко всем видам земельных угодий — и это будущее не столь отдаленное. Это устраивало и бояр, и дворянство.

Мнения крестьян никто не спрашивал. Чем короче установленный срок требований на беглецов, тем выше шанс крестьянина уйти от закона неузнанным и тем самым осуществить свое традиционное право свободы передвижения. Однако то, чего хотели крестьяне — это не отмена установленного срока, а отмена запретительных годов ("заповедные годы") и восстановление годов свободного передвижения (*выходные годы*). Точку зрения крестьян на их права характеризует то, что в ряде договоров (*порядные*) между крестьянином и землевладельцем в 1620-е, 1630-е и 1640-е гг. вплоть до 1648 г. крестьянин обещал не покидать своего участка земли до тех пор, пока царем не будут восстановлены годы свободного передвижения.[251] Это ясно показывает, что крестьяне сохраняли надежду на восстановление Юрьева дня (день Св. Георгия, 26 ноября), в который ежегодно они имели возможность покинуть угодья своего господина.

Новая перепись населения состоялась в 1646 г. Метод ее проведения отличался от составления предыдущих кадастров тем, что это была преимущественно перепись усадеб и населения, а не пахотной земли. Поэтому новые переписные книги не содержали сведений о количестве земли, использовавшейся крестьянами, хотя подобная информация всегда присутствовала в прежних кадастрах (*писцовых книгах*). Не только налогооблагаемые, но все простые люди мужского пола, проживающие на господских землях (безземельные бобыли и крестьяне) были сосчитаны (включая детей мужского пола). Поскольку переписные книги стали основой крепостной зависимости крестьян, там также давались сведения о беглецах за последние десять лет (в соответствии с установленным десятилетним сроком).[252]

В отношении городского населения правительство Морозова подготовило далеко идущий план по защите интересов городских общин, платящих налоги (*посадские общины*), от посягательств монастырей, бояр и прочих. Предполагалось аннулировать их владения и права в городах и вернуть в городскую общину всех ее прежних членов, которые продали свои усадьбы или перешли под юрисдикцию к кому-либо в качестве закладчиков.[253]

В феврале 1646 г. П.Т. Траханиотову и дьяку Артемию Хватову было предписано проследовать во Владимир для того, чтобы реорганизовать там посадскую общину как начало общей городской реформы. Они должны были выяснить статус всех жителей и выявить не платящих налоги. Все те, кто покинул общину в качестве закладчиков, начиная с 1637 г., должны были быть возвращены обратно в посады. Всю землю, перешедшую от общины к персонам или учреждениям, не облагаемым налогом, следовало конфисковать и вернуть общине. Выполнив свое задание, Траханиотов и Хватов представили исчерпывающий доклад, который мог служить образцом для подобных же реорганизаций в других городах.[254]

В отношении государственных финансов Морозов приступил к выполнению программы жесткой экономии. Чиновничий персонал при дворе был сокращен; некоторые придворные слуги были уволены, жалование остальных было урезано. Жалование провинциальным чиновникам также было понижено.

Политика экономии коснулась также и армии. Некоторые из иностранных офицеров были лишены денежной платы, получив вместо того земельные наделы. Жалование стрельцов также было урезано.[255]

Морозов не нашел возможным поднять прямые налоги, поскольку они и так уже были большими, и многие общины являлись задолжниками. Вместо этого он ввел непрямое налогообложение в форме правительственных монополий на соль и табак. Его советниками в этом вопросе были гость (оптовый купец) Василий Шорин и дьяк Назар Чистый.[256] Обе монополии были введены царским указом от 7 февраля 1646 г. и переданы в руки Большой Казны.[257]

До реформы пошлина на соль составляла 5 копеек с пуда, теперь она поднялась до 20 копеек с пуда.

Употребление табака было запрещено во времена царствования Михаила по настоянию церкви. Курильщикам грозило серьезное наказание (отрезание носов). Однако искоренить эту привычку ока-

залось невозможно. Когда продажа табака стала правительственной монополией, были установлены твердые цены.

Вводя монополии, правительство посчитало необходимым объяснить свои мотивы реформ: ожидаемый доход позволит со временем отменить такие прямые налоги, как налог на содержание стрельцов и почтовых ямщиков (стрелецкие и ямские деньги). Более того будет несправедливости, поскольку цены будут равными для всех потребителей.

Как выяснилось, повышение цен на соль оказалось неприятным для богатых и невыносимым для бедных. Последние были в таком волнении, что соляную монополию пришлось отменить 10 декабря 1647 г. Табачная монополия оставалась в силе.[258]

Несмотря на отмену соляной монополии, народное возмущение против нововведений Морозова не утихало.

Бояре, снятые с ключевых постов; придворные чиновники, потерявшие свои места из-за сокращения чиновничьего аппарата; стрельцы и провинциальные военнослужащие, чье жалование было урезано; налогоплательщики, из которых выжимали их задолженности; горожане и прочие, не нашедшие справедливости в судах — все были возмущены. Недовольство было направлено на трех самых даровитых помощников Морозова — дьяка Назара Чистого (которого вместе с купцом Василием Шориным народ считал инициатором соляной монополии), Л.С. Плещеева и П.Т. Траханиотова.

Как это бывает типичным в подобные моменты массового кризиса, за злоупотребления и жадность ругали чиновников, несущих ответственность за непопулярную государственную политику, хотя сами они персонально, вероятно, не были виновны.

Морозов и его сподвижники знали о народном недовольстве, но не понимали того, что накал страстей достиг опасного уровня. Морозов думал, что его реорганизация городов, начатая Траханиотовым во Владимире, вскоре удовлетворит посадских людей, а тем временем какие-либо бунты будут предотвращены или подавлены стрельцами, главой которых был сам Морозов, и пушкарями, которыми командовал Траханиотов. Но эти воинские группы оказались ненадежными.[259]

Согласно сведениям Олеария, простые люди в Москве несколько раз пытались вручить царю петицию, жалуясь на вымогательства со стороны Плещеева, но бояре (Морозов и его сподвижники), получив эту петицию, не собирались показывать ее царю.[260]

17 мая 1648 г. царь Алексей отправился на богомолье в Троицкий монастырь. Он вернулся в Москву 1 июня. Простые люди выбрали время торжественного въезда царя в город, чтобы вручить свою петицию персонально ему. Согласно шведскому донесению того времени, народ радостно встречал царя, преподнес ему традиционные хлеб и соль и пытался вручить ему эту петицию. Стрельцы разогнали толпу. Полчаса спустя, народ сплотился вновь и приблизился к царю, чтобы просить его вступиться за них, но охрана оттеснила их. Произошла стычка. Царь уехал прочь, оставив позади себя народ в состоянии крайнего раздражения.[261]

На следующий день начался открытый бунт. Разгневанная толпа убила дьяка Назара Чистого и разграбила его дом, а также дома Морозова, Траханиотова, Шорина и других. Большая толпа бунтовщиков вторглась в Кремль и собралась перед царским дворцом, требуя, чтобы царь выдал им для расправы Плещеева. Морозов приказал стрельцам стрелять, но те отказались. Сам царь появился перед народом, пытаясь утихомирить его, но тщетно. Плещеева выдали, и его тут же убили.

Чтобы сохранить жизнь Траханиотову, царь, следуя совету Морозова, тайно отправил его ночью в Устюжну Железопольскую воеводой.

Стало очевидно, что Морозова нужно смещать с высокого поста. Выдвинулись Н.И. Романов и князь Яков Куденетович Черкасский. Как бывший командующий тульской армией (1641-1645 гг.), Черкасский был хорошо известен и уважаем офицерами дворянской армии. Он немедленно отдал приказ дворянскому ополчению собраться в Москве.

Царь был испуган и приказал (вероятно по совету Н.И. Романова и Я.К. Черкасского) вернуть Траханиотова из его поездки. Ему удалось уехать не далее Троицкого монастыря, где он был передан в руки бунтовщиков. Они казнили его в здании, где располагались управления местной администрации ("Земский приказ") 5 июня.

После этого возбуждение стало спадать. Тем временем в Москву прибывало все больше и больше офицеров-дворян. Они явились противовесом посадским людям. 10 июня дворянство и купцы пришли к соглашению и обратились к царю, чтобы тот созвал Земский Собор для пересмотра существующих законов и уставов и для составления нового кодекса законов. Одновременно они потребовали, чтобы Морозов был официально отстранен от власти и выслан из Москвы.

Царь согласился с рекомендациями просителей. Ночью 12 июня Морозов был выслан в отдаленный монастырь на берегу Белого моря.

Эти меры утихомирили Москву, хотя напряженность все еще чувствовалась. Шведский дипломат в Москве Поммеренг докладывал своему правительству, что стрельцы продолжали не подчиняться царю.[262] Более угрожающим было то, что за московским бунтом последовали волнения и мятежи в ряде других городов. К северу и северо-востоку от Москвы в Устюге, Чердыни и Соликамске участниками бунтов были, главным образом, горожане (посадские люди) и государственные крестьяне, протестовавшие против высоких налогов. В Чердыни и Соликамске городская беднота грозилась поднять мятеж против богатых горожан.

В Сибири томские военнослужащие начали протестовать против притеснений со стороны воеводы еще в мае 1648 г. до начала московских события. Когда новости о них достигли Томска, там произошли сильные беспорядки. В ноябре вспыхнули бунты также и в Нарыме.[263] Еще более опасными оказались мятежи стрельцов и служилых казаков в южных городах — Курске, Воронеже и Козлове — в июне и июле 1648 г. Вполне вероятно, что бунтовщики были ободрены украинской войной. Первые победы Богдана Хмельницкого над поляками (при Желтых Водах и при Корсуни) произошли в апреле и мае 1648 г.[264]

Все эти локальные выступления и мятежи были подавлены, когда царское правительство, поддерживаемое Земским Собором, вновь обрело свое могущество.

5. Свод законов 1649 г.

I

Под еще свежими впечатлениями от московских волнений молодой царь Алексей и его советники решили составить новый свод законов. Новое законодательство было необходимо для того, чтобы удовлетворить, по крайней мере, частично, требования дворянства и горожан и попытаться предотвратить повторение бунтов. Но, безотносительно этой особой причины, необходимость нового свода законов чувствовалась как правительством, так и народом.

Самый ранний свод, судебник царя Ивана Грозного 1550 г., был, главным образом, посвящен придворной процедуре. Кроме того, ему было почти сто лет, а с тех пор было выпущено большое количество важных законов и указов. Их выпускала не только Боярская Дума, но также и некоторые административные и судебные органы, и они

не были согласованы, становясь источником путаницы в часто противоречивых правилах и уложениях.

Решение выпустить новый свод законов было одобрено Земским Собором 16 июля 1648 г. В тот же день царь Алексей назначил комиссию, которой была доверена задача сведения законов. Ее возглавлял боярин князь Никита Иванович Одоевский, а в состав ее входили также боярин князь Семен Васильевич Прозоровский, окольничий князь Федор Федорович Волконский и дьяки Гавриил Леонтьев и Федор Грибоедов.

Князь Н.И. Одоевский (1602-1689) был одним из выдающихся русских государственных деятелей XVII века. Его жена Евдокия была дочерью боярина Федора Ивановича Шереметева, и это обстоятельство обеспечило Одоевскому видное положение при дворе царя Михаила. В 1644 г. в период временного пребывания в Москве предполагаемого жениха царевны Ирины графа Вольдемара Одоевский принимал участие в религиозном диспуте. После восхождения на трон царя Алексея Одоевский, казалось бы, занял нейтральную позицию в зарождающемся конфликте между Морозовым и боярской группой Шереметева — Черкасского.[265]

Дьяки Леонтьев и Грибоедов (как и большинство дьяков в московской администрации) были не только предприимчивыми и опытными, но и талантливыми и умными. Федор Иванович Грибоедов (дальний предок драматурга Александра Грибоедова) был польского происхождения. Его отец Ян Гржибовский поселился в Москве в начале Смутного времени.[266]

Леонтьев и Грибоедов организовали сбор и согласование законов и уложений для нового свода; их можно считать главными редакторами.

Новое заседание Земского Собора собралось в день московского нового года, 1 сентября 1648 г. Одоевский должен был докладывать о ходе работы комиссии. Однако работа еще не была завершена, и только на заседании 3 октября начались чтения проекта статей, чтобы их утвердил Земский Собор. Но даже после этого редакторская работа не была завершена.

В донесении своему правительству от 18 октября шведский дипломат Поммеренг утверждал: "Они [комиссия Одоевского] все еще продолжают усердно работать для того, чтобы простые люди и все прочие были удовлетворены хорошими законами и свободой".[267]

В правительстве царя Алексея в это время произошли резкие перемены. Под влиянием друзей и сподвижников Морозова царь вернул ссылки. Он возвратился в столицу 26 октября.

В незавершенной работе над сводом законов Морозов намеревался уделить особое внимание законодательству, касающемуся городских общин. Он отстаивал восстановление своего прежнего плана реорганизации муниципалитетов, который воплотил в жизнь Траханиотов в городе Владимире в 1646 г.

Еще до возвращения Морозова его последователи вступили в контакт с делегатами Земского Собора от городов, и 30 октября последние представили на рассмотрение царю петицию, в которой они требовали устранения в городах всех "белых" и свободных от налогов усадеб и земель. В тот же день делегаты от дворянства представили свою петицию, поддерживавшую требования горожан.[268]

Инициатором обеих петиций, по всей вероятности, был Морозов и его последователи. В связи с этим, следующий день засвидетельствовал острую полемику в присутствии царя между князем Яковом Черкасским (официально все еще царским главным советником и Морозовым. Черкасский покинул дворец в большом возмущении. Он был освобожден от высоких постов, которые занимал, таких, как глава стрелецкого войска, Большой казны, Аптекарского приказа и других.[269]

Царь не осмелился официально сделать Морозова своим "премьер-министром". Сам Морозов понимал, что с психологической точки зрения это было бы невозможно. Вместо того, Морозов вынужден был полагаться на своих друзей и последователей. 1 ноября Илья Данилович Милославский (тесть царя и Морозова) был назначен главой стрелецкого войска. Позднее он получил другие должности Черкасского, таким образом, став его официальным преемником в качестве "премьер-министра".

Как государственному деятелю Милославскому не хватало инициативы и энергии. Совершенно другим характером обладал еще один из морозовских протеже — князь Юрий Алексеевич Долгоруков, родственник первой жены царя Михаила Марии Владимировны Долгоруковой. Долгоруков был решительным и энергичным человеком, обладавшим большим талантом администратора и военного лидера, умным и хитрым; безжалостным, если того требовала ситуация. Жена Долгорукова Елена Васильевна, урожденная Морозова, была тетей Б.И. Морозова.[270]

Благодаря влиянию Морозова, Долгоруков был назначен главой Приказа сыскных дел, которому было дано задание очистить городские общины от проникновения в них жителей, не платящих налоги. Одновременно царь сделал Долгорукова председателем "ответной палаты" депутатов Земского Собора для чтения и обсуждения статей Уложения для его окончательного утверждения.

Дворянство поддержало требования горожан, выраженные в их петиции от 30 октября. Интересы последних отстаивала партия Морозова. С другой стороны, устранение Черкасского от власти лишило дворян их главного покровителя. Они отреагировали тем, что направили царю на рассмотрение новую петицию 9 ноября. В ответ на поддержку со стороны дворян 30 октября, горожане подписались под дворянской петицией.[271]

В петиции от 9 ноября дворянство потребовало, чтобы все земельные угодья, приобретенные патриархом, епископами, монастырями и священниками после 1580 г. (начиная с этого времени, церквам и монастырям было запрещено приобретать новые земли), были конфискованы правительством и разделены между теми армейскими офицерами и военнослужащими из дворянского сословия, кто не владел поместьями, или чьи поместья были слишком маленькими и не соответствующими их жизненным потребностям и характеру исполнения воинской службы.

Во взаимодействии политических сил и борьбе между партиями Черкасского и Морозова действия дворянства были направлены против Морозова и Милославского. Последний находился в дружеских отношениях с патриархом и нуждался в его поддержке.

Радикальное требование дворян о конфискации церковных и монастырских земель вызвало резкое противодействие со стороны священнослужителей. Тем не менее, правительство посчитало необходимым отдать приказ о подготовке перечня всех земельных угодий, приобретенных церковью и монастырями между 1580 и 1648 гг.[272]

Сведения о подобных землях были затребованы у всех крупных монастырей, но сбор данных шел медленно. Можно подозревать, что это явилось результатом преднамеренных проволочек со стороны церковной верхушки, и что администрация Милославского не собиралась оказывать на них давления. Во всяком случае, материалы для соответствующего законодательства не были собраны к сроку выхода Уложения.[273]

Более ранние петиции горожан и дворянства, представленные на рассмотрение 30 октября, оказали воздействие на указ Боярской Думы от 13 ноября. В нем одобрялись требования горожан, но в такой видоизмененной форме, которая не могла удовлетворить их.[274] Затем он был направлен в приказ сыскных дел, возглавлявшийся князем Долгоруковым, который также являлся председателем собрания депутатов Земского Собора. После того, как депутаты ознакомились с содержанием указа, они обратились с петицией к князю Долгорукову, в которой настаивали на том, чтобы их требования от 9 ноября были утверждены. Это и было сделано царем 25 ноября.[275]

Редакторская работа комиссии князя Одоевского продолжалась на протяжение всего декабря. Не ранее 29 января 1649 г. экземпляр официальной рукописи свода законов был представлен для утверждения царю и Земскому Собору. Перед этим весь свод был еще раз прочитан членам Собора.

Этот документ стал официально известен как "Соборное Уложение". Под оригиналом рукописи поставлено 315 подписей. Первым из подписавшихся был патриарх Иосиф.[276]

Ни Никита Иванович Романов, ни князь Яков Черкасский не подписали "Уложение". Отсутствует также подпись князя Дмитрия Черкасского. И Шереметев не подписал этот документ. Это вряд ли могло оказаться случайным, поскольку все они были противниками программы Морозова.[277]

"Уложение сразу же было отпечатано (двенадцать сотен экземпляров). Его многократно переиздавали после 1649 г., и оно было включено в качестве исторического документа в Том I (№1) Полного Собрания Законов Российской Империи 1832 г.[278]

Основными источниками свода законов 1649 г. являются следующие:[279]

1. "Кормчая Книга" (славянский перевод византийской "Nomocanon") – доступная в то время лишь в рукописных списках (первый раз напечатана в Москве на год позже, чем "Уложение").

Из "Кормчей книги" были взяты в употребление отдельные библейские предписания, выдержки из законов Моисея и Второзакония, а также многие нормы византийского права, выбранные, главным образом, из учебников восьмого и девятого веков – "Ecloga" и "Procheiron".

2. "Судебник" 1550 г. и последующие московские законы, статуты и уложения вплоть до 1648 г.

3. Петиции дворянства, купечества и горожан 1648 г.

4. Западнорусский (так называемый Литовский) Статут в его третьей редакции (1588 г.).[280]

Между прочим, западнорусское право ведет свое происхождение от русского права Киевского периода, как и право новгородское, псковское и московское. Кроме того, влияние западнорусского законодательства на московское началось задолго до "Соборного Уложения" 1649 г. В этом смысле многие русские историки и юристы, такие, как Леонтович, Владимирский-Буданов, Тарановский и Лаппо, делали заключение, что Литовский Статут следовало бы считать вполне органичным элементом в развитии русского права в целом, а не просто иностранным источником.[281]

Из Литовского Статута не просто были заимствованы (или адаптированы) отдельные статьи для "Уложения" — чувствуется значительно большее общее влияние Статута на план "Уложения". Нет сомнения в том, что Федор Грибоедов был знаком со статутом в подробностях, и представляется, что Одоевский и другие бояре знали его в общих чертах, а также те его нормы, которые утверждают статус и права аристократии.

В целом, мы можем согласиться с Владимирским-Будановым, что "Уложение" — не компиляция иностранных источников, а действительно национальный свод законов, в котором смешались содержащиеся в нем иностранные элементы со старой московской законодательной основой.

II

Согласно предисловию, главной целью свода 1649 г. было "сделать отправление правосудия во всех тяжбах равным для людей всех чинов от высших до низших".

Свод состоял из двадцати пяти глав, каждая из которых была разделена на статьи, общим числом 967. В первых девяти главах велась речь о том, что можно назвать государственным правом царства московского; в главах с X по XV — о судебной процедуре; в главах с XVI по XX — о земельной собственности, землевладении, крестьянах, горожанах и холопах. Главы XXI и XXII содержали уголовное уложение. В главах с XXIII по XXV речь

велась о стрельцах, казаках и трактирах, и эти главы составляли своего рода приложение.

Глава I посвящалась защите святости православной веры и правильному проведению церковной службы; богохульство наказывалось смертной казнью; за дурное поведение в церкви полагалось избиение кнутом.

В главе II речь шла об охране царского здоровья, власти и величия государя; в главе III — о предотвращении каких-либо неверных действий при царском дворе. Наказанием за государственную измену и другие серьезные преступления была смерть; за меньшие преступления — тюрьма или избиение кнутом. Взятые вместе, главы II и III составляли основное право царства Московского.

"Уложение" 1649 г. было первым московским государственным сводом, содержащим законодательные нормы, касающиеся религии и церкви. В "Судебнике" 1550 г. речь о них не шла. Эти нормы вошли в особый свод церковного права — "Стоглав", выпущенный в 1551 г.

Следует вспомнить, что при рукоположении патриарха Филарета в 1619 г. патриарх Иерусалимский Феофан провозгласил византийскую заповедь "симфонии" церкви и государства и "диархии" патриарха и царя. В соответствии с этими идеями, Филарет получил тот же титул, что и царь — Великий Государь. Общему одобрению этого шага способствовало то, что он был отцом царя Михаила.

Если бы "Уложение" было выпущено во времена правления Филарета, вероятно, глава I утверждала бы святость патриаршего престола примерно в том же духе, что и глава II — величие царской верховной власти.

Однако после смерти патриарха Филарета бояре, уставшие от его диктаторства в государственных делах, действовали так, чтобы урезать власть патриарха и не допустить, чтобы новый патриарх вмешивался в государственную политику. И более того, некоторые из бояр склонялись к тому, чтобы установить государственный контроль над церковной администрацией, особенно в управлении населением на церковных и монастырских землях.

К этой боярской группе принадлежал, наряду с другими, и князь Никита Одоевский, председатель комиссии по составлению "Уложения". Такой образ мысли объясняется отсутствием общего определения власти патриарха (в главе I) в сравнении с властью царя (в главе II).

В главе X, которая касалась отправления правосудия, статьи, где речь шла о наказаниях за оскорбление чести (главным образом — словесные оскорбления), предопределяли личности патриарха достойное уважение, так как в списке лиц, оскорбление которых каралось особенно сурово, патриарх занимал верхнюю строчку. Честь царя ценилась выше, чем честь патриарха и всех прочих, и находилась под защитой специальных уложений в главе I. Если боярин или какой-либо член Боярской Думы оскорблял патриарха, его следовало лично выдать последнему (глава X, статья 27). Такая "выдача головою" давала право оскорбленному наказывать оскорбившего по своему усмотрению. Психологически это было наиболее унизительно для последнего.

С другой стороны, если священнослужитель (патриарх в этой связи не упоминался), настоятель монастыря или черный монах оскорблял боярина или человека какого-либо иного социального статуса, то он должен был заплатить штраф оскорбленному в соответствии с рангом последнего (статья 83). Если у архимандрита или черного монаха (митрополиты и епископы в этой связи не упоминались) не было денег, чтобы заплатить штраф, то он приговаривался к публичному телесному наказанию, производимому официально назначенными лицами каждый день, до тех пор, пока оскорбленный человек не согласится на какое-либо примирение с оскорбителем и на его освобождение (статья 84).

Две эти статьи применялись не только по отношению к случайным оскорблениям, высказанным священнослужителем боярину или какому-либо другому государственному служащему, но и к критике в адрес боярина (или другого чиновника) в проповеди ex cathedra во время церковной службы. Это было равнозначно установлению правительственного контроля над заявлениями священников в церквах и, таким образом, являлось нарушением свободы церковных проповедей.

Позднее патриарх Никон выражал яростный протест против этого нарушения, адресуя Одоевскому следующие высказывания: *"Ты, князь Никита, написал это [те самые две статьи] по совету своего учителя, Антихриста. Неужто это не сатанинское изобретение — запретить свободно проповедовать слово Божье под угрозой сурового наказания?"*.[282]

Тенденция к усилению правительственного контроля над церковной администрацией явственно проступает в главах XII и XIII "Уло-

жения". Глава XII подтверждает исключительное право патриарха (либо непосредственно, либо через его представителей) вершить суд во всех тяжбах между людьми, живущими под его юрисдикцией в его владениях. Это право было установлено во время правления патриарха Филарета. Однако новый пункт (статья 2) добавлял, что в случае неправого суда со стороны доверенных лиц патриарха обвиненный мог обращаться к царю и боярам.

В главе XIII велась речь о подсудности церковных священников, епископов и настоятелей, а также крестьян, находящихся в подчинении церкви и монастырских владений, и всех, кто был под церковной юрисдикцией (за исключением тех, кто находился под непосредственной властью патриарха, о чем шла речь в главе XII).

Во время правления царя Михаила миряне могли возбуждать дело против служителей церкви и церковных людей в Приказе большого дворца. Главным назначением этого Приказа было содержание царского дворца. По всей видимости, его служащие не уделяли достаточно внимания претензиям против церковных чиновников и церковных людей.

Во всяком случае, дворяне, купцы и горожане писали в петициях во время составления "Уложения" о необходимости организации особого приказа для разбора претензий и тяжб с церковью и церковными людьми. Такой приказ был создан под названием Монастырский приказ. Через него светский правительственный контроль над церковной администрацией и населением церковных и монастырских владений стал значительно более эффективным. Вполне понятно, что большинство церковных и монастырских иерархов было против этой реформы.

Еще одной причиной их неудовлетворенности этим сводом было установление в главе XIX о том, что все поселения (слободы), основанные церковью и монастырями в самой Москве и вокруг нее, так же, как и в провинциальных городах, должны быть отданы государству, а их жители получат статус горожан, уплачивающих налоги (посадских).

Несмотря на все это патриарх, два митрополита, три архиепископа, один епископ, пять архимандритов и один настоятель подписали оригинальный экземпляр "Уложения". Одним из архимандритов был Никон из Новоспасского монастыря в Москве, который через некоторое время, будучи патриархом, станет главным противником "Уложения".

III

Философские рассуждения о природе царской власти настоятеля Волоколамского монастыря Иосифа Санина (умер в 1515 г.) гласят: *"Хотя телесно царь подобен всем прочим людям, но, пребывая во власти, он подобен Богу"*.[283]

В "Уложении" речь о царе велась не как о человеке, а как о государе. Глава II, посвященная наказаниям за наиболее серьезные государственные преступления, носила название: "О государевой чести и как охранять государево здоровье [безопасность]".

Царь олицетворял собой государство. Он царствовал "Божьей милостью" (этими словами начинались царские грамоты); он защищал церковь (глава I "Уложения"). Для того, чтобы царствовать, ему нужно было Господнее благословение. Тем не менее, заповедь Иосифа Санина, что *"пребывая во власти, он [царь] подобен Богу"*, не была включена в Свод.

Олицетворяя государство, царь обладал верховными правами, распространявшимися на все земли государства. Этот принцип в самой ясной форме применялся по отношению к Сибири. Все земельные богатства Сибири принадлежали государю. Юридически частные лица, имели право только пользоваться участками земли, которые они фактически обрабатывали (заимки, пользование которыми основано на праве труженика), или на которые они получали особые разрешения. В Сибири не существовало частной собственности на землю.[284]

На старых землях царства московского цари вынуждены были принимать и одобрять существование находящихся в частной собственности наследственных земельных угодий, или вотчин, принадлежавших боярам и прочим, но, начиная с Ивана Грозного, с них могли требовать исполнения воинской службы. С другой стороны, что касается поместий, то эти земли раздавались в пользование держателям только при условии обязательности воинской службы с их стороны и только на то время, в течение которого они несли эту службу. Такими землями владело государство.

Кроме боярских и иных вотчин, находящихся в частной собственности, а также церковных и монастырских земельных угодий, все остальные земли принадлежали государю, то есть – государству. Таковыми были земли, заселенные государственными крестьянами ("черные" земли), так же как и земельные участки в городах и вокруг них.

Помимо этих государственных земель, существовала еще одна категория земель, принадлежавших государю — государевы земли, называвшиеся еще дворцовыми землями. Они предназначались для содержания государева дворца. (Вдобавок, каждый царь мог владеть (и владел) землей в частном порядке, не как государь, а как обычный человек).

Все эти категории земель упоминаются в "Уложении".

В то время, как царская власть была основой государственного права в "Уложении", объединенные социальные группы, или чины, чью волю выражал Земский Собор, составляли "каркас" нации. До определенной степени, московские чины играли социополитическую роль, подобную польским и западноевропейским сословиям.[285]

"Уложение" провозглашало принцип равенства в отправлении правосудия для людей из всех чинов "от высших до низших". В то же время, оно особым образом подтверждало определенные личные права и права собственности для представителей высших чинов.

Следует вспомнить, что в 1606 г. царь Василий Шуйский, взойдя на трон, поклялся не приговаривать к смерти аристократа или купца без разбирательства боярского суда; не отбирать землю и другие владения осужденного, а передавать их его родне, вдове и детям (в том случае, если они не виновны в таком же преступлении); и не слушать обвинений, пока они не будут точно доказаны тщательным расследованием.[286]

Эти гарантии нашли свое отражение в главе II "Уложения", хотя и в менее определенной форме.[287]

Глава II свода назначает смертную казнь за определенные категории политических преступлений, такие, как намерение убить царя, вооруженное выступление, государственная измена и предательская сдача крепости врагу.

Во всех этих случаях свод требует, чтобы смертный приговор не выносился без предварительного расследования вины обвиняемого. Он мог быть казнен, а его собственность передана казне, только если несомненно установлено, что он виновен. Его жена и дети, родители и братья не приговаривались к наказанию, если они не принимали участия в совершении того же преступления. Они имели право получить часть его владений, чтобы иметь средства к существованию.

Некоторые статьи главы II допускают обличения и доносы в случаях подозрения в заговоре или других политических преступлениях. В каждом случае свод считает, что должно быть проведено тща-

тельное расследование и выдвинуто обосиованное обвинение. Если оно оказывается ложным, то доносчик приговаривается к суровому наказанию.

Статья 22 главы II имела своей целью защитить дворянство и прочих людей от притеснений со стороны местных воевод или их помощников. Она защищала право военнослужащих или людей какого-либо иного статуса на местах предоставлять на рассмотрение воеводам петицию, направленную против административных притеснений. Если такая петиция представляла дело в верном свете, а воевода после этого в своем донесении царю говорил о ней, как о мятеже, то воевода в таком случае должен был быть наказан.

IV

Важное политическое значение имели те пункты "Уложения", которые обеспечивали права на землю боярам и дворянству.[288]

Московское законодательство XVI и XVII веков проводило различие между двумя основными формами земельных прав: вотчина — земельное угодье, находящееся в полной собственности, и поместье — земля, которой владеют на условиях государственной службы.

Один и тот же человек мог владеть обоими видами земель. Как правило, именно бояре владели большими вотчинами, хотя боярин мог обладать (а в XVII веке обычно обладал) и поместьем. Последняя форма была основой земельных владений дворян, хотя многие дворяне могли иметь в собственности (а часто и имели) вотчину (обычно небольшую).

Смутное время с его крестьянскими бунтами и войнами произвело беспорядок в земельных правах, и многие бояре и дворяне потеряли свои земельные угодья. Во время правления патриарха Филарета была сделана попытка возвратить владения их прежним хозяевам или восполнить потери новыми землями.

До свода 1649 г., однако, не было четкой координации разнообразных указов, выпущенных с периода Смутного времени и касающихся земельных прав бояр и дворян. Владельцы или держатели земельных угодий чувствовали себя ненадежно и обращались к правительству за гарантиями. Они были даны в главе XVIII "Уложения", которая называлась "О вотчинниках".[289]

В первой части главы (статьи от 1 до 15) речь велась о "старинных" боярских и дворянских угодьях, либо наследственных, либо дарован-

ных царями. Оба эти типа были сделаны наследственными. Если владелец умирал, не оставив завещания, его угодье должно было перейти к ближайшему родственнику. Целью этого закона было сохранить за боярскими родами владение большими земельными угодьями и тем самым поддержать аристократию как высший класс в царстве.

Вторая часть главы XVII (статьи 16-36) содержит подтверждение отдельных категорий земельных даров, сделанных в Смутное время. Во время этого периода цари и претенденты, бояре и казаки, иностранцы и русские сражались друг с другом и старались, по очереди или одновременно, сформировать правительство и наградить своих последователей деньгами и земельными дарами, и каждый из них отменял дары, сделанные его соперником.

Первые два претендента, царь Василий Шуйский, избранный царь Владислав, его отец король Сигизмунд Польский — все они были щедры на обещания и милости своим настоящим и будущим последователям, некоторые из которых извлекали выгоду из ситуации, "выдаивая" сначала одного теневого правителя, потом — другого, или обоих одновременно, вроде тех, кто переходил то туда, то сюда — от царя Василия в Москве к царю Лжедмитрию II в районе Тушина.

Вполне естественно, что после победы национально-освободительной армии и избрания царя Михаила, законность даров признавалась только если лица, пользовавшиеся этими дарами, поддерживали новое правительство. Окончательное подтверждение этих даров было сделано в "Уложении". Было признано три категории земельных даров: (1) дары, сделанные царем Василием Шуйским во время осады Москвы крестьянской армией Болотникова, а затем — во время блокады тушинской армией второго претендента; (2) дары, сделанные вторым претендентом тем из его тушинских последователей (тушинцам), которые позднее примкнули к национальной армии (1611-1612 гг.); и (3) дары, сделанные разным лицам, получившим земли тех тушинцев, которые не поддержали национальную армию и новое царское правительство. Эти три категории даров были определены как недвижимые и неотъемлемые.

Третья часть главы XVII (статьи 37-55) подтверждала законность приобретения владельцами вотчин новых земельных угодий, права собственности на которые полностью гарантировались.

Подтверждение владения и прав наследования наследственных угодий приносило пользу, главным образом, боярам. Дворянство,

особенно мелкое, в большей мере было заинтересовано правами на поместья. Им посвящена глава XVI "Уложения".[290]

Первоначально, поместье даровалось лицу для пользования и не могло быть передано по наследству, продано или обменено на другой земельный участок. Но, что вполне типично для человеческой природы, держатель поместья, исполняя требуемую от него службу, обычно прилагал усилия к тому, чтобы добиться для себя и своей семьи права на землю и попытаться сделать их наследственными. Он нуждался в том, чтобы обеспечить себе старость, и поэтому хотел сохранить за собой землю вплоть до смерти. Статья 9 главы XVI давала ему право передавать управление землей, наряду с обязательной военной службой, своему сыну, младшему брату или племяннику.

Если после смерти помещика (владельца поместья) оставался несовершеннолетний сын (или сыновья), то над ним должна быть установлена опека до поры, когда он достигнет пятнадцати лет и будет зачислен на военную службу и получит поместье на свое собственное имя.

Вдова и дочери почившего помещика должны были получить достаточно земли, чтобы жить вплоть до смерти или замужества. Каждая из них имела право отдавать эту землю в управление или пользование любому, кто хотел бы взять на себя обязательство кормить их и помочь с замужеством. В том случае, если получивший их землю не выполнил своих обязательств, соглашение должно быть расторгнуто, а земля возвращена женщине или девушке ("Уложение", глава XVI, статья 10).

Хотя помещик не имел права продавать свое поместье, он мог по различным причинам поменять его на другое. Сначала подобные сделки допускались только в особых случаях. Позднее правительство, идя на уступки петициям, согласилось узаконить обмены. Для того, чтобы воспрепятствовать незаконной продаже поместья под видом обмена, было постановлено, что количество земли в каждом из обменивающихся поместий должно быть одинаковым. "Уложение" облегчило регулирование этого вопроса и даже позволило обмен поместья на вотчину и наоборот (глава XVI, статьи 3-5).

Глава XVI "Уложения" оставляла надзор за национальным фондом поместных земель в руках правительства, что было важно для обеспечения соответствующей военной службы со стороны дворянства.

С другой стороны, уложения в этой главе гарантировали дворянству пути сохранения земельных владений в одной и той же семье

или роду. Вдобавок, эти уложения давали дворянским семьям сбалансированную систему социальной защиты, включая заботу о престарелых и детях.

Эти гарантии прав землевладения для бояр и дворян были необходимы для того, чтобы обеспечить верность и поддержку трону со стороны этих двух социальных групп, которые традиционно играли ключевые роли в московской администрации и армии.

Более того, правительство вынуждено было гарантировать "служилым людям" не только землю, но и обеспечение работниками для обработки земли. То, чего хотел боярин или помещик, заключалось не просто в земельном угодье, но в угодье, населенном крестьянами.

Бояре и, в меньшей степени, дворяне владели холопами, некоторых из которых они могли использовать, и фактически использовали, как сельскохозяйственных рабочих (*деловые люди*). Но этого было недостаточно. При социальной и экономической организации Московии в XVII веке главным источником труда на земельных угодьях были крестьяне.

На протяжении более чем сорока лет после начала временных предписаний (во времени правления Ивана Грозного), обуздывающих свободу передвижения крестьянин в определенные "заповедные годы", бояре и особенно дворянство боролись за полную отмену крестьянского права переходить из одного земельного владения в другое. С появлением "Уложения" они достигли своей цели.

Глава XI отменяла установленный срок, на протяжении которого хозяин мог предъявлять претензии на своего беглого крестьянина и, таким образом, навсегда прикрепляла крестьянина к тому угодью, на котором он проживал. Начиная с этого времени, единственным законным для крестьянина путем покинуть земли помещика стало получение специального документа ("отпускная") от своего господина.[291]

Хотя рабство (в значении личной прикрепленности человека к земле) было узаконено сводом 1649 г., крестьянин все же не был рабом. О холопах речь шла в отдельной главе "Уложения" (глава XX).

Юридически, согласно своду, крестьянин признавался личностью (субъектом, а не объектом, права). Его достоинство гарантировалось законом. В случае оскорбления его чести обидчик должен был выплатить ему компенсацию, хотя и самую низкую (один рубль) из списка штрафов (глава X статья 94).

Крестьянин имел право возбуждать дело в суде и принимать участие в законных сделках разного характера. Он владел движимым имуществом и собственностью. Урожай с участка земли, которую он обрабатывал для себя (собранный или несобранный) принадлежал ему.

V

В главе XIX "Уложения" речь велась о плативших налоги горожанах (посадских людях). Они были организованы в общины (часто называвшиеся сотнями) со статусом, подобным статусу государственных (черных) крестьян. Посадских можно было бы назвать государственными горожанами.

Статьи "Уложения", касающиеся горожан, основаны на петициях этой социальной группы, поданных на рассмотрение царю в октябре и ноябре 1648 г. Эти петиции были поддержаны Морозовым и соответствовали его первоначальной программе организации городских общин.

Главным желанием посадских было уравнять бремя налогов и потому запретить какому-либо отдельному члену общины переходить с помощью тех или иных ухищрений из категории черных в категорию необлагаемых налогом белых, а также устранить из города все белые усадьбы.

В соответствии с этим принципом, статья 1 главы XIX требовала, чтобы все группы поселений (*слободы*) в самом городе Москве, принадлежащие церковным иерархам (патриарху и епископам), монастырям, боярам, окольничим и прочим, в которых живут купцы и ремесленники, не платящие государственных налогов и не исполняющие службу царю — все подобные поселения со всеми их жителями должны быть возвращены государству, будучи обязанными платить налоги и выполнять государственную службу (тягло). Другими словами, они должны были получить статус посадских.

То же самое правило распространялось на слободы в окрестностях Москвы (статья 5), так же как и на слободы в провинциальных городах (статья 7).

В качестве общего принципа было провозглашено, что с этого времени "больше не будет иных слобод ни в Москве, ни в провинциальных городах, кроме как государевых" (статья 1).

Еще одним важным пунктом в законодательстве "Уложения", касающемся горожан, было правило насильственного возвращения к

тяглу тех прежних членов городских общин, которые незаконно вышли из общины, продав свои усадьбы не облагаемым налогом персонам и учреждениям или став их *закладниками*. На будущее всем посадским было строго запрещено становиться закладником под патронажем какой-либо белой персоны или учреждения. Виновные же будут приговорены к суровому наказанию -избиению кнутом и высылке в Сибирь (статья 13).

С другой стороны, тем посадским, которые до 1649 г. переехали из провинциальной городской общины в Москву, или наоборот, либо же из одного провинциального города в другой, было дозволено оставаться в их новых усадьбах, и властям было запрещено высылать их обратно в места их первоначального жительства (статья 19).

"Уложением" узаконивалась облагаемая налогом городская община, основанная на принципе уравнивания прав и обязанностей ее членов и совместной гарантии выплаты налогов с их стороны.

Это установление удовлетворяло финансовые и административные нужды Московского государства и, в то же время, желания большинства самих посадских. Однако несмотря на принцип уравнивания, на котором община основывалась, с экономической точки зрения в общине было три уровня членов: богатые, средние и бедные, и этот факт был узаконен в самом "Уложении", которое определяло три слоя (статьи) посадских: лучшая, средняя и меньшая статьи.

Согласно шкале возмещений за оскорбление чести, лучшие посадские должны были получать по семь рублей с обидчика, средние — по шесть, а меньшие — по пять (глава X статья 94).

Богатейшие (главным образом, оптовые) купцы и промышленники стояли значительно выше городских общин. Большинство из них жило в Москве. Они не платили налогов, но должны были служить в царской финансовой администрации. Высокий уровень их социального и экономического положения ясно демонстрировался их местом на шкале возмещений за оскорбление чести по сравнению с посадскими.

Возмещение за оскорбление члена семьи Строгановых (у Строгановых был уникальный чин — "*именитые люди*") было установлено в размере ста рублей; за оскорбление "гостя" (богатейшего оптового купца) — пятьдесят рублей. На следующем уровне находилось объединение богатых купцов (*гостинная* сотня). Этот уровень подразделялся на три слоя. Возмещения для каждого из них соответственно равнялось двадцати, пятнадцати и десяти рублям.

Следующий уровень купеческого объединения — суконная сотня — подразделялся таким же образом. Суммы возмещения составляли 15, 10 и 5 рублей. С точки зрения экономической и социальной, это была промежуточная категория между гостинной сотней и посадскими.

Именно из высшей прослойки посадских правительство заполняло вакансии среди членов гостинной и суконной сотен. Будучи переведен в подобное объединение, посадский из провинциального города должен был продать свою усадьбу и дело и переехать в Москву (глава XIX статья 34).

Гости занимали влиятельную позицию в московском правительстве, и голос гостинной и суконной сотни должен был приниматься в расчет администрацией во многих случаях. Обычная городская община посадских, хотя и вела автономную внутреннюю жизнь и представительствовала на собраниях Земского Собора, не имела постоянного голоса ни в центральной, ни в провинциальной администрации. Конечно, общины могли воспользоваться своим правом обратиться с петицией в случае какого-либо серьезного конфликта с администрацией. Однако на подобные петиции, если они не были поддержаны гостями и купеческими объединениями, правительство далеко не всегда обращало внимание. Тогда для посадских оставался единственный путь — открытый мятеж.

Шанс на успех подобных мятежей зависел от единства движения в городе, но различия в политических и экономических интересах между гостями и посадскими делали такое единство почти недостижимым.

Помимо того, всегда существовала возможность конфликта среди самих посадских, чей верхний слой часто поддерживал гостей и крупные купеческие объединения. Подобное отсутствие согласия между различными слоями купцов и посадских подорвало мощь волнений в Новгороде и Пскове в 1650 г.[292]

6. Религиозное возрождение (1634 — 1652 гг.)

I

Неудачный исход Смоленской войны (1632-1634 гг.) серьезно нарушил московские военные и политические планы, но не прервал надолго процесса укрепления царского правительства и экономического подъема страны.

За этим стояло усиление крепостного права, фактически узаконенное в своде законов 1649 г. Последовавшие увеличение бремени

налогов и дальнейшее подчинение крестьян землевладельцам явилось главной причиной народного недовольства и бунтов 1648-1650 гг. Примерно в то же самое время царское правительство оказалось лицом к лицу с возможностью новой войны с Польшей из-за того, что на Украине началась освободительная война против польского режима, и украинский народ обратился к царю за поддержкой.

Два последовавших за Смоленской войной десятилетия имели большое значение для интеллектуальной и духовной жизни русского народа. Это было время интенсивно возрастающего влияния западной технологии и искусства, а также западного образа жизни на русское общество, и это влияние сказывалось, в первую очередь, на высших классах. Эта тенденция была связана с подъемом светского духа в целом. Продолжая признавать религиозную и этическую ценность церкви, многие русские люди стремились (сознательно или подсознательно) к тому, чтобы держаться независимо от сурового вмешательства церкви в такие вопросы, как образ жизни, развлечения, художественный и литературный вкус и жажда светских знаний.

Ценность этих знаний, по всей вероятности, понимали просвященные члены московского правительства. Москве требовались не только технические и военные эксперты, но и люди с соответствующей подготовкой для ведения международных отношений. Московский Посольский приказ приглашал все большее количество лингвистов в качестве устных переводчиков и переводчиков иностранных документов. Так русские знакомились с некоторыми западными литературными и научно-исследовательскими трудами.

Потребность в образовании ощущалась также и в сфере церкви. В этом случае, могучий источник западного типа учености существовал в Западной Руси в Киевской академии. Консервативные московские церковники, вроде патриарха Филарета, с подозрением относились к присутствию "латинских ересей" в киевских книгах, но, несмотря на это, московиты вынуждены были пользоваться киевской церковной литературой, поскольку ее научный уровень был выше, чем в их книгах. Просвященные издатели Московского печатного двора прекрасно понимали ценность киевских методов в подготовке новых изданий церковных учебников и прочих религиозных книг. Ведущим московским издателем церковной литературы в 1630-х и 1640-х гг. был священник Иван Наседка, ученик Дионисия из Троицкого монастыря.

Исправление церковных книг было одним единственным проявлением духа возрождения русской церкви в тот период. Среди выдающихся фигур в этом движении были другие ученики Дионисия — священник Иван Неронов (родился в 1591) и исповедник царя Алексея архиерей Стефан Вонифатьев (дата рождения не установлена). К молодому поколению в этой группе относились будущий патриарх Никон (год рождения — 1605) и будущий предводитель старообрядцев протопоп Аввакум (родился в 1620 г.). На пике активности (конец 1640-х и начало 1650-х гг.) эту группу иногда называли "Любящими Бога" или "Ревнителями благочестия".

Целью этих ревнителей было сделать Московию полностью христианским государством, как в отношении ее административной политики, так и будничной жизни народа. По существу, эта программа была такой же, как и очерченная митрополитом Макарием и священником Сильвестром в конце 1540-х и начале 1550-х гг. Реализация этой программы была разрушена сначала жестокими крайностями царя Ивана Грозного, а затем бедствиями Смутного времени.

Эта программа была величественной по духу, но довольно аскетичной и суровой. Она основывалась на византийском монашеском идеале в его самой суровой форме — правилах Св. Саввы.[293] Она требовала строжайшей самодисциплины со стороны верующих. В своем рвении ревнители стремились донести как до духовенства, так и до их прихожан христианские идеалы нравственности. Они стремились восстановить красоту церковной службы, реформировать образ будничной жизни людей и сохранить чистоту православной веры в противовес латинской (римско-католической и протестантской "ересям".

В начале 1636 г. Иван Неронов и ряд других священнослужителей из Нижнего Новгорода направили петицию патриарху Иоасафу I (преемнику Филарета), в которой они детально описали печальную картину падения церковной дисциплины и роста моральной распущенности как у духовенства, так и у мирян.[294]

Они отметили, что многие священники были пьяницами и пренебрегали своими обязанностями пастыря; что такие священники часто сокращали церковные службы, не пели молитвы перед обедней и пытались проводить саму обедню быстро, благодаря тому, что молитвы читались или пелись одновременно пятью или шестью пономарями или другими помощниками. В результате службы оказывались совершенно невразумительными, и прихожане, не будучи в

состоянии следить за словами службы, вступали в разговоры друг с другом и создавали такую атмосферу, в которой священники не могли поддерживать порядок.

Из-за недостатка руководства со стороны пастыря народ стал пренебрегать церковными службами, уделять слишком мало внимания молитве и не собирался порывать с традиционными развлечениями языческого происхождения, которые представляли скоморохи и хозяева дрессированных медведей. Ревнители порицали также пережитки таких языческих обрядов, которые наблюдал народ во время христианских праздников: поклонение березе в Семик (седьмой Четверг после Пасхи), костры на закате дня Св. Иоанна (24 июня) и так далее.[295]

Чтобы избавиться от этих зол, ревнители рекомендовали архиереям вести более тщательный надсмотр за приходскими священниками в каждой епархии, и чтобы пьяницы среди священников наказывались, и чтобы одновременно чтение и пение во время церковной службы было заменено правильным пением в один голос (единогласием). Они предлагали также для укрепления нравственности народа скоморошьи представления и языческие празднества запретить.

Патриарх согласился с сутью петиции Неронова и 14 августа 1636 г. выпустил послание к духовенству города и уезда Москвы, в котором он повторил большую часть претензий и советов ревнителей из Нижнего Новгорода. Что касается единогласия, Иоасаф похвалил его в принципе, но, будучи более реалистичным, чем Неронов, он посоветовал, чтобы один поющий голос вводился постепенно. Он позволил для начала использование одновременно двух голосов (и даже трех, если это неизбежно).[296]

Реформаторскую инициативу нижегородского духовенства, усиленную посланием патриарха, поддержала большая часть представителей духовенства еще и в таких городах, как Калуга, Псков, Вологда и Суздаль.[297]

В некоторых местностях высший слой паствы в духе религиозного возрождения поклялся поддерживать благоговейное отношение к церковным службам. В 1641 г. несколько крестьянок с севера Руси, вдохновленные своими молитвами к Богоматери, попытались убедить верующих не входить в церковь пьяными, стоять в церкви со страхом Господним и жить согласно церковным канонам — не курить табак, не богохульствовать, не работать по воскресеньям и праздни-

кам. Инициаторы этого движения убедили прочих переписать их рекомендации и разослать их по другим городам.[298]

С другой стороны, настроенные менее идеалистически прихожане возражали против удлинения церковных служб, которое стало неизбежным, когда рекомендации ревнителей по восстановлению всех частей службы и одноголосого пения были введены в церковную практику. Правительственные чиновники, как и крестьяне терпеть не могли стоять в церкви по три или четыре часа подряд.[299]

Более того, довольно много людей в каждом приходе возмущались постоянными увещеваниями священников-ревнителей, направленными против таких грехов, как прелюбодеяние. Аристократы и правительственные чиновники также возмущались, когда священник-ревнитель ходатайствовал перед ними от имени крестьянина или горожанина, который находился в конфликте со своим хозяином.

Как дворянство, так и простые люди возмущались священной войне, которую церковь объявила скоморохам и народным увеселениям. В Нижнем Новгороде Неронов предпринял активные действия против скоморохов и хозяев ручных медведей. Во время святок (вероятно в 1635 г.), когда народные гуляния шли вовсю, Неронов со своими учениками останавливал веселые процессии, проповедовал против подобных языческих обычаев, а если это не имело действия, нападал на музыкантов и ломал их "орудия дьявола" — скрипки и другие музыкальные инструменты. Скоморохи давали сдачи, и ревнители часто возвращались домой в крови и с синяками, но с чувством выполненного долга. Однако музыканты пожаловались наместнику Нижнего Новгорода боярину Василию Шереметеву, который признал Неронова виновным в нарушении общественного порядка, приказал его публично высечь, а затем посадил в тюрьму. Толпы его прихожан навещали его ежедневно, смотрели на него, как на мученика, и жадно внимали его молитвам, пению и духовным наставлениям. Неронов провел в тюрьме сорок дней, а затем был освобожден по приказу из Москвы.[300]

Суровое наказание Неронова Шереметевым отчасти мотивировалось возмущением бояр по поводу вмешательства священников-ревнителей от лица их прихожан всякий раз, когда кто-то из последних жаловался на притеснения со стороны администрации или (в случае с крестьянами) со стороны помещиков.

Немногие священники на Руси в то время имели смелость открыто протестовать против злоупотреблений чиновников. Большинство

священников либо не могло, либо не хотело выполнять свои обязанности пастыря столь же совестливо, как это делали ревнители. В результате многие люди стали искать более подходящих лидеров, которые бы руководили ими и помогали бы им избежать жизненных тягот и притеснений со стороны правительственных чиновников и бремени налогов и крепостничества.

Лидерство нового характера начал осуществлять монах Капитон, который около 1630 г. основал небольшую пустынь на севере Руси близ Тотьмы, откуда он позднее переехал в Данилов в северной части Ярославских земель. Там, вдобавок к мужской пустыни, он основал женскую обитель. Капитон был аскетом и мистиком, и у него бывали пророческие видения. Он открыто не отрицал существующей церкви, но считал соблюдение ее обрядов менее важным, чем духовную медитацию во имя спасения человека.

В 1639 г. местные власти донесли на Капитона патриарху, обвинив его в "неистовстве" и "плутнях". После расследования деятельности Капитона патриарх и царь приказали отправить в Ярославский монастырь для покаяния. Пустынь и женская обитель, которые он основал, были отданы под начало настоятеля соседнего монастыря.

Прежде, чем это произошло, Капитон бежал и скрылся в лесах; его последователи — монахи и монахини — рассеялись. Для того, чтобы его не схватили, Капитон и его последователи постоянно находились в движении. Из Ярославских земель они бежали в Костромскую и Владимирскую земли. Они образовали нечто вроде тайной странствующей религиозной общины, у которой искали руководства довольно многие неудовлетворенные люди.[301]

Раздраженные преследованиями, Капитон и его последователи (названные в его честь Капитонами) стали проповедовать политический и социальный анархизм. Они решили, что государство, как институт, является злом. Когда царь Алексей взошел на трон в 1645 г., отшельник Михаил из Суздальской земли, чьи взгляды были близки идеям Капитона, объявил, что Алексей — не царь, а "рог Антихриста".[302]

К тому времени Капитон основал свою тайную ставку в костромских лесах. 31 октября 1651 г. царь Алексей приказал, чтобы Капитон и его ближайшие последователи были пойманы и заключены в костромские монастыри. Но Капитонам еще раз удалось бежать.[303]

II

Патриарх Иоасаф I умер 28 ноября 1640 г. Он в душе поддерживал план ревнителей реформировать церковную жизнь, но пытался избежать решительных мер. После его смерти Стефан Вонифатьев и члены его возрожденческого кружка стали править московской церковной политикой на протяжении шестнадцати месяцев. Среди важных моментов этой политики в 1640-х и начале 1650-х гг. было редактирование и публикация церковных учебников и других религиозных книг; окончательное введение единогласия в церковных службах; меры против скоморохов, традиционных народных развлечений и пьянства; и стратегия борьбы против религиозного влияния иностранцев и западного образа жизни на русский народ.

27 марта 1642 г. был избран новый патриарх — архимандрит Симонова монастыря Иосиф. Ко времени его избрания Иосиф был старым и больным; силы его были на исходе. Он примыкал к ревнителям.

Накануне великого поста 1646 г. патриарх, под влиянием идей Неронова, выпустил послание к духовенству и ко всем верующим, где убеждал их быть благочестивыми в отношении религии и церковных служб и воздерживаться от пьянства.[304]

На следующий год собрание высшего духовенства объявила строгие правила для соблюдения воскресного дня: с субботней ночи до воскресного вечера все кабаки, лавки и учреждения должны оставаться закрытыми; не дозволялась никакая работа. Народ должен был проводить воскресение в религиозном настроении.[305]

Непросто было ввести это правило в реальную жизнь московитов. Приходилось повторять приказание по несколько раз.

Что касается единогласного пения, патриарх Иосиф, как и его предшественник, сомневался в возможности введения его в церковные службы с помощью решительных мер. В 1649 г. царь Алексей, следуя совету Стефана Вонифатьева, предложил этот вопрос для рассмотрения церковным Собором. Стефан предлагал немедленное введение единогласия во всех монастырях и церквах. Патриарх согласился рекомендовать это монастырям, но возражал против обязательного введения единогласия в приходских церквах. Большинство членов Собора проголосовало в соответствии с его рекомендацией. Лидеры ревнителей — Стефан Вонифатьев, Неронов (который вскоре был назначен архиереем собора Казанской Богоматери в Моск-

ве) и Никон (в то время выбранный митрополитом Новгородским) — отказались подписать решения Собора.[306]

Царь, возможно, по совету патриарха Иерусалимского Паисия, которому случилось оказаться в Москве в то время, посоветовался с патриархом Константинопольским Парфением II по вопросу о единогласии и по некоторым другим вопросам церковного ритуала. Парфений одобрил единогласное пение. В Москве было созвано новое заседание Собора, и на сей раз Собор повелел ввести единогласие в монастырях, а также и в приходских церквах. Никон предписал это сразу же для своей епархии. Но прошло много времени, прежде чем реформа распространилась на всю Россию.

Дух религиозного возрождения, проводимого кругом Вонифатьева, отразился также в серии канонизации русских святых (1649-1652 гг.). Среди них была княгиня Анна, вдова князя Михаила Тверского, которого пытали и казнили монголы в 1319 г. Анна умерла в Кашине двадцатью годами позже и была похоронена там же. Согласно легенде, которая возникла в период Смутного времени, она спасла город Кашин от набега поляков своими молитвами с небес. Еще одним новым святым стал Савва (умер в 1406 г.), ученик Св. Сергия, основавший монастырь близ Звенигорода.

Еще более знаменательными были канонизации некоторых иерархов русской церкви XVI и начала XVII веков: митрополита Филиппа, задушенного по приказу Ивана Грозного; патриарха Иова, свергнутого и заключенного в тюрьму Лжедмитрием I; патриарха Гермогена, заморенного голодом до смерти поляками с молчаливого согласия пропольского боярского правительства в 1612 г.

Все эти трое были замучены царями — подлинным царем Иваном Грозным; лжецарем; и пособниками царя-избранника Владислава. Канонизируя их, ревнители хотели продемонстрировать русскому народу святость церкви и греховность тех светских правителей — царей и бояр — которые осмелились святотатственно покуситься на церковных иерархов и тем самым нарушили Божьи законы.

Этот вопрос был важным не только в силу исторического сознания ревнителей, но также из-за их концепции христианского государства, в котором светские правители должны были помогать церкви, а не владычествовать над ней.

С этой точки зрения, ревнители возражали против тех пунктов в своде законов 1649 г., которые ставили духовенство под юрисдикцию

светских судов и управление церковными землями — под правительственный контроль. Свод законов был одобрен Земским Собором и обнародован по приказу царя Алексея. Несмотря на тот факт, что некоторые из них подписали свод, ревнители считали царя и бояр, особенно председателя комиссии по составлению свода, боярина князя Никиту Ивановича Одоевского, ответственными за нарушение прав церкви.

Они хотели преподать царю и боярам урок хорошего поведения. Канонизация священников-мучеников представлялась подходящим случаем для этого. Никон, который был архимандритом Новоспасского монастыря во время обнародования "Уложения", а вскоре был рукоположен в митрополиты Новгородские, особенно настойчиво стремился к тому, чтобы вложить в царское сознание должное почитание святости церкви.

В январе 1652 г. именно он сопровождал царя и патриарха во время торжественной службы по поводу эксгумации мощей Святого Саввы Звенигородского.[307]

Затем Никон был послан по совместному приказу патриарха и царя в Соловецкий монастырь. Ему было доверено перевезти мощи митрополита Филиппа назад в Москву. По этому случаю царь Алексей написал трогательное письмо, адресованное Филиппу, как если бы он был жив:[308]

"Я умоляю тебя вернуться сюда [в Москву], чтобы отпустить грехи моего великого деда, царя Ивана, которые он совершил, не будучи в уме, в припадке гнева и ярости... Я склоняю перед тобой мое царское величие от имени моего великого деда, который грешил против тебя, в надежде, что ты простишь ему его проступок... Да, это я, царь Алексей, который жаждет увидеть тебя и простереться перед твоими святыми мощами."

Никон уехал из Москвы в Соловки в сопровождении впечатляющей свиты церковных иерархов, бояр, придворных, офицеров и стрельцов. Во время этого путешествия 15 апреля 1652 г. умер больной патриарх Иосиф. Когда Никон вернулся в Москву с мощами Филиппа, он 9 июля сам руководил торжественными церемониями, посвященными возвращению мощей.

В тот же самый период (1648-1652 гг.) ревнители предприняли решительную действия против скоморошьих представлений и всех народных увеселений, имевших языческую традицию. Царь поддер-

живал рекомендации церкви, выпуская для провинциальных воевод указы в том же духе.[309]

Эти указания приказывали им запрещать "дьявольские" песни, обряды и шествия, особенно по воскресеньям и праздникам, а также во время бракосочетаний, и отправлять своих доверенных лиц, чтобы те ломали и сжигали все скоморошьи музыкальные инструменты, такие, как домра, зурна, скрипки, дудки и гусли. И действительно, множество таких инструментов было уничтожено во многих местностях. Группы музыкантов и актеров были разогнаны, и древнерусскому музыкальному и драматическому искусству был нанесен непоправимый урон. После этого сохранились лишь вырождающиеся остатки этой культуры среди крестьянского населения, главным образом на севере Руси.

Царь Алексей подал пример скромного христианского свадебного празднества. Когда он женился на Марии Милославской в 1648 г., не было никаких увеселений старинного характера, и единственной музыкой были религиозное пение.[310]

Наряду с уничтожением остатков языческих обрядов, ревнители организовали систему мероприятий, направленных на искоренение пьянства. Духовенство, склонное к употреблению спиртного, приговаривалось к суровому наказанию. Пьянство среди мирян также должно было быть наказуемым, но эти меры не могли быть эффективными, поскольку тогда действовала система кабаков, введенная во времена царствования Ивана Грозного.

Кабаками управляли либо непосредственно государственная монополия, либо частные лица, имеющие определенные привилегии. Держатель кабака, будь он государственным служащим или откупщик, обязан был собрать для государственной казны по крайней мере такое же количество денег, как и в предыдущем году, даже если бы ему пришлось платить из своего кармана, иначе ему предстояло понести наказание в виде сурового штрафа, телесного наказания или тюремного заключения. При таких обстоятельствах держатели кабаков делали все возможное, чтобы продать покупателям как можно больше водки. Продавая водку в кредит, они назначали большие проценты.

Стефан Вонифатьев и Никон (тогда еще митрополит Новгородский) решили вырубить это зло под корень, изменив всю систему. Согласно их плану, кабаки должно было закрыть и заменить государственными лавками (одной в каждой местности). Спиртные напитки не дол-

жны были продаваться в разлив. Держатели лавок не должны быть наказуемы за какое-либо понижение доходов. Новая система была введена как эксперимент в 1651 г. в Москве и Новгороде.[311]

III

Характерным для программы ревнителей было их противостояние наплыву иностранцев в Московию, а также распространение западного религиозного влияния и западного образа жизни. Еще в годы, предшествовавшие Смоленской войне, Неронов возмущался появлению толп западных офицеров и солдат, нанятых правительством для усиления московской армии.

Большинство из них, включая полковника Лесли, уехали после войны. Однако довольно много западных инженеров разного рода оставалось в Московии, где они работали в оружейных мастерских, в царском дворце(врачи и ювелиры) и в посольском приказе (переводчики). Западные купцы также были деятельны в России. Этим иностранцам разрешалось покупать дома в Москве и ее окрестностях, а также и в провинциальных городах. Римским католикам запрещалось строить церкви, но в пригородах Москвы была лютеранская и две кальвинистские церкви.

Западное влияние пустило корни при дворе царя Михаила после смерти патриарха Филарета. Преемники Филарета, патриархи Иоасаф I и Иосиф, с подозрением относились к Западу, как и Филарет, но они не обладали таким влиянием и престижем, как у него. Тем не менее, Иосифу удалось помешать браку царевны Ирины Михайловны с датским герцогом Вольдемаром, когда тот отказался принять православие.

Тогда в конце 1640-х гг., особенно после того, как вспыхнула украинская война против поляков в 1648 г., напряженность и возможность войны с Польшей стали угрозой для московского правительства. В результате этого потребовалось принять меры по усилению московской армии, включая и необходимость снова нанимать западных офицеров, солдат и оружейных мастеров. Новый наплыв иностранцев сильно расстраивал антизападников в Московии, а ревнителей в особенности.

У московских купцов были свои особые причины для возражений против ведения западными людьми розничной торговли. Затем английская революция 1649 г. обострила и придала дополнительную

убедительность требованиям московских купцов изгнать английских розничных торговцев из Московии. Будучи монархистами, царь Алексей и его правительство были шокированы казнью Карла I и порвали дипломатические отношения с Англией.

В 1649 г. английским купцам было запрещено вести розничную торговлю в Московии. Официальная причина заключалась в том, что они продавали табак вопреки московским законам. Ревнители считали курение табака смертиым грехом.[312]

Для того, чтобы понять причину негодования московитов по отношению к жившим в России иностранцам, следует сказать, что последние были небезупречны в их надменном отношении к коренному населению, которое они полностью презирали.

Когда полковник Александр Лесли возвратился в Московию и снова был нанят правительством в 1647 г., он получил земельный надел в районе Волги. Вскоре русские крестьяне на землях Лесли и русские слуги, работавшие у него по дому, стали жаловаться местным властям на жестокость их нового господина, и в особенности — его жены, так же как и на их оскорбительное отношение к православной религии.

В одной из жалоб утверждалось, что госпожа Лесли заставляла своих слуг есть собачье мясо, и это — во время Великого поста. Сообщалось также, что она швырнула икону в огонь, и что полковник и его гость лейтенант Томсон развлекались стрельбой по кресту на куполе местной церкви. Супруги Лесли были посажены в острог.[313]

Будучи серьезно озабочено этим и подобными происшествиями, правительство выпустило указ, подкрепляющий старое правило, игнорировавшееся на протяжении долгого времени, которое запрещало некрещеным (неправославным) иностранцам нанимать русских слуг. Русским, в свою очередь, запрещалось поступать на службу к некрещеным хозяевам. Более того, некрещеных иностранцев должны были лишать их земельных угодий.[314]

Эти приказы напугали немцев — так в Московии называли людей с Запада вообще. Они упрекали Стефана Вонифатьева за введение этих ограничений. Вскоре он стал человеком, которого более всего ненавидели иностранцы. Такое затруднительное положение иностранцев в Москве ярко описано шведским торговым агентом в Москве Родесом в его донесениях королеве Кристине в марте 1652 г.[315]

При этих обстоятельствах многие иностранцы оставили царскую службу. Большинство, однако, приняло неизбежное и согласилось

принять новое крещение, стать греко-православными, а со временем — полноправными московскими гражданами. Среди них было двое французских деловых людей — братья Жан и Шарль де Грон. Для того, чтобы упростить обращение западных людей, де Гроны посоветовали московским властям не требовать, по крайней мере, от обращаемых осуждения их старой веры. Родес назвал этих двух французов "вероломными интриганами".[316]

IV

Хотя московские ревнители отстаивали жесткие меры против западных людей, живших в Москве, если те противились обращению в греко-православную веру, отношение первых к русскому западу — Киеву — смягчилось в сравнении с тем, что было у патриарха Филарета.

Постепенно ревнители убедились в ценности киевской науки и образования для издания и публикации церковных книг, а также и для снабжения московских ученых лучшими аргументами в защите православной веры от протестантизма и католичества. Ревнители, однако, не принимали слепо все выводы западнорусских ученых и во многих случаях пользовались своими собственными мнениями в корректировке церковных учебников.

В 1640-е гг. единственным членом редакционной коллегии московского печатного двора из круга Дионисия был Иван Наседка. Он передал традиции Дионисия своим сотрудникам более молодого поколения — монаху Савватию, архиерею Михаилу Рогову, и мирянам Мартемьянову и Захарию Афанасьеву. Эти пятеро отвечали за издание в печатном дворе новых публикаций в течении последних пяти лет патриаршества Иоасафа I и на всем протяжении патриаршества Иосифа.[317]

В 1654 г. печатный двор переехал в роскошные новые здания. Книгопечатание достигло очень высокого, для своего времени, уровня. Каждый опубликованный том представлял собой настоящее произведение искусства. Вдобавок к литургическим книгам, печатались жития святых и некоторые труды отцов церкви. Среди последних, в 1646 г. были изданы "Наставления" — (Parainesis) Ефрема Сирина — первая публикация этого труда на славянском языке. В приложении к этому изданию было включено несколько эсхаторических текстов, в которых шла речь о "конце света" и грядущем приходе Антихриста. Целью этого раздела книги было углубить религиозные чувства и

возбудить духовный пыл у верующих. Подобные темы были характерны для религиозного сознания ревнителей. Они считали необходимым, чтобы верующие ознакомились с этими темами.

Глава об Антихристе была включена также в компендиум православия, содержавший полемику против латинян, униатов, протестантов и евреев. "Книга о вере" (таково название этого труда) была составлена киевским монахом Нафанаилом. Случилось так, что она была опубликована 8 мая 1648 г., незадолго до великих московских бунтов.

Во время общественных и политических бурь мысли многих людей обратились к религии, и "Книга о вере" оказалась более чем необходима в тот период. Было отпечатано 1200 экземпляров. Из них 118 было распродано в первый же день торговли. К концу августа количество проданных книг достигло 850.[318]

Событием грандиозной важности явилось издание сборников церковных канонов и выборки византийских гражданских законов в "Кормчей книге". Это был перевод на церковнославянский язык текста византийского "Nomocanon". Его славянские рукописные переводы ходили по Руси начиная с XIII века. Одна из таких рукописей (так называемая рязанская) была взята издателями за основу для публикации. Для своего издания они детально сличили ряд рукописей и некоторым образом перестроили их содержание.

Книга поступила в набор в ноябре 1649 г.; печатание ее было завершено к 1 июля 1650 г. Это было первое издание "Nomocanon" на иностранном языке. Когда Никон стал патриархом, он включил в текст несколько дополнительных пунктов, целью большинства из которых было повысить роль церкви в Московии. Второе издание появилось в мае 1653 г. Первое издание было подготовлено столь тщательно, что "Кормчая книга" сохраняла свое влияние в течение очень долгого времени. Она переиздавалась много раз вплоть до XVII и XIX веков лишь с небольшими поправками.[319]

Одновременно с работой над "Кормчей книгой" печатный двор выпустил по приказу правительства свод законов 1649 г. Было отпечатано две тысячи экземпляров. Таким образом, примерно в одно и то же время была завершена важная кодификация как церковных канонов, так и государственных и гражданских законов. Однако существовали некоторые расхождения между "Кормчей книгой" и сводом законов в толкованин характера власти государственной администрации и судов над церковными земельными угодьями и духо-

венством. С точки зрения фанатиков, и особенно архимандр
зднее митрополита, а затем патриарха) Никона, некоторые
ния свода законов представляли собой нарушение прав ц
стороны государственной администрации.

В области науки и образования наиболее важным дело
ного двора в тот период была публикация "Славянской гр
ки", составленной монахом Мелетием Смотрицким, талан
украинским ученым, который написал этот трактат по гра
в 1618 г., а затем несколько раз, в 1620-х и 1630-х гг., пере
его в Западной Руси.[320]

Мелетий (умер в 1633 г.) первоначально был греко-правос
но позднее, под влиянием иезуитов, присоединился к униатс
кви. От издателей московского печатного двора требовалась
смелость, чтобы напечатать книгу отступника, даже если ее
не был религиозным, а написана она была, когда автор еще
вославным. Она стала образцовым учебником в России до
ния в 1755 г. "Русской грамматики" Михаила Ломоносова.

Московские издатели написали замечательное предисловие
ду Мелетия, которое, учитывая условия духовного пробуж
московской среде того периода, представляло собой смелую
ценности науки.

В этом предисловии издатели утверждали, что отцы церкви
время, высоко чтили знание грамматики, философии, ритори
рономии и других наук, поскольку они понимали важность
для лучшего уяснения писания и христианской этики. Разу
говорили издатели, некоторые благочестивые православные
ане (в Московии) считали "посторонние науки" опасными
той веры, но их позиция в корне неверна. Их оппозиция, фа
ки, относилась к тем псевдоученым, которые злоупотребляли
ми знаниями и которые, в тщеславной своей гордыне, претен
на то, чтобы объяснить тайны неба с помощью их псевдонауч
рая в действительности была невежеством.

"Мы, однако, — заявляли издатели, — проводим различие
тем, что хорошо, и тем, что плохо (в научных исследования
принимаем то, что благотворно для жизни и веры, и мы выс
ним образование. И, конечно, было бы гнусно и непростительно
бы кто-либо хвастался своим невежеством... Грамматика —
всех наук".[321]

В этом предисловии, как справедливо комментирует Пьер Паскаль, издатели московского печатного двора раскрывают свой план интеллектуализации религии с помощью западнорусских научных трудов. Они смело решаются подписаться в поддержку "постороннего" знания.[322]

Через человека, которого они признавали своим лидером, — церковного исповедника Стефана Вонифатьева — ревнители могли быть уверенны в благосклонном отношении царя Алексея к их планам и их работе над реформой, а также к признанию ими ценности киевской науки.

Еще одним влиятельным лицом — сторонником отношений с западнорусскими учеными, а также и с греками — был молодой энтузиаст религиозного обучения и образования, стряпчий Федор Михайлович Ртищев, отпрыск благородной семьи, известной своей набожностью и благотворительностью. Благодаря своим придворным обязанностям, Ртищев ежедневно встречался с молодым и впечатлительным в ту пору царем Алексеем Михайловичем, и царь любил обсуждать с ним различные вопросы религии и образования. Вскоре Ртищев убедил царя в необходимости открыть в Москве при помощи киевских ученых учебный центр. Он взял на себя организацию такого центра, и с этой целью восстановил на свои собственные средства старый монастырь, расположенный менее чем в двух милях от столицы на киевской дороге у церкви Св. Андрея.

За образец Ртищев взял монастыри киевского братства. В начале пригласили двух учителей из Киева. Тридцати молодым москвичам были предложены комната и полный пансион. К монастырю прилегал приют для паломников и нищих. Сам Ртищев посещал некоторые занятия, а также интересовался возможностями вести беседы с греческими учеными.

Хотя ревнители ценили киевскую ученость, они использовали ее методы с определенными ограничениями и предосторожностями. Они стремились внести свои собственные суждения в церковные книги. У них не было намерения поскорее заменить традиционные особенности московских религиозных текстов и деталей церковного обряда полным внедрением форм западнорусских и греческих (пост-византийских) церковных служб и ритуалов.

Ртищев был значительно более восторжен в его оценке западнорусской церкви и учености, нежели ревнители. Поэтому он выражал

готовность быстро осуществлять необходимые изменения в западнорусском и греческом духе, а некоторые другие советники царя хотели двигаться по этому пути еще быстрее.

К 1648 г. эти религиозные проблемы приобрели актуальное политическое значение в связи с украинской войной. Многим государственным деятелям в Москве было ясно, что украинцы не обладают достаточной силой, чтобы обеспечить себе независимость от Польши и что в скором времени Москва должна будет помочь им и принять под царский протекторат. Приспособление московского церковного обряда под западнорусский представлялось насущным для установления более тесных отношений с киевским духовенством и для устранения возможных трений между двумя ветвями греко-православной церкви и двумя народами — великорусским и малороссским (украинским).

Западнорусская православная церковь представляла собой епархию (митрополит) Константинопольского патриаршества с престолом митрополита в Киеве. Это предполагало близкие церковные отношения между Киевом и Константинополем. Польское правительство всегда относилось к греческим иерархам, которые время от времени посещали Киев, с большим подозрением. Но в связи с военными успехами 1648 г. запорожских казаков под руководством Богдана Хмельницкого, поляки потеряли контроль над Киевом.

Греческие церковные иерархи воспользовались этим случаем, чтобы установить более тесные связи с киевским духовенством, а также и с лидерами нарождающегося казацкого государства. Когда Богдан Хмельницкий триумфально вошел в Киев накануне Рождества 1648 г., его приветствовал там не только митрополит Киевский Сильвестр, но и патриарх Иерусалимский Паисий и другие греческие церковные иерархи.

Греками двигали не только религиозные соображения, но также и политические и финансовые проекты. Они рассчитывали на денежную помощь от казаков и царя для поддержки православной церкви в Турции, для защиты ее прав от турецкого вмешательства и для осуществления своей конечной мечты — свержения турецкого ига.

Эти мольбы о помощи от православных христиан с Ближнего Востока и Балкан, обращенные к единственному в то время независимому православному правителю в мире, нашли свой отклик. Как царь Алексей Михайлович, так и некоторые из его советников под-

держали идею расширения поддержки своих единоверцев, чья помощь могла бы со временем оказаться полезной России в ее борьбе против турок и крымских татар. С конца XV века Грузия умоляла царя о защите от турок и персов; после того, как казаки захватили Киев, можно было думать об установлении связей с Молдавией. И на будущее вырисовывалась возможная перспектива распространения влияния Москвы на весь Ближний Восток.

В качестве политического плана такая мечта была совершенно нереалистичной. Совершенно очевидно, что Москва находилась не в том состоянии, чтобы предпринять подобные действия против Турции. А на Украине некоторые казацкие лидеры вынуждены были утвердиться в мысли о том, чтобы со временем искать у султана поддержки против Польши, а при определенном повороте событий даже против Москвы.

В области религиозных и церковных дел, однако, установление более тесных связей между Москвой и всеми другими православными церквами и расширение им финансовой помощи явились как выполнимыми, так и желаемыми с точки зрения церковного единства православия. Царь Алексей Михайлович, поддерживаемый целым рядом своих советников, стремился воплотить в жизнь подобные планы.

Такая политика, все значение которой не осмысливалось сначала теми, кто ее проводил, находилась в противоречии с традиционными планами на будущее московской церкви. Она являла собой крутой поворот от устойчивой национальной исключительности русской церкви и вела к росту экуменических представлений (экуменических — в рамках православного мира). Более того, проводниками этого плана не было в достаточной мере учтено, что к тому времени греческая церковь была пропитана идеями ее собственной эллинской исключительности.

После в Киеве во время святок с Богданом Хмельницким патриарх Паисий продолжил свой путь в Москву, куда он приехал 27 января 1649 г. В его свите был греческий ученый Арсений, который предложил свои услуги в корректировке и издании церковных книг. Поскольку Арсений в то время не знал ни славянского ни русского, его назначили учителем греческого и латыни в Чудов монастырь в Кремле.

В своем приветствии, когда его принимал царь Алексей Михайлович, патриарх Паисий следующим образом изложил свои надежды: *"Пусть святая Троица даст тебе возможность занять высокий*

трон царя Константина и освободить благочестивый христианский народ от неверных зверей. Да станешь ты новым Моисеем, да спасешь нас от плена знамением святого животворящего креста".[323]

У Паисия было несколько бесед касательно церковных дел со Стефаном Вонифатьевым и архимандритом Никоном (будущим патриархом). В этих переговорах он подвергнул критике определенные обычаи в московском церковном ритуале и церковных уставах, например, крестное знамение двумя пальцами (двоеперстие). Паисий назвал этот обычай (как и некоторые другие) нововведением и отступлением от греческого образца. Паисий был неправ, поскольку некоторые из них (включая и двоеперстие), хотя и отличались от поствизантийского греческого ритуала, имели свои корни в довизантийских и византийских традициях.

Его доказательства, однако, произвели очень сильное впечатление на царя Алексея и, как это стало ясно через три года, на Никона. За желанием утвердить единство обряда с греками лежали приготовления к будущему осуществлению политических мечтаний, так же как и экуменических, религиозных соображений.

Однако Стефан Вонифатьев и другие ревнители не желали принимать рекомендации Паисия без тщательного изучения. Решено было послать компетентного русского ученого на Балканы и Ближний Восток для бесед с греческими прелатами, для изучения характера проведения служб в греческих церквах, для сбора древних и новых греческих рукописей и приобретения современных отпечатанных изданий греческих церковных книг. Они печатались в Венеции и других европейских городах, поскольку турки не позволяли грекам открывать книгопечатные дворы в Константинополе.

Эта миссия была доверена монаху Арсению из Троицкого монастыря. Он знал греческий язык и служил некоторое время переводчиком в московском посольском приказе. Когда в июня 1649 г. патриарх Паисий направился в Яссы, Арсений поехал с ним. Он провел в Яссах более года, во время которого один раз возвращался в Москву с коротким визитом, чтобы сделать предварительный доклад о своей миссии. Он вернулся в Москву в 1650 г. В феврале 1651 г. Арсения направили снова, теперь уже в долгосрочную поездку на Ближний Восток. Сначала он поехал в Яссы, затем в Константинополь, Египет и Палестину. Из Палестины он отправился в Сирию и Грузию. В июне 1653 г. он возвратился в Москву с большим и чрезвычайно ценным

собранием греческих рукописей, которые он отдал на хранение в библиотеку московского печатного двора, а также с целым рядом современных греческих книг, отпечатанных в Венеции.[324]

Основные дебаты Арсения с греческими прелатами имели место в Яссах между апрелем и июнем 1650 г. В определенном смысле, они подтвердили разрыв между греческой и русской традициями. Арсений возражал против настойчивых утверждений греков, что их церковный ритуал и церковные книги представляют собой единственный верный образец православия.

Характерное проявление греческой непримиримости произошло на горе Афон незадолго до дебатов в Яссах. Греческий архиепископ получил сведения, что у сербского монаха есть славянские церковные книги, опубликованные московским печатным двором, и что эти книги содержат множественные расхождения с греческой религиозной практикой. Греки изъяли эти книги (среди них была и "Книга о вере") и сожгли их публично. После этого владелец книг был изгнан из монастыря горы Афон. Он встретил Арсения и поведал ему эту историю.[325]

Когда Арсений представил этот факт вниманию участников дебатов, они не смогли его отрицать. Патриарх Паисий мог только осудить действия своих соотечественников пост фактум.

В качестве ответного удара Арсений заявил, что не следует доверять греческим книгам, напечатанным в Венеции, поскольку их текст, в некоторых случаях, был изменен под влиянием римско-католической церкви. Он показал грекам одну из приобретенных им венецианских книг, в которой Символ веры появился в римско-католической интерпретации (с добавлением пункта "Filiogue").

Арсений настаивал, что сама русская церковь основана на старых традициях. Перед внесением каких-то изменений в ритуал и в церковные книги, утверждал он, необходимо задаться вопросом, основано ли это изменение на канонах и духе христианства. "Христос есть источник веры". Говоря словами А.В. Карташева, "Арсений справедливо проводит здесь четкое разграничение между идеей канонов и случайными аспектами исторических фактов".[326]

В сознании московских ревнителей результаты миссии Арсения подтвердили мудрость их плана с осторожностью проводить ревизию церковных книг и ритуалов. Главной целью ревнителей было поднять духовный и интеллектуальный уровень русского христиан-

ства и упрочить мораль как духовенства, так и всего русского народа без того, чтобы основы "Святой Руси" были поколеблены.

Глава 4

УКРАИНСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА И ОБЪЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С МОСКВОЙ, 1648-1654ГГ.

1.Украина в1640-х гг.

I

Польша, после подавление казацких восстаний 1637 и 1638 гг., получила десятилетний период спокойствия. Поляки, казалось бы, полностью подчинили себе украинских казаков.

Польша процветала. Украинские земли, особенно те, что на левом берегу Днепра, Северская земля и Полтава, где быстро разрастались земельные владения польских и преданных Польше украинских магнатов, стали хлебными закромами Речи Посполитой. Выход к Балтике позволил расширить торговлю украинской пшеницей и скотом, а также белорусской древесиной, дегтем и поташем. Это привело к росту городов, таких как Варшава, Вильно, Львов, Каменец и Киев. Это десятилетие часто называли эпохой "золотого мира". Процветание, однако, было построено на шатком фундаменте, поскольку польское правление украинским народом сталкивалось с конфликтами и противоречиями самыми разнообразными — политическими, национальными, экономическими, социальными и религиозными.

Анализируя польскую политику по отношению к Украине и отношение украинцев к польскому правлению, в первую очередь следует рассмотреть различия в статусе разных слоев украинско-

го общества. К 1640 г. почти не осталось украинских магнатов, поскольку практически все украинские аристократические семьи были обращены в римско-католическую веру. Выдающийся поборник греко-православия в Западной Руси, князь Константин Константинович Острожский умер, в 1608 г. Его потомки стали католиками. Князь Иеремия Вишневецкий принял католицизм в 1632 г. Среди немногих греко-православных вельмож, имевших, по крайней мере, какой-то политическнй вес, более всего известен Адам Кисель. Но, хотя он и был русским, Кисель чувствовал себя поляком политически.

Чрезвычайно много представителей мелкого украинского дворянства (шляхты) оставались греко-православными по вере, но русскими по духу, хотя и были верны польскому королю и были готовы служить Польше верой и правдой. Помимо того, на Украине существовало большое количество мелкопоместных землевладельцев, у которых не было официального статуса шляхты, но которые мало отличались от нее экономически и социально. Именно из этих двух групп польское правительство обычно набирало себе офицеров и рядовых в число *реестровых* (зарегистрированных) казаков.

Запорожские казаки, организованные вокруг своей Сечи, иногда принимали в свои ряды представителей русско-украинского дворянства, но большинство составляли простые люди, изредка горожане, но большей частью — крестьяне, бежавшие с земельных угодий магнатов.

Таким образом, казаки представляли собой связующее звено как между дворянством и горожанами, так и между дворянством и крестьянами. Большая часть украинского народа в то время являлась крестьянами, чье положение как на Украине, так и в Белоруссии было равнозначно рабству.

Что касается религии, то компромисс 1632 г. сильно упрочил статус греко-православной церкви в Западной России. Хотя православные фактически и не получили всех оговоренных в условиях прав и привилегий, которые им были обещаны, русские священнослужители были удовлетворены своим положением. Мелкое духовенство, однако, чей социальный уровень был ближе к крестьянству, подвергалось притеснениям и оскорблениям со стороны польских магнатов и чиновников, и вполне можно было ожидать, что оно примет сторону казаков и крестьян при любых грядущих волнениях.

Действительно, ситуация для подобных волнений на Украине созрела. Неудовлетворенность росла как среди крестьян, так и среди казаков. Взгляд на обстоятельства жизни крестьян обнажает странную, как это может показаться на первый взгляд, ситуацию: барщина была легче на недавно завоеванных приграничных землях, чем в северных районах Украины и Белоруссии.[1] Тогда почему эти крестьяне с левого берега и пограничных районов правого берега Днепра в большей степени склонялись к мятежу, нежели остальные, чье положение было значительно более тяжелым? Причины были, главным образом, чисто психологическими. Новые поселенцы в большинстве случаев были людьми более энергичными и инициативными, нежели те, кто жил там постоянно. Помимо того, сама среда в приграничных землях была иной из-за присутствия свободных людей — казаков. Любая попытка со стороны владельцев поместий отяготить своих крестьян, вызывала большее возмущение именно у новых поселенцев, нежели в тех районах, где зависимость существовала на протяжении долгого времени. Более того, в новых землях, на границе степной зоны, обиженному крестьянину было сравнительно легче бежать от своего господина и присоединиться к казакам "за [днепровскими] порогами". Крестьяне с левого берега могли бежать даже к донским казакам.

После подавления восстания 1638 г. несколько подразделений польских солдат расположили в украинских землях в целях предосторожности против возможных беспорядков. Поведение этих солдат раздражало население так же, как и притеснения господ. Всегда нуждающиеся в деньгах из-за расточительного образа жизни, землевладельцы часто давали на откуп источники дохода со своих земель и различные сооружения на их землях, такие как водяные мельницы, винокурни, кабаки и речные паромы, евреям, которые в Польше и Литве традиционно оказывали финансовую поддержку королям и вельможам и давно стали необходимыми из-за их деловой предприимчивости. В результате этого, для многих украинских крестьян евреи стали отождествляться с деспотическим польским режимом.[2] Когда разразился революционный взрыв, евреи оказались между двумя противоборствующими силами (украинцами и поляками), их судьба оказалась трагична.

Недовольные тем, что под их властью находятся только крестьяне, магнаты после 1638 г. попытались обратить в крестьян "ис-

ключенных из реестра" казаков (*выпищики*). Сами реестровые казаки были подчинены строгой дисциплине и подвержены притеснениям со стороны как польских, так и своих собственных офицеров (*старшин*).

Несмотря на всё это, основание польского правления представлялось достаточно прочным. Однако, подспудное народное недовольство проявлялось в целом ряде крестьянских бунтов как в Западной, так и в Восточной Украине в 1639 г. и в последующие годы.[3] Это пока еще не были симптомы глубинного возмущения на Украине. Таким бунтам не удалось вылиться в общее волнение только из-за отсутствия взаимодействия между крестьянами в различных местностях, а также между казаками и крестьянами.

В 1646 г. повод для общего волнения, хотя и неумышленно, дал казакам король Польши. Владислав IV был человеком честолюбивым и его раздражало правление сейма. Он искал подходящего случая возвысить свои королевские полномочия и поднять уважение к короне.

Любовно лелеянным проектом Владислава была война против Турции. В этих планах его поддерживал канцлер Ежи Оссолинский, назначенный в 1643 г. В 1645 г. под давлением со стороны турок Венеция обратилась с просьбой о помощи к некоторым европейским странам, включая и Польшу. Не сообщая сейму о своих планах, Владислав согласился оказать Венеции поддержку в войне против турок, но потребовал солидных субсидий. Он намеревался использовать эти деньги для того, чтобы усилить польскую регулярную армию и мобилизовать казаков. В своих военных планах он намеревался сначала напасть на вассалов турецкого султана — крымских татар.

У Владислава было высокое мнение о казаках, как о боевой силе. Они оказывали ему поддержку, еще когда он, будучи кронпринцем, вел войну против Москвы в 1617-1618 гг. и еще раз в при взятии Смоленска в 1632-1634 гг. В апреле 1646 г. по приглашению короля четыре делегата от старшин реестровых казаков: три есаула — Иван Барабаш, Илья Караимович и Иван Нестеренко Бут — и чигиринский сотник Богдан Хмельницкий, — приехали в Варшаву и были совершенно секретно приняты королем и канцлером Оссолинским. Поскольку никаких протоколов их встречи не сохранилось, точное содержание этих переговоров неизвест-

но, однако из доступных источников можно предположить, что Владислав обещал увеличить число реестровых казаков с одной тысячи до значительно более крупной цифры (двенадцати, а может быть даже двадцати тысяч). Утверждалось, что король вручил Барабашу декрет подобного содержания, заверенный его собственной печатью (а не печатью государства).[4]

Тайные планы Владислава и Оссолинского вскоре стали известны магнатам и вызвали большое негодование. На заседании 1646 г. сейм наложил запрет на какое бы то ни было увеличение состава регулярной польской армии и стал угрожать Оссолинскому отстранением от должности. Владислав вынужден был отказаться от этой части своего проекта.

На следующем заседании (1647 г.) сейм обратил своё внимание на интерес Владислава к казакам и решил покончить с его военными приготовлениями раз и навсегда. Специально проголосовали, чтобы число реестровых казаков не могло быть увеличено без одобрения сейма. Из-за этих решений старшие офицеры реестровых казаков — Барабаш и Караимович — оставили попытки увеличить казачий реестр на сегодняшний день и решили держать всё дело в тайне. Однако для них оказалось невозможным остановить распространение слухов и сплетен среди рядового казачества, особенно потому, что их соратник по делегации к Владиславу, сотник Богдан Хмельницкий, не хотел упускать случая усилить казацкую армию.

2. Переворот ("Революция")

Переворот на Украине в середине XVII в., как и личность его вождя привлекали внимание многих поколений историков — русских, украинских, польских. Множество исследований, посвященных этим событиям, впечатляет и все еще продолжает расти.

Хотя основные факты переворота и последующих войн с Польшей прочно установлены исторической наукой, существует большое разнообразие точек зрения на факты и тенденций движения, а так же на оценку личности Богдана Хмельницкого и его исторической роли. Во многих случаях картина, описанная историком, зависит от его национальности — будь он русским, украинцем, поляком, немцем или евреев — и в большей или меньшей степени окрашена его собственными национальными чувствами или националистическими устремлениями. Наряду с этим присутству-

ют моменты модернизации политических мотивов у ведущих действующих лиц и интерпретации их образа действий в свете националистических деклараций и научно-политической философии конца XIX и XX вв.

В своем описании хода событий я постараюсь держаться как можно ближе к источникам и объяснять мысли и поступки людей середины XVII века в соответствии с их образом мышления и традициями, а не в соответствии с установками нашего времени.

Богдан (Зиновий) Хмельницкий родился около 1595 г. Его отец Михаил Хмельницкий был подстаростой Чигирина, и ему, в знак признания его заслуг на королевской службе, был дарован удел — Субботово. Богдан получил хорошее образование в иезуитском школе (во Львове или Ярославле на Украине). Там он изучил латынь и польский язык.

В 1620 г. отец и сын участвовали в неудачной войне Польши против турок. Михаил был убит в одном из сражений, а Богдан был взят в плен турками и провел в плену два года, прежде чем его матери удалось его выкупить. Когда он вернулся в Субботово, он мог бегло говорить по-турецки и по-татарски. Вскоре после этого он женился на дочери зажиточного казака Анне Сомко.

В 1630-х и 1640-х гг. Богдан Хмельницкий служил в войсках реестровых казаков. Когда, после победы поляков над казацким восстанием 1637 г., гетман Николай Потоцкий назначил новое командование реестровым казакам, Богдан получил должность секретаря казацкого войска (*войсковой писарь*). В декабре 1638 г. после очередного волнения, административное правление реестровых казаков было реорганизовано, он не был вновь назначен на свою прежнюю должность. Однако он был избран *сотником* (командиром сотни казаков). Принимал ли участие Хмельницкий в мятеже 1638 г. или нет, остается невыясненным. По всей видимости — принимал (и поэтому не был снова назначен на должность старшины), но не входил в круг опасных зачинщиков (поэтому ему было дозволено служить сотником).

Может показаться, что Хмельницкий был в согласии с теми казаками — как реестровыми, так и не входящими в реестр, — которые были сторонниками увеличения размеров казачьей армии и требовали больших прав для казаков в составе польского государства. Будучи осторожным политиком, Хмельницкий стремился

избежать каких-либо поспешных действий. Новые установления, введенные поляками в 1638 г., подчинили даже реестровых казаков жесткой дисциплине и строгому контролю со стороны польских властей. Но Хмельницкий умел ждать. Неудавшийся план короля Владислава использовать казаков для поддержки короны против сейма дал Хмельницкому возможность действовать. И он решил ее использовать.

Нежелание Хмельницкого поддерживать Барабаша и Караимовича в их примирительной политике, вызвало подозрения как у старших офицеров среди казацких старшин, так и у польских властей. Почувствовавшие это личные и политические враги Хмельницкого получили право безнаказанно оскорблять его. Так, польский субпрефект Чигирина, Д. Чаплинский, с молчаливого согласия его начальника префекта, совершил набег на владение Богдана Хмельницкого — Субботово, когда тот отсутствовал. Родственник Чаплинского, который участвовал в набеге, приказал выпороть младшего сына Богдана, и мальчик умер. Чаплинский похитил Елену, женщину, с которой Богдан жил после смерти своей первой жены, и вскоре после похищения женился на ней. По всей видимости, у них был предварительный сговор.

Хмельницкий подал жалобу на Чаплинского в чигиринский суд, но не получил удовлетворения. Он отправился искать правосудия в Варшаву, но и там ничего не добился. Положение усугубилось тем, что его имение — Субботино — было конфисковано. Тогда Богдан обратился за помощью к королю Владиславу. Помимо его собственного дела, он хотел узнать, намеревается ли всё ещё король расширять казачье войско. Владислав принял на приватной аудиенции Хмельницкого и нескольких сопровождавших его казаков. Официальной записи их беседы не осталось.

Московский посланник в Польше Григорий Кунаков докладывал царю, что, согласно его сведениям, король Владислав сказал Хмельницкому, что вельможи делают что хотят, подрывая уважение к королю и уделяют ему мало внимания.[5] Согласно "Истории казацко-польской войны", написанной в 1678 г. польским историком Самуилом Гроздзским, Владислав сказал Хмельницкому, что он понимает тяжелое положение казаков, но бессилен изменить что-либо к лучшему в их судьбе. Затем, якобы, он добавил: "Настало время для вас [казаков] вспомнить, что вы воины и у вас есть сабли".[6]

Когда Хмельницкий вернулся из Варшавы, он схватили по приказу префекта Чигирина. Однако чигиринский полковник реестровых казаков Станислав Кричевский освободил его под свое поручительство. Кричевский, в тайне, симпатизировал планам Хмельницкого. С молчаливого согласия Кричевского Хмельницкий бежал в Сечь в конце декабря 1647 г. вместе со своими верными сторонниками. Запорожские казаки провозгласили его своим предводителем и сразу же стали строить укрепленный лагерь на острове Томаковка.[7]

В поисках союзников запорожцы направили посланников к донским казакам, прося их о поддержке. Запорожцы обратились также к украинскому народу, убеждая его подняться против угнетателей. Особенно стремился Хмельницкий получить военную помощь от крымского хана. Татары были прирожденными всадниками, и Хмельницкий нуждался в их помощи против польской кавалерии, в то время одной из самых лучших в Европе. В феврале 1648 г. Хмельницкий сам отправился в Крым для переговоров с ханом Ислам-Гиреем. Его сопровождали делегаты запорожской армии и его старший сын Тимофей. Хан согласился поддержать казаков и приказал мурзе Перекопа Тугай-Бею двигаться вперед с подразделением татарского войска. Богдан вынужден был оставить сына у хана в качестве заложника.

19 апреля рада запорожских казаков выбрала Хмельницкого гетманом своего войска. К этому времени поляки получили информацию о приготовлениях казаков и решили действовать быстро, чтобы подавить волнение прежде, чем оно распространится по всей территории Украины.

Королевский гетман Николай Потоцкий сделал своей ставкой Чигирин. Оттуда он решил сразу же послать часть своих войск в Кодак. Сам он намеревался, не торопясь, последовать за ними, во главе примерно шести тысяч человек. Войска авангарда были разделены на два подразделения. Одно, состоявшее из полутора тысяч польских солдат и половины реестровых казаков (около двух с половиной тысяч), находилось под совместным командованием сына Николая Потоцкого Стефана, и комиссара Шемберга и двигалось посуху. Второе составляли другая половина реестровых казаков (под командованием полковника Кричевского и есаулов Барабаша и Караимовича) и небольшое число немецких наемных

войск, находившихся на польской службе. Эта группа отправилась на кораблях вниз по Днепру. Когда они достигли места под названием Каменный Затон (немного выше Кодака), их встретили посланцы Хмельницкого. Кричевский присоединился к ним. Барабаш и Караимович отказались и были убиты. Все немцы были перерезаны. После этого реестровые казаки двинулись в глубь, чтобы поддержать Богдана Хмельницкого в битве против войск Стефана Потоцкого.

Как только группа реестровых казаков в лагере Потоцкого получила известия о мятеже у Каменного Затона, они также оставили поляков и присоединились к силам Хмельницкого, в состав которых уже входило около двух тысяч запорожских казаков, которых поддерживал Тугай-Бей с пятью сотнями татар. Усиленный реестровыми казаками, Хмельницкий обладал численным превосходством над поляками. Стефан Потоцкий отдал приказ об отступлении, но было уже слишком поздно. Его отряд был разбит казаками и татарами в ходе двухдневного боя при Желтых Водах 5 и 6 мая 1648 г. Сам Потоцкий в этом был смертельно ранен. Все его офицеры и солдаты были либо убиты, либо взяты в плен.

Гетман Николай Потоцкий с основным корпусом польской армии начал отступление, как только до него дошли сведения о мятеже реестровых казаков. 10 мая его армия приблизилась к Корсуни. Узнав о том, что городское население симпатизирует казакам, Потоцкий дозволил своим солдатам разграбить город, а затем приказал его сжечь. Потом он начал поспешно укреплять свой лагерь на берегу реки Рось, рядом с Корсунью. Однако, когда он получил сведения об уничтожении армии его сына и о начале крестьянской войны против поляков, Потоцкий решил отступить дальше на север. Вскоре на медленно двигающуюся польскую армию с разных сторон напали казаки и татары. Среди поляков началась паника. Некоторым из них удалось бежать; очень многие были убиты; остальные были пленены, включая и самого гетмана Потоцкого (16 мая).

Говорилось, что когда Потоцкого привели к Богдану Хмельницкому, он надменно спросил того, кто захватил его в плен: "Холоп! Чем ты будешь платить татарам?". "Тобой и тебе подобными", — ответил Хмельницкий. И конечно же, Потоцкий и высшие офицеры польской армии были переданы татарам, которые отвезли их в Крым и держали там ради выкупа.

Среди польских солдат, взятых в плен, был украинский аристократ греко-православной веры Иван Выговский, который выразил готовность перейти на сторону казаков. Поскольку тот был образованным и наделенным большими способностями человеком, Хмельницкий взял его в свою свиту личным секретарем. Позднее Выговскому суждено было стать секретарем всего запорожского войска, а со временем — преемником Хмельницкого на посту гетмана.

Положение поляков еще более осложнилось, когда, за несколько дней до битвы при Корсуни, умер король Владислав IV. Польша осталась без короля и без регулярной армии. Согласно статье польской конституции, примас римско-католической церкви в Польше становился регентом и созывал сейм для избрания нового короля. Фактически же управление на некоторое время оказалось в руках канцлера Оссолинского. Была мобилизована королевская гвардия, и местные собрания шляхты (*сеймики*) немедленно проголосовали за выделение кредитов для вербовки сильной армии. Были направлены посланники в Турцию, чтобы убедить султана запретить своему вассалу крымскому хану, поддерживать казаков, и в Москву, чтобы просить царя об объявлении войны Крыму. Воеводу Браслава Адама Киселя направили к Хмельницкому для переговоров о перемирии.

К тому времени Хмельницкий добрался до Белой Церкви (в верховьях реки Рось), остановил свое наступление и организовал там свою ставку. Хотя его победа и представлялась полной, он оказался лицом к лицу с трудной задачей объединения и усиления казацкой армии, а также организации казацкого правления на Украине. Ему нужно было также обуздать своих татарских союзников, которые рассеялись по всей Киевской земле в поисках добычи и грабили не только польских помещиков, но и украинских крестьян.

Существовала еще одна важная причина для готовности Хмельницкого идти на переговоры с поляками. Хотя он стремился к тому, чтобы заменить польское правление на Украине казацким, он не хотел разрывать все связи с Польшей. Его восстание было направлено против оскорблений со стороны польских магнатов, а не против короля. Наоборот, на основании его тайных переговоров с Владиславом IV в 1647 г., Хмельницкий верил в возможность соглашения между казаками и королем. Король Владислав умер, но

должен был быть избран новый король, и Хмельницкий склонялся к тому, чтобы ждать результатов в надежде, что новый король будет благожелательно относиться к казакам.

Тем временем вся Украина находилась в агонии гражданской войны. Победа Хмельницкого при Корсуни послужила сигналом для всеобщего восстания крестьян и горожан по всей стране. Крестьяне нападали на усадьбы магнатов и шляхты и убивали владельцев и их слуг. Когда поляки и евреи искали убежища в городах, крестьяне и горожане при поддержке казаков уничтожали их и там.[8]

Из ужаса и хаоса восстания постепенно складывался новый порядок — демократическая организация казацкого типа. Украинский летописец этих событий, известный под псевдонимом "Самовидец"[9], пишет, что как простые люди на Украине узнали о поражении Потоцкого, "они немедленно стали организовываться в полки — не только те люди, которые были раньше среди казаков, но также те, кто никогда не знал казацкого образа жизни".[10] Новые народные полки должны были поддерживать регулярные казацкие полки реестровых и сечевых казаков, которые составляли основу могущества Хмельницкого.

Переговоры о перемирии между поляками и Хмельницким проходили в атмосфере осторожности и недоверия. Для того, чтобы подготовиться к возможности новой войны с Польшей, Богдан Хмельницкий 8 июня 1648 г. написал письмо царю Алексею Михайловичу, чтобы сообщить о своих победах и о своем желании, как и о желании всей запорожской армии, признать царя своим защитником.[11] Царь не мог быть расположен к приемам, поскольку письмо пришло в самый разгар бунта московских горожан. Но оно было тщательно изучено в Посольском приказе и оставлено в делах для дальнейшего рассмотрения.

Тем временем Хмельницкий направил делегацию из Белой Церкви в Варшаву для ведения мирных переговоров, а затем отвел свои войска назад к Чигирину. Этим шагом он намеревался усилить позиции умеренных в польском сейме, во главе которых находился канцлер Оссолинский, который был склонен к тому, чтобы пойти на уступки казакам. Этой фракции противостояли магнаты, чьи владения располагались на украинских землях. Во главе этих непримиримых стоял князь Иеремия Вишневецкий. Не дожидаясь результатов совещаний сейма, Вишневецкий решил

действовать самостоятельно. Понимая невозможность защитить свои основные владения на левом берегу Днепра от восставшего народа, он собрал несколько тысяч последователей и единомышленников, которых он повел на запад через Днепр, сначала к Житомиру, а затем в Подолию, где он тоже владел обширными земельными угодьями. К этому времени большая часть Подолии уже находилась в руках казаков и крестьян.

Вишневецкий пытался сломить восстание с помощью чрезвычайной жестокости и террора. Он приказал, чтобы всех, кого брали в плен его войска, подвергали пытке, а лишь затем казнили. Сохранились в записи его собственные слова: "Пытайте их так, чтобы они почувствовали, что умирают!". В конце июля, однако, армия Вишневецкого была разбита казаками, которыми командовал Максим Кривонос, один из самых талантливых сподвижников Богдана Хмельницкого, который, согласно Дорошенко, был по происхождению шотландцем. Это поражение вынудило Вишневецкого отступить на Волынь. Под влиянием действий Вишневецкого сейм решил, все еще продолжая вести переговоры с Хмельницким, собрать новую армию и, объединив ее с силами Вишневецкого на Волыни, направить ее против казаков.

Хмельницкий продолжал готовиться к войне. В самый разгар этих приготовлений ему удалось узнать, где находится Елена Чаплинская, которую у него похитили. Неясно, она ли покинула Чаплинского, он ли покинул ее после Корсуньской битвы. Хмельницкий женился на ней, предварительно получив разрешение патриарха Константинопольского. Этот второй брак через три года обернулся трагедией.

В начале июля Хмельницкий повел свою армию на запад. Он продвигался очень медленно, ожидая появления своих татарских союзников, и встретил неприятеля у деревни Пилявцы в Северной Подолии. После пяти дней стычек польская армия была обращена в бегство (13 сентября 1648 г.). Затем Хмельницкий проследовал в Галицию, собрал контрибуцию с города Львова (часть которой пошла на выплату татарам) и дойдя до крепости Замостье, осадил ее. Примечательно, что в этом принимал участие полк донских казаков.

7 ноября (17 ноября по новому стилю) брат покойного Владислава Ян Казимир был избран на сейме королем Польши. Особый посланник сейма сообщил Хмельницкому об этом избрании и о

готовности сейма заключить мир с казаками. После обмена посланиями с новым королем Хмельницкий согласился снять осаду с Замостья и отойти.

Накануне Рождества Хмельницкий вошел в Киев во главе запорожского войска, и ему был оказан триумфальный прием греко-православным духовенством, горожанами и всем населением города. Греко-православный патриарх Иерусалимский Паисий, который приехал в Киев несколькими днями раньше, и киевский митрополит Сильвестр Козлов возглавили прием казацкого гетмана. Студенты Киевской богословской академии воспевали Богдана Хмельницкого в своих панегириках как нового Моисея, который освободил страну от ига египтян (то есть поляков).

3. Украина в 1649 г.

Гетман Богдан Хмельницкий, в начале лидер Запорожской Сечи; завоевал поддержку реестровых казаков, а затем и всего восставшего народа и мог считать себя главой нации, которая рождалась именно сейчас. Он провел в Киеве около месяца, и для него это время было весьма насыщенным. Когда празднества закончились, он провел переговоры с киевскими прелатами и горожанами, консультируясь с ними об организации казацкого государства. Он вел также дипломатические переговоры с некоторыми иностранными державами, которые немедля направили к нему своих послов.

Киев, со своей богословской академией был, в то время, интеллектуальным центром Западной Руси. Академия была единственной школой высшего образования во всей России. Поскольку религиозный мотив — защита православия — играл важную роль в украинском восстании, Богдан Хмельницкий должен был проконсультироваться с митрополитом Сильвестром перед тем, как предать своей будущей политике религиозные очертания.

Греко-православная церковь в Западной Руси являлась епархией константинопольского патриаршества. В связи с этим греческие прелаты во всей Оттоманской империи наблюдали за развитием событий на Украине. Действительно, все восточные патриархи были заинтересованы в распространении православия по России в целом. В своих беседах с Хмельницким патриарх Иерусалимский Паисий убеждал гетмана воспользоваться его победой над поляками для укрепления православия. Он составил проект

союза всех греко-православных держав — Московии, Украины, Молдавии и Валахии — для поддержания прав их церкви против римского католичества и ислама.[12]

Для того, чтобы усилить позиции греко-православной церкви против римского католицизма на международной арене, Хмельницкий стремился установить контакт с протестантскими державами. Следует вспомнить, что в 1599 г. западнорусские греко-православные миряне заключили соглашение с протестантами о совместной защите прав религиозных инакомыслящих в Польше.[13] Это особое соглашение не продержалось долго, но идея сотрудничества с протестантами для защиты религиозной терпимости в Польше не была забыта.

С международной точки зрения, религиозная проблема являлась одной из важнейших Тридцатилетней войны в Европе. Эта война закончилась, когда Хмельницкий находился на вершине своей славы: Вестфальский мирный договор был подписан 24 октября 1648 г. Исход Тридцатилетней войны, в целом, благоприятствовал протестантизму. Статус реформистов был приравнен к статусу лютеран. Лютеранское государство Швеция вышло из войны самой сильной военной державой в северной Европе. В Центральной и Восточной Европе протестантизм приобрел значительное влияние в Венгрии и Трансильвании (последняя в XVII веке находилась под турецким протекторатом). В 1644 г. трансильванский князь Георгий I Ракоци присоединился к протестантскому делу, заключив союз с Швецией против Германской империи. На следующий год, однако, под турецким давлением его заставили отказаться от этого союза и подписать мирный договор с императором Фердинандом, который согласился дать гарантии свободы протестантского вероисповедания в Венгрии. После смерти Владислава IV Польского в 1648 г., Ракоци был среди претендентов на польский трон, но не был избран сеймом. Он умер в конце того же года.

Хотя Богдан Хмельницкий и не поддерживал кандидатуру Георгия I Ракоци на польский трон в 1648 г., он был готов после победы над поляками установить тесные отношения с сыном Георгия I, Георгием II Ракоци, чьи посланники прибыли в Киев в январе 1649 г. Одновременно Хмельницкий вел тайные переговоры с

главой протестантской партии в Великом княжестве Литовском, гетманом Янушем Радзивиллом (Радивиллом)[14], но соглашения между ними не было достигнуто.

Главной проблемой для Хмельницкого, касающиеся внутренней организацни казацкого государства, были отношения между казаками и крестьянами. Мы видели, что большое количество крестьян присоединилось к казацкому движению в 1648 г. и организовало военные полки, следуя казацкому образцу. Первая казацкая победа послужила сигналом к началу общего крестьянского восстания против поляков. Это восстание предопределило последующие успехи казаков. Крестьяне, присоединились ли они к казацкой армии или действовали независимыми малыми отрядами, стали фактическими хозяевами страны. Польские вельможи были изгнаны; крестьяне захватили землю и стали свободными. Их идеалом было демократическое казацкое государство, подобное тому, что было у донских казаков в период Смутного времени в Московии. Этот идеал разделяли многие рядовые казаки, особенно те, что вышли из Сечи.

У старшин, однако, было совсем иное настроение. С их точки зрения казацкая армия должна была состоять из ограниченного числа реестровых казаков, во главе которых стояли старшины, имеющие более высокий ранг. В самом начале восстания такая идея не могла быть воплощена в жизнь. Без поддержки крестьян успехи 1648 г. не могли быть достигнуты. Но после победы над поляками, у лидеров старшин появилось благоприятная возможность подумать о будущем казацкого государства. Первый пункт, на котором они настаивали, заключался в четком разделении казаков и крестьян. "Пусть казак будет казаком, а крестьянин крестьянином". Среди ближайших последователей Хмельницкого Выговский был рьяным приверженцем этого принципа государственных взаимоотношений. Митрополит Сильвестр, аристократ по происхождению, придерживался подобных же взглядов. Для того, чтобы воплотить эту доктрину в жизнь, необходимо было попробовать добиться самостоятельности Украины путем переговоров с Польшей, а не путем войны, поскольку в этом случае неизбежной была бы опять общая мобилизация крестьян. Однако исхода переговоров с поляками нельзя было предсказать, и Хмельницкий вынужден был готовиться к возможной войне.

2. Украина между Польшей и Россией

В поисках союзников в случае конфликта с Польшей Хмельницкий вел переговоры и с Турцией, и с Московией. Следует отметить, что один из вассалов султана, крымский хан, уже был союзником казаков, и что Хмельницкий был в дружеских отношениях с тремя христианскими государствами — вассалами Турции: Трансильванией, Молдавией и Валахией. Всё это помогало ему обратить на себя внимание султана. В то время Оттоманская империя была ослаблена внутренними беспорядками. В 1648 г. янычары восстали против правящего султана и посадили на трон его семилетнего сына Мехмета IV (который правил до 1687 г., после чего тоже был свергнут). Турецкое правительство, будучи под контролем янычар, выражало желание пойти на переговоры с казаками, для того, чтобы предупредить казацкие набеги на владения империи и направить их против Польши. По мнению некоторых турецких государственных деятелей, лучшим способом достичь этого — это распространить султанский протекторат и на казаков. В качестве первого шага в феврале 1649 г. между гетманом Богданом Хмельницким и Оттоманской империей был заключен договор о дружбе.

Поддержка Москвы была еще более важна для казаков, чем поддержка Турции. В феврале 1649 г. Хмельницкий отправил киевского полковника Силуяна Мужиловского сообщить царю Алексею Михайловичу о победах 1648 г. и просить царя о помощи в будущей борьбе Украины против Польши.[15] Однако Москва всё ещё находилась не в том состоянии, чтобы порывать с Польшей, из-за нестабильной ситуации в религиозной и гражданской жизни царства. В некоторых городах продолжались мятежи, крестьянские беспорядки, которые явились результатом официального принятия 29 января 1649 г. "Уложения", окончательно утвердившего крепостное право.

Характерно, что многие русские горожане и крестьяне бежали в то время на Украину, и некоторые из них влились в казацкие ряды.[16] Несмотря на всё это, в конце марта царь направил к Хмельницкому своего посланника Григория Унковского. Москва, хотя и не предоставила военной помощи против Польши, позволила украинцам ввозить хлеб, соль и другие продукты из Московии без уплаты торговых пошлин.[17]

Хмельницкий обменялся посланниками с донскими казаками независимо от Москвы, хотя туда и сообщили о запорожско-донс-

ких отношениях. Во время переговоров с Хмельницким Унковский рассказал гетману, что донские казаки намеревались прийти на помощь Украине против поляков в случае возможной войны.[18] Для извилистых путей дипломатии Хмельницкого было характерно то, что, ища поддержки у Москвы, он одновременно готовился к действиям против неё в том случае, если никакой поддержки не будет оказано. В соответствии с этой политикой Хмельницкий предоставил убежище претенденту на московский трон, — возможно, с мыслью об использовании его в качестве завуалированной угрозы в переговорах с царем.

В 1643 г. мелкий чиновник одного из приказов московского правительства Тимофей Анкундинов, будучи заподозрен в преступлении, бежал из Москвы в Польшу, а оттуда в Константинополь, где он объявил, что является царевичем Иваном Васильевичем, якобы сыном царя Василия Шуйского. Из Константинополя он бежал в Венецию и Рим, где был обращен в католицизм. В конце 1649 г. он появился на Украине.[19] В определенном смысле, этот случай являл собой продолжение традиций Смутного времени — использование самозванцев с целью внутренней войны и для зарубежных интриг против Москвы. В течение той эпохи как украинцы, так и донские казаки поддерживали целый ряд претендентов на московский трон.[20] Сам выбор момента, когда Анкундинов появился на Украине, отражает тот факт, что либо он, либо те, кто его поддерживал (он приехал на Украину из Рима), были в курсе беспорядков в Московии, которые начались в 1648 г. и продолжались на протяжении двух лет.

Тем временем, внимание Хмельницкого продолжали занимать отношения с Польшей. 9 февраля 1649 г. польские посланники во главе с Адамом Киселем появились в Переяславле и были приняты Хмельницким. Переговоры проходили в атмосфере обоюдной подозрительности и напряженности. Несмотря на перемирие, подписанное в декабре 1648 г., во многих местах продолжались боевые действия между отрядами украинских крестьян и подразделениями личных войск польских магнатов. Одной из причин этого было отсутствие четкой разделительной линии между польской армией и казаками. Соглашение о подобной границе, было единственным результатом переговоров Хмельницкого с Киселем. Перемирие было продлено до июня.

После неудачной миссии Киселя, король Ян Казимир направил в Переяславль особого посланника Якоба Смяровского с личным письмом короля Хмельницкому. Король убеждал казацких старшин расформировать отряды и предлагал послать польских солдат в помощь старшинам для подавления народного восстания. В случае отказа Богдана Хмельницкого Смяровскому были даны секретные указания организовать среди старшин заговор против гетмана и убить его.

Смяровский добрался до ставки Хмельницкого 1 апреля, но когда он попытался выполнить задание своей секретной миссии, его схватили и казнили.[21] Когда известие о казни Смяровского достигли Варшавы, Польша решила предпринять военную акцию. Король выпустил указ о всеобщей мобилизации. Вишневецкий призвал шляхту из соседних районов собраться в его имении Вишня (в районе Винницы), чтобы быть готовыми к действиям под его командованием. Радзивилл вербовал литовскую армию для похода против Киева.

В виду угрозы войны у Хмельницкого не было другого выхода, как мобилизовать не только казаков, но и крестьян. Он выпустил воззвание (*универсал*) к украинскому народу, где убеждал его подняться на борьбу против Польши. "Пусть каждый, будь он крестьянином или казаком, вступает в казацкое войско". Согласно "Самовидцу", народный отклик был мощным. "Каждый становился казаком".[22] Их организовывали в полки и сотни.[23] Из них только сечевые и реестровые казаки были в достаточной степени обучены и снабжены оружием. У казаков было несколько пушек, но их артиллерия была гораздо слабее польской. Вдобавок, ряд бедно вооруженных, нерегулярных крестьянских отрядов воевал с поляками каждый раз, как только обнаруживал их.

Хмельницкий решил повести свою основную армию на запад, чтобы напасть на поляков прежде, чем у них будет время завершить мобилизацию, но он вынужден был направить полковника Кричевского на север, чтобы остановить литовцев Радзивилла. Крымские татары продолжали поддерживать казаков. Сам хан Ислам-Гирей лично вел орду. Нет свидетельств тому, чтобы донские казаки послали к Хмельницкому вспомогательные войска. Большая часть их вооруженных сил была вместо этого вовлечена в подготовку к морской экспедиции против крымских и турецких городов на берегах Черного моря.[24]

В последовавших военных действиях казаки добились успеха в своей борьбе против поляков, но встретили серьезное препятствие на литовском театре военных действий. Корпус Кричевского потерпел сокрушительное поражение от литовцев Радзивилла. Смертельно раненый Кричевский был взят в плен. Однако литовская армия понесла тяжелые потери и не была в состоянии незамедлительно двигаться к Киеву.

В конце июня на главном направлении военных действий казаки и татары напали на передовую польскую армейскую группировку возле Збаража в южной Волыни. Группу составляли, главным образом, подразделения, предоставленные магнатами, включая и Вишневецкого. 29 июня Хмельницкий начал осаду Збаража, где укрылось много поляков. Среди осажденных самой яркой фигурой был Вишневецкий. Когда король Ян Казимир получил сведения о плачевном положении поляков в Збараже, он сам повел быстро набранную регулярную польскую армию им на помощь. Хмельницкий, оставив часть своих войск для продолжения осады Збаража, бросил основной корпус казаков против приближавшейся армии короля. К нему присоединился хан Ислам-Гирей со своими татарами. 5 августа казаки и татары с двух сторон набросились на королевскую армию под Зборовом в Северо-западной Галиции. Поляки здесь, как и в Збараже, оказались окруженным превосходящими их силами противника. Их положение казалось безнадежным, но их спасла дипломатическая изобретательность Оссолинского, который обратился к крымскому хану, предлагая ему мир на выгодных условиях и попросил его быть посредником между поляками и казаками. Хан принял эти условия. Согласно условиям польско-татарского договора, поляки брали на себя обязательства ежегодно выплачивать хану "подарки" в сумме 90000 польских злотых. Они также выразили свою готовность "простить" казаков.[25] В тот же день, 9 августа (19 августа по новому стилю), был заключен договор между казаками и поляками. Договор представлял собой компромисс между умеренными в польском правительстве, возглавляемыми Оссолинским, и казацкими старшинами.[26]

По условиям этого договора король восстанавливал все казацкие вольности (по-польски, wolnosci), которые были дарованы прежними королевскими грамотами, и брал на себя обязательство выдать им новую грамоту (*привилеи*). Город Чигирин (и его окру-

га) передается в постоянное владение гетмана и запорожского войска. Численность реестровых казаков была поднята до сорока тысяч. Три области (*воеводства*) — Киевская, Браславская и Черниговская, выделялись для поселения реестровых казаков. На этой территории не должно было быть расположено никаких польских войск. Уполномоченные польской администрации не отзывались с казацкой территории, но король поклялся назначать на должности в этих землях местных аристократов исключительно греко-православной веры. Иезуитам не дозволялось пребывать в Киеве или других городах на казацкой территории, где были русские школы. Митрополит киевский получал полномочия представительствовать в сенате; сейм, в его присутствии и в соответствии с его пожеланиями, должен был вынести решение расформировать униатскую церковь. Евреи не должны проживать в тех местностях, где находятся казацкие полки. Сейм должен был подтвердить все эти условия. Хотя крестьянам и позволено было вступать в ряды казацкой армии (в рамках сорокатысячного лимита), в целом статус крестьянства не претерпел никаких изменений. Как владения польской короны, так и частные земли магнатов и шляхты должны были сохраниться на казацких землях, как и раньше. Те крестьяне, которым не посчастливилось попасть в казацкий реестр, должны были вернуться в королевские или частные владения, к которым они были приписаны до войны, чтобы продолжать там исполнять свои прежние обязанности.

Консервативному ядру старшин этот договор представлялся главным достижением, поскольку он создал автономное казацкое государство в рамках польского королевства. Для крестьян это было неприемлемо.

4. Политика Богдана Хмельницкого, 1650-1653 гг.

В ноябре 1649 г. в Варшаве был созван сейм для ратификации Зборовского договора. Хмельницкий направил в Варшаву делегацию казаков, чтобы ускорить ратификацию. Он попросил также Адама Киселя, чтобы тот поддержал права православной церкви. Отношение большинства депутатов сейма к компромиссной политике короля и Оссолинского было негативным или открыто враждебным. Оссолинского подвергли яростным обвинениям и оскорблениям. Римско-католические прелаты метали громы и мол-

нии по поводу тех пунктов договора, которые были выгодны греко-православной церкви. Литовские магнаты выступали на том основании, что это может побудить бежать на Украину белорусских крестьян.

Наконец, после страстных дискуссий, сейм одобрил договор в целом, но отказался упразднять униатскую церковь; напротив, король выпустил воззвание (*универсал*) ко "всему русскому народу", подтвердив и расширив указ короля Владислава IV от 1632 г. о равноправном статусе греко-православной и униатской церквей. Однако, когда греко-православный митрополит Киевский Сильвестр прибыл в Варшаву, чтобы занять свое место в сенате, согласно соответствующему условию Зборовского договора, он встретил такую сильную неприязнь со стороны римско-католических прелатов, что, по совету Адама Киселя, решил не настаивать на своем праве и спокойно вернулся домой. Кисель был назначен воеводой Киева.

Основные статьи Зборовского договора были объявлены в форме королевской грамоты к казацкой армии. Украинских крестьян предупреждали, что они остаются прикрепленными к владениям помещиков, и что попытки восстания будут подавлены совместными действиями польских и казацких войск.

Вслед за ратификацией Зборовского договора польские магнаты и дворяне с их свитами стали возвращаться в свои земли и пытаться восстановить господство над крестьянами. Последние, естественно, вовсе не были расположены смиренно соглашаться с возвращением крепостного права. Нужно было прибегать к насилию. В таких украинских областях, как Волынь, Подолия и Галиция, которые, согласно договору, не были включены в автономное казацкое государство, насилие приняло особенно жестокие формы. Помещики строили виселицы в своих владениях, чтобы казнить зачинщиков крестьянских бунтов, а все непокорные крестьяне были подвергнуты суровым наказаниям.

На землях казацкого государства землевладельцы вынуждены были вести себя осмотрительно и просили казацкие власти оказывать им помощь в осуществлении ими сеньоральных прав. Богдан Хмельницкий, поддерживаемый старшинами, не видел альтернатив тому, чтобы выполнять эти просьбы и выпустил несколько воззваний к крестьянам, приказывая им подчиняться господам. В

некоторых случаях казацкие полки направлялись для подавления крестьянских бунтов. Такая политика со стороны гетмана и старшин вызывала гнев и негодование среди крестьян. Хмельницкого стали считать предателем народного дела. В Сечи начались волнения, поскольку там демократические традиции были всегда сильнее, чем среди реестровых казаков. Бунтовщики проголосовали за то, чтобы Хмельницкий был смещен со своего поста. Они выбрали нового гетмана, но Хмельницкий быстро подавил мятеж, и гетман, выбранный бунтовщиками, был казнен.[27]

Хмельницкий оказался в чрезвычайно сложном положении. Хотя он был готов поддерживать права украинских монастырей и дворянства на землю, он не желал возвращать украинские земли польским землевладельцам, в особенности магнатам. Однако он считал Зборовский договор важным шагом к укреплению казацкого государства, и поэтому заботился о том, чтобы его условия формально выполнялись. На практике же, он при возможности старался обойти эти условия. Он вписал пятьдесят тысяч человек в казацкий реестр вместо установленных сорока тысяч. Вдобавок, он создал дополнительный корпус из двадцати тысяч казаков под командованием своего сына Тимофея. Более того, он постановил, что украинские вассалы польского вельможи, если захотят, могут быть определены в казацкий корпус в качестве помощников реестровых казаков. Хмельницкий понимал, что такие половинчатые меры, хотя они и увеличивали количество казаков, не утихомирят крестьян. Дальнейшая борьба с Польшей представлялась неотвратимой. Для подготовки к ней Хмельницкий должен был, с одной стороны, завершить внутреннюю организацию казацкого государства и войска, и, с другой стороны, обеспечить средствами дипломатии помощь извне.

С юридической точки зрения (если мы можем применять определенные юридические термины к неустановившимся условиям жизни нарождающейся нации), казацкое государство было автономной территорией в рамках Польского Содружества. Его сувереном был король Польши. Правители трех областей, предоставленных казаками (Киевской, Браславской и Черниговской), были его представителями. Фактически, гетман Богдан Хмельницкий, будучи главой казацкого войска, являлся правителем этой земли. Однако украинское духовенство, шляхта и города имели правле-

ние, в основе которого были данные им королем привилегии. Земельные владения короля, как и владения магнатов и шляхты представляли собой множество "островков" внутри казацкого государства.

Официальным названием казацкой организации было Войско Запорожское. Название происходило от крепости (*Сечи*) запорожских казаков. Позднее оно расширялось и распространилось на реестровых казаков. Это название, касательно последних, было не принято польским правительством в 1638 г. Затем оно было возрождено как родовое название всех украинских казаков. В более узком смысле, однако, группа казаков Сечи сохранила за собой название запорожцев. Гетман являлся главой как казацкой армии, так и казацкой администрации. Его печать несла королевское имя. Официальной резиденцией гетмана являлся город Чигирин. Высшее военное командование (*генеральная старшина*) состояло из секретаря (*писаря*), командующего артиллерией (*обозного*), командующего знаменами (*хорунжего*), главного начальника (ясаула или *есаула*) и судьи. Эти должностные лица играли также роль кабинета при гетмане, выполнявшего функции главы гражданской администрации. Армия разделялась на шестнадцать полков, каждый из которых состоял из нескольких сотен. Каждый полк набирался из мужчин той земли, где этот полк располагался; каждая сотня — из людей того района, который был за ней закреплен. Таким образом военная администрация была связана с территориальным делением страны. Полковник являлся правителем полковой территории; сотник — префектом сотенного района.

Во внешней политике Богдан Хмельницкий продолжал считать крымского хана полезным союзником, несмотря на двусмысленное поведение того в Зборове. Но, как показали события, поддержки хана оказалось недостаточно, чтобы сокрушить могущество Польши. Двумя державами, от которых можно было ожидать, что они обеспечат казаков достаточной военной защитой, были Московия и Турция. А из этих двух Московия выглядела более предпочтительно по религиозным и языковым соображениям, а также на основе общих исторических традиций и экономических связей. Помимо того, уже существовала тесная дружба между запорожскими и донскими казаками, находившимися под защитой царя.

Уместно сказать, что митрополит киевский Сильвестр, также как и другие иерархи украинской греко-православной церкви, хо-

лодно относились к мысли о поиске поддержки у царя, потому что они чувствовали, что это может со временем привести к установлению царского протектората над всей Украиной. При таком ходе событий можно было ожидать, что московский патриарх потребует нечто вроде протектората и над украинской церковью. В то время, однако, митрополит киевский по канонической субординации был подчинен патриарху константинопольскому, и это означало, при соответствующих условиях, что он был, практически, независим. Патриарх константинопольский не мог вмешиваться в деятельность митрополита киевского из-за стесненного и ненадежного положения греческой церкви в Оттоманской империи. Его церковь была слишком бедна. У греческих священников и монахов вошло в обычай ездить в Киев и Москву с просьбами о финансовой поддержке.

Что касается его позиции по отношению к Польше, Сильвестр, в целом, был удовлетворен теми правами и привилегиями, которые были дарованы православной церкви Польшей в 1632 г. и подтверждены Зборовским договором.

Для того, чтобы лучше понять позицию Сильвестра Козлова по отношению к Москве, следует вспомнить, что определенные моменты в практике московской церкви вызывали неприятие западнорусских православных, особенно священнослужителей. После Смутного времени московская церковь с особо острым подозрением относилась к опасности римско-католического влияния в России и, в виду того, что Польша поддерживала униатскую церковь, была склонна подозревать даже некоторых православных иерархов в Западной Руси в латинских (римско-католических) отклонениях. Поэтому патриарх Филарет приказал, чтобы "латинцы", которые хотели поселиться в Московии, были перекрещены, прежде чем войти в русскую церковную общину. Более того, в некоторых случаях он настаивал на повторном крещении даже православных из Западной Руси, если те были крещены путем окропления святой водой, а не погружением в нее.[28] Эта практика не прекращалась вплоть до времён патриарха Никона.

Митрополит киевский не был одинок в своих подозрениях по отношению к намерениям Москвы. Консервативные силы в среде казацких старшин разделяли его отношение, но, главным образом, по политическим соображениям.

С другой стороны, значительное число низшего украинского православного духовенства, большинство рядовых казаков и украинское крестьянство в целом глядело на Москву с надеждой. Многие крестьяне, не удовлетворенные положением на Украине после Зборова, начали пересекать границу Московии и селиться в районе Верхнего Донца. Московское правительство, хотя и охотно предоставляло убежище беглецам с Украины, все еще не желало оказывать военную поддержку Хмельницкому и разрывать отношения с Польшей, особенно, в виду нестабильного состояния внутренних дел в Москве. В феврале 1650 г. в Новгороде произошло волнение, которое продолжалось до апреля. За ним последовал бунт в Пскове, который длился с марта по август. Кроме того, Москва была крайне недовольна тем, что гетман укрывал у себя Анкундинова.

В вопросе об отношениях с Турцией Хмельницкий и его старшины высоко оценивали военную силу султана в качестве потенциального союзника запорожского войска. Конечно, здесь существовало различие в религиях. Ислам традиционно считался силой, противостоящей христианству. Однако практическое отношение Турции к христианству, как и к иудаизму, было основано на веротерпимости. Греко-православный патриарх Константинопольский был признан главой всех подчиненных султану христиан на Балканах и в Малой Азии. Христианству не ставились преграды в вассальных Турции христианских государствах — Трансильвании, Молдавии и Валахии.

Более того, принятие турецкого протектората могло бы стать полезным для Богдана Хмельницкого в его отношениях с крымским ханом, который сам являлся вассалом султана. На султана можно было рассчитывать, когда в этом была нужда, для оказания давления на хана, чтобы тот предоставил большую помощь казакам. Что касается интересов хана, то близкая дружба с казаками (в том случае, если они станут его партнерами) могла бы укрепить позиции хана в рамках Оттоманской империи и придать ему большей уверенности в его отношениях с султаном. А среди крымских ханов всегда существовала тенденция пытаться ослабить свою зависимость от Турции. В апреле 1650 г. Хмельницкий послал письмо султану, прося его принять запорожское войско под свою защиту. В июле в Чигирин прибыло турецкое посольство, чтобы

выразить то удовольствие, которое принесло султану решение Хмельницкого. Было согласовано, что гетман направит в Константинополь своих посланников для определения условий казацкой зависимости. Примерно в это же самое время, после некоторых пререканий, Москва возобновила договор о ненападении с Польшей.

Вскоре стало очевидным, что в результате своих изощренных дипломатических интриг, Богдан Хмельницкий оказался лицом к лицу с весьма запутанной ситуацией, которая могла подвергнуть серьезной опасности его отношения с Москвой. Его друг, крымский хан, вел за спиной гетмана тайные переговоры с поляками и обещал им напасть на Москву (это было как раз накануне возобновления Московско-Польского договора). Между прочим, татары были недовольны своим бездействием. Главным источником их дохода была военная добыча, и они постоянно искали повода для возобновления своих набегов на соседние земли. Их участие в казацко-польской войне оказалось вполне выгодным для них, но теперь казаки и поляки находились в состоянии мира, хотя и нестабильного. Хан направил своего посланника к Хмельницкому, чтобы объявить, что крымские татары и ногаи готовы к набегу на Московию к 15 августа. Хан убеждал гетмана повести всё казацкое войско против Москвы.

Именно в это время Москва оказывала на Хмельницкого давление в связи с Анкудиновым. В августе 1650 г. царские посланники в Польше направили свое доверенное лицо Петра Протасьева к киевскому воеводе Адаму Киселю с требованием выдачи Анкудинова. Кисель передал Анкудинова Хмельницкому.[29] В сентябре 1650 г. Хмельницкий во время переговоров с Протасьевым притворился, что ничего не знает о месте пребывания Анкудинова, и дал Протасьеву разрешение искать самозванца. Поиски оказались безуспешными, но когда новый посланник Василий Унковский приехал в Чигирин из Москвы, Анкудинов, который в это время находился в Киеве с Адамом Киселем, согласился встретится с ним. Анкудинов не соглашался возвращаться в Москву до тех пор, пока Унковский не даст ему гарантий в том, что ему не будет причинено никакого вреда. Сделать это Унковский отказался.[30]

Несмотря на все эти затруднения, у Хмельницкого не было желания поддерживать крымского хана в его предполагаемой вой-

не против Москвы. Он посоветовал хану заменить войну с Москвой нападением на Молдавию, чтобы поставить под свой контроль господаря Лупула, который, хоть и являлся вассалом султана, оскорбил его некоторыми своими недавними действиями. К тому времени Хмельницкий получил донесения о тайных переговорах Лупула с поляками и испытывал подозрения по поводу будущих намерений господаря. Более того, в 1645 г. старшая дочь Лупула Елена была отдана замуж за литовского гетмана Радзивилла. А привлечение Литвы на свою сторону было любимым проектом Хмельницкого на протяжении последних двух лет. Подключая к своей политике путн установления супружеских отношений, теперь Богдан Хмельницкий непосредственно рассматривал возможность партии между своим сыном Тимофеем и второй дочерью Лупула Роксандой. Было ясно, что Лупул без принуждения не согласился бы на это.

Молдавия была процветающей страной, и Лупул был чрезвычайно богат. Планируя набег на Молдавию, татары предвкушали ценную добычу. Поэтому хан согласился отложить спланированный поход на Москву и послать татарское войско на Яссы под командованием *калги* (наследника ханского трона). Корпус казаков возглавлял Тимофей. Таким образом, два вассала султана: гетман и крымскнй хан напали на третьего, по всей видимости, без какого либо приказа со стороны султана (август 1650 г.). Татары разоряли страну по мере прохождения по ней. Столицу Лупула — Яссы, разграбили вместе казаки и татары. Лупул бежал в бывшую столицу Молдавии Сучаву и запросил мира. Он был вынужден заплатить большую контрибуцию татарам и заключил союз с казаками. В дополнение к союзу Лупул обещал отдать Роксанду замуж за Тимофея Хмельницкого, который, таким образом, становился в перспективе шурином Радзивилла.[31]

Поляки были разгневаны и удручены молдавским походом Хмельницкого, поскольку они считали Лупула польским вассалом. Партия войны быстро стала набирать влияние в Варшаве. Её главный противник канцлер Оссолинский, в дни молдавской похода Хмельницкого, умер. Под влиянием магнатов на его место был назначен епископ А. Лещинский. Николай Потоцкий, возвратившийся из татарского плена в марте 1650 г., и Иеремия Вишневецкий стали главными выразителями общественного мнения.

Была выдвинута мысль о начале превентивной войны против казаков. Магнаты опасались, что народное движение захватит и польских крестьян. На чрезвычайной сессии в декабре 1650 г. сейм принял решение о всеобщей мобилизации польской и литовской армий, а также о большом повышении налогов в связи с предстающей войной. Было решено также пригласить наемные войска из Германии (после окончания Тридцатилетней войны почти повсеместно в Европе было огромное количество свободных профессиональных солдат).

В декабре 1650 г. посланники Хмельницкого возвратились из Константинополя с известиями о том, что торжественная грамота султана, объявляющая о его протекторате над казацкой армией, будет вскоре готова. Эта грамота была выпущена в конце февраля или начале марта 1651 г. Султан обещал казакам полную поддержку.[32] К тому времени уже началась война между поляками и казаками. Обещанная помощь султана выразилась только в том, что он убедил крымского хана оказывать казакам полную поддержку.

В феврале 1651 г. авангард польской армии вторгся в пределы Браславской области и нанес поражение браславскому казацкому полку. Его полковник Данило Нечай, один из наиболее популярных казачьих старшин, был убит. Для многих казаков и крестьян смерть Нечая явилась дурным предзнаменованием для дальнейшего хода войны. Раздавались даже голоса, обвиняющие Хмельницкого в том, что он преднамеренно не стал оказывать помощи Нечаю.

В мае произошла личная трагедия в жизни Хмельницкого. Его сын сообщил из Чигирина, что его (Тимофея) мачеха Елена (вторая жена Богдана Хмельницкого) вступила в любовную связь с домоправителем гетмана. Богдан приказал Тимофею сразу же казнить обоих любовников. Когда он получил известия о том, что приговор приведен в исполнение, он почувствовал себя настолько опустошенным, что на протяжении нескольких дней никто не осмеливался приблизиться к нему. Какое-то время после этого он был в состоянии нервного стресса, и его силы были подорваны. Костомаров считает это событие важной психологической причиной последующих неудач.[33]

Основные силы казаков и поляков встретились в июне около Берестечка (в Волыни). Поляки появились первыми. К тому времени среди их предводителей чувствовалась сильная напряжен-

ность, вызванная известиями о крестьянских бунтах в Краковском и прочих районах. Особое подразделение, состоявшее из двух тысяч солдат должно было срочно направиться к Кракову. Польская армия была хорошо вооружена и экипирована и имела мощную артиллерию. Хотя казацкие силы численно превосходили польские, они состояли, главным образом, из крестьян, которые вступили в ряды казацкого войска и были плохо вооружены и обучены. Крымский хан привел с собой много всадников, но он не намеревался бросать против поляков сразу все свои силы. План хана план состоял в том, чтобы придержать основную часть татарской армии до решающего момента сражения, чтобы сыграть ту же самую роль посредника между казаками и поляками, которую он столь успешно сыграл в собственных интересах в Зборове двумя годами раньше. Разрушительная мощь польской артиллерии вызывала у татар еще меньшее желания воевать. На третий день (20 июня) хан отступил примерно на две мили. Хмельницкий и войсковой писарь Выговский отправились в лагерь хана, чтобы убедить его вступить в бой. Вместо этого, хан увел татар в степи и забрал с собой Хмельницкого и Выговского.[34] Когда, в конце концов, хан освободил их, то они отправились в Корсунь для вербовки новой армии. Хотя он и был увлечен организационной деятельностью, Богдан Хмельницкий нашел время на то, чтобы жениться в третий раз. Его новая невеста Анна была богатой казацкой вдовой, сестрой двух влиятельных казацких старшин — Ивана и Василия Золотаренко.[35]

Тем временем, казацкая армия у Берестечка могла оказывать сопротивление натиску поляков на протяжении еще десяти дней после бегства татар, после чего те казаки, которым удалось выжить в этой бойне, бежали через болота. Положение казаков еще совсем ухудшилось, когда 25 июня литовская армия Радзивилла захватила Киев.

Казалось, что Польша выиграла решающую битву и сможет теперь применить те же карательные меры против казаков, что и в 1638 г. Однако сами поляки понесли столь значительные потери в битве при Берестечке, что мобилизованные войска не испытывали желания продолжать войну. Большинство возвратилось домой. Задача справиться с казаками была предоставлена солдатам регулярной армии (их было около двадцати тысяч) под командовани-

ем королевских и полевых гетманов Потоцкого и Калиновского.[36] Лидер польских непримиримых, князь Иеремия Вишневецкий, умер 3 августа 1651 г.

После целого ряда стычек поляки и казаки пришли к обоюдному решению, что лучше сесть за стол переговоров. 18 сентября в Белой Церкви был заключен мирный договор. Вновь была подтверждена автономия казаков, но большая часть условий нового договора была неблагоприятна для них. Количество реестровых казаков было уменьшено до двадцати тысяч. Казацкой территорией теперь признавалась только Киевская область. Браславская и Черниговская области были возвращены полякам.[37]

3 января 1652 г. в Варшаве собрался сейм. Утверждение Белоцерковского договора явилось одним из главных пунктов его программы. Заседания сейма проходили бурно из-за распрей между различными фракциями. Наконец, один из делегатов, Сицинский, прервал заседание заявлением, что он не допустит дальнейших дискуссий. Это было эффектное применение знаменитого liberum veto в польском парламенте. Сейм Белоцерковский договор не утвердил.

Тем временем, польские землевладельцы возвратились на свои земли на Украине в мрачном и мстительном настроении. Крестьяне во многих местах немедленно начали бунтовать против них. На казацких землях (теперь ограниченных областью Киева) Хмельницкий следовал своему прежнему принципу верности договору и посылал казаков для усмирения крестьян. В районах Браслава и Чернигова поляки могли действовать так как им угодно, и не тратили лишних усилий, чтобы наказывать непокорных крестьян, тысячи которых искали убежища в Московии. Московское правительство предоставило им земли в верховьях Дона и Верхнего Донца, а также гарантировало освобождение от налогов на тех условиях, что они будут оказывать поддержку московитам, отражая татарские набегов. Поселения такого типа назывались *слободами* (искаженное от "свобода"). Это явилось началом заселения земель, впоследствии известных как Слободская Украина (Харьковская и Воронежская области).[38]

То, что польскому сейму не удалось ратифицировать Белоцерковский договор, породило противоестественную ситуацию. Официально между Украиной и Польшей не было ни войны, ни мира,

но обе стороны готовились к войне. В январе и феврале 1652 г. Богдан Хмельницкий и Выговский имели беседы с московскими доверенными лицами, проходившие в Чигирине и Субботове. Ими были приняты все меры предосторожности, чтобы поляки о них не получили никакой информации.[39] В марте 1652 г. Хмельницкий в полном секрете направил полтавского подполковника Ивана Искру в Москву просить царя Алексея Михайловича помочь казакам. У Искры было долгое совещание с двумя дьяками Посольского приказа, а позднее его приняли царь и патриарх. Казакам не было предоставлено никакой военной помощи против Польши, однако им пообещали земли для поселения в случае необходимости.[40]

Хотя это и не устраивало гетмана, отдельные группы казаков приняли это как единственное для них решение. 21 марта черниговский полковник Иван Дзиковский, три сотника и около двух тысяч казаков с женами, детьми, со всем их движимым имуществом пересекли московскую границу возле Путивля и обратились с посланием к царю, чтобы тот предоставил им земли для поселения. Он объяснил, что гетман предал их и не оказал им никакой помощи. Казаки были пропущены в Московию и получили земли в районе Острогожска.[41]

Хмельницкий же возвратился к любимой мысли распространить казацкое влияния на дунайский регион. Здесь не доведенным до конца делом была женитьба его сына Тимофея на молдавской княжне. Поляки, однако, стремились к тому, чтобы установить свой протекторат над Молдавией и послали сильную армию, во главе с гетманом Калиновским, в Каменец-Подольский, чтобы преградить путь казакам в Молдавию. 22 мая казаки, снова при поддержке крымских татар, напали на поляков. Сам Калиновский погиб в бою.

Опьяненные победой, казаки вторглись в Молдавию. Лупулу ничего не оставалось делать, кроме как отдать свою дочь Роксанду замуж за Тимофея Хмельницкого. Свадьба была отпразднована незамедлительно и с большой торжественностью. Оставив Тимофея в Яссах, Богдан вернулся на Украину.

Если бы Хмельницкий был удовлетворен достигнутым результатами, то союз с Молдавией мог бы оказаться чрезвычайно важным для укрепления казацкого государства. Но у Хмельницкого были значительно более амбициозные планы. Он намеревался сме-

стить Лупула с молдавского престола и, предоставив ему валашский, посадить Тимофея на молдавский трон. Он мечтал также о расширении своего влияния на Трансильванию.

Поляки были ошеломлены поражением армии Калиновского и разгневаны тем, что казаки установили свой протекторат над Молдавией. Валахия и Трансильвания были крайне озабочены слухами о планах Лупула и Хмельницкого. В течение зимы 1652-1653 гг. в Варшаве обсуждались возможности военных действий против казаков. Поскольку приготовления к войне шли медленно, один из магнатов Стефан Чарнецкий, решил взять дело, как до него сделал Иеремия Вишневецкий, в свои собственные руки. В марте 1653 г. он повел свою армию общей численностью в двенадцать тысяч человек, чтобы наказать украинское население Браславской области, которая была отобрана у казацкого государства по условиям Зборовского договора, но вновь занята казаками после их победы над Калиновским. Сотни деревень сожгли солдаты Чарнецкого, тысячи мужчин, женщин и детей были убиты. Наконец подразделению казаков, посланному Хмельницким, удалось остановить Чарнецкого. Он был ранен в бою, а его армия бежала на Волынь.

К тому времени Валахия и Трансильвания объединились в союз против Лупула и Тимофея Хмельницкого. Лупул был свергнут с трона, и власть в Яссах оказалась в руках нового господаря. Лупул бежал в Сучаву, которую вскоре окружили валашские и трансильванские войска. Король Ян Казимир направил им в помощь отряд польских добровольцев. *Тимофей, возвратившийся то* время *на* Украину) поспешил к Сучаве с десятью тысячами казаков. Тимофею удалось прорваться в осажденный город, но в бою он был смертельно ранен. После его смерти казаки сдались врагу на том условии, что им будет дозволенно безнаказанно вернуться домой с вооружением и артиллерией, а также взяв с собой тело Тимофея (август 1653 г.).

Поляки намеревались заменить казацкое влияние в дунайских областях своим собственным. Король Ян Казимир повел сильную польскую армию на Каменец-Подольский. Город Жванец стал его штаб-квартирой. Между тем Хмельницкий, в очередной раз, убедил крымского хана оказать ему помощь в борьбе против поляков, и ему в поддержку прибыл большой отряд донских казаков.[42] Казаки и татары подошли к Жванцу в конце сентября и осадили

польский лагерь. Поляки оказались в трудном положении. Они ожидали, что им на выручку придет мобилизованная армия, но она собиралась слишком медленно. Начался голод и болезни, что в большой степени повлияло на моральное состояние польских солдат.

При таком стечении обстоятельств в Москве произошло событие, имевшее очень важное значение. 1 октября 1653 г. Земский Собор проголосовал за то, чтобы принять гетмана Богдана Хмельницкого и все запорожское казацкое войско "с городами и землями" под покровительство царя.

Когда известия о решении Земского Собора достигли поляков и татар, то они немедленно прекратили все враждебные действия между собой. Согласно польско-татарскому договору, подписанному в Жванце 5 декабря 1653 г., король Ян Казимир соглашался выплатить хану компенсацию в сумме 100000 злотых и позволить ему по пути домой захватывать пленных на Украине. Король согласился также выполнить взятые им на себя обязательства по Зборовскому договору в отношении как татар, так и казаков. Вполне очевидно, что король решил пойти на эту уступку казакам для того, чтобы еще раз привлечь Богдана Хмельницкого на сторону Польши. К несчастью для Польского королевства эти действия слишком запоздали.

5. Переяславское объединение 1654 г.

Переговоры между Богданом Хмельницким и Москвой были долгими и мучительными, хотя большая часть украинских казаков и крестьян была сторонниками объединения. Московские государственные деятели вынуждены были вести дело с осторожностью из-за их собственных внутренних проблем, но еще в большей степени из-за непредсказуемых поворотов в политике Богдана, его дружбы с крымским ханом и укрывания им претендента на московский трон.

Мотивы для принятия казаков под покровительство царя имели религиозный и культурный характер, так же как и политический и экономический. И царь, и церковные лидеры Москвы остро чувствовали недостаток подготовленных греко-православных ученых для просветительской деятельности церкви. Таких ученых можно было получить или из Киева или из Греции. В 1640 г. митрополит Киевский Петр Могила предложил царю Михаилу при-

слать несколько ученых украинских монахов в Москву для организации богословской школы, где бы изучались греческий и славянский языки.[43] Из его предложения ничего не вышло, но в мае 1649 г. царь Алексей Михайлович попросил митрополита Сильвестра Козлова направить из Киева в Москву двух монахов, хорошо знающих греческий и латынь.[44] Благодаря помощи этих киевских ученых боярин Федор Михайлович Ртищев создал недалеко от Москвы монастырскую школу.

Обращаясь за сотрудничеством к киевским ученым, московские государственные и церковные авторитеты стремились также поддерживать тесные контакты с греками. В начале 1649 г. патриарх Иерусалимский Паисий, который в том же году посетил Киев, прибыл в Москву для сбора милостыни. В то время, как он в июне отправился в Молдавию, с ним вместе был послан Арсений Суханов, монах Сергиево-Троицкого монастыря для проведения бесед с греческим духовенством и для сбора и изучения старых греческих религиозных рукописей.[45]

Помимо Паисия, еще целый ряд других греческих священников и монахов посещали Молдавию, Киев и Москву. Их интересы были не только религиозными, но и политическими. Следует вспомнить, что в переговорах с Хмельницким в 1649 г. Паисий настаивал на объединении всех греко-православных держав. Будучи в Москве, Паисий выразил надежду на то, что царь Алексей мог бы сесть на трон императора Константина (в Константинополе) и освободить православных христиан "от рук неверных".[46]

Некоторые из греческих священнослужителей в их странствиях между Киевом и Москвой перевозили послания от Хмельницкого к царю и наоборот. Для Москвы проблема казаков была тесно связана с положением московской державы в греко-православном мире в целом. Программа церковной реформы, которая начала обсуждаться элитой русского духовенства еще до патриаршества Никона, позднее, благодаря ему, стала воплощаться в жизнь. По своим религиозным предпочтениям Никон был сторонником греческих и украинских традиций, и он также ясно понимал, что церковная реформа являлась политической необходимостью для того, чтобы объединение Украины с Москвой сделалось более приемлемым для украинского духовенства и народа в целом.

На протяжении XVI и начале XVII вв. в московском церковном обряде накопилось много отличий от западнорусского и греческого ритуала. Никон взялся за то, чтобы изменить их путем реформ в московской церкви, а это действие привело к схизме по отношению к староверам. По всем этим причинам Никон желал поддержки со стороны украинского духовенства в образовательной деятельности церкви в Московии и усматривал лучший путь для достижения этого в объединении Украины и Московии.

Сначала украинская проблема стала объектом внимания Земского Собора в феврале 1651 г. Посольский приказ предоставил на рассмотрение Собора отчет об оскорблениях в адрес Московии со стороны поляков, имевших место (или якобы имевших) после мирного договора 1632 г. Собор также был официально проинформирован о петиции Хмельницкого к царю с просьбой о покровительстве по отношению к казакам.[47]

Характерно, что важность религиозных аспектов в украинском вопросе была такова, что по этому пункту царь и Собор стали искать совета у патриарха Иосифа (предшественника Никона). Больной патриарх не симпатизировал благорасположенности царя и некоторых представителей духовенства к грекам. Тем не менее, он выразил свое мнение, что в случае, если король Польши не возместит убытки Москве, тогда можно будет принять Хмельницкого и казаков под царское покровительство.[48]

На этом заседании Земского Собора не было принято никакого решения по украинской проблеме. Одна из причин колебаний московских государственных деятелей заключалась в том, что дело Анкудинова всё ещё не было решено. В январе 1651 г. перед самым открытием Собора думный дьяк Ларион Лопухин был направлен к Хмельницкому для обсуждения московско-казацких и казацко-крымских отношений. Лопухин не должен был первым упоминать о деле Анкудинова, но ему были даны указания сказать Хмельницкому (в том случае, если последний упомянет самозванца), что Анкудинов — дурной человек и что ему (Лопухину) нечего больше сказать о нем. Некоторое время спустя, Хмельницкий решил избавиться от Анкудинова и послал его в Трансильванию с рекомендацией к Ракоци. Ракоци переправил Анкудинова в Швецию. Там самозванец был принят с почетом королевой Кристиной и обращен в лютеранство. Московские власти, однако, всё ещё

были озабочены тем, что самозванец мог со временем вернуться из Швеции на Украину. Послам, направленным из Москвы в Польшу в январе 1652 г., были даны указания попросить короля, чтобы тот выдал Анкудинова, если тот появится в Польше.[49] Анкудинов не осмеливался возвращаться на Украину. Из Швеции он отправился в Гольштейн, но этот шаг оказался неверным. Герцог Гольштейнский согласился выдать его в обмен на документы гольштейнского посольства в Москву 1634 г., которые до сих пор удерживались там. Анкудинова привезли в Москву и казнили 28 декабря 1653 г.

Патриарх Иосиф умер 15 марта 1652 г., и Никон был избран его преемником. Это увеличило силу той группы в московском правительстве, которая выступала за разрыв с Польшей и объединение с Украиной. Обмен послами между Хмельницким и Москвой по поводу разнообразных текущих политических и экономических вопросов продолжался на протяжении всего 1652 г., а также и в 1653 г. В начале марта 1653 г. Москва решила направить посланников в Польшу с предложением о посредничестве между поляками и казаками. Царь через особого гонца дал знать об этом Хмельницкому. 23 марта Хмельницкий написал царю письмо, сообщая ему о новых нападениях польских войск на Украину. Одновременно Хмельницкий написал боярину Борису Ивановичу Морозову и патриарху Никону, прося их поддержать просьбу казаков о царском покровительстве.[50]

Посланники Хмельницкого — Кондратий Бурляй и Силуян Мужиловский, которые везли письма, получили указания гетмана убедить царя, чтобы тот предоставил казакам свое покровительство. После предварительного изучения обстановки в Москве казацкие послы нанесли визит патриарху Никону и попросили у него благословения (23 апреля 1653 г.).[51] Вскоре после этого Никон пригласил казацких посланников на торжественный обед. Скорее всего 10 мая Бурляй и Мужиловский от имени гетмана и от собственного имени отправили письмо патриарху, в котором благодарили его за доброту и очередной раз просили его убедить царя взять казаков под свое покровительство.[52]

14 мая Никон ответил на письмо Богдана Хмельницкого, доставленное ему посланниками гетмана. Никон уверял Богдана, что будет продолжать советовать царю, чтобы тот выказал казакам свое

расположение.[53] В июне царь, вне всяких сомнений, после совещания с патриархом и наиболее влиятельными боярами, принял решение принять гетмана и казаков "под его царского величества высокую руку". Алексей Михайлович известил Богдана Хмельницкого об этом решении в письме от 22 июня. Особый посланник царя Федор Абросимович Ладыженский вручил это письмо гетману в Чигирине 10 июля 1653 г.[54] Для того, чтобы иметь юридическую силу, царское решение должно было быть одобрено Земским Собором. Поэтому письмо Алексея Михайловича к Хмельницкому имело всего лишь характер предварительного извещения.

Торжественное заседание Собора было созвано 1 октября в Грановитой палате. На этом собрании присутствовали: патриарх Никон, митрополит Михаил Сербский, все иерархи московского патриаршества, бояре и прочие члены Боярской Думы, московские дворяне, представители провинциального дворянства (*дворяне городовые*), оптовые купцы (*гости*), члены двух основных купеческих корпораций (*гостинной* и *суконной сотен*), представители простых горожан (*черных сотен*), мелкого купечества и стрельцов.

Как и в 1651 г., Собор обсуждал оскорбления со стороны Польши и казацкую петицию. Голосование проходило по группам. Сперва опрашивалось мнение бояр; затем – каждого из прочих сословий. Духовенство не голосовало.

Было единогласно решено прервать переговоры с Польшей и принять казацкое войско под царское покровительство.[55] 9 октября царь послал великое посольство к Богдану Хмельницкому, в состав которого входили: боярин Василий Васильевич Бутурлин, окольничий Иван Васильевич Олферов (Алферов) и дьяк Ларион Лопухин. Каждого из них сопровождало несколько помощников и чиновников.[56]

Первым местом назначения на их пути был город Путивль на реке Сейме близ границы Черниговской области. Отсюда Бутурлин должен был проследовать к месту пребывания гетмана, которое тогда не было известно в Москве по причине казацко-польской войны. Царское посольство достигло Путивля 1 ноября. К тому времени гетман Хмельницкий все еще находился в Жванце. Он послал полковника Ивана Федоренко встретить Бутурлина. Федоренко прибыл в Путивль 3 декабря. Он сказал, что гетман возвратился в Чигирин, как только получил известие о приезде вели-

кого посольства. Переяслав (Переяславль) был указан как подходящее место для их встречи.

Последовал обмен курьерами между Бутурлиным и Хмельницким. Никто из них не хотел ехать прежде чем не убедится, что другой действительно приезжает на встречу. Обоюдная подозрительность в конце концов была преодолена. Бутурлин и его спутники приблизился к Переяславу 31 декабря. Не доезжая до города примерно пяти километров, их встретил переяславский полковник Павел Тетеря во главе шестисот казаков. Тетеря приветствовал царское посольство торжественной речью. Когда все они проследовали к городу, переяславский архиерей Григорий во главе духовенства, несущего кресты и иконы, ждал московского посланника перед городскими воротами. Множество горожан со своими семьями стояло вокруг в ликующем настроении. Архиерей Григорий приветствовал московитов от имени всего православного народа и восславил Господа за исполнение их давно лелеемого желания — воссоединения Малой Руси с Великой Русью.[57] Термин *"Малая Русь"* использовался в отношениях между патриархами Константинопольскими и русским духовенством и князьями для обозначения юго-западной России (т.е. Украины), начиная с конца XIII века.[58]

Хмельницкий намеревался появиться в Переяславе на следующий день — 1 января 1654 г., но его приезд был отложен из-за опасного состояния льда на Днепре, что делало переправу через реку невозможной. Он достиг Переяслава к вечеру 7 января и встретился с Бутурлиным. Гетмана сопровождали войсковой писарь Иван Выговский и полковник Тетеря.

В официальном заявлении Бутурлину Хмельницкий и Выговский говорили о царе Алексее Михайловиче, как о родственнике Владимира Святого: *"Как орел закрывает свое гнездо [крыльями], так и государь [царь Алексей Михайлович] соизволил принять нас под свою высокую руку; Киев и вся Малая Русь — его царского величества вотчина"*.[59]

Утром 8 января гетман созвал тайную раду со старшинами, которые подтвердили решение признать царя их покровителем. После этого на улицах Переяслава целый час звучали сигналы для всех присутствующих там казаков собраться на главной площади города на общее собрание — *раду*, чтобы решить судьбу украинского народа. Гетман обратился к раде, напомнив собравшимся, что

они жили без государя иа протяжении последних шести лет (с 1648 по 1654 гг.), и их это не удовлетворяло.

"Теперь мы видим, что больше не можем жить без царя". Он заявил раде, что они должны выбрать из четырех государей: турецкого султана, крымского хана, короля Польши и "великого государя, восточного царя". Первые двое, рассуждал Хмельницкий — мусульмане; что касается короля, каждый из иас знает, как много мы претерпели от польских вельмож; восточный царь — такой же греко-православиой веры, что и мы. Хмельиицкий обратился к народу, чтобы тот решил, кого же он хочет. *"А те, кто не согласиться с нами, пусть идут, куда хотят"*. Собравшиеся на площади закричали: *"Мы выбираем восточного православного царя"*. Затем полковник Тетеря прошел по городу, опрашивая людей: *"Все ли вы согласны?"*. Ответом было: *"Все мы, единогласно!"*. Затем войсковой писарь Иваи Выговский объявил, что все казаки и горожане признают царя своим государем.

После собрания рады московские послаииики встретились с гетманом и старшинами. Бутурлии торжественно вручил гетману царское послание, адресованное ему и всему запорожскому войску. Выговский зачитал послание всем присутствующим. Затем Бутурлин обратился к собранию, повторив мотивы царского решения приияять казаков под свое покровительство. После этого Бутурлин, гетман и старшины последовали в переяславский собор, где московские священиики, архимандрит Прохор и архиерей Андриан, как и переяславский архиерей Григорий, стояли, будучи готовы привести их к присяге иа верность царю.

В этот момеит, иеожидаиио для всех, Богдан Хмельницкий вмешался с требованием, чтобы Бутурлии и его помощники первыми поклялись имеием царя Алексея, что он никогда не предаст казаков полякам, что ои не нарушит их свобод, что он подтвердит права на земельиые угодья украинской шляхты, казаков и горожаи и выпустит грамоты, касательно их угодий. Бутурлии ответил, что царь никогда ие давал клятв своим подчииенным, поскольку его слово всегда крепко.

Богдан вышел из церкви, чтобы посоветоваться со старшинами, которые отправили в церковь в качестве своих делегатов полковника Тетерю, который, вместе с Выговским, возглавлял консервативную партию среди старшии, и миргородского полковни-

ка Григория Сахновича. Оба они настаивали на том, чтобы Бутурлин дал клятву от имени царя, и приводили доводы, что польские короли всегда давали клятву своим подчиненным. Бутурлин резко возразил, что, хотя польские короли в действительности делали так, они не сдерживали своих клятв. Но "царское слово неизменно". Два полковника объявили, что гетман и старшины доверяют царскому слову, но рядовые казаки — нет, и поэтому потребовали царской клятвы. После этого делегаты возвратились к гетману, чтобы посоветоваться с ним еще раз. Заявление делегатов, конечно же, было лицемерным и, по всей видимости, было сделано, чтобы спасти свой престиж. Конечно, именно старшины хотели получить от царя политические гарантии, а также подтверждение прав на казацкие земельные угодья. Что же касается рядовых казаков, они с подозрением относились к самим старшинам и сердились на то, что принятие клятвы верности царю оттягивается. Вследствие этого гетман и старшины незамедлительно вновь появились в церкви в сопровождении группы казаков и выразили свою готовность приступить к принесению клятвы без всяких условий. Однако они выразили намерение обратиться позднее к царю с петицией для подтверждения прав и привилегий запорожского войска. Это оказалось приемлемым для Бутурлина.

Затем гетман и старшины торжественно поклялись в своей верности царю. После этой церемонии все они направились в переяславское административное здание, и там Бутурлин, от имени царя, передал гетману символы его власти — знамя и булаву, а также богатый костюм (ферязь) и меховую шапку в московском стиле. Обильные дары были преподнесены писарю Выговскому и всем старшинам.

На следующий день низшие офицеры запорожского войска, рядовые казаки и горожане поклялись в верности царю в переяславском соборе. На протяжении следующих трех дней Бутурлин провел ряд серьезных совещаний с гетманом и старшинами.

Гетман снабдил Бутурлина списком украинских городов и селений, в которых царские должностные лица должны были принять клятву верности царю. Самому Бутурлину нужно было ехать в с этой целью в Киев и Нежин. Он объявил также, что, в соответствии с просьбой Богдана Хмельницкого, в Киев вскоре будет отправлено подразделение московских солдат для защиты города от

поляков. В виду угрозы войны с Польшей были согласованы совместные действия московских и казацких войск. И Хмельницкий, и Выговский сообщили Бутурлину, что белорусы в Великом княжестве Литовском ждут того, чтобы царь и их принял под свое покровительство.

С точки зрения политической, самой значительной темой переяславских переговоров Бутурлина с гетманом и старшинами было придание окончательной формы условиям объединения Украины с Москвой.[60] От своего лица и от лица старшин Хмельницкий просил царя подтвердить права шляхты, казаков и горожан: *"Пусть шляхтич остается шляхтичем, казак — казаком, а горожанин — горожанином"*. Судить казаков должны будут полковники и сотники. Затем Хмельницкий объяснил, что при польском режиме казаку за его верную службу жаловалось земельное угодье только на время его собственной жизни; после смерти казака его жена и дети не наследовали земли. Хмельницкий потребовал, чтобы теперь казацкие земли стали полной собственностью для них и их потомков. Бутурлин заверил гетмана, что царь удовлетворит эти требования.

Затем Хмельницкий попросил, чтобы число реестровых казаков было установлено в количестве шестидесяти тысяч человек. Он объяснил, что не стал бы возражать и против большего числа, если это устроит царя, и не потребовал для казаков жалования. Кроме того, Богдан Хмельницкий попросил о том, чтобы район Чигирина был приписан к его должности гетмана. При таком положении дел Иван Выговский сказал, что он напишет петицию царю, чтобы тот подтвердил его право на землю, которой он владеет в настоящее время, и даровал ему больше земель. Что касается официальной печати гетмана и запорожской армии (на которой все еще стояло имя короля Польши), Выговский попросил, чтобы царь прислал гетману новую печать с царским именем на ней.

В общем, требования старшин сводились к подтверждению прав и привилегий запорожского войска, шляхты и городов, каковыми они были при польских королях, особенно в период действия Зборовского договора; а также в некоторых особых случаях к расширению старых прав, таких как срок владения землей казаками и число реестровых казаков.

Основывая свои пожелания на конституционном положении казаков, шляхты и городов под властью польских королей, казацкие старшины считали само собой разумеющимся, что царь наделен такими же правами и полномочиями, что и король Польши. И Хмельницкий, и Выговский объяснили Бутурлину, что царь имеет право собирать с украинских городов такие же налоги и пошлины, что и польский король. Выговский только настаивал на том, чтобы не царские воеводы, а муниципальные власти собирали деньги всякий раз и передавали их царским доверенным лицам. Более того, Выговский объяснил, что владения польской короны, так же как и земельные угодья польских магнатов теперь принадлежат царю, и он может прислать своих чиновников для проведения переписи населения. По всей вероятности, именно из этого источника сам Выговский предполагал получить землю от царя.

В конце делегация старшин потребовала, чтобы Бутурлин дал им письменные гарантии того, что царь подтвердит казацкие права и привилегии, включая их права на земельные угодья. Бутурлин наотрез отказался делать это, и, в то же время, заверил их, что их права будут подтверждены царем. Делегаты покинули совещание вместе со всеми старшинами. Один из них вскоре вернулся с заявлением, что гетман и старшины находятся в зависимости от царской доброй воли. 13 января гетман, писарь запорожского войска, полковники и прочие офицеры нанесли официальный визит Бутурлину. Гетман от лица всей запорожской армии с городами и землями сделал заявление о верности царю. Таким образом, переговоры старшин с Бутурлиным в Переяславе были завершены.

В предыдущий день, 12 января, Бутурлин нанес визит представителям украинской шляхты, которые потребовали, чтобы Бутурлин подтвердил их привилегированный статус по сравнению с рядовыми казаками и назначил им должности в местном управлении на Украине. Список подобных должностей с именами тех шляхтичей, которые должны были занять эти места, был вручен Бутурлину. Бутурлин ответил им, что обсудит эту петицию с гетманом. Это напугало шляхту, и они забрали петицию обратно, попросив Бутурлина не упоминать о ней гетману.

14 января Бутурлин направил посланников в семнадцать украинских областей (*полков*), чтобы принять клятву верности, а он и его помощники отправились в Киев. Они приблизились к Киеву

через два дня. Не доезжая примерно две мили до Золотых Ворот, они были встречены митрополитом Сильвестром с группой священников и монахов. Сильвестр в своей речи, составленной в осторожных выражениях, воздал хвалу Бутурлину и его спутникам за их желание посетить город первого благочестивого русского князя: "В моем лице благочестивый Владимир, великий князь русский, и первозванный апостол Андрей, который предрек Господню славу на этой земле[61], целуют вас [...] и святые Антоний и Феодосий из Лавры целуют вас [...] И мы целуем вас и приглашаем войти в наш дом Господень — место благочестивых русских князей будет возрождено, как возрождается юность орла".

Хотя он тепло приветствовал приезд царских послов в Киев, Сильвестр ни словом не упомянул о царском протекторате над Малой Русью. Дело в том, что он не выражал симпатий по отношению к переяславской раде и никогда ранее не выказывал поддержки желанию Хмельницкому признать царский протекторат над казацким войском.

После того, как Сильвестр произнес свою речь, они с Бутурлиным и их спутниками вошли в город и проследовали для молитвы в собор Святой Софии. Затем Бутурлин напрямую спросил Сильвестра, почему тот не написал царю письма в поддержку петиции Богдана Хмельницкого. Сильвестр уклончиво ответил, что он не знал о действиях Хмельницкого, но что он выражает желание молить Господа о здоровье царя. Бутурлин принял такое объяснение.

17 января казацкие офицеры, рядовые казаки, находившиеся в Киеве, и киевские горожане принесли клятву верности царю. Затем Бутурлин отправил своих представителей к митрополиту Сильвестру и архимандриту Лавры Иосифу просить их, чтобы они прислали людей, находящихся у них в подчинении (шляхту и горожан, как и домашних слуг), для принесения клятвы верности. Ответа не последовало. На следующий день Бутурлин направил одного из чиновников своего посольства Ивана Плакидина к Сильвестру и Иосифу и потребовал, чтобы люди, находящиеся у них в подчинении, немедленно были присланы для принесения клятвы под угрозой наказания. Сильвестр ответил, что эти люди находятся под его властью, и не пристало им давать клятву верности царю. Тогда Бутурлин послал дьяка Лопухина, чтобы тот призвал митрополита. Очередной раз Сильвестр отказался подчиниться. Ло-

пухин был возмущен и не попросил у митрополита благословения, как того требовал древний обычай. Однако 19 января Сильвестр и Иосиф внезапно изменили свое решение и позволили подвластным им людям принести клятву.

Сделав это дело, Бутурлин и его сопровождающие покинули Киев и направились в Нежин. На пути они получили настойчивые письма гетмана и войскового секретаря, просивших Бутурлина ускорить прибытие московских солдат в Киев.[62] Бутурлин немедленно написал воеводе московский войск отправлявшихся в Киев, князю Федору Семеновичу Куракину, чтобы тот поспешил к месту назначения из Путивля, где в то время был его лагерь. 23 января Бутурлин и его спутники достигли Нежина, где их тепло приняли духовенство и местное население. На следующий день к присяге на верность были приведены находившиеся в Нежине казаки, горожане и "все прочие люди". Его миссия была успешно выполнена, и Бутурлин возвратился в Москву.

6. Условия объединения Украины с Москвой

Украина оказалась под протекторатом царя, но четкие условия объединения еще не были формально согласованы. Однако, в переговорах с Бутурлиным гетман и старшины подчеркивали свои требования, а Бутурлин дал им понять, что царь будут готов рассмотреть эти требования.

В конце января и начале февраля Богдан Хмельницкий собирал несколько совещаний со старшинами в Чигирине. На этих совещаниях были пересмотрены отдельные моменты в формулировках прежних требований и были добавлены некоторые новые требования. Одно из них касалось утверждения царем прав и привилегий митрополита киевского. В другом велась речь о полномочиях гетмана обмениваться послами с иностранными державами. Пункт о казацком реестре был некоторым образом изменен. Первоначально Богдан Хмельницкий сказал Бутурлину, что он не стал бы возражать, если бы царь увеличил численность реестровых казаков более шестидесяти тысяч и что у царя не будут просить, чтобы он платил казакам жалование. Теперь старшины отвергли это предложение Хмельницкого. Было четко установлено количество — шестьдесят тысяч реестровых казаков, и было предложено обратиться к царю с петицией, чтобы он назначил ежегодное жалование казакам.

За всеми этими формальностями таился конфликт между аристократическими идеями консервативной партии среди старшин и более либеральным отношением гетмана. Старшины желали установить четкое разделение между крестьянами и казаками и поэтому твердо установить число последних. Таким образом, вступление в ряды казаков было бы закрыто для крестьян, за исключением тех случаев, когда открывались вакансии. Фактически, на всем протяжении восстания и войны казацкие войска постоянно пополнялись крестьянами, к которым Богдан Хмельницкий снова и снова обращался за поддержкой. Лучше, чем кто-либо иной на чигиринских совещаниях, он понимал невозможность запрещения крестьянам вступать в ряды казаков, особенно в ситуации, когда нависала угроза новой войны с Польшей. В связи с этим он хотел оставить открытым путь для увеличения числа реестровых казаков, если и когда это необходимо. Плата царем жалования казакам предполагала установленную численность казаков, поэтому гетман не хотел обращаться с петицией к царю по поводу жалования.

Совещание завершилось избранием в качестве посланников к царю главного судьи запорожского войска Самойло Богдановича Зарудного и переяславского полковника Павла Тетери.

17 февраля Богдан Хмельницкий написал царю письмо от своего собственного имени, от имени запорожского войска и всей русской христианской общины (*мира*) всей Малой Руси. Хмельницкий обращался к царю, чтобы тот утвердил права, уставы, привилегии и свободы как духовенства, так и мирян. Он добавлял, что его посланники вместе с петицией передадут царю много особых требований, неупомянутых в письме.[63] С этой целью Хмельницкий дал посланникам особые инструкции, текст которых до нас не дошел.[64] Вдобавок к этим инструкциям посланники везли предложения по вопросам, обсуждавшимся на чигиринском совещании, и замечания по поводу некоторых из вопросов, которые можно было использовать при подаче статей, касающихся объединения, на рассмотрение Боярской Думе.

Зарудный и Тетеря прибыли в Москву 12 марта.[65] На следующий день царь принял их. Посланники передали царю письмо Богдана Хмельницкого и упомянули о его подарке царю — сером скакуне. После этого приема начался первый раунд переговоров посланников с особым комитетом Боярской Думы, который вклю-

чал в себя князя Алексея Никитича Трубецкого, Василия Васильевича Бутурлина, Петра Петровича Головина и думного дьяка Алмаза Иванова.[66] Заседание длилось четыре дня. Для поддержки их официальной петиции казацкие послы привезли с собой ряд документов, содержащих заверенные тексты грамот 1649-1650 гг., выданных королями Владиславом IV и Яном Казимиром.[67]

В первый день совещания обсуждалось двадцать пунктов из казацкого требования.[68] 14 марта Зарудный и Тетеря представили комитету систематический перечень требований, содержащий двадцать три статьи.[69] Этот перечень был передан комитетом на рассмотрение Боярской Думе. Дума обсуждала статьи одну за другой. Она поддержала большинство из них без оговорок или с небольшими поправками. Только статья 21 (касательно жалования для запорожского войска) не была утверждена. Дума постановила, чтобы комитет постарался убедить казацких полковников опустить этот пункт.

Когда решение Думы было передано посланникам, они вновь заявили об этом требовании.[70] Комитет поставил вопрос перед Думой для повторного обсуждения. Тогда Дума посоветовала, чтобы царь немедленно послал деньги из московской государственной казны в счет жалования запорожскому войску из расчета четверть венгерской золотой монеты на каждого казака, предполагая, что к оплате должно быть предоставлено шестьдесят тысяч человек. Деньги для будущих выплат должны были поступать из местного дохода Малой Руси. Этот доход должен был быть определен после проведения переписи населения, для чего следовало направить царских должностных лиц. Царь объявил свое решение о казацком жаловании Зарудному и Тетере в общих словах 19 марта, когда он принял их на прощальной встрече. Во время совещания посланников с Боярской Думой, которое последовало за приемом, посланникам[71] были раскрыты финансовые соображения касательно будущих выплат.

Тем временем в Чигирине Богдан Хмельницкий ждал результатов переговоров в нервном состоянии. 21 марта Богдан отправил два письма в Москву, одно царю, а другое Зарудному и Тетере. В письме к Алексею Михайловичу Богдан просил утвердить привилегии и права запорожского войска так быстро, как это только возможно.[72] В письме к своим посланникам[73], Богдан давал им указания о том, чтобы они убедились в утверждении царем всех условий объединения без какого-либо упущения. Богдан сообщил Зарудному и Тетере, что

турецкий султан прислал к нему послов, донесших до него обещание султана не только утвердить существующие права и привилегии запорожского войска, но и даровать новые.

Более того, Богдан сообщал, что польский король также выпустил обращение ко всему украинскому народу, в котором выразил готовность удовлетворить все требования. Богдан добавлял, что его курьер Филон Горкуша должен будет объяснить содержание письма более детально. Вполне очевидно, что Богдан хотел, чтобы его послы использовали информацию о султане и короле для давления на царя, если это будет необходимо. Страхи Богдана Хмельницкого оказались беспочвенны. Никакого давления не потребовалось, поскольку, к тому времени, переговоры между казацкими посланниками и комитетом Боярской Думы приближались к успешному завершению.

В тот самый день, когда Хмельницкий писал свое письмо, царь утвердил перечень казацких требований, известных под названием "Одиннадцать Статей".[74] Содержание "Одиннадцати Статей" частично совпадало с предыдущим перечнем, состоявшим из двадцати трех статей. Те пункты из последнего перечня, что не вошли в "Одиннадцать Статей", были утверждены рядом особых грамот.

Наиболее важной из них была "жалованная грамота" о правах и свободах запорожского войска, обнародованная 27 марта.[75] В тот же день была дана грамота Богдану Хмельницкому, подтверждающая передачу Чигиринского района гетманской должности в качестве средства для существования[76], и еще одна была выдана украинской шляхте, чтобы обеспечить ее права и привилегии.[77]

Существовало намерение одновременно обнародовать грамоту о правах и привилегиях киевского митрополита и духовенства, но из-за конфликта между митрополитом Сильвестром и московитским воеводой Киева ее пришлось отложить вплоть до дальнейших обсуждений. В конце июля царь принял посольство от киевского митрополита, после чего грамота была ему дана.[78] Пред этим, в апреле, грамота была дарована городу Переяславу, а другая — гильдии ремесленников этого города (обе в ответ на соответствующие петиции).[79] В июле были даны грамоты несколько более ограниченного характера, адресованные муниципальным властям и ремесленникам города Киева.[80]

Взятые вместе клятва, принесенная казаками и народом Переяслава и других украинских городов в январе 1654 г., грамота запорож-

скому войску от 27 марта, "Одиннадцать Статей" от 21 марта и особые грамоты, выпущенные с 27 марта по 11 августа, составили основание для условий объединения Украины и России. Эти условия могут быть систематически обозначены следующим образом:

1. Казаки и весь украинский народ дали клятву верности царю.

2. Всей запорожской армии даровано подтверждение ее прав и свобод, включая независимость казацких судов и неприкосновенности казацких земельных угодий.

3. Правление гетмана (по крайней мере, ныне живущего гетмана, Богдана Хмельницкого) должно длиться всю его жизнь. После смерти гетмана запорожское войско должно избрать его преемника; новый гетман должен давать клятву верности царю. Район Чигирина приписан к гетманской должности. Гетману дано право обмениваться послами с зарубежными странами, за исключением Польши и Турции. Он обязан докладывать царю обо всех умыслах против царя, разоблаченных его сторонниками. Гетман не должен был вести переговоров с Турцией и Польшей без санкций со стороны царя (это исключение было введено Боярской Думой).

4. Войсковой писарь и войсковые судьи должны были получать соответствующие суммы денег для оплаты канцелярских работ. Каждому из них дано было право получать пошлину с мельницы в качестве средств к существованию.

5. Число реестровых казаков было установлено в количестве шестидесяти тысяч человек, и все они должны были получать ежегодное жалование из части дохода с Украины, на что царь дал право.

6. Царь должен был взять на себя обязательство обеспечивать средствами к существованию и военным снаряжением гарнизон казацкой крепости в Кодаке, а также запорожское казацкое войсковое братство (*кош*).[81]

7. Традиционные права и привилегии украинской шляхты подтверждались.

8. Муниципальные власти в украинских городах должны были избираться местным населением в каждом городе. Особо утверждались права и привилегии переяславских и киевских горожан и ремесленников.

9. Митрополит и остальное духовенство Киева должны были пользоваться своими прежними правами и привилегиями.

Существовало одно единственное сословие украинского народа,

определения прав которого не требовали казацкие посланники, и которое не включалось в условия объединения — этим сословием было крестьянство. Тем не менее, оно составляло большую часть украинского населения. Казацкие делегаты настаивали на различении крестьян от казаков, но в связи с этим упоминались только обязанности крестьян, а не их права.

После исполнения их официальных дел казацкие делегаты обратились к частным интересам старшин и стали обращаться к царю с петициями по поводу пожалования им земель. Выговский сообщил Бутурлину в Переяславе еще в январе, что намеревается обратиться с подобной просьбой к царю. Однако он не давал указаний Зарудному и Тетере, чтобы они действовали от его имени. Богдан Хмельницкий через своих посланников просил царя Алексея Михайловича подтвердить его права на ранее приобретенные им угодья, а также даровать ему город Гадяч с доходами от него.[82] Зарудный просил себе один из городов с прилегающими к нему землями; Тетеря — город Смелу. Царь удовлетворил все их просьбы.[83] Вскоре началось настоящее стихийное массовое движение высших офицеров запорожского войска, которые требовали для себя земельных пожалований от царя.[84]

На протяжении всего хода мартовских переговоров с казацкими делегатами, московское правительство, хотя и удовлетворяло требования казаков, не делало попыток сформулировать царские прерогативы на Украине, за исключением немногих случаев, когда делались оговорки касательно особых моментов в казацких требованиях. Так Москва постановила, что гетман не должен вести переговоров с Польшей и Турцией без санкции на то царя. Как на переяславском, так и на московском совещаниях сами казаки приняли как само собой разумеющееся, что царь будет пользоваться теми же самыми прерогативами на Украине, что и польские короли до него. Казацкие посланники предложили Боярской Думе, чтобы царь получил право на доход с прежних владений польской короны на территории Украины, а также с находящихся там имений польских магнатов. Они предполагали также, что он будет получать долю от дохода с украинских городов и селений, деньги с которых должны будут собирать представители муниципальной власти и передавать царским воеводам. Боярская Дума приняла это предложение на заметку, когда подтверждала требование выплаты жалования запорожскому войску.

Касательно вопроса о воеводах, назначающихся царем, гетман Хмельницкий просил еще до Переяславской рады, чтобы царь послал своих воевод в Киев во главе большого отряда солдат, в качестве предупредительной меры против поляков. В переговорах бояр с казацкими посланниками после их прощальной встречи у царя 13 марта, бояре упомянули о намерениях царя назначить воеводу в Киев. Посланники не имели ничего против этого плана, но позднее гетман отказался от того, чтобы согласиться с этой идеей.

Когда переговоры между казацкими посланниками и Боярской Думой были завершены, царский титул был изменен: было — "Самодержец всея Руси", стало — "Всея Великия и Малыя России". Соответственно, была разработана новая государственная печать. И, в соответствии с договоренностью между Бутурлиным и гетманом со старшинами в Переяславе, была изготовлена новая печать для запорожского войска, на которой имя короля польского было заменено царским именем.

Юридическая природа объединения Украины с Москвой представляла собой весьма спорную проблему для нескольких поколений историков и юристов. Можно упомянуть лишь немногие из расходящихся точек зрения: некоторые исследователи определяли юридическую природу этого объединения, как инкорпорацию Украины в Россию с гарантиями автономии для Украины (точка зрения барона Б.Е. Нольде); согласно иным, статус Украины после объединения стал статусом вассального государства (Грушевский и Л. Окиншевич); некоторые другие ученые предпочитают вести речь об объединении как о военном и политическом союзе между Украиной и Москвой под протекторатом царя (В. Липиньский).

Обладая, несмотря ни на что, особой значимостью, объединение Украины с Москвой представляло собою событие огромной важности в истории обоих народов — как украинского, так и русского. Оно явилось также поворотным пунктом в отношениях между восточными славянами и Польшей.

Было заложено основание для постепенной трансформации Московского царства в Российскую империю.

ПРИМЕЧАНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

[1] See W.E.D. Allen, *Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century* (London, Central Asian Research Center, 1963).
[2] См. *Монголы и Русь*.
[3] Ibid, pp. 290-292.
[4] Cf. Id., p. 256, n. 38.
[5] Россия в средние века.
[6] Id., p. 153.
[7] I.R. /кн. Николай Трубецкой/ Наследие Чингисхаиа. Berlin, 1925. См. Монголы и Русь.
[8] См. Монголы и Русь.
[9] *Id.*, pp. 331-332. Относительно предков Касима см. с. 431.
[10] Вельяминов-Зернов, 2, 1.
[11] *Монголы и Русь*.
[12] См. Вельяминов-Зернов, 3, 202-209, 317-502; 4, гл. XVII.
[13] Котошихин, гл. 2, разд. 12.
[14] Об истоках термина "казак" см.: *Россия в средние века*.
[15] О подъеме украинских казаков см.: *Россия в средние века*.
[16] *Id.*, pp. 261-262.
| Новосельский, с. 23.
[18] "Левый берег" Днепра — район к востоку от Днепра; "правый берег" — к западу от реки.
[19] Новосельский, с. 434-436.
[20] Там же, с. 435.
[21] Там же, с. 436.
[22] Там же.
[23] См. Перечень у Новосельского, с. 437-438.
[24] Новосельский, с. 442.
[25] Там же, с. 10-11, 45-55.
[26] Сборник, 59, 548, 576-578; Новосельский, с. 11.
[27] Богоявленский, ред. *Акты времени междуцарствия* (1915), с. 88; Новосельский, с. 46-47.
[28] См. *Россия в средние века*.
[29] О Филофее и теории Третьего Рима см.; *Россия в средние века*; N. Andreyev, *Filofey and his epistle to Ivan Vasilyevich*, SEER, 90 (1959), 1-31. Андреев полагает, что послание Филофея "Ивану Васильевичу" было написано около 1500 г. и адресовалось Ивану III (а не Ивану IV, как обычно полагают). Аргументация Андреева кажется мне убедительной.
[30] См.: Малинин, *"Старец Филофей"*, приложения, приложение X (с. 57-66); Andreyev. *Filofey*, especvally, pp. 10-12.
[31] См.: Зыкин, 1, гл. 1-2.
[32] Вальденберг, с. 60.
[33] См. Россия в средние века.
[34] Г. Вернадский, *Византийские учения о власти царя и патриарха* — сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926, с. 143-154; Г.А. Острогорский.

Отношение церкви и государства в Византии — Seminarium Konolakovianum, 4 (1931), 123-132. Ср. Вальденберг, с. 80-81.

[35] *Epanagoge*, Zachariaca Liugenthal, ed. — Collectio Librorum Juris Gracco-Romani ineditorum, Lipsiac, 1852, pp. 65-68.

36См. *Россия в средние века*; Цыцыкин, 1, 153-159.

[37] О периоде регентства великой княгини Елены см.: И.И. Смирнов. *Очерки политической истории*, с. 45-52, с. 225-248.

[38] Н.Е. Носов. *Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI в.*. Москва-Ленинград, 1957, с. 36-45

[39] Зимин. *Реформы*, с. 201-207.

[40] Об остатках местной автономии в Новгороде к середине XVI в. см.: М.Н. Тихомиров. *Россия в XVI столетии*. Москва, 1962 , с. 299-316.

[41] Текст Белозерской грамоты см. ПРП, 4 (1956), 176-179. Ср. Н.Е. Носов. *Очерки по истории местного управления*, с. 236-251.

[42] О Нило Сорском см.: *Россия в средние века*.

[43] Fennell, ed and translator. *Correspondence between Prince A.M. Kurbsky and Tsar Iwan IV*. Cambwolge, 1955, p. 75.

[44] Fennell. *Correspondence*, p. 79.

[45] Соловьев, 6, 429-430.

[46] Fennell. *Correspondence*, p. 79.

[47] Шмурло. *Курс русской истории*, 2, часть 1, 55.

[48] И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 101.

[49] *ПСРЛ*, 13, часть 2, 449; Соловьев, 6, 429-431; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 110-111; Зимин. *Реформы*, с. 268-269.

[50] Генеалогию Глинских см.: *Россия в средние века*.

[51] О митрополите Макарии и его деятельности см.: Макарий. *История русской церкви*, 6, 209-294; Голубинский. *История русской церкви*, 2, 744-875; Карташев. *Очерки по истории русской церкви*, 1, 424-442; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 194-202.

[52] О священнике Сильвестре см.: И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 231-257.

[53] Об Алексее Адашеве см.: И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 212-251.

[54] О Пересветове см.: Зимин. *Пересветов* /с библиографией ранее опубликованных работ/; Зимин, ред. *Сочинения Пересветова*; Чижевский. *Русская духовная история*, 1, 105-107.

[55] Об Ермолае-Еразме см.: В. Ржига. *Литературная деятельность Ермолая-Еразма*, ЛЗАК, 23 (1926), 103-200; Т. Колесникова. *Общественно-политические взгляды Ермолая-Еразма*, ТОДРЛ, 9 (1953), 251-265; Зимин, *Пересветов*, гл. 3; Клибанов. *Реформационные движения*, с. 288-290, 338-341, 351-353; Billington, p. 91 and notes 53-54, p. 663.

[56] Об Артемии см.: *Россия в средние века*; Зимин. *Пересветов*, указатель; Калибанов, указатель.

[57] О Башкине см.: Зимин. *Пересветов*, с. 168-182.

[58] См. *Россия в средние века*.

[59] О Максиме Греке см.: Иконников. *Максим Грек и его время*, Киев, 1866; 2-е изд. — 1915; Вальденберг, с. 247-265; Зимин. *Пересветов*, с. 416-420; Denisoff. *Grecet l'Occident* (1943); Paramichael G.. *Maximus Graecus* (in Greek, Athens, 1950); *Россия в средние века*; Billington, pp. 91-95 and notes 55-57, pp. 663-664. Сочинения Максима Грека были опубликованы Казанской духовной академией (3 т., Казань, 1859-1862); на современном русском языке — Троицким монастырем (3 т., 1910-1911).

[60] Максим Грек. *Сочинения* (изданиe Казанской духовной академии), 3 т., Казань, 1862, 153-154.
[61] *Россия в средние века.*
[62] Рукопись Макарьевых "Четьи Минеи" состоит из двенадцати больших томов. Археологическая комиссия начала публиковать "Минеи", но публикация не была завершена до 1917 г. и далее не продолжалась. Смотри "Великие Четьи Минеи", сентябрь, октябрь, ноябрь, январь, апрель (С.-Петербург, 1868-1917).
[63] *Россия в средние века.*
[64] Карташев, 1, 431.
[65] Относительно коронации Дмитрия в 1498 г. см.: *Россия в средние века*; Савва. *Московские цари и византийские василевсы*, с. 121-128. О коронации Ивана IV см.: ПСРЛ, 13, часть 1, 150-151; Савва, с. 146-147; Вальденберг, с. 275-278.
[66] См.: *Россия в средние века*; Дмитриева. *Сказание о князьях Владимирских*. Москва, Ленинград, 1955.
[67] О генеалогии Захарьиных-Юрьевых см. Генеалогическую таблицу IV, "Предки Романовых", *Россия в средние века*.
[68] ПСРЛ, 13, часть 1, 236 (интерполяция). Последняя фраза была реконструирована мной. Ее словесное строение спутано и бессмысленно без интерполяции. Ср. И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 119 (Смирнов цитирует фразу как таковую без комментариев).
[69] Макарий, 6, 217-220; Голубинский. *История канонизации святых в русской церкви*. 2-е изд. Москва, 1903.
[70] ПСРЛ, 13, часть 1, 152-154; часть II, 453-455; Соловьев, 6, 433; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 121; Зимин. *Реформы*, с. 295-296.
[71] См.: *Постниковский летописец*, с. 288 (цитировано И.И. Смирновым. *Очерки*, с. 122).
[72] ПСРЛ, 13, часть II. 456.
[73] Fennell. *Correspondence*, pp. 82-83.
[74] Fennell. *History*, pp. 16-17; Карамзин, 8, 103-105; Карамзин. *Примечания*, 8, № 177, с. 43.
[75] Термин Е.Ф. Максимовича. См. его *"Церковно-земский Собор 1549 года"*, ЗРНИБ, 9 (1933), 1-15.
[76] РК 1598, с. 109.
[77] Id., p. 110. Cf. pp. 120-122 (1549), 127 (1550).
[78] См. *Россия в средние века.*
79 Id., pp. 131-132.
[80] Синклит производен от греческого sygkletos — так был известен государственный совет в Византийской империи. О ближней Думе см.: И.И. Смирнов. Очерки, гл. X и XI.
[81] Fennell. *History*, pp. 20-21 (перевод Феннела слегка изменен). Рада по западнорусски (по белорусски и по украинскн) означает "совет".
[82] См.: Шмурло, 2, часть 2, 27-33; Бахрушин. *Труды*, 2, 329-352; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 139-163; Зимин. *Реформы*, с. 316-325; Н. Андреев. *Рецензия на книгу Зимина*, SEEF, 94 (1961), 259.
[83] Корнилов. *Курс русской истории*, 1, 94-110; Vernadsky, *PDHR*, pp. 280-281; Vernadsky. *A History of Russia* (5-th revised edition), p. 195.
[84] Fennell. Correspondence, pp. 190-191.
[85] ПСРЛ, 13, часть II, 524. Английский перевод Н. Андреева *"Interpolation"*, p. 108.
[86] ПРП, 4, 575-576.
[87] Современное русское слово означающее человека, занятого в сельском хозяйстве, — *крестьянин*. В старославянском языке существовала параллельная форма — *христьянин*, которая также обозначала христианина. В современном русском *христианин* —

приверженец христианства. *Христиане* производно от **Христа; христианин от Христа**. См.: Моиголы и Русь.

[88] ПРП, 4, 575-576; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 289-296.

[89] ПРП, 4, 576; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 290, 311-312.

[90] Зимин. *Пересветов*, часть 2, главы 3 и 4.

[91] ПРП, 4, 582-583; *Сибирский сборник*, с. 83; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 401-406 и 489-495. Ср. *Монголы и Русь*, *Россия в средние века*.

[92] ПРП, 4, 581-582; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 407-422; Зимин. *Реформы*, с. 366-375. Зимин рассматривает "избранную тысячу" только как проект, но его аргументация неубедительна. О *дворе* в военном смысле см.: *Монголы и Русь*, *Россия в средние века*.

[93] Относительно Судебника 1497 г. см.:. Текст этого судебника см.: Владимирский-Буданов. *Россия в средние века*, *Хрестоматия*, 2 (5-е изд., 1915), 82-107; Греков, ред. *Судебники XV-XVI веков* (1952), с. 19-29; ПРП, 3, 346-357.

[94] О согласованиях параграфов судебников 1497 г. и 1550 г. см: Владимирский-Буданов. *Хрестоматия*, 2, 184-188 и ПРП, 4, 344-345. Текст судебника 1550 г. см.: Владимирский-Буданов. *Хрестоматия*, 2, 117-181; Греков, ред. *Судебники*, с. 141-177; ПРП, 4, 233-361. Английский перевод: H.W. Dewey. *Muscovite Judicial Texts*, pp. 47-74. О месте судебников 1497 г. и 1550 г. в эволюции русской юридической мысли см.: Backus. *Muscovite Legal Thought*; Ferguson and Levin, eds. Essays in Russian History, pp. 35-68.

[95] Английский перевод этого текста см: Vernadsky, ed. *Medieval Russian Laws*; французский перевод см.: M. Szeftel, ed. *Documents de droit public relatifs a la Russie Mediavale*. Brusclles, 1963.

[96] О смысле параграфа 9 судебника 1497 г. см.: *Россия в средние века*.

[97] *Россия в средние века*.

[98] См: Манков. *Цены*, с. 72 и 97.

[99] Параграф 3 развернутой версии "Русской Правды" см.: Vernadsky. *Medieval Russian Laws*, p. 54.

[100] О кабальном рабстве см.: Сергеевич. *Древности*, с. 159-171; Дьякоиов. *Кабальное холопство*, ЭС, полутом 26, 776-777. *Кабала* — арабское слово, обозначающее "торговую сделку".

[101] В моих комментариях к судебникам 1497 г. и 1550 г. я не пытался сделать полного обозрения их содержания, но хотел проанализировать те параграфы, которые я рассматриваю как особо значимые для понимания эволюции внутренней московской политики и, в особенности, реформ, спланированных "избранной радой". В качестве недавнего анализа параграфов, рассматривающих воровство, см.: Backus. *Moscovite Legal Thought*, pp. 45-46 (судебник 1497 г.) и pp. 50-58 (судебник 1550 г.).

[102] О Стоглавом соборе см.: Макарий. 6, 223-250; Голубинский. *История*. 2, часть 1, 773-795; Жданов. *Сочинения*, 1, 171-272 и 361-380; Карташев, 1, 433-439; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 233-242; Зимин. *Реформы*, с. 378-388.

[103] *Стоглав*, под редакцией Казанской духовной академии. Казань, 1862 ; под ред. Д.Е. Кожанчикова. С.-Петербург, 1863. Французский перевод см.: E. Duchene. *Le Stoglav*. Paris, 1920 (базируется на казанском издании).

[104] *Стоглав*, гл. 3; Послание Ивана Грозного, с. 522-524. Интерпретация Г. Вернадского.

[105] *Стоглав*, гл. 4.

[106] Перечень этих вопросов был опубликован Ждановым. *Сочинения*, с. 175-186; ПРП, 4, 576-580. Ср. И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 301-308 и 486-488. Зимин полагает, что этот перечень был скопирован в 1550 г., т.е. до того как началась сессия собора, см.: Зимин. *Реформы*, с. 389-391.

[107] Этот указ появился как дополнительная глава (глава 101) в четырех рукописях "Стоглава". Он не включен в издание Кожанчикова. Duchesne. *Stoglav*, pp. 261-265. Ср. И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 441-445; Зимин. *Реформы*, с. 389-391.
[108] См.: П.П. Смирнов. *Посадские люди*, 1, 118-120.
[109] До Стоглавого собора славянский перевод шестой новеллы Юстиниана был доступен русским читателям в рукописях различной редакции в "Кормчей книге" (по-гречески, Nomocanon). См. Г. Вернадский. *Византийские учения о власти царя и патриарха*, Recueil Kondakov. Prague, 1926, pp. 143-154.
[110] Ostrogorsky. *Decisions du Stoglav*, p. 411.
[111] О рекомендации двоеперстия митрополитом Даниилом см.: *Россия в средние века*.
[112] Так это сделано в рукописи использованной для издания "Стоглава". See Duchesne. *Le Stoglav*, p. 61.
[113] Так это сделано в рукописи, использованной для издания Кожанчикова, с. 68.
[114] Зимин. Пересветов, сс. 133-139.
[115] Одна четверть равнялась половине десятины. Одна десятина равнялась 2,7 акра.
[116] *Очерки*, 3, 355.
[117] См. *Россия в средние века*.
[118] Относительно этих и последующих событий см.: ПСРЛ, 13, часть I, 155-223; часть II, 457-517; Карамзин, 8 122-197; Соловьев, 6, 455-473; Noldc, I, 29-36.
[119] О возникновении Казанского ханства см.: *Монголы и Русь*; Noldc, I, 1-13; Вельяминов-Зернов, 1, 1-14.
[120] ПСРЛ, 13, часть 1, 156-167.
[121] Старославянскую версию "Жалобы Сюнбеки" см.: Моисеева, ред. *Казанская история*, с. 98-99; *Сказание о царстве Казанском*, с. 94-95 (перевод на современный русский язык, с. 329-330). Cf. Sar Kisyanz. *Geschichte*, pp. 283-284; Ischboldin. *Essaus on Tatar History*, p. 87.
[122] Вельяминов-Зернов, 1, 364-366. Сюнбека вскоре умерла.
[123] О казанской кампании 1552 г. см.: ПСРЛ, 13, часть 1, 177-222; Соловьев, 6 463-473; Noldc, I, 34-36. О военных разрядах см.: РК 1598, с. 133-138.
[124] ПСРЛ, 13, часть II, 523. Ср. С.И. Смирнов. *Очерки*, с. 266-267. Интерпретация Г. Вернадского.
[125] Относительно семейных связей князя Владимира Старицкого с царем Иваном см.: *Россия в средние века* (генеалогическая таблица потомков Ивана III).
[126] О болезни царя в марте 1553 г. и борьбе среди бояр по поводу престолонаследия см.: Карамзин, 8, 211-219; Карамзин. *Примечания*, 8, примечания 373-380; Соловьев, 6, 524-528; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 264-286, 483-485; Зимин. *Реформы*, с. 407-414; Andreev N. *"Interpolations"*; Андреев Н. "Об авторе приписок". Наиболее важный источник изучения событий марта 1553 г. — интерполяции Ивана Висковатого в летописи, ПСРЛ, 13, часть II, 522-526.
[127] ПСРЛ, 13, часть II, 523. Интерпретация Г. Вернадского.
[128] См.: И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 276.
[129] ПСРЛ, 13, часть I, 238, №2.
[130] Ср. Голохвастов и Леонид. *"Сильвестр"*, с. 18-24.
[131] ПСРЛ, 13, часть II, 526; СГГД, 1, №167, с. 400-401; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 276-278; Зимин. *Реформы*, с. 412.
[132] ПСРЛ, 13, часть I, 238, №2. Интерпретация Г. Вернадского.
[133] Там же, 237-238.
[134] Там же, 232.
[135] Весселовский. *Исследования по истории опричнины*, с. 482.

[136] Fennell. *History*, pp. 80-81.
[137] Дата приводится Толстым в книге *"Россия и Англия"*, с. 111. Ср.: Lubimenko. *Relations*, p. 24.
[138] Anderson. *Britan's Discovery of Russia*, p. 3.
[139] Hakluyt, 1, 275.
[140] Id., 255.
[141] Id., 257.
[142] *Россия в средние века.*
[143] Платонов, *Москва и Запад*, с. 9-11.
[144] Hakluyt, 1, 259-260.
[145] СГГД, 5, №113, 134-136 (русский текст); Hakluyt, 1, 313-319; Карамзин, 8, 243-244; Соловьев, 6, 521-522; *Очерки*, 271-272.
[146] Anderson. *Britain's Discovery of Russia*, p. 1.
[147] Hakluyt, 1, 408-409.
[148] Платонов. *Москва и Запад*, с. 5-16.
[149] Fennell. *Correspondence*, pp. 94-95 and 192-193. Феннел переводит "извести" как "отстранить".
[150] Id. pp. 222-223.
[151] Fennell. *History*, pp. 82-83.
[152] ПСРЛ, 13, часть I, 232. Интерпретация Г. Вернадского.
[153] Об этих религиозных движениях в России конца XV и начала XVI вв. см.: Vernadsky. *The Heresy of Judaizers; Россия в средние века*, General Index, s.v. *Heresy of Judaizers*; Казакова Н.А., Я.С. Лурье. *Антифеодальные еретические движения на Руси*; Лурье. *Идеологическая борьба в русской публицистике*; Клибанов.
[154] О Нило Майкове (Сорском) (около 1433-1508 гг.) см.: Флоровский. *Пути русского богословия*, с. 20-22; Fedotov. *Treasury*, с.84-136.
[155] *Россия в средние века.*
[156] Об Артемии см.: Голубинский. *История Русской церкви*, 2, часть I, 832-837; Вилинский. *Послания старца Артемия*; Флоровский. *Пути*, с.31-32; Зимин. *Пересветов*, с.153-168.
[157] Зиновий (Отенский). *Истины показание*. Казань, 1863; Калугин. *Зиновий, инок Отенский*. Ст. Петербург, 1894. Cf. *Россия в средние века*.
[158] Зиновий. *Истины показание*, с. 27-28. Интерпретация Зиновием этого эпизода была принята и повторена в XIX в. Н. Рудневым и митрополитом Макарием. См.: Руднев. *Рассуждение*, с. 127; Макарий. *История русской церкви*, 6, 274.
[159] Зиновий. *Истины показание*, с. 29.
[160] Владимирский-Буданов. *Обзор*, с. 403-405; Сергеевич. *Древности*, 1, 126-140; *Киевская Русь*.
[161] Зиновий. *Истины показание*, с. 26.
[162] См.: Жданов. *Сочинения*, 1, 189-191; Голубинский. *История русской церкви*, 2, часть I, 832-833; Вилинский. *Послания старца Арсения*, с. 44-45; Зимин. *Пересветов*, с. 155-156.
[163] Fennell. *History*, pp. 268-269; Вилинский, с. 52-59.
[164] ААЭ, 1, №238 (документ IV), 249; Зимин. *Пересветов*, с. 182; Клибанов, с .265.
[165] *Russia at Dawn*, pp. 273-278.
[166] Относительно религиозных идеалов Башкина и суда над ним см.: Соловьев, 7. 99-103; Костомаров. *Великорусские религиозные вольнодумцы в XVI веке*, Собрание сочинений, книга I, 1, 240-248; Голубинский. *История русской церкви*, 2, часть I, 821-825; Зимин. *Пересветов*, с. 168-182; Клибанов, с. 265-266.

[167] Основные документы дела Висковатого см.: ААЭ, 1, №238 (документы I-II), 241-246; *Чтения*, 1843, 3, часть II, 3-23; 1858, 2, часть III, 1-42; Соловьев, 7, 98-99; Голубинский. *История русской церкви*, 2, часть I 841-845; Андреев. *О деле дьяка Висковатого*; Зимин. *Пересветов*, с. 178-179.

[168] Андреев. *О деле дьяка Висковатого*, с. 219-241; Флоровский. *Пути*, с. 26-28; П. Муратов. *Русская живопись до середины XVII века*; Грабарь. *История русского искусства*, I-е изд., 6, 319-322; Грабарь. 2-е изд., 3 (1955), 565-570 и 578-582 (влияние западных канонов на новые иконы в Благовещенском соборе не упоминается во втором издании Грабаря).

[169] *Чтения*, 1847, 3, часть II, I.

[170] Об идеях Феодосия Косого, а также о расследовании его дела и побеге см.: Калугин. *Зиновий Отенский*, с.1-90; Голубинский. *История русской церкви*, 2, часть I, 825-830; Зимин. *Пересветов*, с. 182-214; Клибанов, с. 266-272. О деятельности Феодосия в Западной Руси см.:*Россия в средние века*.

[171] см.: *Россия в средние века*.

[172] Тихомиров, ред. *У истоков русского книгопечатания*, с. 11-28, 32-33; R. Jakobson. *Ivan Fedorov's Primer of 1574*. Cambridge, 1955 (Reprinted from Harvard Library Bulletin, IX, 1)

[173] Noldc, I, 37-40; Fennell. *History*, pp. 90-95. ПСРЛ, 13, часть I, 230-231, 238-239, 246-247, 269-270, 281-282; Соловьев, 6, 477-480; *Очерки*, 3, 668.

[174] Об этом и дальнейших событиях см.: ПСРЛ, 13, часть I, 228, 235, 274-275; Соловьев, 6, 480-487; Ischboldin. *Essays on Tatar History*, pp.93-98; Очерки, 3, 365-366.

[175] ПСРЛ, 13, часть I, 235.

[176] ПСРЛ, 13, часть I, 233-234, 259, 283; КРО, 1, №1, 3-5; Соловьев, 6, 489-490; Н.А. Смирнов. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. Москва, 1958, с.26-28; Кушева, с. 237-238.

[177] Веселовский. *Исследования ... опричины*, с. 149-150.

[178] ПСРЛ, 13, часть I, 249-250; Макарий. *История русской церкви*, 6, 342-246; Glazik. *Islam mission*, pp. 44-45.

[179] О церемониальном распорядке и расписании путешествия Гурия в Казань см.: ААЭ, 1, №241 (документ 1), 257-259. Ср. Соловьев, 8, 67-68.

[180] *"Слово о законе и благодати"* Иллариона см. в издании Ф.Г. Калугина; Пономарев, ред. *Памятники*, 1, 59-78; L. Mueller's edition, pp.57-140.

[181] Пономарев, 1, №15, 82; Mueller. *Illarion*, pp. 174-175.

[182] Полный оригинальный текст см.: Пономарев, 1, 76-78; Mueller, pp. 129-140.

[183] Это в дополнение к установлению десятины для поддержания епархии было в соответствии с церковным уставом и церковной политикой князя Владимира. См.: *Киевская Русь*; *Origines of Russia*, pp. 302-303.

[184] ААЭ, 1, №241 (документ 1), 259-260; Соловьев, 8, 68-69.

[185] Glazik. *Islam mission*, p. 50. Соловьев, 8, 70, говорит о "нескольких тысячах".

[186] ААЭ, 1, №241 (документы 1-11), 260-261; Соловьев, 8, 69-70. Интерпретация Г. Вернадского.

[187] О Василии Блаженном смотри: Федотов. *Святые Древней Руси*, с.199-202. Василий был канонизирован в 1588 г., и в это время часовня его имени была добавлена к собору.

[188] О соборе Покрова см.: Грабарь. *История русского искусства* (1-е изд.), 2,38-56; (2-е изд.), 3, с.439-440.

[189] ПСРЛ, 13, часть I, 267-268; ПРП, 4, 584-585.

[190] Ее текст см.: Владимирский-Буданов. *Хрестоматия*, 2, 109-116.

[191] Владимирский-Буданов. *Обзор*, с.194-196; Соловьев, 7, 34-35; Ключевский. *Сочинения*, 2, 355-361; Зимин. *Реформы*, с .418-420.
[192] О реформе *земского* самоуправления 1555 г. см.: Соловьев, 7, 34-37; Ключевский. *Сочинения*, 2, 365-368; Владимирский-Буданов. *Обзор*, с. 196-197; Ельяшевич, 2, 58-65; Зимин. *Реформы*, с. 422-424.
[193] О историческом и географическом фоне формирования местных сообществ в Северной России, равно как и последовательное описание функционирования институтов земства там в XVII в. см.: Богословский. *Земское самоуправление*, 1-2.
[194] ПСРЛ, 13, часть I, 268-269; ПРП, 4, 586.
[195] Ельяшевич, 2, 27-29, 46-53.
[196] Весловский. *Исследования ... опричины*, с. 187-189.
[197] См.: Карамзин, 8, 267-268; Соловьев, 6, 499-501; Форстен. *Балтийский вопрос*, 1, 85-87; Kirchner, pp. 96-97; *Россия в средние века*; Королюк, с. 34.
[198] Карамзин. *Примечания*, 9, №76, с. 23; И.И. Смирнов. *Очерки*, с. 259-260; Лурье. *Примечания к письмам царя Ивана. Послания Ивана Грозного*, примечание 16, с. 637.
[199] См.: *Россия в средние века*
[200] Id. p. 227.
[201] ПСРЛ, 13, часть I, 277.
[202] Id. p. 286.
[203] Относительно планов Адашева и реальной подготовки систематических военных операций против Крыма см. Кушева, с. 212-217. О попытках Адашева и Курбского убедить царя Ивана IV вести большую кампанию лично см.: Fennell. *History*, pp. 122-125.
[204] ПСРЛ, 13, часть II, 315-316, 318-319; Fennell. History, pp. 124-127. Новосельский, с. 427.
[205] Костомаров. *"Личность"*, с. 397-405.
[206] Лурье. *Послания Ивана Грозного*, с. 484-488; Королюк, с. 27-29; Зимин. *Опричнина*, с. 471-472.
[207] Костомаров. *Личность*, с. 399. Интерпретация Г. Вернадского.
[208] См.: Fennell. *History*, pp. 124-125 и ремарку Весловского о потенциальной значимости кампании Даниила Адашева против Перекопа в 1558 г., Весловский. *Исследования ... опричины*, с. 110.
[209] Вельяминов-Зернов, 1, 423-428; 2, 7, 10-11.
[210] ПСРЛ, 13, часть I, 277.
[211] Вельяминов-Зернов, 1, 424-426.
[212] ПСРЛ, 13, часть I, 287 и 289.
[213] Новосельский, с. 17-18.
[214] *Россия в средние века*; Грабинский, с. 113; Forstreuter, pp. 108-110; *Historia Polski*, 1, part 2, 235-236.
[215] ПСРЛ, 13, часть I, 287.
[216] Соловьев, 6, 502-503; Форстен, 1, 93-96; Королюк, с. 37-38.
[217] Суммарное изложение условий см.: Соловьев, 6, 505.
[218] Hist. Rus. Mon., Suppl. , №85, pp. 233-236; Соловьев, 6, 505-506.
[219] Форстен, 1, с.96; Королюк, с. 38-39.
[220] *Россия в средние века*; Форстен, 1, 242-244; Королюк, с. 42-43.
[221] Форстен, 1, 195-198; Королюк, с. 43.
[222] Форстен, 1, 246-253; Королюк, с. 48-49.
[223] Fennell. *Correspondence*, pp. 98-99, 190-192.
[224] Fennell. *History*, pp. 152-153.

[225] Весселовский. *Исследование ... опричнины*, с. 92-93.
[226] ПСРЛ, 13, часть II, 328. Интерпретация Г. Вернадского.
[227] Fennell. *Correspondence*, pp. 96-97.
[228] Fennell. *History*, pp. 158-159; Весселовский, *Исследования ... опричнины*, с. 102.
[229] Весселовский. *Исследования ... опричнины*, с. 103-104.
[230] См.: *Россия в средние века.*
[231] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 295-298.
[232] Зимин. *Опричнина*, с. 86.
[233] Там же, с. 90 и 97.
[234] Максимович. *Первосоветник*, с. 149.
[235] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 112-113, 124-125.
[236] Там же, с. 113.
[237] Там же, с. 113-114.
[238] ПСРЛ, 13, часть II, 368.
[239] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 114.
[240] См.: *Россия в средние века.*
[241] Новосельский, с. 428.
[242] О Бекбулате см.: Вельяминов-Зернов, 2, 4-11.
[243] ПСРЛ, 13, часть II, 349.
[244] АИ, 1, №163; Бестужев-Рюмин, 2, 273; *Россия в средние века.*
[245] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 114-115.
[246] *Россия в средние века*
[247] Новосельский, с. 428-429.
[248] Королюк, с. 62.
[249] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 122.
[250] Там же, с. 116.
[251] Историю государственного переворота см.: ПСРЛ, 13, часть II, 391-395; Карамзин, 9, 76-85; Соловьев, 6, 550-553; Ключевский, 2, с.173-176; Шмурло, 2, часть I, 106-107; часть II, 62-78 (обзор мнений историков об опричнине); Зимин. *Опричнина*, с. 127-134. Лучший анализ дан Весселовским. *Иссл. опр.*, с. 133-144.
[252] Таубе, с. 34; Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 137-138.
[253] Общий текст указа в летописи см.: ПСРЛ, 13, часть II, 394-395. Оригинальный документ не сохранился. Он хранился в царском архиве, см. каталог документов царского архива, составленный предположительно около 1572 г. *"Описи царского архива"* под ред. С.О. Шмидта. Москва, 1960, с. 37.
[254] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 147.
[255] ПСРЛ, 13, часть II, 395-396; Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 145-149.
[256] ПСРЛ, 13, часть II, 394-395; Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 162-163.
[257] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 185.
[258] Там же, с. 186.
[259] Там же, с. 186-187.
[260] Новосельский, с. 429.
[261] О московско-литовских переговорах с мая по июль 1566 г. см.: Сборник РИО, 71, 361-394; Зимин. *Опричнина*, с. 162-166.
[262] Протоколы земского собора 1566 г. см.: Готье. *Акты земских соборов*, с. 1-12; об этом соборе см.: Латкин. *Земские соборы*, с. 71-80; Ключевский. *Состав представительства на земских соборах*, Сочинения, 8, 5-112; Зимин. *Земский собор 1566 года*, Ист. зап., 71, (1962), 196-235; Там же. *Опричнина*, гл.4, с. 159-210.
[263] Готье. *Акты*, с. 4-5.

[264] Эти письма опубликованы в "Посланиях Ивана Грозного", с. 241-247. Ср.: *Россия в средние века*.
[265] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 372.
[266] О Филиппе см.: Г.П. Федотов. *Св. Филипп митрополит московский*. Paris: YMCA Press, 1928; Карташев, 1, 445-458; Зимин. *Опричнина*, гл. 5, с. 212-260.
[267] О режиме террора, установленном Иваном IV и перечне его жертв см.: Шмурло, 2, часть II, 86-98; Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 323-478.
[268] Карташев, 1, 447.
[269] Tolstoy. *England and Russia*, pp. 39-40.
[270] Там же, с. 45.
[271] Там же, с. 67.
[272] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 165.
[273] *Россия в средние века*.
[274] О турецкой экспедиции в Астрахань см.: Соловьев, 6, 601-606; Н.А. Смирнов. *Россия и Турция*, 1, 100-159; Садиков. *Поход татар и турок на Астрахань*, ИЗ, 22 (1947), 132-166; H. Inalcik. *The Origine of the Ottoman-Russian Rivalry and the Don-Volga Canal (1569)*, annales de l'Universitй d'Ankara, 1 (1946-1947), 47-110; Новосельский, с. 24-27; Kurat, *The Turkish Expedition to Astrahan in 1569 and the Problem of the Don-Volga Canal*, SEEP, no. 94 (1961), pp. 7-23; W.E.D. Allen. *Problems of Turkish Power in the Sixteenth Century*. London, Central Asian Research Centre, 1963; Кушева, с. 248-252.
[275] *Kurat in SEER*, 94, 17.
[276] Id., p. 20.
[277] *Сибирский сборник*, с. 22-23; Новосельский, с. 430; Зимин. *Опричнина*, с. 288.
[278] *"Пискаревский летописец"*, материалы по истории СССР, 2. Москва, 1955, 76.
[279] Таубе, с. 45.
[280] Зимин. *Опричнина*, с. 290-292.
[281] *Новгородские летописи*, с. 85; Карамзин, 9, 147-148; Зимин. *Опричнина*, с. 294.
[282] *Описи царского архива*, с. 7.
[283] Насонов, ред. *Псковские летописи*, 1, 115.
[284] Форстен, 1, 535-538; Зимин. *Опричнина*, с. 287.
[285] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 372 и 428.
[286] Зимин. *Опричнина*, с. 295-302.
[287] Там же, с. 296, № 4.
[288] *Новгородские летописи*, с. 395. Ср. Зимин. *Опричнина*, с. 298.
[289] Staden, pp. 191 and 185.
[290] Шлихтинг, с. 29.
[291] Таубе, с. 50.
[292] Насонов, ред. *Псковские летописи*, 1, 115.
[293] Там же, с. 116. О Николае Салосе см.: Федотов. *Святые древней Руси*, с. 201-202.
[294] Staden, p. 146.
[295] Id., p. 96; Таубе, с. 51.
[296] Его резюме было зафиксировано в рукописи, хранившейся в московском Посольском приказе, в 1626 г. См.: Карамзин. *Примечания*, 9, №299, с. 110-111.
[297] Весселовский. *Иссл. опр.*, с. 227.
[298] Отчет Новосильцева о его миссии (статейный список) см.: *Путешествия русских послов*, с. 63-99; Н.А. Смирнов. *Россия и Турция*, 1, 117-122; Зимин. *Опричнина*, с. 450.
[299] О чешских братьях см.: *Россия в средние века*; Флоровский. *Чехи*, 370-376.
[300] О распространении протестантизма в Польше и Литве этого периода см.: *Россия в средние века*.

[301] Об этом сюжете см.: Платонов. *Москва и Запад*, с. 28-29.
[302] Флоровский. *Чехи*, 1, 376-381. В печати находится отличное издание всех необходимых документов с введением и комментарием Валерия А. Туминса (The Haque, Mouton), Издание профессора Туминса опирается на оригинальную русскую версию ответа царя Ивана Рокитс, что прежде была неизвестна. Этот манускрипт был приобретен библиотекой Гарвардского университета в 1959 г.
[303] Шлихтинг, с. 41.
[304] Зимин. *Опричнина*, с.4 36.
[305] Шлихтинг, с. 46.
[306] Там же. *"Пискаревский летописец"*, с. 79, даст число 120.
[307] Tolstoy. *England and Russia*, nos 25-26 (pp. 90-101).
[308] Tolstoy, no 28 (pp. 106-110): Английский перевод Даннэля Сильвестра, pp. 110-115. *Послания Ивана Грозного*, с. 139-143. См. также: Lubimenko, *Relations*, pp. 47-48.
[309] Зимин. *Опричнина*. с. 457.
[310] Цифра сорок тысяч дана Таубе, см. Таубе, с. 52. Другие источники дают большие цифры.
[311] Зимин. *Опричнина*, с. 451.
[312]Новосельский, с. 30.
[313] Там же.
[314] Staden, p. 124.
[315] См.: Кушева, №277, с. 254.
[316] Staden, pp. 49-50.
[317] ПСРЛ, 13, часть I, 301; Весловский. *Ист. опр.*, pp. 307-308.
[318] Таубе говорит, что более 120 000 погибли в этот день (Таубе, с. 53-54).
[319] Весловский. *Иссл. опр.*, с. 308; Зимин. *Опричнина*, с. 463-464.
[320] М.А. Таубе. *Иоганн Таубе, советник царя Ивана Грозного*, Новый Журнал, 71 (1963), 187-189.
[321] *Сибирский Сборник*, с. 31-35.
[322]*Новгородские летописи*, с. 119-121; Весловский. *Иссл. опр.*, с. 194 и 310-311.
[323] Садиков. *Очерки по истории опричнины*, с. 71; Зимин. *Опричнина*, с 439 и 465.
[324] Зимин. *Опричнина*, с. 468-469.
[325] Весловский. *Иссл. опр.*, с. 305.
[326] Зимин. *Опричнина*, с. 473-474.
[327] ДДГ, № 104, с. 426-427. Интерпретация Г. Вернадского.
[328] Там же, с. 427, 432.
[329] Тимофеев. Временник, с. 11-12. Интерпретация Г. Вернадского.
[330] Сухотин. "К пересмотру"; Весловский. Иссл. опр., с. 196-199.
[331] Обзор научных мнений относительно опричнины см.: Шмурло, 2, часть II, 62-86; Весловский. Иссл. опр., с. 1-37; Зимин. Опричнина, с. 7-80.
[332] *Сибирский сборник*, с. 39. Интерпретация Г. Вернадского.
[333] Перечень лиц, казненных в царствование Ивана IV, включая период после 1572 г., см.: Шмурло, 2, часть II, с. 86-99; Весловский. Иссл. опр., с. 354-477.
[334] См.: Вельяминов-Зернов, 2, 9-11.
[335] Там же, с. 3, 11-24.
[336] О Симеоне и его правлении см.: Лилеев, с .21-54; А. Николаев. *Симеон Бекбулатович*, РБС, том "Сабанеев-Смыслов" (1904), с. 466-469; Сухотин, ЗРНИБ, 13, 53-59; Шмурло, 2, часть II, с. 54-62; Ischboldin. *Essays on Tatar History*, pp. 114-115; Г. Вернадский. *Иван Грозный и Симеон Бекбулатович*, с.151-169; J.M.Culpepper. *The Kremlin*

Executions of 1575 and the Enthronement of Simeon Bekbulatovich, SR, 24 (1965), 503-506; E.Hulbert. *The Zemskii Sobor of 1575*, SR, 25, (1966), 320-322.

[337] *Пискаревские летописи*, с. 81-82 и 148.

[338] Там же, с. 82. Интерпретация Г. Вернадского.

[339] Толстой. Россия и Англия, с. 179-180. Интерпретация Г. Вернадского.

[340] Там же, с. 184-185. Интерпретация Г. Вернадского

[341] Текст прошения см.: ЗОРСА, 2, 371-372; РИБ, 22, кол. 76-77; *Послания Ивана Грозного*, с. 195-196.

[342] Fletcher, p. 56

[343] Ibidem

[344] Новосельский, с. 30-31.

[345] Там же, с. 30.

[346] О междуцарствии в польско-литовском содружестве в 1572-1576 гг. см.: *Historia Polski*, 1, part. II, 254-261; Карамзин, 9, 229-249; Соловьев, 6, 611-639.

[347] Карамзин, 9, 237-238; Карамзин. *Примечания*, 9, прим. 433-434, с. 163; Соловьев, 6, 634-635. Интерпретация Г. Вернадского.

[348] Карамзин, 9, 239-240; Карамзин. *Примечания*, 9, № 436, 163-164; Соловьев, 6, 630-631.

[349] Карамзин, 9, 249-250; Карамзин. Примечания, 9, № 449; Соловьев, 6, 647.

[350] Карамзин, 9, 252-253; Карамзин. Примечания, 9, №456, 177.

[351] Карамзин, 9, 254; Карамзин, Примечания, №458, 178.

[352] О ливонской кампании русских 1577 г. см.: Карамзин, 9, 254-265; Карамзин. *Примечания*, 9, № 460, 178-179; *Сибирский сборник*, с. 59; Лилеев, с. 81-82; Новодворский. *Борьба за Ливонию*, с. 49-53; Лурье в *Посланиях Ивана Грозного*, с. 518-519; Donnert, pp. 59, 244-245.

[353] Fennell. *Correspondence*, pp. 188-189, 194-197. Интерпретация Г. Вернадского.

[354] *Послания Ивана Грозного*, с. 205-207.

[355] Fennell. *Correspondence*, pp. 212-215 (перевод Фенделла слегка изменен мною).

[356] Гейденштейн. *Записки*, с. 42-73; Карамзин, 9, 295-301; Соловьев, 6, 652-654.

[357] Fennell. *Correspondence*, pp. 134-135.

[358] Id., pp. 144-147.

[359] *Россия в средние века*; Winter, 1, 230.

[360] См.: О.А. Яковлева № 88 к *"Пискаревский летописец"*, с. 163.

[361] *Масса*, с. 45; Белокуров. *О посольском приказе*, с. 30.

[362] СГГД, 1, №200, с. 583-587; Ельяшевич, 2, 42-44.

[363] Staden, p. 106-108; русский перевод Полосина, с. 121-123. Интерпретация Г.Вернадского.

[364] Vernadsky. *Serfdom in Russia*, pp. 261-262.

[365] Оригинальный текст указа царя Ивана о заповедных летах не сохранился или же в любом случае не обнаружен. Имеются, однако, многочисленные ссылки на него во многих документах. См.: Polosin. *Servage russe*; Греков. *Крестьяне*, 2, 256-310; Эльяшевич, 2, 68-75; Vernadsky. *Serfdom in Russia*, pp. 258-263; Blum. *Lord and Peasant*, pp. 254-255.

[366] См.: *Россия в средние века*; Winter, 1, 222-230.

[367] *Россия в средние века*.

[368] ПДС, 1, кол.785-795.

[369] Там же, 10, кол.11-12. Интерпретация Г. Вернадского.

[370] ПКДСРИ, 1, часть I, № 254, 183.

[371] Отчет Шевригина о его остановке в Риме см.: ПДС, 10, кол.17-25; отчет папского церемониймейстера, ПКДСРИ, 1, часть I, № 266, 189-200; Winter, 1, 227.

[372] Polnin, pp. 3-8; ПКДСРИ,1, часть I, № 22, 24, 25, 27, 30, с.18-24; Winter, 1, 227.

[373] Текст письма царя Ивана см.: *Послания Ивана Грозного*, с. 213-238.
[374] Там же, с.229-230. Интерпретация Г. Вернадского.
[375] См.: *Монголы и Русь*, рр. 307-309.
[376] См. комментарии Лурье в *"Посланиях Ивана Грозного"*, с. 516-517.
[377] ПКДСРИ, 1, часть II, №302, с. 222-228; Polnin, pp. 4-7; Winter, 1, 234.
[378] Polnin, pp. 9-10; Winter, 1, 235-236.
[379] HRM, 1, 323-350 (латинский текст); выдержки из русской версии см.: Карамзин. *Примечания*, 9, № 561, 213-214. См. также: Polnin, pp. 16-17.
[380] ПДС, 10, кол.39-206; Polnin, pp. 14-17.
[381] Насонов. *Псковские летописи*, 2, 263.
[382] Об осаде Пскова Баторием см.: Малышев. *Повесть*; Насонов. *Псковские летописи*, 2, 262-263; Гейденштейн. *Записки*, с. 198-260; Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. См. также: Соловьев, 6, 663-664, 723-724; Donnert, p. 81, 248; Новодворский. *Борьба за Ливонию*, гл. 5.
[383] Насонов. *Псковские летописи*, 2, 263.
[384] Там же. Весловский. *Иссл. отр.*, с. 337-359, отдает предпочтение иной версии этого трагического события, согласно которой конфликт между царем и его сыном имел не политические, а семейные причины. На мой взгляд, повествование псковского летописца выглядит достоверным. Конечно, возможно, что политический конфликт был отягощен и семейными разногласиями.
[385] Дневник Поссевино относительно переговоров в Запольском Яме, HRM, приложение, № 32, с. 74-100; Новодворский. *Борьба за Ливонию*, гл. VI; *Historia Polski*, 1, part II, 501; Donnert, p. 248.
[386] Русскую хронику остановки Поссевино в Москве (14 февраля -11 марта 1582 г.) см.: ПДС, 10, кол.259-350; Описание религиозных споров Поссевино см.: HRM, приложение, №33-37, с. 100-125; сводку споров см.: Polnin, pp. 34-59. См. также: Winter, 1, 238-239.
[387] *Historia Polski*, 1, part II, 501; Donnert, p. 249.
[388] Новосельский, с. 34 и 432.
[389] Форстен, 1, 710-711; Kirchner, p. 195; Очерки, 3, 391-392; Donnert, pp. 61-62, 219.
[390] Толстой. *Россия и Англия*, с. XXXVI, 189-226, № 41-51; *Сборник*, 38, 1-70; Соловьев, 6, 676-679; *English Literature*, pp. 17-19; Lubimenko. *Relations*, pp. 50-52; Лурье в *"Посланиях Ивана Грозного"*, с. 518-519.
[391] Толстой. *Россия и Англия*, с. XXXVII-XXXIX; *Сборник*, 38, 71-133; Соловьев, 6, 679-683.
[392] Весловский. *Иссл. отр.*, с. 339. Интерпретация Г. Вернадского.
393 О "Синодике" Ивана см.: Шмурло, 2, часть 2, 98; Весловский. *Иссл. отр.*, с. 339-340.
[394] Обзор научных мнений относительно Ивана Грозного как человека и правителя см.: Шмурло, 1, часть 2, 99-147.
[395] О политической философии Ивана IV см.: Вальденберг, с. 335-356; Лурье в *"Посланиях Ивана Грозного"*, с. 509-513.
[396] ДДГ, с. 427.
[397] Fennell. *Correspondence*, pp. 46-47.
[398] ДДГ, с. 427. Интерпретация Г. Вернадского.
[399] Сильвестр, протопоп. *"Послание и наказание от отца к сыну"*. *Домострой* (изданне Чудинова), с. 62.
[400] *Послания Ивана Грозного*, с. 218.
[401] HRM, I, 349; Карамзин. *Примечания*, 9, № 561, 213; Лурье. *Послания Ивана Грозного*, № 12, с. 661.

[402] См.: Л.С. Лихачев. *Иван Грозный — писатель. Послания Ивана Грозного*, с. 452-467.
[403] См.: Н. Андреев. *Иоанн Грозный и иконопись XVI века*, AIK, 10 (1936), 185-198.
[404] Финдейзен, 1, 246-247. О "Государевых певчих дьяках" см. там же, с. 241-243; Н. Успенский. *Древнерусское певческое искусство*, с. 124-127.
[405] О священной драме языческих племен и ее традициях см.: Vernadsky. *Origines of Russia*, ch. 4, sec. 5 (Vernadsky, *Essai*, I).
[406] О скоморохах см.: Финдейзен, 1, гл. 5.
[407] Fennell. *History*, pp. 180-181.
[408] ПСРЛ, 3 (Вторая новгородская летопись), 167; Финдейзен, 1, 243.
[409] Финдейзен, 1, 243-246 (Финдейзен ссылается на ливонскую хронику Христиана Кельха).
[410] See Backus. *Motives of West Russian Nobles.*
[411] См.: Сухотин. *К пересмотру*, часть II, с. 65-66.
[412] О предпосылках и начальном периоде продвижения русских в Сибирь см. Миллер, *История Сибири*, *1*; Соловьев, *6*, 686-702, 715-723; Бахрушин, *Очерки;* Он же, *Труды*, *3*, Ч.1, 1-149; Милюков, *Очерки*, *1*, Ч. II, 188-198; Noldc, Formation. 1, 130-166; *Очерки*, *3*, 69, 690-697; Введенский, *Дом Строгановых*, гл. 1-2; Кузин, с. 15. См. Также Андреев, *Очерки по истории источниковедения Сибири*, *1*.
[413] Текст грамоты см. Миллер, *История Сибири*, *1*, Приложение, № 2, сс. 332-334. Адашев упоминается на обратной стороне грамоты среди четырех сановников, которые *приказали* составить грамоту.
[414] *ДАИ*, *1*, № 118, 172; Введенский, *Торговый дом*, сс. 91-92; *Дом Строгановых*, с. 34; Садиков, *Очерки*, с. 315.
[415] Миллер, *1*, Приложение, № 3, 335-337.
[416] См. Монголы и Русь, генеалогические таблицы I и V.
[417] См. Russia at Dawn, p. 77. (Там я использую имя в форме Ivak, как оно фигурирует в русских летописях)
[418] Вельяминов-Зернов, *2*, 388-391; Примечание Бахрушина к Миллеру, *История Сибири*, *1*, гл. 1, раздел 56, сс. 474-475.
[419] См. *СГГД*, *2*, № 68, 132; Вельяминов-Зернов, *2*, 388.
[420] Noldc, Formation, pp. 156-157; Введенский, *Дом Строгановых*, сс. 76-77.
[421] Миллер, *1*, Приложение, с. 339.
[422] Там же, № 5, сс. 339-341.
[423] Введенский, *Дом Строгановых*, сс. 100-101.
[424] О хронологии кампании Ермака см. примечание Бахрушина к Т. 1, гл. 3, раздел 40 работы Миллера, *История Сибири*, сс. 492-493.
[425] Вельяминов-Зернов, *3*, 2-3.
[426] См. Г. Вернадский, "Историческая основа Русско-Калмыцких отношений", Kalmyk-Oyrat Symposium.
[427] Lantzeff, Siberia in the Seventeenth Century, pp. 164-167; Шунков, Очерки колонизации, с. 13; Вернадский, "Милюков и месторазвитие русского народа", сс. 278-279.
[428] Lantzeff, pp. 176-177.
[429] Там же, p. 101.
[430] Там же, p. 92.
[431] Платонов, *Очерки смуты* (2-е изд., 1901), с. с. 147-149; Там же, *Борис Годунов*.
[432] Цветаев, "Мария Владимировна и Магнус Датский", *ЖМНР*, *196* (1878), 57-85.
[433] Fletcher, pp. 22-23; Horsey, pp. 210-213.
[434] См. *Акты Московского государства*, *1*, № 50, сс. 52-53; Вернадский, "Иван Грозный и Симсон Бекбулатович".

[435] Текст решения Церковного Собора 1584 года см. в *СГГД, 1,* № 202, 592-598.
[436] *Очерки, 3,* 466; Греков, *Крестьяне, 2,* 263; Чаев, "К вопросу о сыске... крестьян", с. 162; Ельяшевич, *2,* 71-72; Blum, Lord and Peasant. P. 256.
[437] Владимирский-Буданов, *Христоматия, 3,* 75-81; *АИ, 1,* № 221-II; Греков, *Крестьяне, 2,* 323-328; Смирнов, *Восстание Болотникова,* сс. 53-54.
[438] Максимович, "Первосоветник", сс. 150-151.
[439] *ПДС, 1,* кол. 1034.
[440] Соловьев, *7,* 195-197; Платонов, *Борис Годунов,* сс. 27-29; *Очерки, 3,* 474-475.
[441] Платонов, *Борис Годунов,* сс. 29-34.
[442] См. *Russia at Dawn,* p. 285.
[443] Шпаков, *Учреждение патриаршества в России,* сс. 278-348; Платонов, *Борис Годунов,* сс. 60-65; Карташев, *2,* 12-38 (основные библиографические ссылки сс. 10-12).
[444] Авраамий Палицын, *Сказание,* сс. 102-103.
[445] Бусов, *Московская хроника,* с. 80.
[446] В 1588 году Fletcher, pp. 21-22 слышал о подобных предполагаемых намерениях. Возможно он получил эту информацию от Джерома Горсея, который лично знал Михаила Нагого.
[447] О последующем см. Vernadsky, "Death of thee Tsarevich Dmitri"; Id., "Die Tragidie von Uglii"; Полосин, *Социально-политическая история России XVI-XVII в.,* сс. 218-245 ("Угличское следственное дело 1591 г."); Barbour, *Dmitry,* pp. 3-7.
[448] В этой игре игрок держит нож за лезвие и бросает его таким образом, чтобы он перевернулся в полете один или несколько раз до того, как воткнется в цель.
[449] Полосин, "Угличское следственное дело", сс. 239-242.
[450] Единственное вызывающее доверие издание отчета комиссии (не сохранившееся полностью) — И. И. Клейн, "Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия", *Записки археологического Института, 25* (1913).
[451] "Новый летописец", *ПСРЛ, 14,* ч. II, 42.
[452] Текст *грамоты* царя Федора от 27 мая 1591 года см. Голубцов, "Измена Нагих", с. 70.
[453] См. карту "Moscow I", p. 269 in K. Baedeker, *Russia* (Leipzig, 1914), 6-7 C-D.
[454] *ПСРЛ, 14,* ч. 1, 11-12.
[455] *Сибирский Сборник,* с. 115.
[456] См. Монголы и Русь.
[457] Kondakov, *The Russian Icon,* pp. 89-90; Plate XIX, 2.
[458] *ПСРЛ, 14,* ч. 1, 15.
[459] Соловьев, *7,* 232-233, 237-239; Платонов, *Борис Годунов,* сс. 46-47.
[460] Русский текст привилегии 1586 года см.: *Сборник, 38,* 176-179. Ср.: Lubimenko, *Relations commerciales ... entre la Russie et l'aAngleterre,* pp. 56-57.
[461] О последующем см.: Соловьев, *7,* 201-213; Платонов, *Борис Годунов,* сс. 40-43; *Historia Polski, 1,* part II, 502; Winter, *I,* 245-247.
[462] О политике во время междуцарствия в Польше см.: Соловьев, *7,* 213-228; Платонов, *Борис Годунов,* сс. 43-45; *Historia Polski,* pp. 504-505.
[463] Смирнов, *Россия и Турция, 1,* 128-158.
[464] Карамзин, *10,* 64-65; Соловьев, *7,* 279; *Очерки, 3,* 871-872; Кушева, *Народы северного Кавказа,* сс. 273-275, 283-286.
[465] О московско-грузинских отношениях и кавказской политике Борисе в конце шестнадцатого века см.: Карамзин, *10,* 59-64, 183-185; 11, 57-61; Соловьев, *7,* 278-279; *8,* 373-384; Белоруков, *Сношения России с Кавказом;* Кушева, *Народы Северного Кавказа,* сс. 268-269, 287-288.

[466] *Очерки, 3*, 481; Новосельский, сс. 34-40.
[467] *Очерки, 3*, 480-481.
[468] См. Кушева, *Народы Северного Кавказа*, Указатель, сс. 365-366.
[469] Платонов, *Очерки истории Смуты* (изд. 1901 г.), сс. 74-78; Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, ч.ч. XX-XXI.
[470] О появлении донских казаков и их отношениях с Москвой в течение царствования царя Федора см.: Платонов, *Очерки истории Смуты* (изд. 1901 г.), сс. 87-91; Сватиков, *Россия и Дон*, сс. 6-16, 41-50; Тихомиров, *Россия в XVI столетии*, сс. 426-429.
[471] *ПСРЛ, 14*, Ч. I, 19-20; Платонов, *Борис Годунов*, с. 116.
[472] Платонов, *Очерки истории Смуты* (изд. 1901 г.), с. 178; Он же, *Борис Годунов*, с. 126.
[473] О выборном Соборе 1598 года см.: Ключевский, "Состав представительства на земских соборах Древней Руси" в его *Сочинения, 8* (11959), 51-70; Платонов, *Борис Годунов*, сс. 117-119.
[474] Текст резолюции собора от 17 февраля 1598 года см.: *ААЭ, 2*, № 6, 13-16; Готье, *Акты земских соборов*, с. 12-15.
[475] Текст грамоты от 1 августа 1598 года см. в *ААЭ, 2*, № 7, 16-54. См. особенно сс. 27-35.
[476] Ср. Ключевский, "Состав представительства на земских соборах", *Сочинения, 8*, 68; Платонов, *Борис Годунов*, с. 119.
[477] Об этом и последующем см.: Карамзин, *11*, 14-20; Карамзин, *Примечания, 11*, примечания 10-20, сс. 5-7; Соловьев, *8*, 353-354; *Сибирский Сборник*, сс. 134-138.
[478] Карамзин, *Примечания, 11*, № 15, с. 6.
[479] *Сибирский Сборник*, с. 135.
[480] *Степенная книга* ("Книга степеней", поколений), как она цитируется у Карамзина, *Примечания, 11*, № 20, с. 7. Об этой летописи см. Иконников, *Опыт русской историографии, 2*, ч. II, сс. 1338-1349.
[481] Новосельский, с. 42.
[482] Там же.
[483] "Новый Летописец", *ПСРЛ, 14*, ч. 1, 55.
[484] Платонов, *Борис Годунов*, сс. 130-131.
[485] *ААЭ, 2*, 48-49.
[486] Карамзин, *11*, 22-24; Карамзин, *Примечания, 11*, 25 и 27; Соловьев, *8*, 356-359.
[487] Об Ураз-Магомете см. : Вельяминов-Зернов, *2*, 97-498. Описание официального возведения Ураз-Магомета в должность по древним монгольским ритуалам см. сс. 400-410.
[488] Греков, *Крестьяне, 2*, 335-356.
[489] *СГГД, 2*, № 73, сс. 153-156; Карамзин, *11*, 83; Карамзин, *Примечания, 11*, № 117, сс. 41-42; Соловьев, *8*, 376-377.
[490] *ААЭ, 2*, № 10, сс. 57-61.
[491] *Historia Polski*, part II, 508-513.
[492] *ПДС, 1*, кол. 1368-1371 и 1381-1384.
[493] Г. Форстен, "Густав, принц", *ЭС*, полутом 18, с. 928.
[494] Карамзин, *11*, 32-36; Карамзин, *Примечания, 11*, примечания 38-46, сс. 13-16. Когда после смерти Бориса началось Смутное время, Густава перевезли в Ярославль, а затем в Кашин, где он умер в 1607 г.
[495] Шпилевский, с. 95.
[496] *Сборник, 137*, 74-102; краткое описание переговоров см. Соловьев, *8*, 360-363.

[497] Смоленск московиты взяли в 1514 г. во время войны между Москвой и Литвой в царствование Василия III, и с тех пор он оставался под властью Москвы. Северскую Землю Василий III аннексировал в 1523 г. См. *Russia at Dawn*, pp. 152-153 и 157.
[498] Карамзин, *11*, 45-54; Соловьев, *8*, 366-367; Цветаев, *Протестантство и протестанты в России*; Amburger, *Geschichte des Protestantismus in Russland*, p. 22.
[499] См. Карамзин, *11*, 65-69; Белоруков, *Сношения России с Кавказом*, сс. 420-516; W.E.D. Allen, "The Georgian Marriage Projects of Boris Godunov".
[500] Платонов, *Москва и Запад*, сс. 33-55.
[501] Там же, с. 39.
[502] Карамзин, *11*, 85-86; Карамзин, *Примечания*, *11*, № 125, сс. 45-46.
[503] Карамзин, *11*, 86; Карамзин, *Примечания*, *11*, № 126, 46-47; Соловьев, *8*, с. 384, и № 39, 695; Платонов, *Москва и Запад*, с. 39.
[504] См. Косточкин, *Федор Конь*, сс. 11-33.
[505] Там же, сс. 44-119.
[506] Готье, *Замосковный край*, сс. 18-19; Греков, *Крестьяне* (1-е изд., в одном томе), 802-803; Смирнов, *Восстание Болотникова*, с. 64; Blum, *Lord and Peasant in Russia*, pp. 160-161.
[507] Карамзин, *11*, 90-112; Карамзин, *Примечания*, *11*, № 165-173, 56-58; Соловьев, *8*, 399-400; Смирнов, *Восстание Болотникова*, сс. 63-65.
[508] Смирнов, *Восстание Болотникова*, сс. 64-65.
[509] "Пискаревский летописец", с. 105 и № 164, с. 170.
[510] Авраамий Палицын (*Сказание*, с. 105) утверждает, что за два года и четыре месяца бедствия на московских кладбищах захоронили 127 тысяч умерших.
[511] Там же, с. 107.
[512] Владимирский-Буданов, *Хрестоматия*, *3*, 85-86; Греков, *Крестьяне на Руси*, *2*, 344; Смирнов, *Восстание Болотникова*, сс. 75-76.
[513] *Житие* Улинии Осорьиной, ред. Н. Костомаров, *Памятники СРЛ*, *1* (1860), 63-67; ред. М. Скрипил, *Русская повесть XVII века* (Москва, 1954), сс. 39-47. Англ. пер., S.A. Zenkovsky, *Medieval Russia's Epics, Chronicles, and Tales* (1963), pp. 312-320. Об Улинии см. Г.П. Федотов, *Святые Древней Руси* (New-York, 1960), сс. 212-216; Z. Schakovskoy, *La vie quotidienne a Moscou au XVIIe siecle* (Paris, 1962), pp. 145-148.
[514] Zenkovsky, Medieval Russia's ... Tales (1963), p. 318
[515] Примерно через десять лет после смерти Улинии жители Мурома стали почитать ее как святую. Официально ее имя было внесено в список русских святых только в 1903 году.
[516] См. "Новый Летописец", *ПСРЛ*, *14*, Ч. 1, 58.
[517] Текст указов от 1601 г. И 1602 г. См.: *ААЭ*, *2*, №№ 20 и 23, сс.70-71 и 73-74. Комментарии см. Греков, *Крестьяне*, *2*, 337-339; Смирнов, *Восстание Болотникова*, сс. 65-67; Ельяшевич, *2*, 87-89.
[518] "Новый Летописец", *ПСРЛ*, *14*, Ч. 1, 61; Сватиков, *Россия и Дон*, с. 50; Быкадоров, *Донское войско*, сс. 36-40.
[519] Платонов, *Борис Годунов*, с. 135; Stukl, G., *Russische Geschichte*, pp. 259-260.
[520] Голубцов, "Измена Нагих", сс. 64-65.
[521] Платонов, *Борис Годунов*, с. 125.
[522] Там же, с. 142, со ссылкой на воспоминания капитана Маржерета.
[523] См. Hirschberg, *Dymitr*, p. 13; Tyszkowski, pp. 77-78; Шмурло, *Курс*, *2*, Ч. II, 243.
[524] Точная дата неизвестна.
[525] Соловьев, *8*, 392-398; Платонов, *Очерки Смуты*, сс. 185-190; Он же, *Борис Годунов*, сс. 140-142.
[526] Белоруков, "О посольском приказе", сс. 31, 106-107.

Глава 2

[1] Костомаров, "Смутное время", сс. 49-50.
[2] Там же, с. 50.
[3] См. *Russia at Dawn*, p. 284, 292.
[4] О школе в Гоще см. Там же, с. 275.
[5] Костомаров, "Смутное время", с. 51.
[6] Недавно опубликованный очерк появления и полупризнанного Дмитрия в Польше в 1603 году см. Barbour, *Dimitry*, Chs. 1-3.
[7] Костомаров, "Смутное время", сс. 57-58.
[8] Winter, *1*, 260-262, 276.
[9] О расхождениях в научных точках зрения на первого самозванца см. Шмурло, *2*, Ч. II, 224-255.
[10] Соловьев, *8*, 416.
[11] Карамзин, *11*, 172-173; Карамзин, *Комментарии*, *11*, № 305, сс. 97-98; Соловьев, *8*, 421.
[12] О царе Федоре Борисовиче см. Ischboldin, *Essays in Tatar History*, pp. 120-136.
[13] *ААЭ*, *2*, № 40, сс. 95-96; *Очерки*, *3*, 498.
[14] *Рукопись Жолкевского*, 15-16; Костомаров, "Смутное время", 172-173; *Очерки*, *3*, 499-500.
[15] Соловьев, *8*, 451.
[16] *СГГД*, *2*, 299. Ср. Карамзин, *12*, 12; Карамзин, *Примечания*, *12*, № 4, сс. 3-4; Соловьев, *8*, 459-460.
[17] О восстании Зебжидовского см.: *НР*, *1*, part II, 515-518.
[18] Платонов, *Лекции*, с. 249; Смирнов, *Восстание*, с. 138.
[19] Буссов, сс. 70-71; Смирнов, *Восстание*, с. 139.
[20] Наиболее подробное описание восстания Болотникова см. Смирнов, *Восстание*.
[21] Греков, *Крестьяне*, *2*, 344, 349-350; Смирнов, *Восстание*, сс. 417-422, 535-537. Ср. *Очерки*, *3*, 521-522.
[22] Бестужев-Рюмин, "Обзор событий", сс. 253-254; *ЖМНП*, *106*, *112* (1887).
[23] Латинский текст (с русским переводом) письма Лжедмитрия II см. *Международные связи России* (1961), сс. 539-540.
[24] Соловьев, *8*, 490-491; *СГГД*, *2*, № 131, с. 152; *Сборник*, *137*, 698-725.
[25] Соловьев, *8*, 495; Hirschberg, *Maryna*, p. 93.
[26] Hirschberg, *Maryna*, p. 96.
[27] Форстен, *Балтийский вопрос*, *2*, 70-79; *Очерки*, *3*, 594-595.
[28] Almquist, *Sverge*, p. 124.
[29] Родился в 1587 г. Место Скопиных в роде Шуйских см. Genealogical Table V, *Russia at Dawn*, p. 300.
30 Соловьев, *8*, 507.
31 Там же. В Древней Руси всех европейцев называли "германцами", как в этом случае шведов. Русские в шестнадцатом и семнадцатом веках обычно говорили о "шведских германцах", "английских германцах" и т.д.
32 Almquist, *Sverge*, pp. 125, 131; Тимофеев, *Временник*, 128-129.
33 ПСРЛ, 14, Ч. II, 84-85.
34 *АИ*, *2*, №№ 158-160, сс. 180-191. Сокращенный вариант: Карамзин, *Примечания*, *12*, № 371, сс. 124-126. Ср. Карамзин, *12*, 160-161; Соловьев, *8*, 535-536; Форстен, *2*, 81-82; *Очерки*, *3*, 567.
35 Карамзин, *Примечания*, *12*, № 374, с. 127. Ср. Карамзин, *12*, 161.
36 Форстен, *2*, 81; *Очерки*, *3*, 568.

[37] Текст статей от 4 февраля 1610 года, одобренных королем Сигизмундом, см. *Сборник, 142*, 69-73. Комментарии см.: G. Stukc, "Gab es in Moskauer Staat 'Stdnddc'?", p. 324.
38 Chadwick, *Russian Heroic Poetry*, p. 234.
39 Платонов, *Очерки Смуты*, с. 455.
40 Сборник, *142*, 93-103.
41 Соловьев, *8*, 593.
42 *АИ, 2*, № 374, с. 372; *Очерки, 3*, 551.
43 *Очерки, 3*, 552.
44 Соловьев, *8*, 621.
45 В Московии термин *город* часто использовался в значении городское поселение (*посад*) и прилегающий район (*уезд*) вместе, как обозначение единой административной единицы.
46 Платонов, *Социальный кризис*, с. 44.
47 Карамзин, *Примечания, 12*, № 793 и 794, с.с236-246; Забелин, *Минин и Пожарский*, сс. 269-278; Платонов, *Социальный кризис*, 44-55.
48 Соловьев, *8*, 647.
49 Almquist, *Sverge*, p, 201; Шаскольский, сс. 68-78; *Очерки, 3*, 571.
50 *ААЭ, 2*, № 195, с. 224; Шаскольский, 86-93; *Очерки, 3*, 571-572.
51 Соловьев, *8*, 648-649.
52 Текст договора см. *СГГД, 2*, № 264, с. 55; *ААЭ, 2*, № 187, с. 317; **Платонов, *Социальный кризис***, 62-70. О дате заключения договора см. Карамзин, ***Примечания, 12***, № 810, с. 247.
53 *СГГД, 2*, № 269; *ААЭ, 2*, № 197. Ср. Любомиров, с. 45.
54 *ААЭ*, № 194, Ч. II; Платонов, *Социальный кризис*, с. 188-189.
55 Любомиров, сс. 113-114.
56 Любомиров, сс. 114-118.
57 Замятин, "Новый Летописец", сс. 66-67.
58 *СГГД, 2*, № 281; Соловьев, *8*, 669-670; Замятин, "Новый Летописец", 73.
59 Соловьев, *8*, 672.
60 *ДАИ, 1*, № 164; Замятин, "Новый Летописец", сс. 75-76.
61 Leitsch, *1*, 64-76.
62 Платонов, *Социальный кризис*, с. 192.
63 Соловьев, *8*, 676.
64 В официальном отчете сотрудничество между Трубецким и Пожарским — казаками и земцами — подчеркивается, а о первоначальных разногласиях между двумя группами не упоминается, см. *ДР, 1*, 3.
65 Бибиков, "Бои Русского народного ополчения", с. 117; *Очерки, 3*, 591.
66 *ДР, 1*, 8-9.
67 Там же, *1*, 9-13.
68 Любомиров, с. 177.
69 См. отчет о клятве новому царю, *СГГД, 3*, № 1, с. 4 (цит. Латкин, 130) и послания собора армиям донских и волжских казаков в 1614 году, *ААЭ, 3*, № 25 и №26, сс. 46 и 54 (цит. Латкин, с. 149).
70 *ДР, 1*, 13.
71 Барсуков, *Род Шереметевых, 2*, 311.
72 Изложение стольника Чепчугова шведским властям в Новгороде в 1613 году. Шведский перевод доклада Чепчугова см. Almquist, "Nouveaux Documents". Русский перевод — *СНОЛД, 5* (1911).

73 Текст официального отчета об избрании Михаила Романова см. *Утвержденная Грамота, Чтения*, 1906, *3*, Ч. 1, 22-74.
74 Соловьев, *9*, 38.
75 См. Соловьев, *9*, 355-362.
76 *СПД*, *1*, № 203, 616; *3*, № 6, 15; *ДР*, *1*, 31-32. Ср. Латкин, 134.
77 *ДР*, *1*, 96.
78 Именины, у православных был (и остается) день памяти святого, в чью честь ребенок был назван при крещении.
79 *ДР*, *1*, 100.
80 Обзор научных взглядов на эту проблему см. Шмурло, *2*, Ч. II, 280-322. Также, Любомиров, сс. 223-230.
81 *ПСРЛ*, *5*, 64.
82 Котошихин, Гл. 8, с. 142 (3-е изд., 1884).
83 Straalcenberg, Chs. 4 and 5. Ср. Шмурло, *2*, Ч. II, 286.
84 *ААЭ*, *3*, № 31, 69; № 32, 70. Ср. Латкин, с. 149.
85 Любомиров, сс. 226-228.
86 Соловьев, *9*, 49.
87 Там же, 52.
88 *Сборник*, *142*, 494.
89 В.Е. Рудаков, "Миин", *ЭС*, *37*, 349-350.
90 Соловьев, *9*, 18.
91 Послание царя от 29 апреля 1613 года. См. *ДР*, *1*, 1170-1175.
92 *ДР*, *1*, 1191-1194.
93 Соловьев, *9*, 21-22; Дружинин, с. 38.
94 Соловьев, *9*, 21-22.
95 *ААЭ*, *3*, №№ 23, 25 и 26; Латкин, 148-149; Соловьев, *9*, 22-23.
96 *ААЭ*, *3*, №№ 29; Латкин, 149; Соловьев, *9*, 23.
97 Соловьев, *9*, 23-24.
98 Там же, 26-27.
99 Hirschberg, *Maryna*, p. 336 and n. 2 on pp. 336-337.
100 Миллер, *Исторические песни*, 598.
101 См. два варианта этой былины в *Былины* (Москва, 1958), *1*, 64-75.
102 Форстен, *2*, 119-120.
103 Там же, *2*, 120.
104 Там же, *2*, 123-126.
105 Там же, *2*, 125-128; *Очерки*, *3*, 599-601.
106 Форстен, *2*, 131-133. Соловьев (*9*, 76) приписывает поражение Трубецкого его несостоятельности. Это представляется не слишком глубоким заключением. Очевидно, что силы Трубецкого не соответствовали задаче, а он (и/или его подчиненные) сделали все, что могли, в этих сложных обстоятельствах. Трубецкой, в конце концов, оказался способен отрезать шведские линии связи и удерживать их больше полугода.
107 *СНОЛД*, *5*, (1911), 82; *Очерки*, *3*, 601.
[108] Форстен, *2*, 129-130.
[109] Соловьев, *9*, 77-78; Форстен, *2*, 136-137; Замятин, "Псковское сидение", 209-210; *Очерки*, *3*, 602.
[110] Русский оригинал текста Столбовского договора полностью до сих пор не опубликован. Выдержки, относящиеся к сфере экономики, опубликованы в *Русско-Шведские экономические отношения*, Документ № 1 (сс. 25-27). Шведский текст — *Sverges*

traktaler, 5, part I, No. 24. Древнерусский перевод шведского текста см. Н.П. Лужин, *Столбовский договор* (Санкт-Петербург, 1857) сс. 142-143. См. также И.П. Шаскольский, *Столбовский мир 1617 г.* (Москва-Ленинград, 1964).
[111] *Сборник, 142,* 310-420.
[112] Там же, 465-710.
[113] Leitsch, part I, 119-157.
[114] Соловьев, *9,* 116-117; *HP, I,* part II, 530; Берх, *1,* с. 115. Берх и Соловьев называют 1 декабря 1618 года датой подписания перемирия. Однако переговоры продолжались и после этого числа. Дата 3 января 1619 года (по новому стилю) дается в *HP,* 530.
[115] Liubimenko, "Project", 246-256; Konovalov, "Thomas Chamberlayne's description of Russia"; *Очерки, 3,* 587-589; Anderson, p. 33.

Глава 3

[1] Введенский, *Дом Строгановых,* сс. 133-134.
[2] Соловьев, *1,* 17-18.
[3] Nolde, *I,* 191-192.
[4] Миллер, *1,* 316, 416-419.
[5] Гневушев, 72-73, 374-376; Ланцев, 110-111.
[6] О калмыках см. Вернадский, "Историческая основа Русско-Калмыцких отношений", *Kalmyk-Oirat Symposium,* pp. 11-50.
[7] *РМО,* № 28, сс. 74-75.
[8] *ДЛ, 1,* 141-142. О царе Арслане см.: Вельяминов-Зернов, *3,* 1-60; Долгоруков, 3, 53-55. О деятельности Арслана в Смутное время см. гл.2, раздел 5, выше.
[9] *РМО,* № 24, с. 68.
[10] *РМО,* №№ 27-29, с. 72-76; № 41, сс. 92-93; и № 45, с. 99.
[11] Vernadsky, "Circassia", p. 143; Он же, "Историческая основа Русско-Калмыцких отношений", сс. 31-33.
[12] Фишер, с. 29.
[13] Вернадский, "Государевы служилые и промышленные люди", с. 353.
[14] Франк А. Голдер выразил сомнения по поводу того, что Дежнев действительно обогнул северо-восточный азиатский мыс. Он считал более вероятным, что Дежнев вышел к устью Анадыря по суше. (Golder, pp. 67-95). Однако отчет Дежнева о своем путешествии очень подробен. Этот вопрос снова был поднят Л.С. Бергом, и в настоящий момент не может быть никаких сомнений относительно маршрута Дежнева. См. Л.С. Берг, "Известия о Беринговом проливе до Беринга и Кука", *Записки по Гидрографии, 43* (1920); Берг, *Очерк,* сс. 40-41; Лебедев, *География в России XVII века,* сс. 58-66.
[15] Лебедев, сс. 50-58. См. также этнографическую карту Сибири в конце семнадцатого века (*Карта расселения народов Сибири в Конце XVII века*) (карты к *Очерки, 4*).
[16] *Очерки, 4,* 659.
[17] Богданов, сс. 45-51; Окладников, сс. 44-82.
[18] Бахрушин, *3,* Ч. 1, 18-20.
[19] *ДР, 1,* 533-534.
[20] Козловский, *1,* 25. О Сулешеве см. Бахрушин, *3,* Ч. 1, 267-272.
[21] Фишер, с. 11[3].
[22] Там же, с. 81.
[23] *ДР, 1,* 658-659.
[24] *ДР, 1,* 729.
[25] *ДР, 1,* 659.

[26] См. диаграмму у Ланцева, с. 46.
[27] Ланцев, сс. 48-53.
[28] Там же, сс. 67, 69, 70.
[29] Вернадский, "О движении Русских на Восток", с. 59.
[30] Ланцев, с. 165.
[31] Ланцев, сс. 163-164; Шунков.
[32] *ДАИ, 4,* 45; Ланцев, с. 193.
[33] Кузин, сс. 36-37.
[34] Фишер, сс. 53-55.
[35] Кириков, *Изменения, 1,* № 1, с. 4; Он же, *Промысловые животные,* сс. 215-220.
[36] Фишер, сс. 61-65.
37 Фишер, с. 114.
[38] Милюков, *Государственное хозяйство,* с. 113; Фишер, с. 114.
[39] Бахрушин, *3,* Ч. 1, 299, со сноской (за 1638 год) на книгу 121 Сибирского Приказа.
[40] Бахрушин, *3,* Ч. 1, 299-300.
[41] Там же, 41. Ср. Фишер, с. 179.
[42] Фишер, с. 181.
[43] Один золотой рубль 1913 года равнялся $0.51.
[44] Новосельский, сс. 80-84.
[45] Там же, сс. 88-97.
[46] Там же, сс. 150-159.
[47] *ДР, 1,* 608-609; *ПСРЛ, 14,* Ч. 1, 149; Макарий, *II,* 2-3; Соловьев, *9,* 122.
[48] *ДР, 1,* 609-612; *ПСРЛ, 14,* Ч. 1, 149-150; Макарий, *II,* 3-7.
[49] *Кормчая книга* (ред. 1810), *1,* ф. 23; Vernadsky, "Die kirchlich-politische Lehre der Epanagoge", pp. 128-129; Вернадский, "Церковь и государство в системе Соборного Уложения 1649 года", сс. 84-85.
[50] *ААЭ, 3,* № 164; *СГГД, 3,* № 71; Берх, *Михаил, 1,* 145-146; Макарий, *II,* 68-71; Паскаль, с. 25-27; Карташев, *2,* 109; Устюгов, "Эволюция приказного строя", *Абсолютизм в России,* с. 141.
[51] *Письма Русских Государей, 1,* №№ 14, 17, 23, 25, 29, 267, 269, 294, 298. Ср. Макарий, *II,* 67-68.
[52] Карташев, *2,* 110. Портрет Филарета см. *Три века, 1,* 17.
[53] Попов, *Изборник,* с. 316.
[54] *ДР, 1,* 612-615.
[55] Основная работа по московским кадастрам семнадцатого века — Весловский, *Сошное письмо.*
[56] Весловский, *Семь соборов.* Ср. *Очерки, 4,* 413.
[57] *Временник, 4* (1849), разд. III, 18-51; *Очерки, 4,* 441.
[58] Берх, *Михаил, 1,* 115.
[59] *СГГД, 3,* № 81 и № 83. Ср. Берх, *Михаил, 1,* 169-171.
[60] *Очерки, 4,* 443-444.
[61] Богоявленский, "О Пушкарском приказе"; *Очерки, 4,* 93-94.
[62] *Чтения,* 1882, Ч. III, 361-362; *Очерки, 4,* 93.
[63] *Очерки, 4,* 95-96.
[64] Кузин, сс. 12-13.
[65] Берх, *Михаил, 2,* № VI, 81-82.
[66] Кузин, с. 17.
[67] *СГГД, 3,* № 118; Соловьев, *9,* 305; *Очерки, 4,* 88-89; *Amburger,* 97-98.
[68] Готье, *Замосковный край,* 156-157.

[69] Готье, *Замосковный край*, 156-157.
[70] Готье, с. 210.
[71] Неволин, *4*, 205; Готье, с. 211.
[72] *ААЭ, 3*, 66; *АИ, 3* (1615), с. 588; Ельяшевич, *2*, 96.
[73] Бахрушин, "Торговые крестьяне", в его *Труды, 2*, 118-133; *Очерки, 4*, 126.
[74] Соловьев, *9*, 139-142; *Очерки, 4*, 136.
[75] Смирнов, П.П., "Новое челобитие"; *Очерки, 4*, 136.
[76] Общую характеристику духовного смятения русских в этот период см. Pascal, pp. 1-8.
[77] Pascal, pp. 10-13; Карташев, *2*, 87-94.
[78] Pascal, p. 28; Зернова, № 94 и № 100.
[79] Макарий, *11*, 49-50; Карташев, *2*, 101-102; Pascal, p. 24.
[80] Макарий, *11*, 50-59; Карташев, *2*, 102-106; Pascal, pp. 23-24; Зернова, № 63, с. 34. О брате Лаврентия Зизания, Стефане Зизании, см. *Россия в средние века.*
[81] Макарий, *11*, 59-61; Соловьев, *9*, 331-332; *ЭС, 73*, 137-138; Pascal, pp. 19-20; Tschiłewsky, *History of Russian Literature*, 314, 319, 323, 358.
[82] Макарий, *11*, 71-73; Карташев, *2*, 108.
[83] Платонов, *Москва и Запад*, сс. 85-90; Pascal, pp. 32-34.
[84] О происхождении "зарегистрированных" казаков см. *Россия в средние века.*
[85] Голобуцкий , с. 158
[86] Грушевский, *7*, 354-355; Дорошенко, *1*, 202-203. Голобуцкий , с. 171, датирует набег на Каффу 1615 г. (вместо 1616 г.) и не упоминает Сагайдачного в связи с этим или какими-либо другими походами того времени.
[87] Соловьев, "Малороссийское казачество до Хмельницкого", *Русский Вестник, 23*, часть I (1859), 183; Грушевский, *7*, 38-385; Дорошенко, *1*, 204-205; Голобуцкий , сс. 160-161.
[88] *ВУР, 1*, №№ 1-3, сс. 3-7. Под "прежней службой" запорожских казаков подразумевались кампании Д.И. Вишневецкого против крымских татар в 1550-е годы, см. *Россия в средние века.* Ср. Соловьев, *5*, с. 439.
[89] Власовский, *2*, 13.
[90] Макарий, *11*, 245. Ср. Papadopoulos, p. 55.
[91] Об этом и последующем см. Макарий, *11*, 242-251; Papadopoulos, p. 55-58.
[92] Голобуцкий , сс. 162-163.
[93] Грушевский, *7*, 440-441.
[94] Грушевский, *7*, 441-442; Голобуцкий , сс. 163-164; *HP, 1*, part II, 535.
[95] Никто не посвящался в сан епископа Львовского со времени учреждения Унии, Иеремия Тиссаровский был или, во всяком случае, считался тайным православным.
[96] Грушевский (*7*, 450) предполагает, что в этом случае Феофан действовал по инструкциям из Москвы. Однако современный западнорусский документ, "Подтверждение невинности", утверждает, что казаки сами просили об отпущении.
[97] Грушевский, *7*, 464-466; Дорошенко, *1*, 209. Голобуцкий , с. 175, высказывает предположение, что Сагайдачный был в основном заинтересован в получении королевской поддержки старшине против рядовых казаков.
[98] О Хотинской войне см. Грушевский, *7*, 462-479; J. Tretiak, *Historia Woiny Chocimskiej* (Krakyw, 1921); Дорошенко, *1*. 209-210; Голобуцкий , сс. 179-186; *HP, 1*, Part II, 335-336.
[99] Макарий, *11*, 283-286; Chodynicki, pp. 442-443.
[100] Макарий, *11*, 287-286; Chodynicki, pp. 443-444; Власовский, *2*, 44-46; Winter, *1*, 297-299.
[101] Макарий, *11*, 309-310; Zhukovich, *4*, 103; Chodynicki, pp. 443-444; Winter, *1*, 299.

[102] См. *Россия в средние века.*
[103] Независимые монастыри и братства находились в непосредственной юрисдикции патриарха.
[104] Голубев, *1*, гл. 3; ср. А. Кирпичников, "Мелетий Смотрицкий", *ЭС, 37*, 23.
[105] См. *Россия в средние века.*
[106] *ВУР, 1*, 47-48.
[107] Макарий, *11*, 315-318 (на основе архивных документов).
[108] Грушевский, *7*, 543-561; Дорошенко, *1*, 216-217; Голобуцкий , сс. 200-201.
[109] *HP, 1*, part II, 536-540.
[110] Грушевский, *8*, часть I, 35-36; Winter, *1*, 300-301.
[111] Соловьев, *9*, 132-133.
[112] Грушевский, *8*, часть I, 34-37.
[113] *HP, 1*, part II, 536-540.
[114] Chodynicki, pp. 449-479. Cf. Winter, *1*, 303-305.
[115] Грушевский, *8*, часть I, 64-97; Дорошенко, *1*, 218; Winter, *1*, 303-305.
[116] Генеалогию князей Вишневецких см. *Russia at Dawn*, p. 303; Tomkiewicz, genealogical table facing p. 4.
[117] Об этом и последующем см. Соловьев, *10*, 453-456; Макарий, *11*, 397-444; Chodynicki, pp. 544-557.
[118] О Ниле Сорском см. А.С. Архангельский, *Нил Сорский и Вассиан Патрикеев*, Т. I (С.-Петербург, 1882); Флоровский, *Пути*, сс. 20-22; Карташев, *1*, 409-413. Ср. *Россия в средние века.*
[119] Об Иване Вишенском см. Грушевский, *История Украинской литературы, 5*, часть II (Киев, 1927), 284-303 и 417-444; Чижевский, *Ист. Укр. Литературы* (New York, 1956), сс. 232-241; Флоровский, *Пути*, сс. 37-38; И. Вишенский, *Сочинения*, под ред. И.П. Еремина (М.-Л., 1955); Billigton, pp. 140-141.
[120] Дорошенко, *1*, 222.
[121] Флоровский, *Пути*, с. 44; Карташев, *2*, 284.
[122] Грушевский, *8*, часть I, 189-190; Карташев, *2*, 284.
[123] Грушевский, *8*, часть I, 194; Карташев, *2*, 184.
[124] Флоровский, *Пути*, с. 45.
[125] В редакции М. Сирига "Православное Исповедание" опубликовали на греческом языке в Голландии в 1667 году. Латинский перевод работы вышел в Лейпциге в 1695 году, а русский перевод с латинского — в Москве в 1696 году, см. Зернова, № 470, с. 130.
[126] Зернова, № 215, с. 69.
[127] Флоровский, *Пути*, с. 49-51; Карташев, *2*, 285-287.
[128] Макарий, *11*, 413-417; Tomkiewicz, pp. 6-8.
[129] Об этом и последующем см. Соловьев, *10*, 454-457; Макарий, *11*, 419-444; Грушевский, *8*, часть I, 163-180; Дорошенко, *1*, 220-221; Власовский, *2*, 54-60.
[130] Грушевский, *8*, часть I, 183. Согласно другим источникам, Петра Могилу во Львове посвятил митрополит Молдавский, см. Флоровский, *Пути*, с. 47; Карташев, *2*, 283.
[131] Грушевский, *8*, часть I, 184-185.
[132] Макарий, *11*, 457-458; Грушевский, *8*, часть I, 186.
[133] Грушевский, *8*, часть I, 186-187.
[134] Shmurlo, *Saint Siege*, appendix, pp. 26-29, 220; Winter, *1*, 301-302.
[135] Соловьев, *9*, 162.
[136] Форстен, *Акты и письма, 1*, 315; Грушевский, *8*, часть I, 135-136.
[137] О деле Черкасского — Лыкова см. Соловьев, *9*, 162-163.

[138] Новосельский, сс. 204-205, 210; *Очерки, 4*, 467-468.
[139] Соловьев, *9*, 169-170.
[140] Попов, *Изборник*, с. 316. Интерпретация Г. Вернадского.
[141] Субботин, *Материалы, 1*, 266-268; Pascal, pp. 48-49.
[142] *ААЭ, 3*, № 198, с. 284; *РИБ, 35*, № 396, кол. 778-779; Pascal, p. 49.
[143] Попов, *Изборник*, с. 317.
[144] О последующем см. Соловьев, *9*, 164-167; Попов, *Изборник*, сс. 368-373 (выдержки из "Столяров Хроиограф"); Польский дневник войны 1632-1634 гг., *РИБ, 1*, кол. 721-774; *Очерки, 4*, 467-475; *НР, 1*, part II, pp. 542-543.
[145] Е.Д. Сташевский, *Смоленская война 1632-34 гг. Организация и состояние московской армии* (Киев, 1919). Рецензия на эту работу — А.В. Бородин, *Русский исторический журнал, 8* (1922), 265-276.
[146] *ДД, 1*, кол. 293-298; Сватиков, с. 34.
[147] *ДД, 1*, кол. 323-324; Сватиков, сс. 75-76; Быкадоров, с. 73.
[148] Соловьев, *9*, 209-210; Сватиков, сс. 74-76; Быкадоров, сс. 73-74; Новосельский, 216-217.
[149] *ДД, 1*, кол. 349-350; Новосельский, с. 218.
[150] Новосельский, сс. 196-197.
[151] Там же, сс. 197-198.
[152] Грушевский, *8*, часть I, 205-206; Дорошенко, *1*, 223.
[153] Грушевский, *8*, часть I, 201-203; Дорошенко, *1*, 223; Голобуцкий , сс. 213-215.
[154] Соловьев, *9*, 165.
[155] Там же, с. 167.
[156] Соловьев, *9*, 174-180; Грушевский, *8*, часть I, 208-209.
[157] Соловьев, *9*, 169-171.
[158] Попов, *Изборник*, с. 317. Интерпретация Г. Вернадского.
[159] Там же.
[160] Соловьев, *9*, 175.
[161] Новосельский, сс. 221-222.
[162] *Россия в средние века*.
[163] Дорошенко, *1*, 226-227.
[164] Грушевский, *8*, часть I,213-214; Дорошенко, *1*, 223; Голобуцкий , сс. 217-218.
[165] Грушевский, *8*, часть I, 215-218; Дорошенко, *1*, 223; *НР, 1*, part II, 543.
[166] Грушевский, *8*, часть I, 218-228; Голобуцкий , с. 219. Грушевский утверждает, что казаки Сулимы принадлежали к зарегистрированным отрядам, а не к Запорожью. Его аргументация не кажется мне убедительной.
[167] Грушевский, *8*, часть I, 223-226; Голобуцкий , сс. 219-221.
[168] О восстании казаков в 1637 году см. Грушевский, *8*, часть I, 245-276; Дорошенко, I, 224-234.
[169] Цитируется Голобутским, с. 233.
[170] О восстании Остряниица в 1638 году см. Грушевский, *8*, часть I, 289-303; Дорошенко, *1*, 225-226; Голобуцкий , сс. 236-246.
[171] "Ordynacja Wojska Zaporowskiego regestrowego", *Volumina Leegum, 3*, 440; перепечатано в *ВУР, 1*, 255-257 (русский перевод, сс. 257-258).
[172] Грушевский, *8*, часть I, 312-317; Голобуцкий , сс. 247-248.
[173] *ВУР, 1*, № 116. сс. 12-13.
[174] *ДД, 1*, кол. 706-707; Новосельский, с. 260.
[175] О последующем см. Багалей, сс. 174-196; *ВУР, 1*, № 1145, сс. 248-252.
[176] *ВУР, 1*, № 146, сс. 252-253.
[177] *ВУР, 1*, № 147, сс. 253-254.

[178] Багалей, . 184; Он же, *Материалы*, сс. 15-16.
[179] Новосельский, с. 270.
[160] Соловьев, 9, 215-216; Быкадоров, сс.89-90. Об участии торговых людей см.: Новосельский, с.259.
[181] Соловьев, 9, 215-216; Новосельский, с.257.
[182] Новосельский, с.259.
[183] Там же, с.258.
[184] ДД.1, кол.567-572.
[185] Соловьев, 9, 217; Новосельский, сс.265-266.
[186] Новосельский, сс.282-286.
[187] Об осаде Азова турками и татарами см.: Соловьев, 9, 217-218; Попов, Изборник, сс.392-394 (Хронограф библиотеки Погодина №1451); Быкадоров, сс.107-118; Н.А. Смирнов, Россия и Турция, 2, гл.6; Новосельский, сс.286-288. Сказание об осаде Азова было написано в 1640-х гг., и оно было основано на рассказах самих участников, а также (в его более поздних вариантах) на казацких героических песнях. См.: А.С. Орлов, Исторические и поэтические повести об Азове (Москва, 1906). Ср.: Н.К. Гудзий, сс.393-398; Tschiłewskij, Hist. of Russian Literature (1960), pp.341-343.
[188] Обзор свидетельств о количественном составе турецкой армии см.: Новосельский, сс.286-287.
[189] Новосельский, сс.290-292.
[190] Соловьев, 9, 217; Попов, Изборник, 394.
[191] Донесение Наума Васильева см. в кн.: Попов, Изборник, с.394. Ср.: Новосельский, с.288.
[192] Резюме донесения Наума Васильева см.: ДД, 2, кол. 260-261.
[193] Запись заседания Земского Собора 1642 г. опубликована в СГГД, 3, №113 (конец документа утрачен). Об этом соборе см.: Соловьев, 9, 218-223; Латкин, сс.185-201; Сергеевич, Лекции, сс.223-231; Три Века, 1, 69-71; Очерки, 4, 363-365.
[194] Митрополитов, епископов и архимандритов. В то время в Москве не было патриарха. Патриарх Иоасаф I умер 28 ноября 1640 г. Его преемник, патриарх Иосиф, был рукоположен 27 марта 1642 г., см.: Карташев, 2, 112-113.
[195] Соловьев, 9, 219; Латкин, сс.188-189.
[196] Милюков, Гос. хоз., с.33.
[197] Там же. И.Д. Беляев, "О сторожевой ... службе", РИБ, 10, с.105 (цитировано Яковлевым, Засечная черта, с.14). Яковлев дает более высокую цифру (17 055).
[198] Новосельский, с.296.
[199] Там же, с.305.
[200] Яковлев, Засечная черта, сс.57-58.
[201] О содержании инструкции см.: Яковлев, сс.64-66.
[202] Новосельский, сс.365-367.
[203] Багалей, сс.197-221; Новосельский, сс.369-371.
[204] Цитировано Милюковым, Гос. хоз., с.47.
[205] Милюков, Гос. хоз., с.36.
[206] Список выплат жалования смоленской осадной армии см.: РК, 2, кол.443-447.
[207] Милюков, Гос. хоз., с.47.
[208] Там же, сс.45-46.
[209] Там же, с.48.
[210] Очерки, 4, 414.
[211] Очерки, 4, 418-419. Первенство в исследовании этой формы московского малого обложения принадлежит А.С. Лаппо-Данилевскому, см. его работу: Организация пря-

мого обложения (1890). Некоторые из его выводов подверглись критике Милюкова, Гос. хоз., сс.15-16; его же, "Спорные вопросы", с.119. Эта проблема была исследована вновь С.В. Весловским, Сошное письмо, 1, сс.5-14; 2, 481-529.

[212] Смирнов, Посадские люди, 1, 424-486.

[213] Шаховская, "Сыск посадских тяглецов и закладчиков"; Смирнов, Пос. люди, 1, 425-427.

[214] Смирнов, Пос. люди, 1, 429; Эльяшевич, 2, 96.

[215] Ельяшевич, 2, 96; Смирнов, Пос. люди, 1, 476-478.

[216] Козловский, 1, 172; Amburger, pp.100-101.

[217] СГГД, 3, сн.118, сс.408-410; Козловский, 1, 82; Amburger, p. 105.

[218] Amburger, p. 21.

[219] Id., pp. 70-91.

[220] Соловьев, 9, 125-126.

[221] Анализ этого труда см. в кн.: Цветаев, Протестантство, сс.616-628; Голубцов, Прения о вере, гл. III, 76-126.

[222] Соловьев, 9, 126-127.

[223] Об этом и последующем см.: Соловьев, 9, 229-248; Цветаев, Протестантство, сс.475-507; Amburger, pp.85-91.

[224] Щербачев, "Датский архив", сн.810; там же, сн.138; Amburger, p.87.

[225] Цветаев, Протестантство, сн.1, с.483; Amburger, p.88.

[226] СГГД, 3, сн.117, сс.406-408.

[227] См.: Макарий, 11, 105-112; Цветаев, Протестантство, сс.492-509; Голубцов, "Памятники прений о вере"; Pascal, pp.70-71; Amburger, p.91; Id., Protestantismus, p.30.

[228] Зерноса, сн.169. Заглавие дано по названию первой части книги: Слово Св. Кирилла Иерусалимского. Ср. Pascal, pp. 68-69.

[229] Pascal, p. 69.

[230] Голубцов, "Памятники прений о вере", сн.9, сс.158-165.

[231] Об этом браке см.: "Россия на пороге нового времени", сс.86-89.

[232] Голубцов, "Памятники", сс.156-157; Платонов, Москва и Запад, с.96.

[233] Д. Корсаков, "Шаховской, князь Семен Иванович", РБС, том "Чаадаев — Швитков", с.589; Платонов, Москва и Запад, сс.95-96.

[234] Голубцов, "Памятники прений о вере", с.15. Ср.: Цветаев, Протестантство, с.510; Смирнов, Посадские люди, 2, 6-7.

[235] Смирнов, Посадские люди, 2, 10-12.

[236] Берх, Алексей, 1, 23.

[237] Текст образца клятвы царю Михаилу (февраль 1613 г.) см.: СГГД, 3, сн.5, сс.14-15; текст клятвы царю Алексею (июль, 1645 г.): СГГД, 3, сн.123, сс.421-422.

[238] Смирнов, Посадские люди, 2, 8.

[239] Новомбергский, 1, сн.135, 157; Смирнов, Пос. люди, 2, 6.

[240] Pascal, p.64.

[241] Голубцов, "Памятники прений о вере", с.12.

[242] Соловьев, 10, 460; Смирнов, Посадские люди, 2, 9; Amburger, p.91.

[243] Платонов, Москва и Запад, с.96.

[244] Якубов, "Россия и Швеция", Чтения, 1898, часть 1, с.437; Смирнов, Посадские люди, 2, сн.2, с.8.

[245] Берх, Алексей, 1, 30.

[246] Смирнов, Посадские люди, 2, 11-12.

[247] Котошихин, гл.1, 5; гл.8, 140-141.

[248] Берх, Алексей, 1, 42-47; Соловьев, 10, 481.

[249] Е. Лихачев, "Чистого, Назар", РБС, том "Чаадаев — Швитков", с.308.
[250] Смирнов, Посадские люди, 2, 12-14; Ельяшевич, 2, 96.
[251] Ельяшевич, 2, 94.
[252] Весселовский, Сошное письмо, 2, 226-231; Очерки, 4, 421.
[253] Смирнов, Посадские люди, 2, 69.
[254] Там же, сс.75-88.
[255] Соловьев, 10, 481; Смирнов, Пос. люди, 2, 29-31.
[256] Соловьев, 10, 480-481; Смирнов, Пос. люди, 2, 32-33.
[257] СГГД, 3, сн.124, сс.422-425; Ср.: Соловьев, 10, 480; Смирнов, Посадские люди, 2, 32-33.
[258] СГГД, 3, сн.128, сс.435-437.
[259] О московских волнениях в июне 1648 г. см.: Соловьев, 10, 482-483; Платонов, "Новый источник для истории московских волнений 1648 г.", Чтения, 1893, часть I, 1-19; его же, "Московские волнения 1648 г.", в его кн.: Статьи по русской истории (С.-Петербург, 1903, сс.77-93); Бахрушин, "Московское восстание 1648 г.", в его кн.: Научные труды, II, 46-91; К.В. Базилевич, ред., Городские восстания в Московском государстве XVII века (Москва и Ленинград, 1936); Смирнов, Посадские люди, 2, 165-191; Тихомиров и Епифанов, ред., Соборное уложение 1649 г., сс.7-15. Хронология событий июня 1648 г. довольно путаная из-за противоречий в источниках. Я следую выводам М.Н. Тихомирова.
[260] Олсарий (рус. перевод Ловягина, 1906), с.265.
[261] Платонов, "Новый источник"; Бахрушин, Труды, 2, 50.
[262] Тихомиров, Уложение, с.20.
[263] Бахрушин, Труды, 2, 53.
[264] Тихомиров, Уложение, сс.11-15.
[265] Е. Лихач, "Одоевский, кн. Никита Иванович", РБС, том "Обезьянинов-Очкин", сс.160-167.
[266] "Грибоедов" — это русифицированная форма от "Гржибовский". Grzyb по-польски означает "гриб".
[267] Якубов, сс.428-429; Смирнов, Посадские люди, 2, 217.
[268] ААЭ, 4, сн.32 и 36; Смирнов, Посадские люди, 2, 220-224.
[269] Смирнов, Пос. люди, 2, 226-228.
[270] Там же, сс.256-261.
[271] Там же, сс.230-231.
[272] ААЭ, 4, сн.33; Зерцалов, "О мятежах", с.18; Смирнов, Посадские люди, 2, 231.
[273] Смирнов, Пос. люди, 2, 232.
[274] ААЭ, 4, сн.32; сс.46-47; Смирнов, Пос.люди, 2, сс.235-237.
[275] ААЭ, 4, сн.32/III; Смирнов, Пос. люди, 2, 237-241.
[276] См. список подписей у Тихомирова и Епифанова, сс.424-431.
[277] Смирнов, Посадские люди, 2, 246.
[278] О последних изданиях "Уложения" см.: ПРП, 6 (1957); Тихомиров и Епифанов (1961).
[279] Владимирский-Буданов, Обзор, сс.222-223; Тихомиров и Епифанов, сс.22-23.
[280] О Литовских Статутах см.: *Россия в средние века*, Указатель S.V., Статуты; о третьем Литовском Статуте см., особенно, Лаппо, Литовский Статут 1588 г.; о влиянии Литовского Статута на "Уложение" см.: Владимирский-Буданов, "Отношение".
[281] Владимирский-Буданов, Обзор, с.223; Лаппо, Литовский Статут, 1, часть II, сс.529-533.
[282] ЗОРСА, 2, (1861), 448; Зызыкин, 2, с.72; Вернадский, "Церковь и государство в системе Соборного Уложения 1649 г.", с.86.
[283] См. *Россия в средние века*.
[284] Ельяшевич, 2, 197-198.

[285] См.: Тарановский, "Соборное избранис"; Stukl, "Gabes im Moskauer staat 'Stande'?"
[286] Вдобавок к работам, упомянутым в сн.1 к Гл.2, 3, см.: также Яковлев, ред., Памятники истории смутного времени, сс.18-19.
[287] О клятве Шуйского, как источнике гл. II "Уложения" см.: Тельберг, Очерк политического суда; Тарановский, "Обеспечение прав".
[288] Тарановский, "Обеспечение прав".
[289] За комментариями к содержанию этой главы "Уложения" обращайтесь к след.: Неволин, 4, 56-58; сс.124-196; Владимирский-Буданов, сс.551, 553, 556Ю 562, 565; Ельяшевич, 2, 156-160; Тарановский, "Обеспечение".
[290] Комментарии к этой главе см.: Неволин, 4, 191-258; Владимирский-Буданов, 568-574; Ельяшевич, 2, 142-144.
[291] О статусе крестьян, согласно "Уложению", см.: Владимирский-Буданов, сс.146-147; Сергеевич, 1, 284-291; Гсков, Крестьяне, 2, 374-390; Ельяшевич, 2, 96-101.
[292] Об этих восстаниях см.: Тихомиров, "Новгородское восстание"; его же, "Псковское восстание".
[293] О Св. Савве и его правилах см.: Сергий, Полный Месяцеслов Востока, 1 (Москва, 1875), 114-116; Чтения, 1867, II, 1-10; Pascal, p.57.
[294] Петиция была опубликована Н. Рождественским в Чтениях, 1902, II, смесь 18-31. Ср.: Pascal, pp.54-59.
[295] О происхождении этих народных празднеств и их древнем религиозном смысле см.: Origins of Russia, 138-154.
[296] ААЭ, 3, сн.264, кол.401-405. Ср.: Соловьев, 9, 322-323; Pascal, pp.59-60.
[297] Pascal, pp.60-61.
[298] Щапов, 1, 76-77; Pascal, pp.61-62.
[299] Согласно традициям православной церкви в России паства должна стоять во время службы. Поэтому в русских церквях не было скамей.
[300] Pascal, pp.50-52.
[301] Милюков, 2, 1, 116; Pascal, pp.62-64.
[302] Pascal, p.64.
[303] Pascal, p.341.
[304] ААЭ, 4, сн.321, сс.481-482; Pascal, p.133.
[305] ААЭ, 4, сн.324; АИ, 4, сн.6; Pascal, pp.133-134.
[306] Pascal, p.156.
[307] Pascal, p.168.
[308] СГГД, 3, сн.147; Берх, Алексей, 2, 148-151; Соловьев, 10, 517; Pascal, p.178.
[309] Pascal, pp.161-163.
[310] Забелин, Домашний быт русских цариц, сс.255-258; Pascal, p.113.
[311] Pascal, pp.163-165.
[312] ПСЗ, 1, 167-169; Любименко, сс.210-211; Pascal, pp.175-176.
[313] Олсарий передает эту историю не без некоторой пристрастности в пользу Лесли (Олсарий, Ловягин, сс.304-306). См. также: Цветаев, Протестантство в России, сс.370-379; Pascal, p.176; Amburger, Geschichte des Protestantismus in Russland (1961).
[314] Pascal, p.176.
[315] Родес, Чтения, 1915, II, 97-102; Pascal, pp.176-177.
[316] Родес, сс.67, 69, 80; Pascal, p.177. О братьях де Гронах см.: РАНИОН, 4, 109-122.
[317] Pascal, p. 65.
[318] Белокуров, Суханов, 1, 177; Pascal, p. 150.
[319] Pascal, pp. 151-152.

[320] О труде Мелетия Смотрицкого см.: Ягич. *История славянской филологии* (С.-Петербург, 1910), сс. 27-31; Петухов. *Русская литература. Древний период* (Юрьев, 1912), сс. 251-252.
[321] Каптерев, *Патриарх Никон и его противники* (2-е изд., Сергиев-Посад, 1913), сс. 96-98; Pascal, pp. 131-132.
[322] Pascal, p. 132.
[323] Карташев, 2, сс. 122-123.
[324] Об Арсении Суханове и его миссии на Ближний Восток см.: Белокуров, *Арсений Суханов* (2 тт., Москва, 1891). Также: *Чтения*. "Проскинитарии" Арсения были опубликованы Н.И. Ивановским (Казань, 1870).
[325] Карташев, 2, с. 128.
[326] Карташев, 2, с. 131.

Глава 4

х Г. Вернадский использует термин *"Revolution"* — прим. ред..
[1] См.: *Россия в средние века*
[2] Дорошенко, 2, с. 10; Грушевский, 8, часть 2, сс. 119-126.
[3] В. Шутой. *Канун освободительной войны*, ИЗ, 46 (1954), с. 271. Ср.: Голобуцкий, с. 252.
[4] Костомаров. *Хмельницкий*, 1, сс. 210-212; Грушевский, 8, часть II, сс. 142-143; Голобуцкий, с. 253.
[5] Акты ИЗР, III, с. 279. Ср.: Голобуцкий, с. 256.
[6] Grondzki, p. 47 (цитировано у Костомарова: *Хмельницкий*, 1, с. 242).
[7] О расположении этого острова см.: *Россия в средние века*, карты 7-8.
[8] Костомаров. *Хмельницкий*, I, сс. 314-344; Дорошенко, II, сс. 14-17; Голобуцкий, сс. 270-273. О зверствах по отношению к евреям см. особенно: N. Hannover. Yawen Mezulah. *Schilderung des polonisch-kozakischen Krieges* (Hannover, 1863); Billington, n. 2, p. 674.
[9] Ряд историков, включая Грушевского, пришли к заключению, что эта летопись была написана Романом Ракушкой. Согласно Льву Окиншевичу, однако, ее автором был Иван Быховец. Летопись описывает главные события казацкой истории с 1648 по 1702 гг. См.: Дорошенко-Оглоблин, сс. 44-45.
[10] Самовидец, с. 12; Ср.: Голобуцкий, с. 272.
[11] Акты ЮЗР, III, сс. 129-130; ВУР, II, сн. 12, сс. 32-33.
[12] Грушевский, 8, часть III, сс. 125-127; Дорошенко, II, с. 21.
[13] *Россия в средние века*.
[14] Дорошенко, II, с. 22.
[15] ВУР, II, сн. 50, сс. 127-131 и сн. 52, сс. 132-133.
[16] Голобуцкий, с. 278. Ср.: ВУР, II , сн. 51, с. 131.
[17] ВУР, II, с. 153. В то время на Украине была нехватка хлеба из-за хаотических условий войны и восстания и из-за того, что большие поместья были разорены крестьянами.
[18] ВУР, II, с. 160.
[19] Об Анкундинове см.: РБС, том *"Алексинский — Бестужев-Рюмин"* (1900), сс. 152-154.
[20] См. гл. 2, выше.
[21] Архив ЮЗР, III, часть IV, сс. 76-77; Голобуцкий, с. 282.
[22] "Самовидец", как это цитировано Голобуцким, с. 283.
[23] Костомаров, II, сс. 92-95.
[24] Донские дела, IV, с. 820. Ср.: Грушевский, 9, часть 1, с. 54.
[25] Текст Зборовского польско-татарского договора см. в: Акты ЮЗР, III, сс. 413-414.
[26] Текст Зборовского польско-казацкого договора см. в: Акты ЮЗР, III, сс. 415-416. См. также: СГГД, III, сн. 143, сс. 450-451, и Акты ЮЗР, X, 453-458.

[27] Голобуцкий, с. 287.
[28] Карташев, II, сс. 98-99.
[29] ВУР, III, с. 169.
[30] Грушевский, 9, часть1, сс. 110-113.
[31] Костомаров. *Хмельницкий*, II, сс. 253-257; Грушевский, 9, часть 1, сс. 85-98.
[32] Грушевский, 9, часть 1, сс. 135-136.
[33] Костомаров. *Хмельницкий*, II, сс. 311-313; Грушевский, 9, часть I, сс. 254-255, 259; Korduba, p. 331; Vernadsky, *Bohdan*, pp. 85-87.
[34] Так выглядит эта история в рассказе Выговского московскому посланнику Григорию Богданову в июле 1651 г., см.: акты ЮЗР, II, сс. 468-469. Она поддержана и другими свидетельствами. Костомаров, II, сс. 389-391, принимает ее суть с некоторыми оговорками. Грушевский, 9, часть 1, сс. 285-298 и 306-307, считает, что Хмельницкий не был похищен ханом, а последовал за ним добровольно в надежде уговорить его вернуться и покинул его, когда убедился, что хан не намеревается изменить своего решения. Кордуба, с. 331, считает всю эту историю "легендой" и высказывает мнение, что Хмельницкий, видя неизбежное поражение казаков у Берестечка, отправился в Корсунь, чтобы мобилизовать казацкие резервы и организовать новую армию.
[35] Костомаров. *Хмельницкий*, II, с. 398; Грушевский, 9, часть 1, сс. 312-313; Кордуба, с. 331. Богдан Хмельницкий называл Ивана Золотаренко своим шурином, см.: ВУР, III, с. 470.
[36] Grabienski, p. 197.
[37] Текст Белоцерковского договора см.: Костомаров, II, сс. 435-439; Грушевский, 9, часть 1, сс. 365-367.
[38] Милюков. *Очерки*, 1, сс. 58-59; Багалей. *Очерки*.
[39] См., например: ВУР, III, сн. 91, сс. 198-199.
[40] ВУР, III, сн. 101, сс. 208-210.
[41] ВУР, III, сн. 100, сс. 206-207. Следует вспомнить, что **Черниговская** область была возвращена полякам по Белоцерковскому договору. О **расселении** этой группы казаков в Московии см.: ВУР, III, сн. 187, сс. 368-369.
[42] ВУР, III, с. 477.
[43] Карташев, II, с. 118.
[44] ВУР, II, сн. 80, сс. 197-198. Ср.: Карташев, II, сс. 119-120.
[45] Карташев, II, сс. 124-132.
[46] Карташев, II, с. 122.
[47] ВУР, III, си. 1, сс. 7-11. Ср.: Грушевский, 9, часть 1, сс. 207-210.
[48] ВУР, III, сн. 2, сс. 11-12.
[49] ВУР, III, сс. 169-170.
[50] ВУР, III, сн. 147 и 148, сс. 256-258. Письмо Хмельницкого к Ни**кону не сохранилось** в московских архивах (во всяком случае, не обнаружено). Оно у**поминается в ответе** Никона Хмельницкому: ВУР, III, с. 165 и 268..
[51] ВУР, III, сн. 154, с. 267.
[52] ВУР, III, сн. 162, сс. 281-282.
[53] ВУР, III, сн. 165, сс. 286-287.
[54] ВУР, III, сн. 169, сс. 322-323 и сн. 138, с. 584..
[55] ВУР, III, сн. 197, сс. 406-407. Ранее было опубликовано в: СГГД, III, сн. 157, сс. 481-489 и в Актах ЮЗР, X, сн. 2, сс. 3-18.
[56] Официальный отчет (статейный список) посольства Бутурлина можно найти в: ВУР, III, сн. 205, сс. 423-490. Ранее он был опубликован в Актах ЮЗР, X, сн. 4, сс. 142-275. Выдержки из него см. также в: ПСЗ, 1, сн. 115, сс. 305-310.

[57] ВУР, III, сс. 454-455.
[58] *Монголы и Русь*, сс. 234-235. В моигольский период этот термии относился, главным образом, к Волыни и Галиции. Тогда Киев не включался в понятие Малой Руси.
[59] ВУР, III, сс. 460.
[60] ВУР, III, сс. 473-475.
[61] По поводу легенды о Св. Андрее см.: F. Dvornik. *The Idea of Apostolicity in Byzantium and the Legend of the Apostle Andrew*.
[62] ВУР, III, с. 483. Текст письма Хмельницкого от 17 января см.: ВУР, III, с. 227 и с. 519.
[63] ВУР, III, сн. 236, сс. 547-550. Акты ЮЗР, X, сн. 8, сс. 432-436.
[64] Эта инструкция упомянута в письме Хмельницкого от 21 марта к Зарудному и Тетере, ВУР, III, сн. 244, с. 559. См также сн. 219 на с. 586.
[65] Список участников казацкого посольства см. в: Акты ЮЗР, X, сн. 8, сс. 427-428. Ср.: Грушевский, 9, часть II, с. 795.
[66] ВУР, III, сн. 240, сс. 554-555.
[67] Акты ЮЗР, X, сн. 8, сс. 453-470.
[68] Протоколы собрания 13 марта сохранились в двух вариантах. Один из них см.: Акты ЮЗР, X, сс. 437-446 (в этой редакции упоминаются двадцать пунктов). Выдержки из другого варианта протоколов см. в: Грушевский, 9, часть II, сс. 802-807 (во втором варианте — шестнадцать пунктов).
[69] Текст "Двадцати трех статей" был опубликован в: Акты ЮЗР, X, сн. 11, сс. 446-456. Перепечатан в: Костомаров, *Хмельницкий*, III, с. 143, сн. 1 (продолжение на с.с. 144-149); Грушевский, 9, часть II, сс. 785-788; Яковлев, сс. 93-99.
[70] Акты ЮЗР, X, с. 485.
[71] Акты ЮЗР, X, сс. 471-476.
[72] ВУР, III, сн. 243, сс. 557-558.
[73] ВУР, III, сн. 244, сс. 559-560.
[74] ВУР, III, сн. 245, сс. 560-565. Ранее опубликовано в: ПСЗ, 1, си. 119, сс. 311-314; Акты ЮЗР, X, сн. 8(XVII), сс. 477-484; Костомаров. *Хмельницкий*, III, сс. 137-143. Также: Яковлив, сс. 105-110. Перевод на английский язык см.: Vernadsky. *Bohdan*, pp. 137-138.
[75] ВУР, III, сн. 248, сс. 567-570. Ранее опубликовано в: ПСЗ, 1, сс. 322-327; Акты ЮЗР, X, сн. 8(XX1)1, сс. 489-494; Костомаров. *Хмельницкий*, III, сс. 144-151; Грушевский, 9, часть 2, сс. 820-824. Также: Яковлив, сс. 101-103. Перевод на английский язык см.: Vernadsky. *Bohdan*, pp. 137-140.
[76] ВУР, III, сн. 249, сс. 570-571. Ранее опубликовано в: Акты ЮЗР, X, сн. 8(XX1)3, сс. 496-497.
[77] Акты ЮЗР, X, сн. 8(XX1)2, сс. 494-496; перепечатано в кн.: Грушевский, 9, часть 2, сс. 824-825.
[78] Акты ЮЗР, X, сн. 16(XVIII), сс. 761-764.
[79] Акты ЮЗР, X, сн. 9, сс. 513-538.
[80] АИ, IV, сн. 84; Акты ЮЗР, X, сн 13 (XII), сс. 647-654.
[81] О коше см.: *Россия в средние века*.
[82] Акты ЮЗР, X, сн. 8/XX1, 4-6, сс. 497-502.
[83] Акты ЮЗР, X, сн. 8/XX11, сс. 501-502. Ср.: Грушевский, 9, часть2, сс. 826-828.
[84] Мякотин, 1, сс. 33-38; Голобуцкий, сс. 299-300.

БИБЛИОГРАФИЯ

Абсцедарский Л.С., Белорусы в Москве XVII в. (Минск, 1957).

Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.), Очерки в честь Б.Б. Кафенгауза (Москва, 1964).

Абу-аль-гази, Родословная туркмен. См.: Кононов А.Н.

Аввакум, протопоп, Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, Н.К. Гудзий, ред. (Москва, 1960).

Авраамий Палицын, Сказание (Москва и Ленинград, 1955).

Адрианова-Перетц В.П., Русский лубок XVII-XIX вв. (Москва и Ленинград, 1962).

Акты археографической экспедиции (С.-Петербург, 1836). 3 тт.

Акты времени междуцарствия (1610-1618 гг.), С.К. Богоявленский и И.С. Рябинин, ред. (Москва, 1915).

Акты времени правления царя Василия Шуйского. См.: Гневушев.

Акты западной России (С.-Петербург, 1846-1853). 5 тт.

Акты исторические (С.-Петербург, 1841-1842). 5 тт.

Акты, относящиеся к истории южной и западной России (С.-Петербург, 1863-1892). 15 тт.

Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси XIV-начала XVI веков, Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин, ред. (Москва, 1952-1964). 3тт.

Акты феодального землевладения и хозяйства XIV-XVI веков, С.В. Бахрушин и Л.В. Черепнин, ред. (Москва, 1951-1956). 2 тт.

Акты хозяйства боярина Б.И. Морозова, Часть I (Москва, 1940).

Алексеев М.П., Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, т. I в двух частях (Иркутск, 1932-1936).

Алексеев Ю.Г., Аграрная и социальная политика северо-восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд (Москва и Ленинград, 1966).

Алексей Михайлович, царь, Собрание писем (Москва, 1856).

Алпатов М.В., Андрей Рублев (Москва, 1959).

Алпатов М.В., Памятник древнерусской живописи XV века. Икона "Апокалипсис" Успенского собора (Москва, 1964).

Андреев А.И., "Новоторговый устав 1667 г.", ИЗ, 13 (1942), 303-307.

Андреев А.И., Очерки по источниковедению Сибири (Москва, 1960-1965). 2 тт.

Андреев Н., "Инок Зиновий Отенский об иконопочитании и иконописи", SK, 8 (1936), 259-278.

Андреев Н., "Иоанн Грозный и иконопись XVI века", AIK, 10 (1938), 180-200.

Андреев Н., "Литература и иконопись. К истории идей в Московской Руси", To Honor Roman Jakobson (The Hague, Mouton, 1967), pp.1549-1567.

Андреев Н., "Митрополит Макарий как деятель религиозного искусства", SK, 7 (1935), 227-244.

Андреев Н., "О деле дьяка Висковатого", SK, 5 (1932), 191-241.

Андреев Н., "Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного", ТОДРЛ, 18, (1962), 117-148.

Андриевич В.К., История Сибири (С.-Петербург, Иркутск, Томск, Одесса, 1887-1889). 5 тт.

Антоний (Храповицкий), митрополит. См.: Никон (Р. Клицкий), архиепископ, Жизнеописание... Антония.

Апанович О.М., Запоризька Сичь у боротьбы проты турецко-татарской агрессии (Киев, 1961).

Арбатский Ю., Этюды по истории русской музыки (Нью-Йорк, Издательство Чехова, 1956).

Арбатский Ю., Humanitas Heroica", Новый Журнал, 64 (1961), 287-291.

Архангельский А.С., Творения отцов церкви в древнерусской письменности (С.-Петербург, 1888).

Архангельский С.И., "Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой", ИЗ, 5 (1939), 118-140.

Археографический ежегодник, I - (Москва, 1957 -).

Архив юго-западной России (Киев, 1859-1911), 24 тт.

Багалей Д.И., Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний (Харьков, 1886-1890).

Багалей Д.И., Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства (Москва, 1887).

Базилевич К.В., Атлас по истории СССР, I (Москва, 1950).

Базилевич К.В., Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. (Москва и Ленинград, 1936 г.)

Бакланова Н.А., "Торги и промыслы Нижнего Новгорода в 60-х годах XVII века", РАНИОН, 5 (1929), сс. 297-313.

Баранович А.И. и др., ред., Воссоединение Украины с Россией (Москва, 1954).

Барсков Я.Л., ред., Памятники истории старообрядчества XVII в., 1, вып. 1 (Ленинград, 1927).

Барсков Я.Л., ред., Памятники первых лет русского старообрядчества, ЛЗАК, 24 (1911, опубл. 1912).

Барсков Я.Л., "С.Ф. Платонов - Борис Годунов" (обзор), РИЖ, 8 (1922), сс. 280-290.

Барсуков А., Род Шереметьевых (С.-Петербург, 1881-1904). 8 тт.

Барсуков А., Списки городовых воевод (С.-Петербург, 1902).

Бартольд В.В., История изучения востока в Европе и России (Ленинград, 1925).

Бартольд В.В., пер. На русский, Книга моего деда Коркута (Москва и Ленинград, 1962).

Бартольд В.В., Сочинения (Москва, 1963-). 9 тт. Шесть томов опубликовано (т. 6, 1966).

Бахрушин С.В., Научные труды (Москва, 1952-1959). 4 тт., т. 3 в двух частях.

Бахрушин С.В., Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. (Москва, 1928).

Беларуски архиу: праци и матерыелы да гисторыи и археологии Беларуси (Минск, 1827-1928). 2 тт.

Белов Е.А., "Об историческом значении русского боярства до конца XVII века", ЖМНП (1886), 243, сс. 68-127; 244, сс. 29-75.

Белокуров С.А., "Арсений Суханов", Чтения (1891, I - II; 1894, II).

Белокуров С.А., О посольском приказе (Москва, 1906).

Белокуров С.А., Сношения России с Кавказом (Москва, 1889)

Белокуров С.А., "Утвержденная грамота о избрании на Московское государство М.Ф. Романова", Чтения (1906, III).

Белокуров С.А., "Юрий Крижанич в России", Чтения (1903, II - III; 1907, III; 1909, II).

Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов материалов, 1-2 (Минск, 1960).

Берг Л.С., Очерк истории русской географической науки (Ленинград, 1929).

Берх В., Царствование царя Алексея Михайловича (С.-Петербург, 1831). 2 тт.

Берх В., Царствование царя Михаила Федоровича (С.-Петербург, 1832). 2 тт.

Бестужев-Рюмин К.Н., Русская история, 1 и 2, часть 1 (С.-Петербург, 1872-1885).

Бестужев-Рюмин К.Н. и С.Ф. Платонов, "Борис Федорович Годунов", РБС, т. "Бетанкур-Бякстер" (1903), сс. 238-250.

Бибиков Г.Н., "Бой русского народного ополчения с польскими интервентами 22-24 августа 1612 года под Москвой", ИЗ, 32 (1950), сс. 173-197.

Бибиков Г.Н., "Опыт военной реформы 1609-1610 годов", ИЗ, 19 (1946), сс. 3-16.

Бобринский А., граф, Дворянские роды, внесенные в общий гербовник Всероссийской Империи (С.-Петербург, 1890).

Богданов М.Н., Очерки истории бурят-монгольского народа (Верхнеудинск, 1926).

Богословский М.М., Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. (Москва, 1909-1910), 2 тт.

Богословский М.М., Петр Первый, 1 (Ленинград, 1940).

Богоявленский С.К., "Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века", ИЗ, 5 (1939), сс. 48-101.

Богоявленский С.К., "О пушкарском приказе", Сборник статей в честь Любавского (С.-Петербург, 1917).

Бородин А.В., "Е. Сташевский - Смоленская война 1632-1634 гг." (обзор), РИЖ, 8 (1922), сс. 265-276.

Будовниц И.У., Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в X1V-XVI веках (Москва, 1966).

Будовниц И.У., Русская публицистика XVI века (Москва и Ленинград, 1947).

Буганов В.И., "Документы о сражении при Молодях в 1572 г.", Исторический архив, № 4 (1950), сс. 166-183.

Буганов В.И., Московское восстание 1662 г. (Москва, 1964).

Буганов В.И., Разрядные книги последней четверти X1V и начала XVII вв. (Москва, 1962).

Буссов К., Московская хроника 1584-1613 гг. (Москва и Ленинград, 1961).

Быкадоров И.Ф., Донское войско в борьбе за выход к морю (1546-1646) (Париж, 1937).

Быкадоров И.Ф., История казачества, 1 (Прага, 1930).

Вайнштейн О.Л., Россия и Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. (Ленинград, 1947).

Вальденберг В., Древнерусские учения о пределах царской власти (Петроград, 1916).

Вальденберг В., Государственные идеи Крижанича (С.-Петербург, 1912).

Введенский А.А., Дом Строгановых в XVI - XVII веках (Москва, 1962).

Введенский А.А., Торговый дом XVI - XVII веков, источники (Ленинград, 1924).

Величко С., Сказания о войне казацкой с поляками (Киев, 1926).

Вельяминов-Зернов В.В., Исследование о касимовских царях и царевичах (С.-Петербург, 1863-1887). 4 тт.

Вернадский Г., "Государевы служилые и промышленные люди в восточной Сибири XVII века", ЖМНП, Н.С., 55 (1915), сс. 391-425.

Вернадский Г., "Иван Грозный и Симеон Бекбулатович", To Honor Roman Jakobson (The Hague, Mouton, 1967), pp. 151-169.

Вернадский Г., "Историческая основа русско-калмыцких отношений", Kalmyk-Oirat Symposium, pp. 11-50.

Вернадский Г., "Милюков и месторазвитие русского народа", Новый Журнал, 77 (1964), сс. 254-289.

Вернадский Г., Начертание русской истории (Прага, 1927).

Вернадский Г., "О движении русских на восток", Научно Исторический Журнал, 2 (1914), сс. 52-61.

Вернадский Г., Опыт истории Евразии (Берлин, 1934).

Вернадский Г., "Повесть о Суханс", Новый Журнал, 59 (1960), сс. 196-202.

Вернадский Г., "Усть-Цилемские рукописные сборники", Новый Журнал, 70 (1962).

Вернадский Г., "Церковь и государство в системе Соборного Уложения 1649 года", П.А. Сорокин и Н.П. Полторацкий, ред., На темы русские и общие, том в честь Н.С. Тимашева (Нью-Йорк, Общество друзей русской культуры, 1965).

Вернадский Г., ред., см.: Никон, патриарх, Возражение.

Весловский С.Б., Исследования по истории опричнины (Москва, 1962).

Весловский С.Б., Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича (Москва, 1909)

Весловский С.Б., Сошное письмо (Москва, 1915-1916). 2 тт.

Визвольна вийна 1648-1654 рр. И воззднання Украйны з Росией, В.А. Дьяченко, О.К. Касименко, Ф.П. Шевченко, ред. (Киев, 1954).

Вилинский С.Г., Послания старца Артемия XVI века (Одесса, 1906).

Владимиров М., См.: Георгиевский Г.П. и М. Владимиров.

Владимирский-Буданов М.Ф., Обзор истории русского права (7-е изд., Петроград и Киев, 1915).

Владимирский-Буданов М.Ф., "Отношения между Литовским Статутом и Уложением", Сборник государственных знаний, В.П. Безобразов, ре., 4 (С.-Петербург, 1877).

Владимирский-Буданов М.Ф., Хрестоматия по истории русского права (С.-Петербург и Киев). 3 тт., т. 1, 6-е изд. (1908); т. 2, 5-е изд. (1915); т. 3, 4-е изд. (1908).

Владимирцов Б.Л., Общественный строй монголов (Ленинград, 1934).

Власовский И., Нарыс истории украинской православной церкви, 1-2 (Нью-Йорк, Украинская Православная Церковь, 1955-1956).

Внутренняя политика царизма (середина XVI - начало XX века), собрание статей. (Москва, 1967).

Вопросы истории (Москва, 1945-1967).

Вопросы образования восточнославянских национальных языков (Москва, 1962).

Воронин Н.Н., Зодчество северо-восточной Руси XII - XV веков (Москва, 1961-1962). 2 тт.

Воронин Н.Н., "Ростовский Кремль", из истории докапиталистических формаций, сс. 655-680.

Воссоединение Украины с Россией, документы (Москва, 1954). 3 тт.

Воссоединение Украины с Россией, собрание статей. См.: Барановнч А.И. и др., ред.

Восстание И. Болотникова. Документы и материалы, А.И. Копанев и А.Г. Манков, ред. (Москва, 1959).

Галактионов И. И Е. Чистякова, А.Л. Ордын-Нащокин (Москва, 1961).

Герасимчук В., "Чудновска кампания", ЖНТШ, 110-114, 116 (1912-1913).

Герасимчук В., "Выговский и Гадятский трактат", ЖНТШ, 87-89 (1909).

Герасимчук В., "Выговский и Богдан Хмельницкий", ЖНТШ, 59-60 (1904).

Гейденштейн Р., Записки о Московской войне (1578-1582) (С.-Петербург, 1889).

Гейман В.Г., "Проект Волго-Баломорского канала в XVII веке", Исторический сборник, 1 (Ленинград, 1934), сс. 253-268.

Георгиевский г.П. и М. Владимиров, Древнерусская миниатюра (Москва, 1933), 115

стр. текста, 100 иллюстраций.

Герберштейн С., фон, Записки о московитских делах, А.И. Малеин, ред. и перевод (С.-Петербург, 1908).

Гиббенет Н., Историческое исследование дела патриарха Никона (С.-Петербург, 1881-1884). 2 тт.

Гисторыя Беларуси у дакументах и матерыялах, 1 (Мнск, 1936).

Гневушев А.М., ред., Акты времени правления царя Василия Шуйского (Москва, 1914).

Голобуцкий В., Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648-1654 (Киев, 1962).

Голобуцкий В., Запорожское казачество (Киев, 1957).

Голохвастов Д.П. и архимандрит Леонид, "Благовещенский перед Сильвестр и его писания", Чтения, часть 1 (1874), сс. 1-167.

Голубинский Е.Е., История канонизации святых в русской церкви, (2-е изд., Москва, 1903).

Голубинский Е.Е., История русской церкви (Москва, 1900-1917). 2 тт., каждый в двух частях (Часть II т. 2 не закончена).

Голубев С., Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники (Киев, 1833-1898). 2 тт.

Голубцов А.П., ред., "Памятники прений о вере 1644-1645 годов", Чтения, часть II (1892), сс. 1-26, 1-350.

Голубцов И.А., "Измена Нагих", РАНИОН, 4 (1929), сс. 55-70.

Голубцов И.А., "Измена смолян при Б. Годунове и извет Варлаама", РАНИОН, 5 (1929), сс. 218-251.

Гольденберг Л.А., Семен Ульянович Ремезов (Москва, 1965).

Гордон П., Дневник генерала Патрика Гордона. Перевод с немецкого М. Салтыковой. Части I и II: Чтения, Часть 4 (1891); сс. 1-236; Часть 3 (1892), сс. 1-194. Приложения: Чтения, Часть 4 (1892), сс. 197-244.

Города феодальной России (Москва, 1966). Сборник статей в память Н.В. Устюгова.

Горсей, сэр Джером, Записки о Московии XVI и начала XVII века, перевод на русский язык (С.-Петербург, 1909).

Государственная Оружейная палата Московского Кремля (Москва, 1958).

Готье Ю.В., ред., Акты, относящиеся к истории земских соборов (Москва, 1909).

Готье Ю.В., Замосковный край в XVII веке (2-е изд., Москва, 1937).

Грабарь В.Э., Материалы к истории литературы международного права в России (1647-1917) (Москва, 1958).

Грабарь И.Э., История русского искусства, 1-6 (Москва, 1909-1912).

Грабарь И.Э., История русского искусства, 1-4 (Москва, 1953-1959).

Грабеньский В., История польского народа, пер. на русский язык: Н. Ястребов, ред. (С.-Петербург, 1910).

Греков Б.Д., Крестьяне на Руси, 2 (2-е изд., Москва, 1954).

Греков И.Б., "Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской Рады", в кн.: А.И. Барановнч и др., Воссоединение Украины с Россией, сс. 307-356.

Грушевский М., История украинской литературы (Киев, 1923-1927). 3 тт.

Грушевский М., История Украины-Руси (Львов, Киев, Москва, Вена, 1898-1937). 10 тт. Новое издание всего труда (Нью-Йорк, Книго-Спилка, 1954-1958). Постраничные сноски к тт. 8 и 10 соответствуют пагинации нового издания.

Гудзий Н.К., История древней русской литературы (2-е изд., Москва, 1941; 7-е изд.,

Москва, 1966). Сноски в примечаниях по 2-му изд.

Гумилев Л.Н., "По поводу предмета исторической географии (ландшафт и этнос)", Вестник Ленинградского университета, № 18. Серия геологии и географии, 3 (Ленинград, 1965), сс. 112-120.

Гумилев Л.Н., "Роль климатических колебаний в истории народов степной зоны Евразии", История СССР, 1 (Москва, 1967), сс. 53-65.

Гурлянд И.Я., Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века (Ярославль, 1900).

Гурлянд И.Я., Приказ великого государя тайных дел (Ярославль, 1902).

Даль В., Толковый словарь живого великорусского языка (2-е изд., С.-Петербург, 1880-1882; переиздано; Москва, 1955). 4 тт.

Данилевский В.В., Русское золото. История открытия и добычи до середины XIX века (Москва, 1959).

Данилова Л.В., "Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма", ИЗ, 76 (1963), сс. 61-119.

Дацюк Б.Д., Юрий Крижанич (Москва, 1946).

Двойченко-Маркова Е.М., "К истории русско-румынских культурных связей XVI века", Исследования и материалы по древнерусской литературе. Древнерусская литература и ее связи с новым временем (Москва, 1966), сс. 102-123.

Двойченко-Маркова Е.М., Русско-румынские литературные связи в первой половине XIX века (Москва, 1966), сс. 5-15, историческое вступление.

Дворцовые разряды (С.-Петербург, 1850-1855). 5 тт.

Дворцовые разряды, Указатель (1912).

Дела Тайного приказа, части 1-3, РИБ, тт. 21-23.

Демидова Н.Ф. и В.С. Мясников, Первые русские дипломаты в Китае (Москва, 1966).

Державина О.А., Великое Зерцало и его судьба на русской почве (Москва, 1966).

Димитрий, Святой, митрополит Ростовский, Розыск о раскольнической брынской вере (Москва, 1847).

Дмитриева Р.П., Сказание о князьях Владимирских (Москва и Ленинград, 1955).

Дмитриева Р.П. и Ю.Н. Бегунов, Библиография русского летописания (Москва и Ленинград, 1962).

Дневник Люблинского сейма 1569 года, М. Коялович, ред. (С.-Петербург, 1869).

Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (1581-1582), М. Коялович, ред. (С.-Петербург, 1867). Недоступен для меня

Документы об освободительной борьбе украинского народа 1648-1654 гг. (Киев, 1965).

Долгих Б.О., Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке (Москва, 1960).

Долгоруков, князь П. Российская родословная книга (С.-Петербург, 1854-1857). 4 тт.

Домострой, А.Н. Чудинов, ред. (С.-Петербург, 1911).

Донские дела, 1-5 (РИБ, 18, 24, 26, 29, 34).

Дорошенко Д., Нарыс истории Украйны (Варшава, 1932-1933). 2 тт.

Дружинин В., Раскол на Дону (С.-Петербург, 1889).

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV- XVI веков, С.В. Бахрушин и Д.В. Черепнин, ред. (Москва и Ленинград, 1950).

Дьяконов К.А., Власть Московских государей (С.-Петербург, 1889).

Дьяконов К.А., Очерки общественного и государственного строя древней Руси

(4-е изд., С.-Петербург, 1912).

Евреинов Б.А., "Борьба Москвы с восточными инородцами в бассейне Волги и Камы", ЗРИОП, 1 (1927), сс. 57-79.

Евреинов Н.Н., История русского театра (Нью-Йорк, Издательство Чехова, 1955).

Еврейская энциклопедия, А. Гаркави и И. Кацнельсон, ред. (С.-Петербург, 1906-1913). 15 тт.

Евфросин, "Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей", ОЛДП, 108 (1895).

Ельяшевич В.Б., История права поземельной собственности в России (Париж, 1948-1951). 2 тт.

Ефимов Н.И., Русь-Новый Израиль (Уржум, 1912). Недоступно для меня.

Жданов И.Н., "Материалы для истории Стоглавого Собора", ЖМНП, 186 (1879). 50-89, 173-225. Переиздание в кн.: И.Н. Жданов, Сочинения, 1, сс. 171-272.

Жданов И.Н., Сочинения (С.-Петербург, 1904-1907). 2 тт.

Желябужский И., "1657. Акты, относящиеся к посольству дворянина Желябужского", РИБ, 8, 1235-1292.

Жордания Г., Очерки из истории франко-русских отношений конца XVI и первой половины XVII в. (Тбилиси, 1959). 2 тт.

Жукович П., Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией /до 1609 г./ (С.-Петербург, 1901); /1609-1632 гг./, вып. 1-6 (С.-Петербург, 1903-1912).

Забелин И.Е., Домашний быт русского народа в XVI-XVII столетиях. (2-е изд., Москва, 1872). 2 тт.

Забелин И.Е., Домашний быт русских цариц в XVI-XVII столетиях (Москва, 1869; 1-е изд. 2 тома той же работы).

Забелин И.Е., История города Москвы (2-е изд., Москва, 1905).

Забелин И.Е., Минин и Пожарский (4-е изд., Москва, 1900).

Замысловский Е., "О значении XVII века в русской истории", ЖМНП, 158 (1871), сс. 169-180.

Замысловский Е., Царствование Федора Алексеевича (С.-Петербург, 1871).

Замысловский Е., Учебный атлас по русской истории (2-е изд., С.-Петербург, 1877).

Замятин Г.А., "К истории земского собора 1613 года", Труды Воронежского государственного университета, 3 (1926), сс. 1-74.

Замятин Г.А., К вопросу об избрании Карла-Филиппа на русский престол (1611-1616) (Юрьев, 1913).

Замятин Г.А., "Новый Летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 году", ЖМНП, 50 (1914), сс. 63-87.

Замятин Г.А., "Псковское сидение", ИЗ, 40 (1952).

Заозерский А.И., Царь Алексей Михайлович в своем хозяйстве (Петроград, 1917).

Заозерский А.И., Царская вотчина XVII века, 2-е исправленное издание вышеназванной книги (Москва, 1937), Ссылки даются на это издание.

Зернова А.С., Книги Кирилловской печати, изданные в Москве в XVI-XVII веках (Москва, 1958).

Зерцалов А., "О мятежах в городе Москве и селе Коломенском в 1648, 1662 и 1671 гг.", Чтения, Часть III (1890).

Зимин А.А., "Земский собор 1566 г.", ИЗ, 71 (1962), сс. 196-235.

Зимин А.А., "О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма", Абсолютизм в России, сс. 18-49.
Зимин А.А., Опричнина Ивана Грозного (Москва, 1964).
Зимин А.А., Пересветов и его современники (Москва, 1958).
Зимин А.А., Реформы Ивана Грозного (Москва, 1960).
Зимин А.А. и Лурье Я.С., ред., Послания Иосифа Волоцкого (Москва и Ленинград, 1959).
Зиновий Отенский, Истины показание (Казань, 1863).
Златкин И.И., История Джунгарского ханства (1635-1758). (Москва, 1964).
Зубов В.П., "Кирик Новгородец", Историко-математические исследования, 6 (1953), сс. 174-212.
Зубов В.П., "Вопрос о неделимых и бесконечном в древнерусском литературном памятнике XV в.", Историко-математические исследования, 3 (1950), сс. 402-430.
Зызыкин М.В., Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи (Варшава, 1931-1939). 3 тт.

Из истории докапиталистических формаций (Москва и Ленинград, 1933).
Иконников В.С., Опыт русской историографии (Киев, 1891-1908). 2 тт., каждый в двух частях.
Ильин М.А., Каменная летопись Московской Руси XV- XVII вв. (Москва, 1966).
Иоасафовская летопись (Москва, 1957).
Иосиф Санин (Волоцкий), Просветитель, или обличение ереси жидовствующих (3-е изд., Казань, 1896).
Исследования и материалы по древнерусской литературе (Москва, 1961).
Историография истории СССР, В.Е. Иллерицкий и И.А. Кудрявцев, ред. (Москва, 1961).
Исторические песни XIII-XVI веков. А.М. Астахова и др., ред. Москва и Ленинград, 1960).
Исторические песни XVII века, О.Б. Алексеева и др., ред. (Москва и Ленинград, 1966).
История Белорусской ССР (Минск, 1954-1958). 2 тт.
История дипломатии, 1 (2-е исправленное издание, Москва, 1959).
История естествознания в России. Н.А. Фигуровский, В.П. Зубов, С.П. Микулинский, ред., 1, Части 1-2 (Москва, 1957).
История Казахской ССР, М. Абдыкалыков и А. Панкратова, ред. (Алма-Ата, 1943).
История Латвийской ССР, 1 (Рига, 1952).
История народов Узбекистана (Ташкент, 1947-1950). 2 тт.
История русского искусства. См.: И.Э. Грабарь, ред..
История русской литературы, 1-2 (Москва и Ленинград, 1941-1948).
История Северо-Осетинской АССР (Москва, 1959).
История Туркменской ССР (Ашхабад, 1955-1957). 2 тт.
История Украинской ССР, А.К. Казименко и др., ред. (Киев, 1953). 2 тт.
История Украинской ССР, В.А. Дядиченко и др., ред. (Киев, 1956), 2 тт.
Источниковедение истории СССР, 1, М.Н. Тихомиров, ред. (Москва, 1940).
Ишболдин Б.С., "Царь Федор Борисович Годунов", Новик (1956), сс. 1-9.

Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII веках (Москва, 1957). 2 тт.
Кабузан В.М., Народонаселение в России в XVIII первой половине XIX в. (Москва, 1963).
Казакова Н.А., Василий Патрикеев (Москва и Ленинград, 1960).

Казакова Н.А. и Я.С. Лурье, Антифеодальные еретические движения на Руси XIV-начала XVI века (Москва и Ленинград, 1955).

Калачев Н.В., ред., Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, 1 (2-е изд., Москва, 1876); 2 (Москва, 1855).

Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Записки, 1 (Элиста, 1960).

Калугин Ф., Зиновий, инок Отенский (С.-Петербург, 1894).

Каптерев Н.Ф., Характер отношений России к православному востоку в XVI и XVII столетиях (Москва, 1885).

Каптерев Н.Ф., Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович (Сергиев Посад, 1909-1912). 2 тт.

Карамзин Н.М., История государства Российского (6-е изд., С.-Петербург, А. Смирдин, 1851-1853). 12 тт.

Карамзин Н.М., Примечания к истории государства Российского (6-изд., С.-Петербург, А. Смирдин, 1852-1853). 12 тт.

Карпов Г.Ф., "Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великою Россией", ЖМНП, 158 (1871), 1-39, 232-269.

Карташев А.В., Очерки по истории русской церкви (Париж, 1959). 2 тт.

Кафенгауз Б.Б., См.: Абсолютизм в России.

Каштанов С.М., Социально-политическая история России конца XV - первой половины XVI века (Москва, 1967).

Кирдан Б.П., Украинский народный эпос (Москва, 1965).

Кизеветтер А.А., "Иван Пересветов", Сборник Струве, сс. 279-288.

Кизеветтер А.А., "Опричнина Ивана Грозного в русской историографии", СРИП, 2 (1931), сс. 7-28.

Кириков С.В., "Исторические акты как основные источники для оценки запасов и определения ареала охотничье-промысловых зверей и птиц в XVI-XVIII - начале XIX вв.", Ресурсы фауны промысловых зверей в СССР и их учет (Москва, Академия Наук. Институт географии, 1963), сс. 52-63.

Кириков С.В., Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII-XIX вв.) (Москва, 1959-1960). 2 тт.

Кириков С.В., Промысловые животные, природная среда и человек (Москва, 1966).

Киселев С.В., Древняя история Южной Сибири (2-е изд., Москва, 1951).

Клейн В.И., "Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия", Записки Московского Археологического института, 25 (1913).

Клеик, Кунраад ван, Посольство Кунраада ван Клеика к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу, вступит. статья: А. Ловягин (С.-Петербург, 1900).

Клибанов А.И., Реформационные движения в России в XIV - первой половине XVI века (Москва, 1960).

Ключевский В.О., Боярская Дума Древней Руси (4-е изд., Москва, 1910).

Ключевский В.О., Древнерусские жития как исторический источник (Москва, 1871).

Ключевский В.О., Курс русской истории (American Council of Learned Societies Reprints, Russian Series, N 14). Воспроизведение Московского изд. 1937 г..

Ключевский В.О., Сочинения (Москва, 1956-1959). 8 тт.

Ключевский В.О. и др., ред., Памятники русской истории (Москва, 1909). 4 тт.

Книга Кормчая. См.: Кормчая книга.

Книги разрядные (С.-Петербург, 1856).

Кобрин В.Б., "Состав опричного двора Ивана Грозного", Археографический ежегодник, 1959 (Москва, 1960), сс. 16-91.

Кологривов С., Материалы по истории сношений России с иностранными государствами в XVII веке (С.-Петербург, 1911).

Кондаков Н.П., Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, текст и альбом иллюстраций (С.-Петербург, 1905).

Кондаков Н.П., Русская икона (Прага, Seminarium Kondakovianum, 1928-1933). 2 тт. Текста, 2 альбома иллюстраций.

Кононов А.Н., Родословная туркмен. Сочинение Абу-аль-Гази, хана Хивинского (Москва и Ленинград, 1958).

Концевич И.М., Стяжание Духа Святого в путях древней Руси (Париж, 1952).

Копанев А.И., А.Г., Манков, Н.Е. Носов, Очерки истории СССР. Конец XV - начало XVII вв., ред. И.И. Смирнов (Ленинград, 1957).

Копылов А.Н., Русские на Енисее в XVII веке (Новосибирск, 1965).

Кормчая Книга. Издания: (1) Москва, 1650 (при патриархе Иосифе; Зернова, № 222). Перепечатано старообрядцами, Москва, 1911; (2) Москва, 1653 (при патриархе Никоне; Зернова, № 223). (3) Несколько слегка переработанных изданий. Сноски в данном томе на изд. 1810 (Москва).

Королюк В.Д., Ливонская война (Москва, 1954).

Костомаров Н., Собрание сочинений (С.-Петербург, 1903-1905). 6 книг в 16 тт.

Костомаров Н., Богдан Хмельницкий (4-е изд., С.-Петербург, 1884). 3 тт.

Костомаров Н., "Бунт Стеньки Разина", Собр. соч., кн. 1, 2, сс. 307-403.

Костомаров Н., "Гетманство Выговского", Собр. соч., кн. 1, 2, сс. 307-403.

Костомаров Н., "Гетманство Юрия Хмельницкого", Собр. соч., кн. 5, 12, сс. 95-184.

Костомаров Н., ""Личность" царя Ивана Васильевича Грозного", Собр. соч., кн. 5, 13, сс. 397-405.

Костомаров Н., "Патриарх Никон", Русская история, 2, сс. 157-220.

Костомаров Н., "Руина", Собр. соч., кн. 6, 15, сс. 5-366.

Костомаров Н., Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей (2-е изд., С.-Петербург, 1881). 2 тт.

Костомаров Н., "Смутное время Московского государства в начале XVII столетия". Собр. соч., кн. 2, 4.

Костомаров Н., "Царь Алексей Михайлович", Русская история, 2, сс. 97-156.

Костомаров Н., "Царь Федор Алексеевич", Русская история, 2, сс. 459-473.

Косточкин В.В., Государев мастер Федор Конь (Москва, 1964).

Котов. См.: Хожение купца Федора Котова в Персию.

Козловский И.П., Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве (Варшава, 1913). 2 тт.

Котошихин Г.К., О России в царствование Алексея Михайловича (3-е изд., С.-Петербург, 1884).

Крестьянская война под предводительством Степана Разина, собрание документов, А.А. Новосельский, ред., 1-3, т. 2 в двух частях (Москва, 1954-1956).

Крижанич Ю., Политика, М.Н. Тихомиров, ред. (Москва, 1965).

Крижанич Ю., Русское государство в первой половине XVII века, П.А. Бессонов, ред. (Москва, 1860).

Крипякевич И.П., Богдан Хмельницкий (Киев, 1954).
Кузин А.А., История открытия рудных месторождений в России до середины XIX века (Москва, 1961).
Кузьмина В.Д., Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей (Москва, 1964).
Кушева Е.Н., "К истории холопства в конце XVI и начале XVII веков", ИЗ, 15 (1945), сс. 70-96.
Кушева Е.Н., Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв. (Москва, 1963).

Лазарев В.Н., Андрей Рублев (Москва, 1960).
Лазарев В.Н., ред., Древнерусское искусство XV - начала XVI веков (Москва, 1963).
Лазарев В.Н., ред., Древнерусское искусство. XVII век (Москва, 1964).
Лазарев В.Н., История византийской живописи (Москва, 1947). 2 тт.
Лазарев В.Н., Феофан Грек и его школа (Москва, 1961).
Лаппо И.И., Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория, 1-2 (С.-Петербург, 1901).
Лаппо И.И., Западная Россия и ее соединение с Польшей (Прага, 1924).
Лаппо И.И., Литовский Статут 1588 года, 1, части 1 и 2, исследование; 2, текст (Каунас, 1934-1937).
Лаппо-Данилевский А.С., "Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича", ЖМНП, (сентябрь 1885), сс. 89-98.
Лаппо-Данилевский А.С., Организация прямого обложения в Московском государстве (С.-Петербург, 1884).
Лебедев Д.М., География в России XVII века (Москва и Ленинград, 1949).
Латкин В.Н., Земские соборы древней Руси (С.-Петербург, 1885).
Латкин В.Н., Материалы для истории земских соборов XVII столетия (С.-Петербург, 1884).
Лебедев Д.М., География в России XVII века (Москва и Ленинград, 1949).
Лилеев Н.В., Симеон Бекбулатович (Тверь, 1891).
Лицинский. См.: Лыщинский.
Лихачев Д.С., Культура Руси времени Андрея Рублёва и Епифания Премудрого (Москва и Ленинград, 1962).
Лихачев Д.С., Культура Руси: эпоха образования русского национального государства. Конец XIV - начало XVI в. (Ленинград, 1946).
Лихачев Д.С., Культура русского народа X-XVII в. (Москва, 1961).
Лихачев Д.С., ред., Путешествия русских послов XVI-XVII веков (Москва и Ленинград, 1954).
Лихачев Д.С., Человек в литературе Древней Руси (Москва, 1958).
Лихачев Н.П., "Новые данные о земском соборе 1616 года", РИЖ, 8 (1922), сс. 60-87.
Лихачев Н.П., "Письмо смутного времени", РИЖ, 7 (1921), сс. 121-137.
Лихачев Н.П., Разрядные дьяки XVI века (С.-Петербург, 1888).
Лобанов-Ростовский А.Б., князь, Русская родословная книга (2-е изд., С.-Петербург, 1895). 2 тт.
Лозанова А.Н., Песни и сказания о Разине и Пугачеве (Москва и Ленинград, 1935).
Лурье Я.С., Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI века (Москва и Ленинград, 1960).
Лыщинский В., Украйна на переломи 1657-1659 (Вена, 1920; перепечатано Нью-Йорк,

Булава, 1954).
Любавский М.К., Лекции по древней русской истории до конца XVI века (3-е изд., Москва, 1918).
Любавский М.К., Очерк истории Литовско-Русского государства (2-е изд., Москва, 1915).
Любименко. См.: Lubimenko J.
Любомиров П.Г., Очерк истории Нижегородского ополчения (2-е изд., Москва, 1939).
Любомиров П.Г., Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России (XVII, XVIII и начало XIX вв.) (Ленинград, 1937).
Лященко П.И., История народного хозяйства СССР, 1 (Москва, 1947).

Макарий (Булгаков), митрополит, История русской церкви (С.-Петербург, 1877-1891). 12 тт.
Максимович Е.Ф., "Первосоветник Думы Боярской", ЗРИОП, 2 (1930), сс. 141-162.
Максимович Е.Ф., "Церковно-земский собор 1549 года", ЗРНИБ, 9 (1933), 1-15.
Малинин В., Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (Москва, 1901).
Мальцев А.Н., "Боевое содружество русского, белорусского и украинского народов за освобождение Украины и Белоруссии (1654-1655)", в кн.: А.И. Бараинович и др., ред., Воссоединение Украины с Россией, сс.264-306.
Малышев В.И., ред. и комментарии, Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков, с введением и примечаниями Малышева (Москва и Ленинград, 1952).
Малышев В.И., Повесть о Сухане (Москва, 1956).
Малышев В.И., Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. (Сыктывкар, 1960.
Манков А.Г., ред., Материалы по истории крестьян в русском государстве XVI века (Ленинград, 1955).
Манков А.Г., Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века (Москва и Ленинград, 1962).
Манков А.Г., Цены и их движение в русском государстве XVI века (Москва и Ленинград, 1951).
Маркевич А., История местничества в Московском государстве в XV-XVII веках (Одесса, 1888).
Масса, Исаак, Краткое известие о Московии в начале XVII века (Москва, 1937).
Материалы для библиографии по истории народов СССР XVI-XVII вв., (Ленинград, 1933).
Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом, 1920-1930 (Белград, 1931).
Материалы по истории СССР, 2, А.А. Новосельский, Л.В. Черепнин, Л.Н. Пушкарев, ред. (Москва, 1955).
Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-1568 и 1646 (Ленинград, 1932).
Материалы по истории туркмен и туркмении (Москва и Ленинград, 1938-1939). 2 тт.
Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР, Часть I (Ленинград, 1932-1933).
Международные связи России до XVII в. (Москва, 1961).
Мельгунов С., Религиозные и общественные движения в XVII-XVIII веках (Москва, 1922).
Мельников Н.М., Ермак Тимофеевич, предисловие М. Миллера (Ashiйre, Scine, 1961).
Мельников П.И. (А. Печерский), Собрание сочинений (Москва, 1963). 6 тт.

Мещерский Н.А., История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе (Москва, 1958).

Миллер В.Ф., Исторические песни русского народа XVI-XVII веков, АНОРС (Петроград, 1915).

Миллер Г.Ф., История Сибири, 1-2 (2-е изд., Москва и Ленинград, 1937-1941).

Милюков П.Н., ред., "Древнейшая Разрядная книга официальной редакции", Чтения, Части 1-2 (1902).

Милюков П.Н., Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII века и реформа Петра Великого (2-е изд., С.-Петербург, 1905).

Милюков П.Н., Очерки по истории русской культуры, 1 (7-е изд., Москва, 1918).

Милюков П.Н., Очерки по истории русской культуры, 1, часть 1 (исправленное изд., Париж, 1937); 1, Часть II, Н. Андреев, ред. (The Hague, Mouton, 1964); 2-3 (Париж, 1930-1931).

Милюков П.Н., Спорные вопросы финансовой истории Московского государства (С.-Петербург, 1892).

Михайловский И.Н., Очерк жизни и деятельности Николая Спафария в России (Киев, 1895).

Моисеева Г.Н., ред., Казанская история (Москва и Ленинград, 1954).

Моисеева Г.Н., Валаамская беседа (Москва, 1958).

Московский университет, Общество истории и древностей, Чтения.

Мякотин В.А., Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII вв., 1, Части I-III (Прага, 1924-1926). Больше томов не выходило. Ссылки даются к частям I тома.

Мякотин В.А., Переяславский договор 1654 года (Прага, 1930).

Насонов А.Н., ред., Псковские летописи (Москва, 1941-1955). 2 тт.

Неволин К.А. Полное собрание сочинений (С.-Петербург, 1857-1859). 6 тт.

Нечкина М.В., ред., История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография (Москва, 1965).

Никон, патриарх, Возражение на вопросы Семена Стрешнева и ответы Паисия Лигарида. Частично опубликовано в ЗОРСА, 2, 423-498. Готовится новое издание полного текста под ред. Г. Вернадского и В.А. Туминса.

Никон (Рклицкий), архиепископ, Жизнеописание блаженного Антония, митрополита Киевского и Галицкого (Нью-Йорк, 1956-1962). 9 тт.

Новгородские летописи (С.-Петербург, 1879).

Новик. Историко-генеалогический журнал (Нью-Йорк).

Новодворский В., Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570-1582) (С.-Петербург, 1904).

Новомбергский Н., Слово и дело государевы (Москва и Томск, 1909-1911). 2 тт.

Новосельский А.А., Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века (Москва и Ленинград, 1948).

Новосельский А.А., "Земский собор 1639 г.", ИЗ, 24 (1947), 14-29.

Носов Н.Е., Очерки по истории местного самоуправления русского государства первой половины XVI века (Москва и Ленинград, 1957).

Носович И.И., Словарь белорусского наречия (С.-Петербург, 1870).

Овчинникова Е.С., Портрет в русском искусстве XVII века (Москва, 1955).

Оглоблин О., Думки про Хмельниччину (Нью-Йорк, Организация защиты четырех

свобод Украины, 1957).

Оглоблин О., Московська теория III Рыму в XVI-XVII стол. (Мюнхен, 1951).

Оглоблин О., Украинсько-Московська угода 1654 (Нью-Йорк и Торонто, 1954).

Оглоблин О., См. также: Дорошенко-Оглоблин.

Одинец Д.М., Переяславский договор и воссоединение Украины с московским государством (Париж, 1935).

Окиншевич Л., Значне вийськове товариство в Украини-Гетьманщыни XVII-XVIII ст. (Мюнхен, 1948). Опубликовано как том 157 ЗНТШ.

Окиншевич Л., Лекции з истории украинского права. Право державне. Доба станового суспильства (Мюнхен, 1947).

Окладников А.П., Очерки из истории западных бурят-монголов XVII-XVIII вв. (Ленинград, 1937).

Олсарий А., Описание путешествия в Московию. Предисловие, перевод и примечания А.М. Ловягина (С.-Петербург, 1906).

Олсарий А., Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию (Москва, 1870).

Описи царского архива. См.: Шмидт С.О., ред.

Очерки истории СССР. Период феодализма: [2] XIV-XV вв.; [3] XV-XVII вв.; [4] XVII в. (1955).

Павел Алепский, Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Перевод с арабского Г. Муркоса (Москва, 1896-1900). 5 тт.

Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России (Москва, 1871).

Палицын Авраамий. См.: Авраамий Палицын.

Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными (С.-Петербург, 1851-1871). 10 тт.

Памятники истории старообрядчества XVII века, Книга 1, вып.1 (1927) (РИБ, 39). См.: Барсков Я.Л.

Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией, ред. Е.Ф. Шмурло, кн.1, вып.1 (Ленинград, 1925).

Памятники обороны Смоленска, 1609-1611, Ю.В. Готье, ред. (Москва, 1912).

Памятники, относящиеся к смутному времени, РИБ, 1 (1872).

Памятники русского права, 1-6, С.В. Юшков, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин и др., ред. (Москва, 1952-1959).

Памятники старинной русской литературы, Н. Костомаров, ред., (С.-Петербург, 1860-1862). 4 части.

Пашуто В.Т., Л.В. Черепнин, М.М. Штранге, ред., Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма (Москва, 1962).

Пересветов И., Сочинения И. Пересветова, Д.С. Лихачев и А.А. Зимин, ред. (Москва и Ленинград, 1956).

Петров В., Албазинцы в Китае (Вашингтон, Камкин, б/д.).

Петухов Е.В., Русская литература. Древний период (Юрьев, 1912).

Пискаревский летописец, ред. и аннотация О.А. Яковлевой, Материалы по истории СССР, 2 (Москва, 1955), 23-175.

Письма русских государей (Москва, 1848).

Пичета В.И., Белоруссия и Литва в XV-XVI вв. (Москва, 1961).

Пичета В.И., Основные моменты исторического развития западной Украины и западной Белоруссии (Москва, 1940).

Платонов С.Ф., Борис Годунов (Петроград, 1921; переиздано: Гаага, 1965).

Платонов С.Ф., Древнерусские сказания и повести о смутном времени (С.-Петербург, 1888; 2-е изд., 1909).

Платонов С.Ф., Иван Грозный (С.-Петербург, 1923).

Платонов С.Ф., Лекции по русской истории (6-е изд., С.-Петербург, 1909).

Платонов С.Ф., Москва и Запад в XVI и XVII вв. (Ленинград, 1925).

Платонов С.Ф., "Новый источник для истории московских волнений 1648 г.", Чтения, Ч.1 (1893), сс.1-19.

Платонов С.Ф., Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (С.-Петербург, 1899, 2-е изд., 1909).

Платонов С.Ф., ред., Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени, РИБ, 13 (1891).

Платонов С.Ф., ред., Социальный кризис Смутного времени (Ленинград, 1924).

Платонов С.Ф., Статьи по русской истории (С.-Петербург, 1903).

Подобедова О.И., Миниатюры русских исторических рукописей (Москва, 1965).

Полное собрание законов Российской империи, 1-ая сер. (1649-1825) (С.-Петербург, 1830).

Полосин И.И., "Поместное право и крестьянская крепость", РАНИОН, 4, (1929), 22-38.

Полосин И.И., Социально-политическая История России XVI - начала XVII вв. (Москва, 1963).

Полосин И.И., См.: Штаден.

Пономарев А.И., ред., Памятники древне-русской церковно-учительной литературы (С.-Петербург, 1894-1897), 3 тт.

Попов А., Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции (Москва, 1869).

Попов А., Обзор хронографов русской редакции (Москва, 1866-1869).

Попов А., "О построении корабля "Орел" в государствование царя Алексея Михайловича", Русская Беседа, 4, Часть 2 (1858).

Порфиридов Н.Г., Древний Новгород (Москва и Ленинград, 1947).

Послания Ивана Грозного. Комментарии Я.С.Лурье и др. (Москва и Ленинград, 1951).

Праци Украинського наукового институту (Варшава, 1930-1940). 54 тт.

Преображенская П.С., "Из истории русско-калмыцких отношений в 50-60-х годах XVII века", Калмыцкий научно-исследовательский институт, Записки, I (Элиста, 1960), 49-83.

Преображенский А.А., "Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в.", ИЗ, 36 (1951), 269-286.

Пресняков А.Е., Московское царство (Петроград, 1918).

Приселков М.Д., "Н.Ф.Каптерев", РИЖ, 5 (1918), 311-322.

Псковские летописи. См.: Насонов А.Н., ред., Псковские летописи.

Пташицкий С.Л., "Переписка литовского канцлера Льва Ивановича Сапеги", ЖМНП, 285 (1893), 194-223.

Путешествия русских послов XVI-XVII вв. (Москва и Ленинград, 1954).

Пушкарев С.Г., Обзор русской истории (Нью-Йорк, Издательство Чехова, 1953).

Пушкарев С.Г., Происхождение крестьянской поземельно-передельной общины в России, ЗНИОП, 67 (1939) и 77 (1941).

Пушкарев С.Г., "Русская земля в безгосударное время, 1606-1613", Ассоциация русско-американских ученых в США, Записки, I (Нью-Йорк, 1967).

Пушкарев С.Г., Свято-Троицкая Сергиева Лавра (Прага, 1928).

Пушкарев С.Г., "Целовальники в государственном хозяйстве Московской Руси", ЗРНИБ, 13 (1936), 97-130.

Пушкарев С.Г., Целовальники в суде и управлении Московской Руси", *ЗНИРБ, 9*, (1933).

Разгром Разинщины, предисловие В.И. Невского (Ленинград, 1934).

Разрядная книга 1475-1598 гг., М.Н. Тихомиров, ред. (Москва, 1966).

Разрядные книги. См.: Книги разрядные.

Райнов Т.И., наука в России XI-XVII веков (Москва и Ленинград, 1940).

Рейтенфельс Й., "Сказание о Московии", пер. на русский язык: Чтения, Часть IV (1895).

Ржига В.Ф., "Боярин-западник XVI века (Ф.И. Карпов)", РАНИОН, 4 (1929), 39-50.

Рклицкий, Никон. См.: Никон (Рклицкий), архиепископ.

Робинсон А.Н., Жизнеописания Аввакума и Епифания (Москва, 1963).

Ровинский Д.А., Русские народные картинки, 1 (С.-Петербург, 1900).

Родес, "Состояние России в 1650-1655 по донесениям Родеса", Чтения, Часть II (1915).

"Родословная книга", Временник, *10 (1851)*, 1-286.

Родословная книга ("Бархатная книга") (Москва, 1787). 2 тт.

Российская ассоциация научных институтов общественных наук. Институт истории. Ученые записки (Москва, 1924-1929). 9 тт.

Россия и Италия. См.: Шмурло, ред.

Рудеико С.И., "Снбирская коллекция Петра I", Археология СССР. Свод археологических источников, вып. Д 3-9 (Москва и Ленинград, 1962).

Руднев Н., Рассуждение о ересях и расколах, бывших в русской церкви со времен Владимира Великого до Иоанна Грозного (Москва, 1838.

Рукопись Жолкевского, П. Муханов, ред., (Москва, 1835).

Русская историческая библиотека (С.-Петербург, 1872-1927). 39 тт.

Русский биографический словарь (С.-Петербург, 1896-1918). 25 тт., не завершен.

Русское археологическое общество в Югославии. Юбилейный сборник (Белград, 1936).

Русское археологическое общество в Югославии. Сборник.

Русское государство в XVII веке. Сборник статей. (Москва, 1961).

Русское декоративное искусство, А.И. Леонов, ред., 1 (Москва, 1962).

Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов, Т.Д. Лаврентцова, Р.В. Овчинников и В.Н. Шумилов, составители (Москва, 1958).

Русско-монгольские отношения 1607-1636. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов, ред. (Москва, 1959).

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке (Москва и Ленинград, 1960).

Рязановский Н.В., Обзор русской культуры. Исторический очерк, 2 части, Часть II в двух выпусках (Нью-Йорк и Юджин, Орегон, издано автором, 1947-1948).

Савва В.И., Московские цари и византийские василевсы (Харьков, 1901).

Савва В.И., О посольском приказе в XVI веке (Харьков, 1917).

Савелов-Савелков Л.М., "Всероссийский патриарх Иоаким Савелов", Новик, № 3, 27 (1940), 14-18.

Савелов-Савелков Л.М., Из истории донского казачества (Нью-Йорк, Русское исто-

рико-генеалогическое общество, 1941).

Савицкий П.Н., Географические особенности России, 1. Растительность и почва (Прага, 1927).

Савицкий П.Н., "Геополитические заметки по русской истории", приложение к кн.: Г. Вернадский, Начертание русской истории. Также, опубликовано отдельно (Прага, 1927).

Савицкий П.Н., "Житие протопопа Аввакума как географический первоисточник", Научные труды русского народного университета в Праге, 2 (1929), 218-231.

Савицкий П.Н., Месторазвитие русской промышленности (Берлин, 1932).

Савицкий П.Н., О задачах кочевниковедения (Прага, 1928).

Савицкий П.Н., "О религиозном зодчестве в России", Русская Мысль, 8-12 (1923-1924), 471-473.

Савицкий П.Н., Россия - особый географический мир (Прага, 1927).

Садиков П.А., Очерки по истории опричнины (Москва и Ленинград, 1950).

Садиков П.А., "Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г.", ИЗ, 22 (1947), 132-166.

Самовидец, О початку и причинах войны Хмельницкого, О. Левицкий, ред. (Киев, 1878). Также в Чтениях (1846).

Саркисян Е., Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье (Ереван, 1962).

Сахаров А.Н., Русская деревня XVII века (Москва, 1966).

Сборник в честь В.О. Ключевского (Москва, 1909).

Сборник Русского института в Праге (Прага, 1929-1931). 2 тт.

Сборник статей в честь М.К. Любавского (С.-Петербург, 1917).

Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову (С.-Петербург, 1911).

Сборник статей, посвященных П.Н. Милюкову (Прага, 1929).

Сборник статей, посвященных П.Б. Струве (Прага, 1925).

Сватиков С.Г., Россия и Дон (1549-1917) (Белград, 1924).

Семенов-Тяньшанский В.П., Россия (С.-Петербург, 1899-1914) II тт. Издание не завершено. Есть полезные исторические сведения и карты.

Сенютович-Бережный В.Г., "Женитьба гетмана Ивана Брюховецкого", Новик, 20 (Нью-Йорк, 1956), 13-16.

Сербов Н., "Строгановы", РБС, том "Смеловский-Суворина", сс.471-476, 488-513, 522-523, 581.

Сергеевич В.И., Древности русского права (С.-Петербург, 1908-1911). 3 тт.

Сергеевич В.И., Лекции и исследования (4-е изд., С.-Петербург, 1910).

Середонин С.М., "Наказ кн. М.И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года", РАОЗ, 8, части I-II (1896), 49-52.

Середонин С.М., Сочинение Джилса Флетчера как исторический источник (С.-Петербург, 1891).

Сибирский сборник (Москва, 1845).

Сильвестр, священник, "Послание и наказание от отца к сыну", Домострой, изд. Чудинова, гл.64.

Синовский В.В., Русские повести XVII-XVIII вв. (С.-Петербург, 1905).

Сказание о царстве Казанском (Москва, 1959).

Скрипил М.О., ред., Русская повесть XVII века (Москва, 1954).

Скрипил М.О., ред., Русские повести XV-XVI веков (Москва, 1958).

Словцов П.А., Историческое обозрение Сибири (2-е изд., С.-Петербург, 1886).

Смирнов В.Д., Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты (С.-Петербург, 1887).

Смирнов И.И., "Астрахань и восстание Болотникова", ИЗ, 22 (1947), 167-205.

Смирнов И.И., Восстание Болотникова, 1606-1607 (Ленинград, 1951).

Смирнов И.И., Очерки политической истории русского государства 30-50-х годов XVI века (Москва, 1958).

Смирнов И.И., А.Г. Манков, Е.П. Подяпольская и В.В. Мавродин, Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. (Москва и Ленинград, 1966).

Смирнов Н.А., "Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII-XVIII вв.", А.И. Баранович и др., ред., Воссоединение Украины с Россией, сс.357-394.

Смирнов Н.А., Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках (Москва, 1958).

Смирнов Н.А., Россия и Турция в XVI-XVII веках (Москва, 1946). 2тт.

Смирнов П.П., "Новое челобитие московских торговых людей о высылке иноземцев, 1627", Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца, 23, вып. 1 разд. 2 (1912), 3-32, 97-104.

Смирнов П.П., Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века (Москва и Ленинград, 1947-48). 2 тт.

Смутное время Московского государства (1604-1613). Материалы, изданные обществом истории и древностей. 5 выпусков (Москва, 1911-1918).

Снимки древних русских печатей, 1 (Москва, 1880).

Собрание государственных грамот и договоров (С.-Петербург, 1813-1894) 5 тт.

Соколов М.В., Очерки истории психологических воззрений в России в XI-XVIII веках (Москва, 1963).

Соловьев А., "Святая Русь", СРАОКС, 1 (1927), 77-113.

Соловьев С.М., История России с древнейших времен, Л.В. Черепнин, ред. (Москва, 1959-1966). 29 тт. В 15 книгах. Сноски даны к томам.

Софроненко К.А., Малороссийский приказ Русского государства второй половины XVII и начала XVIII века (Москва, 1960).

Спасский И.Г., Русская монетная система (3-е изд., Ленинград, 1962).

Сперанский М., "Девгениево деяние", АНОРС, 99, № 7 (1922).

Сперанский М., История древней русской литературы (3-е изд., Москва, 1921). 2 тт.

Сперанский М., Русская устная словесность (Москва, 1917).

Срезневский И.И., Материалы для словаря древнерусского языка (с.-Петербург, 1893-1903). 3 тт. (Переиздание: Москва, 1958).

Сташевский Е.Д., Очерки по истории царствования Михаила Федоровича (Киев, 1913).

Сташевский Е.Д., Смоленская война 1632-1634 гг. Организация и состояние Московской армии (Киев, 1919). Обзор А.В.Бородина. См.:Бородин А.В.

Степанов И.В., Крестьянская война в России в 1670-1671 гг., 1 (Ленинград, 1966).

Стоглав, изд. Казанской Духовной Академии (Казань, 1862); ред. Д.Е.Кожанчиков (С.-Петербург, 1863).

Сторожев В.Н., Материалы для истории русского дворянства. 1. Десятни и Тысячная книга XVI века (Москва, 1891).

Струве П.Б., Социальная и экономическая история России (Париж, 1952).

Субботин Н.И., Дело патриарха Никона (Москва, 1862).

Субботин Н.И., Материалы по истории раскола (Москва, 1874-1890). 9 тт.

Суворов Н., Учебник церковного права (4-е изд., Москва, 1912).

Судебники XV - XVI веков. Б.Д.Греков, ред. (Москва и Ленинград, 1952).

Сухотин Л.М., "Еще к вопросу об опричнине", РАОЮ, сс.265-289.

Сухотин Л.М., "Иван Грозный до начала опричнины", РАОС, 3 (1940), 67-100.

Сухотин Л.М., "К пересмотру вопроса об опричнине", Части I-III, ЗНИРБ (1931-1940), 5, 1-23; 13, 35-67; 17, 125-200.

Сухотин Л.М., "Мои работы по истории опричнины", Новый журнал, 20 (1948), 294-300.

Сухотин Л.М., "Список опричников", Новик, № 3, 27 (1940) 19-25.

Сыркин А.Я., Перевод и комментарии, Дигенис Акрит (Москва, 1960).

Тарановский В.Ф., Начерки з истории державного права Речи Посполитой XVII в., 1 (Киев, 1926).

Тарановский В.Ф., Обеспечение прав служилого землевладения в сословно-монархическом строе Московского государства (Львов, 1925).

Тарановский В.Ф., "Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии", ЖМЮС (Май 1913), сс.1-34.

Таубе И. и Е. Крузе, "Посланне", Русский исторический журнал, 8 (1922), 29-59.

Таубе, барон М.А., "Иоганн Таубе, советник царя Ивана Грозного", Новый журнал, 71 (1963), 170-189.

Тельберг Г.Г., Очерк политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века (Москва, 1912).

Тельберг Г.Г., "Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича", ЖМЮС, (1911), № 5, сс.146-185; № 6, сс.121-147.

Тельберг Г.Г., "Сыск по государственным делам", ЖМЮС (1911), № 9, сс.130-170; № 10, сс.121-157.

Тимофеев Иван, Временник, ред. В.П. Адрианова-Перетц, комментарии О.А. Державиной (Москва и Ленинград, 1951).

Тихомиров Б., "Источники по истории Разинщины", Проблемы источниковедения, 1 (1933).

Тихомиров Б., Разинщина (Москва и Ленинград, 1930).

Тихомиров М.Н., Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы (Москва, 1962).

Тихомиров М.Н., "Новгородское восстание 1650 г.", ИЗ, 7 (1940), 91-114.

Тихомиров М.Н., Псковское восстание 1650 г. (Москва и Ленинград, 1935).

Тихомиров М.Н., Россия в XVI столетии (Москва, 1962).

Тихомиров М.Н., и П.П. Епифанов, Соборное Уложение 1649 года (Москва, 1961).

Тихомиров М.Н., и С.А. Никитин, Источниковедение истории СССР (Москва, 1940). 2 тт.

Тихомиров М.Н., и др., ред., У истоков русского книгопечатания (Москва, 1959).

Тиц А.А., Русское каменное жилое зодчество XVII века (Москва, 1966).

Толстой Юрий, Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553-1593 (С.-Петербург, 1875).

Три века, В.В. Каллаш, ред. (Москва, 1912-1913) 6 тт.

Трубецкой, князь Е.Н., Умозрение в красках. Три очерка о русской иконе (Париж, 1965).

Трубецкой, князь Н.С., К проблеме русского самопознания (Париж, 1927).
Трубецкой, князь Н.С., Наследие Чингисхана (Берлин, 1925).
Труворов А.Н., Ред., "Наказ Борису и Семену Пазухиным, 1669", РИБ, 15, часть VI.
Труды отдела древнерусской литературы (Академия Наук, Институт русской литературы) (Москва и Ленинград).

Ульяницкий В.А., "Сношения России со средней Азией и Индией в XVI - XVII вв.", Чтения, часть IV (1888).
Ульянов Н.И., "Феодальная колонизация и экономика Мурмана в XVII веке", Исторический сборник (Ленинград, 1934), 89-139.
Ульянов Н.И., "Комплекс Филофея", Новый Журнал, 45 (1956), 249-273.
Ульянов Н.И., Очерки истории народа коми-зырян (Москва и Ленинград, 1932).
Ульянов Н.И., Происхождение украинского сепаратизма (Нью-Йорк, 1966).
Ульянов Н.И., Разинщина (Харьков, 1931).
Ульянов Н.И., ""Тень" Грозного", Новый Журнал, 74 (1963), 227-251.
Успенский Н., Древнерусское певческое искусство (Москва, 1965).
Устрялов Н., ред., Сказания князя Курбского (2-е изд., С.-Петербург, 1842).
Устюгов Н.В., "Башкирское восстание 1662-1664 гг.", ИЗ, 24 (1947), 30-110.
Устюгов Н.В., "Эволюция приказного строя русского государства в XVII в.", Абсолютизм в России, сс.134-167.

Федоров И., Первопечатник Иван Федоров (Москва, 1935).
Федотов Г.П., Стихи Духовные (Париж, YMCA Press, 1935).
Федотов Г.П., Святой Филипп, митрополит Московский (Париж, YMCA Press, 1928).
Федотов Г.П., Святые Древней Руси (Париж, YMCA Press, 1931). (Переиздано: Нью-Йорк, Русский Православный Богословский фонд, 1960). Постраничные сноски приводятся по переизданию.
Фехнер М.В., Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке (Москва, 1956).
Финдейсен Н., Очерки по истории музыки в России, т.1 (Москва и Ленинград, 1928).
Флетчер Дж., О государстве Русском, пер. на русский язык (С.-Петербург, 1905).
Флоровский А.В., Чехи и восточные славяне (Прага, 1936-1947). 2 тт.
Флоровский Г., Пути русского богословия (Париж, 1937).
Форстен Г.В., Акты и письма к истории балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях (С.-Петербург, 1889-1893). 2 тт.
Форстен Г.В., Балтийский вопрос в в XVI и XVII столетиях (С.-Петербург, 1889-1894). 2 тт.
Форстен Г.В., "Сношения Швеции и России во второй половине XVII века", ЖМНП (1898), май-июнь.

Х., К., "Самойлович, Иван Самойлович", РБС, том "Сабанеев - Смыслов", сс.157-162.
Харламович К.В., Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века (Казань, 1898).
Хожение купца Федора Котова в Персию, А.А. Кузнецов, ред. (Москва, 1958).
Хрестоматия по истории СССР, 1 (4-е изд., Москва, 1951).
Хрущев И., Исследование о сочинениях Иосифа Санина (С.-Петербург, 1868).

Цвстаев Д., "Мария Владимировна и Магнус Датский", ЖМНП, 196 (1878), 57-85.
Цвстаев Д., Памятники истории протестантизма в России (Москва, 1883).
Цвстаев Д., Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований (Москва, 1890).

Часв Н.С., "К вопросу о сыскс и прикрсплснии крестьян в Московском государстве в конце XVI вска", ИЗ, 6 (1940), 149-166.
Чарыков Н.В., Посольство в Рим и служба в Москвс Павла Мснезия (С.-Пстсрбург, 1906).
Черепнин Л.В., "Зсмскис соборы и утвсрждснис абсолютизма в России", Абсолютизм в России, сс.92-133.
Черепнин Л.В., Образованис русского цснтрализованного государства в XIV - XV вскак (Москва, 1960).
Черепнин Л.В., Русская мстрология (Москва, 1944).
Черепнин Л.В., Русская палсография (Москва, 1956).
Чижевский Д., История украинской литсратуры (Нью-Йорк, Украинская Академия искусства и науки, 1956).
Чижевский Д., Нариси з истории философии на Украини (Прага, 1931).
Чижевский Д., "Новос в истории русской культуры", Новый Журнал, 82 (1966), 219-228.
Чистякова Е. См.: Галактионов А. и Е. Чистякова.
Чтсния. См.: Московский университст ... Чтсния.
Чулошников А., ред., Матсриалы по истории Башкирской АССР, 1 (Москва и Лсиинград, 1936).

Шаскольский И.П., Столбовский мир 1617 г. (Москва и Лснинград, 1964).
Шаскольский И.П., Шведская интсрвснция в Карслии в началс XVII вска (Пстрозаводск, 1950).
Шахматов М.В., "Государствснно-национальныс идси чиновиых книг вснчания на царство московских государсй", ЗРНИБ, 1 (1930), 245-278.
Шахматов М.В., "Исполнитсльная власть в Московской Руси", ЗНИОП, 1, № 5 (1935).
Шахматов М.В., "Купчис грамоты Московской Руси", ЗРНИБ, 3 (1931), 191-219.
Шахматов М.В., "Платон в Дрсвнсй Руси", ЗРИОП, 2 (1930), 49-70.
Шаховская Н.Д., "сыск посадских тяглсцов и закладчиков в цсрвой половинс XVII вска", ЖМНП, 53 (1914), 250-322.
Шсвальс П., История вийны козакив проти Польшчи. Перевод на украинский язык Ю.И. Назарснко (Киев, 1960). Сноски на украинский пересвод.
Шсрман И.Л., Русскис историчсскис источники X-XVIII вв. (Харьков, 1959).
Шсффср Н., Русская православная икона (Вашингтон, D.C., опубликовано автором, 1967).
Шлихтинг А., Новос извсстис о России врсмсн Ивана Грозного (Лснинград, 1934).
Шляпкин И.А., Св. Дмитрий Ростовский и сго врсмя (С.-Пстсрбург, 1891).
Шмсман А., Историчсский цуть православия (Нью-Йорк, Издатсльство Чсхова, 1954).
Шмидт С.О., "К истории соборов XVI в.", ИЗ, 76 (1965), 120-151.
Шмидт С.О., Ошиси царского архива и архива посольского приказа (Москва, 1960).
Шмурло Е.Ф., Курс русской истории, 2, Части I-II (Прага, 1933-1934).
Шмурло Е.Ф., Памятники культурных и дипломатических сношсний России с Итали-сй. См.: Памятиики...

Шмурло Е.Ф., Римская курия на православном востоке 1609-1654 (Прага, 1928).
Шмурло Е.Ф., ред., Россия и Италия (С.-Петербург и Ленинград, 1917-1927). 4 тт.
Шмурло Е.Ф., "Руская кандидатура на польский престол в 1667-1669 годах". Перепечатано из кн.: Сборник статей, посвященных П.Н.Милюкову (Прага, 1929), сс. 263-308.
Шпаков А.И., Учреждение патриаршества в России, 1. (Одесса, 1912). Приложения.
Шпилевский П., "Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году", ЖМНП, 68 (1850), 91-122.
Штаден Г., О Москве Ивана Грозного, перевод на русский язык И.И.Полосина (Ленинград, 1925).
Шунков В.И., Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII века (Москва и Ленинград, 1946).
Шушерин, Житие святейшего патриарха Никона (С.-Петербург, 1817).

Щапов А.П., Сочинения (С.-Петербург, 1906-1908). 2 тт.
Щебенков В.Г., Русско-китайские отношения в XVII в. (Москва, 1960).
Щепотьев Л., Ближний боярин А.С. Матвеев как культурный и политический деятель XVII века (С.-Петербург, 1906).
Щербачев Ю.Н., "Датский архив", Чтения, Часть I (1893).
Щербачев Ю.Н., "Русские акты Копенгагенского архива", РИБ, 16.

Эйгорн В., "О сношениях малороссийского духовенства с московским правительством при Алексее Михайловиче", Чтения (1893, II; 1894, III; 1898-1899; I-II).
Энциклопедический словарь (С.-Петербург, Брокгауз-Эфрон, 1890-1904). 41 тт., 82 полутома, отсылки к полутомам.

Юзов И., Русские диссиденты (С.-Петербург, 1881).
Юлдашев М.Ю., К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI-XVII веках (Ташкент, 1964).

Яковлев А.И., Засечная черта Московского государства в XVII веке (Москва, 1916).
Яковлев А.И., ред., Новгородские записные кабальные книги (Москва и Ленинград, 1938).
Яковлев А.И., ред., Памятники истории Смутного времени (Москва, 1909).
Яковлев А.И., Холопство и холопы в Московском государстве, 1 (Москва и Ленинград, 1943).
Яковлев М.А., Народное песнотворчество об атамане Стеньке Разине (Ленинград, 1924).
Яковлева П.Т., Первый русско-китайский договор 1689 г. (Москва, 1958).
Яковлив А., Договир гетьмана Богдана Хмельницького з московским царем Олексием Михайловичем 1654 р. (Нью-Йорк, Тышченко и Белоус, 1954).
Яковлив А., "Украинсько-Московски договоры в XVII-XVIII виках", ПУНИ, 19 (1934), 3-175.
Якубов К.И., "Россия и Швеция в первой половине XVII в.", Чтения, Часть III (1897), сс.1-240; Часть IV, (1897), сс.241-248; Часть I (1898), сс.289-494.
Ямщиков С., сост., Древнерусская живопись (Москва, 1965).
Янин В.Л., Я послал тебе бересту, Новгородские документы на бересте (Москва, 1965).

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ - Акты археографической экспедиции.
Абсолютизм в России - Абсолютизм в России (XVII - XVIII вв.).
АЕ - Археографический ежегодник.
АЗР - Акты западной России.
АИ - Акты исторические
Акты ЮЗР - Акты, относящиеся к истории южной и западной России.
Алексеев, Сибирь - Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей.
Андреев, Очерки - Очерки по источниковедению Сибири.
Андреев, "Об авторе приписок" - "Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного"
АНОРС - Академия наук, Отделение русского языка и словесности, Сборник.
Архив ЮЗР - Архив юго-западной России.
АЮЗР - Архив юго-западной России.

Багалей - Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства.
Багалей, Материалы - Материалы для истории колонизации и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний.
Барсков, ЛЗАК, 1911 - Памятники первых лет русского старообрядчества.
Барсков, Памятники - Памятники истории старообрядчества XVII в.
Бартольд, Книга Коркута - Книга моего деда Коркута.
Бахрушин - Научные труды.
Бахрушин, Очерки - Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.
Белокуров, "Грамота" - "Утвержденная грамота об избрании на Московское Государство М.Ф.Романова".
Белокуров, "Крижанич" - "Юрий Крижанич в России".
Белоруссия - Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов.
Берх, Алексей - Царствование царя Алексея Михайловича.
Берх, Михаил - Царствование царя Михаила Федоровича.
Богоявленский, "Материалы" - "Материалы по истории калмыков в первой половине".
Буссов - Московская хроника в 1584-1613 гг.
Быкадоров - Донское войско в борьбе за выход в море (1546-1646 гг.).

Вальденберг - Древнерусские учения о пределах царской власти.
Вальденберг, Крижанич - Государственные идеи Крижанича.
Введенский, Дом Строгановых - Дом Строгановых в XVI-XVII веках.
Введенский, Торговый дом - Торговый дом XVI-XVII веков.
Вельяминов-Зернов - Исследование о касимовских царях и царевичах.
Весловский, Иссл. опр. - Исследования по истории опричнины.
Владимирский-Буданов, Обзор - Обзор истории русского права.
Владимирский-Буданов, Хрестоматия - Хрестоматия по истории русского права.
Временник - Временник Общества истории и древностей российских.
ВУР - Воссоединение Украины с Россией.

Гейденштейн, Записки - Записки о Московской войне (1578-1582 гг.).
Герберштейн-Малеин - Герберштейн, Записки о московитских делах.
Гневушев - Акты времени правления царя Василия Шуйского.

Голобуцкий - Запорожское казачество.
Голубев - Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники.
Гордон, Дневник - Дневник генерала Патрика Гордона.
Готье, Акты земских соборов - Акты отношения к истории земских соборов.
Грабарь, I изд. - История русского искусства.
Грабарь, 2 изд. - История русского искусства.
Греков, "Из истории" - "Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской рады".
Греков, Крестьяне - Крестьяне на Руси.
Грушевский - История Украины-Руси.
Гудзий - История древней русской литературы.

ДАИ - Дополнения к актам историческим.
Данилов - "В.В.Голицын".
ДД - Донские дела.
ДДГ - Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков.
Димитрий Ростовский, Розыск - Розыск о раскольнической брыской вере.
ДМАО - Древности Московского археологического общества. Труды славянской комиссии.
Долгоруков, РРК - Российская родословная книга.
Дорошенко - Нарыс истории Украины.
ДР - Дворцовые разряды.
ДРВ - Древняя Российская Вивлиофика.

ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения.
ЖМЮС - Журнал Министерства Юстиции.

Зерцалов, "О мятежах" - "О мятежах в городе Москве и селе Коломенском в 1648, 1662 и 1671 гг.".
ЗНИОП - Записки научно-исследовательского объединения (Прага).
ЗНТШ - Записки наукового товарыства имени Шевченка.
ЗОРСА - Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества.
ЗРИОП - Записки русского исторического общества в Праге.
ЗРНИБ - Записки русского научного института в Белграде.
Зызыкин - Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи.

ИА - Исторический архив.
ИБС - История Белорусской ССР.
ИЗ - Исторические записки (Москва).
ИЛС - История Латвийской ССР.
Ильяшевич - История права поземельной собственности в России.
Ист. Ж - Исторический журнал (Москва).
Ист. КССР - История Казахской ССР.
ИУС - История Украинской ССР (1953 г. изд.).
ИУС-56 - История Украинской ССР (1956 г. изд.).

Калачов, Архив - Архив историко-юридических сведений, относящихся до России.

Карамзин - История государства Российского.
Карташев - Очерки по истории русской церкви.
Кириков, Изменения - Изменения животного мира в природных зонах СССР (XIII-XIX вв.).
Кириков, Промысловые животные - Промысловые животные, природная среда и человек.
Клибанов - Реформационные движения в России в XIV - первой половине XVI вв.
Ключевский - Сочинения.
КМН - Конаев, Манков, Носов, Очерки истории СССР.
Коионов - Родословная туркмен. Сочинение Абу-ль-Гази, хана Хивинского.
Костомаров, Русская история - Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей.
Костомаров, "Смутное время" - "Смутное время Московского государства в начале XVII столетия".
Костомаров, Собр. Соч. - Собрание сочинений.
Костомаров, Хмельницкий - Богдан Хмельницкий.
Косточкин, Федор Конь - Государев мастер Федор Конь.
Котов - Хождение купца Федора Котова в Персию.
Котошихии - О России в царствование Алексея Михайловича.
Крестьянская война - Крестьянская война под предводительством Степана Разина.
КРО - Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.
Кузин - История открытий рудных месторождений в России.
Кузьмина, Рыцарский роман - Рыцарский роман на Руси: Бова, Петр Златых Ключей.
Кушева - Народы северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв.
Кушева, "К истории холопства" - "К истории холопства в конце XVI-начале XVII веков".

ЛЗАК - Летопись занятий Археографической комиссии.
Лилеев - Симеон Бекбулатович.
Лихачев, Путешествия - Путешествия русских послов XVI-XVII веков.
Любомиров - Очерк истории Нижегородского ополчения.

Макарий - История русской церкви.
Максимович, "Первосоветник" - "Первосоветник Думы Боярской".
Манков, Развитие - Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века.
Манков, Цены - Цены и их движение в Русском государстве XVI века.
Масса - Краткое известие оМосковии в начале XVII в.
Материалы ТАССР - Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565-1568 и 1646 гг.
Мат. УТТ - Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Часть I.
Мельников - Полное собрание сочинений.
Миллер - История Сибири.
Милюков, Очерки - Очерки по истории русской культуры, 1930-1937 гг. изд.
Милюков, Очерки 1-1918 - Очерки по истории русской культуры, 1918 г. изд.

Неволин - Полное собрание сочинений.
Новосельский - Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века.
НТРНУП - Научные труды русского народного университета в Праге.

Окиншевич - Значне військове товариство в Украйни-Гетьманщыни XVII-XVIII ст.
ОЛДП - Общество любителей древней письменности. Памятники.
Олеарий 1870 - Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию.
Олеарий-Ловягин - Описание путешествия в Московию.
ООН - Известия Академии Наук, отделение общественных наук.

Павел Алепский, Путешествие - Путешествие Антиохийского патриарха Макария.
Памятники СРЛ - Памятники старинной русской литературы.
ПДП - Памятники древней письменности и искусства.
ПДС - Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными.
Пискаревский летописец - Пискаревский летописец, изд. Яковлева.
ПКДСРИ - Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией.
Платонов, Очерки смуты - Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.
Приселков - "Н.Ф.Каптерев".
ПРП - Памятники русского права.
ПСЗ - Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.
ПУНИ - Праци Украиньского наукового институту

"Разин" - Костомаров, "Бунт Стеньки Разина".
РАНИОН - Российская ассоциация научных институтов общественных наук. Институт истории.
РАОЗ - Русское археологическое общество. Записки.
РАОС - Русское археологическое общество в Югославии. Сборник
РАСЮ - Русское археологическое общество в Югославии. Юбилейный сборник.
РБС - Русский биографический словарь.
РГ-XVII - Русское государство в XVII веке. Сборник статей.
РИБ - Русская историческая библиотека.
РИЖ - Русский исторический журнал.
РИО - Русско-индийские отношения в XVII веке. Сборник документов.
РК - Книги разрядные.
РК 1598 - Разрядная книга 1475-1598 гг.
РМО - Русско-монгольские отношения, 1607-1636 гг.

Садиков, Очерки - Очерки по истории опричнины.
Сборник - Сборник Русского исторического общества.
Сборник Платонов 1911 - Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф.Платонову, 1911 г. изд.
Сборник Платонов 1922 - Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф.Платонову, 1922 г. изд.
Сборник Струве - Сборник статей, посвященных П.Б.Струве.
СГГД - Собрание государственных грамот и договоров.
Сергеевич - Древности русского права.
Сергеевич, Лекции - Лекции и исследования.

Середонин, "Наказ... Воротынскому" - "Наказ кн. М.И.Воротынскому и роспись полкам 1572 года".
Середонин, Сочинение Флетчера - Сочинение Джилса Флетчера как исторический источник.
Смирнов, Восстание - Восстание Болотникова 1606-1607 гг.
Смирнов, Политика - Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках.
СНОЛД - Сборник Новгородского общества любителей древности.
Соловьев - История России с древнейших времен.
СРИП - Сборник русского института в Праге.
Субботин - Дело патриарха Никона.
Субботин, Материалы - Материалы по истории раскола.
Сухотин, "К пересмотру" - "К пересмотру вопроса об опричнине".

Таубе - "Послание".
Тельберг, "Система" - "Система государственных преступлений в Уложении царя Алексея Михайловича".
Тихомиров, Разинщина - Разинщина.
Тихомиров, Уложение - Соборное Уложение 1649 г.
ТОДРЛ - Труды отдела древнерусской литературы.
Толстой, Россия и Англия - Первые сорок лет сношений между Россией и Англией.

Федотов, Святые - Святые Древней Руси.
Форстен - Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях.
Форстен, Акты и письма - Акты и письма к истории балтийскоговопроса в XVI и XVII столетиях.
Форстен, "Сношения" - "Сношения Швеции и России во второй половине XVII века".

Цветаев, Протестантство - Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования.

Чаев, "К вопросу о сыске и прикреплении" - "К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI века".
Чтения - Москва, Университет, Общество истории и Древностей. Чтения.

Шахматов, "Платон" - "Платон в древней Руси".
Шаскольский - Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века.
Шлихтинг - Новое известие о России времен Ивана Грозного.
Шмурло - Курс русской истории.
Штилевский - "Описание посольства Льва Сапеги в Москву в 1600 году".
Шунков - Очерки по истории колонизации Сибири в XVII - начале XVIII века.

ЭС - Энциклопедический словарь.

Яковлив - Договир гетьмана Богдана Хмельницького з московским царем Олексием Михайловичем 1654 р.
Якубов - "Россия и Швеция в первой половине XVII в.".

ПРИМЕЧАНИЕ: латинографичные сокращения отмечены в тексте оригинала.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Глава 1. ОСНОВАНИЕ РУССКОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
1. Ворота в Евразию: Россия и татары в XVI и XVII веках 7
2. Начало царства: первый период реформ 22
3. Кризис 1553 г. и второй период реформ 57
4. Ливонская война и опричнина 82
5. Последствия опричнины и конец Ливонской войны 125
6. Правление Бориса Годунова 161

Глава 2. СМУТНОЕ ВРЕМЯ, 1605-1618 гг.
1. Появление первого претендента 204
2. Правление Лжедмитрия I 208
3. Гражданская война, 1605-1609 гг. 214
4. Иностранная интервенция и национальное сопротивление (1609-1611 гг.) 225
5. . Победа национальной армии и избрание на царство Михаила Романова (1612-1613 гг.) 244
6. Борьба национального правительства за выживание (1613-1618 гг.) 253

Глава 3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ, 1619-1654 гг.
1. Сибирь 268
2. Внутренняя политика Москвы, 1619-1632 гг. 281
3. Россия, Польша и казаки (1619-1642 гг.) 297
4. Московская политика 1634-1648 гг. 337
5. Свод законов 1649 г. 360
6. Религиозное возрождение (1634-1652 гг.) 377

Глава 4. УКРАИНСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА И ОБЪЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С МОСКВОЙ (1648-1654 гг.)
1. Украина в 1640-х гг. ... 398
2. Переворот ("Революция") ... 402
3. Украина в 1649 г. ... 410
4. Политика Богдана Хмельницкого, 1650-1653 гг. ... 418
5. Переяславское объединение 1654 г. ... 431
6. Условия объединения Украины с Москвой ... 442

ПРИМЕЧАНИЯ ... 450
БИБЛИОГРАФИЯ ... 482
СОКРАЩЕНИЯ ... 504

КАРТЫ
1. Театр Ливонской войны ... 99
2. Украина между Польшей и Россией ... 413

Вернадский Г. В.

В35 Московское царство. Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой.— Тверь: ЛЕАН, Москва: АГРАФ, 2001. 512 с.

«Московское царство» — книга,завершающая «Историю России» Г. В. Вернадского. Автор повествует о событиях отечественной истории от эпохи царствования Ивана Грозного до Смутного времени и восхождении на престол и утверждении династии Романовых. На основе обширного круга источников, читатель знакомится с определяющими тенденциями экономической, социально-политической и культурной жизни России этого периода.

Отв. за выпуск *А.Московкин*
Научная редакция *П.Малыгин*
Литературная редакция *Т.Волкова*
Художник *А.Шепетов*
Компьютерный набор, верстка и корректура
издательство «РИП-Холдинг»

ИД № 03974 от 12.02.01 г.
Формат 84 × 108/32. Печать офсетная.
Гарнитура Петербург. Усл.-печ. л. 16. Тираж 1500 экз. Заказ № 1826.

Издательство «Аграф»
129344, Москва, Енисейская ул., 2

Отпечатано с готовых диапозитивов
ГИПП «Вятка» 610033, г. Киров, ул. Московская, 122